

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

1865.

АВГУСТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3-го августа 1865 года.

Въ типографіи Рюмина и К^о.

УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ И ВЫРОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО РОДА.

Едва-ли кто будетъ сомнѣваться, что, съ развитіемъ гігіены и большимъ примѣненіемъ ея правилъ къ общежитію, увеличивается благосостояніе народонаселенія. Каждая образованная нація очень хорошо понимаетъ это и старается примѣнять результаты науки къ народному здравію. Народъ и правительство хлопочутъ объ уничтоженіи міазмъ, о доброкачественности съѣстныхъ припасовъ, о здоровости жилищъ и пр. но, къ удивленію, такъ мало обращаютъ вниманія на корень народнаго здоровья—на *интену бракосочетанія*. Въ гражданскихъ уложеніяхъ относительно охраненія народнаго здоровья перечислены всѣ, даже мелочныя, возможности вреднаго вліянія на здоровье народонаселенія, а громадная масса гибельныхъ послѣдствій, которыя руются на рождающееся поколѣніе вслѣдствіе негигіеническаго бракосочетанія, оставлены безъ вниманія. Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе обращено заботы на домашнихъ животныхъ, чѣмъ на человѣка. Взгляните на коннозаводчиковъ, на сельскихъ хозяевъ; объ улучшеніи породъ рогатаго скота, овецъ, лошадей, собакъ, даже куръ, голубей и пр. существуютъ цѣлыя ученія, тратится столько вниманія и дѣйствительно цѣль достигается. Систематически взлелѣяныя породы животныхъ изумляютъ насъ своимъ совершенствомъ, между тѣмъ какъ человѣкъ, въ послѣдовательныхъ генераціяхъ, скорѣе размножаетъ болѣзни и физическую слабость, чѣмъ совершенствуется. Если мы и видимъ иногда въ нѣкоторыхъ націяхъ счастливую помѣсь, удачный подборъ супруговъ, обнаруживающійся физическимъ улучшеніемъ расы, то подобное благодѣтельное явленіе, такъ сказать, обновленіе человѣческой породы, является не какъ результатъ преднамѣренныхъ дѣйствій, не какъ плодъ науки, а совершенно случайно, вслѣдствіе счастливаго столкновенія разныхъ національностей, или разныхъ темпераментовъ и сложений, благопріятствующихъ улучшенію по-

роды. Между тѣмъ это улучшение вполне заслуживаетъ нашего попеченія, если не для того, чтобы стремиться къ размноженію и усовершенствованію изящныхъ формъ сложенія (что тоже вполне достойно нашего вниманія), то хотя въ силу старой латинской поговорки: *mens sana in corpore sano*. Историческій опытъ показываетъ намъ, какъ вырождаются и мельчаютъ физически и нравственно породы привилегированныхъ сословій, даже цѣлыхъ націй, и если бы не было обновленія націй со стороны другихъ слоевъ общества и помѣси съ другими національностями, то вырожденіе человѣческаго рода обнаруживалось бы еще рѣзче и быстрѣе. Но это обновленіе, какъ мы сказали, совершается почти всегда помимо человѣческаго произвола, такъ сказать, бессознательно, вслѣдствіе инстинктивнаго влеченія относительно отдѣльныхъ индивидуумовъ и вслѣдствіе политическихъ столкновеній и географическихъ условій — относительно цѣлыхъ націй. Между тѣмъ наука имѣетъ уже столько данныхъ, чтобы, примѣнивши ихъ къ жизни, болѣе или менѣе разчитывать на сознательное улучшение породы, устроявая браки не по одному безотчетному влеченію половъ, тѣмъ болѣе не изъ однихъ корыстныхъ видовъ, а болѣе или менѣе соображая данныя для воспроизведенія лучшаго потомства. Намъ скажутъ, что тѣ законы группировки половъ, которые выработала наука относительно животныхъ, не примѣнимы къ человѣку, не потому, чтобы они не могли повторяться въ человѣческой расѣ, а вслѣдствіе сложности соціальныхъ условій и иногда невозможности опредѣлить заблаговременно всѣхъ тѣхъ качествъ, какія требуются, съ гигиенической точки зрѣнія, для извѣстныхъ индивидуумовъ, вступающихъ въ бракъ. Это отчасти справедливо, но все таки не исключаетъ возможности примѣненія помянутыхъ законовъ къ человѣческому роду. Если между людьми, въ этомъ отношеніи, мы не можемъ дѣйствовать съ такою же отчетливостію, какъ на животныхъ, если не всегда можемъ по произволу создать себѣ потомство съ такими или другими физическими качествами, то все таки, зная напередъ условія для воспроизведенія этихъ качествъ, мы будемъ въ состояніи, при благопріятныхъ соціальныхъ обстоятельствахъ, примѣнить наше знаніе къ дѣлу и стало бы сознательно улучшить здоровье и красоту нашего потомства. Во всякомъ случаѣ будетъ больше пользы, если хоть кто нибудь воспользуется гигиеной брака, чѣмъ всѣ будутъ смотрѣть на процессъ воспроизведенія потомства, какъ на процессъ самый пустой, не требующій ни соображеній, ни вниманія, въ силу изрѣченія Грибоѣдова «чтобы имѣть дѣтей—кому ума не доставало!»

Если въ родѣ человѣческомъ примѣненіе правилъ гигиены брака до сихъ поръ было такъ ничтожно, то, мы увѣрены, что это зависѣло не отъ упорнаго нежеланія публики воспользоваться этими правилами, а съ одной стороны отъ трудности примѣненія этихъ правилъ, вслѣдствіе сложности соціальныхъ условій, а съ другой стороны отъ незнанія публики, потому что до сихъ поръ, по странной щекотливости, специалисты какъ будто стыдились популяризовать свою науку, держали ее, какъ алхимики, или средневѣковые монахи, въ заперти. Отъ этого публика, желавшая знать что нибудь о гигиенѣ брака, была угощаема пустыми книжонками,—произведеніями шарлатанства и спекуляціи. Что публика желала знать что нибудь объ этихъ существенныхъ вопросахъ жизни, видно изъ того, что помянутыя книжонки, не смотря на ничтожность ихъ содержанія, раскупались въ большомъ количествѣ, распространяя такимъ образомъ вмѣсто пользы предрасудки и невѣжество.

Бракъ съ фізіологической и гражданской точки зрѣнія имѣетъ цѣлю *воспроизведеніе потомства*. Стало быть, между другими условіями нормальнаго и счастливаго бракосочетанія, вопросъ о способности женщины къ зачатію и родамъ, равно какъ вопросъ о воспроизведеніи въ потомствѣ тѣхъ или другихъ родительскихъ качествъ, долженъ бы былъ являться на первомъ планѣ. Между тѣмъ въ жизни сплошь и рядомъ гораздо болѣе цѣнятся общественыя связи, положеніе, приданое невѣсты, чѣмъ физическія ея качества, тѣлосложеніе, порода. Даже въ томъ случаѣ, когда бракъ совершается *по любви*, стало быть болѣе или менѣе на основаніи физическихъ достоинствъ женщины, и тутъ, вслѣдствіе извращеннаго вкуса, нерѣдко за достоинство считаются физическіе недостатки. Кто не знаетъ, что еще такъ недавно молодыя дѣвушки съ такимъ пренебреженіемъ отзывались о цвѣтущемъ здоровьи и крѣпости сложенія, предпочитая этому блѣдный, безкровный видъ, находя грацію въ болѣзненной тонкости членовъ и слабости силъ. Этотъ странный вкусъ не поддерживался бы, если бы не находилъ сочувствія въ мужчинахъ, если бы «неземныя созданія» въ дѣйствительности не предпочитались здоровымъ и крѣпкимъ дѣвушкамъ. Этотъ фактъ показываетъ, что въ жизни на бракъ смотрятъ болѣею частію какъ на исключительно *личное удовольствіе*, не помышляя о цѣли брака—о потомствѣ. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы вопросъ о физическихъ и нравственныхъ качествахъ дѣтей былъ чуждъ родителямъ. Каждый изъ нихъ, въ силу эгоизма, и желаетъ и старается, чтобы дѣти его были по возможности и умны и красивы. Но, само собою разумѣется, что это стараніе можетъ

быть успѣшно только тогда, когда объ немъ заботятся не послѣ рожденія дѣтей, а до вступленія въ бракъ, такъ какъ физическая красота, здоровье, отчасти и нравственныя качества не столько зависятъ отъ воспитанія и ухода за новымъ индивидуумомъ, сколько отъ наслѣдственности. Поэтому неудачно сочетавшимся родителямъ нерѣдко приходится сѣтовать на то, что Богъ не наградилъ ихъ хорошими дѣтьми, не соображая того, что неудача воспроизведенія зависитъ не отъ судьбы, а отъ безтолково-вой женидбы.

Въ предстоящемъ очеркѣ мы намѣрены познакомить читателей съ общими условіями усовершенствованія и вырожденія человѣческаго типа, насколько позволить это сдѣлать новость предмета, до сихъ поръ неразработаннаго, можно сказать даже, нетрону-таго. Поэтому мы напередъ извиняемся передъ читателями, если они найдутъ здѣсь что либо недосказаннымъ, или гипотетическимъ. Это не таковой предметъ, въ которомъ прямо можно излагать законы, а по необходимости, сплошь и рядомъ, приходится только подмѣчать явленія, группировать ихъ и выводить то или другое заключеніе. Кромѣ того, самый предметъ показываетъ, что для полнаго и всесторонняго его изложенія потребовалось бы написать цѣ-лый томъ; поэтому для журнальной статьи мы по необходимости ограничились только *общими очерками*, не вдаваясь въ подробныя научныя разсужденія.

Прежде мы скажемъ 1) объ измѣняемости и совершенствованія человѣческаго типа вообще; 2) о наслѣдственности, какъ главной причинѣ измѣняемости и совершенствованія человѣка; 3) объ условіяхъ, содѣйствующихъ улучшенію породы (вкусъ и запросъ на извѣстныя качества, вліяніе внѣшнихъ жизненныхъ условій, раціональное бракосочетаніе и правильная половая жизнь и пр.). Потомъ будемъ говорить 4) о вырожденіи человѣческихъ породъ вообще и 5) объ условіяхъ, содѣйствующихъ этому вырожденію (кроссогенность и недостатокъ обновленія породы, неравенство браковъ, вліяніе пьянства, разврата, болѣзней, бѣдности, рабства и пр.).

I.

ИЗМѢНЯЕМОСТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАГО ТИПА.

Прежде чѣмъ мы будемъ говорить объ улучшеніи человѣческой породы путемъ естественнаго, или раціональнаго подбора родичей, необходимо показать, что анатомическія и физиологическія свойства

человѣка въ извѣстной степени измѣнчивы, подвижны, слѣдовательно, подъ вліяніемъ наслѣдственности и физическихъ условій окружающей среды, они *могутъ* или совершенствоваться, или ухудшаться.

Говоря объ измѣнчивости анатомическихъ свойствъ человѣка, мы должны высказать нашу мысль яснѣе, т. е. точнѣе опредѣлить предѣлы этой измѣнчивости. Этимъ мы хотимъ выразить, что анатомическія особенности, характеризующія каждую расу и націю могутъ утрачиваться, принимать другія формы. Изъ характеристическихъ признаковъ расъ и племенъ одни представляютъ больше подвижности, легче подчиняются вліянію измѣняющихся причинъ, другіе болѣе прочны, уступаютъ и сглаживаются мало по малу путемъ послѣдовательныхъ генерацій. Такъ напр. особенности типа, выражающіяся на мягкихъ частяхъ — цвѣтъ глазъ, волосъ и кожи, величина и форма рта и ушей, форма груди у женщинъ, количество жирной подкожной влѣтчатки и пр. составляютъ признаки непрочныя, легко измѣнчивыя путемъ ли наслѣдственности, или подъ вліяніемъ среды, въ которой обитаетъ человѣкъ. Другіе признаки, выражающіеся въ скелетѣ — величина и форма черепа, относительная (къ черепу) величина размѣровъ лица, форма, направление и степень развитія лицевыхъ костей и проч. — признаки, дающіе особенный складъ и выраженіе лицу и собственно характеризующіе каждую расу и націю — болѣе прочны и если измѣняются, то вслѣдствіе помѣси и крови ¹⁾ и большею частію не вдругъ, а сглаживаются постепенно, черезъ нѣсколько генерацій. Окончательные предѣлы этой измѣнчивости установить невозможно, такъ какъ въ этомъ отношеніи пришлось бы основываться только на предположеніяхъ. Для нашей цѣли достаточно показать, что племена и расы въ состояніи переходить одна въ другую, что форма скелета можетъ измѣняться, принимать другой типъ, обезображиваясь или совершенствуясь. Такимъ образомъ, не вдаваясь въ антропологическія пренія о происхожденіи человѣка, — мы за исходную точку прогрессивнаго развитія человѣческаго скелета можемъ принять тѣ первоначальныя формы его, о которыхъ мы имѣемъ понятіе по ископаемымъ остаткамъ человѣческихъ костей,

1) *Помѣсь крови* — выраженіе неправильное, такъ какъ при передачи анатомическихъ свойствъ отъ родителей къ дѣтямъ кровь въ собственномъ смыслѣ не играетъ никакой роли; но мы иногда будемъ употреблять это выраженіе въ смыслѣ смѣшенія расъ и племенъ, потому что оно общепринято и всѣмъ понятно. Въ такомъ же смыслѣ можно употреблять слова: *чистокровный*, *полукровный* и пр.

приписываемых самой отдаленной эпохѣ. (Нижняя челюсть и зубы, найденные въ 1863 г. близъ Муленъ-Кольена, въ бассейнѣ рѣки Сомы въ Пикардіи, человѣческіе черепа, найденные въ Швеціи и Даніи, Америкѣ и пр. принадлежащіе къ такъ называемому каменному вѣку). По найденнымъ остаткамъ самыхъ древнихъ череповъ, по чрезвычайно-косому направленію нижней челюсти можно заключить, что люди, которымъ принадлежали эти черепа, стояли на очень низкой степени тѣлеснаго развитія, какъ и нѣкоторые, нынѣ существующія, дикія племена. Люди каменнаго періода въ Швеціи и Даніи отличались короткою и круглою головою; въ Швеціи она была мала, подобно головѣ современныхъ Лапландцевъ. Многія головы необыкновенно вытянуты въ длину съ плоскимъ лбомъ и выдающимися впередъ челюстями. Скелетъ человѣка, открытый при прокладываніи желѣзной дороги между Монтре и Вильневома, въ восточномъ углу Женевского озера, и относимый также къ каменному періоду—имѣлъ также малый, очень круглый (короткій) и необыкновенно толстый черепъ. Сравнивая ископаемые остатки человѣка съ формою теперешнихъ обитателей тѣхъ же странъ, сопоставляя формы современныхъ дикихъ и полудикихъ народовъ съ формами народовъ цивилизованныхъ, мы убѣждаемся, какой громадный шагъ къ прогрессивному физическому развитію сдѣланъ человѣкомъ по настоящее время. Не вдаваясь въ вопросъ о происхожденіи расъ и племенъ человѣческихъ, мы оставляемъ за собой только тотъ историческій фактъ, что *форма человѣческаго тѣла совершенствовалась постепенно и совершенствуется*, не смотря даже на то, что до сихъ поръ человѣкомъ неупотреблено было для этого никакихъ усилій, никакихъ сознательныхъ дѣйствій, могущихъ ускорить и упрочить это усовершенствованіе. Что касается теперь до второй, будущей границы прогрессивнаго физическаго развитія человѣка, то само сабою разумѣется, опредѣлить эту границу теперь невозможно. Однакожъ, на основаніи существующихъ данныхъ прошедшаго, сравнивая громадный шагъ, сдѣланный развитіемъ формъ человѣческихъ отъ первыхъ ископаемыхъ остатковъ скелета до настоящаго времени, мы, кажется, не имѣемъ основанія предполагать, чтобы физическое совершенствованіе человѣка дошло теперь до своей послѣдней границы. Напротивъ, намъ кажется, что на основаніи предшествовавшаго хода развитія, можно допустить возможность извѣстной доли его и въ будущемъ. Безъ сомнѣнія это будетъ совершаться слишкомъ медленно, неуловимо для наблюденія, можетъ быть едва замѣтно для исторіи, но все таки, спустя тысячелѣтія мы можемъ ожидать человѣка въ новой лучшей формѣ,

чѣмъ въ настоящее время. Видимыя, такъ сказать осязательныя измѣненія формъ человѣческихъ, доступныя современному или историческому наблюденію, совершаются, какъ всегда, такъ и теперь по всему земному шару, въ формѣ измѣненія расъ и племенъ, въ переходъ изъ одна въ другую, въ выработку новыхъ типовъ изъ взаимнаго сочетанія существующихъ. Результатъ этого движенія въ отдѣльности можетъ быть, конечно, и прогрессивный и регрессивный, но общее, незамѣтное движеніе клонится все таки къ усовершенствованію человѣческой породы. Въ такомъ развитіи можно различить двѣ формы: одна, гдѣ менѣ развитыя племена, при сочетаніи (помѣси) съ племенами болѣе совершенными, заимствуютъ отъ нихъ лучшія качества и совершенствуютъ свой типъ — это такъ сказать *догоняющее движеніе*; другая форма, когда отъ взаимодѣйствія двухъ передовыхъ типовъ (относительно этой эпохи совершенныхъ) при благоприятствующей помѣси ихъ развиваются лучшія формы—это шагъ впередъ, прогрессивное движеніе развитія.

При опредѣленіи типическихъ формъ черепа обращается вниманіе на его абсолютную величину и емкость, на относительныя размѣры поперечниковъ, относительный объемъ лицевыхъ костей (въ особенности челюстей по сравненію съ костями черепа, на положеніе верхней и нижней челюсти — на сколько они отодвинуты назадъ и внизъ отъ передней части мозгового вмѣстителя, или выдвинуты впередъ и вверхъ. Далѣе обращается вниманіе на поперечныя размѣры лица, особенно размѣръ, проведенный чрезъ скуловыя кости, на степень округленія или заостренія черепной кровли, на мѣсто большей ея выпуклости, на сплющиваніе или выпячиваніе задней части черепа. Большая или меньшая ширина корня носа, длина, направленіе и образъ соединенія (плоскій или болѣе выпуклый носовой сводъ) носовыхъ костей, форма образуемыхъ ими носовыхъ отверстій, форма и глубина глазныхъ впадинъ, большее или меньшее развитіе (выдвиганіе) краевъ этихъ впадинъ, большее или меньшее развитіе скуловыхъ и челюстныхъ костей — даютъ выраженію лица тотъ или другой племенный типъ. Для краткости, при опредѣленіи формы черепа, въ наукѣ приняты особенныя названія, введенныя кажется *Ratziusомъ*. Такъ напр. круглыя черепа, у которыхъ наибольшая длина относится къ наибольшей ширинѣ приблизительно какъ 100 къ 80 (ширина никогда не превышаетъ длины правильно устроеннаго черепа) называются *брахицефалическими*, и люди съ такими черепами *брахицефалами*. Образчикомъ ихъ могутъ служить намъ Калмыки. Другіе черепа,

имѣющіе удлинненную форму, у которыхъ наибольшая длина относится къ наибольшей ширинѣ приблизительно какъ 100 къ 67, называются продолговатыми; а люди, имѣющіе такіе черепа, *долхоцефалами* (напр. негры). По направленію лицевыхъ костей—вытянуты ли онѣ внизъ, или выдаются впередъ, черепа называются въ первомъ случаѣ *ортотатными* (прямозубыми), а во второмъ *пронатными* (восьзубыми). Народы, населяющіе шаръ земной, раздѣляются антропологами на нѣсколько племенъ или расъ, и каждое племя на нѣсколько вѣтвей. Вотъ самое распространенное дѣленіе: *племя первое бѣлое или кавказское*. У людей, его составляющихъ, лицевой уголь имѣетъ почти 85°, овалъ головы правильнъ, лобъ широкъ и высокъ, зубы перпендикулярны къ челюстямъ, глаза прямые. Это племя всегда было и есть самое цивилизованное. Оно раздѣляется на три вѣтви: первая заключаетъ въ себѣ Ассиріянъ, Хаддеянъ, Арабовъ и Египтянъ; второе или *индѣйское* распадается по языку на четыре семейства: 1) *санскритское* (народы Индостана); 2) семейство *древнѣе пеласговъ*, откуда произошли Греки и Латины, а потомъ всѣ языки южной Европы; 3) *готское*, откуда произошли жители сѣверной Европы (Датчане, Англичане, Нѣмцы, Голландцы); 4) *славянское*. Третья вѣтвь *скифская* заключаетъ въ себѣ отдѣльные народы или небольшія племена обширныхъ степей Азіи.

Второе племя *монгольское*; люди, его составляющіе, имѣютъ широкое и плоское лицо, выдающіяся скулы, сплюснутый носъ и открытыя ноздри, глаза длинные и прорѣзанные косвенно, цвѣтъ кожи болѣе или менѣе оливковый, лицевой уголь отъ 75 до 80°. Въ этомъ племени различаютъ четыре вѣтви: 1) манджурскую, 2) китайскую, 3) гиперборейскую (ламанцы, эскимосы, самогиты и 4) вѣтвь корельскую.

Третье племя Красное или Американское. Отмѣты его: скулы менѣе выдавшіеся, чѣмъ въ монгольскомъ племени, лицо широкое, глаза большіе и чисто косвенные, кожа краснаго или мѣднаго цвѣта, волосы черные и плоскіе.

Четвертое племя черное или африканское. Оно отличается длиннымъ, въ верхней части суженнымъ и сморщеннымъ лицомъ, выдающимися челюстями, длинными и косвенными зубами, широкимъ и сплюснутымъ носомъ, толстыми губами, широкимъ ртомъ, короткими и курчавыми волосами. Лицевой уголь—70—75°. Это племя раздѣляется на слѣдующія вѣтви: 1) эфиопскую, 2) кафрскую, 3) готтентотскую, 4) папуальскую 5) таманьянскую (жители фанъ-дженовой земли) и 6) австралійскую (новая голландія). Многіе ученые раздѣляютъ человѣческія племена иначе, принимая ихъ то

больше, то меньше. Напѣ академикъ *К. Беръ* раздѣляетъ родъ человѣческій на 6 группъ, подраздѣляя каждую изъ нихъ на нѣсколько племенъ. (см. его сочиненіе: «Человѣкъ въ естественно-историческомъ отношеніи.» С. Петербургъ 1851). Для изученія національных особенностей многихъ европейскихъ племенъ, мы пользовались между прочимъ недавно опубликованными изслѣдованіями ихъ д-ра *Вейсбаха* (*Beiträge zur Kenntniss der chädelformen österreicherischer Völker. Zeitschr. d. k.k. geseschafter Aerste in Wien. Medic. jahrb. XX Jahrgang. 1 Bd. 1864 p. 49—127*). Въ этомъ сочиненіи описывается отличительная форма череповъ: у цыганъ, венгерцевъ, итальянцевъ, поляковъ, рутеновъ, словаковъ, богемцевъ (чеховъ), кроатовъ, и пр.

Теперь намъ остается еще привести нѣсколько данныхъ, которыя могли бы показать, что описанное движеніе въ физическомъ развитіи человѣка, въ извѣстной степени, существуетъ и въ нашу эпоху, передъ нашими глазами.

Вопросъ, что типъ человѣческихъ племенъ и націй можетъ измѣняться, не трудно рѣшить, не вдаваясь даже въ слишкомъ подробныя изысканія по этому предмету. По свидѣтельству *Тремо* (*Trémaux*) бѣлый типъ подъ вліяніемъ жаркаго климата можетъ переходить въ черный, и на оборотъ, въ умѣренныхъ и холодныхъ климатахъ черный типъ смягчается и даже черезъ нѣсколько генераций совершенно пропадаетъ. Вліяніе климата на цвѣтъ кожи и волосъ и на величину роста ясно для всякаго, кто сравнитъ анатомическій характеръ сѣверныхъ и южныхъ жителей. Но еще болѣе значительны измѣненія типа вслѣдствіе *помѣси*. Извѣстно, что всѣ племена, точно также какъ націи и фамиліи, могутъ смѣшиваться между собой и давать на потомство средней типъ. Результатъ такой племенной помѣси лучше всего замѣтенъ на неграхъ. Отъ негра и бѣлой женщины родится мулатъ съ темножелтымъ цвѣтомъ кожи и черными менѣе пушистыми волосами. Отъ мулата и бѣлой женщины родится картеронъ (4-е колѣно отъ соединенія чернаго племени съ бѣлымъ); съ муглымъ отгѣнкомъ, съ черными и длинными волосами и съ типомъ, значительно удаляющимся уже отъ африканскаго. Картеронъ съ бѣлою женщиною рождаетъ актавона (осьмое колѣно отъ соединенія чернаго племени съ бѣлымъ), менѣе смуглою и болѣе уже подходящаго къ бѣлому племени. Наконецъ актавонъ съ бѣлою женщиною рождаютъ уже дѣтей, совершенно смѣшивающихся съ кавказскою породою. Такое же количество поколѣній необходимо и для превращенія бѣлаго типа въ черный. Такимъ же порядкомъ происходитъ перерожденіе племени и при другихъ помѣсяхъ, напр. монгольскаго типа съ кавказскимъ и пр.

хотя вліяніе помѣси здѣсь не обнаруживается такъ рѣзко и отчетливо, какъ на черномъ типѣ. Плодъ помѣси различныхъ типовъ называется *метисомъ*. Метисы могутъ соединяться между собой и размножаться, хоти и говорятъ, что они менѣе плодородны. Такое смѣшеніе пародовъ, безъ сомнѣнія, происходило и происходитъ по всему земному шару, гдѣ только существовали народныя столкновенія. «Всѣ племена, говоритъ В. Ф. Эдвардсъ, которыхъ исторія намъ извѣстна, болѣе или менѣе испытали такія смѣшенія. Эта причина (измѣнчивости типа) тѣмъ сильнѣе что она дѣйствуетъ на внутреннюю организацію. Если бы эта причина дѣйствовала безпрепятственно, она можетъ быть, уничтожила бы всѣ племенныя различія» *). Если мы будемъ изучать европейское народонаселеніе съ этой точки зрѣнія, то убѣдится, что помѣсь націй происходила и происходитъ повсюду въ большей или меньшей степени, смотря потому, гдѣ болѣе происходило національныхъ столкновений. Сравнивая напр. типъ южныхъ славянъ съ славянами сѣверными (въ Россіи и Сибири), мы не можемъ не замѣтить значительной разницы между тѣми и другими. Всмотриваясь внимательнѣе въ типы русскихъ славянъ, особенно въ Сибири и сѣверной полосы Россіи, мы видимъ, что у насъ часто попадаются формы, составляющія видимый переходъ отъ монгольскаго племени. Монгольская форма черепа, округлая, плоская форма лица, съ выдавшимися скулами, широкій приплюснутый носъ, рѣдкая борода, узкіе глаза, бѣлокурые или желтоватые волосы—прямо указываютъ на результатъ помѣси съ монгольскими и финскими племенами.

Эта помѣсь встрѣчается гораздо чаще и рѣзче бросается въ глаза въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ обитаетъ болѣе инородцевъ, именно въ сѣверной и восточной полосѣ Россіи, а также въ приморскихъ и пограничныхъ городахъ. Я имѣлъ случай особенно наблюдать это въ вятской, пермской, отчасти тобольской и казанской губерніяхъ, равно какъ и въ окрестныхъ деревняхъ Петербурга и псковской губерніи. Переѣзжая Уралъ, каждый путешественникъ можетъ замѣтить, какъ славянорусскій типъ сибирскихъ жителей начинаетъ измѣняться и разнообразиться, отмѣчаясь финскими и татаро-калмыцкими признаками, а въ юговосточной Сибири, по свидѣтельству г. Щапова—монголо-бурятскими чертами, въ якутской области—равнымъ образомъ якутами. Г. Щаповъ говоритъ, что напр.

*) О физиологич. признакахъ человѣческихъ породъ и ихъ отношеніи къ исторіи. Письма В. Ф. Эдвардсона и А. Тьерри, перев. Грановскаго, (сочин. Грановскаго т. I, стр. 33. 1856 г.).

въ Иркутскѣ и его окрестностяхъ, изъ 10 природныхъ, туземныхъ, простонародныхъ жителей — 4 и даже 5 навѣрное имѣютъ бурятское обличье, брацковатую фізіономію. Особенно типично и выразительно выступаетъ этотъ монголо-бурятскій обликъ въ забайкальскомъ русскомъ народонаселеніи. Онъ господствуетъ тамъ не только въ казачествѣ, крестьянствѣ, купечествѣ и мѣщанствѣ, но и въ туземномъ духовенствѣ. Нерчинскіе духовные воспитанники въ иркутской семинаріи большею частію рѣзко отличаются своими бурятскими чертами отъ воспитанниковъ енисейскихъ. Въ Забайкальи монголо-бурятскій типъ напечатлѣвается даже на томъ русскомъ населеніи, которое образуется изъ обрусѣлыхъ тунгусовъ ¹⁾. Г. Усольцовъ такъ обрисовываетъ этотъ монголо-тунгуско-русскій обликъ жителей Зюльзы и другихъ селеній по долинѣ рѣки Нерчи. «Черные, жесткіе волосы, большею частію узкіе и нѣсколько вкось расположенные темно-каріе глаза; смуглый цвѣтъ лица, носъ немногo приплюснутый въ переносьи; едва замѣтно выдавшіяся скулы выказываютъ монгольское происхожденіе. Но высокій ростъ, стройный станъ, плотное сложеніе, мужество и сила, которые такъ рѣдко бываютъ въ тунгусахъ, говорятъ о смѣшеніи ихъ съ русскими. Въ женщинахъ эта смѣсь составляетъ особенную красоту ²⁾». Результатъ помѣси въ монголо-бурятской средѣ еще яснѣе можно видѣть въ селеніяхъ такъ называемыхъ ясапныхъ или осѣдлыхъ инородцевъ. Здѣсь явно образуются новыя оригинальныя разновидности русскаго народа, ни чисто русскія, ни чисто бурятскія. Въ фізіономіи, въ характерѣ и даже въ нравахъ ихъ, говоритъ Щаповъ, элементъ русскій и элементъ бурятскій соединяются въ своеобразный, оригинальный, этнографическій образъ, представляющій новую разновидность славяно-русскаго племени. Точно такія же наблюденія, въ большей или меньшей степени, можно сдѣлать и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, населенныхъ инородцами. Жители псковской губерніи и окрестныхъ петербургскихъ деревень, отличающіяся невысокимъ ростомъ, бѣлокурыми или изжелта бѣловатыми волосами, круглой небольшой головой, болѣе или менѣе плоскимъ лицомъ, вздернутымъ или перегнутымъ въ переносьи носомъ и флегматическимъ характеромъ, представляютъ помѣсь съ эстами и чухонцами. Въ казанской, вятской и пермской губерніяхъ путешественникъ нерѣдко встрѣчаетъ плоды помѣси съ татарами, вотяками, черемисами и дру-

¹⁾ Щаповъ. Историко-этнограф. организація рус. народонаселенія. „Рус. Слово.“ Ст. вторая, стр. 93.

²⁾ Вѣстн. Геогр. общ. т. XX отъ II стр. 117.

гими инородцами. Тоже самое въ приморскихъ, торговыхъ и пограничныхъ городахъ можно видѣть самую разнообразную помѣсь со всѣми пришельцами. Мы указали здѣсь на видоизмѣненіе и перерожденіе русскаго типа, совершающееся, можно сказать, передъ нашими глазами, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что половое сочетаніе племенъ, а слѣдовательно и помѣсь славянскаго типа происходила можетъ быть еще въ большей степени, въ самыя отдаленныя времена, однимъ словомъ съ тѣхъ поръ, когда славяно-русская нація начала вступать въ сношеніе съ сосѣдними, кочующими и осѣдлыми племенами. Примѣсь татарской крови къ чисто русскому народонаселенію, по всей вѣроятности, въ большихъ размѣрахъ произошла во время монгольскаго ига, когда политическое значеніе и физическая сила послѣднихъ господствовала надъ русскимъ элементомъ. Монголы оставили неизгладимую черту какъ на характерѣ, нравахъ, языкѣ, такъ и на внѣшнихъ анатомическихъ признакахъ, типѣ русскаго народа. Отъ этого мы до сихъ поръ видимъ почти во всей Россіи болѣе или менѣе смягченныя и измѣненныя татарскія черты не только между крестьянами, мѣщанами, купечествомъ и дворянскимъ сословіемъ (происходящимъ отъ татарскихъ родовъ), но очень часто и въ сословіи русскаго духовенства. Эта помѣсь обнаруживаетъ себя широкимъ и плоскимъ лицомъ, сильно развитыми скулами, широкимъ, приплюснутымъ носомъ, рѣдкой бородой, большими ушами, а иногда глазами, нѣсколько направленными внутрь. Эти признаки, совершенно не свойственны славянскому типу, встрѣчаясь въ сословіи дворянства и духовенства, служатъ доказательствомъ давности этой помѣси. Всѣ остальные сословія, не смотря на пренебреженіе къ нынѣшнимъ татарамъ, вслѣдствіе ли религиозныхъ предразсудковъ или неуваженія къ ихъ соціальному быту, могутъ еще вступать и дѣйствительно вступаютъ съ ними въ супружескія сношенія, производя такимъ образомъ въ потомствѣ смѣшанный типъ. Но дворянство и духовенство чрезвычайно рѣдко женились и женятся на инородцахъ, особенно на татаркахъ, пому въ нихъ признаки азіатской помѣси должны быть отнесены къ давнему времени.

Что упомянутый монголо или финно-славянскій типъ, такъ часто попадающійся въ Россіи и Сибири, не есть результатъ дѣйствія сѣвернаго климата видно изъ того, что рядомъ съ этимъ типомъ, при тѣхъ же условіяхъ среды, существуютъ, не измѣняясь, и типы чисто славянскіе. Съ другой стороны, какъ увидимъ ниже, климатъ, отражаясь на цвѣтѣ кожи и волосъ, едва ли имѣетъ большое влія-

ніе на форму костей черепа и лица—свойства чисто наследственныя, передаваемые потомству отъ родителей.

Такимъ образомъ, какъ русская жизнь сложилась и выработалась у насъ подъ вліяніемъ географическихъ условій, дружественныхъ и враждебныхъ столкновеній съ сосѣдами, — такъ и русскій типъ, или, лучше сказать, русскіе типы складывались и формировались мало по малу, подъ вліяніемъ тѣхъ же столкновеній и политическихъ переворотовъ. Варяги, половцы, хозары, финскія и монгольскія племена, греки, со введеніемъ христіанства, и пр. откладывали свои разнообразныя черты на русскомъ типѣ, измѣняя, осложняя и разнообразя его до безконечности. И по настоящее время мы не имѣемъ права сказать, что этотъ типъ сложился окончательно и упрочился; напротивъ, какъ типъ всякой расы и націи, онъ и прежде и теперь не имѣетъ ничего прочнаго и опредѣленнаго. Въ высшей степени подвижный и измѣнчивый, онъ измѣнялся и измѣняется теперь и будетъ измѣняться подъ вліяніемъ новыхъ столкновеній.

Всматриваясь въ сложившійся господствующій типъ русской націи, нельзя не замѣтить того неутраднаго явленія, что типъ этотъ складывался и выработывался у насъ подъ неблагоприятными условіями. Отъ этого русская нація въ физической красотѣ значительно отстала отъ другихъ (южныхъ) славянскихъ племенъ; въ теченіи вѣковъ она не только не усовершенствовалась, но, подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ помѣсей, утратила даже свои кровныя красивыя черты, свойственныя славянскому племени вообще. Только въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ сѣверо-восточной помѣси было меньше, остались еще болѣе или менѣе чистые славянскіе типы, какъ напр. въ нѣкоторыхъ внутреннихъ губерніяхъ Россіи, на Дону, въ Малороссіи, а отчасти между старообрядцами. Типы же жителей по окраинамъ нашего отечества болшею частію представляютъ *испорченный славянскій типъ*, неудовлетворяющій даже самому неприхотливому вкусу. Впрочемъ, съ другой стороны надобно замѣтить, что если мы, вслѣдствіе частыхъ помѣсей, много потеряли въ физической красотѣ, то можетъ быть на столько же выиграли въ физической и нравственной силѣ. Потому что чѣмъ чаще и болше обновляется племя, тѣмъ болше оно получаетъ задатковъ для будущаго, болѣе сильнаго и разнообразнаго развитія. Племя, представленное самому себѣ, кровь котораго не освѣжается и не подновляется, обыкновенно мельчаетъ физически и нравственно; чистый типъ рано или поздно вырождается. Помѣсь въ этомъ отношеніи дѣйствуетъ благотворно, но, конечно, было бы лучше, если бы

эта помѣсь и въ эстетическомъ отношеніи происходила бы въ нашу пользу, что мы и начинаемъ замѣчать въ послѣднее время. Теперь тамъ и сямъ, въ Россіи, встрѣчаются уже новые типы, образовавшіеся подъ другими условіями, при болѣе счастливомъ сочетаніи племенъ. Между массой обыкновенныхъ, или даже некрасивыхъ фizioномій вы встрѣчаете нерѣдко поразительную красоту, усовершенствованный южный типъ, перенесенный на нашу почву. Эти новые славяно-западные типы со временемъ будутъ встрѣчаться чаще и чаще, потому что, по складу современной исторіи, европейская помѣсь, естественно, у насъ будетъ превалировать надъ азіатской и испорченный русскій типъ мало по малу сдѣлаетъ шагъ впередъ къ усовершенствованію.

Въ настоящее время Россія, по своему географическому и этнологическому положенію, едва ли не болѣе, чѣмъ другая какая либо страна, представляетъ условій для измѣнчивости типа ея жителей. Эти условія заключаются въ обилии и разнообразіи племенъ, насѣляющихъ Россію, и въ болѣе распространенныхъ сношеніяхъ съ Европейцами. Такимъ образомъ типъ нашъ теперь благодѣтельно подновляется и измѣняется, какъ подъ влияніемъ внутренней помѣси (остзейцы, поляки, евреи, цыгане, кавказскія племена), такъ и наплывомъ иностранцевъ—нѣмцевъ, англичанъ, французовъ, итальянцевъ и пр. Это въ особенности ясно можно видѣть въ столицахъ, въ большихъ торговыхъ или портовыхъ городахъ, пограничныхъ мѣстностяхъ, или мѣстахъ съ смѣшаннымъ народонаселеніемъ, по берегамъ балтійскаго и чернаго моря. При такихъ разнообразныхъ столкновеніяхъ мы имѣемъ право предположить, что со временемъ типъ русской націи выработается гораздо совершеннѣе, такъ какъ нынѣ совершающаяся помѣсь даетъ лучшіе результаты, чѣмъ бывшая помѣсь съ татарами финнами. Можетъ ли это отразиться на умственномъ и нравственномъ развитіи народа—мы увидимъ ниже.

Кромѣ Россіи, безъ сомнѣнія племенная помѣсь происходитъ и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ только существуетъ смѣшеніе племенъ. Такъ напр. въ Австріи, составляющей политическую смѣсь нѣмцевъ, чеховъ, сербовъ, итальянцевъ, венгерцевъ, взаимная помѣсь всѣхъ этихъ разнохарактерныхъ племенъ должна была отразиться на типѣ ихъ. И дѣйствительно, въ Вѣнѣ результатъ такой помѣси рѣзко бросается въ глаза путешественнику. Ни въ одномъ городѣ нельзя встрѣтить столько разнообразной красоты, столько игривости въ сочетаніи разнообразныхъ, нерѣдко противоположныхъ физическихъ качествъ, какъ тамъ. Случаи помѣсей напр. итальянцевъ съ нѣмцами, чеховъ съ венгерцами и пр. даютъ по-

вому поколѣнію качества тѣхъ и другихъ, напр. блондинокъ съ черными бровями, глазами и рѣсницами, брюнетокъ съ голубыми глазами, бѣлокурыхъ нѣмцевъ съ итальянскимъ типомъ и пр.— словомъ помѣсь, удовлетворяющую самымъ изысканнымъ требованіямъ вкуса.

При взглядѣ на современный *венгерскій типъ* нельзя также не замѣтить въ немъ значительнаго уклоненія отъ прежняго монгольскаго типа. Я считаю лишнимъ много распространяться здѣсь о происхожденіи венгровъ или мадяровъ—это вопросъ исторіи. Скажу только, что во время пребыванія моего въ Пестѣ, я былъ пораженъ сходствомъ нѣкоторыхъ венгерцевъ съ нашими казанскими татарами. Тоже самое впечатлѣніе испыталъ я и многіе изъ моихъ товарищей—казанцевъ, при посѣщеніи аудиторій вѣнскаго университета, гдѣ было очень много студентовъ—мадяровъ. Судя потому, нѣтъ никакого сомнѣнія, что этотъ народъ—обломокъ гунновъ, есть выродокъ монгольскаго племени. Если мы вспомнимъ портретъ Аттилы, имѣвшаго широкую грудь, маленькіе глаза, *редкую бороду, сплюснутый носъ, смуглый цвѣтъ лица* (Демуленъ, Прискъ), и вообще описаніе наружности гунновъ (Юрнандъ), то убѣдимся еще болѣе, что часть нынѣшняго венгерскаго населенія, происходящая отъ нихъ, есть отрасль монгольская. Находясь въ другихъ условіяхъ, чѣмъ единоплеменники, окруженные со всѣхъ сторонъ славянскими и нѣмецкими народами, венгры, естественно потеряли значительное смѣшеніе съ ними, измѣнили свой родовой типъ.

Эту измѣнчивость мы не можемъ объяснить исключительно вліаніемъ климата. Оно обнаруживается, какъ мы видѣли, только на цвѣтѣ кожи и волосъ. И дѣйствительно, судя по описаніямъ, гунны были *смуглы*, а современные венгры не имѣютъ этого признака. Стало быть цвѣтъ ихъ измѣнился подъ вліаніемъ климата точно также, какъ онъ измѣнился у евреевъ, переселенныхъ на сѣверъ, или какъ бѣлый цвѣтъ кавказскаго племени, насѣлившаго Африку, (Египетъ) перешелъ въ бронзовый. Но съ другой стороны мы видимъ, что въ мадярахъ утрачены или переиѣшаны и многіе родовые монгольскіе признаки, выражающіяся въ скелетѣ, переиѣшаны такъ, что историки при взглядѣ на этотъ народъ, долго колебались, куда отнести его происхожденіе. Чистаго типа гунновъ теперь не существуетъ, а его можно узнать при большихъ или меньшихъ измѣненіяхъ въ помѣсяхъ, отъ него происходящихъ. Эта помѣсь совершалась очень давно и очень разнообразно. Народъ, который навелъ ужасъ на Европу въ IV-мъ столѣ-

тин, а въ V-мъ грозилъ ей совершеннымъ порабощеніемъ, по свидѣтельству историковъ, состоялъ изъ пестрой смѣси племенъ турко-монгольскаго и финскаго происхожденія. Ихъ смѣшеніе произошло у подножія Уральскихъ горъ, исконной родины финновъ, куда зашли племена, вытѣсненныя войною и другими, неизвѣстными причинами изъ жилищъ своихъ въ Средней Азіи. Кромѣ того гунны увлекли въ своемъ движеніи и славянъ; имя ихъ осталось во многихъ словянскихъ мѣстностяхъ, нѣбогда имъ подвластныхъ. Стало быть гунны представляли имя собирательное: гунны, въ собственномъ смыслѣ, были монголы, — мадьяры, по свидѣтельству Грановскаго, принадлежали къ финскому (чудскому) племени, которое составляло значительную часть гунскаго народа, или, правильнѣе сказать, ополченія. Изъ этого краткаго историческаго очерка можно понять, какое смѣшеніе и какое измѣненіе долженъ былъ претерпѣть монгольской типъ при самомъ первоначальномъ его водвореніи въ Венгрію. Это смѣшеніе продолжалось и въ теченіи всей послѣдующей исторіи Венгріи. Этимъ только и можно объяснить ту разнохарактерную смѣсь венгерскаго народонаселенія, отсутствіе чистаго типа въ этой странѣ до такой степени, что одни историки считаютъ родоначальниками венгровъ финскія племена, другіе — монгольскія, третьи — славянскія. Это послѣднее обстоятельство служитъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ нашей мысли о перерожденіи племени. Въ настоящее время венгерскій черепъ характеризуется слѣдующими признаками: верхнія челюсти сильно развиты, поэтому лицо приближается къ прогнатическому типу. Лобъ выгнутъ мало, затылокъ умѣренно, а середина черепа очень сильно. Лицо умѣренной длины, широко, особенно въ скуловыхъ костяхъ и верхнихъ челюстяхъ; въ нижней части оно суживается. Нижняя челюсть очень велика, верхняя широка, сильно выдается впередъ, дуги ихъ велики и длинны. Видъ черепа большею частію продолговато-овальный; лобъ низокъ и узокъ, лицо сравнительно съ черепомъ велико. Основаніе носа широкое; надбровныя дуги значительно выступаютъ; нижній край глазныхъ впадинъ большею частію очень толстъ и выгнутъ впереди; скуловыя кости толсты, виски умѣренно выпуклы; нижняя челюсть ерѣпка и толста, подбородокъ закругленъ, широкъ.

Точно также, смѣшанныя, переходныя формы можно наблюдать у чеховъ, преимущественно въ Прагѣ, гдѣ рѣзче выражаются слѣды помѣси съ нѣмцами; у сербовъ, кроатовъ — слѣды помѣси съ венгерцами и сѣверными итальянцами. На югѣ Франціи бросается въ глаза помѣсь съ испанцами, что придаетъ обитающимъ здѣсь фран-

цугамъ часто южный типъ, съ продолговатымъ лицомъ, черными, какъ смоль, волосами и черными глазами.

Изучая итальянскій типъ, мы прежде всего обратили вниманіе на разность теперешняго ихъ типа съ древне-римскимъ и на отличие сѣверныхъ итальянцевъ отъ южныхъ. Кто внимательно всматривался въ старыя картины, фрески, бюсты и статуи въ неаполитанскомъ музеѣ, римскихъ музеяхъ и преимущественно въ Ватиканѣ и Капитоліѣ, музеяхъ флорентійскихъ и пр.—особенно въ бюсты и статуи римскихъ императоровъ, греческихъ и римскихъ философовъ, тотъ могъ воскресить въ своемъ воображеніи, на основаніи этого праха древности, составляющаго предметъ поклоненія и восторга для путешественниковъ,—живой образъ древне-римскаго типа. Въ этомъ отношеніи особенно дороги бюсты первыхъ императоровъ (Августа, Тиверія, Германика, Клавдія, Нерона, Тита и проч.), потому что они происходили отъ древнихъ фамилій и не принадлежали, какъ многія изъ ихъ преемниковъ, къ чуждымъ племенамъ. Типъ ихъ большею частію рѣзко характеризуется слѣдующими чертами: вертикальный размѣръ головы коротокъ, вслѣдствіе этого лицо широко; верхушка черепа довольно плоская, нижній край челюсти почти горизонтальный, отъ этого очеркъ головы спереди подходит въ формѣ четырехугольника. Боковыя части головы выше ушей выпуклы, лобъ низокъ, носъ настоящій орлиный, т. е. горбъ начинается сверху и оканчивается, не доходя до конца. Передняя часть подбородка округлена. Этотъ типъ римлянина, рѣзко характеристичный, можно видѣть почти на всѣхъ бюстахъ, статуяхъ, барельефахъ и древнихъ картинахъ. Стало быть, это былъ типъ народный. Его не рѣдко можно встрѣтить и до сихъ поръ въ верхней Италіи и къ сѣверу отъ Рима. Въ Неаполѣ онъ исчезаетъ или покрайней мѣрѣ становится очень рѣдкимъ.

Всматриваясь въ портреты великихъ поэтовъ Италіи: Данта, Петрарки, Аріоста и Тасса, въ картины венеціанской школы, въ портреты Дожей, собранные въ бывшемъ дворцѣ ихъ и пр., невольно поражаешься лежащимъ на всѣхъ этихъ портретахъ отпечаткомъ одной породы. Но эта порода уже нѣсколько отличная отъ древне-римской; здѣсь голова представляется продолговатою, лобъ высокій и развитый, носъ загнутый концемъ къ низу съ вздернутыми ноздрями. Этотъ типъ можно и теперь наблюдать въ Тосканѣ, Болоньи, Феррарѣ, Падуѣ, Венеціи и Миланѣ. Онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ галламъ, потому его можно встрѣтить не только въ верхней Италіи, но и по ту сторону альповъ, въ Швейцаріи, около Женевы, и отчасти во Франціи (въ Бургундіи, Лионской области

Дофинэ и Савоин), что придает теперешнимъ французамъ нѣкоторое сходство съ сѣверными итальянцами. Сравнивая эти два типа т. е. чисто римскій и современный итальянскій, нельзя не придти къ тому заключенію, что типъ древнихъ римлянъ значительно отличался отъ нынѣшняго. Классическая римская красота въ настоящее время измѣнилась и приняла другія формы. Остатки ея, конечно, попадаются и теперь очень часто, но это ничто иное, какъ обломки стараго типа, перемѣшанныя и сгруппированныя иначе съ чертами пришлыми, какъ старыя римскія зданія, реставрированныя по новому стилю. Процессъ этого вырожденія римской націи совершался въ теченіи вѣковъ, подъ вліяніемъ историческихъ переворотовъ римской имперіи, при наплывѣ и смѣшеніи разнохарактерныхъ націй, путемъ замѣщенія, раздѣленія и видоизмѣненія анатомическихъ особенностей, вносимыхъ каждой націей въ котомство при помѣси крови.

Какъ результатъ этого вырожденія, мы видимъ и теперешнюю разницу между сѣверными и южными итальянцами. Красивыя формы встрѣчаются преимущественно въ сѣверной Италіи. Черепъ сѣвернаго итальянца въ настоящую эпоху характеризуется слѣдующимъ: онъ довольно широкъ, лицо сравнительно съ черепомъ мало, умѣренно длинно и скорѣе узко чѣмъ широко. Видъ черепа широко-овальный; лобъ широкъ и сильно выпуклый, виски сильно выгнуты, затылокъ широкъ и плоско округлый; надбровныя дуги не выдаются, отверстія глазныхъ впадинъ велики и продолговато-четыреугольны, нижній край ихъ тонко заостренъ; корень носа, равно какъ и носовыя кости узки; скуловые кости тонки. Видъ черепа спереди продолговато-овальный. Кромѣ этого красиваго склада черепа, сѣверный итальянецъ, обыкновенно, имѣетъ круглыя глаза, небольшой ротъ, прекрасныя зубы, большую окладистую, большую частію, черную бороду, стройный станъ, средній, рѣдко высокій ростъ при незначительномъ отложеніи пигмента въ кожѣ и достаточной жирной подстилкѣ. Каждый путешественникъ, вѣроятно, обратилъ вниманіе на массу выдающихся красавицъ и красавцевъ въ Венеціи, Веронѣ, Миланѣ, Туринѣ, Генуи и отчасти во Флоренціи и Римѣ, что особенно можетъ броситься въ глаза во время большихъ праздниковъ, карнавала, въ театрахъ, на общественныхъ гуляньяхъ при стеченіи массъ народа, когда можно сдѣлать оцѣнку красоты народонаселенія. — Совершенно особенный характеръ южно-итальянскаго типа можно наблюдать напр. въ Неаполѣ и его окрестностяхъ. Здѣшніе жители почти исключительно брюнеты, крѣпкъ кожи, большей частію, темно-матовый, черты лица болѣе продолговатыя чѣмъ

у сѣверныхъ итальянцевъ, носъ длинный, прямой или выгнутый, ротъ довольно большой, жирная подкожная клетчатка развита очень мало. Вообще южные итальянцы скорѣе походятъ на нынѣшнихъ грековъ или нашихъ цыганъ, а сѣверные болѣе приближаются къ типу галльскому или южно-славянскому. Нѣтъ сомнѣнія, что въ происхожденіи этихъ особенностей играло не мало-важную роль и дѣйствіе климата, но существеннымъ образомъ типъ измѣнился подъ вліяніемъ помѣси крови.

Всматриваясь въ польскій типъ, мы найдемъ въ немъ значительныя особенности, отличающія его отъ славяно-русскаго типа. Черепъ ихъ довольно великъ, коротокъ и очень широкъ, затылокъ плоскій, лобъ сильно выпуклый, средняя часть головы выгнута умѣренно; лицо сравнительно съ черепомъ довольно длинно, въ верхней части довольно широко, а книзу суживается; глаза впадины малы и мелки (оттого глаза на выкатѣ). Спереди голова кажется продолговато-овальной формы, съ высокимъ и широкимъ лбомъ; корень носа узокъ, носовыя кости довольно велики, при соединеніи своимъ образуютъ плоскій носъ, нижняя челюсть значительно развита, подбородокъ довольно узкій.—Выработкѣ польскаго типа содѣйствовала помѣсь съ сосѣдними племенами. Вслѣдствіе географическаго положенія и политическихъ судебъ этой страны, жители ея очень рано и очень часто начали сталкиваться съ окружающимъ ихъ нѣмецкимъ народонаселеніемъ, съ малороссами, эстонцами, пришлыми голландцами, французами и пр. и находящимися въ ихъ средѣ евреями. Такимъ образомъ, у поляковъ помѣсь съ европейцами произошла раньше, чѣмъ у русскихъ славянъ и она дала лучшіе результаты, чѣмъ помѣсь въ Россіи, происходившая въ прежнее время съ монгольскими и финскими племенами. Отъ этого польскій типъ выработался нѣсколько совершеннѣе, чѣмъ типъ русскій.

Эти примѣры, надѣюсь, достаточно доказываютъ, что племенной и національный типъ измѣнчивъ. Теперь остается указать на нѣсколько примѣровъ того, какимъ образомъ совершается это измѣненіе. Измѣненіе типа вслѣдствіе помѣси націй можетъ быть весьма разнообразно, что зависитъ отъ элементовъ, играющихъ роль въ этой помѣси. Кому не извѣстно вліяніе еврейскаго, армянскаго, или грузинскаго типа на типъ славянскій, и наоборотъ. Между обитателями Россіи эта помѣсь выдается рѣзче всего. Вліяніе упомянутыхъ племенъ на славянскія черты отражается не только въ дѣлѣ волосъ и глазъ, но и въ формѣ черепа. Этотъ послѣдній изъ брахцефалическаго (круглаго) мало по малу переходитъ въ

долихоцефалический (продолговатый), поперечники лица уменьшаются, изменяется форма и направление носовых костей, скулы и челюстей, так что в новом поколении большею частью выходит нечто среднее между еврейским или армянским и славянским типом, дающее более красивые формы. Сглаживание и улучшение формы, вследствие помеси, образуется большею частью не вдруг, а через несколько генераций, когда родоначальные типы, перемешиваясь, совершенно маскируются. Так напр. дѣти отъ еврея и славянки (если они въ отца) большею частью сохраняютъ еще еврейскій, не совсѣмъ пріятный типъ, но въ слѣдующемъ сочетаніи съ славянскимъ или германскимъ племенемъ, они производятъ уже поколеніе болѣе отдѣляющееся отъ еврейскаго типа, такъ что наконецъ въ 3-й и 4-й генерации рѣзкія еврейскія черты совершенно исчезаютъ, и такимъ образомъ выработывается типъ болѣе мягкій и болѣе красивый. Конечно, такое превращеніе можетъ происходить и быстрѣе, особенно если на рождающихся дѣтяхъ одновременно отражаются черты обоихъ родителей.—Всматриваясь въ русскихъ красивыхъ брэнетовъ и брэнетовъ съ продолговатымъ лицомъ, широкимъ лбомъ и прямымъ, тонкимъ носомъ, напоминающихъ собою итальянскій типъ, мы по возможности старались анализировать ихъ генеалогію. Большею частью оказывалось, что въ ряду ихъ родоначальниковъ, иногда за нѣсколько генераций, были пришлые элементы, именно еврейскій, армянскій, грузинскій или итальянскій. При видѣ такихъ субъектовъ можно, въ большинствѣ случаевъ, смѣло сказать, что въ произведеніи ихъ отъ славянскаго корня участвовали пришлыя націи, а иногда, при строгомъ наблюденіи, даже—какія именно. Признаки пришлой помеси сохраняются на поколеніи иногда очень долго, воспроизводятся въ послѣдующихъ генерацияхъ въ формѣ смѣшеннаго типа, если только они не будутъ парализованы болѣе сильнымъ вліяніемъ чистокровнаго родителя, вполне отразившаго на дѣтяхъ свои національныя черты. Такое возвращеніе къ чистому типу, впрочемъ, происходитъ сравнительно рѣже, чѣмъ продолженіе смѣшаннаго, такъ какъ большею частью, при продолжающихся помѣсяхъ, на рождающемся потомствѣ воспроизводятся одновременно, хотя и не всегда въ одинаковой степени, черты обоихъ родителей. Отъ этого, въ общей сложности, при смѣшеніи племенъ происходитъ мало по малу, при различныхъ колебаніяхъ, измененіе типа господствующаго племени. Напр. при долго продолжающемся смѣшеніи брахоцефаловъ съ долихоцефалами, ортогнатическихъ племенъ съ прогнатическими

ни въ общемъ итогѣ наконецъ будетъ средній типъ, въ которомъ характеристическія рѣзкія черты тѣхъ и другихъ утратятся.

При помѣси славянъ съ татарами, башкирами, калмыками образуется точно также смѣшанный типъ, въ которомъ славянскія черты будутъ носить отпечатокъ монгольскаго происхожденія. Въ этомъ случаѣ круглое славянское лицо не суживается и не удлиняется, какъ при только-что описанной помѣси, а напротивъ расширяется и дѣлается болѣе плоскимъ. Форма черепа, относительные размѣры лица, форма и степень развитія лицевыхъ костей (скуловныя и носовыя кости, верхняя и нижняя челюсти), форма и направление глазныхъ орбитъ теряютъ рѣзкую типичность той и другой расы, выражая собою нѣчто среднее, какъ бы переходную форму. Отъ этого между полукровными славянами, съ примѣсью монгольской крови, мы встрѣчаемъ типы, съ татарскимъ оттѣнкомъ, что особенно часто можно наблюдать на окраинахъ Россіи, напр. около Астрахани, въ Казанской, Оренбургской, Вятской и Пермской губерніяхъ и Сибири. Такіе смѣшанные типы, при дальнѣйшихъ генераціяхъ, производятъ подобное же поколѣніе, въ которомъ будутъ преобладать монгольскія или славянскія черты, смотря потому, какого вліянія было больше. Такъ какъ татарская помѣсь происходила у насъ, большею частью, очень давно, измѣнялась и перерождалась подъ вліяніемъ помѣсей съ другими инородцами, то на выродившихся типахъ иногда бываетъ уже трудно узнать слѣды ихъ первоначальнаго происхожденія, хотя все-таки переродившійся типъ будетъ отличенъ отъ типа чисто славяно-русскаго.

Этимъ смѣшеніемъ можно объяснить то, всѣмъ извѣстное, явленіе, что у насъ народонаселеніе почти всѣхъ губерній имѣетъ нѣчто особенное въ своей наружности. Сравните напр. ярославскихъ или московскихъ крестьянъ съ крестьянами Вятской, Нижегородской, Пермской, Петербургской, Псковской, Витебской губерній и пр. и вы увидите разницу ихъ такъ осязательно, что, при нѣкоторомъ навыкѣ, можно даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ приблизительно связать, къ какой губерніи принадлежитъ крестьянинъ. Чѣмъ меньше инородцевъ въ губерніи, тѣмъ славяно-русской типъ чище и наоборотъ. Этимъ же мы между прочимъ объясняемъ и общее отличіе русскаго типа (весьма впрочемъ разнообразнаго въ частностяхъ) отъ типа другихъ славянскихъ народовъ, напр. поляковъ, чеховъ, сербовъ и пр., выработавшихся подъ другими условіями, при другихъ помѣсяхъ, большею частью съ европейскими народами.

До сихъ поръ мы говорили о помѣси *націй*, теперь обратимъ вниманіе на помѣсь *фамилій*. Кому изъ путешествовавшихъ по Рос-

си не извѣстно, что въ нашемъ обширномъ отечествѣ встрѣчаются ограниченныя мѣстности, отдѣльныя села и деревни, на старыя славящіяся, какъ оазисы среди пустыни, красотой своихъ жителей. Такая молва большею частію идетъ не напрасно. Въ этихъ селахъ и деревняхъ вы дѣйствительно встрѣчаете народонаселеніе и стройнѣе и красивѣе, иногда съ совершенно особеннымъ оттѣнкомъ, чѣмъ въ смежныхъ мѣстностяхъ. Образчикомъ этому можетъ служить напр. наша Охта (которая славится красивыми женщинами), если мы сравнимъ ея жителей съ жителями другихъ окрестныхъ петербургскихъ деревень. Объяснить это не трудно, если мы вспомнимъ, что нѣкоторыя отдѣльныя мѣстности точно также славятся красотой и лучшимъ качествомъ животныхъ (надѣюсь это сравненіе, разъясняющее дѣло, не будетъ обидно для читателей). Такъ напр. кто не знаетъ про холмогорскихъ и тирольскихъ коровъ, про вятскихъ и шведскихъ лошадей, про романовскихъ или шленскихъ овецъ и пр. Эти животныя, разъ разведенныя отъ доброкачественныхъ родоначальниковъ и поселенныя въ извѣстной мѣстности, плодились здѣсь, сохраняя болѣе или менѣе свой первоначальный типъ даже при продолжающихся время отъ времени помѣсахъ съ туземными животными. Точно также объясненіе вышеприведеннаго факта исключительной красоты жителей нѣкоторыхъ мѣстностей мы должны искать въ счастливомъ происхожденіи этихъ жителей отъ красивыхъ и крѣпкихъ родоначальниковъ, или въ подновленіи семейныхъ породъ пришлыми, однокровными, но лучшими элементами. Такъ, на примѣръ, относительно Охты мы знаемъ, что жители ея произошли отъ переселенцевъ, разнаго рода вольныхъ людей, Новгородской, Тверской и Олонецкой губерній, выписанныхъ сюда при Петрѣ I-мъ въ числѣ трехъ сотенъ. Зная съ одной стороны, что жители Новгородской и Тверской губерній и прежде, и теперь отличаются стройнымъ и красивымъ сложеніемъ, а *вольная молодежь* ихъ, выбранная для переселенія, по всей вѣроятности, состояла изъ болѣе способныхъ къ работѣ, слѣдовательно болѣе рослыхъ и крѣпкихъ особъ;—съ другой стороны, предполагая, что вольные переселенцы, преимущественно старобрядцы, едва ли въ своемъ поколѣніи допускали помѣсъ съ окрестными (туземными) жителями Петербурга—мы поймемъ, отчего типъ охтянъ выработался чище и лучше, нежели у жителей окрестныхъ петербургскихъ деревень, гдѣ происходили и происходят помѣсы съ финскимъ племенемъ. Съ другой стороны, нельзя не допустить и таго предположенія, что охтянки, при своей свободѣ, въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Петербургомъ, кое-когда подновляли свой

родъ посторонними, но лучшими элементами разнообразнаго петербургскаго народонаселенія.

Относительно деревень, разбросанныхъ въ глубинѣ Россіи, большею частію можно сказать тоже самое, т. е. что красивые жители ихъ произошли отъ переселенцевъ изъ другихъ губерній, отличающихся лучшимъ типомъ жителей, или расплодились и усовершенствовались подъ вліяніемъ пришлыхъ и временныхъ обитателей. Въ ряду этихъ послѣднихъ нужно поставить на первомъ планѣ войска и фабричныхъ людей. Что долго продолжающіеся военные посты имѣютъ вліяніе на типъ новаго поколѣнія занимаемой ими мѣстности, въ этомъ внимательному наблюдателю убѣдиться легко. Рослые и бравые солдаты, особенно гвардейскихъ и лейб-гренадерскихъ полковъ, сплошь и рядомъ служатъ рассадниками рослаго и красиваго народонаселенія, незамѣтно сглаживаютъ фамиліные недостатки данной мѣстности, подновляютъ вырождающееся племя, точно также, какъ въ сельско-хозяйственномъ быту кровныя или полукровныя животныя (приводимыя съ заводовъ) поддерживаютъ и поправляютъ мельчающую расу деревенскаго скота. Мы слышали, что описанное вліяніе солдатъ было давно извѣстно помѣщикамъ и что нѣкоторые изъ нихъ, по экономическимъ расчетамъ, будто-бы желали въ своихъ деревняхъ военныхъ постоевъ, находя, что налоги отъ нихъ значительно вознаграждаются въ будущемъ приобрѣтеніемъ большаго количества живыхъ рабочихъ силъ. Какъ бы то ни было, но сравнивая народонаселеніе мѣстностей, гдѣ долго квартировали войска, съ народонаселеніемъ мѣстностей, гдѣ не было этихъ постоевъ, мы почти всегда найдемъ, что жители первыхъ превзойдутъ рослостью, силой и даже физической красотой.

И это будетъ еще понятнѣе когда мы разберемъ законы вырожденія и подновленія фамилій,—вліяніе помѣсы крови и отборно доброкачественныхъ племенныхъ расадниковъ на новое поколѣніе данной мѣстности. Кромѣ солдатъ, такую же роль могутъ играть, хоть и въ меньшей степени, и другіе пришлые и временные обитатели, какъ напр. рабочій, ремесленный людъ, приходящій на заработки изъ другихъ губерній, мелкіе торговцы (напр. вязниковцы, офени и пр.), фабричные и т. п. Вліяніе ихъ на типъ жителей данной мѣстности менѣе замѣтно, нежели отъ солдатъ, такъ какъ численность первыхъ несравненно менѣе, но оно все-таки есть.

Уральскіе, донскіе и малороссійскіе казаки славятся своимъ ростомъ и красотой. Типъ донской казачки имѣетъ въ себѣ нѣчто особенное (черные быстрые глаза, черныя брови, тонкій большаго частію прямой носъ, лицо бѣлое продолговатое, чѣмъ у другихъ

славяно-русскихъ женщинъ, стройный станъ и пр.), точно также, какъ и типъ казака, если его сравнивать съ великорусскимъ крестьяниномъ. Развитие такого типа будетъ понятно, если мы вспомнимъ исторію образования казачества. Даже прежде того, напр. во времена Владиміра, въ Кіевѣ и вообще въ южно-русской землѣ населеніе было болѣе смѣшанное, чѣмъ въ другой мѣстности: тутъ были и Греки, и Варяги, Шведы, Датчане, Поляки, Печенѣги, Нѣмцы, Жиды и Болгаре. Эта пестрота народонаселенія, при кокетствѣ, легкомысленности женщинъ и при развитомъ волокитствѣ мужчинъ, давала ежедневные поводы къ помѣсямъ. Не только Кіевъ, но и вся кіевская земля населена была такою смѣсью. Населеніе здѣсь увеличивалось не посредствомъ народнаго размноженія, а передвиженіемъ его изъ разныхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ странъ русской семьи. Поэтому на югъ Россіи, при наплывѣ разнообразнаго народонаселенія и постоянныхъ столкновеній съ разнохарактерными сосѣдними и пришлыми племенами, типъ южно-русскій могъ выработываться лучше. Богатыри Владиміра, даже женщины того времени, славилась высокимъ ростомъ, необыкновенной физической силой и удалью. Женскій полъ отличался красотой и кокетствомъ.

Въ послѣдствіи времени казачество на Днѣпрѣ, на Дону, еще болѣе выработало и усовершенствовало южный славянскій типъ. Эти древніе русскіе рыцари составляли наплывъ болѣе энергическаго народонаселенія изъ всѣхъ краевъ русскаго государства. Ряды казачества наполнялись людьми недовольными, тѣми, кто не уживался въ обществѣ, для кого не по натурѣ были его узы,— стало быть сравнительно людьми лучшими. Въ закладѣ донскаго казачества, равно какъ казачества по берегамъ Волги, Яика, Терека, лежала уже болѣе или менѣе выработанная малороссійская народность. При политической свободѣ и при частомъ обновленіи племени, естественно, типъ казаковъ усовершенствовался быстрѣе, чѣмъ типъ крестьянскаго народонаселенія.

Такимъ образомъ можно объяснить происхожденіе областныхъ и фамильныхъ особенностей типа и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ.

Вышеприведенные факты и разсужденія, надѣюсь, доказываютъ ясно, что типы человѣческіе измѣнчивы и переходчивы, что они существеннымъ образомъ подчиняются вліянію помѣсей и отчасти вліянію окружающей среды. Сознаніе этого служитъ краеугольнымъ камнемъ для дальнѣйшихъ нашихъ разсужденій. Теперь мы должны показать причины и условія измѣняемости типа, именно начать съ наслѣдственности, потому что безъ знанія законовъ ея

нельзя понять, какимъ путемъ родъ человѣческій совершенствуется или вырождается.

II.

НАСЛѢДСТВЕННОСТЬ, КАКЪ ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА ИЗМѢ- НЯЕМОСТИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНІЯ ЧЕЛОВѢКА.

Чтобы яснѣ представить процессъ вырожденія или усовершенствованія человѣческихъ породъ, необходимо ознакомиться съ общими физиологическими законами *наслѣдственности*.

Въ настоящее время, конечно, никто не будетъ сомнѣваться въ томъ фактѣ, что матеріальное, необходимое и существенное условіе развитія состоитъ въ сліяніи мужскаго элемента — *спямяннаго живчика* съ женскимъ элементомъ — *яичкомъ*. (!) Зародышъ есть продуктъ этого сліянія.

(!) Яички существуютъ въ яичникахъ со дня рожденія женщины, но жизнь какъ остается, такъ сказать, въ скрытомъ состояніи до тѣхъ поръ, пока не наступитъ періодъ половой зрѣлости, обнаруживающійся появленіемъ мѣсячныхъ очищеній. Въ это время яички начинаютъ сарваться и начинаютъ формироваться *Граафовы пузырьки*. Эти послѣдніе, названные по имени доктора Graaf, описавшаго ихъ въ первый разъ, суть ничто иное, какъ пузырьки, величиною съ небольшую вишню, наполненные полупрозрачною жидкостью, въ которой помещается женское яичко. Граафовъ пузырекъ не играетъ собственно никакой роли въ воспроизведеніи рода, и назначенъ только, какъ вспомогательный органъ, для выведенія яичка изъ центра яичника къ персееріи. При полной своей зрѣлости этотъ пузырекъ, выдвигающійся надъ поверхностію яичника, разрывается и изъ него, вмѣстѣ съ жидкостью, выступаетъ яичко, воспринимаемое тутъ же концомъ эаллоніевой трубы. Въ это время происходитъ и столкновеніе яичка съ сѣмянными живчиками. Разрывъ Граафова пузырька у женщинъ большою частію случается во время мѣсячныхъ очищеній, но, можетъ быть, и въ другое время.

Самое яичко представляетъ собой, невидимое простыми глазами, микроскопическое круглое тѣло, въ которомъ различаютъ, начиная снаружи, оболочку, желтокъ и въ средѣй желтка еще меньшій пузырекъ, наполненный полупрозрачною жидкостью, открытый анатомомъ Пуркинью въ яйцѣ птицъ и Крстономъ въ яйцѣ млекопитающихъ. Этотъ *пузырекъ Пуркинью* и составляетъ самую сущность женскаго яичка, изъ него собственно и происходитъ развитіе зародыша, тогда какъ желтокъ яичка играетъ роль питательнаго матеріала. Можетъ показаться странной громадная несообразность между женскимъ микроскопическимъ яичкомъ и яйцами птицъ, но нужно помнить, что яичко млекопитающихъ, тотчасъ послѣ своего оплодотворенія, соприкасается съ стѣнками половыхъ частей матери (эаллоніева труба, матка) и оттуда получаетъ питаніе, тогда какъ у птицъ зародышъ развивается въ яйцѣ до пол.

Какъ яйцо, такъ и сѣмянной живчикъ носить въ себѣ, подобно зерну растенія, скрытыя задатки всѣхъ индивидуальных особенностей того лица, которому они принадлежатъ. Какъ изъ макового зерна не разовьется колосъ, изъ куриного яйца не выйдетъ фазанъ, такъ и изъ сѣмяннаго живчика или яичка отъ лицъ кавказской расы не произойдетъ негръ или калмыкъ. Мало того, черезъ помянутыя элементы размноженія передаются и болѣе частныя, индивидуальные особенности—цвѣтъ волосъ и глазъ, очертаніе лица, свойства сложенія и пр., такъ что новый индивидуумъ получаетъ отпечатокъ родителей. На этомъ основано явленіе наследственности и сходство родителей съ дѣтьми.

Съ другой стороны, на процессъ возрастанія имѣетъ вліяніе среда, условія питанія, развитія, упражненія органовъ, такъ что

ной своей зрѣлости; слѣдовательно онъ долженъ имѣть здѣсь значительный запасъ питательнаго матеріала, необходимаго для развитія птчиного зародыша. Мышечное очищеніе у женщины, равно какъ и течка у животныхъ, есть ничто иное, какъ результатъ содрыванія и выхожденія яичекъ, стало быть это есть наружное проявленіе, фактъ половой зрѣлости и способности къ зачатію.

Самый существенный элементъ въ мужскомъ сѣмени представляютъ *сплмнныя жидкости* (сѣмянные нити, сперматозоиды). Если изслѣдовать сѣмянную жидкость подъ микроскопомъ, то въ ней замѣчается громадное количество этихъ живчиковъ, двигающихся съ большой энергіей въ различныхъ направленіяхъ. Каждый живчикъ состоитъ изъ тонкой нити, съ оливкообразнымъ или овальнымъ утолщеніемъ на одномъ концѣ (головка). Другой конецъ живчика, постепенно истончающійся, называется хвостикомъ. Живчикъ всегда двигается головкой впередъ, дѣлая довольно быстрыя колебанія хвостикомъ, въ родѣ того, какъ мы видимъ при плаваніи головастика или небольшихъ рыбокъ. Скорость движенія сперматозоидовъ сравниваютъ съ скоростью движенія змѣй. Движеніе сперматозоидовъ, а равно и оплодотворяющая ихъ способность быстро прекращаются отъ холода, дѣйствія кислотъ, раствора щелочей, опиума, стрихнина, желчи и катаральной слизи влагалища. Поэтому женщины, страдающія бѣлыми, забременѣваютъ съ трудомъ. Не смотря на самостоятельность, разнообразныя движенія сѣмяннаго живчика, его все-таки нельзя назвать животнымъ въ собственномъ смыслѣ, потому что въ немъ нѣтъ никакой внутренней организаціи, свойственной животному. Сѣмянные живчики у всѣхъ позвоночныхъ животныхъ составляютъ необходимый элементъ воспроизведенія. У зрѣлаго мужчины они существуютъ во всякое время, поэтому человѣкъ способенъ оплодотворять всегда, между тѣмъ какъ у животныхъ образованіе сѣмянныхъ живчиковъ происходитъ черезъ извѣстные сроки и только въ эти сроки животное обладаетъ оплодотворяющею способностію.

Мы сочли нужнымъ вкратцѣ разсказать объ элементахъ размноженія, безъ чего для читателей, неизучавшихъ этого предмета, дальнѣйшія наши указанія на свойство и роль этихъ элементовъ были бы не ясны.

унаследованные признаки могут получить чрез это то или другое направление, вследствие чего сходство дѣтей съ родителями может приближаться или отдаляться, особенно въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній.

Если признаки супруговъ, произведшихъ новый индивидуумъ, существенно различны, то на новой особи обыкновенно отражаются или признаки одного изъ родителей, преобладавашаго въ воспроизведеніи, или смѣсь признаковъ того и другого. Въ послѣднемъ случаѣ продуктъ не будетъ вполнѣ походить ни на одного изъ родителей, а представить нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ. Въ свою очередь эта новая личность, при своемъ собственномъ размноженіи, можетъ передавать по тѣмъ же законамъ или свои личные признаки всецѣло, или только признаки, унаследованные отъ одного изъ родителей, или тѣ и другія въ смѣси съ признаками того лица, съ которымъ оно вступило въ брачныя сношенія. На этомъ основано измѣненіе породы путемъ помѣси крови. Если новая особь, носившая въ себѣ сочетаніе признаковъ отца и матери, при своемъ размноженіи передаетъ признаки одного изъ своихъ родителей, тогда, путемъ усиленія этихъ признаковъ черезъ поколѣніе, является сходство внучатъ съ дѣдами. Такой *возвратъ къ родичамъ*, вѣроятно, можетъ случиться и черезъ нѣсколько генераций, если ослабленныя въ родителяхъ свойства снова усилятся въ потомкахъ, вследствие благоприятныхъ условій. Въ этомъ заключаются общія основанія наследственности. Почему въ одномъ случаѣ потомокъ получаетъ больше свойствъ отъ отца, чѣмъ отъ матери, въ другомъ наоборотъ—рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ здѣсь, кажется, должно играть нѣкоторую роль свойство живчика и яичка. Можетъ быть, сравнительно лучше развитый живчикъ или большее количество живчиковъ, проникнувшихъ въ одно менѣе развитое яичко обуславливаютъ преобладаніе отцовскаго вліянія. Противоположный случай, т. е. проникновеніе слабого живчика въ болѣе развитое и доброкачественное яичко даетъ мѣсто преимущественному проявленію въ зародышѣ свойствъ матери. Это предположеніе можно подтвердить тѣми фактами, что у крѣпкихъ, здоровыхъ и энергическихъ женщинъ, зачавшихъ вскорѣ послѣ мѣсячныхъ очищеній (преимущественно періодъ зрѣлости яичекъ) рожденные дѣти чаще походятъ на мать. Но повторяемъ, этотъ законъ сродства далеко еще не подмѣченъ и не опредѣленъ ни у человѣка, ни у животныхъ, и это служитъ существеннымъ препятствіемъ рациональному улучшенію породы. Световодамъ извѣстно, что одніе самки постоянно носятъ приплодъ въ себя, другія въ самцавъ, третьи смѣ-

шаннѣмъ образомъ или по-очередно. Если можно въ этомъ отношеніи руководиться какой нибудь идеей, то съ одной стороны *идеей зрѣлости и совершенного развитія живчиковъ и яичекъ, съ другой стороны консолидированностію, прочностію или устойчивостію расы или породы,* которая, обыкновенно, побѣждаетъ породу молодую и неупроченную.

Относительно живчика и яичка мы знаемъ, что они во время половой жизни не остаются въ одномъ и томъ же состояніи, а первые постоянно нарождаются, вторые созрѣваютъ и потомъ снова приходятъ въ увяданіе, исчезаютъ. Кромѣ того, мы знаемъ также, что общія разстройства организма, или мѣстныя болѣзни половыхъ органовъ имѣютъ большое вліяніе на свойство элементовъ размноженія. У людей больныхъ или слабыхъ, сѣмянные живчики оказываются вялыми, мало подвижными и мало развитыми, такъ что наконецъ они дѣлаются неспособными къ оплодотворенію. Это мы замѣчаемъ также у стариковъ и лицъ истощенныхъ, особенно злоупотребленіемъ половыхъ сношеній. Съ другой стороны, у людей крѣпкихъ, здоровыхъ и воздержныхъ, по виду и энергіи живчиковъ можно судить о болѣе совершенномъ ихъ развитіи. Оплодотворяющая способность такихъ людей обыкновенно бываетъ развита въ сильной степени, и новая особь, происходящая вслѣдствіе такого оплодотворенія, развивается лучше и правильнѣе. Тоже самое мы видимъ и на женскихъ яичкахъ. Процессъ оплодотворенія можетъ застать ихъ въ различныя эпохи развитія (вслѣдствіе преждевременнаго разрыва Граафова пузырька) и при различныхъ качествѣхъ. Поэтому яичко въ нѣкоторыхъ случаяхъ хотя и можетъ воспринять оплодотвореніе, но, по слабости своего развитія сравнительно съ сѣмяннымъ живчикомъ, оно будетъ оказывать меньше вліянія на структуру и отличительныя черты новаго индивидуума. Во всякомъ случаѣ нельзя отвергать, что отъ степени развитія, здоровья и энергіи элементовъ размноженія зависитъ большая или меньшая степень участія этихъ элементовъ въ формѣ и свойствахъ развитія плода. Стало бытъ есть основаніе допустить, что сходство дѣтей съ однимъ изъ родителей обуславливается преобладаніемъ силы элементовъ этого родителя. Поэтому у старыхъ, истощенныхъ или больныхъ мужей дѣти гораздо чаще походять на мать, чѣмъ на отца. Изъ вынесказаннаго можно вывести слѣдующее практическое примѣненіе: если женщина желаетъ, чтобы дѣти походили на нее, то больше шансовъ достигнуть этого въ томъ случаѣ, когда оплодотвореніе будетъ совершено вскорѣ послѣ мѣсячныхъ очищеній, когда больше можно рассчитывать на зрѣлость и болѣе совершенное развитіе яичка. Съ

другой стороны мужчина больше может рассчитывать на сходство съ своимъ поколѣніемъ тогда, когда тратѣ сѣмени у него происходила въ большіе промежутки времени, стало быть, когда сѣмянные нити успѣваютъ болѣе развиться. Ежедневное совокупленіе въ этомъ отношеніи будетъ служить не въ его пользу. Оналисты, люди страдающіе непроизвольнымъ истеченіемъ сѣмени, или злоупотребляющіе коловыми сношеніями, значительно ослабляютъ силу своихъ сѣмянныхъ живчиковъ, такъ что становятся или вовсе непроизводительными, или по крайней мѣрѣ мало удѣляютъ своего вліянія на развивающійся вслѣдствіе такого оплодотворенія плодъ.

Нѣкоторые читатели могутъ подумать: не слишкомъ ли мы ограничили причину сходства дѣтей съ родителями, приписывая это только сѣмянному живчику и женскому яичку? Казалось бы, что въ этомъ отношеніи со стороны матери надо было указать и на другое вліяніе—вліяніе почвы, на которой развивается утробный плодъ, вліяніе материнской крови. Но мы напомнимъ читателю, что кровь матери здѣсь играетъ роль только питательнаго матеріала, притомъ доступнаго зародышу не съ самаго начала беременности, а по истеченіи извѣстнаго времени, когда зачатки органовъ плода уже существуютъ. Мало того, даже самое яичко не все участвуетъ въ воспроизведеніи органовъ и формъ новаго индивидуума, а только извѣстная, самая незначительная его часть, именно зародышевый пузырекъ съ зародышевымъ пятнышкомъ. Остальная часть яичка тоже составляетъ только питательный матеріалъ. Это мы яснѣе увидимъ на куриномъ яйцѣ, въ желткѣ котораго каждый можетъ замѣтить сѣроватое пятнышко, съ горошину величиной. Въ этомъ-то пятнышкѣ и происходитъ начало и вся сущность жизни будущаго цыпленка; здѣсь, какъ и въ зернѣ, скрыты и сосредоточены всѣ готовыя уже отличительныя формы новаго животнаго, а вся масса желтка назначена для того только, чтобы дать средства на счетъ ея развиться этимъ формамъ. Стало быть и материнская почва, вмѣстѣ съ желткомъ яичка, не играетъ никакой роли въ воспроизведеніи признаковъ новой особи, а какъ земля для зерна растенія представляетъ только необходимую среду для развитія скрытыхъ въ существенныхъ элементахъ размноженія формъ и признаковъ. Поэтому вліяніе матери на форму и признаки плода совершенно равносильно вліянію отца. Другое дѣло здоровье, питаніе и развитіе плода, это зависитъ уже отъ матери, стало быть только въ этомъ отношеніи она и можетъ гордиться своимъ большимъ вліяніемъ.

На передачу фамиліальныхъ качествъ, какъ мы сказали, имѣетъ еще

влияніе *устойчивость и постоянство породы*. Подъ этимъ разумеется такое свойство, когда известная порода, черезъ рядъ поколѣній, приобретаетъ способность вѣрно передавать свои наследственные качества. Такую породу называютъ *окрыпшею, упроченною, консолидированною*. Степень упроченности находится въ обратномъ отношеніи съ помѣсю: чѣмъ дольше въ поволавніи не было помѣся съ другими племенами или расами, тѣмъ порода прочнѣе и тѣмъ вѣрнѣе она передаетъ свои качества потомству въ смѣшанныхъ бракахъ. Прочность породы не зависитъ отъ ея благородства или физическаго совершенства. Напротивъ, случается нерѣдко, что самая грубая порода, если только она долго оставалась въ чистотѣ, при помѣси противустоятъ породѣ выработанной, но неупроченной, новой. Такъ напр. если въ брачномъ сочетаніи одна половина, положимъ мать, происходитъ отъ финскаго племени и въ родствѣ ея не было помѣся съ другими племенами, положимъ въ 50-ти поколѣніяхъ, отецъ же представляетъ недавнюю жомѣсь напр. германославянскую, то порода матери въ этомъ случаѣ будетъ болѣе консолидированной, чѣмъ порода отца. Отъ этого понятно, если дѣти отъ такого брака будутъ больше походить на мать, чѣмъ на отца, не смотря на то, что отецъ былъ и красивѣе и индивидуальнѣе матери. Эту потомственно-возрастающую энергію племени или породы называютъ «закономъ генеративно-прогрессивнаго перевѣса крови или закономъ наследственнаго возрастанія и перевѣса ассимилирующей силы расы или племени». Порода или раса, прочно установившаяся въ своей организаціи, при помѣси съ другими отличающимися отъ нея породами или расами, менѣе устойчивыми, обыкновенно, удерживаетъ перевѣсъ, не уступаетъ имъ своего типа, а напротивъ поддерживаетъ и передаетъ свой собственный типъ. Отъ этого зависитъ непрочность и недолговѣчность убождень и новыхъ видовъ въ растительномъ и животномъ царствѣ. Отъ этого напр. наша шпенская овца (помѣсь малороссійскаго барана съ меринсомъ) не представляетъ таковой устойчивости, какъ ордниская, или обыкновенная овца, и при смѣшеніи съ туземными породами безъ правилъ предосторожности, скорѣе вырождается, чѣмъ ассимилируетъ послѣднихъ. Тоже случается съ холмогорскимъ рогатымъ скотомъ и другими искусственно разводимыми породами. Если предоставить ихъ самимъ себѣ, не придерживаясь никакихъ правилъ при случкѣ съ туземнымъ скотомъ, то вновь разведенная порода мало по малу сгладится, и не смотря на ея отличныя качества, будетъ поглощена туземной породой, болѣе грубой, но болѣе устойчивой.

Этотъ законъ *устойчивости или не устойчивости породъ* слу-

жить второю коренною причиною сходства дѣтей съ тѣмъ или другимъ изъ родителей. Относительно ассимилирующей силы различныхъ націй вообще, можно поставить ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: еврейская, армянская, грузинская, французская, гальская, англійская, германская, славяно-русская, татарская, финская. Славянский типъ, при смѣшеніи съ европейскими типами, большую часть уступаетъ ихъ влиянію, потому что въ немъ было больше въковыхъ помѣсей, больше пришлои крови, чѣмъ въ вышеперечисленныхъ европейскихъ націяхъ или въ русскихъ инородцахъ, сохранившихъ свой первобытный несмѣшанный типъ.

Итакъ мы знаемъ вообще, что у животныхъ и челоуѣка дѣти носятъ отпечатокъ произведшихъ ихъ родителей. Впрочемъ, въ челоуѣческомъ родѣ въ этомъ отношеніи мы встрѣчаемъ нерѣдко отступленія отъ общаго правила—видимъ, что дѣти совершенно не выходятъ ни на отца, ни на мать, представляя иногда черты близкихъ знакомыхъ (мужчинъ) или дальнихъ родственниковъ. На подобныхъ фактахъ и было когда-то основано ученіе о *заглядываніи* и передачѣ фамильныхъ признаковъ черезъ нѣсколько поколѣній. То и другое ученіе держалось очень долго и по настоящее время такъ упорно держится въ публикѣ, потому что оно представляетъ много успокоительнаго для мужей и законный щитъ для женъ въ тѣхъ случаяхъ, когда на дѣтяхъ ихъ обнаруживается совершенно чуждый типъ. Теорія заглядыванія для нѣкоторыхъ женщинъ имѣетъ тѣмъ болѣе доказательной силы, что основаніе ея кроется еще въ книгахъ священнаго писанія. Въ подтвержденіе этого ссылаются на исторію Иакова, жившаго у дяди своего Лавана, когда онъ будто бы подмѣтилъ этотъ законъ природы. Извѣстно, что по условіямъ, сдѣланнымъ между этими двумя лицами, пестрые овцы должны были принадлежать Иакову, а одноцвѣтныя Лавану. Съ цѣлію размноженія какъ можно болѣе пестрыхъ овецъ, Иаковъ началъ класть въ бассейны пестро-оструганныя палочки, на которыя овцы должны были смотреть во время водопоя и это отражалось на цвѣтѣ шерсти ихъ приплода. Этой уловкой Иакова, перехитрившаго Лавана, воспользовались впоследствии и жены, чтобы перехитрить мужей. Въ случаѣ, если родившійся ребенокъ ихъ носилъ черты казого-нибудь *ami de famille*—это объясняли заглядываніемъ, т. е. что беременная женщина часто смотрѣла на близкое лицо и отъ того черты его отразились на ребенкѣ. На основаніи той же теоріи, раздѣляемой когда-то врачами и физиологами, совѣтовали окружать беременныхъ женщинъ изящными предметами (красивыми картинами, цвѣтами, вообще комфортомъ), дѣлать имъ время

отъ времени пріятныя сюрпризы, поддерживать покойное и счастливое расположеніе духа и все это съ цѣлю пріобрѣсти болѣе красивое потомство. Съ другой стороны теоріей заглядыванія объясняли также и различныя уродства, или физическія недостатки на рождающихся дѣтяхъ, напр. соврожденныя болѣзни кожи, родимыя пятна, въ формѣ которыхъ искали изображеніе того животнаго, которымъ была напугана женщина во время беременности (большею частью мышь, крыса). Само собою разумѣется, что подобныя взгляды на происхожденіе красоты или безобразія дѣтей смѣло могутъ быть отнесены въ настоящее время къ разряду нелѣпныхъ басенъ, порожденныхъ и поддерживаемыхъ или невѣжествомъ, или хитростію, съ цѣлю заглядить супружескіе грѣхи и оплошности. Мы уже видѣли, что типъ рождающемуся потомству передается *исключительно* черезъ мужское сѣмя (сѣмянные живчики) или женское яичко, слѣдовательно этотъ типъ неизбѣжно долженъ носить отпечатокъ или отца, или матери, или обомъ вмѣстѣ, видоизмѣняясь такимъ образомъ вслѣдствіе новой группировки признаковъ и видоизмѣненій ихъ отъ такого сочетанія. Поэтому на родившемся ребенкѣ мы видимъ иногда всецѣло воспроизведенный типъ одного изъ родителей, или еще чаще, черты того и другого напр. глаза отца, брови и рѣсницы матери, и т. п. Форма этого сочетанія можетъ быть весьма разнообразна, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ до такой степени можетъ затемнить сходство, что ребенокъ представляется какъ бы съ новымъ типомъ. Точно также, какъ отъ смѣшенія двухъ красокъ образуется новый цвѣтъ и отъ смѣшенія двухъ фізіологическихъ элементовъ происходитъ новый типъ, который все-таки долженъ представлять собой не что другое, какъ результатъ этого смѣшенія. Законъ этотъ, такъ точно опредѣленный относительно красокъ, конечно, далеко не изслѣдованъ относительно происхожденія человѣческихъ типовъ, но все-таки въ общихъ чертахъ онъ извѣстенъ. Напр. блондинъ и блондинка не могутъ произвести кроваваго брюнета, супруги съ круглыми черепомъ и лицомъ (брахоцефалы) не могутъ дать типа съ продолговатымъ черепомъ и лицомъ (долихоцефала). Точно также, если мы видимъ на ребенкѣ напр. прямой и тонкій носъ, мелкія глазныя впадины (глаза на выкатѣ), тонкія и узкія скуловые восты, тонкій и острый подбородокъ и пр., тогда какъ у обомъ родителей эти черты совершенно противоположны, то, разумѣется, такой экземпляръ скорѣе заставитъ сомнѣваться въ дѣйствительности законнаго родителя, чѣмъ въ общихъ законахъ наследственности.

Тоже самое нужно сказать про тѣ случаи, когда на ребенкѣ

отражается какой нибудь рѣзкій національный типъ, напр. еврейскій, армянскій татарскій и пр., когда родители не принадлежатъ къ этимъ націямъ и въ своихъ чертахъ не имѣютъ съ ними ничего сходнаго. Впрочемъ, при кажущемся несходствѣ дѣтей съ родителями, достаточно иногда подмѣтить въ нихъ одинъ какой нибудь рѣзкій признакъ отца (напр. носъ, глаза, какую нибудь особенность сложенія и пр.), чтобы убѣдиться въ дѣйствительномъ ихъ происхожденіи отъ законнаго родителя, не смотря даже на рѣзкое несходство во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. На одномъ ребенкѣ *никогда не могутъ быть слѣды двухъ отцовъ*, такъ какъ зачатіе совершается непременно вслѣдствіе одного плодотворнаго совокупленія. Поэтому, если плодъ хотя одной чертой доказываетъ происхожденіе свое отъ законнаго отца, то всѣ другіе несходныя черты должны быть объяснены или смѣшеніемъ материнскихъ и отцовскихъ признаковъ, или наслѣдственностію черезъ одно или два поколѣнія.

Мы сказали, что смѣшеніе типовъ, какъ и смѣшеніе красокъ, имѣетъ свои законы и предѣлы, точнаго опредѣленія которыхъ нужно ожидать еще отъ будущихъ изслѣдованій. Теперь объ этомъ можно сказать одно, что основаніе этихъ законовъ т. е. перехода красокъ и формъ должно быть чисто физическое и механическое. Такъ, въ этомъ отношеніи для насъ очень понятно, если у блондина и блондинки ребенокъ будетъ имѣть русые волосы и каріе глаза, отъ широколицаго и длиннолицей родится плодъ съ овальнымъ лицомъ, отъ негра и бѣлаго родится мулатъ и пр. Словомъ при сочетаніи противоположныхъ или различныхъ качествъ являются черты переходныя, въ которыхъ рѣзкія особенности одного элемента сглаживаются на счетъ другого. На этомъ основано происхожденіе новыхъ типовъ и усовершенствованіе существующихъ. При этомъ мы должны еще упомянуть объ *усиленіи типа*, вслѣдствіе сочетанія двухъ однообразныхъ элементовъ. Такъ отъ русскихъ родителей могутъ родиться бѣлокурые дѣти, отъ двухъ брюнетовъ можетъ явиться еще болѣе окрашенный или даже рыжій типъ, причемъ на потомствѣ иногда являются и другія признаки этого типа, которыхъ не было на родителяхъ, напр. курчавость волосъ и т. п. Законы усиленія тоже не изслѣдованы въ точности, хотя существованіе ихъ несомнѣнно. Вообще законы усиленія и раздѣленія признаковъ на потомствѣ могутъ быть выражены математически: два однообразныхъ элемента дадутъ въ смѣшеніи или однородное произведеніе, или сумму взятыхъ качествъ; два разнообразныхъ элемента

производить раздѣленіе или математическую *разность* качествъ того и другаго, т. е. смѣшанный типъ.

Кромѣ теоріи заглядыванія, несходство дѣтей съ родителями часто объясняютъ *передачей признаковъ черезъ поколѣніе* (возвратъ къ родичамъ). Если ребенокъ не похожъ ни на отца, ни на мать, то для объясненія дѣла и нравственнаго успокоенія обыкновенно говорятъ, что онъ вышелъ въ бабушку, прабабушку, дѣдушку, тетку и т. п. Такое толкованіе не противорѣчитъ научнымъ наблюденіямъ, хотя нужно сознаться, что имъ въ жизни злоупотребляютъ довольно часто, произвольно расширяя предѣлы помянутаго закона и давая необузданную волю воображенію, при отыскиваніи сходственныхъ признаковъ. Поэтому мы считаемъ нужнымъ нѣсколько распространиться здѣсь объ этотъ предметъ.

Передача признаковъ не непосредственно отъ родителей къ дѣтямъ, а скачками, черезъ одно или два поколѣнія составляетъ весьма интересный физиологическій фактъ, но фактъ еще мало изслѣдованный. Рѣзкимъ, неопровержимымъ доказательствомъ этому могли бы служить тѣ случаи, когда, такимъ образомъ, передаются въ потомство различныя патологическія неправильности сложенія и наслѣдственныя болѣзни, которыя гораздо легче отличить и легче прослѣдить порядокъ ихъ происхожденія, нежели сходство въ анатомическихъ чертахъ (на основаніи послѣднихъ можно судить только приблизительно, съ большимъ или меньшимъ вѣроятіемъ). Дѣйствительно, случаевъ такой передачи въ медицинской литературѣ можно отыскать нѣсколько. Такъ напр. случалось наблюдать передачу черезъ поколѣніе наслѣдственнаго помѣшательства, порочнаго развитія конечностей (короткія руки, излишніе или сросшіеся пальцы и пр.).

Долгъ справедливости однакоже требуетъ замѣтить, что подобные случаи гораздо чаще встрѣчались въ старой литературѣ, чѣмъ въ современной. Оттого такіе факты необходимо принимать съ крайней осмотрительностію, имѣя въ виду, что пороки развитія и болѣзни могли повторяться въ различныхъ поколѣніяхъ потомства вслѣдствіе случайныхъ причинъ, независимо отъ наслѣдственности. Совсѣмъ другое дѣло непосредственная наслѣдственность этихъ недостатковъ отъ родителей къ дѣтямъ. Эти факты встрѣчались и встрѣчаются теперь въ значительномъ количествѣ и ихъ легко объяснить порочнымъ развитіемъ сѣмянныхъ нитей или женскаго яичка, изъ которыхъ развивается новый индивидуумъ. Гораздо труднѣе для объясненія тѣ случаи, гдѣ отъ порочно-развитаго отца родится совершенно здоровый сынъ и внукъ съ дѣдовскими

недостатками. Здѣсь нужно допустить странную гипотезу, что ненормальныя качества сѣмени дѣда произвели свое вліяніе не на развитіе перваго поколѣнія, а только на сѣмя того поколѣнія, отъ котораго развились уродливые внуки. Такая гипотеза была бы слишкомъ смѣла и произвольна, потому она можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда будущія, болѣе точныя, наблюденія дѣйствительно покажутъ несомнѣнность вышеприведенныхъ фактовъ передачи патологическихъ недостатковъ черезъ поколѣніе.

Подобная передача анатомическихъ и физиологическихъ качествъ болѣе возможна и дѣйствительно случается, но она должна быть объяснена иначе. Скачковъ, въ собственномъ смыслѣ, здѣсь большею частію не бываетъ, а происходитъ только усиленное развитіе на 2-мъ или 3-мъ поколѣніи тѣхъ признаковъ дѣда или бабки, которые на первомъ поколѣніи были выражены неясно, маскированы, но тѣмъ не менѣе существовали. Слѣдовательно, въ строгомъ смыслѣ здѣсь происходитъ только непосредственное продолженіе семейныхъ признаковъ, съ постепеннымъ затемненіемъ и оживленіемъ ихъ, но не передача черезъ поколѣніе. Въ этомъ отношеніи мы сдѣлали нѣсколько довольно точныхъ наблюденій, которыя еще болѣе утвердили насъ въ высказанномъ мнѣніи. Приведемъ одно изъ нихъ. Прабабка А. отличалась красивымъ сложеніемъ, имѣла голубые глаза, черныя рѣсницы и брови, русые волосы, высокій лобъ, овальное лицо, тонкую нижнюю челюсть и небольшой ротъ. Бабка В., дочь первой, болѣе или менѣе воспроизвела на себѣ черты матери, хотя онѣ были уже отчасти маскированы чертами отца. Мать С. была тоже очень красива, но вслѣдствіе вліянія мужскаго элемента черты ея еще болѣе отличались отъ прабабки А. и бабки В., хотя это отличіе выражалось не столько въ формѣ черепа и лица, а въ цвѣтѣ глазъ и волосъ. Тѣ и другіе были значительно пигментированы. Мужъ С. былъ блондинъ. Одинъ изъ дѣтей этой четы наследовалъ отъ матери цвѣтъ глазъ и волосъ, которыя впрочемъ утратили часть пигмента вслѣдствіе отцовскаго вліянія (темнорусые волосы, каріе глаза). Одна дочь родилась съ голубыми глазами, черными бровями и рѣсницами и естественно при взглядѣ на нее всё говорили, что она родилась въ прабабушку. Дѣйствительно, сходство было значительное, тѣ же черты лица и таже окраска волосъ и глазъ. Но при всемъ этомъ сходствѣ здѣсь не было передачи признаковъ черезъ 2 поколѣнія. Форма черепа и лица у правнучки была семейная, повторявшаяся въ большей или меньшей степени во всѣхъ поколѣніяхъ, стало быть, нѣтъ ничего удивительнаго, что она похожа была на форму прабабушки. Что касается до совпа-

денія цвѣта глазъ, бровей и рѣсницъ, то оно произошло случайно, вслѣдствіе вновь образовавшагося сочетанія признаковъ матери (брюнетки) и отца (блондина). Подобнымъ образомъ можно объяснить большую часть случаевъ, гдѣ внуки оказываются дѣйствительно похожими на бабокъ, дѣдовъ и прадѣдовъ. Это сходство основывается на случайномъ совпаденіи группировки признаковъ (на мягкихъ частяхъ лица) при фамиліномъ (послѣдовательно-наслѣдственномъ) однообразіи въ основныхъ частяхъ скелета (особенно черепа и лица). Само собою разумѣется, что не во всѣхъ случаяхъ воспроизведеніе типа можно прослѣдить съ такою точностію. Бываетъ очень часто, что промежуточные поколѣнія, вслѣдствіе вліянія другого, вступившаго въ фамилію, элемента, равно какъ отъ образа жизни и вліянія среды, до такой степени маскируютъ свои родовыя черты, что фамиліальный типъ ихъ совершенно затемняется, отъ чего, при вновь обнаружившемся сходствѣ послѣдующихъ поколѣній съ прадѣдами, нить непосредственной наслѣдственности совершенно теряется.

Объясняя такимъ образомъ сходство внучекъ и правнучекъ съ дѣдами и прадѣдами, мы не отвергаемъ совершенно возможности передачи признаковъ черезъ поколѣніе, т. е. при полномъ отсутствіи этихъ признаковъ въ промежуточныхъ поколѣніяхъ. Можетъ быть, это и случается, но все таки приведенный нами способъ передачи (непосредственной) долженъ встрѣчаться гораздо чаще. Во всякомъ случаѣ передача признаковъ черезъ поколѣніе должна быть непременно по прямой линіи, а не отъ побочнаго и не изъ духовнаго родства. Этимъ путемъ непосредственной или посредственной передачи анатомическихъ и фізіологическихъ свойствъ отъ родителей къ дѣтямъ сохраняются, въ теченіи извѣстнаго времени, фамиліальныя особенности или фамиліальный типъ, равно какъ и типъ цѣлой націи. Рано или поздно однакожь этотъ типъ маскируется и совершенно измѣняется или вслѣдствіе преобладающаго вліянія новыхъ, пришлыхъ элементовъ, или вслѣдствіе обмѣлчанія, вырожденія, при недостаткѣ подновленія крови.

При вопросѣ о наслѣдственности, мы кстати коснемся *образованія половъ*. Причины происхожденія половъ доискивались съ давнихъ временъ, придумывали на счетъ этого и странныя, и болѣе или менѣе правдоподобныя гипотезы, но все это до сихъ поръ имѣетъ весьма шаткія основанія. Въ прежнія времена (Гиппократъ) приписывали разность половъ разности яичекъ или яичниковъ, изъ которыхъ произошло оплодотворившее сѣмя, или оплодотворенное яичко. Такъ, на примѣръ, по этой теоріи яичко, вышедшее изъ праваго

ячничка, давало при оплодотвореніи мальчика, изъ лѣваго ячничка—дѣвочку.

Но эта гипотеза пала сама собой, когда накопившіеся факты показали наблюдателямъ, что женщины съ однимъ ячничкомъ (при уничтоженіи другого вслѣдствіе болѣзни или операціи) рождали одинаково и мальчиковъ и дѣвочекъ, тоже самое и мужчины съ однимъ ячничкомъ производили дѣтей обоихъ половъ.

Аристотель далъ намекъ на другую причину разности половъ, имѣнно на *разность возраста родителей*. На эту идею обратили особенное вниманіе позднѣйшія изслѣдователи и на основаніи ея создали цѣлыя теоріи и старались вывести точные законы о происхожденіи половъ. Такъ напримѣръ *Жиру*, изслѣдовавшій этотъ вопросъ на баранахъ, говоритъ, что «поль продукта болѣе или менѣе зависитъ отъ относительной силы спаривающихся особей. Продуктъ стараго отца и молодой матери тѣмъ менѣе походитъ на отца, чѣмъ дряхлѣе онъ и чѣмъ сильнѣе она, а продуктъ отъ старой матери и молодаго отца тѣмъ менѣе походитъ на первую, чѣмъ она слабѣе, а онъ сильнѣе. По свидѣтельству *Мертелута* (1861), въ овчарнѣ Віале въ Влассъ весьма сильные бараны спаривались съ слишкомъ молодыми и съ очень старыми овцами, вслѣдствіе чего рождалось большее количество самцовъ. Наоборотъ отъ спариванія сильныхъ овецъ съ слишкомъ старыми баранами, преимущественно получались самки. Профессоръ медицины въ Тюбингенѣ *Гобфакеръ* въ 1828 году опубликовалъ свою теорію, по которой причина пола плода должна заключаться въ возрастѣ родителей. Эту теорію онъ составилъ на основаніи фамильныхъ списковъ тюбингенскихъ жителей, изъ которыхъ онъ взялъ 2000 дѣтей и прослѣдилъ ихъ происхожденіе. Онъ раздѣлилъ въ этомъ отношеніи браки на нѣсколько классовъ, въ которыхъ разность родителей была 1 — 3 лѣтъ, 3 — 6 лѣтъ и 9 — 12 лѣтъ, и вывелъ изъ своихъ изслѣдованій слѣдующіе законы: 1) Если жена старше мужа, то отъ такого брака вообще родится больше дѣвочекъ. 2) Равнымъ образомъ родится больше дѣвочекъ чѣмъ мальчиковъ и въ томъ случаѣ, если отецъ и мать одинаковаго возраста. (Женщина, рожденная въ одномъ году съ мужчиной, въ замужествѣ должна считаться старше его, такъ какъ она вообще скорѣе старится). 3) Если мужъ старше жены, то у нихъ больше родится мальчиковъ и именно въ возрастающей прогрессіи съ разностію возраста родителя. Вскорѣ послѣ этого Michail Thomas Sadler опубликовалъ подобныя же наблюденія (*Law of Population*. London 1830. 3-я глава 4-й книги). Онъ имѣлъ въ виду 2068 дѣтей. Въ

54 супружествахъ мужъ былъ моложе жены, и отъ этихъ супружествъ родилось 122 мальчика и 144 дѣвочки, слѣдовательно отношеніе первыхъ къ послѣднимъ было какъ 865 къ 1000. Въ 18 супружествахъ возрастъ родителей былъ равный, отъ нихъ родилось 54 мальчика и 57 дѣвочекъ, или 975 мальч. къ 1000 дѣвоч. Въ 309 случаяхъ мужъ былъ старше жены и отъ этихъ браковъ родилось 929 мальчиковъ и 765 дѣвочекъ, слѣдовательно мальчики относились къ дѣвочкамъ какъ 1214 къ 1000. Далѣе, разбирая эти послѣдніе браки по категоріямъ, Задлеръ нашелъ, согласно Гофаккеру, что чѣмъ старше былъ мужъ относительно жены, тѣмъ больше у нихъ родилось мальчиковъ. Послѣ того этого, такъ называемый *Гофаккеръ-задлеровскій законъ* относительно происхожденія половъ былъ провѣряемъ многими изслѣдователями (Gochlert, Noirot, Legoyt, Warreus и др.) въ обширныхъ размѣрахъ и каждый разъ онъ болѣе или менѣе оправдывался. Само собою разумѣется, что при оцѣнкѣ этого закона нужно брать во вниманіе цѣлыя массы, а не недѣлимья.

Только въ послѣднее время изслѣдованія цюрихскаго профессора *Бруслау* оказались не совсѣмъ согласными съ вышеприведенными вычисленіями. Въ 1862 г. въ цюрихскомъ кантонѣ, отъ браковъ, гдѣ мужъ былъ старше жены, родилось 3114 мальчиковъ и 2851 дѣвочка (1092 мальч. на 1000 дѣвоч.); отъ браковъ, въ которыхъ мужъ и жена были одинаковаго возраста, было 326 мальчиковъ и 290 дѣвочекъ (1124 на 1000 дѣвочекъ), а гдѣ жена была старше мужа—949 мальчиковъ и 878 дѣвочекъ (1080 мальчиковъ на 1000 дѣвочекъ). Изъ этого видно, что при всѣхъ отношеніяхъ возраста родителей оказывалось мальчиковъ больше, чѣмъ дѣвочекъ, но все таки и въ этомъ вычисленіи существуютъ колебанія въ ихъ перевѣсѣ сообразно съ разностию возраста родителей.

Докторъ *Буденъ* (Boudin) въ 1863 г., въ засѣданіи парижской академіи наукъ (23 февраля), представилъ записку подъ заглавіемъ: *De l'influence de l'age relatif des parents sur le sexe des enfants*, въ которой законъ Гофаккеръ-Задлера опять подтверждается. По его изслѣдованіямъ, отъ браковъ, гдѣ мужъ былъ моложе жены, рождалось 1000 дѣвочекъ на 910 мальчиковъ, гдѣ супруги были равнаго возраста, тамъ полъ дѣтей относился какъ 1000: 945, а гдѣ отецъ былъ старше, тамъ на 1000 дѣвочекъ родилось 1092 мальчика. Изъ всего этого можно съ большей или меньшей основательностію заключить, что относительный возрастъ родителей, кажется, долженъ имѣть вліяніе на происхожденіе пола дѣтей. Этимъ вліяніемъ, во всякомъ случаѣ, легче всего объяснить тотъ *общій статистическій законъ*,

по которому во всѣхъ городахъ и мѣстностяхъ, въ большихъ и малыхъ родильныхъ домахъ, *всегда число рожденныхъ мальчиковъ бываетъ больше, чѣмъ дѣвочекъ* (1092: 1000), можетъ быть, именно потому, что въ нормальныхъ бракахъ мужъ всегда нѣсколько старше жены. Почти тоже самое показали и помянутыя изслѣдованія *Мертелута* въ овчарнѣ *Viale*. Самыя благоприятныя спариванія для мужскаго приплода были: двухлѣтнихъ овецъ съ двухлѣтними баранами (56, 11%), трехлѣтнихъ овецъ съ четырехлѣтними баранами (56, 76%), четырехлѣтнихъ овецъ съ пятилѣтними баранами (58, 29%). Если возрастъ барана превышалъ возрастъ овцы болѣе, нежели однимъ годомъ, то число мужскаго приплода еще болѣе превышало среднее количество (5,07%), если же мать была старше отца, то количество мужскаго приплода уменьшалось. Такія же наблюденія сдѣланы были и надъ рогатымъ скотомъ, изъ которыхъ видно, что отношеніе возраста спаривающихся особей имѣетъ большое и постоянное вліяніе на количество мужского и женскаго приплода. Но чтобы эти наблюденія имѣли полное значеніе, необходимо бы было обращать вниманіе и на количество случекъ каждаго барана и на сроки этихъ случекъ. Если предположить, что отъ барана требуется больше силы для мужскаго приплода, то нельзя забывать, что эта сила должна уменьшаться отъ слишкомъ частой случки, такъ какъ количество сѣмянныхъ живчиковъ и зрѣлость ихъ при этомъ уменьшается. Сельскіе хозяева на это имѣютъ положительныя факты. Ежегодно наблюдается ими, что въ началѣ яра, пока баранъ обладаетъ полною силою, онъ производитъ болѣе самцовъ, чѣмъ самокъ. Нѣсколько дней спустя, когда овцы въ большемъ количествѣ приходятъ въ охоту и баранъ истощается отъ частой случки, тогда получается отъ него болѣе самокъ, чѣмъ самцовъ. Когда наконецъ этотъ періодъ яра начинаетъ проходить и число въ охоту приходящихъ овецъ уменьшается, тогда мужской приплодъ дѣлается снова преобладающимъ. Это можетъ служить подтвержденіемъ вышеприведеннаго нами положенія, именно, что частая потеря сѣмени препятствуетъ какъ воспроизведенію мужскаго поколѣнія, такъ и сходству дѣтей съ отцомъ.

Наконецъ, изъ новыхъ теорій о происхожденіи половъ, мы должны упомянуть еще о теоріи *Тюри* (Thury). Она основывается на степени зрѣлости яичка въ различныхъ періоды течки. Эта теорія односторонняя уже по тому самому, что здѣсь берется во вниманіе только одинъ изъ элементовъ размноженія, именно женскій. Съ другой стороны провѣрять и доказать эту теорію фактами было бы очень трудно, потому что наблюдать степень зрѣлости

яичками не имѣемъ никакихъ средствъ. Поэтому теорія Тюри навсегда должна остаться шаткой и произвольной гипотезой. Къ женщинамъ она не примѣнима, такъ какъ періодъ овуляціи (созрѣванія и выходенія яичекъ) у нихъ не бываетъ такъ рѣзко ограниченъ, какъ у животныхъ, разрывъ графовыхъ пузырьковъ и выходеніе яичекъ у нихъ, по всей вѣроятности, совершается и внѣ менструальной эпохи. По крайней мѣрѣ, срокъ зачатія у женщинъ въ наибольшемъ числѣ случаевъ не совпадаетъ съ срокомъ мѣсячныхъ очищеній.

Изъ всего вышесказаннаго о происхожденіи половъ можно вывести только то заключеніе, что полъ плода, такъ какъ его наследственныя свойства и признаки, зависятъ стѣ преобладающаго вліянія одного изъ супруговъ, или лучше сказать отъ преобладающаго вліянія и силы одного изъ элементовъ размноженія. Зрѣлость яичка или сѣмяннаго живчика, возрастъ и сила родителей составляютъ только условія этого преобладанія, условія, въ число которыхъ можно бы было включить и нѣсколько другихъ, побочныхъ, которыя также могли бы содѣйствовать или противодѣйствовать этому преобладанію и стало быть, по вышеозначеннымъ теоріямъ, тоже могли бы быть включены въ число причинъ происхожденія половъ.

Теперь мы скажемъ о *передачѣ наследственныхъ качествъ въ частности*. Потомству могутъ быть переданы отъ родителей всѣ анатомическія, фізіологическія и даже отчасти психическія качества. При бракахъ одноплеменныхъ въ этой передачѣ нѣтъ ничего особеннаго. Новый индивидуумъ обыкновенно, съ большей или меньшей отчетливостію, воспроизводитъ въ себѣ признаки родителей. Другое дѣло при бракахъ разноплеменныхъ, при помѣси крови. Здѣсь не всѣ признаки родителей передаются одинаково легко и скоро. Въ отношеніи усовершенствованія породы при метисаціи можно сказать вообще, что признаки скелета представляютъ болѣе прочности и устойчивости, чѣмъ признаки на мягкихъ частяхъ. Кромѣ того относительно первыхъ замѣчено, что при улучшеніи породы скрещиваніемъ животнаго благороднаго происхожденія съ животными обыкновенными, на новыхъ продуктахъ улучшеніе обыкновенно начинается съ головы, а потомъ идетъ постепенно къ задѣ. Крестецъ и вообще задняя часть тѣла долѣе всего противустоятъ измѣненію, а если измѣняются, то черезъ нѣсколько генераций. При облагораживаніи обыкновенныхъ овецъ съ мериносowymi баранами дурная шерсть долѣе всего остается на задней части тѣла, тогда какъ на головѣ она измѣняется съ первой или второй генераций. При облагораживаніи лошадей, часто послѣ перваго скрещенія го-

лова и шея измѣняются, напротивъ задняя часть, крестецъ долго не принимаетъ облагораживанія. При помѣсахъ въ человѣческомъ родѣ тоже самое: заимствованные признаки скорѣе всего обнаруживаются на черепѣ и лицѣ. Эта часть скелета уступаетъ и измѣняется скорѣе остальныхъ частей, или, можетъ быть, измѣненія здѣсь гораздо болѣе замѣтны, такъ какъ структура черепа и лица гораздо мельче и отчетливѣе структуры таза и конечностей. Незначительное измѣненіе въ формѣ и положеніи носовыхъ костей, надбровныхъ дугъ и глазныхъ впадинъ съ ихъ краями, незначительное измѣненіе въ развитіи скуловыхъ дугъ и челюстей даетъ новому субъекту уже совершенно другую фізіономію. Изъ костей лица кажется дольше всего противустоить измѣненію нижняя челюсть.

Мягкія части тѣла — развитіе мышечной системы, количество подкожной жирной клѣтчатки, характеръ кожи и волосъ и пр. обыкновенно при наслѣдственности представляются очень подвижными. Даже въ томъ случаѣ, когда эти признаки у производителя представляли результатъ культуры тѣла, или особеннаго упражненія органа, напримѣръ характеръ кожи, мышечной системы, груди у женщины и проч. и тогда они легко передаются потомству. У птицъ и даже у млекопитающихъ, говорятъ, не представляетъ большой трудности произвести животное, путемъ рациональнаго подбора, такъ сказать, по заранѣе опредѣленному рисунку, съ извѣстными крапинками и цвѣтными пятнами, и для этого не требуется многихъ генераций. Искусный заводчикъ серъ Джонъ Себрайтъ говаривалъ (по свидѣтельству Дарвина) относительно голубей, что онъ беретъ произвести всякое данное перо въ три года, но на моделировку головы и клюва ему нужно шесть лѣтъ. Точно также шерсть у овецъ, мясистость или молочность у коровъ, мясистость или ожиреніе у свиней представляютъ легко наслѣдственные признаки, передаваемые потомству даже въ томъ случаѣ, когда они у родителей были развиты искусственно или случайно.

На основаніи такой наслѣдственности англійскій фермеръ *Бакуэлъ* создалъ цѣлыя породы домашнихъ животныхъ, сложеніе которыхъ вполне соответствовало предположенной цѣли. Онъ хотѣлъ напр., чтобы у быковъ, назначенныхъ для бойни, мясистыя части, составляющія лучшія куски, развились на счетъ частей худшихъ. Послѣ 15 лѣтнихъ опытовъ ему удалось развести многочисленную породу быковъ, у которыхъ головы и кости отличались очень малыми размѣрами, ноги были короткія, брюхо узкое, кожа тонкая и нѣжная, между тѣмъ какъ грудь и бедра были очень массивны и мышцы этихъ частей развиты до того, что вѣсъ ихъ равнялся двумъ тре-

тямъ всего вѣса животнаго. Соображая, что рога у животнаго безполезны и часто даже опасны, Баккуэль произвелъ виды, неизмѣншіе вовсе роговъ. Такимъ же образомъ онъ развелъ породу большихъ лошадей, употребляемыхъ въ Лондонѣ для перевозки тяжестей. Но самое обширное поприще для искусственнаго разведенія животныхъ, путемъ подбора и наслѣдственности, и вмѣстѣ съ тѣмъ верхъ успѣха — былъ на овцахъ. Здѣсь при разведеніи старались преслѣдовать различныя цѣли. Англичане смотрѣли на овцу, какъ на питательный матеріалъ, поэтому тѣ части ея тѣла, которыя доставляли лучшее мясо, старались развить до наибольшихъ размѣровъ. Другіе старались развести такихъ животныхъ, которыя уже въ молодости были бы способны отлагать мясо и сало; съ этою цѣлію у такихъ животныхъ до послѣдней возможности развита подкожная жирная кѣтчатка. У этихъ овецъ подкожный слой сала можетъ быть такъ толстъ, какъ у свиньи (Англійскія овцы). При разведеніи мериносовыхъ породъ старались, напротивъ, обращать исключительное вниманіе на шерсть, тонкость и мягкость ея. Въ какой степени эта цѣль достигнута, каждый можетъ судить по сравненію тонкихъ шерстяныхъ матерій изъ мериносовой шерсти съ грубыми произведеніями изъ шерсти обыкновенной. Наконецъ нѣкоторые овцеводы желали соединить на породѣ оба качества, т. е. мяса и шерсти и болѣе или менѣе достигли этого результата скрещиваніемъ мериносовой и лейчестерской породъ.

Не только родовыя и фамиліныя признаки могутъ передаваться потомству, но дать и тѣ особенности, которыя составляютъ случайныя отступленія, игру природы. Примѣромъ этому можетъ служить недавно разведенная порода моршанскихъ овецъ, отличающихся необыкновенно тонкою шерстью, почти неуступающею шерсти кашемирской козы. Порода эта произошла такимъ образомъ. Въ овчарнѣ родился очень слабый барашекъ, съ необыкновенно тонкою шерстью, такъ что сначала его сочли было за уродца, ни къ чему непригоднаго. Этому барашка случили съ мериносовой овцой и тонкая шерсть стала постоянно передаваться потомственно на всемъ поколѣніи. Тоже самое и у человѣка: признаки на мягкихъ частяхъ тѣла, обыкновенно, наслѣдуются очень легко. Напримѣръ, извѣстны цѣлныя породы тучныхъ людей, у которыхъ тучность составляетъ фамиліальное качество. Ожиреніе, такъ часто встрѣчающееся въ купечествѣ и духовенствѣ, происходитъ какъ отъ образа жизни, такъ и отъ наслѣдственности. Славянскія, овальныя или шаровидныя объемистыя груди у русскихъ женщинъ обязаны своимъ происхожденіемъ тоже

наслѣдственности. Такъ называемыя козлиныя, финно-татарскія бороды, съ рѣдкими желтоватыми волосами держатся въ русскомъ народонаселеніи въ такомъ огромномъ количествѣ, благодаря наслѣдственности. Однимъ словомъ, волоса съ ихъ цвѣтомъ, распределеніемъ, густотой и рѣдкостью и пр. передаются по наслѣдству очень легко, точно также, какъ форма и цвѣтъ глазъ, качество кожи и мышечной системы.

Потомству передаются не только природныя, но и искусственно развитыя свойства. Такъ, напримѣръ, когда при разведеніи рогатаго скота старались обращать преимущественное вниманіе на его молочность, старательно выдаивая коровъ, то эта молочность сдѣлалась достоинствомъ цѣлыхъ поколѣній. Напротивъ, молочность совершенно пропадаетъ, если животныя нѣсколькихъ генерацій совершенно не доятся. Такъ венгерскій скотъ, воспитываемый, обыкновенно, на убой, вовсе не даетъ молока, но если его отдаивать, то чрезъ нѣсколько генерацій молочность снова восстанавливается. Европейская корова, завезенная въ Колумбію, гдѣ ее перестали доить, перестала давать молоко, за исключеніемъ того, которое высасываетъ теленокъ. Повтореніе этого факта мы видимъ и у женщинъ. У аристократокъ, напримѣръ, и вообще у женщинъ, которыя не кормятъ своихъ дѣтей, груди почти совершенно исчезаютъ, такъ что въ цѣломъ потомствѣ, путемъ наслѣдственности, этотъ органъ представляется весьма мало развитымъ и плоскогрудыя женщины по необходимости дѣлаютъ искусственныя груди. Въ Германіи и отчасти во Франціи груди у женщинъ вообще развиты гораздо меньше, чѣмъ у женщинъ русскихъ, и это зависитъ не отъ однихъ корсетовъ, а главнымъ образомъ отъ недостатка упражненія этого органа. Многія птицы, добывающія себѣ пищу изъ почвы, рѣдко летаютъ, и у нихъ почти нѣтъ крыльевъ. У домашней утки кости крыла развиты менѣе, чѣмъ у ея дикаго родича, тоже вслѣдствіе недостатка упражненія. Отъ этого же такъ мало развиты глаза у кролика и другихъ роющихъ грызуновъ. Съ другой стороны точно также передаются наслѣдственно и тѣ особенности, которыя вырабатываются постояннымъ упражненіемъ. Такъ напр. у рысистыхъ лошадей, чрезъ постоянное упражненіе, способность къ бѣгу все болѣе и болѣе увеличивается и сообразно съ этимъ слагаются и формы тѣла. Рысистый бѣгъ, какъ всѣмъ извѣстно, передается наслѣдственно. Тѣ породы животныхъ, которыя ходятъ по горамъ и на нихъ отыскиваютъ себѣ пищу, отличаются особенною силою и ловкостію. Эта сила и ловкость, выработанная упражненіемъ, передается по наслѣдству и составляетъ потомъ характеристическую черту извѣст-

ной породы. Изощреніе чувствъ представляетъ также наследственный признакъ. Это яснѣе всего видно на животныхъ, которыя по образу жизни, или вслѣдствіе искусственнаго упражненія, развиваютъ въ себѣ то или другое чувство преимущественно и потому это изощреніе передаютъ цѣлому поколѣнію. Рѣзкій примѣръ этому могутъ представить намъ охотничьи собаки. Извѣстные породы собакъ выработали въ себѣ наследственную способность къ извѣстнаго рода охотѣ (сетерь, гончая собака и проч.), и потому порода такихъ собакъ охотниками особенно цѣнится. Приморскіе жители и жители степей приобрѣтаютъ, вслѣдствіе постояннаго упражненія, способность дальноркости, которую потомъ передаютъ потомству.

Кромѣ анатомическихъ свойствъ и признаковъ, путемъ наследственности передаются и *физиологическія особенности*. Сюда можно причислить: *необыкновенное плодородіе*. Такимъ плодородіемъ, на примѣръ, отличается извѣстная романовская порода овецъ, разводимая преимущественно въ Романо-борисоглѣбскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи. Она плодится два раза въ годъ и это составляетъ наследственный признакъ. Такіе примѣры фамильнаго плодородія нерѣдки и въ человѣческомъ родѣ. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторые изъ нихъ. Въ запискахъ В. А. Нащокина ¹⁾ подѣ 1755 годовъ разсказывается слѣдующій фактъ: «февраля 2-го въ Петербургѣ извѣстіе получено, въ которомъ хотя нужда не обстоитъ, но для примѣчанія къ достоинству такой рѣдко бываемой рода человѣческаго натуры случай происходитъ, и для того ниже слѣдующее слученіе внести подобаетъ въ журналъ. Въ Московскую губернсую канцелярію рапортомъ 1754 году написано: «Шуйскаго уѣзду, вотчины Николаевскаго монастыря (села) Введенскаго у крестьянина Якова Кирилова съ первою женою 21 брюхо, въ томъ числѣ 4 четверни, 7 тройни, 10 двойни, всего 57 человѣкъ; съ другою женою 7 брюхъ всѣ по двойни, въ томъ числѣ одни тройни, и того 15 человѣкъ. Всѣхъ было 72 человѣка, а вышеописанный крестьянинъ Кириловъ, по извѣстію, и нынѣ живъ, лѣтъ ему 70.» Другой фактъ напечатанъ былъ въ *Панорамѣ С.-Петербурга* ²⁾: «1782 г. 27 февраля прислана въ Москву вѣдомость отъ Никольскаго монастыря, что Шуйскаго уѣзда крестьянинъ Федоръ Васильевъ, женатый два раза, имѣлъ отъ обоихъ браковъ 87 дѣтей. Первая жена въ 27 родахъ имѣла: четыре раза по 4 (16), семь разъ по 3 (21),

¹⁾ Записки Василія Александровича Нащокина, С.-Петербургъ. 1842. стр. 148 (изданіе Д. Языкова).

²⁾ Панорама С.-Петербурга, С.-Петербургъ 1834. ч. II кн. 2 стр. 75.

шестнадцать разъ по 2 (32), всего 69. Вторая жена два раза родила тройни (6), шесть разъ двойни (12), а всего 18. Васильеву было тогда 75 л., а изъ дѣтей были живы 83. Случаи эти замѣчательны между прочимъ потому, что были въ одной и той же мѣстности (Шуйскомъ уѣздѣ). Въ 1862 г. докт. Lewis Brittain ¹⁾ сообщилъ объ одной англичанкѣ, забеременѣвшей въ первый разъ на 25 году и съ 1839 по 1857 годъ, въ 14 беременностей родившей 25 дѣтей, при чемъ 11 разъ были двойни. Изложенные факты, какихъ мы могли бы набрать еще нѣсколько, представляютъ исключительную плодовитость, но въ меньшей степени это свойство не составляетъ рѣдкости и большею частію обнаруживается какъ свойство фамиліное, наслѣдственное. Съ другой стороны, намъ нерѣдко случалось наблюдать, что легкіе или очень быстрые роды составляютъ также наслѣдственное качество. Акушеры и акушерки могутъ указать на многихъ женщинъ, у которыхъ это замѣчается въ родствѣ, какъ фамиліный признакъ. Тоже самое можно сказать относительно срока созрѣванія женщины, наклонности къ послѣродовымъ кровотечениямъ и пр., что по всей вѣроятности обусловливается наслѣдственной передачей извѣстнаго анатомическаго строенія матки. Большая или меньшая продолжительность жизни оказывается тоже наслѣдственною. Есть цѣлыя фамиліи, славящіяся долголѣтіемъ. Это можно объяснить наслѣдственностію того организма, или тѣхъ качествъ его, отъ которыхъ зависитъ долголѣтіе. Изнѣженность или крѣпость организма, склонность и способность его къ той или другой дѣятельности, также нерѣдко составляютъ качества наслѣдственные. Кромѣ упомянутыхъ фізіологическихъ свойствъ, передаваемыхъ наслѣдственно, можно указать и на множество другихъ, но перечислять ихъ мы не считаемъ особенно нужнымъ. Достаточно помнитъ тотъ фактъ, что фізіологическія свойства и особенности точно также передаются въ потомство, какъ и анатомическіе признаки.

Характеръ и привычки также передаются наслѣдственно. На большую часть инстинктовъ животныхъ можно смотрѣть не иначе, какъ на выработанную упражненіемъ и упроченную наслѣдственною привычку. Такіе инстинкты находятся въ связи съ образомъ жизни и могутъ утрачиваться или замѣняться другими, подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Приведемъ этому нѣсколько примѣровъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ часто охотятся на дичь, молодые дѣтеныши

¹⁾ Edinburgh med. Journal, N 89, N. ov. 1862.

птицъ выказываютъ вскорѣ послѣ рожденія такую осторожность, какой не замѣчается даже у старыхъ утокъ въ мѣстахъ, менѣе посѣщаемыхъ охотниками. Турманъ (голубь) приобрѣлъ себѣ странную привычку, передающуюся наслѣдственно, летать стаею на значительной высотѣ и кувырваться въ воздухѣ. Нѣкоторые кошки привыкли охотиться за мышами, другія за крысами, однѣ ловятъ птицъ, другія кроликовъ, третьи охотятся по болотамъ за куликами и тетеревами, и эти привычки передаются изъ рода въ родъ. Всѣмъ извѣстно, какъ трудно приручить и выдресировать дикую лошадь, собаку и вообще дикое животное; но животное той же породы, рожденное отъ прирученнаго и выдресированнаго, обыкновенно уже рождается съ этими качествами, или съ наклонностію къ нимъ, такъ что воспитать его для извѣстныхъ цѣлей бываетъ уже очень легко. Поэтому охотниками и цѣнится порода лошади или собаки. Пословица — «какъ волка не корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ» — справедлива только относительно. Естественно, что у волка въ первой генерации, не смотря на всю дрессировку, будутъ проявляться врожденныя волчьи наклонности и привычки, но при послѣдующихъ генерацияхъ, происходящихъ отъ прирученнаго волка, эти привычки мало по малу исчезнуть и замѣнятся другими, искусственно выработанными. Извѣстное благоправіе и кротость арабскихъ лошадей есть унаслѣдованный плодъ послѣдовательнаго воспитанія. Тоже самое можно сказать относительно характера и привычекъ и всѣхъ другихъ животныхъ, равно какъ и человѣка. Кто не замѣчалъ, что на дѣтяхъ иногда отражаются не только черты родителей, но и походка, привычныя позы, складъ рѣчи и вообще тѣ мелкія особенности, которыми отличались родители. Правда, во многихъ случаяхъ это есть результатъ подражанія при первоначальномъ воспитаніи, но очень можетъ быть, что и наслѣдственность имѣетъ здѣсь нѣкоторое вліяніе.

Относительно наслѣдственности *нравственныхъ качествъ и умственныхъ способностей*—вопросъ представляется еще не рѣшеннымъ. Одни говорятъ, что эти качества развиваются только вслѣдствіе воспитанія и постепеннаго упражненія органовъ, что изъ человѣка воспитаніемъ можно сдѣлать все; но постоянные факты убѣждаютъ насъ въ противномъ. Кто не знаетъ, что сплошь и рядомъ цѣлыя семейства и цѣлыя поколѣнія семействъ отличаются умомъ, другія, наоборотъ, посредственными умственными способностями, даже глупостію. Отъ этого различаютъ умныя и ограниченныя породы. Отъ умнаго отца обыкновенно рождаются умныя дѣти, и на оборотъ. Кромѣ того, нельзя не признать врожденныхъ способностей напр. къ ма-

тематическимъ наукамъ, къ живописи, стихотворству и пр. Одному человѣку это съ малолѣтства дается легко, напр. онъ, не учась, начинаетъ писать стихи, сохраняя правильность стихосложенія, между тѣмъ какъ другой не можетъ съ этимъ справиться въ теченіи цѣлой жизни. Противники наслѣдственности объясняютъ все это тѣмъ, что въ умныхъ семействахъ дается болѣе разумное воспитаніе, поэтому не мудрено, что дѣти выходятъ умнѣе, а преимущественныя наклонности и способности къ тѣмъ или другимъ наукамъ или искусствамъ происходятъ вслѣдствіе случайности, преимущественнаго упражненія этихъ способностей и стало быть большаго ихъ развитія. Но противъ этого можно указать на тѣ факты, гдѣ выходили самоучки художники, ученые, техники, стихотворцы, музыканты и пр., — люди рожденные въ неразвитой средѣ, которая скорѣе задерживала ихъ развитіе, чѣмъ поощряла. Между тѣмъ, не смотря на все это, мальчикъ съ юныхъ лѣтъ горитъ или необыкновенной любознательностію и способностію обобщенія фактовъ, или рисуетъ углемъ правильныя, даже художественныя фигуры или устраиваетъ какіе либо механизмы и пр. и затѣмъ, при благоприятствующихъ обстоятельствахъ, оказываетъ необыкновенно быстрые успѣхи развитія въ этомъ направленіи. Какъ есть люди совершенно обиженные музыкальными способностями, или способностями къ живописи и стихотворству, точно также есть люди воспріимчивые для умственнаго развитія и невоспріимчивые. Это составляетъ *врожденную способность*, какъ рысистый бѣгъ или благопріевіе у кровной лошади, какъ способность дѣлать хорошую стойку или вытравить звѣря у собаки. Безъ этой врожденной способности всѣ воспитанники учебныхъ заведеній, находящіеся подъ одинаковыми условіями, развивались бы почти одинаково, не было бы категоріи глупыхъ и умныхъ, посредственныхъ и гениальныхъ. Такъ какъ нравственныя и умственныя способности должны быть разсматриваемы не иначе, какъ результатъ того или другого сложенія и развитія мозга, то отсюда понятно, что матеріальныя особенности строенія мозга, а стало быть и задатки для такихъ или другихъ умственныхъ качествъ, могутъ, даже должны быть наслѣдственны, точно также, какъ наслѣдственны и всѣ другія анатомическія и фізіологическія особенности человѣка. Если черезъ отцовское сѣмя или яичко матери передается ребенку наслѣдственный ростъ (высокій или низкій), долголѣтность и плодородіе, — признаки, которые обнаруживаются спустя много лѣтъ послѣ рожденія, то нѣтъ никакого основанія не допустить, что и задатки умственнаго роста также передаются потомству и обнаруживаются

въ немъ въ той или другой быстротѣ и крѣпости умственнаго возрастанія.

Тѣ случаи, гдѣ отъ умныхъ отцовъ и матерей родились глухие или ограниченныя дѣти, должны быть разсматриваемы, какъ случаи ненормальныя. Все ровно какъ отъ крѣпкихъ и рослыхъ родителей можетъ уродиться карликъ или уродъ, вслѣдствіе воспрепятствованнаго утробнаго развитія или вслѣдствіе аглицей и другихъ болѣзней дѣтства, точно также и отъ умныхъ родителей можетъ иногда родиться идиотъ, напр. вслѣдствіе кровнаго родства, или зачатія въ пьяномъ видѣ, какъ это мы покажемъ ниже. Во всякомъ случаѣ такіе примѣры, повидимому противорѣчащіе наслѣдственности умственныхъ качествъ, должны быть объясняемы или соврожденными болѣзнями мозга, или физическими и нравственными болѣзнями дѣтства, а общій законъ наслѣдственности остается неприкосновененъ. Съ другой стороны, разсматривая такіе примѣры, не нужно упускать изъ вниманія и того обстоятельства, что умственныя качества супруговъ нерѣдко бываютъ далеко неодинаковы. Умный мужъ и отъ природы ограниченная жена могутъ производить дѣтей и умныхъ и ограниченныхъ, смотря потому, въ чьей породѣ было больше устойчивости, стало быть, кто больше передастъ потомству своихъ наслѣдственныхъ качествъ. При скрещеніи благороднаго и обыкновеннаго животнаго видимъ же мы нерѣдко, что структура послѣдняго, ровно какъ и нравственныя качества, долго не подчиняются облагораживанію. Это тѣмъ болѣе можетъ имѣть мѣсто у человѣка, потому что умные отцы сплошь и рядомъ представляютъ поколѣніе новое, молодое, неупроченное, слѣдовательно нѣтъ ничего удивительнаго, если наслѣдственно передаваемые задатки ихъ ума такъ часто парализуются вліяніемъ прочно-установившейся, но умственно неразвитой породы.

Само собою разумѣется, что наслѣдственно передаются не умственныя качества въ полномъ ихъ развитіи, а только *задатки этихъ качествъ*, т. е. способность при извѣстномъ упражненіи скорѣе достигать лучшаго развитія. Жеребенокъ отъ рысистой лошади не имѣетъ еще рысстаго бѣга, но его легко можно развить упражненіемъ, тогда какъ у жеребенка отъ водовозной лошади всѣ усилія къ этому были бы напрасны. Поэтому, кромѣ наслѣдственности, врожденности, для развитія умственныхъ качествъ необходимо еще правильное упражненіе.

Принимая наслѣдственность умственныхъ качествъ, мы вовсе не хотѣли сказать того, что умныя дѣти могутъ родиться исключи-

тельно отъ развитыхъ родителей. Мы видимъ очень часто, что лучшіе дѣятели нашего общества происходятъ изъ неразвитой или мало развитой среды, напр. изъ крестьянъ, мѣщанъ и провинціального духовенства, но это нисколько не противорѣчитъ высказаннымъ нами положеніямъ о наслѣдственности умственныхъ качествъ вообще. Потому что, само собою разумѣется, что въ этой средѣ точно также, если еще не въ большемъ количествѣ, встрѣчаются отъ природы даровитыя личности, съ здоровымъ и прочнымъ, хотя и мало развитымъ умомъ. Врожденный, такъ сказать, натуральный умъ нужно отличать отъ ума, выработаннаго воспитаніемъ, точно также, какъ мы отличаемъ природную красоту сложенія отъ красоты искусственной, достигаемой культурой тѣла, мацерациями и поддерживаемой косметическими средствами и различными приправами утонченнаго туалета. Какъ мы нерѣдко обманываемся искусственной физической красотой кокетокъ, такъ и при разборѣ умственныхъ качествъ человѣка иногда по ошибкѣ принимаемъ за природный умъ начитанность, умъ заимствованный, или приобретенный труженничествомъ, умственной дрессировкой. Такихъ личностей въ развитомъ классѣ общества встрѣчается очень много и нѣтъ ничего удивительнаго, если дѣти ихъ, не употребившіе надъ собою такихъ усилій для умственнаго развитія, какія употреблены были родителемъ, выходятъ личностями ограниченными. Личности неразвитыя, но богатой натуры, въ этомъ отношеніи могутъ быть гораздо производительнѣе; отъ мужика можетъ родиться гений и отъ образованнаго дворянина—дуракъ; такихъ фактовъ можно указать много и въ исторіи, и въ обыденной жизни. При видѣ такихъ фактовъ остается только жалѣть, что не всѣ слои общества имѣютъ одинаковую возможность для развитія своего природнаго ума, что много прекрасныхъ, талантливыхъ натуръ скрываются въ массѣ народа, какъ бесплодный, непродуцательный капиталъ, которому нѣтъ ни выхода, ни примѣненія.

Разсматривая общее движеніе умственнаго развитія *цѣлой націи*, мы должны придти къ тому же заключенію, какое мы вывели при разсмотрѣніи анатомическихъ національныхъ типовъ, т. е. что умственный складъ націи *вырабатывается, совершенствуется и укрѣпляется* постепенно, путемъ собственнаго упражненія и благопріятствующей помѣси. Вліяніе цивилизованныхъ народовъ на цивилизуемую страну точно такое же, какъ вліяніе относительно совершеннаго анатомическаго типа на типъ менѣе совершенный. Анатомическій шагъ къ развитію, сдѣланный мозгомъ, путемъ личнаго упражненія этого органа, или подъ вліяніемъ наслѣдствен-

ной передачи, сообщается потомству, для котораго достиженіе извѣстнаго уровня умственнаго развитія вслѣдствіе этого становятся легче. Такимъ образомъ нравственный и умственный уровень типа мало по малу возвышается. Отъ этого происходитъ, что одна нація воспринимаетъ и удерживаетъ современную цивилизацію легче, другая медленнѣе, развивается туже, смотря потому, чей мозгъ болѣе подготовленъ, болѣе прогрессивно развитъ. Въ сѣверо-американскихъ штатахъ цивилизація принялась быстро, можетъ быть, между прочимъ, именно вслѣдствіе того, что туда были перенесены изъ Европы не однѣ книги и науки, а и европейскій мозгъ, размноженный и распространенный по странѣ лучшими производителями — талантливыми, умными и энергическими выходцами изъ Европы. Подъ вліяніемъ такого обновленія, такой благодѣтельной помѣси умъ американцевъ не долженъ быть проходить въ своемъ развитіи всѣ степени *догоняющаго движенія*, какъ умъ другой націи, предоставленной самой себѣ, а прямо начать съ прогрессивнаго движенія впередъ. Такимъ образомъ, значеніе цивилизующей націи состоитъ не въ томъ только, что она играетъ роль учителя цивилизуемой страны, но, при помѣси крови, и роль разсадника того мозгового прогресса, который для первой составляетъ нормальный анатомическій уровень.

Русская цивилизація до Петра шла такъ плохо между [прочимъ] потому, что славянскій умъ, положимъ, отъ природы и довольно богатый, не только былъ предоставленъ самому себѣ, стало быть долженъ былъ проходить постепенно всѣ фазы своего прогрессивнаго развитія, но кромѣ того это развитіе парализовалось невыгодной помѣсью съ націями менѣе цивилизованными. По мѣрѣ заводимыхъ сношеній съ Европою, славянорусскій мозгъ не только сталъ получать больше пищи для своего развитія и сталъ быстрѣе совершенствоваться, но сверхъ того, путемъ физиологической помѣси съ европейцами, наследственно сталъ получать отъ нихъ уже выработанные плоды современной цивилизаціи.

Въ подтвержденіе нашей мысли о наследственности умственныхъ качествъ и о постепенномъ физиологическомъ усовершенствованіи мозга цѣлой націи, мы можемъ указать еще на евреевъ. Они представляютъ такую націю, которая воплотила въ себѣ плоды самой древней цивилизаціи. Мозгъ ихъ въ теченіи тысячелѣтій развился и окрѣпъ, раса получила устойчивость въ передачѣ наследственныхъ качествъ. Естественно послѣ этого, что и до сихъ поръ, не смотря на всѣ превратности судьбы, на всѣ гоненія и невыгоды соціального положенія, евреи не только сохраняютъ свой національный типъ, но

и поддерживаютъ сравнительно высокій интеллектуальный уровень. Разсѣянные, можно сказать отдѣльными единицами, по всему земному шару, они не только не поглощаются окружающими племенами, какъ это обыкновенно случается съ другими не настолько физиологически-устойчивыми инородцами, но сверхъ того вездѣ имѣютъ своихъ завидныхъ представителей въ рядахъ ученыхъ, дипломатовъ, художниковъ, капиталистовъ и пр. Если бы можно было представить процентъ замѣчательныхъ личностей изъ евреевъ, относительно общаго ихъ народонаселенія, и сравнить его съ процентомъ подобныхъ личностей изъ другихъ болѣе юныхъ націй, то по всей вѣроятности громадная разница оказалась бы въ пользу евреевъ. Это показываетъ, что умъ каждой націи вырабатывается временемъ и что каждый шагъ къ развитію, сдѣланный мозгомъ, напечатлѣвается неизгладимымъ слѣдомъ, вступающимъ въ число національныхъ, наследственныхъ признаковъ. Въ этомъ смыслѣ взятое выраженіе: «мы созрѣли, или не созрѣли», относимое къ той или другой націи для обозначенія готовности или неготовности ея къ тому или другому образу дѣйствій, имѣетъ анатомическій смыслъ. Зрѣлость въ этомъ случаѣ состоитъ не въ томъ, что мы имѣемъ или не имѣемъ тотъ или другой запасъ свѣденій и практической мудрости—это богатство индивидуальное, а въ томъ, насколько нація вообще способна воспринимать, перерабатывать и развивать впередъ вопросы разума и цивилизаціи. Эта способность относительно цѣлаго народа не есть результатъ массы индивидуальнаго образованія, а плодъ вѣками создаемаго умственнаго прогресса—наслѣдство пращуровъ, приобщаемое и обогащаемое новыми приобрѣтеніями потомковъ.

Наконецъ, говоря о наслѣдственности умственныхъ и нравственныхъ качествъ, мы коснемся еще одного вопроса. Въ силу высказаннаго выше положенія, т. е. что умъ націй или извѣстнаго слоя общества вырабатывается и совершенствуется временемъ, путемъ постояннаго упражненія и наслѣдственности, мы должны бы были признать, что верхніе слои нашего общества болѣе способны къ развитію, чѣмъ нижніе, стало быть первые не безъ основанія отличаютъ себя отъ послѣднихъ «голубою, болѣе благородною кровью». Признать такое мнѣніе значить поставить себя въ противорѣчіе съ повсюдными и ежедневными фактами. Достаточно сравнить уровень образованія различныхъ учебныхъ заведеній, гдѣ воспитываются люди изъ верхнихъ, среднихъ и низшихъ слоевъ общества, достаточно обратить здѣсь вниманіе на сравнительный процентъ способныхъ, талантливыхъ и ограниченныхъ воспитанниковъ, что-

бы убѣдиться на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ. И дѣйствительно, предполагаемая разница подмѣчена давно: не даромъ въ обществѣ сложилось мнѣніе, что нравственную и умственную силу нація нужно ожидать не изъ привилегированныхъ слоевъ, а изъ народа, и не потому, чтобы послѣдній былъ численно больше, а потому что онъ умственно и нравственно крѣпче. Почему же, спрашивается, болѣе цивилизованные слои общества, упрочившіе за собой цивилизацію съ давняго времени, не могли выработать себѣ, въ силу вышеприведеннаго закона, большихъ задатковъ для прогрессивнаго развитія, для умственной и гражданской дѣятельности, чѣмъ слои менѣе цивилизованные? Для удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса нужно было бы зайти намъ слишкомъ далеко, именно въ предѣлы статьи о вырожденіи расъ и фамилій. Объ этомъ мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Теперь замѣтимъ только, что такъ называемая цивилизація верхнихъ слоевъ не всегда была и есть истинная цивилизація, а сплошь и рядомъ мишурный блескъ. Процессъ умственного развитія и роста состоитъ не въ томъ, что человѣкъ воспринялъ въ себя кое-какія свѣдѣнія, усвоилъ приемы приличія и иностранную рѣчь. При такомъ образованіи мозгъ играетъ, можно сказать, пассивную роль. Во многихъ случаяхъ смѣтливому крестьянину, ремесленнику, купцу приходится чаще *раскидывать мозгами*, думать и придумывать, чѣмъ богатому образованному дворянину, незнающему, куда приложить свое образованіе и въ теченіи жизни не встрѣчающему ни предмета, ни вопроса, надъ которымъ бы онъ могъ задуматься. Вполнѣ обезпеченный и довольный, онъ большею частію живетъ чужимъ умомъ, дѣлаетъ чужими руками и ни одна не вгода жизни не заставитъ его слѣлать усиленнаго напряженія мозга, чтобы выдти изъ стѣснительнаго положенія. Отъ этого баричъ такъ мало способенъ къ серьезной умственной работѣ, отъ этого маменькины сынки и вообще люди, веденные на помочахъ, теряются и падаютъ духомъ при первомъ столкновеніи съ суровою жизнію, при первой трудности, которую могъ бы преодолѣть простой деревенскій мальчикъ. Другое дѣло человѣкъ необезпеченный и угнетаемый: со дня рожденія онъ принужденъ вступать въ борьбу со всѣмъ окружающимъ, и людьми, и природой; каждый кусокъ хлѣба, каждое удобство жизни онъ долженъ приобрѣсти своимъ трудомъ, умѣньемъ, расторопностію, да сверхъ того долженъ придумывать мѣры, какъ бы не похитили у него этого куска и этого удобства. Оттого и происходитъ, что деревенскій мальчикъ гораздо болѣе находчивъ, предприимчивъ и смѣлъ, чѣмъ мальчикъ такого же возраста, воспитанный въ нѣгѣ и холѣ, въ родѣ Обло-

мова. Простой крестьянинъ иногда лучше выпутается изъ стѣснительныхъ обстоятельствъ, лучше и отчетливѣе сдѣлаетъ всякое дѣло по его силамъ, чѣмъ благовоспитанный джентльменъ, находящійся сравнительно съ своимъ образованіемъ и положеніемъ въ такихъ же обстоятельствахъ. Понятно послѣ этого, кто умственно работаетъ больше и гдѣ мы вправѣ ожидать большаго потомственного развитія мозга. Теперь не покажется страннымъ, если мы скажемъ, что вѣковая работа умственного возрастанія совершается не въ одномъ, такъ называемомъ, образованномъ обществѣ, а еще съ большей энергіей, съ большимъ напряженіемъ она идетъ и копится незамѣтно, обогащая національный умъ, въ тѣхъ классахъ, которые еще такъ недавно считались если не полулюдьми, то, по крайней мѣрѣ, существами низшими, обиженными природой. Изъ этого слѣдуетъ, что богатство, образованіе и довольство нельзя еще считать абсолютнымъ условіемъ для прогрессивнаго умственного развитія; оно дѣлается этимъ только тогда, когда служить средствомъ для болѣе обширнаго примѣненія умственной работы. И съ другой стороны бѣдность иногда подавляетъ человѣка, убиваетъ умственный трудъ, иногда же напротивъ служитъ стимуломъ для умственного труда.

Изъ сказаннаго отчасти уже понятно, почему уровень умственного прогресса у привилегированныхъ классовъ, несмотря на давность ихъ цивилизаціи, ниже такого же уровня другихъ слоевъ общества, что у первыхъ, по складу жизни и отсутствію умственной работы, мозгъ, естественно, долженъ не усовершенствоваться, а напротивъ атрофироваться. Это обстоятельство служитъ одной изъ причинъ вырожденія аристократическихъ фамилій, даже вырожденія цѣлыхъ націй, если онѣ, подчинивши себѣ покоренные народы, начинаютъ жить на счетъ ихъ умственного и физическаго труда и превращаются въ паразитовъ.

Чувствую, что этой главой я утомилъ своихъ читателей, но тѣмъ не менѣе хотѣлъ бы коснуться еще одного вопроса, имѣющаго нѣкоторую аналогію съ только-что изложеннымъ, именно вопроса *объ умственномъ развитіи женщины.*

Если мы вспомнимъ, сколько было писано объ этомъ предметѣ, сколько дѣятельныхъ защитниковъ женскаго прогресса старались доказать умственное тождество женщины и мужчины, если, говорю, вспомнимъ все это, то всякое разсужденіе о женскомъ умѣ можетъ показаться излишнимъ. Но вооружусь терпѣніемъ и храбростію, и скажу отъ себя нѣсколько словъ. Не знаю, будутъ ли они по сердцу моимъ читательницамъ. На всякій случай

я защищаю себя отъ ихъ неблагоклонныхъ взглядовъ стариннымъ изрѣченіемъ: *amicus Plato, sed magis amica veritas!*

Что женщина, за исключеніемъ сферы половыхъ органовъ, имѣетъ совершенно такую же организацію, какъ и мужчина, что она стало быть способна къ тѣмъ же физиологическимъ отправлениямъ какъ и онъ, это вопросъ давно рѣшенный, даже избитый. Но сущность нашего вопроса заключается не въ этомъ, а въ томъ: на какомъ уровнѣ прогрессивнаго умственнаго развитія стоитъ наша женщина, или лучше сказать, въ какой степени ея мозгъ выработанъ интеллектуальнымъ упражненіемъ и упроченъ наслѣдственностію для того, чтобы быть способнымъ къ самобытному и плодovitому умственному труду? Выше мы видѣли, что не у всѣхъ націй, не во всѣхъ классахъ общества этотъ уровень стоитъ одинаково. У однихъ предшествовавшего, историческаго умственнаго труда было больше и оттого наслѣдственный умъ, или правильнѣе сказать мозгъ, развился лучше, у другихъ, наоборотъ, отъ недостатка въ упражненіи мозгъ атрофировался, или, по крайней мѣрѣ, остался на болѣе низкой степени развитія. Отъ этого одна нація или одинъ классъ общества даетъ большую сумму умственныхъ силъ и лучший результатъ ихъ примѣненія, чѣмъ другія.

Если мы посмотримъ на историческую судьбу женщины, то увидимъ, что въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ, даже тысячелѣтій, положеніе ея относительно умственнаго развитія было самое невыгодное. Отстраненная мужчиной отъ всѣхъ важныхъ, такъ сказать головоломныхъ занятій, она по необходимости сосредоточила свое вниманіе на домашнемъ очагѣ и дѣтяхъ. Кругъ ея дѣятельности былъ слишкомъ узокъ, заботы слишкомъ ограничены, положеніе слишкомъ зависимое, чтобы не сказать пораженное. Даже при теперешнемъ положеніи, повидимому улучшенномъ, женщина въ такъ называемомъ образованномъ классѣ большею частію или кукла, предназначенная для утѣшенія мужчины, или нянька и экономка, или же, въ рабочемъ классѣ общества — работница т. е. механическая рабочая сила. Заботы о пріисканіи средствъ къ жизни, дающія наибольшую пищу для ума, заботы о прославленіи своего имени (котораго у женщины нѣтъ), заботы о своемъ отечествѣ какъ всегда, такъ и теперь отстранены отъ женщины. Поэтому естественно, что инициативы для умственнаго труда у женщины было меньше, чѣмъ у мужчины. Вслѣдствіе этого она наполняла свое бездѣлье или визаніемъ чулковъ, или мелочной механической работой по хозяйству, или даже чтеніемъ, но это послѣднее большею частію не составляетъ у женщины цѣлесообразнаго опредѣленнаго труда, а то.

же препровожденіе времени. Въ этомъ отношеніи образованную женщину нашего вѣка можно поставить въ параллель съ тѣми обезпеченными и праздными личностями, о которыхъ мы говорили выше. Взявши это во вниманіе, не трудно придти къ тому заключенію, что женскій мозгъ, вслѣдствіе историческихъ судьбъ, отъ недостатка упражненія, не выработанъ такъ, какъ онъ выработанъ у мужчины. Вслѣдствіе этого женщина и менѣе воспримчива къ умственному труду, и менѣе производительна въ этомъ трудѣ.

Противъ такого состоянія женскаго мозга можно сдѣлать одно и очень серьезное возраженіе, именно то, что женщина получаетъ наслѣдственные качества не отъ одной матери, а и отъ отца, слѣдовательно все то, что мужчина выработалъ себѣ въ этомъ отношеніи, должно было дѣлиться по ровну на оба пола. Но степень примѣненія этого основнаго закона наслѣдственности къ данному вопросу можетъ подлежать еще нѣкоторымъ ограниченіямъ. Въ этомъ отношеніи мы знаемъ, что помимо передачи основныхъ фамиліальныхъ признаковъ, есть признаки, которые преимущественно передаются по женской или мужской линіи. Такъ, напримѣръ, въ анатомическомъ отношеніи женщина наслѣдственно выработала себѣ болѣе граціозныя формы, большую тонкость костей скелета, меньшее развитіе мышцъ и проч. и эти признаки, не смотря на помѣсь съ мужскимъ элементомъ, передаются только по одной женской линіи. Тоже самое относительно привычекъ и характера. Дѣвочка съ самаго начала обнаруживаетъ кокетливость, скромность, наклонность къ извѣстнымъ играмъ, тогда какъ мальчикъ, воспитывающійся совершенно подъ одними и тѣми же условіями, проявляетъ другія наклонности. Этого нельзя объяснить подраженіемъ, потому что характеръ мальчика и дѣвочки обнаруживается одинаково и при тѣхъ условіяхъ, когда дѣти развиваются исключительно подъ материнскимъ вліяніемъ. Далѣе, если мы обратимъ вниманіе на половой характеръ животныхъ, то увидимъ разность между самцами и самками, разность наслѣдственную, повторяющуюся постоянно, при всѣхъ условіяхъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда молодое животное удалено отъ родителей и стало быть не могло развить своихъ инстинктовъ и привычекъ путемъ подражанія. Наконецъ мы могли бы указать здѣсь на нѣсколько фактовъ патологической наслѣдственности, гдѣ извѣстныя болѣзни, напримѣръ, ракъ, истерика, передаются по одной женской линіи, тогда какъ другія, напримѣръ, запой, помѣшательство и проч. по одной мужской. Отъ чего бы не зависѣло такое явленіе, но оно показываетъ, что при распредѣленіи на сыновьяхъ и дочеряхъ наслѣдственныхъ призна-

ковъ родителей, особенно умственныхъ и нравственныхъ, они группируются на потомствѣ большею частію сообразно половой упрощенности этихъ признаковъ. Слѣдовательно, если женщина, не смотря на помѣсь въ ея организмѣ съ мужскимъ элементомъ, наследуетъ отъ матери особенность женскаго организма, если наследственно передаются половой характеръ и привычки, то почему бы не допустить, что и женскій складъ мозга тоже большею частію передается по женской линіи.

Этимъ только и можно объяснить тотъ поразительно ничтожный процентъ женскаго умственнаго капитала, который мы видѣли до сихъ поръ въ литературѣ, наукахъ и искусствахъ. Такого умственнаго застоя, такой непроизводительности женщинъ нельзя приписывать исключительно соціальному положенію ихъ. Оно виновато только въ историческомъ отношеніи, т. е. въ томъ смыслѣ, что парализовало развитіе женскаго мозга, но при надлежащей восприимчивости его не служило бы абсолютнымъ препятствіемъ для умственнаго труда. Въ самомъ дѣлѣ, если мы вообразимъ, что, положимъ, съ завтрашняго дня роли наши помѣняются, мужчины примутъ на себя обязанности женщинъ, а женщины труды мужчинъ, то мы можемъ быть увѣрены, что масса освободившихся мужскихъ умственныхъ силъ не останется въ бездѣйствіи. Образчики этого воображаемаго положенія можно видѣть и въ дѣйствительности, именно въ тѣхъ случаяхъ, когда развитой мужчина, вслѣдствіе чего либо удаляется отъ общества, отъ всѣхъ обязанностей гражданина, положимъ даже что куда нибудь заключается, не смотря на это онъ и здѣсь находитъ какое бы ни было средство для примѣненія своей умственной силы. Дѣятельность составляетъ непреодолимую потребность человѣка—это физиологическій законъ, но она можетъ выражаться такъ или иначе, смотря потому, къ какой дѣятельности человѣкъ болѣе склоненъ и наследственно подготовленъ. Поэтому крестьянинъ, унаслѣдовавшій крѣпкія кости и мускулы, предпочтетъ рубить дрова или копошиться около своего дому, чѣмъ составлять проекты или записывать правила своей житейской мудрости. Отъ этого же женщина предпочтетъ вязать чулки или говорить сплетни, чѣмъ вдуматься въ какую нибудь мысль, прослѣдить какой нибудь вопросъ, написать сочиненіе или даже картину. Повторяемъ, что привычки къ такому или другому образу жизни, къ тому или другому роду занятій укрѣпляются наследственностію, если они повторялись непрерывно въ теченіи многихъ и многихъ поколѣній.

Такимъ образомъ, съ одной стороны унаслѣдованная и весьма

укрѣпленная привычка къ праздному роду жизни, съ другой стороны исторической недостатокъ упражненія мозга и наконецъ продолжающееся соціальное положеніе женщины служатъ причиною тому, что женская умственная дѣятельность проявлялась и проявляется въ такихъ ничтожныхъ размѣрахъ.

Говоря о меньшей подготовкѣ женщинъ къ умственному труду, мы вовсе не хотимъ этимъ выразить намека о неспособности ихъ къ этому труду. Напротивъ, мы, можетъ быть, болѣе чѣмъ кто либо желали бы видѣть его, желали бы полного простора женскому развитію и увѣрены, что при измѣнившихся обстоятельствахъ, женскій мозгъ сдѣлаетъ быстрое движеніе впередъ и сдѣлается со временемъ настолько же воспріимчивымъ и производительнымъ, какъ мозгъ мужчины. Шагъ къ такому развитію мы замѣчаемъ уже и теперь. Современное поколѣніе женщинъ имѣетъ въ своихъ рядахъ много представительницъ этого отраднago движенія, остается только желать, чтобы обстоятельства жизни не тормозили его, не мѣшали женщинамъ стремиться къ той благородной цѣли, которая дѣлаетъ человѣка царемъ всего существующаго. Знаніе, говорить

Бэконъ, и при этомъ правильно организованное, прибавимъ мы отъ себя, становится могуществомъ!

В. Флоринскій.

ПѢСНЯ.

Началась ты, жизнь,
Ночью бурною,
Поздней осенью,
Избой курною.

Началась ты
Нищетой—бытьемъ,
Страшной выучкой,
Роковымъ трудомъ.

Подъ грозой—вьюгой
Не расти цвѣтамъ,
На вѣтру—дождѣ
Не горѣть свѣчамъ.

Отчего-жь ты, жизнь,
Въ полуночной тьмѣ
Засвѣтилася,
Какъ ночникъ въ тюрьмѣ?

Дрожишь, теплишься,
Не кончаешься,—
Или воли ты
Дожидаешься?

Радость—радостнымъ,
Вольнымъ—волюшку,
Суму—нищему
Даетъ долюшка.

Дорогой кафтанъ
Не присталь къ лаптямъ,
Чиста золота
Негдѣ прятать намъ.

Погасай же жизнь,
Не волнуйся грудь,
Не про пасъ идти
Въ даль широкій путь.

А. Михайловъ.

НАШЕСТВІЕ 1814 ГОДА

ИЛИ

ЮРОДИВЫЙ ПЕГОВЪ.

I.

Если вы жалаете познакомиться съ исторіей великаго нашествія 1814 года, то я вамъ расскажу ее такъ, какъ я самъ слышалъ отъ стараго охотника Франца изъ Генгста. Прошу васъ перенестись въ деревню Шармъ, въ Богезы. Десятка три домиковъ, поросшихъ мохомъ и темно-зеленымъ општокомъ, тянутся вереницею вдоль Сарры; передъ вами мелькаютъ крыши, покрытыя желтѣющими вѣтвями дикаго винограда и жимолости—потому что подходитъ зима,—расбрасываются улы, заткнутые пучками соломы, маленькіе паллсадники, изгороди, заборы, отдѣляющіе ихъ другъ отъ друга.

Надъво, на высокой горѣ, возвышаются древнія развалины замка Фалькенштейнъ, разрушеннаго шведами за двѣсти лѣтъ до нашего времени. Онъ обратился теперь въ груды развалинъ, поросшихъ бурьяномъ; пробираясь между рядами сосенъ, къ нему ведетъ лѣсная, заброшенная дорога, съ полустгнившими ступеньками. Направо, на берегу, виднѣется ферма Дубоваго Лѣса: это просторное мѣсто, застроенное ригами, конюшнями, сараями съ плоскими черепичными крышами, которыя защищаютъ ферму отъ сѣвернаго вѣтра. Кое-гдѣ между кустами бродятъ коровы, а по скаламъ виднѣются лоси.

Все это мирно, молчаливо.

У опушки лѣса толпятся ребятишки въ сѣрыхъ, холщевыхъ панталонахъ, босые и съ непокрытыми головами; они грѣются у маленькихъ костровъ; въ воздухѣ вьются кольца голубого дыма, а

сплошныя, бѣлыя и сѣрыя тучи стоятъ неподвижно надъ долиною; за этими тучами возвышаются бесплодныя вершины Гросмана и Донона.

Надо сказать, что послѣдній домъ въ деревнѣ, съ прямоугольной крышей и двумя слуховыми окнами, съ воротами, выходящими на грязную улицу, принадлежалъ въ 1813 году Жану Клоду Гуллену, старому волонтеру 92 полка, который въ то время былъ сапожникомъ въ Шармѣ и пользовался большимъ почетомъ на деревнѣ. Гулленъ былъ коренастый, мясистый мужчина, съ сѣрыми глазами, толстыми губами, короткимъ, приплюснутымъ носомъ и густыми посѣдѣлыми бровями. Нрава онъ былъ веселаго и кроткаго, и ни въ чемъ не отказывалъ своей дочери Луизѣ, дѣвочкѣ, которую онъ когда-то давно взялъ у этихъ несчастныхъ бобылей лудильщиковъ и кузнецовъ—людей, не имѣющихъ ни кола, ни двора, и бродящихъ изъ одной деревни въ другую, чтобы лудить кострюли, передѣлывать ложки и чинить худую посуду. Онъ считалъ ее родною дочерью и даже будто забылъ, что она была чужого племени.

Кромѣ этой натуральной привязанности у честнаго малаго были еще и другія: онъ любилъ больше всѣхъ свою двоюродную сестру, старую фермершу Дубоваго Лѣса, Катерину Лефевръ и ея сына Гаспара, который былъ взятъ въ рекруты въ послѣднюю конскрипцію; этотъ красивый молодой человѣкъ былъ женихомъ Луизы и все семейство ожидало его возвращенія по исходѣ кампаніи.

Гулленъ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ о своихъ походахъ въ Италію, въ Египеть, на Самбру и Мезу. Онъ часто раздумывалъ о нихъ, и порою, подъ вечеръ, покончивъ работу, отправлялся на Вальтенскую пыльную мельницу, построенную изъ древесныхъ пней, еще покрытыхъ корою, и мрачно выглядывавшую изъ глубины ущелья. Тутъ онъ садился вмѣстѣ съ дровосѣками, угольщиками къ пылающему огню, и опершись рукою на колѣно, не выпуская трубки изъ рта, принимался рассказывать имъ, подъ шумъ тяжелаго колеса, подъ грохотъ воды и острый звукъ пилы, о Клеберѣ, Гошѣ и о генералѣ Бонапартѣ, котораго онъ видалъ разъ сто; онъ описывалъ такъ живо его худое лицо, его пронизательные глаза, его орлиный профиль, что слушателямъ казалось, будто онъ стоитъ передъ ними.

Вотъ каковъ былъ Жанъ-Клодъ Гулленъ.

Это былъ человѣкъ стараго галльскаго племени; онъ любилъ необыкновенныя приключенія, геройскія предпріятія, но чувство долга держало его за работою съ самого новаго года до дня Св. Сильвестра вклучительно.

Луиза, дитя безъ рода и племени, была нѣжное и стройное существо, съ тонкими, изящными руками, съ свѣтлыми голубыми глазами,—которые такъ и ласкали васъ своимъ вкрадчивымъ взглядомъ,—съ свѣжимъ, бѣлымъ личикомъ, съ шелковистыми волосами и станомъ, слегка нагнутымъ напередъ, какъ у молящейся отроковицы. Своею дѣтскою улыбкою, своимъ мечтательнымъ челомъ и всею своею фигурою она напоминала старую пѣсню миннезингера Эргардта, въ которой говорится: «Передо мною мелькнулъ лучъ солнца, мои глаза еще до сихъ поръ ослѣплены имъ... Не луна ли это глянула на меня сквозь листву? Не заря ли это заиграла въ чащѣ лѣса?—Нѣтъ.... то прошла передо мною моя краса, моя Эдита.... Я взглянулъ на нее, и мои глаза еще до сихъ поръ ослѣплены ею.»

Луиза только и любила что поля, сады и цвѣты. Она плакала отъ восторга весною, когда раздавались въ воздухѣ первыя пѣсни жаворонка. Она слѣдила за расцвѣтомъ васильковъ и боярышника, растущаго въ прибрежныхъ кустахъ; она чутко сторожила возвращавшихся ласточекъ, которыя снова принимались вить гнѣзда подъ ея окномъ. Въ ней по прежнему сказывалось бездомное дитя бродягъ и скитальцевъ; только теперь она была менѣе дика. Гулленъ извѣщалъ ей все; онъ понималъ ея характеръ и подчасъ говорилъ ей шутя:

— Луиза, еслибъ мы жили одной твоей добычей, твоими огромными букетами цвѣтовъ и золотистыхъ колосевъ, то намъ дня черезъ три пришлось бы умереть съ голоду.

Въ отвѣтъ на это она улыбалась ему такъ ласково и такъ нѣжно цаловала его, что онъ говорилъ про себя, снова принимаясь за работу:

— Ну, чего-жь я разворчался? Она права, она любить солнце... Гаспаръ будетъ работать за двонхъ, и счастливъ будетъ за четверыхъ.... Я не тужу объ немъ, напротивъ того.... Мало ли работающихъ женщинъ, ихъ сыскать не трудно; и вѣдь отъ этого онѣ не становятся лучше; но любящихъ женщинъ.... какое счастье найти такую женщину, какое счастье!»

Такъ рассуждалъ нашъ честный Гулленъ, а дни, недѣли и мѣсяцы проходили въ ожиданіи скорого возвращенія Гаспара.

Старушка Лефевръ, женщина замѣчательно энергическая, была согласна съ Гуллиномъ насчетъ Луизы.

— Мнѣ нужна только дочь, которая бы любила насъ, говорила она; я вовсе не хочу, чтобъ она мѣшалась въ мое хозяйство. Лишь бы только была счастливой! Ты меня не станешь стѣснять, не правда ли, Луиза?

И онѣ обнимали другъ друга!...

А Гаспаръ все не возвращался и въ послѣдніе два мѣсяца о немъ не было никакого слуха.

И вотъ въ половинѣ декабря 1813 года, въ четвертомъ часу по полудни, Гулленъ сидѣлъ надъ своею работою и кончалъ пару деревянныхъ башмаковъ для дровосѣка Рошара; Луиза поставила глиняную кострюлю въ печку, въ которой трещалъ и жалобно свистѣлъ огонь; старые стѣнные часы отмѣчали каждую секунду своимъ однообразнымъ постукиваньемъ. На дворѣ, вдоль по всей улицѣ, стояли небольшія лужи, покрытыя корою бѣлаго, хрупкаго льда, которыя, обыкновенно, предвѣщаютъ большіе холода. Вдругъ по мерзлой землѣ застучать деревянные сапоги, промелькнетъ мимо окна пуховая шляпа, кашюшонъ или теплая шапка, потомъ стукъ замретъ въ отдаленіи и снова яснѣе слышится жалобный трескъ сырого хвороста въ печи, жужжаніе Луизиной прялки и кипѣніе воды въ мискѣ. Такъ прошло два часа; вдругъ случайно взглянувъ въ маленькое окно, Гулленъ оставилъ работу, вытаращилъ глаза и будто погрузился въ созерцаніе необычайнаго зрѣлища.

Толпа свистящихъ, прыгающихъ мальчишекъ, кричавшихъ во все горло: «Бубновый король, бубновый король», окружала человѣка, очень страннаго на видъ, который въ эту минуту поворачивалъ за уголъ улицы и медленно направлялся къ тавернѣ «Трехъ Голубей». Преставьте себѣ человѣка съ рыжими волосами и такою же бородою, съ важнымъ лицомъ, мрачнымъ выраженіемъ глазъ, прямымъ носомъ и сросшимися на серединѣ лба бровями; жестяной обручъ сжималъ его голову; сѣрая, мохнатая собачья шкура моталась у него за спиною, а обѣ переднія лапы были завязаны спереди около шеи; на груди у него висѣли, въ видѣ бредоковъ, маленькіе мѣдные кресты; сѣрые, холщевые панталоны были подвязаны у щиколки, а ноги были босы. На плечѣ у него сидѣлъ большой воронъ, съ черными крыльями, слегка отливавшими бѣлымъ цвѣтомъ. Глядя на его величественную походку, можно было принять его за одного изъ тѣхъ древнихъ мервингскихъ королей, которые изображаются на Монбельярскихъ картинкахъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ толстую, короткую палку, вырѣзанную на подобіе скипетра, а другою рукою дѣлалъ повелительные жесты; онъ поднималъ палецъ къ небесамъ и обращался съ рѣчью къ своей свитѣ.

Когда онъ проходилъ, всѣ двери отворялись передъ нимъ; у всѣхъ оконъ тѣснились любопытныя лица. Стоя на крыльцѣ своихъ домовъ, старушки зазывали къ себѣ юродиваго, который даже не удо-

стоявалъ повернуть къ нимъ голову; другіе выходили на улицу и старались загородить ему дорогу, но онъ отстранялъ всѣхъ однимъ жестомъ, однимъ словомъ, и шель впередъ, сдвинувъ брови и гордо поднявъ голову.

— А, сказалъ Гуленъ, это Игофъ.... Не думалъ я, что увижу его нынѣшнею зимою.... Это не въ его привычкахъ.... Какой чортъ занесъ его къ намъ въ такое время?

Луиза оставила свою прялку и постѣшила взглянуть на *Бубно-ваю короля*. Приходъ юродиваго Игофа въ началѣ зимы былъ просто на просто событіемъ; появленіе его радовало однихъ, потому что они надѣялись задержать его и выспросить у него исторію его походовъ и подвиговъ въ различныхъ кабакахъ; другіе, особенно женщины, чувствовали неопредѣленную тревогу, потому что, какъ всѣмъ извѣстно, юродивые знаютъ всякія сокровенныя вещи: имъ извѣстно прошедшее и будущее, они вдохновляются свыше; вся штука состоитъ только въ томъ, чтобы понимать ихъ, какъ слѣдуетъ, потому что ихъ слова всегда имѣютъ два смысла: одинъ — грубый, понятный обыкновеннымъ людямъ, другой — глубокий, доступный чуткимъ и мудрымъ душамъ. Впрочемъ у этого юродиваго были дѣйствительно необыкновенныя и высокія мысли, и этимъ онъ превосходилъ свою братію. Никто не зналъ, откуда онъ пришелъ, куда идетъ и чего хочетъ, потому что Игофъ постоянно скитался по всему краю, какъ осужденная душа; онъ толковалъ о вымершихъ племенахъ и считалъ себя царемъ Австразіи, Полинезіи и другихъ земель. Можно было бы написать дѣлне томы о его замкахъ, дворцахъ и крѣпостяхъ; число, расположеніе и архитектуру ихъ онъ зналъ до мельчайшихъ подробностей; величину, красоту и богатство ихъ онъ воспѣвалъ самымъ скромнымъ и смиреннымъ образомъ. Онъ бесѣдовалъ о своихъ конюшняхъ, о своихъ охотахъ, придворныхъ слугахъ, министрахъ, совѣтникахъ, намѣстникахъ провинцій; онъ никогда не путалъ ихъ именъ и не ошибался насчетъ ихъ достоинствъ, но горько жаловался на то, что проклятое племя низложило его, а старая повивальная бабка Салиенція Кокленъ заливалась горячими слезами каждый разъ, когда ей приходилось выслушивать его жалобы по поводу постигшаго его несчастія; въ этомъ не отставали отъ нея и многія другія. Тогда, поднявши руки къ небесамъ, Игофъ восклицалъ:

— О женщины, о женщины! Помните... помните.... Часъ блжзетъ.... духъ тьмы отступаетъ.... Старое племя.... господа вашихъ господъ приближаются подобно морскимъ волнамъ!

Онъ имѣлъ привычку бродить каждую весну по старымъ совн-

нимъ гнѣздамъ, по древнимъ замкамъ и по всѣмъ развалинамъ, возвышавшимся на Вогезскихъ горахъ; бывалъ онъ и въ глубинѣ лѣсовъ, въ Нидекѣ, въ Герольдсекѣ, въ Люцельбургѣ, въ Тюркштейнѣ, а потомъ увѣрялъ, что обошелъ своихъ вассаловъ, тольковалъ о восстановленіи прежняго величія своихъ владѣній и о подчиненіи возмущившихся народовъ съ помощью своего двоюроднаго брата *Великаго Голо*.

Жанъ-Клодъ Гулленъ трунилъ надъ этими розсказнями, умъ его былъ не настолько гибокъ, чтобы заноситься въ невидимыя сферы; но Луизу все это крайне смущало, особенно когда воронъ махалъ крыльями и издавалъ свой пронзительный крикъ.

Иегофъ шелъ внизъ по улицѣ, нигдѣ не останавливаясь, а взволнованная Луиза, вида, что онъ поглядываетъ на ихъ домикъ, заговорила, обращаясь къ Гуллину:

— Отецъ, онъ, кажется, идетъ къ намъ.

— Можетъ быть, отвѣчалъ Гулленъ. Бѣдняга! въ такой холодъ ему бы очень не мѣшало завести пару мѣховыхъ сапогъ, и по правдѣ сказать, если онъ попроситъ ихъ у меня, мнѣ не хотѣлось бы отказать ему.

— Какъ ты добръ, сказала молодая дѣвушка, нѣжно обнимая его.

— Да, да, знаю я тебя; ты ко мнѣ ласкаешься, потому что я все дѣлаю по твоему, говорилъ онъ смѣясь.—Кто мнѣ заплатитъ за матеріалъ и за работу? Вѣдь не Иегофъ же!...

Луиза опять обняла его, а Гулленъ, поглядѣвъ на нее, пробормоталъ:

— Эта монета стоитъ всякой другой.

Въ эту минуту Иегофъ былъ шагахъ въ пятидесяти отъ домика, а шумъ все усиливался. Цѣпляясь за полы его куртки, мальчишки кричали: «Бубны, пики, трефы!» Вдругъ онъ повернулся къ нимъ, поднялъ свою дубину, и несмотря на все свое бѣшенство, крикнулъ имъ съ большимъ достоинствомъ:

— Разступись, проклятое племя.... разступись.... не оглушай меня.... не то я спущу на тебя всю стаю моихъ дворняшекъ!

Свистки и взрывы хохота только усилились послѣ этой угрозы; но такъ какъ въ эту минуту на порогѣ показался Гулленъ съ своею длинною плеткой и, обратившись къ пяти или шести изъ самыхъ отчаянныхъ крикуновъ, объявилъ имъ, что въ тотъ же вечеръ, за ужиномъ, выдеретъ ихъ за вихры, что онъ дѣлалъ уже не разъ съ согласія родителей,—то толпа, сконфуженная встрѣчей,

немедленно разсыпалась. Обратившись къ юродивому, сапожникъ сказалъ ему:

— Войди, Игофъ, погрѣйся у огня.

— Я не Игофъ, отвѣчалъ юродивый обиженнымъ тономъ, меня зовутъ Люитпрандомъ, королемъ Австразіи и Полинезіи.

— Да, да, знаю, знаю, сказала Жанъ-Клодъ. Ты мнѣ ужь рассказывалъ все это. Да наконецъ, какъ бы тебя ни звали—Игофомъ или Люитпрандомъ—все-таки войди. На дворѣ холодно, обогрѣйся у меня.

— Иду, отвѣчалъ юродивый,—но у меня есть дѣло гораздо важнѣе, государственное дѣло.... надо заключить неразрывный союзъ между Германцами и Трибоками.

— Ладно.... Мы объ этомъ потолкуемъ.

Игофъ нагнулся, чтобы войти въ дверь, и задумчиво привѣтствовалъ Луизу, опустивъ свой скипетръ; но ворону не захотѣлось въ комнату, распустивъ свои большія, выгнутыя крылья, онъ описалъ большой кругъ около домика и со всего размаха ударился о стекла, будто намѣреваясь разбить ихъ.

— Берегись, Гансъ, крикнулъ на него юродивый, я иду!

Но птица продолжала держаться своими острыми когтями за оловянные петли и не переставала махать подъ окномъ своими большими крыльями, пока ея хозяинъ оставался въ домѣ. Луиза не спускала съ нея глазъ; она боялась ее. А Игофъ въ это время усѣлся около печки на старое кожаное кресло, какъ на тронъ, вытянулъ ноги и, съ гордостью оглядываясь кругомъ, заговорилъ:

— Я пришелъ прямымъ путемъ изъ Іеромей, чтобы заключить съ тобою союзъ, Гулленъ. Тебѣ извѣстно конечно, что я удостоилъ бросить милостивый взглядъ на твою дочь, а теперь я прошу ее себѣ въ жены.

При этомъ предложеніи Луиза покраснѣла до ушей, а Гулленъ расхохотался, поджавъ животикъ.

— Ты смѣешься! вскричалъ юродивый сдавленнымъ голосомъ.— Нечему тутъ смѣяться.... Одинъ этотъ союзъ только и можетъ спасти отъ угрожающей гибели тебя, твой домъ и всѣхъ твоихъ близкихъ.... Въ эту самую минуту сюда подступаютъ мои войска.... имъ вѣтъ числа.... они покрываютъ землю.... Гдѣ же вамъ бороться противъ меня? Вы будете побѣждены, уничтожены, или поработены, какъ были поработены въ теченіи многихъ вѣковъ, потому что я, Люитпрандтъ, король Австразіи и Полинезіи, рѣшилъ, что все должно повернуть къ прежнему порядку.... Помни это!

Юродивый торжественно поднялъ руку и продолжалъ:

— Вспомни, что было!... Вы были разбиты!... А мы, древнія сѣверныя племена, мы наступили вамъ на голову.... Мы навьючили васъ самыми тяжелыми камнями и заставили васъ строить наши укрѣпленные замки и наши подземныя тюрьмы.... Мы впрягали васъ въ наши сохи и вы гнулись передъ нами, какъ солома передъ бурей.... Помни, помни все это, Трибокъ, и трепещи!

— Я прекрасно помню все это, сказалъ Гулленъ, не переставая смѣяться; но вѣдь мы же отомстили.... Ты знаешь?

— Да, да, прервалъ юродивый, сдвинувъ брови, но это время прошло. Мои войны многочисленнѣе, чѣмъ листья на лѣсныхъ деревьяхъ.... и ваша кровь течетъ, какъ ключевая вода.... Я знаю тебя, знаю ужъ болѣе тысячи лѣтъ!

— Вотъ каковъ ты! проговорилъ Гулленъ.

— Да, эта рука, слышишь-ли, эта рука побѣдила тебя, когда мы въ первый разъ пришли въ ваши лѣса.... Она пригнула твою голову подъ ярмо и опять пригнетъ ее! Вы храбры и потому думаете, что навсегда стали повелителями этой страны и всей Франціи... Такъ нѣтъ же, вы ошибаетесь! мы подѣлили васъ и подѣлимъ снова: Эльзась и Лотарингію мы отдадимъ Германіи, Бретань и Нормандію — сѣвернымъ людямъ, Фландрію и югъ—Испаніи. Вокругъ Парижа мы оснуемъ маленькое французское королевство, очень маленькое королевство, во главѣ котораго станетъ потомокъ древней королевской династіи.... тогда вы и не шевельнетесь... какъ вы будете смиренны.... хе, хе, хе!

И юродивый расхохотался.

Гулленъ, ничего не смыслившій въ исторіи, только дивился, что юродивый знаетъ столько именъ.

— Да брось ты все это, Игофъ, сказалъ онъ, и погрѣй себѣ животъ, поѣшь супу.

— Не супу я у тебя прошу, а прошу себѣ въ жены эту дѣвушку.... во всѣхъ моихъ владѣніяхъ нѣтъ женщины красивѣе ея.... Отдай мнѣ ее добромъ, и я приближу тебя къ своему престолу; а не отдашь, такъ войска мои возьмутъ ее силой, и ты лишишься чести отдать мнѣ ее добровольно.

Говоря это, несчастный глядѣлъ на Луизу съ выраженіемъ глубокаго восторга.

— Какъ она хороша! проговорилъ онъ.—Я предназначаю ее къ величайшимъ почестямъ.... Радуйся, отроковица, радуйся.... ты будешь королевою Австразіи.

— Послушай Игофъ, сказалъ Гулленъ, твое предложеніе, разумѣется, очень лестно, оно доказываетъ, что ты умѣешь цѣнить кра-

соту.... Все это прекрасно, но моя дочь уже помолвлена за Гаспара Лефевра.

— А я ничего этого и знать не хочу! Закричал юродивый гнѣвнымъ тономъ.

Потомъ онъ всталъ и проговорилъ, снова принимая свой торжественный тонъ:

— Гулленъ, это мое первое предложеніе: я возобновлю его еще два раза, слышишь-ли, еще два раза? И если ты не перестанешь упрямиться—горе тебѣ! горе тебѣ и всему твоему роду!...

— Какъ! Ты не хочешь супу?

— Нѣтъ, нѣтъ, заревѣлъ юродивый, я ничего не приму отъ тебя, пока ты не согласишься!... Ничего, ничего!...

И къ великому удовольствію Луизы, которая все смотрѣла на ворона, бывшего крыльями подъ окномъ, Игофъ направился къ двери, махнулъ своей палицей и, повторивъ—«Еще два раза», вышелъ на улицу.

Гулленъ расхохотался до упаду.

— Бѣдняга, сказалъ онъ, а вѣдь самъ все такъ и поглядывалъ на миску съ супомъ.... Желудокъ-то у него пусть.... обнищалъ онъ до того, что весь раздѣтъ, зубъ на зубъ не попадетъ.... Такъ нѣтъ же! дурь-то пересилила и голодъ и холодъ!

— Господи, какъ онъ меня напугалъ! сказала Луиза.

— Это все пустяки, дитя мое, успокойся.... Онъ вѣдь ушелъ. Не смотря на все свое юродство, онъ находитъ, что ты хороша; чего-жь тутъ пугаться!

Но Луиза все еще дрожала и краснѣла, вспоминая, какъ глядѣлъ на нее несчастный юродивый.

А Игофъ пошелъ по Вальтенской дорогѣ. Онъ удалялся съ важнымъ видомъ, неся ворона на плечѣ и дѣлая странныя тѣлодвиженія, хотя возлѣ него не было рѣшительно никого. Наступала ночь; вскорѣ высокая фигура «Дубноваго короля» слилась съ сѣроватыми оттѣнками зимнихъ сумерекъ и окончательно исчезла изъ виду.

II.

Въ тотъ же вечеръ, послѣ ужина, Луиза взяла свою прялку и отправилась въ гости къ теткѣ Рошаръ, у которой собиравлись и просидывали чуть не до полуночи женщины и молодая дѣвушка изъ сосѣднихъ деревень. Рассказывали здѣсь старыя преданія, толко-

вали о дождѣ, о погодѣ, о свадьбахъ, о крестинахъ, о наборахъ и о возвращеніи рекругъ... да мало-ли о чемъ толковали. А подъ этотъ говоръ время утекало быстро и пріятно.

Гулленъ остался одинъ; сидя передъ своею маленькою мѣдною лампой, онъ оковывалъ деревянные башмаки стараго дровосѣка; онъ уже и не думалъ объ юродивомъ Іегофѣ; молотокъ его то поднимался, то опускался, вколачивая крупные гвозди въ толстыя деревянные подошвы, и все это дѣлалось какъ-то машинально, по силѣ привычки. А въ это время тысячи мыслей бродили въ его головѣ; онъ былъ задумчивъ, самъ не зная отчего. Онъ думалъ то о Гаспарѣ, который давно уже не присылалъ о себѣ никакой вѣсточки, то о кампаніи, которая тянулась неимоверно долго. Лампа освѣщала своимъ желтоватымъ свѣтомъ законченныя стѣны комнаты. На улицѣ ничто не шевелилось. Огонь потухалъ; Жанъ-Клодъ всталъ, чтобы подбросить полѣно въ печь; потомъ онъ опять усѣлся на прежнее мѣсто и пробормоталъ:

— Вѣдь кончится же это когда нибудь... мы непременно на дняхъ получимъ письмо.

Старые часы пробили девять. Гулленъ снова принялся за работу, но въ это время отворилась дверь и на порогѣ появилась Катерина Лефевръ, фермерша Дубоваго Лѣса, что очень удивило сапожника, потому что онъ зналъ, что она никогда не выходила изъ дома въ такое позднее время.

Катеринѣ Лефевръ было лѣтъ 60, но она была еще здорова и пряма, какъ тридцатилѣтняя женщина; что-то мрачное и горькое сказывалось въ ея впалыхъ щекахъ и въ губахъ, сжатыхъ подъ вліяніемъ постоянной заботы. Двѣ-три пряди желтоватыхъ, сѣдыхъ волосъ спускались вдоль ея висковъ, на головѣ у нея былъ надѣтъ коричневый полосатый капюшонъ, покрывавшій ея плечи и доходившій до локтей. Во всей ея фигурѣ сказывался твердый, настойчивый характеръ, а въ манерахъ было что-то величественное и грустное, что внушало уваженіе и страхъ.

— Неужели это вы, Катерина? сказала удивленный Гулленъ.

— Да, это я, спокойно отвѣчала старуха.—Я хочу съ вами потолковать, Жанъ-Клодъ.... Луиза вышла?

— Она пошла на посидѣлки къ теткѣ Рошаръ.

— Тѣмъ лучше.

Катерина откинула свой капюшонъ и усѣлась возлѣ станка. Гулленъ пристально смотрѣлъ на нее; ему чудилось въ ней что-то необычайное и таинственное, и это смущало его.

— Въ чемъ же дѣло? спросилъ онъ, прибирая молотокъ.

Не отвѣчая на этотъ вопросъ, старуха посмотрѣла на дверь и съ минуту прислушивалась, но ничего не было слышно; на лицѣ ея снова появилось прежнее задумчивое выраженіе, и она сказала:

— Юродивый Игофъ ночевалъ прошлую ночь на фермѣ.

— Онъ заходилъ и ко мнѣ нынче, послѣ обѣда, сказалъ Гулленъ совершенно равнодушно, не придавая этому случаю никакого значенія.

— Да, продолжала старуха попотомъ, онъ ночевалъ у насъ, и вчера вечеромъ въ этотъ самый часъ, въ кухнѣ, при всѣхъ, этотъ юродивый разсказалъ намъ страшныя вещи!

Она замолчала и губы ея сжались еще крѣпче.

— Странныя вещи? пробормоталъ Гулленъ, удивляясь все болѣе и болѣе, потому что онъ еще никогда не видалъ сосѣдку въ такомъ волненіи.— Да, что же онъ разсказывалъ, Катерина,— говорите, что?

— Мои собственные сны!

— Сны?... Вы вѣрно хотите поднять меня на смѣхъ?

— Нѣтъ.

Потомъ, помолчавъ съ минуту, она медленно продолжала, глядя на изумленнаго Гуллена:

— Вчера вечеромъ, послѣ ужина, всѣ наши люди собрались въ кухнѣ у очага; столъ еще былъ накрытъ и на немъ стояли и лежали пустыя чашки, тарелки и ложки. Игофъ ужиналъ съ нами и все время потѣшалъ насъ разсказами о своихъ дворцахъ, сокровищахъ и владѣніяхъ. Было часовъ девять; юродивый усѣлся у ярко-пылавшаго огня.... Мой батракъ Дюшенъ перетягивалъ сѣдло Брюно, пастухъ Робенъ плелъ корзину, Аннушка уставляла горшки на полку; я пододвинула прялку къ печкѣ, чтобы еще попрясть немножко на сонъ грядущій. На дворѣ собаки лаiali на мѣсяцъ; должно быть холодъ былъ порядочный. Сидѣли мы такъ всѣ вмѣстѣ и толковали о зимѣ; Дюшенъ говорилъ, что она будетъ сурова, потому что онъ видѣлъ огромныя стаи дикихъ гусей. А воронъ Игофа, сидя на окраинѣ очага, забилъ свою толстую голову подъ растопыренныя перья и какъ будто спалъ; но по временамъ онъ вытягивалъ шею, приглаживалъ клювомъ перья, озирался на насъ, слушалъ съ минуту и опять пряталъ голову подъ крыло.

Старуха смолкла на минуту, будто стараясь собраться съ мыслями; она потупилась; ея большой, крючковатый носъ чуть не коснулся ея губъ и странная блѣдность разлилась по ея лицу.

— Что-жь это она хочетъ разсказать? думалось Гуллену.

Старуха продолжала:

— Сидя у очага въ своей жестяной коронѣ, съ своею короткой палицей, Игофъ о чемъ-то мечталъ. Онъ глядѣлъ на большую, закоптѣлую трубу, на большой каменный колпакъ, на которомъ были высѣчены деревья и люди, на дымъ, клубившійся большими кольцами вокругъ окороковъ ветчины. Вдругъ, когда мы почти совсѣмъ забыли про него, онъ ударилъ концомъ палки по полу и вскрикнулъ, какъ во снѣ:—«Да, да, я это видѣлъ.... давно.... давно!» Мы посмотрѣли на него съ изумленіемъ, а онъ продолжалъ:—«Въ то время сосновые лѣса были дубовыми. Тогда не существовало ни Нидека, ни Дагсберга, ни Фалькенштейна, ни Герольдсека, ни одного изъ старинныхъ замковъ, которые теперь лежатъ въ развалинахъ. Въ тѣ времена въ лѣсахъ охотились за дикими буйволами, въ Саррѣ ловили семгу, а вы, бѣлобрысые люди, погребенные въ снѣгахъ цѣлые шесть мѣсяцевъ, питались молокомъ и сыромъ, потому что у васъ были большія стада на Генгстѣ, Шнебергѣ, Гросманѣ и Дононѣ. Лѣтомъ вы охотились, спускаясь къ Рейну, въ Мозелю и Мезѣ: я помню все это!»

— Странное дѣло, Жанъ-Клодъ; по мѣрѣ того какъ юродивый говорилъ, мнѣ казалось, что я переносусь въ эти страны, что припоминаю ихъ, какъ во снѣ... Веретено выпало у меня изъ рукъ, а старый Дюшенъ, Робенъ, Аннушка, всѣ слушали.—«Да, давно все это было, снова заговорилъ юродивый. Въ тѣ времена вы уже строили эти огромныя печи, и окружали ключезъ земли въ двѣсти-триста шаговъ частоколомъ въ пятнадцать футовъ вышины, съ обожженными верхушками.... А за этимъ частоколомъ вы держали своихъ вислогубыхъ собакъ, которыя лаяли днемъ и ночью.»

— Мы видѣли все, что онъ говорилъ, Жанъ-Клодъ... Онъ, повидимому, не обращалъ на насъ никакого вниманія, а глядѣлъ, разинувши ротъ, на фигуры, украшавшія колпакъ очага; но черезъ минуту онъ нагнулъ голову и, замѣтивъ, что мы его слушаемъ онъ, захохоталъ, какъ помѣшанный и воскликнулъ:—«И въ тѣ времена вы, бѣлокурые люди съ бѣлымъ тѣломъ и голубыми глазами, вскормленные молокомъ и сыромъ и пившіе кровь только по осени, во время большихъ охотъ, вы считали себя властителями страны, обладателями этихъ долинъ и горъ; но пришли мы, рыжіе люди съ зелеными глазами, пришли изъ-за моря... мы постоянно пили кровь и любили только битву... въ одно прекрасное утро мы поднялись вверхъ по теченію Сарры, подъ тѣнью старыхъ дубовъ, вооруженные топорами и рогатинами!... Война была лютая и тянулась она недѣли, тянулась мѣсяцы... А старуха.... вотъ эта.... сказала онъ,

указывая на меня съ странною улыбкой, — Маргарета изъ клана Кильбериковъ, эта старуха съ острымъ носомъ засѣла за свой чашоколь съ собаками и воинами и защищалась, какъ волчица! Но прошло пять мѣсяцевъ и настала голодь... всѣ бѣжали изъ засады, а мы, притаившись въ оврагѣ, перебили всѣхъ... всѣхъ... кромѣ дѣтей и красныхъ дѣвицъ!... Одна только старуха пережила всѣхъ и защищалась до послѣдней крайности ногтями и зубами. Я, Люитпрандтъ, я самъ разсѣкъ ея сѣдую голову и захватилъ въ плѣнъ ея слѣпца отца, этого старика изъ стариковъ, котораго я посадилъ на цѣпь, какъ собаку, у воротъ своего замка!»

— Послѣ этого, Гулленъ, продолжала старуха, склонивъ голову, юродивый заплѣлъ длинную пѣсню—жалобу старика, привязаннаго у его двери. Постойте, дайте припомнить.... Эта пѣснь была печальна, какъ похоронное пѣніе! Нивакъ не могу вспомнить, но она все еще раздается у меня въ ушахъ: отъ нея кровь стынетъ въ жилахъ. Онъ все хохоталъ, но наконецъ наши люди странно закричали: они вышли изъ себя со злости. Старикъ Дюшенъ бросился на юродиваго и хотѣлъ придушить его; но онъ оказался сильнѣе, чѣмъ мы думали: оттолкнувъ его и поднявъ въ сильномъ бѣшенствѣ свою палку, онъ сказалъ намъ: «На колѣна, рабы, на колѣна! Моя войска подвигаются... Слышите? слышите, какъ подъ ними стонетъ земля! Эти замки, Нидекъ, Го-Барръ, Дагсбергъ, Тюркштейнъ, вы всѣ ихъ отстроите снова... на колѣна!»

— Нивогда я не видала такого страшнаго лица, какъ лицо Йе-гофа въ эту минуту; но когда мои люди бросились на него во второй разъ, мнѣ пришлось вступить за него.—Это юродивый, сказала я имъ:—не стыдно ли вамъ вѣрить словамъ дурака? — Они оставили его; но я не могла сомкнуть глазъ всю ночь. Мнѣ постоянно слышались слова этого несчастнаго. Слышалась мнѣ пѣснь старика, чудился лай собакъ и шумъ битвы. Давно ужъ я не испытала такой тревоги. Вотъ зачѣмъ я пришла повидаться съ вами. Что вы думаете обо всемъ этомъ, Гулленъ?

— Что я думаю? спросилъ сапожникъ, и на его красномъ, мясистомъ лицѣ выразилась грустная насмѣшка и жалость.—Еслибъ я зналъ васъ не такъ коротко, Катерина, я сказалъ бы, что вы рехнулись, что и Робенъ, и Дюшенъ, и всѣ вы до одного съ ума сошли; все это мнѣ представляется скаскою Женеьевы Брабантской, исторію, сочиненною, чтобы пугать маленькихъ дѣтей, и изъ которой можно ясно видѣть глупость нашихъ предковъ.

— Вы этихъ вещей не понимаете, проговорила старуха спокойно

и важно:—развѣ вамъ никогда не приходили на умъ подобныя мысли?

— Стало быть вы вѣрите тому, что вамъ напѣлъ въ уши Игофъ?

— Да, вѣрю.

— Ну полноте, Катерина, вѣдь вы женщина съ здравымъ разсудкомъ. Пусть бы все это говорила тетка Рошаръ... но вамъ-то не стыдно?

Онъ всталъ съ видомъ негодованія, снялъ свой передникъ, пожалъ плечами, потомъ быстро сѣлъ на прежнее мѣсто и сказалъ:

— Знаете ли, что за чело́вѣкъ этотъ юродивый? Я вамъ объясню это: это навѣрное одинъ изъ тѣхъ нѣмецкихъ школьныхъ учителей, которые набиваютъ себѣ голову старыми сказками тетушки Гусни и потомъ рассказываютъ ихъ съ самымъ важнымъ видомъ. Они долбятъ, мечтаютъ, пережевываютъ, отыскиваютъ вчерашняго дня; наконецъ у нихъ заходитъ умъ за разумъ; имъ грезятся всякія видѣнія, лѣзетъ въ голову всякая чушь, и наконецъ они принимаютъ свои мечты за дѣйствительность. Я всегда считалъ Игофа именно такимъ горемыкой; онъ знаетъ множество именъ, толкуетъ о Бретаньи и Австразіи, о Полинезии и Нидекѣ, а потомъ о Герольдсекѣ, Тюркштейнѣ, о берегахъ Рейна, наконецъ болтаетъ обо всемъ наобумъ; оно будто на что-то похоже, но на дѣлѣ все это одна только чепуха. Въ обыкновенное время вы согласились бы со мною, Катерина; но вы тоскуете, что нѣтъ извѣстій отъ Гаспара. Ходятъ слухи о войнѣ, о нашествіи,—все это мучить и тревожить васъ... Вы теряете сонъ... и принимаете за евангельскія слова все то, что вамъ рассказываетъ полупомѣшанный чудакъ.

— Нѣтъ, Гуленъ, все это не то... еслибъ вы сами слышали Игофа.

— Полноте, полноте, вскричалъ онъ; еслибъ я его слышалъ, я посмѣялся бы ему въ глаза, точно такъ же, какъ насмѣялся давеча... Знаете ли, что онъ пришелъ просить себѣ въ жены Луизу и обещалъ сдѣлать ее Австразійскою королевою?

Катерина Лефевръ невольно улынулась; но, принявъ тотчасъ же серьезный тонъ, сказала:

— Всѣ ваши доводы не могутъ убѣдить меня, Жанъ-Клодъ; но признаюсь, меня пугаетъ молчаніе Гаспара... Я знаю его, онъ конечно писалъ ко мнѣ, но почему же его письма не дошли ко мнѣ?... Война идетъ плохо, Гуленъ, всѣ возстали противъ насъ. Никто не хочетъ нашей революціи,—вы знаете это не хуже меня. Пока мы были сильны, пока одерживали одну побѣду за другою, до тѣхъ

поръ намъ кланялись; но съ тѣтъ поръ, какъ намъ не посчастливилось въ Россіи, все пошло вверхъ дномъ.

— Эхъ, эхъ, Катерина, какъ у васъ все путается въ головѣ!... Вы все видите въ мрачномъ свѣтѣ.

— Да, я все вижу въ мрачномъ свѣтѣ—и я права. Больше всего меня беспокоитъ то, что мы не имѣемъ никакихъ извѣстій извнѣ; мы здѣсь живемъ, какъ въ дикой странѣ, ничего не знаемъ о томъ, что дѣлается... Приди къ намъ не нынче, такъ завтра Козаки или Австрійцы—и мы всѣ будемъ дивиться такой неожиданности.

Гулленъ не спускалъ глазъ съ старухи, которая все больше и больше оживлялась, и почувствовала, что помимо собственнаго желанія онъ и самъ поддается волнующимъ ее опасеніямъ.

— Слушайте, Катерина, сказалъ онъ вдругъ, когда вы говорите дѣло, я никогда не противорѣчу вамъ... Все, что вы сказали сейчасъ, конечно очень возможно.... Я этому не вѣрю, но надо узнать, что тамъ происходитъ. Я на этой недѣлѣ собирался въ Пфальсбургъ закупить бараньихъ шкурокъ для отдѣлки сапогъ: я хочу отправиться завтра же. Пфальсбургъ укрѣпленный городъ, тамъ есть и почтамтъ и тамъ можно добиться самыхъ вѣрныхъ извѣстій.... Повѣрите ли вы тому, что я тамъ узнаю?

— Да.

— Такъ рѣшено же.... я отправлюсь завтра рано утромъ. До Пфальсбурга 5 миль—я стало быть вернусь часамъ къ шести. Вы увидите, Катерина, что всѣ ваши грустные мысли—сущій вздоръ.

— Давай Богъ, давай Богъ! отвѣчала фермерша, вставая. Вы и то немного успокоили меня, Гулленъ. Теперь я пойду домой, на ферму, и надѣюсь, засну лучше чѣмъ въ прошлую ночь.... Прощайте, Жанъ-Клодъ!

III.

На другой день, чуть только стало свѣтать, Гулленъ надѣлъ праздничные панталоны изъ толстаго снѣга сукна, широкую, темную, бархатную куртку, красный жилетъ съ мѣдными пуговицами, большую, пуховую шляпу съ загнутыми вверхъ полями, и отправился по дорогѣ въ Пфальсбургъ, опираясь на длинную, суковатую палку.

Пфальсбургъ—небольшое укрѣпленіе, стоящее поперегъ императорской дороги изъ Страсбурга въ Парижъ: онъ возвышается надъ Северномъ, надъ ущельями Го-Барра, Плоской Скалы, Бонъ-Фонтена и Грауфталя. Его бастіоны, его выступы, полу-мѣсяцы образуютъ извилины на скалистой площадѣ; издали кажется, что не

трудно перешагнуть черезъ его стѣны, но подойдя поближе, увидишь передъ собою ровъ во сто футовъ глубины и мрачные валы, высѣченные въ скаль. Это сразу останавливаетъ васъ. Впрочемъ за исключеніемъ церкви, городской думы, двухъ воротъ—французскихъ и германскихъ, выстроенныхъ на подобіе митры, и шпильцевъ двухъ пороховыхъ погребовъ—все остальное заслояется глазисами Тавовъ маленькій Пфальсбургъ; онъ не лишень даже нѣкоторой величественности, особенно когда перейдешь черезъ мосты и войдешь въ низкія ворота съ желѣзными, зубчатыми, опускными рѣшетками. За стѣнами, распредѣляются дома правильными кварталами: они низки, выстроены изъ камня и стоятъ рядами; на всемъ лежитъ печать военной дисциплины.

Благодаря своей сильной натурѣ и своему всеелому нраву, Гулень никогда не опасался за будущее и принималъ всѣ ходившіе по околадку слухи объ отступленіи, пораженіи и вторженіи—за ложь, распускаемую недобросовѣстными людьми. Представьте же себѣ его изумленіе, когда, обогнувъ гору и дойдя до опушки лѣса, онъ увидалъ, что все пространство вокругъ города совершенно обнажено, нигдѣ не было видно ни сада, ни роши, ни проспектовъ, ни дерева, ни куста, все было расчищено на разстояніи цѣлаго пушечнаго выстрѣла. Кое-гдѣ нѣсколько бѣдняковъ подбирали послѣдніе обломки своихъ домиковъ и сносили ихъ въ городъ. На горизонтѣ только и видѣлся рядъ валовъ, образовавшихъ темную линію надъ защищенными дорогами. Все это поразило Жана-Клода, какъ громовой ударъ; нѣсколько минутъ онъ простоялъ на мѣстѣ и не могъ выговорить ни одного слова, не могъ ступить ни одного шага.

— Ого! проговорилъ онъ наконецъ, дѣло-то плохо, очень плохо! Ждутъ непріятеля!

Но вдругъ въ немъ проснулись его воинственные инстинкты и яркій румянецъ заигралъ на его смуглыхъ щекахъ.

— А вѣдь всему этому причиной эти проклятые оборванцы—австрійцы, ируссаки, русскіе, весь этотъ сбродъ, собранный со всѣхъ концовъ Европы, вскричалъ онъ, махая своею палкой,—да не на такихъ пошал! ужь мы имъ дадимъ себя знать!...

На него нашелъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ бѣшенства, которые находятъ на всѣхъ честныхъ людей, когда ихъ выводятъ изъ терпѣнія. Бѣда была бы всякому, кто бы въ эту минуту косо взглянулъ на него!

Минуть съ двадцать спустя, онъ входилъ въ городъ вслѣдъ за длиннымъ рядомъ подводъ, запряженныхъ пятью и шестью лошадей

ми, которыя съ страшными усиліями тащили пни, назначенные для постройки блокгаузовъ. Въ толпѣ погонщиковъ, мужиковъ и ржавшихъ, фыркавшихъ и топтавшихся на мѣстѣ лошадей ѣхалъ важно и медленно жандармъ, дѣдушка Кельсъ, который, казалось, ничего не слышалъ и говорилъ рѣзкимъ голосомъ:

— Живо, живо ребята, мы съѣдимъ еще два раза до вечера....
Вы сослужите хорошую службу отечеству!

Жанъ-Клодъ перешелъ мостъ.

Въ городѣ ему представилась новая картина. Во всемъ видѣлись хлопоты о защитѣ: всѣ двери были отворены настежь; мужчины, женщины, дѣти ходили и бѣгали, помогая переносить порохъ и бовые снаряды. Безпрестанно составлялись группы изъ трехъ, четырехъ, шести человѣкъ, и всѣ разспрашивали другъ друга о новыхъ извѣстіяхъ.

— Эй, сосѣды!

— Чего тебѣ?

— Сейчасъ прискакалъ курьеръ.... онъ вѣхалъ во французскія ворота.

— Такъ онъ значить привезъ вѣсти о Нансіейской національной гвардіи?

— Или о конвоѣ изъ Меца?

— Да, ваша правда.... Здѣсь недостаетъ 16 фунтовыхъ ядеръ....
Надо бы и картечи.

Вдоль тротуаровъ, стоя на столахъ съ засученными рукавами, нѣсколько жирныхъ буржуа заботливо блиндировали свои окна толстыми брусками и соломенными рогожками; другіе подкатывали къ своимъ дверямъ бочки съ водою. Эта оживленная картина ободрила Гуллена.

— Хорошее дѣло, вскричалъ онъ, всѣ здѣсь за работой! Славная встрѣча ожидаетъ союзниковъ.

Стоя передъ училищемъ, городской сержантъ Гармантье кричалъ пискливымъ голосомъ: «Объявляемъ, что казематы будутъ открыты для того, чтобы всякій могъ перенести туда по матрасу и по два одѣяла на человѣка, и что господа мѣстные комиссары начнутъ свою ревизію, чтобы удостовѣриться, заготовлено ли у каждаго изъ жителей провизіи на три мѣсяца, о чемъ и требуется узнать. Сего декабря 20 дня 1813 года. Губернаторъ Іоганнъ-Петръ Мёнъе».

Все это Гуллень увидалъ и услышалъ въ одну минуту, потому что весь городъ толковалъ только объ этомъ.

Странныя, серьезныя и комическія сцены безпрестанно смѣнялись другъ друга.

Въ переулкѣ близъ арсенала нѣсколько національныхъ гвардейцевъ тащили тяжелое орудіе. Этимъ молодцамъ приходилось подниматься на довольно крутую горку; они выбились изъ силъ. «Эй, дружище, чортъ возьми! Ребята, приударьте-ка еще! Впередь!» Всѣ кричали заразъ, толкали колеса, и тяжелое орудіе, вытянувъ свою огромную, чугунную шею надъ громаднымъ лафетомъ и возвышаясь надъ всѣми головами, медленно катилось впередъ, потрясая подъ собою мостовую.

Гулленъ ликовалъ; онъ будто превратился въ другого человѣка, въ немъ проснулись солдатскіе инстинкты: воспоминанія о бивуакахъ, о переходахъ, перестрѣлкахъ, сраженіяхъ такъ и тѣснились бѣглымъ шагомъ въ его головѣ; глаза его сверкали, сердце билось быстрѣе, и въ умѣ у него уже бродили мысли о защитѣ, засадахъ, о борьбѣ на жизнь и смерть.

— Ну, говорилъ онъ самъ себѣ, все прекрасно! Довольно я на своемъ вѣку поработалъ надъ сапогами, теперь представляется случай опять взяться за ружье—и тѣмъ лучше: мы покажемъ пруссакамъ и австрійцамъ, что еще не разучились ходить въ штыки.

Такъ онъ разсуждалъ, увлекшись своими воинственными воспоминаніями, но радость его была не продолжительна.

На площади, противъ церкви стояло штукъ двадцать телѣгъ съ ранеными, ѣхавшими изъ Лейпцига и Ганау. Эти несчастные съ блѣдными, истомленными лицами, тусклыми глазами сповоино ожидали смерти; одни были еще не перевязаны, у другихъ были уже отняты члены. Стоя возлѣ нихъ, нѣсколько старухъ, рыжихъ владъ, покрытыхъ собачьими шкурами, пережевывали свой скудный кормъ, а погонщики, набранные въ Эльзасъ, спали на церковной паперти, несмотря на холодъ, завернувшись въ свои длинныя, дырявыя плащи, сложивши руки и надвинувъ на брови пуховыя шляпы. Невольно пробирала дрожь, при видѣ этихъ угрюмыхъ группъ, этихъ страдалцевъ, одѣтыхъ въ сѣрые плащи и валявшихся на окровавленной соломѣ; одинъ держалъ на колѣняхъ свою разможенную руку, у другого голова была перевязана старымъ платкомъ, третій уже умершій служилъ подушкой для живыхъ, а его почернѣвшія руки свѣшивались какъ плети черезъ край телѣги. Гулленъ стоялъ какъ вкопанный передъ потрясающею картиной. Онъ не могъ отвести отъ нея глазъ. Великія человѣческія страданія имѣютъ надъ нами странную власть: они насъ словно очаровываютъ, намъ хочется взглянуть, какъ эти люди гибнутъ, какъ смотрятъ они въ глаза смерти; даже лучшіе люди не лишены этого жестокаго любопытства. Кажется, будто вѣчность выдаетъ намъ свою тайну!

Тамъ, у дышла первой телѣги, нѣсколько направо, сидѣли два карабинера, въ короткихъ, свѣтло-голубыхъ курткахъ; это были настоящіе колоссы, но ихъ могучая натура слабо боролась съ одолевавшею болѣзнью: они походили на каріатиды, подавленные подъ громадною тяжестью. Одинъ, рыжій усачъ съ зеленоватымъ лицомъ, смотрѣлъ на вась остолбенѣлыми глазами, словно его давилъ какой-то страшный кошмаръ; другой, будто переломившійся пополамъ, съ посинѣвшими руками, съ плечомъ, раздробленнымъ картечью, все больше и больше наклонялся впередъ, потомъ вдругъ судорожно выпрямлялся и тихо бормоталъ что-то про себя, какъ во снѣ. Позади лежали попарно пѣхотные солдаты, раненые пулями, съ раздробленными руками и ногами. Они, казалось, переносили свои страданія съ большею твердостью, чѣмъ колоссы. Эти несчастные молчали; только нѣкоторые, самые молодые, доходили до бѣшенства и требовали воды и хлѣба. Въ сосѣдней телѣгѣ жалобный голосъ, голосъ новобранца кричалъ: «матушка!... матушка!».... А старики улыбались мрачною улыбкою и точно хотѣли сказать: «Да, да, вотъ подожди, твоя мать придетъ!» Впрочемъ, можетъ быть, они и ни объ чемъ не думали.

По временамъ что-то похожее на дрожь пробѣгало по всему печальному поѣзду. Нѣкоторые изъ раненыхъ привставали, слышались протяжные стоны, потомъ они тотчасъ падали назадъ, будто смерть прошла между ними, выбирая свои жертвы.

Потомъ все снова смолкало.

А пока Гуленъ смотрѣлъ на все это, чувствуя внутреннее содраганіе, изъ одного дома вышелъ сосѣдній мѣщанинъ, булочникъ Сомъ съ большою кострюлею бульона въ рукахъ. Въ одну минуту всѣ эти привидѣнія задвигались, глаза ихъ засверкали, ноздри расширились, они точно ожили — несчастные умирали съ голоду!

Добрый дядя Сомъ подошелъ съ слезами на глазахъ, говоря:

— Иду, иду, дѣти; потерпите минутку.... Это я.... Вы меня узнаете!

Но едва онъ только успѣлъ поровняться съ первой телѣгой, какъ рослый карабинеръ съ зеленоватыми щеками встрепенулся, опустилъ руку по локоть въ горячій супъ и, выхвативъ оттуда говядину, сунулъ ее за пазуху. Это произошло съ быстротою молніи. Тотчасъ со всѣхъ концовъ поднялся дикій ревъ. Еслибъ только эти люди могли двинуться съ мѣста, они растерзали бы товарища. А онъ, прижавши руки въ груди, уже дралъ зубами свою добычу, и, озираясь и нагибаясь во всѣ стороны, какъ будто ничего не слышалъ. На крикъ изъ сосѣднаго трактира выбѣжалъ старый сол-

дать, сержантъ. Это былъ старшій дорожникъ; онъ тотчасъ понялъ, въ чемъ было дѣло, и не теряя времени на бесполезныя размышленія, вырвалъ говядину у дикаго звѣря, сказавъ ему:

— Стоило бы оставить тебя совсѣмъ безъ говядины!... Сейчасъ вамъ всѣмъ дадутъ. Мы нарѣжемъ десять порцій.

— Намъ всего восемь, сказалъ одинъ изъ раненныхъ, очень спокойный на видъ; однако, несмотря на это наружное равнодушіе, глаза его сверкали подъ его бронзовой каской.

— Какъ восемь?

— Неужели вы не видите, сержантъ, что эти двое ужъ совсѣмъ заводятъ глаза.... Кормить ихъ значило бы понапрасну тратить пищу!

Сержантъ осмотрѣлъ ихъ.

— Правда, сказалъ онъ, — восемь порцій!

Гулленъ не могъ больше выдержать; онъ отправился черезъ площадь къ трактирщику Витману; онъ былъ блѣднѣе смерти. Витманъ въ то же время торговалъ мѣхами и кожами. Когда Гулленъ вошелъ, онъ закричалъ ему:

— А, это вы Жанъ-Клодъ! вы пришли раньше обыкновеннаго я васъ ждалъ только на будущей недѣлѣ.

Гулленъ зашатался.

— Да что съ вами?... вы разстроены...

— Я видѣлъ раненныхъ.

— Ахъ да, сначала оно точно жутко; но еслибъ вы видѣли тысячь пятнадцать, какъ нашъ братъ, вы бы и думать объ нихъ перестали.

— Кружку вина, скорѣй, скорѣй, сказалъ Гулленъ, которому становилось дурно. О, люди, люди! А вѣдь еще братья!

— Да, братья до поры до времени, пока дѣло не коснется кармана, отвѣчалъ Витманъ. А вотъ и вино—выпейте-ка; это поможетъ вамъ оправиться.

— Такъ здѣсь провезли уже пятнадцать тысячъ? продолжалъ сапожникъ.

— По крайней мѣрѣ... въ послѣдніе два мѣсяца.... не говоря уже о тѣхъ, которые остались въ Эльзасѣ или за Рейномъ; потому что, понимаете, для всѣхъ не хватаетъ подводъ, да кромѣ того многихъ и перевозить-то не стоитъ.

— Это-то я понимаю! но зачѣмъ же этихъ несчастныхъ бросили на дворѣ, зачѣмъ ихъ не помѣщаютъ въ лазаретъ?

— Въ лазаретъ! да можно ли помѣстить въ одинъ, даже въ десять лазаретовъ—пятьдесятъ тысячъ раненныхъ. Отъ Майнца и Кобленца до Пфальсбурга всѣ лазареты биткомъ набиты. Да къ

тому же эта лихая болѣзнь — тифъ убиваетъ скорѣе, чѣмъ пуля. Всѣ деревни долины заражены ею на 20 миль въ окружности; люди мрутъ, какъ мухи. Къ счастью, вотъ уже три дня, какъ городъ въ осадномъ положеніи, скоро запрутъ двери и никого не станутъ впускать. Изъ моей семьи умерли дяди Христіанъ и тетка Лизбета, а вѣдь были здоровы и крѣпки не хуже насъ съ вами, Жанъ-Клодъ. Тутъ еще и холода пошли; нынче ночью морозъ трещалъ.

— А раненые оставались на дворѣ всю ночь?

— Нѣтъ, ихъ нынче утромъ привезли изъ Саверна, а часа черезъ два, какъ только лошади поотдохнутъ, ихъ повезутъ въ Сарбургъ.

Въ эту минуту вошелъ, потирая руки, старый сержантъ, водворившій порядокъ въ телѣгахъ.

— Э-э, сказалъ онъ, а вѣдь на дворѣ-то свѣжѣетъ, дядя Витманъ; хорошо вы сдѣлали, что затопили печь! Дайте-ка рюмочку коньяку погрѣться. Гм! Гм!

Его маленькіе, впалые глаза, крючковатый носъ, высокія скулы, отдѣленные отъ носа глубокими морщинами, которыя терялись въ густыхъ, рыжеватыхъ бакахъ, словомъ всѣ черты лица стараго солдата будто смѣялись и дышали веселостью и бодростью. Это былъ истый служака, съ загорѣлымъ, завѣтрѣвшимся отъ воздуха лицомъ, выражавшимъ откровенность, смѣшанную съ насмѣшливою хитростью; высокій киверъ, широкая сѣро-голубая шинель, перевязь и эполеты—все это точно приросло къ нему: безъ всего этого его нельзя было и представить себѣ. Онъ разхаживалъ по комнатѣ, продолжая потирать руки, а Витманъ наливалъ ему рюмку водки. Сидя у окна, Гулленъ тотчасъ же замѣтилъ номеръ его полка.— 6 легкой пѣхоты. Въ этомъ полку служилъ и Гаспаръ, сынъ старушки Лефевра. Стало бытъ Жанъ-Клодъ могъ узнать что нибудь о женихѣ Луизы; сердце его сильно забилося: «Ну, а если Гаспаръ умеръ! если онъ погибъ вмѣстѣ съ другими!»

У него захватило дыханіе; онъ молчалъ. «Лучше ужъ ничего не знать», подумалъ онъ. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ не держалъ.

— Сержантъ, проговорилъ онъ глухимъ голосомъ, вы служите въ 6 легкомъ?

— Да, да, дружище, отвѣчалъ тотъ, обернувшись къ нему.

— Не знаете ли вы тамъ Гаспара Лефевра?

— Гаспара Лефевра изъ 2 роты! Да какъ же мнѣ его не знать? И училъ-то я его. Славный онъ солдатъ, чортъ возьми, выносливъ

на усталость.... еслибъ у насъ было тысячь сто такихъ солдатъ....

— Значить онъ живъ?... здоровъ?...

— Да, другъ. Но вотъ уже недѣля, какъ я оставилъ полкъ въ Фридрихсталѣ, чтобы конвоировать этихъ раненыхъ.... понимаете? Вѣдь дѣло-то горячее.... такъ я и не могу сказать навѣрное; вѣдь каждый изъ насъ съ часу на часъ можетъ отдать Богу душу. Но недѣлю назадъ, 15 декабря, въ Фридрихсталѣ Гаспаръ Лефевръ отвѣчалъ на перекличкѣ.

— Жанъ-Клодъ вздохнулъ свободно.

— Но, сержантъ, объясните же мнѣ пожалуйста, отчего Гаспаръ дѣлалъ два мѣсяца не писалъ ни строки домой, въ деревню?

Старый солдатъ улыбнулся и заморгалъ своими маленькими глазами.

— Неужели вы думаете, что на походѣ ему только и дѣла, что строчить письма?

— Нѣтъ, я самъ служилъ, ходилъ на Самбру и Мезу, въ Италию, въ Египеть, а все-жъ таки находилъ время написать письмо.

— Постойте, товарищъ, прервалъ его сержантъ; я и самъ былъ въ Италиі и въ Египтѣ; но теперешняя кампанія, которую мы кончили, дѣло совсѣмъ иного рода.

— Такъ она была очень трудна?

— Трудна! Надо было имѣть необыкновенную живучесть, чтобы не сложить свои кости на мѣстѣ. Все было противъ насъ: болѣзнь, измѣнники, мужики, мѣщане, наши союзники, ну всѣ до одного. Изъ нашей роты, которую мы вывели изъ Пфальсбурга въ полномъ составѣ прошлаго 21 января, вернулось всего 32 человѣка. Изъ новобранцевъ только, кажется, и остался одинъ Гаспаръ Лефевръ. Бѣдняжки эти новобранцы! какъ они славно дрались; только голодать ужъ очень не привычны: просто таяли, какъ масло на огнѣ.

Съ этими словами сержантъ подошелъ къ прилавку и выпилъ за разъ свою рюмку.

— За ваше здоровье, пріятель. Да что вамъ Гаспаръ — слытъ, что-ли?

— Нѣтъ, такъ, родня.

— Ну, можно похвалить, славный у васъ народъ въ семьѣ. Что за молодець въ 20 лѣтъ! Все онъ перенесъ, а другіе такъ и валялись, какъ мухи.

— Но, началъ Гуленъ, послѣ минутнаго молчанія, я еще не вижу, что же было такого особеннаго въ послѣдней кампаніи. Вѣдь и мы болѣли и умирали, и у насъ были измѣнники....

— Что особеннаго? вскричалъ сержантъ:— все было особенное.

Если вы ходили въ Германію, такъ должны помнить, что, бывало, послѣ двухъ-трехъ сраженій все и кончилось: принимали насъ дружелюбно, потомъ мы принимались пить бѣлое вино и закусывать съ мѣщанами ветчиною да кислой капустой, а толстыя мѣщанки пускались въ плясъ. Мужья и дѣдушки хохотали отъ души, а когда полкъ уходилъ, всѣ плакали съ горя. На этотъ же разъ послѣ Лютцена и Бауцена народъ не только не смягчился, а еще разошелся пуще прежняго; только силой и добивались, чего хотѣли, ну просто иной разъ казалось, что вдругъ тебя перенесли въ Испанію или въ Вандею. И откуда имъ такая дурь залѣзла въ голову? Добро бы еще мы, Французы, были одни,—не будь съ нами этой проклятой шайки Саксонцевъ и другихъ союзниковъ, которые такъ и наровили какъ бы насъ придушить, мы бы все-таки справились съ ними, будь они хоть въпятеро сильнѣе насъ; но эти союзники, чортъ бы ихъ взял! — Вотъ хоть бы въ Лейпцигѣ, прошлаго 18 октября, въ самомъ разгарѣ битвы, наши союзники бросаются на насъ и принимаются стрѣлять въ насъ съ тылу: это наши любезные друзья, Саксонцы, такъ отличились. Черезъ недѣлю наши старинные друзья Баварцы отрѣзываютъ намъ отступление: пришлось съ ними подрасться при Ганау. На другой день, около Франкфурта, является новый отрядъ любезныхъ друзей: пришлось связываться и съ ними. Наконецъ сколько ихъ ни бьешь, а они все какъ грибы вырастаютъ! Ну, перебрались мы наконецъ черезъ Рейнъ. Теперь вѣрно много любезныхъ друзей идетъ отъ Москвы. Еслибъ все это знать да вѣдать послѣ Аустерлица, Иены, Фридланда, Ваграма!

Гулленъ задумался.

— Ну, а теперь-то что же, сержантъ?

— Что теперь? А вотъ что: намъ пришлось перебираться за Рейнъ, а всѣ наши укрѣпленія по ту сторону осаждены. Прошлаго 10 ноября герцогъ Нефшатель смотрѣлъ въ Блекгеймъ полкъ. 3 баталіонъ соединился со 2-мъ и кадръ получилъ приказаніе выступить на дняхъ въ депо. Кадровъ-то довольно, только людей мало. Впрочемъ оно и неудивительно: вотъ ужъ 20 лѣтъ, какъ намъ то и дѣло пускаютъ кровь.... На насъ идетъ вся Европа.... императоръ въ Парижѣ: онъ составляетъ планъ компаніи.... Хотъ бы намъ дали вздохнуть до весны!....

Въ эту минуту Витманъ, стоявшій у окна, сказалъ:

— Вотъ губернаторъ пошелъ осматривать рубку лѣса около города. Дѣйствительно въ эту минуту комендантъ Петръ Мѣнье перешелъ.

ходилъ черезъ площадь, опоясанный трехцвѣтнымъ шарфомъ, съ большою треугольною шляпою на головѣ.

— А, сказалъ сержантъ, я дамъ ему подписать пропускной листъ. Прощайте, мнѣ надо идти.

— Ступайте, сержантъ, спасибо вамъ. Если увидите Гаспара, скажите ему, что Жанъ-Клодъ Гудленъ цѣлуетъ его, и что въ деревнѣ ждутъ отъ него вѣстей.

— Ладно, ладно... все исполню.

Сержантъ вышелъ, а Гулленъ сталъ задумчиво допивать свою кружку.

— Дядя Виттманъ, сказалъ онъ чрезъ минуту:—а гдѣ же мой узелокъ?

— Онъ готовъ, Жанъ-Клодъ.

Виттманъ притворилъ дверь въ кухню и крикнулъ:

— Гредель, Гредель, принеси Гуллину его узелокъ.

Вошла женщина небольшого роста и положила на столъ нѣсколько свернутыхъ бараньихъ шкурокъ. Жанъ-Клодъ надѣлъ узелокъ на палеку, которую перекинулъ черезъ плечо.

— Какъ! Вы ужь сейчасъ и въ путь?

— Да, Виттманъ, дни теперь короткіе, а идти по лѣсу послѣ 6 часовъ неудобно. Надо мнѣ во время добраться до дому.

— Такъ счастливаго пути, Жанъ-Клодъ.

Гулленъ вышелъ и направился черезъ площадь, стараясь не глядѣть на телѣги съ ранеными, которыя еще стояли передъ церковью.

А травирщикъ, стоя у огня и глядя ему въ слѣдъ, бормоталъ себѣ подъ носъ:

— Какъ онъ былъ блѣденъ, когда вошелъ; онъ едва держался на ногахъ. Смѣшно, право: старый солдатъ — и ни на грошъ у него нѣтъ энергіи. По мнѣ хоть бы тутъ пятьдесятъ полковъ провезли на телѣгахъ — мнѣ и горя мало! Мнѣ до нихъ столько же дѣла, сколько до моей первой трубки!

IV.

На фермѣ Дубоваго Дѣса все шло своимъ обычнымъ чередомъ, пока Гулленъ слушалъ рассказы о бѣдствіяхъ нашихъ войскъ и медленно, понуря голову, направлялся къ деревнѣ Шармъ. На фермѣ всѣ забыли странный рассказъ Игофа, а о восикѣ никто и не думалъ: старикъ Дюшенъ велъ своихъ воловъ на водопой, пастухъ Робенъ былъ занятъ на скотномъ дворѣ, Аннушка и Жанета снимали сливки. Одна только Катерина Лефевръ, мрачная и молчали-

вая, вспоминала былое время, глядя съ полнѣйшимъ равнодушіемъ на хлопотливую бѣготню своей прислуги. Она была слишкомъ стара, слишкомъ серьезна, чтобы забыть на другой же день то, что такъ сильно взволновало ее. Поздно вечеромъ, послѣ ужина, она вышла въ сосѣднюю комнату, вынула изъ шкафа большую счетную книгу, положила ее на столъ, и, по обыкновенію, стала сводить счеты.

Потомъ стали готовить телѣгу, насыпали въ нее хлѣба, уложили овощи и птицу, потому что завтра въ Саррбургѣ былъ базарный день и Дюшенъ долженъ былъ выѣхать чуть свѣтъ.

Я попрошу васъ перенестись со мною въ просторную кухню, гдѣ хлопочетъ прислуга, кончая свою дневную работу. Въ печѣ ярко горятъ сосновыя дрова, а на плитѣ стоитъ и кипитъ большой котелъ съ свеклою и картофелемъ, которые назначаются для скотины; на полкѣ разставлены блестящія кастрюли, блюда и миски; на почернѣвшихъ перекладинахъ потолка развѣшаны рядомъ пучки чесноку, темно-краснаго луку и окорока ветчины; у плиты стоитъ Жанета въ голубомъ спензерѣ и пунцовой юбочкѣ и мѣшаетъ въ котлѣ своею большою деревянною ложкой; въ углу стоятъ явовыя влѣтки, а въ нихъ кудахтаютъ куры и охорашивается большой рыжій пѣтухъ, который безпрестанно просовываетъ голову между прутьями и, скосивъ ее на бокъ, таращитъ глаза на огонь; Мишка, большой догъ съ приплюснутою головою и отвисшими скулами, облизывается передъ забытою кострюлей; налѣво по темной лѣстницѣ спускается Дюбуръ, согнувшійся въ три-погибели подъ тяжелымъ мѣшкомъ; а на дворѣ въ темнотѣ старикъ Дюшенъ стоитъ на телѣгѣ и, поднимая кверху фонарь, кричитъ: «Это пятнадцатый, Дюбуръ; давай еще два». Въ кухнѣ на стѣнѣ виситъ рыжій заяцъ, котораго убилъ охотникъ Гейрихъ и просилъ свести на базаръ, и красивый, пестрый тетеревъ съ тусклыми глазами и съ каплею крови на клювѣ.

Было часовъ восемь, когда на дворѣ послышались шаги. Собака зарычала и бросилась къ двери, но остановилась на порогѣ, насторожила уши, потянула въ себя ночной воздухъ, потомъ вернулась на мѣсто и снова принялась вылизывать кострюлю.

— Это, должно быть, свой, замѣтила Аннушка, Мишка не бросается.

Почти тотчасъ послышался на дворѣ голосъ старика Дюшена:

— Добрый вечеръ, господинъ Гуленъ, — это вы?

— Да, я сейчасъ только вернулся изъ Пфальсбурга и иду отдохнуть у васъ минутку. Дома Катерина?

И въ ярко освѣщенную кухню вошелъ Гулленъ въ войлочной шляпѣ, надѣтой на бекрень и съ бараньими шкурками за спиною.

— Здорово, дѣти, здорово, сказалъ онъ; а вы все за работой?

— Да какъ же не работать-то, весело отвѣчала Жанета; кажет-ся и жизнь была бы не въ жизнь, еслибъ все ничето не дѣлать!

— Правда, правда, моя красавица; еслибъ ты не работала, не было бы у тебя такого свѣжаго румянца и такихъ блестящихъ глазъ.

Жанета собралась отвѣчать, но дверь сосѣдней комнаты отворилась и вошла Катерина Лефевръ; она бросила на Гуллена пронизательный взглядъ, будто стараясь заранѣе угадать, какія вѣсти онъ принесъ:

— Вы вернулись, Жанъ-Клодъ? спросила она.

— Да, Катерина, и принесъ вамъ и радость, и горе.

Они вошли въ залу; это была высокая, просторная комната до потолка оклеенная деревомъ; по угламъ стояли старыя, дубовыя шкафы съ блестящими оковками; высокая, пирамидальная печь выходила въ кухню; большіе старыя часы съ секундною стрѣлкой стояли въ орѣховомъ шкафицѣ, а на видномъ мѣстѣ красовалось огромное кожаное кресло, на которомъ уже сидѣло десять поколѣній стариковъ. Каждый разъ, входя въ эту залу, Жанъ-Клодъ невольно вспоминалъ дѣда Катерины и ему казалось, что онъ еще видитъ передъ собою сѣдого старика, сидящаго за печкой.

— Ну что же? спросила фермерша, подавая стулъ сосѣду, который влялъ на столъ свой свертокъ.

— Ну объ Гаспарѣ хорошія вѣсти: онъ здоровъ. Пришлось ему испытать и горе,—да это все не бѣда, молодежи это въ прокъ идетъ! Ну, а то все плохо, Катерина, война, война!

Онъ покачалъ головою, а старуха, сжавъ губы и выпрямившись въ своемъ креслѣ, устремила на него свои пронзательные глаза.

— Такъ значить дѣло плохо, рѣшительно плохо?.. войска скоро придутъ къ намъ?

— Да, Катерина, со дня на день надо ожидать, что союзники придутъ къ намъ въ горы.

— Такъ я и думала, того я и ждала; рассказывайте же Жанъ-Клодъ.

Гулленъ оперся локтями на столъ, подперъ руками голову и, понизивъ голосъ, сталъ рассказывать обо всемъ, что видѣлъ; онъ сообщилъ своей слушательницѣ о рубкѣ лѣса около города, о постройкѣ новыхъ укрѣпленій, о томъ что городъ объявленъ въ осадномъ положеніи; телѣги съ ранеными, встрѣча съ старымъ сержантомъ у Виттмана и краткій очеркъ компаніи тоже не были

забыты. По временамъ онъ останавливался, а старая фермерша медленно моргала глазами, будто стараясь получше запомнить рассказъ. Когда Жанъ-Клодъ заговорилъ о раненныхъ, старуха чуть слышно прошептала. — «А Гаспаръ уцѣлѣлъ!»

Когда кончился печальныйъ рассказъ, наступило продолжительное молчаніе и оба долго смотрѣли другъ на друга, не говоря ни слова.

Сколько у нихъ въ эту минуту было на душѣ тяжелыхъ думъ, горькихъ чувствъ!

Прошло нѣсколько минутъ; старуха оправилась и проговорила какъ-то торжественно:

— Видите, Жанъ-Клодъ, развѣ Игофъ не былъ правъ?

— Конечно, конечно, отвѣчалъ Гуленъ, онъ сказалъ правду; но что же это доказываетъ? Этотъ юродивый шатается изъ деревни въ деревню, рыскаетъ то по Эльзасу, то по Лотарингіи, бродитъ вездѣ, — ну, такъ какъ же ему не знать, что дѣлается? Потому-то въ той чепухѣ, которую онъ городитъ, попадаетъ иногда и правда. Все у него въ головѣ перепутается, а другіе убѣждены, что поняли то, чего онъ никогда и самъ не понималъ. Но дѣло не въ этихъ дурацкихъ рассказахъ, Катерина: скоро придутъ австрійцы; такъ надо знать, пропустимъ ли мы ихъ, или у насъ хватить духу защищаться.

— Защищаться! вскричала старуха, и ея блѣдное лицо дрогнуло; хватить ли у насъ духу защищаться? И вы это говорите мнѣ, Гуленъ? Какъ!... да развѣ мы хуже нашихъ предковъ?... Развѣ они-то не умѣли защищаться?... Развѣ не пришлось истребить ихъ до одного, и мужчинъ, и женщинъ, и дѣтей?

— Такъ стало быть вы готовы защищаться, Катерина?

— Да, да, до послѣдней капли крови! Пусть идутъ, пусть идутъ! Старуха будетъ на готовѣ!

Ея длинныя, сѣдые волосы встали дыбомъ, блѣдное, строгое лицо судорожно подергивалось, глаза сверкали. Въ эту минуту она была хороша, какъ старая Маргарита, о которой рассказывалъ Игофъ Гуленъ, молча, протянувъ ей руку; на его лицѣ играла восторженная улыбка.

— Слава Богу, слава Богу, проговорилъ онъ; въ нашемъ семействѣ люди не мѣняются! Я васъ узнаю, Катерина, вы встрепенулись; но успокойтесь и выслушайте меня: мы будемъ драться... но какъ и чѣмъ?

— Да всѣмъ, чѣмъ поцало; тутъ все годится — и топоры, и вилы, и косы!

— Это все-такъ: но всего лучше ружья и пули. Ружья, поло-

жимъ, у насъ есть, у всякаго горца ружье висить надъ дверью; жаль только, что нѣтъ у насъ пуль и пороху.

Старуха вдругъ успокоилась; она подсунула подъ чепчикъ свои выбившіеся волосы и задумчиво устремила глаза куда-то вдаль.

— Да, сказала она вдругъ, будто очнувшись; у насъ нѣтъ пуль и пороху, это правда, но мы достанемъ и того, и другого. У контр-рабандиста Марка Дивеса всего много. Ступайте завтра къ нему отъ меня. Скажите ему, что Катерина Лефевръ покупаетъ у него весь порохъ и всѣ пули, что она за все заплатитъ, что для этого она готова продать свою ферму, землю, скоть.... все.... все. Понимаете, Гуленъ?

— Понимаю, Катерина; вы хорошо поступаете.

— Да что же тутъ хорошаго? возразила старуха; это самое обыкновенное дѣло: я хочу отомстить! Насъ истребили эти австрійцы, эти рыжіе люди, ну, и я ихъ ненавижу изъ рода въ родъ.... Вотъ что! Покупайте мнѣ пороху — и этотъ юродивый бродяга увидитъ, выстроимъ ли мы вновь его замки!

Гуленъ понялъ, что рассказъ Игофа все еще не выходилъ у нея изъ головы; но, видя ея раздраженіе и понимая, что эта мысль заставляетъ ее хлопотать о защитѣ края, онъ не сдѣлалъ на этотъ счетъ никакого замѣчанія и просто сказалъ:

— Такъ рѣшено, Катерина,—я завтра отправляюсь къ Марку Дивесу?

— Да, и вы закупите весь свинець и весь порохъ. Да не мѣшало бы побывать въ горныхъ деревняхъ и объявить всѣмъ, что дѣлается; надо бы условиться въ сигналъ, по которому всѣ должны будутъ собраться въ случаѣ нападенія.

— Успокойтесь, сказалъ Жанъ-Клодъ, все это я беру на себя.

Оба встали и пошли къ двери. Въ кухнѣ давно все смолкло, люди разошлись спать. Старуха поставила лампу на каминъ и отодвинула задвижку. На дворѣ было холодно, тихо и ясно. Всѣ окрестныя вершины и сосны Эгерталя обрисовывались на небѣ темными или свѣтлыми массами. Далеко, очень далеко, гдѣ-то въ оврагѣ, около долины Бланру тявкала вышедшая на добычу лисица.

— Покойной ночи, Гуленъ сказала старуха Лефевръ.

— Прощайте, Катерина.

Жанъ-Клодъ быстро удалился, спускаясь по лѣспостому холму, а фермерша, проводивъ его глазами, заперла свою дверь.

Вамъ не трудно будетъ представить себѣ радость Луизы, когда она узнала, что Гаспаръ живъ и здоровъ. Въ послѣдніе два мѣсяца бѣдная дѣвушка совсѣмъ изстрадалась. Гуленъ конечно не ска-

заль ей ни слова о тѣхъ грозныхъ тучахъ, которыя сгущались на горизонтѣ. Онъ слышалъ, какъ она съ радости всю ночь болтала сама съ собою въ своей маленькой коморѣ, какъ шептала имя Гаспара и шаряла въ своихъ ящикахъ и коробочкахъ, отыскивая, вѣроятно, какой нибудь маленькій подарокъ, будившій дорогія воспоминанія свѣтлой, юношеской любви.

Такъ горлинка, забитая грозой и еще дрожащая отъ стужи, начинаетъ щебетать и порхать съ вѣтки на вѣтку, при первомъ согрѣвающимъ лучѣ солнца.

V.

На другой день, когда полуодѣтый Гуленъ отворилъ ставни своихъ оконъ, онъ увидалъ, что всѣ сосѣднія горы — Эгерталъ, Гроссмахъ, Дононъ — покрыты слоемъ снѣга. Первый взглядъ на зимнюю картину, особенно съ просонья, всегда какъ-то странно поражаетъ насъ: на старыхъ соснахъ, на мшистыхъ скалахъ, покрытыхъ еще наканунѣ поблешевъ зеленью, уже блеститъ иней, навѣвая на душу какую-то неопредѣленную тоску. «Вотъ еще промелькнулъ годъ, говорите вы себѣ; до слѣдующей весны еще остается суровая, долгая зима.» И всякій спѣшитъ потеплѣе закутаться и затопить печь. Въ вашу темную комнату врывается бѣлый свѣтъ, а съ надворья вамъ въ первый разъ слышится жалобное чирканье бѣднжекъ-воробьевъ, которые, растопыривъ перья и забывшись подъ соломенную крышу, будто жалуются на то, что сегодня нечѣмъ позавтракать.

Гуленъ надѣлъ свои толстые, окованные сапоги на двойной подошвѣ и навинулъ, сверхъ куртки, теплый суконный плащъ.

Онъ слышалъ надъ своею головою шаги Луизы, которая расхаживала въ своей маленькой коморѣ.

— Луиза, крикнулъ онъ ей, я ужоу.

— Какъ, вы и нынче отправляетесь въ путь?

— Да, дитя мое, мнѣ нужно идти; я еще не покончилъ свои дѣла.

Потомъ, надѣвъ свою пуховую шляпу съ широкими полями, онъ поднялся по лѣстницѣ и сказалъ въ полголоса:

— Ты, дитя мое, не жди меня слишкомъ-то рано. Мнѣ придется идти далеко. Только ты не тревожься. Если будутъ спрашивать куда я пошелъ, скажи: къ брату Матвѣю, въ Савернѣ.

Вы и не позавтракаете на дорогу?

— Нѣтъ; я сунуль въ карманъ крошку хлѣба и фляжку съ водкой. Прощай, дочка; будь весела и мечтай о Гаспарѣ.

Не дожидаясь новых распросовъ, онъ взялъ палку и вышелъ изъ дома, направляясь къ Березовому холму, налѣво отъ деревни. Черезъ четверть часа онъ уже обогнулъ его и шелъ по тропинкѣ трехъ фонтановъ, которая идетъ мимо Фалькенштейна вдоль низенькой каменной стѣны. Первый снѣгъ, который никогда долго не держится въ сырой тѣни около пригорковъ, начиналъ таять и стекать внизъ по тропинкѣ. Гулленъ взлѣзъ на стѣну, чтобы взобраться на горку. Онъ въ эту минуту случайно оглянувшись на деревню, отъ которой отошелъ не болѣе, какъ на два ружейныхъ выстрѣла, и увидаль нѣсколькихъ бабъ, выметавшихъ свои дворы и нѣсколькихъ стариковъ, раскланывавшихся между собою на порогѣ своихъ хижинъ съ трубками въ зубахъ. Его поразило контрастъ между этою спокойною картиною и неотступными мыслями, тѣснившимися въ его головѣ; онъ задумчиво пошелъ дальше, рассуждая про себя: «Какъ тамъ все покойно!... Никто ничего и не подозрѣваетъ, а черезъ нѣсколько дней будутъ раздаваться стоны, грохотъ перестрѣлки!»

Такъ какъ прежде всего надо было добыть пороху, Катерина Лефевръ тотчасъ же и подумала о кантрабандистѣ Маркѣ Дивесѣ и о его добродѣтельной супругѣ Гексъ-Безель.

Эти люди жили по ту сторону Фалькенштейна, подъ самой скалой стараго, разрушеннаго *бурга*; въ этой скалѣ они вырыли себѣ что-то въ родѣ весьма удобнаго логовища, снабженнаго только одною входною дверью и двумя слуховыми окнами; ходили какіе-то слухи, будто это логовище соединяется посредствомъ расщелины съ старыми подземельями; но таможенными чиновникамъ, не смотря на неоднократные домовые обыски, никогда не удавалось открыть этотъ потаенный ходъ. Жанъ-Клодъ и Маркъ Дивесъ были съ дѣтства знакомы; они вмѣстѣ раззоряли гнѣзда совъ и ястребовъ и съ тѣхъ поръ видѣлись почти каждую недѣлю на Вальтенской пильной мельницѣ. Поэтому Гулленъ твердо надѣялся на кантрабандиста, хотя и не совсѣмъ-то довѣрялъ госпожѣ Гексъ-Безель, особѣ весьма сомнительной.

— Ну, да посмотримъ, посмотримъ, говорилъ онъ про себя продолжая путь.

Онъ закурилъ трубку и оборачивался по временамъ, чтобы любоваться картиною пейзажа, который раскидывался все шире и шире.

Что можетъ быть лучше этихъ лѣсистыхъ горъ, возвышающихся одна надъ другою на блѣдномъ фонѣ неба, этихъ обширныхъ, теряющихся на горизонтѣ вересковыхъ пространствъ, блѣдующихъ надъ снѣгомъ, этихъ черныхъ, обрамленныхъ рощами овраговъ, на

днѣ которыхъ шумить потокъ, текущій по зеленымъ, гладкимъ какъ бронза, голышамъ.

И при всемъ этомъ тишина глубокая, зимняя тишина! Первый нѣжный снѣгъ сыплется съ вершины высокихъ сосенъ на нижнія наклоняющіяся подъ нимъ вѣтви; надъ лѣсами кружатся стаи хищныхъ птицъ и далеко разносится ихъ рѣзкій крикъ: на такую картину можно залюбоваться, описать ее невозможно!

Съ часъ спустя послѣ своего ухода изъ деревни Шармъ, Гуленъ, поднявшись на вершину, добрался до Арбузьерской скалы. Вокругъ этой гранитной массы идетъ что-то въ родѣ скалистой террасы въ три или четыре фута ширины. Этотъ тѣсный проходъ, окруженный самыми высокими соснами, растущими на днѣ пропасти, поражаетъ своею мрачностью, но онъ совершенно безопасенъ: если у васъ только не закружится голова, вы смѣло можете ходить по немъ. Сверху, образуя полусводъ, надвигается скала, на которой стоятъ развалины.

Жанъ-Клодъ подходилъ къ убѣжищу контрабандиста. Онъ на минутку остановился на террасѣ, положилъ въ карманъ трубку, потомъ пошелъ по проходу, который описываетъ полукругъ и съ другой стороны заканчивается проломомъ. На концѣ и почти у самаго края этого пролома онъ увидалъ оба слуховыя окна и полурастворенную дверь. На порогъ была навалена огромная куча навоза.

Въ ту же минуту появилась Гексъ-Безель съ огромною метлою въ рукѣ и стала сбрасывать этотъ навозъ въ пропасть. Это была невысокая, сухощавая женщина, съ растрепанными рыжими волосами, впалыми щеками, острымъ носомъ, маленькими, блестящими какъ угольки глазами, небольшимъ ртомъ, съ очень бѣлыми зубами и красноватымъ цвѣтомъ лица. Нарядъ ея состоялъ изъ очень грязной и очень короткой шерстяной юбки и довольно чистой холщевой рубашки; ея сухія, жилистыя руки, покрытыя какимъ-то желтоватымъ пухомъ, были обнажены по локоть, несмотря на ужасный зимній холодъ; вмѣсто обуви на ногахъ у нея были надѣты старыя, иностранныя туфли.

— А, здравствуйте, Гексъ-Безель, крикнулъ ей Жанъ-Клодъ веселымъ и насмѣшливымъ тономъ.—Какая ты полненькая и кругленькая, веселая и довольная! Право, на васъ можно порадоваться.

Гексъ-Безель обернулась, какъ подкарауленная ласточка; ея рыжія волосы дрогнули, а маленькіе глаза засверкали. Впрочемъ она тотчасъ же успокоилась и кривнула отрывистымъ голосомъ, будто обращаясь къ самой себѣ:

— Гуленъ, сапожникъ.... Чего ему надо!...

— Я пришел повидаться съ моимъ другомъ Маркомъ, прекрасная Безель, отвѣчалъ Жанъ-Клодъ:—намъ надо переговорить о дѣлахъ.

— О какихъ это дѣлахъ?

— Ну, ужъ это наше дѣло. Пустите-ка меня пройти, я съ нимъ потолкую.

— Маркъ спитъ.

— Такъ надо его разбудить. Мнѣ некогда терять время.

Съ этими словами Гулленъ нагнулся и вошелъ въ пещеру, сводъ которой былъ не круглый, а образовалъ неправильныя извилины, изпещренныя щелями. У самаго входа, фута на два отъ земли, скала образовала что-то похожее на самородный очагъ; на этомъ очагѣ тлѣло нѣсколько угольевъ и нѣсколько вѣтогъ вереска. Вся кухонная посуда Гексъ-Безель состояла изъ котелка, краснаго глинянаго горшка, двухъ надтреснутыхъ тарелокъ и трехъ-четырехъ оловянныхъ вилокъ; въ углу стояла деревянная скамья, валялся топорикъ, которымъ колятъ дрова, къ скалѣ были прицѣплены коробокъ съ солью и большая метла. Налѣво отъ этой кухни была другая пещера, съ неправильною дверью, которая разширилась сверху и суживалась внизу, и запиралась двумя досками и поперечною перекладною.

— Ну, гдѣ же Маркъ? сказалъ Гулленъ, садясь у очага.

— Я вамъ сказала вѣдь, что онъ спитъ. Вчера онъ вернулся очень поздно. Дайте ему выспаться,—слышите?

— Слышать-то я слышу, любезная моя Гексъ-Безель, только ждать-то мнѣ некогда.

— Такъ убирайтесь же вонъ.

— Легко сказать—убирайтесь вонъ; только я не уйду. Не даромъ же я прошелъ цѣлую милю и не вернуться же мнѣ домой съ пустыми руками.

— Это ты, Гулленъ! прервалъ его рѣзкій голосъ, раздавшійся изъ сосѣдней пещеры!

— Да, Маркъ.

— Сейчасъ иду!

Послышался шелестъ сухой соломы, потомъ отодвинулась деревянная дверь: согнувшись въ три погнѣби, вошелъ Маркъ Дивесъ, огромный, плечистый мужчина, сухопарый, костистый, сутоловатый, съ шею и ушами кирпичнаго цвѣта, съ густыми темными волосами; онъ подошелъ къ Гуллену, зѣвая во весь ротъ и потягиваясь съ порывистыми вздохами.

На первый взглядъ Маркъ Дивесъ могъ показаться очень смиреннымъ: у него былъ широкій, низкій лобъ, голые виски, короткіе,

курчавые волосы, образовавшіе острый выступъ надъ бровями, длинный, прямой носъ, вытянутая борода и каріе глаза съ спокойнымъ выраженіемъ,—и благодаря всѣмъ этимъ чертамъ, его можно было причислить скорѣе къ разряду жвачныхъ, чѣмъ къ разряду хищныхъ животныхъ; но ошибся бы тотъ, кто повѣрилъ бы его наружности. Въ околѣдѣ ходили слухи, будто Маркъ Дивесь, въ случаѣ нападенія таможенныхъ солдатъ, нимало не стѣсняясь, пускалъ въ ходъ топоръ и ружье; ему приписывали кое-какія серьезныя несчастія, случавшіяся съ коронными агентами; впрочемъ уликъ не было рѣшительно никакихъ. Зная какъ свои пять пальцевъ всѣ горныя ущелья и проходы, всѣ проселки отъ Дагсбурга до Саррбрюка, отъ Раонъ-Л'Этапа до Базеля въ Швейцаріи, контрабандистъ всегда имѣлъ возможность очутиться миль за 15 отъ того мѣста, гдѣ произошла какая нибудь отчаянная штука. Смотрѣлъ онъ такимъ простакомъ; а тѣмъ, кто распускалъ про него дурные слухи, всегда приходилось плохо, такъ плохо, что лучше бы и не встрѣчаться съ простоватымъ Маркомъ никогда.

— Вообрази, Гулленъ, заговорилъ Маркъ, вышедши изъ своей норы: — я думалъ о тебѣ вчера вечеромъ, и, еслибъ ты не пришелъ, я бы нарочно отправился на Вальтенскую пильню, чтобы повстрѣчаться съ тобою. Садись. Гексъ-Безель, подай-ка Гуллину стулъ.

Самъ онъ сѣлъ на очагъ, повернувшись спиною къ огню, противъ растворенной двери, въ которую дули всѣ вѣтры Эльзаса и Швейцаріи.

Съ этого мѣста видъ открывался великолѣпный: это была настоящая картина, только картина громадная, обрамленная скалами и обнимавшая всю долину Рейна, а за нею горы, сливавшіяся съ туманомъ. Къ тому же воздухъ былъ такъ свѣжъ, а огонекъ, мелькавшій на очагѣ такъ ласкалъ глазъ своими красными отблѣнками, что на немъ отрадно было отдохнуть, насмотрѣвшись на синѣющую даль.

— Маркъ, сказалъ Гулленъ послѣ минутнаго молчанія, можно мнѣ говорить при твоей женѣ?

— Мы съ ней одинъ человекъ.

— Ну, Маркъ, я пришелъ покупать у тебя порохъ и свинець.

— Стрѣлять зайцевъ,—не такъ-ли? сказалъ контрабандистъ, моргая глазами.

— Нѣтъ, драться съ нѣмцами и съ русскими.

Наступило минутное молчаніе.

— А много ли тебѣ пороху и свинцу?

— Сколько ты можешь доставить?

— Сегодня я могу поставить на три тысячи франковъ, сказалъ контрабандистъ.

— Я беру все.

— Да черезъ недѣлю могу поставить столько же, прибавилъ Маркъ тѣмъ же спокойнымъ тономъ и съ тѣмъ же внимательнымъ взглядомъ.

— И это все возьму.

— Возьмете, вскричала Гексъ-Безель, возьмете! Это-то прекрасно, но кто же заплатитъ за все это?

— Замолчи, сказалъ Маркъ грубымъ тономъ:—Гулленъ беретъ все, и мнѣ довольно одного его слова.

Онъ дружески протянулъ ему свою большую руку и сказалъ:

— Вотъ тебѣ моя рука, Жанъ-Клодъ; порохъ и свинецъ останутся за тобою; только я истрачу свою долю,—понимаешь?

— Да, Маркъ; только я хочу расплатиться съ тобой тотчасъ же.

— Онъ заплатитъ, слышишь? сказала Гексъ-Безель.

— Да вѣдь я не оглохъ! Безель, поди-ка, принеси намъ бутылку *brimbelle-vasser*, мы погрѣмся немножко. Меня радуетъ то, что Гулленъ мнѣ сказалъ. Мы не такъ-то легко поддадимся этимъ королевскимъ оборванцамъ. Кажется, хотятъ защищаться, и защищаться не на животь, а на смерть!

— Да, не на животь, а на смерть!

— И найдутся плательщики?

— Плательщикъ этотъ—Катерина Лефевръ; она-то и послала меня къ тебѣ, сказалъ Гулленъ.

Тогда Маркъ Дивесъ всталъ и проговорилъ важнымъ голосомъ, протянувъ руку къ пропасти:

— Вотъ такъ женщина... она такъ же величава, какъ та скала, какъ Оксенштейнъ, величайшая изъ скалъ, которыя мнѣ довелось видѣть на своемъ вѣву!—Пью за ея здоровье! Выпей-ка тоже, Жанъ-Клодъ!

Гулленъ выпилъ, выпила и старуха.

— Теперь все покончено, Жанъ-Клодъ, вскричалъ Маркъ Дивесъ:—но, послушай, не думай, что будетъ такъ легко защищаться; намъ очень пригодятся всѣ браконьеры, всѣ *шилтеры*, всѣ пильщики, всѣ горные дровосѣки. Я только-что вернулся изъ-за Рейна. Тамъ много всякаго народа: идутъ и австрійцы, и русскіе, и баварцы, и пруссаки, и казаки, и гусары... ну, всякій людъ... земля такъ ими и кипитъ! Они не умѣщаются въ деревняхъ; они

стоять въ долинахъ, на возвышенностяхъ, на холмахъ, въ городахъ, подъ открытымъ небомъ, вездѣ, вездѣ!

Въ эту минуту въ воздухѣ пронесся рѣзкій крикъ.

— Это ястребъ вылетаетъ на добычу, сказалъ Маркъ послѣ паузы.

Но въ это время надъ скалою промелькнула тѣнь. Черезъ пропасть перелетала цѣлая стая зябликовъ, а надъ этою сплошною, неподвижною массой быстро кружились, описывая угловатыя линіи, сотни ястребовъ, которые будто старались испугать добычу своими пронзительными криками. Правильный взмахъ этихъ безчисленныхъ крыльевъ производилъ, при совершенной тишинѣ, звукъ, похожій на шорохъ сухихъ листьевъ, взвѣваемыхъ сѣвернымъ вѣтромъ.

— Вотъ улетаютъ Арденскіе зяблики, замѣтилъ Гуленъ.

— Да, это послѣдняя стая; и желуди и озими—все покрыто снѣгомъ. Вотъ посмотри: тамъ больше людей, чѣмъ птицъ въ этой стаѣ. Да все равно, Жанъ-Клодъ, мы съ ними справимся, если только всѣ дружно примемся за дѣло! Гексъ-Безель, зажги-ка фонарь, я покажу Гуллину наши запасы пороха и свинца.

При этомъ предложеніи Гексъ-Безель скорчила гримасу.

— Вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ никто не входилъ въ погребъ, сказала она.—Онъ, я думаю, можетъ повѣрить намъ на слово. Вѣдь мы-то вѣримъ же, что онъ намъ заплатитъ. Я не стану зажигать фонарь, ни за что.

Маркъ молча протянулъ руку и схватилъ стоявшую у костра толстую дубину; тогда разъяренная старуха юркнула въ сосѣднюю кануру и, минути черезъ двѣ, вынесла оттуда большой роговой фонарь, который Дивесъ спокойно зажегъ у костра.

— Безель, сказалъ онъ, ставя дубину въ уголь, знай, что Жанъ-Клодъ мой другъ съ самаго дѣтства и, что ему я довѣряюсь гораздо больше, чѣмъ тебѣ, старая выдра, потому что, еслибъ ты не боялась, что насъ повѣсятъ обоихъ вмѣстѣ, я бы ужъ давно болтался на веревкѣ.—Ну, иди за мной, Гуленъ.

Они вышли, и контрабандистъ, повернувъ налѣво, направлялся прямо къ пролому, который образовалъ выступъ надъ Вальтеномъ и возвышался шаговъ на двѣсти надъ землею. Онъ раздвинулъ рукою сучья маленькаго дуба, росшаго внизу, вытянулъ ногу и исчезъ, будто бросился въ пропасть. Жанъ-Клодъ содрогнулся; но почти тотчасъ онъ увидѣлъ у самой скалы голову Дивеса, который крикнулъ ему:

— Гуленъ, обопрись на лѣвую руку, здѣсь есть дыра; смѣло про-

тягивай ногу, ты ощупаешь ступеньку, а потом повернись на каблукъ.

Жанъ Клодъ повиновался не безъ страха; онъ ощупалъ дыру въ скалѣ, ощупалъ ступеньку, и, сдѣлавъ полу-оборотъ, очутился прямо передъ своимъ товарищемъ, въ продолговатой нишѣ, которая вѣроятно вела когда нибудь въ калитѣй. Въ концѣ ниши отерывался низкій сводъ.

— Какъ ты добрался до этой штуки? вскричалъ изумленный Гулень.

— А все когда искалъ гнѣзда, 35 лѣтъ назадъ. Былъ я разъ на скалѣ и видѣлъ, что часто отсюда вылетала пара филиновъ; это были чудныя птицы, съ головою почти въ кулакъ и съ огромными шести-футовыми крыльями. Слышалъ я пискъ ихъ птенцовъ и думалъ: «они возлѣ пещеры, въ концѣ террасы. Я бѣ ихъ досталъ, еслибъ только могъ обойти нѣсколько подалеже бреши». Я и принялся высматривать, доискиваться, и наконецъ увидалъ уголокъ ступеньки надъ пропастью. Съ боку стоялъ здоровый астролитъ. Я схватился за него, вытянулъ ногу. Тутъ-то вышла драка, Гулень. Самецъ и самка чуть не выдрали мнѣ глаза. Хорошо еще, что дѣло было днемъ. Они кидались на меня, точно пѣтухи, разбѣвали влювъ, шипѣли,—но солнце ослѣпляло ихъ. Я ихъ толкалъ ногами. Наконецъ они свалились на верхушку старой сосны и къ нимъ слетѣлись со всего околodka сороки, зяблики, ястреба, коршуны, которые вились надъ ними до самой ночи и щипали ихъ. Ты не можешь себѣ представить, Жанъ-Клодъ, какой ворохъ костей, крысиныхъ шкуркокъ, зайчатъ и всякой падали они натащили въ эту нишу. Смрадъ былъ тутъ страшный. Я выкинулъ все это вонъ, и увидалъ этотъ проходъ. Надо тебѣ сказать, что здѣсь было два птенца. Я прежде всего свернулъ имъ шею и сунулъ ихъ въ мѣшокъ. Послѣ этого я совершенно успокоился; вхожу и нахожу—что ты сейчасъ увидишь,—иди сюда.

Они проскользнули подъ узкій, низкій сводъ, образовавшийся изъ огромныхъ камней, которые были слегка освѣщены мерцающимъ свѣтомъ фонаря.

Пройдя шаговъ тридцать, Гулень увидалъ просторную круглую пещеру, проломанную сверху въ самой скалѣ. Въ этой пещерѣ виднѣлись штукъ пятьдесятъ пороховыхъ бочекъ пирамидальной формы, а съ боку лежало множество слитковъ свинца и нѣсколько мѣшковъ съ табакомъ, который пропитывалъ воздухъ своимъ тяжелымъ запахомъ.

Маркъ поставилъ свой фонарь у входа и оглядывалъ свою берлогу съ гордымъ видомъ и съ улыбкою на устахъ.

— Вотъ что я открылъ, сказалъ онъ:—пещера была пустая, только посерединѣ лежалъ бѣлый каеъ снѣгъ остовъ какого-то звѣря, — вѣрно лисица, которая издохла отъ старости и раньше моего знала этотъ проходъ; и кому бы пришло въ голову пойти въ слѣдъ за звѣремъ! Въ это время, Жанъ-Клодъ, мнѣ было 12 лѣтъ. Я сейчасъ подумалъ: эта нора можетъ мнѣ пригодиться со временемъ. Я еще не зналъ на что.... но въ послѣдствіи, когда я, вмѣстѣ съ Яковомъ Циммеромъ, принялся за контрабанду и побывалъ въ Ландау, Килѣ, Базелѣ, когда цѣлыхъ двѣ зимы за мною гонялись всѣ таможенные пристава, тогда мысль объ этой старой пещерѣ стала преслѣдовать меня съ утра до ночи. Я познакомился съ Гексъ-Безель, которая была въ услуженіи на фермѣ Дубоваго Лѣса, у отца Катерины. Я взялъ за нею въ приданое 25 луидоровъ, и мы поселились съ нею въ Арбузьерской пещерѣ.

Дивесь замолчалъ, а Гуленъ задумчиво спросилъ у него:

— Неужели эта нора такъ нравится тебѣ, Маркъ?

— Нравится-ли она мнѣ?... да я не согласился бы переселиться отсюда въ самый роскошный изъ Страсбургскихъ домовъ, еслибъ мнѣ даже дали 2,000 ливровъ годового содержанія. Вотъ уже 23 года какъ я прячу здѣсь свои товары: сахаръ, кофе, порохъ, табакъ, водка—все здѣсь перебивается. У меня постоянно въ вѣдѣ восемь лошадей.

— Но вѣдѣ ты ничѣмъ не пользуешься.

— Я-то ничѣмъ не пользуюсь! Да развѣ это, по твоему, не наслажденье, дурачить жандармовъ, таможенныхъ ищеекъ и крысъ, заставляя ихъ бѣситься, безпрестанно морочить ихъ и слышать отовсюду: «Хитерь этотъ мошенникъ, Маркъ! Умѣетъ прятать концы въ воду!... Онъ поставитъ на ноги всѣ мѣстныя власти!» И толкуютъ, и толкуютъ.... Ха, ха, ха! Увѣряю тебя, что это величайшее наслажденье въ мірѣ! А къ тому же всякій тебя любить за то, что продаешь товаръ за поль-цѣны; и бѣднымъ людямъ выгодно, и самому житье теплое!

— Да это все такъ; но вѣдѣ дѣло-то небезопасное.

— Э! нивогда ни одному таможенному чиновнику и на умъ не придетъ спуститься въ проломъ.

— Я думаю! подумалъ Гуленъ, припоминая, что снова придется путешествовать по краю пропасти.

— Это такъ, продолжалъ Маркъ, ты отчасти правъ, Жанъ-Клодъ; въ первое время, когда мнѣ приходилось таскать сюда эти малень-

кія бочки, съ меня такъ и лиль градомъ потъ; но теперь я при-
выкъ.

— А еслибъ ты оступился?

— Ну, и былъ бы конецъ! Развѣ не все равно, что умереть—по-
виснувши гдѣ нибудь на соснѣ, что прокашлять цѣлыя недѣли и
мѣсяцы—валяясь на тюфякѣ.

Дивесъ освѣщаль своимъ фонаремъ нагороженные до самого сво-
да боченки съ порокомъ.

— Это мелкій англійскій порохъ, сказалъ онъ; такъ и сыпется
въ рукахъ, какъ серебро, а стрѣляетъ онъ по чертовски. Его не
надо много класть, одного наперстка—и того довольно. А вотъ чи-
стый свинецъ, безъ примѣси олова. Нынче же вечеромъ Гексъ-Бе-
зель примется лить пули. Она на это мастерица. Вотъ увидишь!

Они хотѣли пуститься въ обратный путь, но вдругъ раздались
въ воздухѣ какіе-то невнятные слова. Маркъ задулъ фонарь и они
остались въ совершенной темнотѣ.

— Кто-то ходитъ тамъ на верху, сказалъ шопотомъ контрабан-
дистъ:—какого это черта принесло на Фалькенштейнъ въ такую
погоду?

Они стали прислушиваться, сдерживая дыханіе и устремивъ глаза
на синеватый свѣтъ, который пробивался къ нимъ въ пещеру
сквозь узкую щель. Около этой щели росло нѣсколько кустарни-
ковъ, покрытыхъ блестящимъ инеемъ; выше виднѣлась вершина
старой стѣны. Они смотрѣли въ глубокомъ молчаніи; вдругъ у по-
дошвы стѣны, на бѣловатомъ фонѣ зимняго неба обозначилась стран-
ный силуэтъ и мелькнула огромная голова съ всклокоченными во-
лосами и блестящимъ обручемъ на лбу, съ продолговатымъ лицомъ
и съ остроконечною рыжею бородою.

— Это «Бубновый король», вскричалъ Маркъ, смѣясь.

— Бѣдняга! серьезно проговорилъ Гулленъ, онъ пришелъ погу-
лять по своему замку и стоитъ босикомъ на льду, съ своею жестя-
ною короною на головѣ! Смотри-ка, вотъ онъ заговорилъ; отдаетъ
приказаніе своимъ рыцарямъ и придворнымъ; указываетъ своимъ
скипетромъ и на югъ, и на сѣверъ,—все его! Ему принадлежать и
небо и земля!... Несчастный! Меня дрожь такъ и пробираетъ, какъ
я только взгляну на его штаны и на истасканную собачью шкуру,
что болтается у него за спиною.

— Да, Жанъ-Клодъ, мнѣ это напоминаетъ какого нибудь бур-
гомистра или деревенскаго мера, который отращаетъ себѣ брюшко,
какъ снигирь, отдувается и говорить: «Я Гансъ Адентъ, у меня де-
сять десятинъ прекрасныхъ луговъ, два дома, виноградникъ, пло-

довый садъ, у меня и то и се!» А на завтра скватить его колика... и прощай! — Съумашедшіе! Съумашедшіе!... Да кто-жь въ полномъ умѣ-то?—Пойдемъ, Гулленъ, меня просто лихорадка бьетъ, какъ я посмотрю на этого несчастнаго, который болтаетъ на вѣтеръ, и на этого ворона, который будто накликаетъ голодь.

Они вошли въ проходъ и яркій дневной свѣтъ чуть не ослѣпилъ Гуллена. Къ счастью, высокая фигура стоявшаго передъ нимъ товарища спасла его отъ головокруженія.

— Держись крѣпче, сказалъ Маркъ, смотри на меня: спускай правую руку въ дыру, правую ногу впередъ и на ступень... полъ-оборота... ну вотъ и дошли!

Они вернулись въ кухню, гдѣ Гексъ-Безель сообщила имъ, что Игофъ бродитъ въ развалинахъ стараго *бурга*.

— Мы это знаемъ, отвѣчалъ Маркъ, мы видѣли, что онъ дышалъ на верху свѣжнмъ воздухомъ; у всякаго свой вкусъ.

Въ эту минуту воронъ Гансъ пролетѣлъ надъ пропастью и покружился надъ дверью съ пронзительнымъ крикомъ; съ кустовъ посыпался иней и юродивый появился на террасѣ, дико озираясь и бросая странные взгляды на очагъ.

— Маркъ Дивесъ, сказалъ онъ, постарайся убраться поскорѣе. Я тебя предупреждаю, что надоѣлъ мнѣ этотъ беспорядокъ. Укрѣпленія моихъ владѣній должны быть свободны. Я не допущу, чтобы у меня селилась всякая сволочь. Прими свои мѣры и устрой свои дѣла.

Онъ замѣтилъ Жана-Клода и лицо его прояснилось.

— Ты здѣсь, Гулленъ? сказалъ онъ.—Значить ты настолько просвѣтился, что хочешь принять предложеніе, которымъ я тебя удостоилъ? Значить ты почувствовалъ, что союзъ со мною—единственное средство спасти отъ окончательной гибели весь твой родъ? Если я не ошибаюсь, мнѣ остается только поздравить тебя. У тебя больше здраваго смысла, чѣмъ я думалъ.

Гулленъ невольно расхохотался.

— Нѣтъ, Игофъ, нѣтъ, я еще не настолько просвѣтился, я еще не рѣшаюсь принять твое почетное предложеніе. Да къ тому же Луиза еще въ такихъ годахъ, что ей рано выходить замужъ.

Юродивый снова нахмурился. Стоя на краю террасы, повернувшись спиною къ пропасти, онъ былъ точно у себя дома, и воронъ вившійся надъ нимъ то справа, то слѣва, ни мало не смущалъ его.

Онъ поднялъ скипетръ, сдвинулъ брови и вскричалъ:

— Тамъ стало быть я во второй разъ повторяю тебѣ свою просьбу, Гулленъ, а ты во второй разъ имѣешь дерзость отказы-

вать мнѣ! Теперь я повторю ее еще разъ, слышишь-ли, еще разъ,— а потомъ пусть совершится воля судьбы!

Онъ величественно повернулся и, несмотря на крутизну тропинки, сталъ спускаться внизъ, твердыми шагами, гордо поднимая голову.

Гулленъ, Маркъ Дивесъ и даже сама Гексъ-Безель разразились смѣхомъ.

— Вотъ такъ сумасшедшій! сказала Гексъ-Безель.

— Ты, кажется, сказала правду, отвѣчалъ ей контрабандистъ. Несчастный этотъ Игофъ просто окончательно спятилъ съ ума. Но дѣло не въ томъ; выслушай меня, Безель: принимайся сейчасъ лить пули всякаго калибра, а я отправлюсь сейчасъ въ Швейцарію. Черезъ недѣлю, самое позднее, наши послѣдніе снаряды будутъ здѣсь. Дай мнѣ сапоги.

Онъ топнулъ ногою, обвязалъ себѣ шею толстымъ, краснымъ, шерстянымъ шарфомъ, снялъ со стѣны зеленый плащъ, такой, какіе обыкновенно носятъ пастухи, навинулъ его на плечи, надѣлъ на голову старую, изношенную, пуховую шляпу, взялъ дубину и сказалъ:

— Не забудь, что я тебѣ сказалъ, старуха, не то — смотри! Ну, въ путь, Жавъ-Клодъ.

Гулленъ вышелъ за нимъ на террасу, не распростившись съ Гексъ-Безель, которая, съ своей стороны, не удостоила ихъ прощальнымъ взглядомъ. Когда они спустились со скалы, Маркъ Дивесъ остановился и сказалъ:

— Ты идешь въ горныя деревни, не такъ ли, Гулленъ?

— Да, съ этого надо начать: надо предупредить дровосѣковъ, угольщиковъ, пильщиковъ, надо всѣмъ сообщить—въ чемъ дѣло.

— Конечно; не забудь Матерна изъ Генгста и его двухъ сыновей, Лабарба изъ Дагсбурга, Жерома изъ Сень-Квирена. Скажи имъ, что порохъ будетъ и пуль хватитъ на всѣхъ, что и Катерина Лефевръ, и я, Маркъ Дивесъ, и всѣ наши молодцы — всѣ мы примемъ за дѣло.

— Будь покоенъ, Маркъ, я знаю ихъ.

— Ну такъ до скораго свиданія!

Они крѣпко пожали другъ другу руки. Контрабандистъ повернулъ направо къ Дону, Гулленъ пошелъ по тропинкѣ налѣво къ Саррѣ. Они шли быстро, когда Гулленъ окликнулъ своего товарища.

— Эй, Маркъ, скажи мимоходомъ Катеринѣ Лефевръ, что все идетъ хорошо. Скажи ей, что я пошелъ въ горы.

Тотъ кивнулъ головою въ знакъ согласія и оба пошли своими дорогами.

(Продолженіе въ слѣд. книжкѣ.)

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

II.

Умственные основы древнерусских поселеній.

Изъ предыдущей статьи можно было видѣть, что поселенія *бобровничьи* и вообще звѣропромышленныя, *деревни рыболовы* и *слободы рыбныя*, *бортные станы* и *бортничьи деревни*, *слободы сокольничьи* и *кречаты волости*, даже въ самомъ бѣгломъ очеркѣ, представляютъ намъ типическій отпечатокъ непосредственно-натуральнаго, зоолого-экономическаго устройства русскаго народа, въ области дикой, непокоренной, некультурованной животной экономіи природы. Видно, что непосредственная, дикая зоологическая экономія воды, лѣсовъ, воздушныхъ сферъ, въ земско-хозяйственномъ устройствѣ и географическомъ распредѣленіи народа, всецѣло преобладала надъ рационально-промышленнымъ хозяйствомъ народа. Охотничій, хищническій или, по выраженію древнихъ актовъ, *ловчій*, *ловецкій* характеръ промысловъ и поселеній преобладалъ надъ умственно-изобрѣтательнымъ, интеллектуально-промышленнымъ направленіемъ. Всѣ эти бобровничьи, рыболовы, бортничьи, сокольничьи и кречатыя поселенія, такъ же какъ и пашенныя слободы и

хлѣбныя села и деревни безпощадно расхищали естественную экономію природы, не внося въ нее почти ни малѣйшей доли умственного труда, рациональнаго хозяйства, и не изучая нисколько ея естественныхъ силъ и законовъ. Вы можете живо нарисовать въ вашемъ представленіи весь первобытно-естественный строй, всю патріархальную, полудикую простоту, натуральную непосредственность этихъ бобровничьихъ, бортничьихъ, рыболовчихъ, сокольничьихъ и кречатьихъ поселеній, если представите въ лѣсахъ и при рѣкахъ древней Россіи всѣ эти пути и ухажан бортничьи, всѣ эти гоны и ухажан бобровничьи, всѣ эти пути стольничьи, рыболовли, сокольничьи, и проч. Повсюду разъѣзжали по волостямъ и жили въ этихъ дворцовыхъ слободахъ бобровниковъ, рыболововъ, бортниковъ и сокольниковъ царскіе ловчіе и собирали произведенія животной экономіи русской земли на царскій обиходъ, въ царскую казну. Повсюду стучали топоры, дѣлались борти, собирался готовый медъ изъ готоваго склада бортныхъ деревьевъ,—и маленькая пчелка давала жизнь цѣлымъ группамъ сель и деревень бортничьихъ и кормила тысячи народа. Повсюду, при рѣкахъ, озерахъ и у моря садились рыболовы, захватывали воды или части ихъ въ общинное и личное владѣніе; рѣки и вообще воды повсюду дѣлились на тони, луки, ѣзы, участки; повсюду «вновь разловлялись тони, заволались притоки, на рѣкахъ и озерахъ кипѣли тысячи рыболововъ,—и рыбы обусловили существованіе цѣлаго разряда специальныхъ слободъ и деревень рыболовчихъ въ теченіе столѣтій, прокармливали отъ 1¹/₂ до 10 милліоновъ жителей, въ теченіе цѣлаго полугодя постовъ, а многія тысячи и круглый годъ. Повсюду, при лѣсистыхъ и пустынныхъ рѣкахъ тянулись бобровые гоны и ухажан, по нимъ гонялись бобровники за бобрами,—и бобръ, много столѣтій, давалъ существованіе специальному классу поселеній,—деревнямъ бобровничьямъ, и проч. Такимъ образомъ, всѣ хозяйственные отправленія древней Руси, всѣ сферы промышленнаго движенія состояли въ путяхъ и ухажахъ бобровничьихъ, бортничьихъ, рыболовчихъ, сокольничьихъ, кречатьихъ и т. п. Все богатство поселеній, въ кругѣ этихъ путей и ухажаевъ, состояло въ непосредственно-натуральныхъ, сырыхъ продуктахъ дикаго, некультурованнаго животнаго царства природы. Дикія животныя и продукты ихъ—мясо и кожа, пушные звѣри—бобры, соболи и проч. и ихъ произведенія—мѣха, шкуры, бобровая струя и т. п., морскіе звѣри и продукты ихъ—кнра, ры-

бій жиръ и проч., пчелы и ихъ продукты—медъ и воскъ, соколы и пречеты и добываемая ими разная дичь, — вотъ всё главнѣйшія статьи доходовъ, предметы богатства и торговли древней Россіи ¹⁾. Загляните, напримеръ, въ *торговыя книги или главникъ русскому товару* XVIII вѣка, — въ немъ всё предметы заграничнаго отпуса составляютъ почти исключительно продукты животныя, и на первомъ планѣ стоятъ: «сало всякаго звѣря морскаго, ворвань кожи, треска сушеная, и треска соленая, сало говаяжье, воскъ и медъ, лосины, оленины, пески, кунницы, росомахи, выдры, волки, бѣлки, заячьины, кошки, бобры, норки, горностаи, лисицы, медвѣжьины мелодыя и рослыя, лаптицы, соболя, пухъ сѣрой и бѣлой, струя бобровая», и т. п. И всё эти предметы заграничнаго отпуса составляли продукты сырые, необработанные, «нечереженные», хотя въ тѣхъ же торговыхъ книгахъ описывается и признается необходимыми, напримеръ, способъ, «какъ чередити сало ворвань на нѣмецкій обычай» и замѣчено, что «вездѣ чережное сало нечерезоного дороже купятъ» ²⁾. Между тѣмъ, изъ-за границы, отъ нѣмцевъ, голландцевъ и англичанъ получали уже издѣлья, требовавшія болѣе или менѣе работы индустріальнаго ума или искусства. Именно, по исчисленію тѣхъ же торговыхъ книгъ: «разныя металлическія сосуды и цѣпи—золотыя и серебряныя, равныхъ сортовъ сукна—бригиттѣ сукно, лунское и англійское, новоескїе, свинцїе, четцїе сукна, колтырь, утрошншъ, ламбарскїе, браискїе или Гильдянь-Аделаръ, михель-схемахтъ, боартъ и проч., разныя пряности, равныя сахара, разныя медикаменты, разныя часы и т. д., всего до 200 предметовъ» ³⁾. Западные путешественники единогласно свидѣтельствуютъ, что всё русскїе товары состояли главнымъ образомъ изъ мѣховъ кунныхъ, собольихъ, лисьихъ и другихъ, изъ меда и воска, изъ сала и кожъ морскихъ и сухопутныхъ звѣрей, изъ рыбы и рыбьяго жира и т. п. ⁴⁾. Хозяйство и богатство московскихъ царей было, такъ сказать, прототипомъ склада древней Россіи и полнѣйшимъ, характеристическимъ выраженїемъ или отпечаткомъ умственно-хозяйственнаго строя всѣхъ этихъ поселенїй бобриничьихъ, бортничьихъ, рыболовнихъ, сокольниковыхъ и кре-

1) Доп. III, № 55. I, № 134.

2) Временникъ, кн. VIII: торговыя книги, 2—3.

3) Времен. кн. VIII: торг. кн., 7—9.

4) Аделунга, обзоръ путеш. въ Чт. общ. стр. 234, 236 и др.

чатыхъ. Получая оброкъ со всѣхъ этихъ поселеній, устроив свои дворцовыя, служилыя слободы и деревни рыболовыя, бобровныя, бортныя, соколыныя,—царь былъ главнымъ распорядителемъ и хозяиномъ въ естественной зоологической экономіи русской земли. Посредствомъ такого самодержавнаго хозяйничанья въ области натуральной, животной продукціи русской земли, московскіе цари укрѣпили, усилили и распространили свою самодержавную власть надъ всѣми областями, надъ всѣмъ народомъ. «Владѣя обширными областями, — говоритъ Коллинсъ, — царь получаетъ большіе доходы. Онъ въ нѣкоторомъ отношеніи властелинъ собственности каждаго изъ своихъ подданныхъ. Царь главный торговецъ во всей Россіи. Торговля сибирскими соболями приноситъ большія сокровища, которыя доставляются ссыльными. Торговля астраханскою икрою, рыбнымъ клеємъ и трютомъ принадлежитъ ему исключительно... На воскъ и медъ царь вымѣниваетъ бархатъ, атласъ, камку, золотыя матеріи (парчу) и тонкое сукно, которыми награждаетъ своихъ чиновниковъ за службу» ¹⁾. Вся естественная область, вся дикая, пещокоренная фауна русской земли была обширною областью царскаго и народнаго домохозяйства и домоустройства. Естественная и этіологическая экономія водъ—область рыбъ составляла народный продовольственный магазинъ, обуславливавшій, между прочимъ, изобильное содержаніе множества монастырей, строгое соблюденіе множества постовъ и значительную эксплуатацію производительныхъ силъ. Бортныя лѣса и бортныя пчелы представляли естественный источникъ *медвяныхъ пчелъ*, столь любимыхъ народомъ, при множествѣ церковныхъ праздниковъ, шировъ и братчинъ, и естественный магазинъ или запасъ воска, потреблявшагося въ такомъ огромномъ количествѣ на церковныя свѣчи, которыя такъ любилъ русскіе ставить въ церквяхъ и дома передъ образами, по правиламъ Домостроя. Торо-географическая область лѣсовъ, пушныхъ звѣрей—бобровъ, соболей, лисицъ, медвѣдей и проч. была натуральнымъ магазиномъ или складомъ теплой одежды русскаго народа, откуда брались эти пышныя, роскошныя и драгоценныя шубы соболей, которыми такъ чванно гордились московскіе цари и вельможи, нарочно выставляя ихъ на показъ иностраннымъ посламъ. Наконецъ, дорогіе пушные звѣри составляли даже фондъ, основу и мѣрло бо-

¹⁾ Коллинсъ, о состояніи Россіи: М. 1846, стр. 18—34.

гатства древней Россіи, составляли ея деньги. Задолго до открытія золота и серебра и другихъ минеральныхъ богатствъ естественной экономіи русской земли, задолго до распространенія горно-заводской колонизаціи и культуры на Уралѣ, Алтай и проч.,—одни мѣха обогащали Россію, доставляли ей финансы, деньги въ кунцахъ и соборахъ. «У московитянъ, говоритъ Павелъ Іовій, нѣтъ ни золотыхъ, ни серебряныхъ рудниковъ, а также во всей странѣ не замѣчено драгоцѣнныхъ камней; но природа, лишивъ ихъ этихъ сокровищъ, щедро вознаградила за то богатыми и рѣдкими мѣхами» ¹⁾. Неизвѣстный сочинитель *Relatione dell Imperio di Moscovia*, писавшій въ 1553 году, говоритъ: «эта страна не производитъ ни золота, ни серебра, ни драгоцѣнныхъ камней, ни желѣза, ни мѣди, ни олова, но доставляетъ въ большомъ количествѣ пушной или мѣховой товаръ» ²⁾. Изъ всѣхъ цѣнныхъ продуктовъ животной экономіи,—мѣха, кожи, шкуры наиболѣе удобны къ сохраненію, сбереженію и накопленію. И потому, естественно, они составляли первый капиталъ, первоначальное основное оборотное средство къ дальнѣйшему приобрѣтенію и приращенію капитала, или другихъ жизненныхъ средствъ. Поэтому мѣха и шкуры пушныхъ звѣрей служили и основаніемъ, и гарантіей, и выраженіемъ всякаго имуществва. Поэтому, все имѣнье тогда называлось *рухлядью*: «платья и низанья, ожерелья низаныя, кокошники съ яхонтами и изумрудами, опашни багренковыя, пугвицы серебряныя, вызолоченыя, лѣтники рудожелтые камчатые, вошвы шитые по бархату по черному золотомъ и серебромъ, вошвы бархатъ золотной, атласы червчѣтые, кисей, пашивки турецкія, сотни рублей денегъ, сотни золотыхъ—все это называлось *рухлядью*» ³⁾. Богатствѣ русскаго человѣка, почти до самаго открытія минералогическихъ сокровищъ русской и сибирской земли и до начала горно-заводской культуры и колонизаціи, измѣрялось богатствомъ мѣховъ и кожъ, такъ что о богатомъ человѣкѣ того времени можно было говорить: у него столько-то кунцъ или кунъ, столько-то бѣлокъ или вѣкъшъ и т. п.; онъ занималъ мѣха у другихъ, онъ давалъ мѣ-

1) Вибл. ин. пис. о Рос. IV, 40—41.

2) Аделунга, чт. общ. стр. 129.

3) А. Юрид. изд. Калачевымъ № 86, стр. 563; духовная 1690 г. Тогда говорили: «сундукъ мой съ рухлядью, и что есть въ сундукѣ всякой моей рухляди т. е. всего имуществва. Даже орудія, наприм. пожарныя назывались *рухлядью*: пожарная рухлядь».

ха въ займы другимъ; они были его богатствомъ и средствомъ къ богатству—основаніемъ его довольства и благосостоянія, тѣмъ, чѣмъ впоследствии сдѣлались для него золото и серебро, и чѣмъ въ позднѣйшее время стали для него деньги ¹⁾. Очевидно, что то была низшая степень экономического и умственного развитія, эпоха всеобщей бѣдности, когда все имущество и богатство состояло изъ рухляди и называлось рухлядью, когда ходили кожаныя деньги, постоянно напоминавшія животныхъ, звѣрей, наприм. кумы, векши, бѣлки, или части ихъ мѣховъ и кожъ—мордки, рѣзаны. При всеобщей бѣдности, при отсутствіи денежныхъ капиталовъ, самое богатство царской и государственной казны состояло главнымъ образомъ изъ мѣховъ. Золото и серебро въ казнѣ царской тогда еще только копилось и сосредоточивалось, и вовсе не было государственнымъ, дѣйствующимъ капиталомъ. Барбарно говорить: «почти все золото и серебро, которое путемъ торговли входитъ въ Россію сосредоточивается въ рукахъ царя, такъ какъ онъ не имѣетъ нужды никому платить». ²⁾ Даже для царей мѣха замѣняли золотыя и серебряныя деньги. Подарки иностраннымъ государямъ и посламъ, даже субсидіи европейскимъ дворамъ состояли изъ мѣховъ. Наприм. въ 1594 г. царь Федоръ Ивановичъ далъ субсидію вѣнскому двору на войну съ турками мѣхами, именно: 40,360 соболей, 519 сороковъ кунницъ, 120 черныхъ и чернобурыхъ лисицъ, 337,235 бѣлокъ, 3,000 черныхъ бобровъ, 1,000 волчьихъ шкуръ, 75 оленьихъ кожъ ³⁾. Борисъ Годуновъ въ 1601 г. подарилъ 35 ливонцамъ, которыхъ онъ призвалъ къ себѣ на службу, 1,400 соболей. Купить ли чего нужно было, хоть самое дорогое, покупалось даже и царемъ на соболей и другую рухлядь, а не на деньги. Наприм. въ 1655 г. царь Алексѣй Михайловичъ покупалъ рога единорога, считавшіеся тогдашнимъ суевѣріемъ за драгоцѣнное средство противъ тяжкихъ болѣзней, за 10,000 рублей соболями и машкою рухлядью ⁴⁾.

И по естественному ходу и видоизмѣненію природной экономіи животнаго царства, и по естественно-историческому ходу натурально-зоологической экономіи народа—поселеній звѣроловческихъ и торгово-промышленныхъ,—въ эпоху мѣховаго капитала Россіи и звѣро-

¹⁾ Лешкова, Русск. Народъ и Государство 176.

²⁾ У Аделунга, Чт. Общ. 152.

³⁾ Каравина, И. Т. Р. X., прим. 309.

⁴⁾ А. И. IV, 242.

промышленной экономии и колонизации, дорогие пушные звери и меха естественно составляли преобладающий элемент народного богатства. Въ суммѣ мехового капитала царской казны, дорогихъ зверей и меховъ первоначально было больше, чѣмъ недорогихъ. Не даромъ, въ субсидіи вѣнскому двору въ 1594 г. напримѣръ, черныхъ лисицъ послано было только 120 штукъ, а кожъ оленьихъ только 75, тогда какъ соболей 40,360 штукъ. И Ермакъ въ сентябрѣ 1581 г. приобрѣлъ около Тобольска и послалъ въ Москву соболей 24,000, а лисьяхъ шкуръ только 20. Вообще, въ первоначальный періодъ земско-хозяйственнаго устройства, въ эпоху лѣснаго воолого-географическаго движенія и распространенія народа въ нетронутыхъ, дикихъ, большою частію вновь отрываемыхъ областяхъ животной экономии природы, — въ тотъ періодъ, естественно, дорогихъ пушныхъ зверей было больше, и зверь-промышленники за ними гонялись всего больше. Въ естественной экономии пушныхъ зверей и, слѣдовательно, въ естественной, пушной экономии народа важенъ тотъ фактъ, что лучшихъ, дорогихъ зверей въ богатыхъ фауною зоологическихъ областяхъ природы сначала всегда бываетъ больше, и что они потомъ уже обыкновенно замѣщаются худшими, недорогими зверями, частію по естественнымъ отношеніямъ въ органическомъ строѣ природы, частію вслѣдствіе распространенія цивилизациа и роскоши. По естественнымъ отношеніямъ, лисица, напримѣръ, преслѣдуетъ и гонитъ зайца, соболь — бѣлку, и т. д. По ходу народной экономии, число людей, употребляющихъ меха нѣсколько лучше, чѣмъ претылъ овчаны, пребываетъ быстро, слѣдовательно и запросъ увеличивается. Дорогие пушные звери приносятъ охотнику большую прибыль, чѣмъ недорогіе, да ихъ въ началѣ промысловъ на данномъ охотничьемъ пространствѣ и бываетъ еще много, — и вотъ они преслѣдуются и ловятся съ особеннымъ усердіемъ и энергіею, вслѣдствіе чего, естественно, потомъ убываютъ или переселяются скорѣе другихъ, мѣхе нужныхъ и цѣнныхъ, и потому въ началѣ мѣхе преслѣдуемыхъ дорогихъ зверей. А вслѣдствіе уменьшенія дорогихъ зверей, остаются и умножаются не дорогие. Недорогіе звери или меха состоятъ изъ грызуновъ, для которыхъ недостатка въ травѣ и древесной растительности въ большей части Россіи и особенно въ Сибири никогда не было, и которыхъ притомъ естественное размѣненіе очень сильно. Слѣдовательно, натурально, въ періодъ первоначальнаго, зверьпромышленнаго размѣненія рус-

скаго населенія, — первые или ранніе звѣроманы и охотники ловили наибольшее количество дорогихъ звѣрей, и преимущественно соболей, и эти животныя, естественно, такимъ образомъ были и преобладающимъ элементомъ народной экономіи и главными двигателями народныхъ поселеній. Тогда какъ въ новѣйшее время (около 1845 г.) со всей Сибири добывалось соболей только 45,900, — въ древней Россіи, около 1586 года, одна только небольшая часть западной Сибири доставляла казнѣ, въ видѣ ясака, до 200,000 соболей. Или тогда какъ, по Шторху, въ 1793 г. изъ всѣхъ портовъ отпущено было за границу зайчьихъ мѣховъ на 266,215 р., а соболей только на 442 р., или въ 1841 г. бѣлохъ отпущено было на 1,080,347 р., зайцовъ на 39,367 р., а соболя — ни одного, — въ древней Россіи, въ 1594 году, однихъ соболей отпущено было въ Вѣну, въ видѣ субсидіи, на 28,907 рублей тогдашнихъ, а, по Кильбургеру, изъ одного архангельскаго порта отпущено было 574 соболя и 18,742 собожьихъ хвоста. Въ періодъ младенческаго, непосредственно-натуральнаго воспитанія и земско-хозяйственнаго устройства народа въ зоолого-географическихъ областяхъ природы, — естественно, что лучшаго, наиболѣе дорогаго больше было въ мѣстной животной экономіи природы, на томъ главнымъ образомъ и основывалась, по естественной необходимости, первая земско-хозяйственная поселенія, и въ томъ состоялъ первоосновной фондъ ихъ экономическаго обезпеченія. Такъ и было въ Россіи до Петра великаго. Когда народъ не умѣлъ еще открывать и добывать изъ горъ золото и серебро и былъ крайне бѣденъ, особенно въ денежномъ отношеніи, когда толпы московскихъ лазарейничихъ распѣвали духовные стихи и молитвы *о созданіи горъ золотыхъ*, — тогда природа, берегшая въ нѣдрахъ своихъ золото и серебро грядущимъ поколѣніямъ, щедро открывала бѣднѣйшему народонаселенію, ради его матеріальной и умственной бѣдности, самыя лучшія, дорогія сокровища своей животной экономіи. И вмѣстѣ съ тѣмъ она невольно влекла его на разработку и заселеніе огромныхъ пространствъ сѣверо-восточной Европы и Азии, на открытія географическія и, наконецъ, на открытія новыхъ естественныхъ источниковъ благосостоянія и средствъ цивилизаціи — тогда еще сокрытыхъ богатствъ неколебимаго царства. Такимъ образомъ, наряду съ *алмазомъ*, который, какъ мы отчасти раскрыли уже, былъ главнымъ и могучимъ двигателемъ географическаго распространенія русскаго на-

рода, наряду съ солью, которая, какъ увидимъ въ очеркѣ минералогическихъ условій поселеній, была тоже не послѣднимъ мотивомъ и магнитомъ колонизаціи, наприимѣръ, въ Соли Камской, въ Соли Тотемской, въ Соли Галичской, въ Дедюкинѣ, въ Илецкой Защитѣ, у Ектонскаго озера и проч., наряду съ золотомъ, серебромъ, оловомъ, медью и другими металлами, которые, какъ увидимъ въ томъ же очеркѣ минералогическихъ условій поселеній, вызвали не только обширныя горнозаводскія поселенія уральскія, алтайскія, пермскія и другія,—однимъ словомъ наряду съ царствомъ растительнымъ и минеральнымъ, и царство животное, прежде всего, съ его важными звѣрями, рыбами, пчелами, птицами и морскими звѣрями, было также могучимъ двигателемъ и притягателемъ колонизаціи. Естественное домохозяйство животнаго царства или фауны русской земли было и земско-хозяйственнымъ домоустройствомъ, экономіей и широкою областью географическаго распространенія и земскаго устройства русскаго народа. И въ то же время, въ сущности, всё эти зоологическія, звѣропромышленныя основы народной экономіи и колонизаціи служатъ намъ выразительнымъ свидѣтельствомъ и доказательствомъ не только всеобщей бѣдности, экономической неразвитости, но и крайней умственной ограниченности русскаго народа въ до-петровскія времена, когда не умъ и знанія, не раціональный трудъ и умственный и денежный капиталъ, а рыбы, звѣри, звѣриныя мѣха и шкуры заправляли народной экономіей, географическимъ распространениемъ и земско-хозяйственнымъ устройствомъ русскаго народа, когда,—опять повторимъ,—все имущество народа состояло въ ружьяхъ, въ мѣхахъ и кожахъ, да въ кожаныя деньги—звѣриныхъ шкурахъ и мордкахъ, напоминавшихъ только звѣрей да звѣролововъ, а не людей высшей цивилизаціи и культуры, когда русскіе были, по выраженію западныхъ европейцевъ, *ursae septentrionalis*.

Въ тотъ періодъ зоолого-географическаго распространенія и устройства русскаго народа, почти всё безпощадно расхищали естественную экономію животнаго царства, но никто не зналъ и не думалъ изучать природу животнаго міра, зоологію или фауну русской земли. Понятія о животныхъ наши предки заимствовали или изъ зооморфической и сказочной мифологіи, или изъ библейскихъ источниковъ, или, наконецъ, изъ средневѣковыхъ *Bestiarieen* и *zoographien*, т. е. такъ называемыхъ физиологическихъ сочиненій о живот-

ныхъ, исполненныхъ самыхъ фантастическихъ суевѣрнѣхъ представлений. Бестиаріи, господствовавшіе и на западѣ въ началѣ среднихъ вѣковъ, очень распространены были и у насъ отъ XV до XVII в. включительно. Почерпая зоологическія свѣденія изъ подобныхъ источниковъ, русскіе книжники распространяли въ сборникахъ самыя странныя понятія о животномъ царствѣ. Для нихъ оно было не предметомъ зоологической науки, а символомъ библейскихъ сказаній. Въ алаевитахъ XVI и XVII в. распространялись такіа, напримѣръ, сказанія о птицахъ; «есть птица нѣкая, называемая Сродіе, зѣле суци чадолюбива, и малѣйшія бо птицы селитву творять окрестъ гнѣзда ея; сія птица прообразуетъ христа бога нашего; той бо есть вопитину челоувѣколюбецъ, его же есть жилище и домъ церковь, въ той бо хранятся вся заповѣди мысленнаго сродія христа. Есть птица, называемая егуля, злонравна суци, народивши бо яйца, во нѣхъ птиць гнѣзда влагаетъ, сама же своему гнѣзду не хранитель есть, но и инымъ птицамъ отроды своя подаетъ, за насытѣсть чрева своего не хочетъ потрудитися у гнѣзда своего, но зловозвоннымъ гласомъ призываетъ подружіе свое на смѣшеніе: сей птицы уподобилася жидове, прїимше яко отроды ихъ святыхъ книгъ учелїа отвергоша и предаша я языкомъ» ¹⁾. Или же, животное царство было предметомъ суевѣрныхъ примѣтъ и гаданій: «воронोगрай, журуклинѣ — худо будетъ; утица крикнетъ, гусь гогочетъ, песь воетъ, мышепискъ, мышъ порты грызетъ — изгоритъ нѣчто; заяць перебѣжитъ дорогу — худо будетъ; заяць дорогу перебѣжалъ — неудача стрѣлку; волкъ, медвѣдь — добрая встрѣча; лиса, заяць, бѣлка а монахъ — къ худу; если щука плеснетъ плескомъ (хвостомъ) передъ рыбакомъ — то ему не долго жить», и т. д. ²⁾. Суевѣрному и невѣжественному воображенію народному мерещились самыя чудовищныя мифическія животныя, индрияи звѣри, стратинны и черногары — птицы, черви златыя и т. п. ³⁾. Отдаленныя страны русской земли наполнялись чудовищными животными. Такъ на сѣверѣ Россіи, мрачномъ, лѣснымъ, суровомъ, народная фантазія помещала пещеру зитѣи — ас-

¹⁾ Ал. рук. Солов. Библ. въ каз. д. ак. № 13, л. 63 и др.

²⁾ Русс. Вѣстн. 1842. 2. 259. Послов. изд. Далеми. въ чтен. 1049. 1051. 1033.

³⁾ „Въ восточной части Азии, — читали книжники грамотѣи, — въ Симоновѣ жребіи есть островъ, въ немъ же родиса червь златая, да и песокъ златъ.“ (Сборн. Солов. рукоп. № 861, л. 276).

пиды, зѣби крылатыя съ штичьнѣхъ носомъ и съ двумя хоботами; эта жестрая зѣва жила будто бы въ отдаленныхъ пещерскихъ горахъ, не садилась на землю, а на камень, а куда полетитъ, можетъ всю землю опустошить; только заклинатели—знахари могли ее заговорить. Въ пустынныхъ берегахъ низовой Волги воображали и страшились шестиглаваго дракона. Тамъ же, на низовьяхъ Волги,—разсказывали,—будто бы росло животное-растение—баранецъ, которое будто бы рожало ягненка съ мохнатыми ногами, безъ роговъ. Показывали мѣховыя шапки и увѣряли удивленныхъ западныхъ европейцевъ, что эти шапки изъ мѣха «баранца». Коллинсъ слышалъ странныя повѣсти и басни о звѣряхъ-суркахъ и перевошникахъ. Сѣверно-поморскіе, соловецкіе писатели разсказывали о какихъ-то странныхъ миграціяхъ рыбъ изъ однихъ морей въ другія, изъ сѣвернаго, «студенаго моря» въ южныя, теплыя моря: «радуются сладкому и морскія рыбы, — говоритъ солов. писатель XVII в. вногъ Сергій,—и больше любятъ понтійское море, потому что въ немъ стройнѣе другихъ морей рождать... Тамъ живутъ и вѣты великіе, называемыя *лежса*: они подобны горамъ, какъ сказываютъ видѣвшіе ихъ; пребываютъ въ своихъ предѣлахъ—нашдѣи ихъ родъ, какъ города или веси или древнія отечества—для нихъ лучины морской страны: въ нихъ они живутъ» ¹⁾). Имѣя такія суевѣрныя и ложныя понятія о животномъ мірѣ, предки наши обставляли разными суевѣрными обрядами и предразсудками и всѣ звѣринныя и рыбныя промыслы. Бортники, ходя «въ лѣсъ медъ отъ древіа взимати», по языческому суевѣрію, «съ высоты деревьевъ черезъ ноги въ *нави* зрѣли», т. е. имъ мерещился подземный міръ мертвецовъ ²⁾). У бортниковъ сочиненъ былъ особый «молитвенникъ къ пчеламъ», сохраняющійся и теперь у пчеловодовъ, читающійся на праздники Благовѣщенія, на вербиное и свѣтлое христово воскресенье и на праздники господнія», и состоящій изъ 7 молитвъ. Въ первой молитвѣ изложена нелѣпѣйшая басня о принесеніи Зосимомъ и Савватіемъ Соловецкимъ пчелъ изъ паноримской земли въ Россію. Приведемъ ее для характеристики народныхъ понятій: «на морѣ омактѣ, на островѣ Курганѣ, лежитъ камень алатырь отъ конца вѣна сего, и на томъ камнѣ сидитъ ангелъ и спасъ-образъ съ ангелы

¹⁾ О яренск. чудотв. рукоп. Солов. библ.

²⁾ Муромская легенда, по рукоп. Солов. библ.

и архангелы и Зосимъ и Савватій соловецкіе чудотворцы. Посла ихъ въ нарименскія горы за силою пчелиною—поймати крапчика и матку и посадить въ жезлъ свой. Подите дорогою, будетъ за вами погоня, то вы бросьте жезлъ свой въ правую сторону. Пошли они Зосимъ и Савватій соловецкіе чудотворцы съ архангеломъ Михаиломъ, по Божію велѣнію, за силою пчелиною въ папо-римскія земли, въ римскія горы, поидоша путемъ къ западу до востоку, и дошедъ поймали крапчика и матку, посадили въ жезлъ свой и поидоша путемъ съ западу и до востока. Архангелъ Гавріилъ поднимаетъ отъ земли всю силу пчелиную: «какъ востокъ имаѣ облацы поднимаются, тако бы поднималася сила пчелиная и пошла за Зосимомъ и Савватіемъ соловецкими чудотворцами силою небесною и духомъ святымъ.... Идоша по надлежащимъ путямъ и тропамъ, и приведоша крапчика и матку со всею силою пчелиною къ тому же собору Божію, ко Престолу Господню. И рече святыи отецъ Исосимъ и Савватій: приведоша къ новѣмъ твоимъ крапчика и матку со всею силою пчелиною. Куда, господи, дѣвать и сажать? Господь же, благословивъ и освятивъ ихъ духомъ своимъ святымъ, преда и Исосиму и Савватію соловецкимъ чудотворцамъ и велѣлъ пустити отъ востока и до запада во всю руссійскую землю, въ темныя лѣса, въ угодныя древа, православнымъ христіанамъ и мнѣ рабу божію иняреку. Создай, господи, милость свою, послы и надѣли мнѣ рабу божію во дворѣ или въ лѣсу и на пчельникѣ мои пчелы старыя и молодыя молитвами Исосимы и Савватія солов. чудотв. Какъ приведено по повелѣнію твоему, господи, изъ невѣрной стороны во всю руссійскую землю на канонъ и на воскъ, на ошмянъ и на всякую утварь церковную, на укрѣпленіе и утверженіе до скончанія вѣка сего: такожде, господи, утверди и у меня раба божія инярека въ пчельникѣ во дворѣ, или въ лѣсу на пчельникѣ, пчель старыхъ и молодыхъ, на выстановѣ, во всякомъ году, во всякомъ мѣсяцѣ, въ четверти и полчетверти. Около ограды пчельника моего обойду, духомъ святымъ окурю отъ всякаго глаза мужскаго и женскаго, отъ простоволосыхъ дѣвиць, отъ чернца и отъ черницы, отъ колдуна и отъ колдуньи, отъ еретика и еретницы, отъ лихаго челоуѣка, отъ чужихъ налетныхъ пчель. Какъ по повелѣнію твоему, господи, океану-мору все моря покорны, рѣки, источники и потоки текутъ денно и ношно, такъ бы, по повелѣнію божію, чужая пчела моей пчель покорна была всегда, во всякъ день и часъ. Сна-

си, господи, на пчельникѣ мои пчелы отъ всякаго звѣря и отъ всякой птицы и отъ всякаго потопленья воднаго и отъ нечистаго духа и отъ лукаваго человѣка. Пошли и надѣли, господи, пчеламъ мощь со всякаго дерева, со всякаго цвѣта стараго, сухаго и сѣраго, со всякаго плоду брать на воскъ и на капонъ... Моя пчела, раба божія, волки, а чужая пчела овцы, и какъ волкъ овну пожираетъ, такъ же и моя пчела, по божію велѣнію, чужую пчелу пожираетъ и на себя не попускаетъ. Земля — зѣло, небо — ключъ, ашннъ», и проч. ¹⁾. Звѣроловы не менѣе были суевѣрны. Въ лѣсахъ нитъ часто мерещились разные дивы и чудеса, слышались звоны чудесные и пѣнье сладкогласное. Во время звѣринныхъ промысловъ, они соблюдали разные суевѣрные обряды, которые у рыболововъ доходили до невѣроятныхъ нелѣпностей. Такъ если при ловлѣ рыбы баграми кому нибудь попадетъ лягушка на багоръ, что дѣйствительно иногда, и случается, — тотъ, по народному новѣрью, во всю зиму ни одной рыбы изловить не можетъ, хотя онъ будетъ перемѣнять и багры, и мѣста ²⁾. Рыбаки большею частію и доселѣ — народъ особенно суевѣрный и невѣжественный. Наприм. Галицкіе рыбаки и донныѣ еще, по старинному суевѣрному обряду, передъ началомъ лова рыбы, «молятъ калачи», совершаютъ разныя гаданья, и вообще чрезвычайно суевѣрны и грубы ³⁾. Специально занимаея рыболовствомъ, наши рыбаки не знаютъ и не стараются знать естественной исторіи рыбъ. «Каспійскіе рыбаки и болѣе образованные смотрители, — говоритъ Бэръ, — очень мало заботятся о распознаваніи рыбъ. Напримѣръ, подъ таранью разумѣютъ всѣхъ рыбъ, которыя идутъ въ торговлю. Относительно образа жизни рыбъ, здѣшніе рыбопромышленники, подобнымъ же образомъ, обратили вниманіе свое почти исключительно на тѣ только обстоятельства, которыя имѣютъ непосредственное вліяніе на время, мѣсто и способъ лова. Всѣ же прочія обстоятельства такъ мало интересуютъ, что распранивая ихъ, рѣдко можно узнать что нибудь поучительное. Такимъ образомъ утвердился здѣсь предрасудокъ или скорѣе противоположенное мнѣніе, что три зернышка икры сростаются вмѣстѣ для

¹⁾ Рукоп. сообщ. однимъ Казанск. мѣщаниномъ. У казанскихъ ичеловодовъ она доселѣ въ употребленіи.

²⁾ Pallas, Reise 1, 434.

³⁾ Костром. губ. матер. для стат. и геогр., 275.

образования молодой рыбы» ¹⁾. Еще суевѣрѣе и невѣжественнѣе сибирскіе морскіе звѣропромышленники, добывавшіе морскаго звѣря моржа: въ XVII в. они даже «по своему молились моревымъ головамъ» ²⁾. Поморскіе рыболовы и звѣропромышленники, всю жизнь воспитывавшіеся подъ влияніемъ моря, можно сказать, вскормленные моремъ, взлелѣянные на его волнахъ и часто подвергавшіеся на морѣ страшнымъ бурямъ, волненіямъ и кораблекрушеніямъ,—поморскіе рыболовы и звѣропромышленники создали особый, своеобразный міръ повѣрій и легендъ поморскихъ. Здѣсь, чувство страха и рабодѣпія передъ страшными и могучими стихіями морской природы породило цѣлый міръ морскихъ чудесъ и знаменій. Бѣлое море и Ледовитый океанъ, особенно во время страшныхъ бурь и кораблекрушеній, были сценой этихъ чудесъ. Все, что Бѣлое море и Ледовитый океанъ извергали неповрежденнымъ, считалось *проводимъ изверженіемъ* моря, чудомъ промысла. Жители одной поморской вѣсти, именно Лудской, разъ отправились на море «на ловитву рыбъ», и, по словамъ сказанія о пертоминскихъ чудотворцахъ, «увѣрша множество врановъ парящихъ на воздухѣ и помышляху въ себѣ нѣкоему изверженію быти отъ моря праведну, и внигда приближашася, паче увѣрша чудесе достойное: враномъ окрестъ облающихъ и воплемъ грающихъ и яко отгоняемымъ быти нѣкою силою; приступивше ко берегу, увѣрша вскрай воды тѣлесѣи ничиже не вредимыя отъ гадонезавистныхъ и плотоядныхъ птицевъ» ³⁾. Поморскимъ звѣропромышленникамъ—весповальникамъ, плававшимъ по морю и ходившимъ по льдамъ на промыслы морскихъ звѣрей, во время бушующей ярости морскихъ бурь и неукротимаго, сокрушительнаго движенія, поднятія, столкновенія ударовъ и обваловъ горъ льдяныхъ или торасовъ, — постоянно видѣлись на морѣ то старцы сѣдые, которые носились по морю, какъ герои — полубоги или гении морскіе — укротители морей, то видѣлись церкви надъ моремъ на воздухѣ о пяти «главахъ», и т. п. Чудесные старцы укрощали сердитыя, буреломныя волны моря, взводили изъ пучинъ морскихъ суда и ромши юровщиковъ и весповальниковъ, направляли

¹⁾ Извѣд. о сост. рыболов. въ Россіи, т. II, стр. 12—13.

²⁾ Доп. III, № 24.

³⁾ Рукоп. Солов. Библи. Тамъ же, въ житіи Вассіана и Іоны Пертомин. чудотворц. раскрывается чудо о Китѣ, изверженномъ изъ моря и давшемъ до 230 пудовъ жира.

ихъ плаванье по морю и походы по льдинамъ и торосамъ ледовитаго океана въ тѣ части громаднѣхъ морскихъ бассейновъ, гдѣ было множество звѣрей морскихъ — тюленей, моржей, китовъ, бѣлугъ и проч. Сѣверно-поморскіе морепромышленники вѣровали, что святые поморскіе для того собственно и назначены и прославлены были на Бѣломъ морѣ, Ледовитомъ океанѣ и по всему поморскому побережью, чтобы владычествовать надъ морскими стихіями, укрощать волны и бури морскія, избавлять плавающихъ отъ кораблекрушенія и потопленія, споспѣшествовать ихъ морскимъ звѣрнымъ промысламъ. Сказанія о чудесахъ поморскихъ святыхъ, особенно Зосимы и Саватія соловецкихъ, Іоанна и Логина яренскихъ, Іоны и Вассіана пертомлинскихъ, Варлаама Керецкого, Никодима Кожезерскаго, Трифона Печенгскаго и другихъ, записанныя большею частію буквально со словъ морепромышленниковъ поморскихъ, суть типическій отпечатокъ и полнѣйшее выраженіе этого страннаго поморскаго вѣрованія, сохранившагося и до сихъ поръ.

При такомъ міросозерцаніи естественной животной экономіи русской земли, при такомъ узкомъ, и при томъ суевѣрномъ и ложномъ взглядѣ на животный міръ, на естественныя области и соврѣница животной экономіи, очевидно, не могли развиваться въ поселеніяхъ новыя и разнообразныя отрасли зоологической культуры и промышленности, которыя бы имѣли предметомъ рациональную и плодотворную фабричную обработку, широкое и разнообразное примѣненіе продуктовъ естественной животной экономіи. Притомъ, населеніе, много вѣковъ воспитывавшееся на готовомъ корму природы, въ глубоко-наслѣнномъ умственномъ рабствѣ передъ ней, безрасчетливо издерживавшее готовые дары ея естественнаго животнаго хозяйства, беспощадно расхищавшее ихъ, и нисколько непомышлявшее о напряженіи и развитіи индустріальнаго ума, объ изысканіи новыхъ индустріальныхъ способовъ жизни, недумавшее и неумѣвшее изучать природу съ этою цѣлію,—такое населеніе по-необходимости должно было рано или поздно, какъ говорится, попасть въ просакъ и долго носить въ бѣдности, матеріальной и умственной, въ безпромыслицѣ, или грязно-рутинной промышленности допетровской. И казенная экономическая реформа Петра великаго, безъ могучей силы и свободы естественного-познавательнаго индустріальнаго ума, не могла направить народъ на широкій и рациональный промышленный путь всенароднаго благосостоянія. Только свѣтъ индустріальной интеллигенціи

и изобрѣтательности западнаго гения, глубокое естественно-научное индустріальное образованіе и развитіе всѣхъ классовъ народа, глубокое и ясное сознаніе всѣми классами своего естественнаго права на разумно-свободную умственную и промышленную дѣятельность въ сверѣ естественной экономіи русской земли, и радикальная земско-хозяйственная реформа — стали мало по малу историческимъ чаяніемъ лучшихъ людей народа.

III.

Упадокъ зоологическихъ основъ древнерусскихъ поселеній и переходный кризисъ въ народной промышленности.

Такимъ образомъ, въ началѣ географическаго распространенія и земско-хозяйственнаго устройства, пока естественная животная экономія русской земли и воды была богата и неистощена, — народъ легко могъ въ области ея устроиться и жить насчетъ богатаго животнаго хозяйства матери, кормилицы своей — природы, нисколько не думая объ изученіи, исчисленіи и измѣреніи этой природной экономіи. Всѣ свободно шли въ эту дикую, некультивированную область зоологическаго хозяйства земли и воды — каждый по своему пути и ухаю: одни шли, по бобровымъ ухаюмъ и гонамъ, въ прірѣчную область бобровъ и выдръ, — и тамъ устроились и жили въ бобровничьихъ деревняхъ; другіе шли, по бортинымъ ухаюмъ, въ бортиные лѣса — въ область естественной пчелиной производительности и экономіи, — и тамъ ставили свои бортичьи пчипки и деревни; третьи шли, по стольничему пути, на рыбныя рѣки, озера и къ морю, — и тамъ строили деревни и слободы рыболовы, и т. д. Благодаря этимъ промысламъ и поселеніямъ бобровничьимъ, бортичьимъ, рыболовнымъ, такъ же какъ хлѣбнымъ, солянымъ и проч., — возникали торговыя поселенія — города, о которыхъ будетъ рѣчь впереди. Всѣ брали въ животной экономіи русской земли готовыя ея произведенія, жавивались ими, обиживались и торговали. Благодаря бобровничьимъ деревнямъ, — имѣли много мягкой рухляди, носили бобровыя шубы и сбывали множество бобровъ за границу. Благодаря бортичьимъ деревнямъ, — потребляли обильно медъ, торговали медомъ и воскомъ и усердно ставили въ

церкви восковыя свѣчи. Благодаря рыболовнымъ деревнямъ, ѣли въ изобиліе рыбу въ частые и великіе посты и не въ посты, содержали множество монастырей и за границу сбывали много рыбы и рыбьяго жира, и проч. Такъ было особенно въ началѣ земскаго строенія, когда русская земля была еще столько же жилищемъ звѣрей, сколько и людей. Но вотъ проходили вѣка, и многія естественныя хранилища животной экономіи русской земли мало по малу издерживались, истощались. И тогда началась тяжелая перемѣна.

Во внутреннихъ областяхъ Россіи, упадокъ древнихъ, непосредственно-натуральныхъ зоологическихъ основъ народной экономіи и колонизаціи сталъ обнаруживаться уже съ XVI и особенно въ XVII в. Здѣсь, вѣковое распространіе земледѣльческой и городской колонизаціи и культуры, непрерывное *посаженье починокъ и деревень на тѣхъ* ранѣе, чѣмъ на сѣверѣ и сѣверовостокѣ, истребляло и заищало *черныя, дикіе тѣса* — естественную область распространенія дикихъ животныхъ — пушныхъ звѣрей и бортевыхъ пчелъ. Слѣдовательно, неизбѣжно ранѣе подрывались основы бобровничьихъ, звѣропромышленныхъ и бортничьихъ поселеній. Берега рѣкъ, озеръ здѣсь заселены были гораздо раньше, чѣмъ берега рѣкъ, озеръ, и особенно морей южныхъ и сѣверныхъ; притомъ, и самыя рѣки и озера здѣсь давно распределены были на участки, тони, тѣзы, луки, и, очевидно, не могли, какъ сѣверное или каспійское море, служить неистощимымъ и всеобщимъ, безраздѣльнымъ резервуаромъ и источникомъ рыбнаго богатства. Слѣдовательно, и рыболовческія поселенія здѣсь не могли существовать вѣчно-обезпеченно и непоколебимо. Вслѣдствіе такихъ естественно-историческихъ причинъ, средневѣковыя экономическія основы поселеній въ центральной Россіи стали ранѣе упадать. Съ ограниченіемъ или издержаніемъ прежняго избытка производительныхъ силъ животнаго царства въ центральныхъ областяхъ Россіи, — все сильнѣе и сильнѣе развивалась казенная монополія въ животной экономіи русской земли и правительственная регламентація или уставность въ области экономическихъ поселеній. При ограниченіи или оскуднѣніи натуральныхъ источниковъ животной продукціи, при глубоко-пассивномъ рабствѣ народныхъ силъ передъ естественными производительными силами животной природы, московскому правительству легко было эксплуатировать народныя производительныя силы въ сферѣ естественной животной экономіи. Всѣ натуральныя уголья или статьи животнаго хозяйства, какія еще существо-

вали на русской землѣ, московское правительство брало въ свое распорядительное владѣніе и дѣлило ихъ между народами за оброкъ. На занятіе извѣстнаго пространства естественной животной производительности, а также на право устройства на нихъ промышленныхъ поселеній—бортничьихъ, бобровыхъ, рыболовныхъ или соколицычыхъ, народъ уже не имѣлъ свободного права: нужно было испрашивать разрѣшеніе у царя. Наприм. въ жалованной грамотѣ бобровникамъ плесской волости владимірскаго уѣзда прямо сказано: «а вы, безъ нашей царской грамоты, въ рѣкѣ Увоти, въ тѣхъ водахъ, въ твоихъ ухояяхъ ловить бобровъ не смѣете, и намъ бы васъ, плесскихъ бобровниковъ, пожаловати, велѣтъ бы вамъ дати на тѣ воды, на ваши старинные ухояи, въ которыхъ бобры ловили изстари дѣды ваши и отцы ваши, своя грамота» ¹⁾. Царь давалъ жалованныя грамоты на бобровыя гоны, на бортные ухояи, на рыбныя ловли и соколицычьи сѣдбища ²⁾. Какъ на западѣ, въ періодъ феодальнаго аристократизма и потомъ абсолютной монархіи, короли издавали особенныя охотничьи и рыболовческіе регламенты—*tagdvegal*, *jagdovnungen*, *Corpus juris venatorio-forestalis*, *Fischereiregal* и т. п.,—такъ и у насъ въ XVI и XVII в. царя, приписывая къ своимъ дворцовымъ и оброчнымъ волостямъ деревни бортничьи, рыболовни, бортничьи и соколицычьи или обращая ихъ въ служилыя слободы и посылая въ нихъ своихъ особенныхъ ловчихъ и прикащиковъ, давали имъ особенныя уставныя и судныя грамоты, съ обозначеніемъ количества натуральныхъ, животно-продуктивныхъ даней и оброковъ, или, вмѣсто нихъ, денежнаго оброка въ царскую казну ³⁾. На поселенія бобровничьи, рыболовни, бортничьи и соколицычьи налагались большею частію обременительные оброки. Напримѣръ, въ 1645 году въ переяславской рыбной слободѣ велѣно было «рыбнымъ ловцамъ ловить и привозить въ Москву на своихъ подводахъ по 33,600 сельдей въ годъ, а на пропитаніе себѣ и на снасти велѣно было ловить только по 3,450 сельдей въ годъ, и при этомъ съ 1666 года велѣно было 50 дворамъ «самыхъ знающихъ рыбныхъ ловцовъ» ловить рыбу специально на дворъ царскій, съ 1668 года велѣно было рыбнымъ ловцамъ той же слободы привозить въ Москву по 500 паровыхъ сельдей, а въ годъ поледныхъ

¹⁾ А. Юр. изд. Калачев. стр. 130.

²⁾ А. Э. II, № 49. А. Юр. № 41.

³⁾ А. Э. I, № 22. 183. 250. 150. 256 и друг.

большихъ по 45,000, или сколько понадобится» ¹⁾). Тяжкія пени налагались и на поселенцевъ частныхъ, землевладѣльческихъ деревень рыболовскихъ, бортничьихъ и проч. Если рыболовъ дворцовой рыбной слободы, или поселившійся, по договору, на рыбной тонѣ другого какого нибудь водовладѣльца, не исполнялъ условій и обязанностей, то платилъ пеню въ пользу ховнина въ 100 рублей. Точно также, если бортникъ селился у чьей нибудь борти на оброкъ, по договору, или бралъ въ оброчное содержаніе бортное *знамя* и не исполнялъ договора, — то съ него выискивалась пеня огромная, въ 50 р., да за каждую борть въ случаѣ ея порчи, да за пчелы, по уложенію» ²⁾). Вслѣдствіе такихъ и многихъ другихъ надоговъ, пеней и повинностей, зоолого-экономическія поселенія въ XVI и особенно въ XVII в. большею частію бѣдствовали и едва существовали. Такъ, напримѣръ, тѣже рыболовы переяславской рыбной слободы въ 1613 году жаловались: «нынѣ они ловятъ на царскій обиходъ въ переяславскомъ озерѣ сельди и всякую рыбу, и тѣ сельди и рыбу присылаютъ къ царю въ Москву на своихъ подводахъ; да они же ѣздятъ съ ловцами по рѣкамъ и по озерамъ и по прудамъ; да съ нихъ же берутъ переяславскимъ стрѣльцамъ рыбной слободы на 83 человекъ, на всякій мѣсяць, рожь и крупы и толокно и соль, а они покупаютъ тѣ запасы на свои деньги; да они же даютъ пушкарямъ и затинщикамъ на всякій мѣсяць корму по два рубля; да нынѣ правятъ съ нихъ казачьихъ кормовъ на 70 человекъ 12 четей съ осминою ржи, да 3 чети съ осминою овса, 3 чети крупъ и толокна, 3 полоти мяса, 3 пуда соли, и они за тѣ казачьи кормы стоятъ на правожѣ, а окупаться нечѣмъ; и, кромѣ того, взваливаютъ на нихъ разные взмыты и выты, а они-де рыбной слободы людишки не пахатные, пашни подъ ними и сѣчныхъ покосовъ нѣтъ» ³⁾). Уже вслѣдствіе однихъ такихъ истязаній и подпоповъ, зоологическія основы нашихъ поселеній оказывались ненадежными и непрочными. Но кромѣ того, естественная животная экономія лѣсовъ и водъ не только въ центральныхъ, но и въ менѣе заселенныхъ и обработанныхъ приуральскихъ областяхъ, вслѣдствіе неразумныхъ, расширяющихъ промысловъ, годъ отъ году,

¹⁾ А. Э. IV. № 210.

²⁾ А. Ю. 202. Дешкова, стр. 354—355.

³⁾ А. Э. III, № 7. Такъ же жаловались рыболовы борисо-глубской рыбной слободы. А. Э. III, № 170.

приходила къ истощенію. Такъ въ царской граматѣ 28 авг. 1635 г., посланной въ Пермь, читаемъ: «вѣдомо учинилось, что всякихъ чиновъ люди и крестьяне, также и посадскіе люди, и дворцовые и вотчинные и чорныхъ волостей крестьяне, и охочіе всякіе люди, въ рѣкахъ и въ заповныхъ рѣчкахъ, и въ откупныхъ и въ оброчныхъ ухажаяхъ, и во всякихъ угодыяхъ, ловятъ и бьютъ бобры и выдры капканы, и тѣми капканами во многихъ мѣстахъ бобры и выдры выбиты и выловлены, и впередъ бобровъ по ловлямъ добывать немочно». Вслѣдствіе этого правительство строго предписало— «въ посадахъ и уѣздахъ, по всемъ торгамъ и по малымъ торжкамъ бирючамъ проглавать не по одинъ день, чтобъ всякіе люди впередъ капканами не ловили и не побивали бобровъ и выдръ, капканы старые и новые переписать и устроить въ царскую казну, а вновь чтобъ кузнецы отнюдь не дѣлали, равно и старые не подѣлывали бы»: въ противномъ случаѣ, грозилъ кнутъ нещадный, пеня и тюрьма ¹⁾. Точно также, вслѣдствіе замѣченной убыли рыбныхъ улововъ, рыбнымъ слободамъ и всемъ рыбопромышленникамъ предписывалось, чтобъ они ловили рыбу бережно, разумно, чтобъ мелкихъ рыбъ, для приплоду, не ловили на царскій обиходъ и на себя и на продажу, а ловили бы большихъ рыбъ данными отъ царя образцовыми неводами, рѣдкими, съ царскою дворцовою печатью, такъ чтобы мелкія рыбы смявъ рѣдкіе невода проскользали и, оставаясь въ водѣ, размножались ²⁾. Не смотря на такія мѣры, однѣ зоолого-окупаторскія основы не могли вѣчно поддерживать центральныйя поселенія. И деревни бобровныя, бортничьи, сокольничьи и большая часть рыболовныхъ стали быстро упадать или принимать другія промышленныя формы. Естественная животная экономя старинныхъ физико-зоологическихъ областей, въ которыхъ устраивались всѣ эти естественнохозяйственныя поселенія, до такой степени нѣскакала и ограничивалась, что бобровники, бортники, рыболовы и сокольники не въ состояніи были уже платить оброкъ натуральными, животными произведеніями, а оплачивали его большею частію деньгами. Напримѣръ, бортники за бортъ платили ежегодно, вмѣсто 1 пуда меду, полторы гривны новгородской ³⁾; рыболовы, за тону, опредѣлявшуюся однимъ неводомъ, вмѣсто третьей или шестой рыбы, часто давали деньгами

¹⁾ А. Э. III, № 256.

²⁾ А. Э. IV, № 210. А. И. I, № 230.

³⁾ Невол. о пят. и пог. новгород. прилож. II, 12.

полтину ¹⁾, сокольники, за пользование мхомъ для ловли соколовъ, платили по полтинѣ за каждаго сокола ²⁾. Только кречатьи волости въ Сибири еще въ XVII в. платили за ясакъ и оброкъ кречетами ³⁾. Бобровникамъ или крестьянамъ бобровничьихъ волостей уже въ XVI в. предписывалось: «а коли бобровъ не добудите, и вы бѣ къ нашей казнѣ на казенный дворъ къ назначаемъ привозили за бобръ парій да за два бобра ярца темноварихъ деньгами по рублю на годъ ⁴⁾. Деревни бобровничьи и бортничьи, не получая вполнѣ обезпеченія отъ бобровыхъ и бортныхъ ухажаевъ, уже въ XVI в. распахивали пашни и дѣлились на сохи и полусохи. Таковы, наприм., были села и деревни *бобровничьей полусохи* во владимірскомъ уѣздѣ. Въ 1540 г. вологодскіе сокольники просили позволенія поселиться на пашню въ дьякомъ лѣсу, близъ кречатьихъ и соколыхъ сѣдбищъ, дворы себѣ поставить, *тѣхъ на пашню расчищать* и людей называть ⁵⁾. Въ XVII вѣкѣ, во внутреннихъ областяхъ, бобровые гоны, бортные ухажи и даже рыбныя ловли, въ верховьяхъ Волги, уже вовсе не вызывали новыхъ, специальныхъ поселеній — бобровничьихъ, сокольничьихъ и даже рыболовнихъ, а становились просто хозяйственнымъ подспорьемъ пашеннымъ селамъ и деревнямъ, побочными, дополнительными угодами и промыслами. Вновь, на бортныхъ лѣсахъ, бобровыхъ гонахъ и ухажахъ и даже у рыбныхъ ловель ставились уже не специальные бобровничьи, бортничьи, сокольничьи и рыболовныя поселенія, а пашенныя села и починки. Такъ, напр., по свидѣтельству ввозной граматы 31 марта 1643 г., «въ нижегородскомъ уѣздѣ, въ нагорной половинѣ и за Волгою на луговой сторонѣ были бобровые гоны, рыбныя ловли и бортный лѣсъ,—на томъ лѣсу крестьяне расчищали лѣсъ подъ пашню и поставили починки и поселились въ тѣхъ новопоставленныхъ селахъ и новорасчисныхъ починкахъ, распахавъ въ лѣсу пашни 458 четей въ полѣ, а въ дву потомужъ; и прибыло въ той вотчинѣ, по переписнымъ и дозорнымъ книгамъ, сверхъ старыхъ писцовыхъ книгъ, 2 села, что были починки, и 3 починка, а въ нихъ пашни 458 четей, сѣна 3300 копенъ, лѣсу чернаго раменья, oprичъ бортнаго,

¹⁾ Окладн. переп. II, прил. 206.

²⁾ Писц. 61. Прилож. 11.

³⁾ Доп. VI, 124.

⁴⁾ А. Юр. изд. Калач. 130.

⁵⁾ А. И. I, №№ 295 и 301.

55 десятинъ»¹⁾. Такимъ образомъ къ концу XVII в. мало по малу всѣ старинныя села и деревни бортничьи, бобровничьи, сокольничьи и большая часть рыболовникъ совершенно исчезали и преобразовывались преимущественно въ земледѣльческія, пашенныя поселенія. Бортные лѣса рубились на хоромы и дрова; расчищались подъ пашни и сѣнокосы. Такъ наприм. въ 1674 г. дозволено было крестьянамъ сель Сергача и Янова въ нижегородскомъ и арзамаскомъ уѣздахъ «въѣзжать въ мордовскіе бортные уюжан—въ большой черной лѣсъ, и дровяной и хоромной лѣсъ сѣчь, и сѣнные покосы косить, а у бортниковъ и мордвы взять сказки за ихъ знаменами, чтобъ они въ споръ не вступали»²⁾. Въ XVII в., во внутреннихъ областяхъ Россіи, вовсе не слышно было больше о колонизаціи бобровничьей, сокольничьей и т. п. Въмѣсто того встрѣчаемъ постоянныя извѣстія о колонизаціи земледѣльческой, пашенной, которая въ это время какъ будто замѣтно усилилась, особенно въ низовьяхъ Волги, въ восточныхъ, приуральскихъ областяхъ и въ Сибири.

Такъ въ XVII в. колонизовались вновь все пашенныя села и деревни, а объ новыхъ поселеніяхъ бобровничьихъ, бортничьихъ, сокольничьихъ и т. п. не встрѣчаемъ ни одного извѣстія. Въ концѣ XVII вѣка исчезли и послѣдніе слѣды этихъ старинныхъ поселеній. Тамъ, гдѣ прежде только и были спеціальныя и цвѣтущія, по тому времени, поселенія бобровничьи, бортничьи, рыболовни, сокольничьи,—тамъ нынѣ и слѣда ихъ нѣтъ. Такъ, въ древней рязанской и воронежской украинѣ, вся первоначальная колонизація состояла изъ поселеній звѣроловческихъ, бобровничьихъ, бортничьихъ и рыболовникъ. Сначала по свидѣтельству исторіи, «люде хождаху туда прибытка ради своего, звѣрей ловити». Потомъ проложены были тамъ бортные пути и уюжан, бобровые гоны и уюжан, рыбныя ловли,—и по нимъ распространились почти сплошною сѣтью ряды поселеній бортниковъ, бобровниковъ, мѣховыхъ подвозниковъ, рыболововъ. Въ договорной грамотѣ московскаго Князя съ рязанскимъ въ 1496 г. такъ очерчивается этотъ зоолого-экономическій составъ рязанскихъ и воронежскихъ поселеній: «во Цнѣ и въ корбутинскомъ уѣздѣ—бортники съ оброки, и въ Пластиковѣ, и въ Бовыкинѣ и въ Воронежѣ и на Дону бортники и рыболовы,

1) А. Ю. изд. Калач. № 28.

2) Доп. VI, № 104.

и ясановскіе бортники, и пренскіе бортники, и оросогородные бортники, и городскіе рыболовы, и мѣховые подвонники, ястребы подвозники, медовые, неводчики и бобровники всѣ эти люди ловчаны великаго князя московскаго, и они свои мѣста и ухажан вѣдаютъ по старинѣ; а у рязанскаго князя—Мордва дѣленная во Цѣ и въ коробутинскомъ уѣздѣ, бортники, ловчаны, черевитскіе бортники, рязанскіе бортники, рязанскіе рыболовы, и всѣ ловчаны, и они свои мѣста и ухажан вѣдаютъ по старинѣ ¹⁾. Такъ въ старину весь край занятъ былъ исключительно звѣропромышленными, бобровыми, бортничьими и рыболовными поселеніями. Нынѣ же во всей воронежской и даже рязанской губерніи не только нѣтъ такихъ спеціальнымъ зоолого-экономическихъ разрядовъ или классовъ населенія, но даже и какъ побочныя, второстепенныя отрасли сельской промышленности, звѣроловство, пчеловодство и рыболовство находятся въ упадкѣ. Въ статистич. описаніи воронежской, наприм., губерніи читаемъ: «здѣшній край, значительно населенный, имѣя притомъ малое количество лѣсовъ, большею частію изрѣженныхъ и разбросанныхъ небольшими дачами, не изобилуетъ вообще звѣрями; дичью же хотя и болѣе богатъ, но и она съ каждымъ годомъ постепенно уменьшается, что главнымъ образомъ зависитъ отъ распространенія народонаселенія, уничтоженія лѣсовъ, осушенія болотъ и обращенія степей подъ распашку хлѣбовъ, а частію также отъ несвоевременной и неразумной охоты и истребленія, нерѣдко въ большомъ количествѣ, въ гнѣздахъ яицъ и птенцовъ. Недостатокъ звѣрей и небольшое изобиліе дичи, а вмѣстѣ съ тѣмъ ужь и отсутствіе склонности жителей къ охотѣ и служатъ причиною, что охотничій промыселъ весьма мало распространенъ въ губерніи. Пчеловодство въ воронежской губерніи также не смотря на давнее свое водвореніе въ этомъ краю и еще сохраняющіяся выгодныя мѣстныя условія, далеко не достигло совершенства... Водами, изобилующими рыбою, воронежская губерніа хотя и богата, но рыбная ловля составляетъ самый незначительный промыселъ ея жителей: въ 1857 г. рыболовствомъ, какъ промысломъ, занималось всего около 400 человекъ въ уѣздахъ, прилегающихъ къ рѣкамъ: Дону, Воронежу и Хопру. Количество рыбы, добываемой здѣшними промышленниками далеко недостаточно для удовлетворенія мѣстнаго

¹⁾ Всеобщ. истор. свѣд. о воронеж. губ. 12, 13. Записки географ. общ. 1857 кн. XII, стр. 196 — 197.

потребленія, а потому ее закупаютъ въ значительномъ количествѣ въ предѣлахъ губерніи—въ Астрахани, Таганрогѣ и другихъ пунктахъ»¹⁾. Всѣ поселенія воронежской губерніи преобразовались теперь въ земледѣльческія, торгово-промышленныя и главнымъ образомъ въ скотоводческія. Вотъ наприм. городъ Бобровъ основанъ былъ въ концѣ XVII в. въ мѣстности, въ то время богатой бобрами, и въ уѣздѣ его еще въ XVII в. много было бобровниковъ. А теперь весь бобровский уѣздъ по преимуществу скотоводческій, съ 17 конскими заводами, съ большими овчарнями въ с. Садовомъ, Курлакѣ, Новой Чигловкѣ, Тулиновѣ и др., гдѣ приходится на 100 жителей—191 голова домашняго скота и однихъ овецъ 119, 3,—гдѣ такое огромное село, какъ Бутурлиновка съ 22,050 жителями занимается уже выдѣлкою кожъ, овчинъ, дѣланьемъ тулуповъ и сапоговъ. Въ память древняго изобилія бобровъ осталось только одно названіе города Боброва. Тоже совершилось въ нынѣшней рязанской губерніи. Въ XIV в. тамъ только и упоминаются *села съ бортники и съ бортными землями и съ бобры, да бортники рязанскіе, бортники перевиткіе, ловчане и рязанскіе рыболовы*, и т. п. А теперь пчеловодство въ рязанской губерніи, еще существующее, какъ совершенно побочный и ничтожный промыселъ въ южныхъ уѣздахъ—въ раненбургскомъ, въ юговосточной части сапожковского и въ южной касимовскаго уѣзда,—находится въ жалкомъ видѣ. Съ уничтоженіемъ лѣсовъ не только исчезли древніе бортные поселенія и станы, но упадаетъ самое пчеловодство, какъ промыселъ. Рыболовческія поселенія здѣсь также, если еще не упали окончательно, то мало по малу измѣняютъ свою старую основу. Многие жители рыболовныхъ селъ, по незначительности улововъ, оставляютъ рыболовство и занимаются другими промыслами, наприм. луговодствомъ и продажей сѣна, портняжествомъ въ Москвѣ, питейною частью, судостроеніемъ, бурлачествомъ и т. п.²⁾ Въ области нынѣшней костромской губерніи до XVI в. весьма значительно распространены были деревни бобровничьи, звѣропромышленныя рыболовы и бортничьи. А теперь ихъ тамъ почти слѣда нѣтъ. Въ статистико-географическомъ описаніи костромской губерніи читаемъ: «пчеловодство въ прежнее время было развито въ довольно обширныхъ развѣрахъ, въ ветлужскомъ и частію макарьевскомъ уѣздахъ. Но потомъ,

¹⁾ Матер. для геогр. и стат. Россіи. Воронеж. губ. стр. 280—281.

²⁾ Рязанск. губер. стр. 227—230, 166, 344.

на основаніи тѣхъ же причинъ, отъ которыхъ вообще упало чело-
водство и въ другихъ мѣстахъ, т. е. отъ увеличенія народонаселе-
нія, отъ истребленія лѣсовъ, отъ недостатка преняго приволья
для вытѣки меду, и въ здѣшней губерніи человодство, особенно
бортовое, упало... Звѣроловство и птицеловство въ прежнее время
въ костромской губерніи составляли довольно выгодный промыселъ,
такъ что жители, запававшіеся имъ, могли исключительно этимъ ре-
месломъ уплачивать всѣ свои обязанности; въ настоящее же время,
когда печали дремучіе лѣса, и когда крестьяне, работая цѣлую зиму
въ лѣсныхъ дачахъ, а лѣтомъ на своихъ сѣнокосяхъ, расчищенныхъ
между лѣсомъ, сдѣлались скорѣе жителями лѣсовъ, нежели звѣри
и птицы, число послѣднихъ значительно уменьшилось; вслѣдствіе
чего самый промыселъ сталъ маловыгоднымъ, и потому теперь жи-
тели охотою занимаются болѣе по привычкѣ и страсти, въ свобод-
ное отъ сельскихъ работъ время. И то ловятъ только медвѣдей,
лосей, оленей, волковъ, лисицъ, зайцевъ, бѣлокъ, изрѣдка—куницъ,
барсуковъ, горностаевъ и отчасти рысей, но уже вовсе не бобровъ
и выдръ, какъ было въ XVI вѣкѣ ¹⁾. Точно также въ нынѣшней
московской и владимірской губерніи въ XV и далѣе въ XVI вѣкѣ су-
ществовало много деревень не только рыболовныхъ, но и бортничь-
ихъ, бобровыхъ и сокольниковыхъ. А теперь ихъ тамъ и слѣда нѣтъ,
и вмѣсто нихъ развиваются по преимуществу торговля и мануфак-
турно-промышленныя селенія. Гдѣ теперь, напримѣръ, во владимір-
скомъ уѣздѣ эти 24 бобровничьихъ деревни, которыя тамъ суще-
ствовали еще въ половинѣ XVI вѣка. Теперь во всей владимірской
губерніи видимъ совершенно новыя, преобразованныя села, въ родѣ
села Иванова, Большихъ Метеръ, Дунилова, Вознесенскаго посада
и проч., съ ситцебумажными, бумагопрядильными, ниткаловыми и
химическими фабриками и заводами, число которыхъ въ 1846 году
простиралось до 341, и съ сотнями разнообразныхъ ремеслъ и про-
мысловъ ²⁾. Такъ съ истребленіемъ лѣсовъ и, вслѣдствіе того, съ
уменьшеніемъ дикихъ звѣрей и бортовыхъ пчелъ, съ ограниченіемъ,
обмеленіемъ водныхъ бассейновъ и усиленнымъ выловомъ рыбъ изъ
этихъ ограниченныхъ бассейновъ, съ уменьшеніемъ дикихъ птицъ,
соколовъ, вранцовъ и проч., — падали древнія, первоначальныя

¹⁾ Костром. губ. 272 — 276.

²⁾ См. напр. Industriell statistik der Gouvernements Wladimir—въ Archiv für Wissenschaftliche Kunde von Russland, A. Erman 1848 Bd. VI, s. 696.

зоолого-экономическія основы поселеній, и, вмѣсто нихъ, неизменно должны были мало по малу изыскиваться новыя сферы народныхъ промысловъ и вырабатываться новыя формы и основы поселеній.

Изъ всѣхъ географическихъ областей непосредственно натуральной животной экономіи и зоолого-экономическихъ сферъ поселеній, — двѣ области были наименѣе истощимы и доселѣ еще сохраняютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, свое продуктивное, животное богатство. Это-ихтиологическая область водныхъ бассейновъ, особенно сѣверныхъ и южныхъ морей, и звѣроловная область Сибири. И въ нихъ-то еще нашли исходъ и поддержку старинныя, исключительно зоолого-экономическія основы и оккупаторская промышленность поселеній.

Изъ замѣчательныхъ изслѣдованій акад. Бэра и Данилевскаго извѣстно, какъ еще обильны рыбой наши водные бассейны, въ особенности Каспійское море. И по самому закону природы рыбъ, ихъ естественный запасъ въ водной экономіи не могъ скоро оскудѣвать и истощаться. Плодовитость рыбы, какъ извѣстно, чрезвычайно велика. Только у немногихъ изъ нихъ менѣе 1,000 икрынокъ; очень многія имѣютъ ихъ отъ 20,000 до 10,000, нѣкоторыя даже по нѣскольку сотъ тысячъ, а есть и такія породы, у которыхъ число икрынокъ считается милліонами; конечно, не всѣ эти яйца созрѣваютъ въ одинъ годъ, однако же большая часть; не всѣ также оплодотворяются, а все же, навѣрное, болѣе половины. Но если примемъ за среднее число хотя 2,000 оплодотворенныхъ яицъ, что, безъ всякаго сомнѣнія, слишкомъ мало, то очевидно, что черезъ нѣсколько лѣтъ, всякое водохранилище и даже самое море должны бы были переполниться рыбою, если бы всѣ икрынки могли достигать совершеннаго развитія ¹⁾. Кромѣ такой огромной плодовитости рыбъ, самая медленность и слабость развитія промышленной колонизаціи и культуры русской земли благоприятствовала изобилію рыбы въ ея водахъ; потому что слабая и медленная обработка русской земли не уменьшала притока питательныхъ веществъ въ рыбныя водовѣстия. По такимъ естественнымъ причинамъ, когда поселенія бобровничьи, звѣропромышленныя, бортничьи и сокольниковыя упали, — рыболовческія поселенія, напротивъ большею частію еще удѣляли не только по берегамъ блага моря и ледовитаго океана, но и въ нѣкоторыхъ внутреннихъ областяхъ волжской системы; а съ

¹⁾ Изслѣд. о сост. рыболов. въ Рос. т. I, стр. 28.

XVI в. открылась даже новая, обширная рыболовецкая колонизация по берегам и притокам каспийского моря, какъ это мы уже видѣли. По тѣмъ же причинамъ, и доселѣ огромныя массы населенія въ Россіи суть исключительно рыболовческія. Напримѣръ, въ астраханской губерніи считается до 60,000 рыболововъ, а, по словамъ Шульца, милліоны рукъ заняты каспійскимъ рыболовствомъ. На р. Уралѣ—притокъ каспійскаго моря, изъ 25,497 казаковъ, имѣющихъ право на участіе въ общественномъ уральскомъ рыболовствѣ, до 11,000 казаковъ и ихъ работниковъ специально занимаются рыбною ловлею, получая отъ нея до 1,000,000 р. сер. или около 98 р. на каждаго чистаго дохода. На побережьяхъ азовскаго моря ежегодно до 13,000 человекъ занимаются рыболовствомъ, и устроено до 800 заводовъ ¹⁾. На сѣверѣ, на островахъ и вокругъ озера Пейпуса въ началѣ нынѣшняго столѣтія рыбою питались до 17,000 человекъ ²⁾, а теперь рыболовческое народонаселеніе тамъ простирается до 22,000 д. об. п. Въ Архангельской губерніи, можно сказать, все народонаселеніе (274,951 чел.) поглощено рыболовствомъ и исполкелъ вѣка живеть имъ: «море—наше поле, наша пашня»,—говорятъ поморы. Однимъ словомъ, чтобы видѣть, какъ еще обширны и важны въ народно-экономическомъ отношеніи рыболовческія поселенія въ Россіи, нужно только прочесть обширныя ислѣдованія о состояніи рыболовства въ Россіи, произведенныя экспедиціей Бэра и Данилевскаго и изданныя министерствомъ государств. имуществъ. Такъ въ ихтиологической экономіи русской земли еще существуетъ изобильный резервуаръ жизненныхъ произведеній, — и въ области ея еще сохранились древнія ихтиологическія основы поселеній, сохранились и даже вновь распространялись и рыболовческія поселенія. Но и эта область естественной экономіи не вѣчна и не во всѣхъ частяхъ неистощима. Рѣки и озера мелѣютъ и даже высыхаютъ, какъ наприм. обмелѣли многія устья Волги и пересохли два рукава Урала — Нарынка и Баксай, поддерживавшіе рыбоводный водоемъ богатаго Култуна. Притокъ питательныхъ для рыбъ веществъ, съ умноженіемъ и развитіемъ земледѣльской и промышленной колонизаціи и культуры, уменьшается, какъ это Бэръ полагаетъ, напримѣръ, относительно Волги и ея притоковъ. Недостатокъ притока питательныхъ веществъ

¹⁾ Географическо-Стат. Слов. I, 24—25.

²⁾ Storch, Gemälde von Russland II, s. 183.

въ водовѣстелища также уменьшаетъ приплодъ и запасъ рыбы въ нихъ, какъ это Данилевскій доказалъ относительно Бѣлаго и Ледовитаго морей. Наконецъ, рутинные способы рыболовства и усиленный, хищническій выловъ рыбы также ослабляетъ и уменьшаетъ приплодъ и количество рыбы, какъ это, между прочимъ, Радде указалъ въ рыболовствѣ прибайкальскомъ. Въ силу того закона природы, открытаго Валансьеномъ и Нильсономъ, что каждая разновидность морскихъ рыбъ обитаетъ въ опредѣленномъ бассейнѣ, въ извѣстной части или мѣстности моря, — количество извѣстной разновидности можетъ быть выловлено или прогнано во время метанья икры, и, слѣдовательно, въ извѣстной части моря, промыселъ можетъ быть разоренъ. Это и опытомъ подтверждается. Нигдѣ въ свѣтѣ не было столь богатаго лова сельдей, какъ въ Швеціи, именно у береговъ Богуслена. Въ 1787 г. было поймано тамъ не менѣе 1,500,000,000 сельдей. Эти несмѣтныя стаи начали мало по малу уменьшаться и, наконецъ, совершенно исчезли въ этой мѣстности. Дальнѣйшія изслѣдованія о причинахъ этого бѣдствія доказали, что оно произошло отъ неразумнаго способа, которымъ производился сельдяной промыселъ. Такъ и въ нашихъ водныхъ бассейнахъ, вслѣдствіе разныхъ причинъ и особенно по причинѣ неразумныхъ способовъ лова и разныхъ злоупотребленій во время метанія рыбами икры, замѣтно уменьшеніе нѣкоторыхъ породъ рыбъ, даже въ самомъ богатомъ рыбою каспійскомъ морѣ. «Нельзя не признать,—говоритъ Бэръ, — уменьшенія иныхъ породъ рыбы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, для нѣкоторыхъ породъ даже и общаго уменьшенія на всемъ пространствѣ моря... Нельзя не признать медленнаго, повсемѣстнаго уменьшенія тѣхъ рыбъ, которыя для метанія икры должны подниматься высоко по рѣкамъ, каковы: осетры, шипы, севрюги, бѣлуги и лососи. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уменьшеніе начинаетъ становиться замѣтнымъ, въ другихъ оно довольно уже сильно, въ третьихъ, наконецъ, оно идетъ столь быстро, что не можетъ не возбудить опасеній ¹⁾». Вслѣдствіе такихъ естественныхъ условій рыбной экономіи водной природы, очевидно, и рыболовческія поселенія не вполне гарантированы природой отъ экономическаго упадка. Такъ наприм., рыболовческія поселенія уральскаго казачества мало по малу уменьшаются. Многіе казаки остав-

1) Иссл. о сост. рыболов. т. II, стр. 165. 167.

ляютъ рыболовство и переходятъ къ другимъ занятіямъ, и преимущественно къ скотопрмышленности, такъ что въ 1845 г. казаковъ—рыболововъ было 8674 человекъ, а въ 1854 г. уже только 6882. Именно число казаковъ, дѣйствительно участвовавшихъ въ рыболовствѣ, было:

Въ 1845 г.	8674.
— 1847 —	8402.
— 1848 —	7456.
— 1850 —	7401.
— 1854 —	6882 ¹⁾ .

Вообще, въ юговосточной Россіи рыболовство все больше и больше не составляетъ исключительной основы поселеній, и многія рыболовческія поселенія становятся частію земледѣльческими и главнымъ образомъ скотоводческими. И потому скотоводческія поселенія, какъ увидимъ, тамъ преобладаютъ. Напримѣръ, въ Астрахан. губ., при одномъ изъ самыхъ рыболовныхъ бассейновъ—каспійскомъ морѣ, рыболовческаго населенія считается, какъ мы сказали, до 60,000 человекъ, а скотоводческаго до 400,000. Въ волжской водной системѣ, съ развитіемъ земледѣльческой колонизаціи и культуры, а также фабрично-промышленныхъ поселеній и, вслѣдствіе того, съ ослабленіемъ или уменьшеніемъ притока жизненныхъ элементовъ въ ихтиологическіе источники экономіи—водохранилища, также мало по малу упадаютъ рыболовческія поселенія. Напримѣръ, въ рязанской губерніи, рыболовческія поселенія, по незначительности рыбнаго улова, оставляютъ рыболовство, обращаются въ торговопромышленныя поселенія и многіе рыболовы занимаются уже, вмѣсто рыболовства, луговодствомъ и сѣноторговлей, портняжествомъ, питеиною частью, судостроеніемъ, лоцманствомъ и бурлачествомъ ²⁾). Ихтиологическія излѣдованія Бэра положительно и ясно раскрыли намъ естественно-историческій законъ развитія и упадка рыболовческихъ поселеній и показали естественную зависимость ихъ судебъ отъ успѣховъ развитія земледѣльческой и промышленной колонизаціи и культуры. «Экономія природы относительно водныхъ бассейновъ, — говоритъ Бэръ, — вкратцѣ заключается въ слѣдующемъ: на твердой землѣ происходитъ ежегодно новый растительный покровъ. Къ образованію

¹⁾ Ibid. т. V, стр. 32.

²⁾ Рязан. губ. матер. для геогр. и стат. 226—230. 166. 344.

его служатъ, конечно, отчасти содержащіяся въ почвѣ органическіе остатки прежнихъ поколѣній и минеральныя частицы, чрезвычайно медленно выдѣляющіяся изъ камней, но еще въ гораздо большей мѣрѣ вода и части атмосферы. Значительное количество веществъ, составляющихъ этотъ растительный покровъ, превращается ежегодно черезъ посредство травоядныхъ животныхъ различныхъ классовъ въ животное вещество, а черезъ посредство хищныхъ переходитъ и въ разныя другія животныя. Остатокъ ежегодно образующагося растительнаго вещества, испражненія животныхъ и самыя трупы ихъ, во сколько они не пожираются другими животными, частію обращаются въ пользу самой почвы, частію же сносятся рѣками или весенними разливами и дождями въ разные водоемы и, большею частію, достигаютъ моря. Къ тому же еще въ атмосферу возвращается улетучиваніемъ гораздо болѣе изъ органическихъ веществъ, остающихся на твердой землѣ, нежели изъ тѣхъ, которые попадаютъ въ воду. Эти послѣднія, мало по малу разлагаясь, питаютъ разныхъ мелкихъ животныхъ, которыми, въ свою очередь, питаются рыбы. Рыбы же столь плодовиты, что сколько ни поѣдаютъ ихъ другія животныя и не вылавливаетъ человѣкъ, ихъ все же столько подрастаетъ, по крайней мѣрѣ говоря вообще, сколько можетъ процитываться. Однимъ словомъ: водные бассейны суть поля, которыя удобряются вслѣдствіе того простаго закона, что вода повинуется силѣ притяженія, и которыя, вслѣдствіе плодучести рыбъ, доставляютъ количество сѣмянъ, не только соотвѣтствующее количеству этого удобрения, но даже и излишнее. Человѣку остается лишь жать. Этимъ, кажется намъ, разрѣшили мы вопросъ, почему въ малообработанныхъ странахъ больше рыбы, чѣмъ въ болѣе воздѣланныхъ. Земледѣіе отнимаетъ у всеобщаго хозяйства природы сколь возможно болѣе остатковъ органической жизни, употребляя ихъ на удобреніе своихъ полей и на кормъ своему скоту, для того, чтобы первыя давали ему хлѣбъ, а второй мясо и молоко. Но сверхъ того оно еще превращаетъ дикія мѣстности въ поля и вырубаетъ лѣса. Тамъ, гдѣ прежде рѣки ежегодно уносили съ собою массы деревьевъ, которыя, весьма медленно сгнивая, доставляли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ органическія вещества растворяющей силѣ воды, тамъ протекаетъ теперь рѣка, которая, можетъ быть, даже ежегодно расчищается. Какъ же можетъ, послѣ этого, озеро, въ которое впадаетъ эта рѣка, производить такое же количество органической жизни,

какъ прежде, особенно, если еще человекъ ежегодно употребляетъ на себя значительную долю произведеній этого озера — рыбъ. Собираютъ плоды, а не вознаграждаютъ убыли удобреніемъ. Если же за всѣмъ тѣмъ органическая жизнь не прекращается въ озерѣ, то это показываетъ только, какое множество органическаго вещества доставляютъ ему дожди и тающіе снѣга, не смотря на всю алчность человекъ. Но тамъ, гдѣ земледѣліе производится уже надрыве, какъ напримѣръ въ Италіи, гдѣ каждое утро собираютъ съ дорогъ испраженія ословъ и лошаковъ, тамъ приводитъ насъ въ удивленіе скудость органической жизни въ рѣкахъ и озерахъ, не смотря на благопріятную для органической жизни теплоту климата. Но не однимъ только земледѣліемъ ограничивается органическая жизнь въ водѣ; и прочія отрасли промышленности содѣйствуютъ тому же. Мельничныя плотины преграждаютъ притокъ воды сверху и бываютъ причиною того, что большая часть органическихъ веществъ превращается въ мельничныхъ прудахъ въ илъ. Разнаго рода фабрики и заводы оказываютъ подобное же дѣйствіе, сообщая водѣ еще минеральныя вещества, которыя перестаютъ быть вредными только тогда, когда распределяются по обширнымъ водоемамъ. Сверхъ того плотины эти препятствуютъ разнымъ породамъ рыбъ достигать до назначенныхъ имъ природою мѣстъ метанія икры. Если справедливо, какъ это утверждаютъ, что большія породы осетровъ въ Волгѣ значительно убываютъ, то я склоненъ полагать, что настоящая причина этого заключается въ увеличеніи промышленности въ странахъ, орошаемыхъ притоками Волги. Такимъ образомъ, виною уменьшенія въ количествѣ рыбы не всегда бываетъ усиленное рыболовство. При практическомъ примѣненіи этихъ замѣчаній, необходимо однако принимать во вниманіе различную величину и глубину водныхъ бассейновъ, а также и самые способы рыбной ловли. Чѣмъ меньше водоемъ, тѣмъ сильнѣе на него дѣйствіе рыболовства... Балтійское море, хотя и въ связи съ океаномъ, но составляетъ собою столь замкнутый бассейнъ, что оно занимаетъ какъ бы средину между большими озерами и океаномъ. Поэтому, не только возможно, но вѣроятно и даже необходимо, что возрастающая въ окрестныхъ странахъ культура, обращеніе лѣсовъ и пустырей въ поле, вытѣсненіе дикихъ животныхъ домашними, употребленіе морскихъ водорослей на удобреніе полей и т. д. мало по малу уменьшили количество питательныхъ веществъ въ балтійскомъ бассейнѣ. И дѣйствительно, исто-

рики единогласно утверждают, что древнѣйшія извѣстія указываютъ на несравненно большее изобиліе въ рыбѣ за нѣсколько столѣтій тому назадъ, и не подлежатъ никакому сомнѣнію, что тогда добывали рыбу съ гораздо меньшими усиліями. ¹⁾ Такимъ образомъ, значить, какъ земледѣльческія поселенія, вслѣдствіе изобилія питательныхъ веществъ или удобренія въ почвѣ, и при рациональныхъ способахъ хлѣбопашества, развиваются и распространяются, а вслѣдствіе истощенія и неудобренія или безумнаго расхищенія почвы, падаютъ, такъ, въ связи съ ними, и рыболовческія поселенія, при изобильномъ притокѣ въ водные бассейны питательныхъ веществъ изъ почвы и при рациональныхъ способахъ рыбныхъ промысловъ, распространяются и процвѣтаютъ, а вслѣдствіе недостатка питательнаго, органическаго удобренія водныхъ бассейновъ и неразумныхъ способовъ рыболовства, упадаютъ. И паденіе ихъ тѣмъ неизбежнѣе, чѣмъ плотнѣе распространяется въ окрестностяхъ водныхъ, рыболовныхъ бассейновъ земледѣльческая колонизація и культура. Такъ, съ распространеніемъ промышленно-земледѣльческихъ силъ и фабрично-заводскихъ городовъ, пали древнія рыболовческія поселенія во внутреннихъ, приволжскихъ областяхъ, наприм. въ губерніяхъ московской, ярославской, владимірской, костромской, рязанской, казанской, воронежской и др. Вслѣдствіе тѣхъ же ихтіологическихъ законовъ бывало и такъ, что убыль извѣстныхъ породъ рыбы неизбежно влекла за собою паденіе рыболовческихъ поселеній, такъ что жители ихъ принуждены были искать въ другихъ мѣстахъ и промысловъ и поселеній. Такъ, наприм., въ новѣйшее время приходили въ упадокъ рыболовческія поселенія около Чудскаго озера, когда нѣкоторыя породы рыбъ стали очень рѣдки, какъ наприм. леши, а другія почти и совсѣмъ исчезли, какъ наприм. синцы и шерешперы. «Доказательствомъ этого,—говоритъ Бэръ,—я считаю слѣдующія обстоятельства: 1) еще въ прошломъ столѣтій число крестьянъ и мѣщанъ, приходившихъ на Чудское озеро, чтобы поселиться тамъ съ цѣлю производить въ немъ рыболовство, непрестанно возрастало. Въ особенности стремились русскіе рыбаки въ люляндскому берегу, который заселенъ поэтому нынѣ большею частью русскими. Но, уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, это стремленіе значительно ослабѣло; теперь же переселенія эти, можно

¹⁾ Изслѣд. о состоян. рыболовства въ Россіи. Т. I, стр. 27—29.

сказать, совершенно прекратились. 2) Съ другой стороны, возрастаетъ число тѣхъ, которые изъ прибрежныхъ селеній Чудскаго озера ищутъ себѣ работы и промысловъ на сторонѣ; съ западнаго берега идутъ они въ Ливляндію, чтобы внутри страны заниматься рыболовствомъ, копаньемъ рвовъ и т. п.; съ восточнаго же отправляются въ С.-Петербургъ. 3) Въ рыболовныхъ деревняхъ около Чудскаго озера, еще лѣтъ за 20 тому навадъ, строились очень хорошіе каменные одно-этажные и даже двухъ-этажные дома, чего теперь уже не бываетъ.»¹⁾

Другая зоолого-географическая область—обширная и мало разработанная звѣриная экономія Сибири, гдѣ находили еще себѣ время и отчасти доселѣ находить исходъ и поддержку старья, непосредственно натуральныя хозяйственныя основы поселеній, тоже, и еще болѣе, не была нестоцима, неизмѣнчива, и не сулила на вѣчныя звѣки экономическаго благосостоянія и прогресса. Великорусскіе торговые и промышленные люди, а также царскіе служилые люди, воспитанные въ традиціяхъ старыхъ «бобровниковъ», вскормленные въ хозяйствахъ старыхъ великорусскихъ «бобровничьихъ деревень», съ жадностью устремились въ Сибирь главнымъ образомъ за соболями и бобрами. Соболю и бобру, составлявшіе финансовое основаніе и богатство московскаго государства, были для нихъ и золотомъ и магнитомъ. Когда въ метрополиі пали бобровничьи поселенія,—торговые, промышленные и служилые люди стали въ Сибири основывать новыя соболиныя и бобровничьи колоніи, въ видѣ промышленныхъ ясачныхъ зимовей, остроговъ и городовъ. Но, по закону природы, въ естественной, зоологической исторіи Сибири, такъ же, какъ и въ древней Россіи, хотя медленно, но совершалась существенная перемѣна. Частію вслѣдствіе естественныхъ отношеній, частію вслѣдствіе умноженія звѣролововъ и ихъ безумно-преслѣдательныхъ и запугивающихъ звѣрей промысловъ, частію, наконецъ, вслѣдствіе истребленія многихъ лѣсовъ и распространенія земледѣльческой колонизаціи, дорогіе лѣсные звѣри убывали и замѣщались дешевыми грызунами. Въмѣсто соболя, этого золота, капитала и мѣрилы богатства древней Россіи, умножались какіе-нибудь зайцы, неимѣвшіе тогда почти никакой цѣны и малый запросъ. Худое предзнаменованіе было для экономіи и судьбы древней Россіи, когда

¹⁾ Исслѣд. о сост. рыбол. 1, 4.

заяць сталъ умножаться, вмѣсто соболя, на переходѣ отъ древней къ новой Россіи, на пути распространенія звѣроловныхъ и земледѣльческихъ колоній. Между тѣмъ это было естественно. Заяць лучше распространяется тамъ, гдѣ нѣтъ сплошнаго лѣса, но гдѣ есть вблвнз поля и пашни, или гдѣ смѣняются поля и кустарники. И для лисицы такія мѣста также благоприятны, приманчивы, такъ какъ въ нихъ распространяются зайцы. Когда недостатокъ сплошнаго, густаго лѣса выгоняетъ соболя, тогда свободно умножается болѣе непреслѣдуемая имъ бѣлка и приноситъ въ годъ болѣе 40 дѣтенышей, распложаясь въ 10 лѣтъ отъ одной пары на 9-ю или 3,486, 784, 401 пару ¹⁾. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ соболя убывалъ,—умножались недорогіе звѣри—зайцы, лисицы, бѣлки и другіе. Эта медленная зоологическая перемѣна производила радикальный переворотъ и въ экономическомъ, земско-хозяйственномъ строѣ не только сибирскихъ колоній, но и самой метрополи—московской Россіи, такъ какъ не зайцы, а соболя и бобры составляли истаринную основу ея финансово-мѣхово-экономіи. Истаринный, ветхій, такъ сказать, мѣховой складъ экономіи древней Россіи, ея первобытный, вѣковой земскій строй, на почвѣ исключительно звѣриной, на казнѣ бобровой и соболиной, естественно рушился, такъ какъ постепенно рушились всѣ ея древніе станы и деревни бобровничьи. И на мѣсто древнихъ бродячихъ, *ухожайныхъ*, зоолого-экономическихъ поселеній, по неизбежному ходу и взаимодействию естественной исторіи русской земли и земства, необходимо должны были мало по малу воздвигаться, въ области экономіи природы, новыя, наиболѣе прочныя и производительныя основы поселеній и культуры, наприм. минералогическія или горнозаводскія и другія. И вотъ какъ совершался этотъ естественно-историческій переворотъ — процессъ разрушенія старой мѣхово-звѣропромышленной экономіи, а съ нею и самаго земскаго строения древней Россіи. Въ ясаѣ и перестановкѣ предметовъ, количества и цѣнностей пушнаго товара выразилось прежде всего начало радикальной перемѣны въ экономіи древней и новой Россіи. Съ постепенною убылью соболей и съ постепеннымъ затрудненіемъ и упадкомъ соболиныхъ промысловъ, на что рано и часто стали

¹⁾ Baer, Uebersicht des Jagd-Erwerbes in Sibirien, besonders in östlichen—
въ Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reiches Bd. VII, s. 193—195.

жаловаться служилымъ людямъ инородческаго звѣробою, — безащадно выискиваемый сборъ ясака быстро упадалъ. Сначала, пока соборы въ Сибири еще не были слишкомъ преслѣдуемы и зануigmaемы, ясачные инородцы щедро платили ясакъ одними соборями, рѣдко съ самой незначительной придачей недорогихъ звѣрей. Ермакъ уже въ сентябрѣ 1581 года, около одного Тобольска, собралъ и прислалъ въ Москву 2,400 соборей, а лисьихъ шкуръ только 20. Остатки на Сосвѣ добровольно согласились ежегодно платить по 280 лучшихъ соборей ¹⁾. Другіе остатки платили по 11 соборей съ наждаго стрѣлка ²⁾. Но уже въ 1608 году, въ Пелымѣ эта плата уменьшилась на 7 соборей, да и это количество уплачивалось не сполна. Миллеръ считалъ особенно богатымъ ясачнымъ сборомъ въ 1598 году 2,700 соборей, а въ 1609 году уже менѣе — 2,679 соборей ³⁾. Вогулы, въ числѣ 555 взрослыхъ мужчинъ, прежде сполна платили 6,897 соборей, а спустя нѣсколько времени уже не могли доплачивать 3,012 соборей. Въ 1649 году ясачные тунгусы жаловались въ особой челобитной: «многіе де торговые и промышленные люди изъ якутскаго острога приходили къ нимъ на ихъ жировья, и звѣрь собора опромышляли и лисницъ выбили, и гдѣ они прежь сего промышляли на стороннихъ рѣкахъ, и торговые де и промышленные люди своими промыслами, зимою съ самаго первозимья и до весны съѣзжутъ кулемикамъ, и тѣми кулемиками, съ той же статьи, что и бобры ловятъ капканами и *корень соборинный вывели*... Въ прошлыхъ годахъ, до пріѣзду прежнихъ воеводъ, на ужину добывали такими кулемами въ зиму сорока по 3 и по 4 и по 5 и по 6 и по полумесяца сорока на человѣка, а нынѣ на тѣ рѣки промышленные люди ходить перестали, потому что собора опромышляли, а которые при нихъ и ходили на тѣ рѣки, и они всего на ужину добывали соборей по 15 и по 20, потому что соборъ весь въ якутскомъ уѣздѣ на ближнихъ рѣкахъ, въ которые ясачныя зимовья на годовую службу служилые люди посылаются, торговые и промышленные люди своими промыслами, кулемами опромышляли» ⁴⁾. Вообще промыселъ соборей, а съ ними и ясака

¹⁾ Карамз. IX прим. 13, Fischer Sibirisch. Gesch. B. d. 1, s. 252.

²⁾ Samml. Russ. Gesch. Bd. VI, s. 501.

³⁾ Smml. VII, s. 25 — 27..

⁴⁾ Доп. III, № 57. Баргузин. тунгусы «ясака не могли упрощать, потому что собора де нѣтъ». Доп. VII, № 32. Охотскіе тунгусы сами покупали соборей на оленей и холоповъ. Доп. VII, № 61, Грам. III.

и пушное богатство древней Россіи такъ быстро упали, что во времени Палласа (по крайней мѣрѣ, въ Красноярскѣ) положено было ясаку уже только отъ 1 до 2 соболей, да и тѣ большую частію замѣнялись другими шкурами, даже оленьими, или же деньгами. ¹⁾ За незаплаченного соболя брали 1 рубль. Во время путешествія Фалька, многія инородческія волости платили ясакъ или соболями, или большею частію деньгами. Напр. у Чулымскихъ Татаръ, въ курсуковой волости 213 д. м. п. должны были платить или 226 соболей, или же деньгами 113 р., въ мелецкой волости 100 д.—250 соболей или 175 р. и т. д. ²⁾ Еще ранѣе Крашенинниковъ писалъ: «Когда сибирское государство подъ российскую державу приведено еще не было, но состояло подъ владѣніемъ невѣрныхъ народовъ: тогда по всей Сибири соболей было множество, особливо по Ленѣ рѣкѣ въ бору, который начинается отъ устья рѣки Олекмы и продолжается внизъ по р. Ленѣ до рѣчки Агары верстъ на 30. Съ начала покоренія Сибири соболяная ловля была столь богатая, что оное мѣсто богатымъ наволокомъ прозвано. Но нынѣ не токмо тамъ, но и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ есть российскія поселенія, нѣтъ никакого соболянаго промысла: для того, что соболи близъ жилья не водятся, но въ пустыхъ лѣсахъ и по высокимъ горамъ въ отдаленіи» ³⁾. Въ то время какъ соболю такимъ образомъ убывалъ, — умножались дешевые пушные звѣри, и возрастающая убыль и цѣнность соболя замѣнялась количественною прибылью дешевыхъ звѣрей. Это можно видѣть изъ сравненія слѣдующихъ цифръ. Въ 1594 году Федоръ Іоанновичъ, въ видѣ субсидіи, отправилъ въ Австрію:

40,360 соболей или 1009 сороковъ цѣною на	28,207 р.
519 кунницъ	— 5,190 »
120 черныхъ и чернобур. лисицъ	— 565 »
337,235 бѣлокъ	— 6,744 »
3,000 черныхъ бобровъ	— 2,708 $\frac{1}{2}$ р.
1,000 волчьихъ шкуръ	— 530 »
75 оленьихъ шкуръ	— 75 р.

¹⁾ Pallas, Reise III, s. 4.

²⁾ Falk's, Reise III, Abxh. VI, s. 554—556.

³⁾ Опис. Камчатки, т. 1, Ч. II, стр. 234—235.

Въ 1793 году, по статистическимъ даннымъ Шторха, изъ всѣхъ гаваней, исключая каспійской, отпущено было за границу мѣховъ и шкуръ:

Сѣрыхъ зайцевъ	на 266,215 р.
Бѣлыхъ зайцевъ	— 31,725 »
Бѣлокъ	— 26,712 »
Медвѣжинъ	— 18,013 »
Мерлушекъ	— 14,864 »
Горностаевъ и песцовъ	— 13,309 »
Лисицъ и куницъ	— 8,543 »
Волчьихъ шкуръ	— 3,325 »
Соболей	— 442 »
Всѣхъ вообще мѣховъ	— 396,337 »

Отсюда видно, что зайчи мѣха превышаютъ $\frac{2}{3}$ всей суммы, всѣ прочія мѣха составляютъ, слѣдовательно, только $\frac{1}{3}$. И соболь между ними составляетъ уже самую ничтожную часть, только $\frac{1}{1000}$ всей суммы ¹⁾. Заяцъ, такимъ образомъ, замѣстившій соболя въ географическомъ распредѣленіи сибирской фауны, замѣстилъ его и въ народнои промышленности, и въ торговлѣ сталъ на первомъ мѣстѣ. Въ 1673 году, по свидѣтельству Кильбургера, отпущено было за границу черезъ Архангельскъ и Остзейскую границу только 43 заячьихъ шкуры, а въ 1749 году ихъ вывезено было уже 347,989 штукъ. Соболю, стоявшій на первомъ планѣ въ древней Россіи, составлявшій мѣрило и основаніе ея богатства, ея основной и оборотный капиталъ, соболь въ новой Россіи сошелъ на послѣднее мѣсто. Тогда какъ въ древней Россіи, въ 1673 году соболей отпущено было за границу 23,200 и собольихъ хвостовъ 18,742, въ 1840 г. ихъ вывезено было только 30, а въ 1841 году—ни одного. Вотъ напр. вывозъ изъ с.-петербургскаго порта:

Виды шкуръ.	1838.	1839.	1840.	1841.
Бѣличьихъ шкуръ .	378,060	2,010,266	674,506	1,080,347
— хвостовъ	1,796,012	1,856,849	2,330,950	1,955,345
Зайцевъ сѣрыхъ . .	44,650	91,819	128,610	39,367
— бѣлыхъ	8,900	—	6,000	27,120
Горностаевъ	45,320	56,680	18,193	65,130

¹⁾ Storch, Supplem. s 43. Ваег, s. 133. 146—147.

Кашачьихъ мѣховъ	411	1,164	1,246	—
Барсуновъ	154	1,961	1,679	541
Соболей	710	53	30	—

Такъ соболь, составлявшій первый и преобладающій элементъ экономіи и богатства древней Россіи, теперь, въ сѣрѣ новой экономіи Россіи, почти совершенно потерялъ свое значеніе въ народномъ богатствѣ. И вообще, съ паденіемъ старой, звѣропромышленной системы народнаго хозяйства, не только соболь, но и всѣ дорогіе пушные звѣри, обуславливавшіе прежде существованіе и распространеніе обширныхъ бобровничьихъ и звѣроловныхъ поселеній, все болѣе и болѣе уступаютъ преимущество даже самымъ грубымъ продуктамъ поселеній земледѣльческихъ и скотоводческихъ. Теперь даже какая нибудь щетина—самый грубѣйшій волосъ, какой производятъ земледѣльческіе и скотоводческія поселенія, кромѣ внутренняго потребленія, доставляетъ въ народную экономію изъ-за границы гораздо большее количество денегъ или товаровъ, чѣмъ соболь, даже болѣе, чѣмъ всѣ дорогіе мѣха и шкуры, взятые вмѣстѣ, и можетъ быть даже столь же много, какъ всѣ вмѣстѣ охотничьи звѣри. Это можно видѣть изъ слѣдующихъ цифръ выручки въ «Вѣдахъ торговли»:

Въ годѣ.	За щетину.	За зайцевъ.	За другіе пушные товары.
1838 . . .	6,151,214 . . .	602,096 . . .	5,309,869 р.
1839 . . .	5,972,461 . . .	1,357,921 . . .	5,832,727 »
1840 . . .	1,226,414 . . .	425,914 . . .	1,197,722 »

Вообще доходъ отъ всѣхъ пушныхъ товаровъ въ 1840 г. былъ на 200,000 р. с. менѣе дохода отъ щетины. Точно также, звѣрные мѣха и въ народномъ потребленіи уступаютъ мѣсто продуктамъ земледѣльческихъ, скотоводческихъ, или мануфактурно-промышленныхъ поселеній, наприм. льнянымъ тканьямъ, полотнамъ, или овчинамъ и т. п. Тогда какъ нынѣ русское народонаселеніе, сельское и городское, потребляетъ, по меньшей мѣрѣ, до 13,700,000 овчинъ на сумму 16,000,000 р. с., а полотенъ, по исчисленію Тенгоберскаго, до 715,000,000 аршинъ, на сумму до 63,000,000 р. с., или сукна—до 239,621,000 фунтовъ на сумму 45,347,000 р. с.,—бѣлячьихъ мѣховъ, по исчисленію Бэра, всего на все потребляется въ Россіи только отъ 8 до 10,000,000 штукъ, на сумму не болѣе какъ отъ 800,000 до 1,000,000 р. с. Такъ въ новой эко-

номіи народа, не смотря на всю ея неразвитость и рутинность, продукты поселеній земледѣльческихъ, скотоводческихъ и особенно мануфактурно-промышленныхъ мало по малу вытѣсняють и замѣщаютъ продукты старыхъ, древне-русскихъ бобровничьихъ, звѣропромышленныхъ поселеній, такъ же какъ лень, тонкорунная овца, шелковичный червь и другіе проводники земледѣльской, скотоводческой и мануфактурно-промышленной колонизаціи и культуры замѣщаютъ и вытѣсняють соболя, бобра и другихъ дикихъ, охотничьихъ звѣрей. Наконецъ, капиталъ, который приводилъ въ движеніе поселенія звѣропромышленныя, въ отношеніи капитала, движимаго индустриальными, промышленными поселеніями, такъ все больше и больше дѣлался незначительнымъ, что его недостаточно было уже на удовлетвореніе даже одной новой индустриальной потребности. Напримѣръ, въ 1768 г., по словамъ Гюльденштедта, весь доходъ отъ пушныхъ товаровъ простирался только до 450,000 р., тогда какъ русское государство тогда же платило за границу за одно индиго до 494,000 руб. Въ 1840 г. зайцевъ и другихъ пушныхъ звѣрей продано было не болѣе какъ на 2,124,720 р. сер.,—а за индиго заплачено было 3,245,500 р. серебромъ ¹⁾).

Вслѣдствіе такой естественно-исторической эксплуатаціи, старыя, исключительно звѣропромышленныя основы поселеній неизбѣжно мало по малу рушились и въ самомъ царствѣ пушныхъ звѣрей — въ Сибири, все больше и больше замѣщались поселеніями земледѣльческими, скотоводческими, торговыми, мануфактурно-промышленными, горнозаводскими и другими. Съ какой быстротой и энергіей основывались въ XVII в. звѣропромышленныя и ясачныя зимовья, съ такой же быстротой они потомъ упали. Гдѣ, напримѣръ, теперь эти десятки русскихъ звѣропромышленныхъ зимовей и поселеній по берегамъ Ледовитаго моря; при устьяхъ Енисея, по Хатангѣ, Таймуру и Пясидѣ? Большею частію всѣ исчезли. Прежде, по словамъ Гмелина, русскіе, по изобилію звѣриныхъ промысловъ, ни на какой сѣверной рѣкѣ не селились въ такомъ множествѣ, какъ по Енисею. «Отъ Мангазеи,—говоритъ онъ,—до моря, даже по берегамъ моря до Пясыды и до Хатанги, и вдоль по Хатангѣ устроены были все русскія поселенія, изъ которыхъ одни были временныя, а другія прочно-осѣдлыя, и заселены были мно-

¹⁾ Ваер, s. 203.

гнии семействами. Въ хатангскомъ погостѣ, подъ 68 $\frac{1}{2}$ с. ш., былъ даже приходъ съ церковью ¹⁾. Теперь же число русскихъ поселенцевъ на нижнемъ Енисей самое ничтожное, а на берегахъ Ледовитаго моря они и вовсе исчезли. Даже еще за 70 лѣтъ назадъ число русскихъ въ этикъ арктическихъ странахъ было гораздо значительнѣе, чѣмъ теперь. Георги говоритъ, что въ хатангскомъ погостѣ въ 1771 г. жило 452 русскихъ об. п. Теперь же, по словамъ одного извѣстія, *Russen giebt es dort nicht und nur drei Hefe ansässiger iakuten* ²⁾. Ни въ якутскомъ краю, ни въ приморской области, ни въ приалтайскомъ, ни въ Забайкальскомъ краю, словомъ ни въ западной, ни въ восточной Сибири, нигдѣ теперь уже нѣтъ специальныхъ русскихъ звѣропромышленныхъ и ясачныхъ зимовей XVII вѣка, а вездѣ мало по малу распространяются обыкновенныя села и деревни, преимущественно скотоводческія и земледѣльческія, да города, въ родѣ Иркутска, Нерчинска, Якутска, Олекминска, Вилюйска, Верхне-Колымска и т. п. Вновь приходящіе изъ Россіи колонисты, каждый годъ переселяющіеся крестьяне уже не садятся на соболиные промыслы, а на папину. Въмѣсто звѣропромышленныхъ зимовей и поселеній, теперь и на сѣверѣ Сибири начинаютъ распространяться поселенія скотоводческія, на югѣ же давно уже распространяются колоніи и селенія земледѣльческія и скотоводческія. На сѣверѣ, наприм. въ березовскомъ краю звѣроловство далеко уже не занимаетъ и не покрываетъ всѣхъ нуждъ жителей: уловъ звѣря простирается только на сумму до 92,000 р., тогда какъ, въ замѣнъ того, въ округъ ежегодно требуется и ввозится товаровъ на 110,000 р., и болѣе половины этой суммы составляетъ стоимость ввозимаго хлѣба ³⁾. При существованіи здѣсь такого ввоза и, слѣдовательно, торговыхъ транспортовъ, содержаніе лошадей представлялось прежде всего выгоднымъ для перевозки купеческихъ владѣй. Поэтому, звѣропромышленныя поселенія въ этомъ краю становятся мало по малу скотоводческими. Скотъ, неудержавшійся здѣсь еще въ прошломъ столѣтіи, во время Налласова путешествія, въ настоящее время уже хорошо акклиматизированъ. Въ

¹⁾ Gmelin's, *Reise durch Sibirien* Bd. III, s. 215—216.

²⁾ *Neueste Nachrichten über die nordlichste Gegend von sibirien zwischen den Flüssen Pjassida und chatanga* Beitr. z. Ken. q. k. k. s. 287—280. 292.

³⁾ Георг. Словарь I, 244—245.

березовскомъ краю, въ 1860 г. лошадей считалось 1,470, рогатого скота 850, овецъ 70, свиной 54. Венгерскій путешественникъ Регули, полагая здѣсь границы скотоводства, говоритъ: «Разведеніе лошадей, не болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, стало распространяться между Остиками отъ Самарова, на устьѣ Иртыша, внизъ по теченію р. Оби, и простирается въ настоящее время (въ 1847 г.) уже до деревни Кушеватовской, слѣдовательно болѣе чѣмъ на 600 верстъ отъ Самарова. Прежде всѣ торговля сношенія Березова съ Самаровымъ производились на собакахъ, и еще недавно перевозка товаровъ представляла купцамъ значительныя затрудненія; но во время пребыванія моего въ Березовѣ (въ 1845 г.), многіе остяки, побуждаемые желаніемъ прибыли, уже стекались въ городъ, для перевозки купеческихъ товаровъ въ Самаровъ. Вмѣстѣ съ лошадьми разводятся также и рогатый скотъ, именно коровы», и проч. ¹⁾. Въ енисейской губерніи также скотоводческія поселенія мало по малу вытѣсняли и вытѣсняются звѣроловческія. Въ южныхъ, приалтайскихъ степяхъ и равнинахъ, по верхнему Енисею и его притокамъ, преобладаютъ обширныя скотоводческія населенія качащевъ, кайбаловъ, бельтировъ и русскихъ. На сѣверѣ, полярною границею распространенія крупнаго рогатаго скота и лошади, а съ ними и скотоводческихъ почивковъ, можно считать 68 $\frac{1}{2}$ с. ш. Въ якутской области, въ то время, какъ многія племена, въ родѣ омоковъ, шелаговъ, анюмловъ и другихъ, съ упадкомъ звѣроловства и вслѣдствіе крайней бѣдности вымирали отъ повальныхъ болѣзней, — якуты пережили этотъ тяжелый зоолого-экономическій кризисъ и нашли спасеніе въ скотоводческихъ поселеніяхъ. «Своимъ трудолюбіемъ и терпѣніемъ, — говоритъ Врангель, — они водворили скотоводство и коневодство въ странѣ, по качествамъ климата и почвы, казавшейся къ тому совершенно неспособной» ²⁾. Не оставляя звѣроловства, какъ весьма выгоднаго подспорья въ жизни, они главнымъ образомъ суть проводники на крайнемъ сѣверо-востокѣ скотоводческихъ поселеній. «Они, — говоритъ Врангель, — народъ въ полномъ смыслѣ пастушескій; главное богатство ихъ заключается въ многочисленныхъ табунахъ и стадахъ рогатаго скота, доставляющихъ имъ почти все нужное для пропитанія и содержанія» ³⁾.

¹⁾ Письмо Регули. Зап. р. геогр. Общ. 1849 г. кн. III, стр. 166.

²⁾ Врангель II, стр. 67--68.

³⁾ Ibid. I, 183.

«Новомоду здѣсь у якутовъ,—говоритъ Ерманъ, богатое скотоводство. Подъ 62° с. ш., якуты гораздо больше заботятся о разведеніи и содержаніи рогатаго скота, чѣмъ всѣ другіе пастушескіе народы. Невольно чувствуешь удивленіе, когда здѣсь на глубинахъ снѣгахъ и при суровѣйшихъ морозахъ видишь цвѣтущее скотоводство»¹⁾. Вездѣ, гдѣ только климатъ поумѣреннѣе—въ долинахъ, защищенныхъ холмами и рощами отъ суроваго вліянія полярныхъ вѣтровъ, въ родѣ наслѣговъ или лѣтовій средне-колымскихъ, въ олбутахъ или равнинахъ, высыхающихъ лѣтомъ изъ-подъ озеръ и весеннихъ разливовъ, въ родѣ долины Міоре, лѣтовья Сыганъ—Этарга и ин. др., въ гористыхъ странахъ, въ родѣ долинъ Верхоянскихъ,—вездѣ въ такихъ мѣстахъ, по свидѣтельству Врангеля, водворены богатые скотоводческіе наслѣги якутовъ и пасутся многочисленныя стада рогатаго скота и козскіе табуны²⁾. Въ юго-восточной Сибири еще замѣтнѣе совершается это естественно-историческое преобразование звѣроловческихъ поселеній въ скотоводческія и земледѣльческія. Бродячіе тунгусы, напримѣръ, самый звѣропромышленный народъ, до страсти преданный охотѣ, считающій нервыиъ догматомъ своей вѣры и жизни — не сидѣтъ на одномъ мѣстѣ, бродитъ и бродитъ по лѣсамъ, на лыжахъ, — и эти тунгусы переходятъ къ охотѣ не только скотоводческой, но и земледѣльческой. Къ этому ведетъ ихъ именно истощеніе звѣринныхъ промысловъ. Въ нерчинскомъ краю, нынѣшніе старики тунгусы съ горестнымъ чувствомъ и почти со слезами вспоминаютъ и говорятъ, что земля, лѣса и самые люди уже не тѣ, что были прежде; что Нерча лѣтъ за 50 обильна была звѣремъ крупнымъ и мелкимъ, бѣлка считалась ни почемъ, а соболь водился въ такомъ множествѣ, что составлялъ единственный предметъ торговли, а мышь и бѣлка едва-едва попадаются; вершина Нерчи, Иблонный хребетъ и та часть горъ, которая идетъ къ Олекминскимъ притокамъ, была, по словамъ стариковъ—тунгусовъ, въ особенности обильна соболями и великимъ звѣремъ; тунгусы стекались сюда толпами и вругиыи годъ были звѣря; а теперь едва попадаютъ мелкіе звѣри³⁾.» И вотъ, вслѣдствіе этого-то оскудѣнія пушныхъ звѣрей, многіе тунгусы стали приниматься за скотоводство и земледѣліе переселаться изъ лѣс-

1) Erman, Reise II, s. 244—245.

2) Врангель I, 182, 11, С4. 353 и др.

3) Географ. Вѣст. т. XX, отд. II, стр. 69—70 и др.

ныхъ кочевьевъ въ прочныя, осѣдлыя селенія, на подобіе русскихъ. Къ нимъ постоянно присоединялись бродячіе тунгусы, которыхъ тоже побуждало не собственное убѣжденіе въ выгодахъ осѣдлости, но прогрессивное уменьшеніе звѣринаго промысла. Такъ, между прочимъ, возникло по рѣкѣ Нерчѣ нѣсколько новыхъ ипородческихъ селеній. И селенія эти представляютъ путешественнику радостную картину. Вотъ, на примѣръ, на крутомъ, но невысокомъ лѣвомъ берегу рѣчки Зюльзы, впадающей въ Нерчу, въ широкой долинѣ, которая уступомъ саженъ въ шесть, возвышается надъ южною низменностью, въ виду на востокѣ высокаго лѣснаго хребта, устроилась такимъ образомъ слобода Зюльвинская. Она заселена вновь ясачными тунгусами. «Самый видъ деревни,—сообщаетъ бывший тамъ г. Усольцевъ, выказываетъ опрятность и зажиточность крестьянъ. Дома большею частію новые, красивой постройки. Въ каждомъ домѣ, отъ бѣднаго до богатаго, видна чистота и опрятность. Каждый домъ раздѣляется на двѣ половины: въ одной обширная изба, какъ рабочая и кухня; въ другой—двѣ или одна чистыя комнаты—всегда чисто выбѣлены или оклеены бумагой. Кругомъ комнатъ идутъ прибитые къ стѣнѣ узкія деревянныя скамьи, у богатыхъ же нерѣдко стулья и деревянныя софы собственной работы. Въ стѣнномъ шкапчикѣ, въ переднемъ углу, установлены чайныя чашки, чайники и столовая посуда; на полу разостланы шитые изъ звѣриныхъ шкуръ коврики (кумеланцы), а на стѣнахъ нерѣдко развѣшиваются лубочныя картинки»¹⁾. Точно также, лѣтъ за 80 передъ этимъ, тунгусъ Боягиръ, съ большимъ семействомъ кочевавшій по долинѣ, названной по его имени Боягировой, перешелъ вверхъ по Нерчѣ и основалъ село Кыкыръ. Къ нему приселились другія тунгусскія семейства,—и ясачное земледѣльческое село стало теперь и людно, и весьма зажиточно, и дѣятельно: жители съ успѣхомъ сѣютъ ярицу, ямень, овесъ, пшеницу, коноплю, гречиху, а въ огородахъ садятъ—рѣдьку, капусту, морковь, рѣпу, лукъ, огурцы и, въ большомъ изобиліи, картофель. Село еще тѣмъ достойно замѣчанія, что мало сообщается съ русскими, по причинѣ пьянства послѣднихъ. «Мы, — говорятъ кыкыры—осѣдлыя тунгусы, — въ Руси бываемъ рѣдко, да оно и

¹⁾ Георг, Вѣст, т. XX, отд. II, 69—70.

лучше: тамъ, мы слышимъ, завели притчу вина» ¹⁾. Такъ точно, и многія другія звѣроловческія поселенія, съ уменьшеніемъ звѣрей, мало по малу преобразовываются въ поселенія прочно-осѣдлыя, земледѣльческія.

А. И. Щаповъ.

¹⁾ Ibid. 78—79.

АНДРЕЕВКА.

(Очерки изъ быта пригородныхъ селъ) *).

Во время моего лѣтнаго житья въ селѣ Андреевѣ, я былъ близкимъ свидѣтелемъ волостного управленія. Пришлось мнѣ жить у старосты, второго начальника по селу. Самый живой интересъ—вблизи по-смотреть на земщину—былъ удовлетворенъ, но не удовлетворено было то чувство, которое возбуждало во мнѣ этотъ интересъ. Чѣмъ больше я присматривался къ выборному началу, въ томъ видѣ, какъ оно понимается андреевцами и вообще пригородными селами, тѣмъ яснѣе становилось для меня, что знакомая намъ бюрократія и тутъ пустила свои корешки. Ужь не знаю какъ, но андреевцы сочинили изъ выборнаго начала такую отвратительную пародію, что самимъ дѣлается тошно.

— Чего же вы смотрите, спросилъ я однажды знакомаго мужика: — вѣдь вольны же вы выбирать кого хотите?

— Вольны-то, вольны, да никакъ не смѣнишь энтаго, потому за богачей держится...

— Да и то сказать, прибавилъ другой, смѣнишь его, а каковъ новый-то будетъ, пожалуй, еще почище стараго.

— Ну, выбирайте надежнаго, чтобы за васъ стоялъ.

— Ну, у насъ такого на всемъ селѣ не сыщешь: выберешь кого изъ богачей, такъ онъ свою руку будетъ тянуть, а если кто побѣдишь въ старшины попадетъ, такъ онъ-тѣ такой содомъ сдѣлаетъ, что страсть.

*) См. первый очеркъ въ ноябрьской кн. „Рус. Слова“, за 1864 годъ.

На вопросъ: отчего же подымется содомъ, андреевецъ рѣшительно отвѣчаетъ:

— Нешто не видишь, какъ у насъ по барски живутъ-то? Это еще при малыхъ достаткахъ, а дай-ка ты ему мирскія деньги, такъ онъ, чай, въ мѣсяцъ все ухнетъ.

Таково мнѣніе другъ о другѣ общества, которое управляется до вѣрjemъ выборнаго, гдѣ должна быть, по необходимости, круговая порука. Ясно, слѣдовательно, что голова держится не одними богачами, что само общество безсознательно, противъ своего желанія, содѣйствуетъ тому, что называется своей кабалой.

Мнѣ удалось, напримѣръ, хорошо сойтись съ лавочникомъ Захаровымъ, малымъ лѣтъ 28, умнымъ и ловкимъ парнемъ, считающимся первымъ въ селѣ. Онъ, нисколько не конфузясь, объявилъ мнѣ, что, торгуя на отцовскія деньги, онъ съ каждаго рубля кладетъ себѣ въ карманъ по пяти копѣекъ.

— Когда батяка въ Питеръ за товаромъ уйдетъ, такъ и побольше цапнешь, говорилъ онъ мнѣ. — Иной разъ такъ случится, что и трехрублевою зашибешь... Что-жь, онъ сквалыга, гроша мѣднаго не даетъ, ну, значить, и бери самъ, коли не спроста.

Это взаимное недовѣріе, какъ я уже сказалъ, одна изъ причинъ безгласности и безответственности бѣдняковъ на сходѣ. Случилось какъ-то разъ захватъ въ Андреевку писателю и прожить тамъ съ мѣсяцъ. Ознакомившись съ крестьянами, — что очень легко достигается въ Андреевкѣ съ помощью водки, — онъ тиснулъ гдѣ-то статейку о томъ, что андреевцы пропиваютъ до 12,000 въ годъ, — цифра приблизительно вѣрная. Какимъ-то чудомъ попала эта статейка въ руки головы. Онъ тотчасъ созвалъ народъ и прочелъ ему ее, ругая, на чемъ свѣтъ стоитъ, автора. Тутъ же онъ просилъ у схода дозволенія: написать отъ всего міра жалобу на сочинителя. Міръ молчалъ, и когда ему поднесли сочиненный на скоро протестъ, молча же подписался. Жалоба, однако, была оставлена въ архивѣ приказа, благодаря совѣту священника.

— Николай-то Алексѣевичъ все какъ есть правду написалъ, говорили потомъ мнѣ нѣкоторые андреевцы про сочинителя.

— Такъ зачѣмъ же вы жалобу подписывали, коли правду писалъ?

— А какъ не подпишешь? Вѣдь въ душу-то другого не влѣзешь: почемъ знать, подпишетъ онъ, али нѣтъ?

— Да вѣдь всѣ же вы знаете, что онъ правду написалъ?

— Всё-то всё, да иной нарочно возьметъ да и подпишетъ, тогда и всё за нимъ пойдутъ писать; а тебя, коль ты отказался, и въ констѣлу засадятъ.

— За что?

— За бунтъ.

— За какой бунтъ?

— Что отказался подписать... Да и послѣ голова, Иванъ Петровичъ, не разъ вспомнеть, да такъ вспомнеть, что всю жизнь будешь помнить.

— Ну, а староста у васъ каковъ? спросилъ я, переѣзжая на новую дачу и желая узнать кой-что о своемъ будущемъ хозяинѣ.

— Вѣстимо каковъ: хвостомъ виляетъ передъ Иванъ Петровичемъ, а тотъ ему и пивнуть не дастъ.

— Хоть бы вы старосту хорошаго выбрали, совѣтовалъ я.

— Такой нарочно и выбрашь, чтобъ не перечилъ ихнему дѣлу.

Дѣйствительно, староста Максимъ былъ ни рыба, ни мясо, и голова помыкалъ имъ, какъ вѣшникомъ. Выбрали его богачи, по желанію Ивана Петровича, и хотя міру жалко было разставаться съ прежнимъ, державшимъ себя если не за бѣдняковъ, то и не за богачей, но сила взяла свое и желаніе шестерыхъ переселило желаніе 450. Максимъ и до сихъ поръ мирно пребываетъ въ этомъ чинѣ, видя въ своей службѣ одну обязанность прибирать въ карманъ крохи, которыя ему удѣлится отъ своихъ доходовъ съ міра голова. Однако, эти крохи, лѣтъ въ пять, вывели Максима изъ бѣдности и какъ будто прибавили ему ума: онъ завелъ торговлю и плетную лопку на свое имя, чего никто не ожидалъ отъ «офона» Максима. Теперь онъ никому, кромѣ баръ, не ломаетъ шапки и сильно напираетъ въ разговорѣ на слово я.

— Здравствуйте, Максимъ Егорычъ, кланялся разъ ему какой-то андреявецъ, явившись къ намъ въ избу;—прикажете дровецъ возить свести на дворъ.

— Здорово живешь! Я, кажись, тебѣ намедня далъ возить-то? Куда дѣвалъ ихъ? спросилъ Максимъ, не вставая съ мѣста, между тѣмъ, какъ крестьянинъ стоялъ посреди комнаты.

— Всё вышли, Максимъ Егорычъ. Жена стряпала, вотъ всё и вышли, какъ-то нахально проговорилъ вошедшій.

— Знаю я, какъ жена стряпала—въ Царское свезъ, небось! А

вотъ теперь повсичи-ка, а ужь дѣсь я тебѣ не дамъ корчить, самодовольно рѣшилъ староста, поглаживая себѣ волѣни.

— Такъ-таки и не дашь? А если я къ Ивану Петровичу пойду? пугнулъ мужикъ.

— Ступай, пожалуй, такъ и отдашь, что въ Царскомъ-то получилъ.

— А не боитесь вы, спросилъ я его по уходѣ просителя, если онъ въ самомъ дѣлѣ пойдетъ къ головѣ?

— Чего бояться? Коли я не далъ, такъ Иванъ Петровичъ и недавно не дастъ, да еще вытолкаетъ, потому ко мнѣ долженъ обращаться .. онъ не больно-то любить, когда ходятъ къ нему за пу-
стыками.

Сходки въ Андреевкѣ закрытыя, какъ бываетъ во многихъ деревняхъ. Но это, впрочемъ, дѣлается не въ силу какого нибудь повѣрья или закона, а просто по обстоятельствамъ.

Въ сосѣднемъ Ладжскомъ уѣздѣ почти во всѣхъ селахъ сходки открытыя, на которыхъ можетъ присутствовать всякій желающій; я самъ однажды видѣлъ проѣзжавшаго мужика, который слѣзъ съ телѣги и вплоть до окончанія схода оставался на немъ, а въ Андреевкѣ, напротивъ, сходка собирается, точно по секрету, на дворѣ приказа и постороннихъ сюда не пускаютъ. Я думаю, что это происходитъ чисто по желанію главнаго сельскаго или деревенскаго начальства: нечего прятаться — дѣлаютъ сходъ открытый, а «коли водится грѣшокъ, водится п замокъ». — Чтобъ попасть въ приказъ во время схода, надо было списать поворовительство самого голову. Съ этой цѣлью я однажды отправился къ нему.

— Зачѣмъ вы, Иванъ Петровичъ, запираетесь, когда сходъ дѣлаются спросилъ я его въ то время, когда мы дружно попивали денжеровскій хересь.

— Хе,-хе, вишь, что вздумали! Эдакъ туды всякій народъ наберется, и не сладить съ ними... Безъ того крику-то много. Да и свой народъ-то хорошъ, хе,-хе,-хе! поглаживая окладистую бороду, отвѣчалъ голова.

— Мы и то не всякаго пуцаемъ изъ своихъ-то, добавилъ онъ серьезно.

— Развѣ есть у васъ на то право?

— Права-то нѣтъ, а ужь сами не идуть, коли знаютъ, что не хочеть сходъ, чтобъ они бывали. Вотъ Летой разъ заартачился

было, да и началъ каждый разъ ходить, такъ мы ему, какъ придется, такъ розочекъ десятокъ-другой и вьатимъ. Хе,-хе,-хе, смѣялась власть.

На прощанье я выпросилъ у него позволеніе побывать хоть разъ на сходѣ.

— Пришлю просить, крикнулъ онъ мнѣ въ догонку.

Дѣйствительно, дня черезъ два десяцкій, по обычаю, стукнулъ тростью три раза въ мое окно и апатично крикнулъ: «сходъ собирають!» Минуть черезъ пять ужъ я очутился среди кучи народа. Посмотрѣлъ — старики впередъ не выдвигаются, какъ бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Ни лавочниковъ, ни старосты съ головой не было видно. Ковыляя на костылѣ лишь писарь среди толпы.

— А что, Яковъ Ивановичъ, будетъ намъ позволеніе плиту-то ломать? спрашивали его двое изъ вновь приписавшихся къ андреевской волости.

— Ишь, чего захотѣли! здороваясь съ ними, сказалъ писарь.

— Что-жъ ты, Яковъ Ивановичъ, не похлопочешь о насъ? Мы бы тебѣ остались благодарны, укорялъ его одинъ.

— Синю бы поднесли, шепнулъ ему другой.

— Не суи журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки... Знашь это? наставительно проговорилъ писарь, показавъ кукишъ и заговывая къ крыльцу.

— Не обтерлись еще, порядковъ не знаютъ, кто-то глубокомысленно замѣтилъ по этому поводу.

Наконецъ изъ приказа вышелъ голова. Сходъ поклонился.

— Тебѣ, Ивановъ и Кузнецовъ, позволенія дать не могу рыть плиту, потому вся земля изрыта, скоро, пожалуй, и дорогъ не будетъ, обратился онъ къ крестьянамъ, добывавшимся милости у писаря. Тѣ молча отошли.

— Ты, Герасимовъ, отдай быковъ Петрову! Деньги получишь послѣ. — А ты, Петровъ, будешь получать 20 руб. въ годъ, вмѣсто 40, потому трава нонѣ хорошая, сѣно, значить, дешево будетъ.

— Нескладно будетъ такъ-то, Иванъ Петровичъ, занянулся было Петровъ, видя чистый убытокъ въ содержаніи за 20 руб. въ годъ двухъ общественныхъ быковъ.

Иванъ Петровичъ не обратилъ на него ни малѣйшаго вниманія и сталъ перечислять фамиліи тѣхъ, которые не внесли податей. Такихъ оказалось 83 человекъ. Изъ толпы начали выходить ап-

деревицы, каждый съ клочкомъ бумажки въ рукѣ. На одной изъ нихъ я прочелъ: «деньги податные заработалъ Иванъ Александровъ»; на другой: «Зполна получилъ работой всю потать съ Миколою стѣрвина».

— Ладно, ладно, приговаривалъ голова собирая отъ скода эти бумажки и отиѣчалъ крестиками тѣхъ, которые подали документы. Бумажки означали, что податели ихъ заработали свои повинности лавочникамъ.

Положивъ бумажки въ карманъ, Иванъ Петровичъ снова перечислялъ тѣхъ, которые не подали ихъ, пригрозилъ имъ продажей живота и направился къ запертымъ воротамъ. Къ нимъ брелось человекъ пять молодыхъ парней, растворили ихъ настежь и, вслѣдъ за головой, двинулся и скодъ.

Говорять, многіе изъ андреевцевъ, взявъ жонъ изъ богатыхъ селъ, имѣли возможность выбиться изъ ярма, расплатившись съ своими кредиторами, и думали существовать ломкою плитою; но андреевскій цехъ лавочниковъ не допускалъ ихъ въ свою среду, не позволяя имъ ломать плитою и они снова попадали въ кабалу. Такихъ здѣсь считаютъ десятками. Говорять также, что эти десятки исправлялись нравственно, выйдя изъ подъ ига, и понавъ въ него, снова дѣлались негодяями. Федоръ, по прозванію Бытъ—типъ такихъ негодяевъ. Пропадетъ ли что въ селѣ—тотчасъ обыскиваютъ у него и нисколько не конфузятся, не отыскивая ничего въ его совѣсть развалившейся хатѣ. Въ свою очередь, онъ равнодушно смотритъ, когда изъ подъ печки вытаскиваютъ украденую имъ вещь. А когда дѣло дойдетъ до суда, то опять все завидитъ отъ головы. Миръ молчитъ илицъ ожидаетъ рѣшенія власти; я есть не мало обнищавшихъ горькихъ пьяницъ, которые нѣвогда были домовитыми и хорошими крестьянами, но потомъ попались подъ судъ, испытали его справедливость и съ горя запили мертвую.

— Ну, если онъ съ вами такъ поступаетъ, то съ волостью-то

своей лучше или нѣтъ? спрашивалъ я однажды одного изъ андреевцевъ, когда тотъ горько жаловался мнѣ на свою судьбу.

— То же самое, Александръ Миколаичъ, какъ есть то же самое. — Ему еще больше, пожалуй, съ нея выгоды, потому народъ все, окромя насъ, богатый. Да вотъ идетъ Кинарейкинъ изъ села Петровскаго, спроси-на его, что онъ съ нимъ надѣлалъ нонѣшній годъ.

Онъ указалъ мнѣ на мастистаго старца съ очень умной и внушающей уваженіе физиономіей.

— Здравствуй, сказалъ я, подходя къ нему, Кинарейкинъ! говорятъ, вы большіе друзья съ Иваномъ Петровичемъ, а я его тоже ужь очень больно люблю, добавилъ я, смѣясь.

— Слышалъ, слышалъ я про васъ... Да, ужь онъ мнѣ не то что другъ, а... врагъ самый большой, отвѣчалъ Кинарейкинъ, стукнувъ по столу кулакомъ.

— Это не твое ли дѣло о домѣ? спросилъ я, слышавъ мелькомъ объ этомъ въ высшей степени нелузномъ дѣлѣ.

— Какъ не мое! Какъ есть мое. Я двѣнадцать лѣтъ служилъ церковнымъ старостой, два похвальныхъ листа имѣю, а онъ, окаянный, разорилъ меня въ конецъ:—два года ужь тянется дѣло.

— Расскажи-на, что онъ натворилъ съ тобой?

— Видишь ли, сударь мой, началъ Кинарейкинъ свой рассказъ: мы были помѣщичьи и земля наша, почитай, и до сихъ поръ не совсѣмъ раздѣлена. Кто былъ побогаче, тотъ запрещъ откупился вмѣстѣ съ землей. Такъ-то вотъ и я съ Дынными, сложившись, откупили двадцать десятинъ—въ ту пору я былъ зажиточный мужикъ, ничего.—На вѣтой землѣ я дачу построилъ и отдалъ ее подъ аренду Дынину, чтобъ самому не возжаться. Приняло это года три выдѣтъ; онъ все денегъ не платилъ, а какъ я учалъ просить, онъ и разомъ пошелъ: моя, дескать, дача, да и вся тутъ. Тамъ и стоитъ на своемъ. Собрали сходъ, а онъ и не пошелъ.—Что мнѣ, говорить, вашъ сходъ! подите, жальтесь головѣ, коли хотите, а ужь денегъ я не заплачу, потому дача моя, говорить. Такъ вотъ и не отдастъ до сихъ поръ.

— А Иванъ-то Петровичъ что-жъ?

— Вѣстимо что: по головѣ его гладать. Присудилъ меня же заплатить штрафу за неправую жалобу.

Такъ ты бы къ мировому посреднику.

— Шесть разъ посылалъ, да на седьмой только изволилъ при-

ѣхать. Вотъ таперича ждемъ, что сважеть. У головы сидѣль, а потомъ и къ старостѣ зашелъ.

Услыхавъ, что мировой посредникъ у насъ въ домѣ, я тотчасъ отправился на свою дачу. Черезъ часъ была собрана уже на улицѣ сходна. Посредникъ вышелъ, прочелъ обществу въ родѣ докладной записки, обстоятельно растолковалъ, въ чемъ состоитъ дѣло Кинарейкина и возвратился вновь въ избу старосты, захвативъ съ собою одного молодого парня.

— Ты знаешь Кинарейкина и Дынина? строго спросилъ его посредникъ.

— Какъ не знать, ваше благородіе!

— Чей домъ построенъ на ихъ землѣ?

— Кинарейкина, ваше благородіе, доподлинно знаю, что Кинарейкина.

— Смотри на образа—правду ты говоришь?

— Кинарейкина, предъ Богомъ говорю, ваше благородіе.

— Ну, ступай. Повови Трофимова.

Спрошенный вышелъ. Вслѣдъ за нимъ, вошелъ Трофимовъ, послѣ него еще по одиночѣмъ перебивало въ комнатѣ человекъ до пяти и всѣ, въ одинъ голосъ, говорили и впрестились, что домъ Кинарейкина, а не Дынина. Стали призывать сначала по три, а потомъ и по пяти человекъ, пока весь сходъ не перебивалъ на допросъ у посредника.

Отвѣты нѣсколькихъ человекъ, входившихъ послѣ, были уже не такъ опредѣленны.

Всѣ косились другъ на друга и отвѣчали не то да, не то нѣтъ.

— Чей домъ, Дынина или Кинарейкина? скажите, ребята, передъ образомъ, грѣхъ вашъ будетъ, коли солжете, спрашивалъ пятерыхъ посредникъ.

— Да мы, ваше благородіе, не знаемъ, потому много время тому прошло, можетъ и запомитовали, отвѣчали переминаясь, андрѣевцы, не смотря, однако, на образъ.

— Неужели же вы не знаете, чей домъ-то?

— Оно какъ не знать.... оно точно, кажись, Кинарейкина, но вѣдь земля-то сообща у него съ Дынинымъ...

— Должно статься, Кинарейкина, мялись нѣкоторые и не давали никакого положительнаго отвѣта, хотя въ комнатѣ не было ни одной мѣстной андрѣевской власти.

— Повошите голову, приказалъ посредникъ, когда допросъ былъ конченъ.

— Дѣло-то вѣдь неладно, Иванъ Петровичъ, сказалъ онъ при входѣ головы; вотъ они всё показываютъ, что домъ Кинарейкина, а не Дынина, какъ ты рѣшилъ.

— Не знаю, ваше благородіе, какъ вы хотите, такъ и извольте дѣлать, а по моему,—домъ Дынина. Я вѣдь, ваше благородіе, дѣло это знаю доскональнѣе ихъ всѣхъ. А Кинарейкинъ этотъ у меня бѣльмо на глазу, ваше благородіе: мужикъ самый безпокойный и грубый.

— Однако, я тебѣ совѣтую рѣшить дѣло въ пользу его, а не Дынина. Весь народъ за него.

— Какъ вашей милости угодно, ваше благородіе, а ужъ Кинарейкину не дамъ неправду творить; до царя дойду, ваше благородіе, а не дамъ, мягкимъ тономъ отвѣчалъ голова.

— Хочешь мириться? спросилъ посредникъ у призваннаго Кинарейкина.

— Съ великимъ удовольствіемъ, ваше благородіе, потому разорился я въ конецъ съ этимъ дѣломъ. Съ великимъ удовольствіемъ, ваше благородіе, кланялся истецъ.

— Сколько же ты хочешь получить съ Дынина?

— За пять лѣтъ, ваше благородіе, онъ мнѣ долженъ 500 рублей; пусть хоть сотню-другую дастъ, такъ буду много благодаренъ вашей милости.

Вошелъ по призыву и Дынинъ, мужикъ съ виду плутоватый и большой руки кляузникъ.

— Ты, Дынинъ; объяснилъ мировой, взялся выплатить 500 руб. за домъ Кинарейкина, а потомъ отперся и сказалъ, что домъ твой и что ты не долженъ Кинарейкину. Дѣло ясное: ты хотѣлъ его обмануть. За это, братъ, тебѣ можетъ достаться; лучше принимай мировую. Кинарейкинъ согласился за 200 руб. съ тобою покончить весь судъ.

— Оно вѣстимо, ваше благородіе, какъ я ни правъ, а все дѣло лучше миромъ покончить.... Двѣсти-то рублей оно много, а коли онъ на полтораста рубликовъ пойдетъ, такъ мы, ужъ Богъ съ нами, дадимъ ему, ваше благородіе.

Кинарейкинъ согласился и дѣло, новидимому кончилось, на злѣ Ивана Петровича, миролюбиво. Но на другой же день въ Петровѣ

къ Дынину пришла бумага изъ андреевскаго волостного правленія, чтобъ онъ и не думалъ платить денегъ Кинарейкину. Вотъ этотъ интересный документъ, который мнѣ удалось списать:

«Села Петрова, временно-обязанному крестьянину Сидору Тимофееву Дынину отъ Андреевскаго волостного правленія приказъ:

«Андреевское волостное правленіе предупреждаетъ тебя, чтобъ ты отнюдь не платилъ денегъ за аренду дома крестьянина Егора Кинарейкина, а Кинарейкинъ тебя не можетъ прятъснить въ домъ до рѣшенія дѣла.

Волостной старшина Ив. Сургучевъ.

Волостной писарь Маловъ.

Такимъ образомъ, вновь затянулось это правое дѣло на нескончаемыя времена; снова Дынинъ повалилъ ватля головъ, а бѣдный Кинарейкинъ, растративъ на нихъ все свое состояніе, по прежнему жмется въ старой, дырявой избушкѣ, доживая свой вѣкъ.

— Вы народъ отъ него независимый, говорилъ я потомъ въ разныхъ деревняхъ андреевской волости: такъ зачѣмъ же вамъ было съ андреевцами за одно выбирать Ивана Петровича головой?

— Э, кабы мы выбирали, такъ, вѣстимо дѣло, не выбрали бы эдакого злодѣя.

— Кто же выбирать-то? Вѣдь васъ больше, вы могли бы, стало быть, верхъ взять на выборахъ.

— Да насъ ни одного раза не звали на выборы-то. Все андреевцы сами и поставляли его головой.

Дѣйствительно, какъ я узналъ потомъ, изъ всей андреевской волости бывали на выборахъ одни андреевцы, которымъ и читались отчеты по селу. Отчетъ же за всю волость Иванъ Петровичъ еще ни разу не давалъ съ тѣхъ поръ, какъ занялъ должность старшины. Впрочемъ, какъ видно изъ документовъ приказа, у него ежегодно составлялся полный реестръ дохода и расхода, сбора повинностей, число лежащаго на волости долга и пр. Эти бумаги, какъ говорили мнѣ, представляются итѣ къ надлежащимъ властямъ, отъ которыхъ

онъ ежегодно получаетъ благодарность за порядокъ и аккуратность. У него уже теперь три медали и жалованный кастанъ. Помѣщики его любятъ за услужливость и ловкость. Мировой посредникъ не частъ въ немъ души за исправное доставленіе податей, за спокойствіе въ селѣ. Но читатель уже видитъ, какимъ тяжкимъ путемъ для волости достигается это спокойствіе, эта аккуратность. Каждая словесная признательность начальства Ивану Петровичу, на самомъ дѣлѣ, добыта потомъ и кровью бѣднаго люда; а Иванъ Петровичъ живетъ себѣ да живетъ въ свое удовольствіе.

— И себѣ польза, и другимъ не вредъ, поговариваетъ онъ съ полнымъ самоуслажденіемъ.

Для полноты очерка ево темныхъ дѣлъ, я равскажу три случая: о сѣнѣ, о наймѣ мѣстъ для пристаней пароходовъ и его отчетность по дѣламъ волостной экономіи.

Года два тому назадъ, въ Андреевѣ къ общей бѣдѣ прибавилась новая: былъ годъ неурожая травы. Покосы были самыя бѣдныя, которыхъ много-много достало бы на одинъ или на два мѣсяца для прокормленія скотины. Народъ сильно призадумался и, какъ должно ожидать, началъ продавать свой скоть. Голова все молчалъ. Онъ скупилъ лучший скоть за дешевую цѣну и отправился къ сосѣду-помѣщику, князю, у котораго, онъ зналъ, много заготовлено сѣна въ сараяхъ.

— Окажите, ваше сіятельство, божескую милость, упрасивалъ Иванъ Петровичъ князя. — Народъ у насъ бѣдный, сами знаете, ваше сіятельство, гибнетъ безъ травы; отпустите за недорогою цѣну вашу запасъ.

Князь умилостивился и приказалъ выдать въ количествѣ 10,000 пудовъ андреевскому головѣ, съ платой за каждый пудъ по 10 к. с. Князь былъ богатый помѣщикъ, слѣдовательно, ему подарить бѣднякамъ малую толику ничего не значило.

Андреевцы сами свозили на свои дворы сѣно, а послѣ его укладки были привааны на сходку.

— Вы взяли у его сіятельства 10,000 пудовъ почти дарового сѣна, говорилъ на сходкѣ Иванъ Петровичъ, — для васъ я постарался, видя вашу бѣдность, и отдалъ его сіятельству 1500 р. сер. отчего по раскладкѣ приходится каждый пудъ по 15 к. сер., а вы знаете, что въ городѣ цѣна ему 40 к. сер. Объ этомъ дѣлѣ вы должны

дать знать въ удѣльную контору, чтобъ тамъ знали, куда я дѣвалъ 1500 р. сер. изъ мірской суммы.

Затѣмъ голова ушелъ, и въ толпу вошелъ съ бумагой староста, предлагая росписаться андреевцамъ на ней. Мужички приложили свои руки и документъ получалъ законную силу. Въ немъ изъявлялась благодарность міра головъ за доставленіе по дешевой цѣнѣ сѣна. Мѣсяца черезъ два Иванъ Петровичъ получилъ въ награду серебряную медаль, а нажитыя 500 р. пустылъ, вѣроятно, въ питейный оборотъ.

Андреевцы, при переходѣ изъ дворцоваго вѣдомства въ удѣльное, получили двѣ льготы: платить повинностей только по 4 р. 50 к. въ годъ съ души и въ продолженіе 12 лѣтъ не поставлать репуртовъ. Общество по сдѣлкѣ головы съ однимъ изъ помѣщиковъ, какъ говорятъ, купило у послѣдняго на 35,000 р. с. неудобной, болотистой земли, съ разсрочкой на 20 лѣтъ. Эти 35,000 и составляютъ единственный долгъ на селѣ. Слѣдовательно, каждой душѣ, считая ихъ 482, приходится платить ежегодно по 3 р. 64 коп. долгу за землю и 4 р. 50 к. земснаго побора. — Теперь посмотримъ въ книги Ивана Петровича, откуда выишемъ расходъ, а по словамъ людей, достойныхъ довѣрія, выведемъ его и приходъ.

Въ годовомъ расходѣ мы читаемъ:

Волостному старшинѣ жалованья	300 р. с.
Его помощнику	200 » »
Волостному писарю жалованья	180 » »
Ему же на разъѣзды	78 » »
На разъѣзды старшины	320 » »
Старость	200 » »
На канцелярскія принадлежности	50 » »
На содержаніе дома, гдѣ приказъ	30 » »
За уплату долга г-жѣ N*	1750 » »
Школьному учителю	200 » »
Содержаніе школы	60 » »
За пожарное мѣсто	40 » »
Итого	3408 р. с.

Разсказы жителей подтверждаютъ, что оныя починаетъ домъ подъ приказомъ цѣлымъ міромъ, не даетъ ни гроша ни за пожарное мѣ-

сте, т. е. за сарай педь пожарными машиннами, ни школьному учителю. Школа же нечинивается опять-таки силами общества.—И такъ, на долю Ивана Петровича приходится въ годъ:

Жалованья	300 р. с.
За мнимыя поправки школы и приказа . . .	90 » »
За пожарное мѣсто и жалованье учителю . .	240 » »
Разъездныхъ	320 » »

Итого 950 р. сер. въ годъ! Теперь предположимъ, что съ темновѣныхъ дѣлъ вѣзятнами онъ возьметъ только 50 р. и у насъ со- ставится круглое число тысячнаго дохода. Не смотря на это, онъ каждый годъ получаетъ благодарность за срочное и вѣрное доставленіе податей, которое, какъ мы знаемъ, гарантируется лавочниками.

Бѣдный же андреевецъ платитъ по 9 р. въ годъ и долженъ довольствоваться тѣмъ, что у него много никуда непужныхъ болотъ, что въ приказѣ набирается мало по малу порядочный запасной капиталъ.

Дѣло о пароходныхъ пристаняхъ происходило въ деревнѣ Павловкѣ, которая лежитъ на большой судоходной рѣкѣ. Мимо ея ходятъ пароходы трехъ компаній и, имѣя въ Павловкѣ по пристани, платили вмѣстѣ 40 р. за сезонъ, какъ значилось въ отчетѣ головы.— Нынѣшній годъ завелась и четвертая, слѣдовательно, и ей понадо- билась пристань. Къ счастью жителей, учредитель новой компаніи не зналъ порядковъ андреевской волости и, вмѣсто того, чтобъ обдѣлать дѣло съ головой, обратился прямо къ павловскому міру, съ которымъ и заключилъ контрактъ на три года за *полтора ста рублей*. — Провѣдавъ о томъ, Иванъ Петровичъ объявлялъ, что контрактъ недействителенъ безъ его подписи, а подписывать его онъ не станетъ, потому что онъ заключенъ помимо его.

— Вотъ подите же, говорилъ мнѣ арендаторъ; живу здѣсь двѣ недѣли и не могу толку добиться; не подписываетъ скотина, да и баста!

— Мм... а вы хорошую плату имъ даете, вѣдь они съ 3 при- станей столько не получали, сколько съ вашей одной.

— Это Иванъ Петровичъ все вралъ, Александръ Милолаичъ, вступился одинъ изъ павловскихъ крестьянъ; онъ только сказывалъ, что 40 получаетъ, а самъ съ каждой пристани по 50 бралъ.

— А ты почему знаешь?

— Я спрашивалъ у компаніи, сколько они платятъ въ Павлово, и они всё говорили, что по 50 р., отвѣчалъ за мужика арендаторъ.

Еще долго бы, вѣроятно, пришлось хлопотать содержателю пареходовъ съ головой, который его и не пускалъ къ себѣ, еслибъ не становой, печально узнавшій объ этомъ дѣлѣ.

Приставъ того уѣзда, которому принадлежитъ наша Андреевка, изъ университетскихъ, хохоля, до сорока лѣтъ сохранившій добросовѣстность на этой службѣ. Онъ самъ засвидѣтельствовалъ спорный контрактъ и дѣло обошлось безъ Ивана Петровича.

Въ заключеніе расскажу еще о правосудіи андреевскаго головы, и прошусь съ нимъ до лучшихъ дней нашего земскаго дѣла.— Былъ храмовой праздникъ. По улицамъ стоялъ стоялъ и у андреевцевъ было весело на душѣ въ той мѣрѣ, въ какой было выпито ни водки. На концѣ улицы шелъ жаркій споръ; я остановился въ толпѣ и прислушался.

— Эй, братцы, ступай къ Ляпину, голова тамотко: судятъ Льва съ Бедринымъ! оралъ по срединѣ улицы какой-то паренъ въ растворенныя двери кабака.

— Что шумишь-то? аль белены объѣлся? спрашивалъ Иванъ Петровичъ, подравшійся тихою поступью къ лавкѣ Лялина.

— Да какже, Иванъ Петровичъ, ребята видѣли, какъ онъ мнѣ вечеръ отпустилъ солонныя, а теперича отпирается, отвѣтилъ Бедринъ, снявъ шапку.

— Ну, что-жь-что отпустилъ? на то у него и лавка.

— Дохлятину даль, Иванъ Петровичъ, вчера поѣлъ и чуть не околѣлъ, а дѣвка до сихъ поръ валандается: во какъ вздуло ей пузо-то, жаловался Бедринъ.

— Зачѣмъ же ты гнилую отпускаешь? спросилъ голова Льва, когда собравшаяся толпа закричала:

— Это ужъ не впервые, Иванъ Петровичъ! Мы сами видѣли, какъ онъ отпускалъ ему! И точно у Бедрина дѣвка околѣваетъ!

— Ошибкой, Иванъ Петровичъ, можетъ какъ попалось, оправдывался Левъ, видя, что нельзя отпираться.

— Ступай на мировую, Алеха! крикнулъ кто-то изъ толпы.— Не боесь, красенькую дасть, побойтся!

— Ну васъ тутъ, миритесь! плюнулъ голова и спокойно пошелъ въ своему дому.

Бедринъ съ лавочникомъ еще долго спорили и, наконецъ, пони-

рили на 5 рубляхъ, послѣ чего Алеха у Лялина же напился «на выносъ». А вдоль села тянулась разноцвѣтная вереница андреевскихъ молодежи: Держась за руки, онѣ то составляли кругъ, то длинной лентой извивались по улицѣ, напѣвая визгливо:

«Что такъ жадно глядишь на дорогу.....»

Изъ кабаковъ вырывалась другая пѣсня: «что ты спишь мужичекъ?...» Все, повидимому, весело и довольно, старается забыться ради праздника. Подъ часъ и прорываются между гуляющими невольные вздохи да жалобы на свое начальство, но всѣ знаютъ, что ничего съ нимъ не подѣлаешь, потому—сами выбрали...

А. Молчановъ.

ШКОЛА И ЖИЗНЬ.

(Окончаніе).

IX.

Общество наше плохо знает математику, и вовсе не желает съ нею знакомиться, потому что питаетъ къ ней глубокое, хотя и почтительное отвращеніе. Увидѣвъ въ моей программѣ, что преподаваніе математики назначено каждый день, въ теченіе всѣхъ семи лѣтъ гимназическаго курса, многіе читатели затрепещутъ отъ ужаса, подумаютъ, что я желаю превратить гимназію въ смиренное заведеніе, и возблагодарятъ провидѣніе за то, что моя программа нисколько не похожа на росписаніе уроковъ, принятое новымъ гимназическимъ уставомъ. Каждый день математика, размышляетъ читатель; это не только ужасно и безчеловѣчно, это даже просто невозможно. Это значитъ насиловать умственныя способности несчастныхъ дѣтей, и ученики навѣрное будутъ учиться изъ рукъ вонъ плохо, потому что математика, появляющаяся передъ ними каждый день, будетъ наводить на нихъ жесточайшую скуку. Ужь не думаете ли вы, спроситъ читатель въ заключеніе своей филиппики, что вамъ удастся сдѣлать преподаваніе математики интереснымъ и увлекательнымъ? — Нѣтъ, читатель, отвѣчу я, этого я не думаю. Математика всегда, не смотря на всевозможныя усовершенствованія въ методѣ преподаванія, останется для учениковъ трудною работою; она никогда не будетъ давать никакой пищи ни чувству, ни воображенію, и поѣтому ея преподаваніе никогда не сдѣлается интереснымъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ

вы называете интересными романы Диккенса, или зоологическіе рассказы Олбюна и Брема. Но, во первыхъ, одна изъ важнѣйшихъ обязанностей школы состоитъ въ томъ, чтобы пріучить учениковъ къ серьезному и упорному труду, а эта обязанность, очевидно, останется неисполненною и окажется даже неисполнимою, если вы постоянно, въ продолженіе всего гимназическаго курса, будете довольствоваться учениковъ исключительно интересными рассказами. Выслушивать или прочитывать интересные рассказы значить не трудиться, а сбавитничать. Передаваясь этому пріятному и непродусудительному занятію, можно невольно и нечаянно усвоить себѣ множество фактическихъ и даже полезныхъ знаній, но нѣтъ ни малѣйшей возможности придать своему уму необходимую крѣпость и гибкость, сформировать и закалить свой характеръ, и вообще приготовить себя къ столкновенію съ тѣми суровыми и серьезными сторонами умственной работы, безъ которыхъ не обходится и не можетъ обойтись никакая трудовая дѣятельность, достойная развитаго человѣка и честнаго гражданина. Во вторыхъ, хотя математика и не можетъ сдѣлаться эстетически-привлекательною наукою, однако, при искусномъ преподаваніи, она можетъ постоянно доставлять ученикамъ, начиная съ самыхъ младшихъ классовъ, самыя чистыя и высокія наслажденія, особенно плодотворныя въ томъ отношеніи, что они заставляютъ учениковъ пристраститься къ голому процессу труда, не смѣтченнаго и не упрощеннаго никакими посторонними ингредиентами. Всякому человѣку хочется быть сильнымъ, красивымъ, ловкимъ, смѣшленнымъ, остроумнымъ, изобрѣтательнымъ. Всякому человѣку свойственно во всякомъ занятіи стремиться къ возможному совершенству, и радоваться, когда, мало по малу, эта желанная виртуозность дѣйствительно пріобрѣтается. Что математика, при сколько нибудь разумномъ преподаваніи, имѣетъ высокую образовательную силу, что она развертываетъ и упражняетъ превосходно умственные способности учащихся, въ этомъ не сомнѣвался еще никто изъ самыхъ занятыхъ ненавистниковъ этой ужасной и непристойной науки. Смѣшленность учениковъ растетъ постоянно во время ихъ математическихъ занятій, это такъ же вѣрно и необходимо, какъ то, что мускулы человѣка крѣпнутъ и ловкость его увеличивается, когда онъ занимается гимнастическими упражненіями. Убѣдите же расположить и вести ваше математическое преподаваніе такъ, чтобы ученики сами замѣчали тотъ процессъ созрѣванія,

который совершается въ ихъ головахъ. Какъ только ученики почувствуютъ и поймутъ совершенно отчетливо, что она съ каждымъ мѣсяцемъ, даже съ каждою недѣлею становится умнѣе и расторопнѣе,—какъ только дѣйствительное существованіе этого отраднаго психическаго факта сдѣлается для нихъ осязательнымъ и несомнѣннымъ, какъ только они сравнятъ свое недавнее прошедшее съ своимъ настоящимъ, и увидятъ въ послѣднемъ значительный шагъ впередъ, такъ они непремѣнно пристрастятся къ тѣмъ умственнымъ занятіямъ, которыя дали имъ возможность сдѣлать надъ собственными особами такія пріятныя и лестныя наблюденія. Il faut souffrir pour être belle, говорятъ модетки, и онѣ дѣйствительно, съ великою стойкостью выносятъ боль отъ узкихъ башмаковъ, отъ узкихъ жерчатокъ, и вообще отъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые такъ или иначе приближаютъ ихъ къ условному идеалу красоты. Невольверканные съ дѣтства представители обоехъ половъ, по крайней мѣрѣ, такъ же сильно дорожатъ своими умственными достоинствами, какъ глупыя и пустыя женщины дорожатъ тонкостью своей талии или малыми размѣрами рукъ и ногъ. Если послѣднія соглашаются страдать, терпѣть боль для соблюденія красоты, то какое же можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что первые будутъ съ удовольствіемъ заниматся скучными и трудными работами, когда они увидятъ, что умъ ихъ дѣйствительно крѣпнеть и совершенствуется въ этихъ работахъ?—Но само собою разумѣется, что самобытное, свободное и сильное влеченіе къ трудной и утомительной работѣ пробудится въ ученикахъ только тогда, когда они *сами почувствуютъ, сами подмнутъ* развивающее дѣйствіе этихъ работъ, а не тогда, когда учитель будетъ краснорѣчиво описывать имъ это развивающее дѣйствіе. Искусство учителя именно въ томъ и должно состоять, чтобы всѣ занятія были расположены по такому плану, который естественнымъ образомъ наводилъ бы учениковъ на эти полезныя размышленія. При хорошемъ преподаваніи, ученики должны полюбить математическія занятія по той же самой психической причинѣ, по которой они любятъ различныя игры, дающія имъ возможность обнаруживать передъ собою и передъ другими отвагу, силу и ловкость. Математика вся сплошь составлена изъ такихъ трудностей, которыя учащійся долженъ преодолевать силою своего ума и постояннымъ, упорнымъ и энергическимъ напряженіемъ вниманія. Эти трудности приводятъ въ ужасъ несвѣдущихъ людей, но именно эти-то труд-

ностями хороши преподаватель и может воспользоваться для того, чтобы внушить ученикамъ сильное влеченіе къ математическимъ занятіямъ. Надо, чтобы каждый шагъ впередъ доставался ученику послѣ тяжелой борьбы, и чтобы, въ тоже время, эта тяжелая борьба никогда не превышала размѣровъ его наличныхъ умственныхъ силъ. При такихъ условіяхъ, математическія занятія будутъ давать ученикамъ всѣ обаятельныя ощущенія настоящей борьбы; ученикъ будетъ смѣло подходить къ каждой новой трудности, будетъ съ воодушевленіемъ работать надъ ея усвоеніемъ, и, одержавши надъ нею побѣду, будетъ выносить изъ этой побѣды новой запасъ силы и веселой энергіи. Поступая такимъ образомъ, ученикъ съ молодыхъ лѣтъ выучится понимать и чувствовать ту великую истину, что суровый и утомительный трудъ доставляетъ человѣку высокое наслажденіе, если только онъ не доходитъ до такихъ крайнихъ размѣровъ, при которыхъ онъ можетъ подрывать физическія и умственныя силы человѣческаго организма. Когда ученику удастся отыскать обаятельную сторону даже въ рѣшеніи алгебраическихъ и геометрическихъ задачъ, тогда можно будетъ сказать навѣрное, что этотъ ученикъ вполне способенъ принять на себя и довести до конца всякій умственный трудъ, какъ бы ни былъ онъ сухъ и утомителенъ. Обаятельная сторона, отысканная ученикомъ, заключается въ томъ, что эти задачи упражняютъ умъ и энергію; а такъ какъ эта обаятельная сторона отыщется непременно во всякомъ умственномъ, то есть, не машинальномъ трудѣ, то и оказывается въ концѣ концовъ, что для ученика, воспитаннаго на математикѣ, всякій умственный трудъ будетъ привлекателенъ или, по крайней мѣрѣ, сносенъ. Такимъ образомъ, математика сдѣлается для ученика превосходною школою, не только въ умственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Математика не только приготовитъ ученика къ изученію естественныхъ наукъ; она не только выучитъ его мыслить правильно и послѣдовательно; она еще, кромѣ того, воспитаетъ въ немъ неустранимаго работника, для котораго *трудъ* и *скука* окажутся двумя взаимно исключяющимися другъ друга понятіями. — Для окончательнаго же успѣшенія тѣхъ мыслительныхъ людей, которые думаютъ, что гимназисты будутъ непременно ненавидѣть и презирать ужасную математику, я предлагаю дать каждому классу слѣдующую организацію, направленную къ тому, чтобы усилить и регулировать соревнованіе. Необходимо, что въ первый классъ поступило 50 человѣкъ учени-

ковъ. Въ продолженіе двухъ или трехъ мѣсяцевъ преподаватели изучаютъ размѣры ихъ индивидуальныхъ способностей. По прошествіи этого времени преподаватели находятъ, что 7 учениковъ обладаютъ очень хорошими способностями, 29—посредственными, и 14—слабыми. Тогда они раздѣляютъ классъ на 7 группъ, наблюдая притомъ, чтобы эти группы были равносильны между собою по общей массѣ входящихъ въ нихъ индивидуальныхъ способностей. На каждую группу придется, такимъ образомъ, по одному даровитому ученику, по два слабыхъ, и по четыре посредственности. Въ одной изъ группъ окажется одна лишняя посредственность, но вліяніе ея будетъ совершенно нечувствительно; она не доставитъ ей того перевѣса надъ другими группами, который далъ бы ей лишній даровитый ученикъ, и не послужитъ ей также тѣмъ обремененіемъ, которымъ оказалась бы для нея одна лишняя бездарность. Затѣмъ, когда это раздѣленіе устроено, остается только, въ концѣ каждаго мѣсяца, выводить для каждой группы средній баллъ по всѣмъ предметамъ, и объявлять классу, что такая-то группа оказалась первою, а такая-то второю, и такъ далѣе. Этого будетъ совершенно достаточно; и можно поручиться за то, что при этой системѣ всякія наказанія за лѣность, и всякія награды за прилежаніе сдѣлаются совершенно излишними: Въ настоящее время, во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ дѣйствуетъ болѣе или менѣе сильно начало личнаго соревнованія. Пожалуй, и это недурно; во всякомъ случаѣ, лучше дѣйствовать на дѣтей посредствомъ личнаго соревнованія, чѣмъ посредствомъ физическаго боли. Но нетрудно замѣтить въ системѣ личнаго соревнованія нѣсколько серьезныхъ недостатковъ. Во первыхъ, эта система совершенно возмущаетъ интересы каждой отдѣльной личности; даровитому ученику невыгодно тратить время на то, чтобы помогать бездарному; если онъ это дѣлаетъ, то онъ чувствуетъ самъ, что приноситъ жертву, и оказываетъ товарищу благодѣяніе. Словомъ, эта система направляется къ тому, чтобы сформировать близорукихъ эгоистовъ или сантиментальныхъ филантроповъ, но никакъ не къ тому, чтобы развивать въ ученикахъ чувство солидарности между отдѣльными людьми и личными интересами. Придерживаясь этой системы, школа совершенно забываетъ свою обязанность готовить хорошихъ гражданъ. Во вторыхъ, личное соревнованіе дѣйствуетъ сильно только на самыхъ лучшихъ учениковъ; для массы оно не можетъ имѣть никакого значенія. Подъ вліяніемъ личнаго соревнованія идетъ оже-

сточенная борьба только за первыя мѣста въ классѣ; а такъ какъ эта борьба доступна только для самаго ничтожнаго меньшинства, всего для какихъ нибудь пяти-шести учениковъ, то весь остальной классъ присутствуетъ при этой борьбѣ въ качествѣ постороннихъ и лично-незаинтересованныхъ зрителей. Между первымъ и вторымъ мѣстомъ въ классѣ есть для ученика замѣтная разница; между вторымъ и третьимъ—тоже; между первыми тремя и остальною массою тоже; но кто попалъ въ безразличную массу, и сидитъ въ ней безвыходно, для того уже рѣшительно все равно, перейдти ли изъ класса въ классъ семнадцатымъ, или двадцать шестымъ, или тридцать третьимъ. Эти отгѣнки становятся совершенно нечувствительными, и о нихъ нисколько не заботятся ни начальство, ни общественное мнѣніе школьнаго товарищества.—Въ третьихъ, господствующая система личнаго соревнованія нехороша тѣмъ, что на практикѣ она обыкновенно приправляется различными наградами, которыя дѣйствуютъ или на тщеславіе воспитанниковъ, или на инстинктъ стяженія, подготавливая такимъ образомъ для жизни усердныхъ искателей теплыхъ мѣстъ и видимыхъ знаковъ отличія. — Всѣ эти неудобства устраниются системою коллективнаго соревнованія. Для каждаго изъ членовъ группы одинаково важно, чтобы всѣ его товарищи по группѣ учились хорошо; дурныя баллы, получаемыя слабыми учениками, тянутъ назадъ всю группу; поэтому, лучшіе ученики будутъ непременно помогать слабымъ, и будутъ помогать имъ не изъ филантропіи, а изъ желанія поддержать общее дѣло, и не дать себя въ обиду другимъ группамъ. Такимъ образомъ, въ ученикахъ будутъ незамѣтно и нечувствительно вырабатываться здоровыя соціальныя инстинкты. Слабые ученики, съ своей стороны, будутъ напрягать всѣ свои силы, чтобы не сдѣлаться для своихъ ближайшихъ товарищей невыносимымъ бременемъ и причиною позорныхъ поражений. Словомъ, всѣ слабые, посредственныя и сильныя, будутъ дѣлать столько, сколько могутъ; всѣ они будутъ находиться подъ контролемъ товарищей, а этотъ контроль, разумѣется, оказывается всегда неизмѣримо бдительнѣе и строже всякой начальственной инспекціи. Такъ какъ этотъ контроль будетъ одинаково строгъ для всѣхъ какъ сильныхъ, такъ и слабыхъ, то, разумѣется, при этой системѣ вовсе не окажется той безразличной и неподвижной массы, къ которой относится огромное большинство класса, при системѣ личнаго соревнованія. Наградъ не требуется никакихъ;

соперничество между группами установится само собою, и начальство будет только ежемѣсячно сообщать этимъ группамъ простой статистическій фактъ, къ которому нѣтъ никакой надобности прибавлять какіе-бы то ни было хвалительные или порицательные комментаріи. Почему же вы однако думаете, спроситъ читатель, что соперничество дѣйствительно установится?—Потому, отвѣчу я, что ребята очень любятъ хвастаться другъ передъ другомъ силою, ловкостью, храбростью, сметливостью. Какъ только познакомятся между собою два мальчика, неизуродованные чопорнымъ воспитаніемъ, такъ они непремѣнно начнутъ бороться или бѣгать взапуски, и вообще постараются превзойти другъ друга въ томъ или другомъ воинственномъ упражненіи. А борьба между группами еще гораздо занимательнѣе, чѣмъ борьба между отдѣльными личностями. Тутъ есть и союзники, и противники, и безпристрастные судьи, спокойно и хладнокровно читающіе ежемѣсячный статистическій отчетъ, пробуждающій во всѣхъ сгруппированныхъ сердцахъ цѣлыя бури разнообразныхъ, но чистыхъ и полезныхъ страстей. Система, которую я предлагаю здѣсь, уже дѣйствуетъ въ парижской ремесленной школѣ, (école professionnelle) и г-жа Маршезъ-Жираръ, въ книгѣ своей: *Des Facultés humaines et de leur développement par l'éducation*, говорить, что полезные результаты, добываемые при помощи этого дѣленія на группы, далеко превзошли самыя смѣлыя ея ожиданія.

X.

Кромѣ всѣхъ своихъ вышенсчисленныхъ достоинствъ моя программа имѣетъ еще достоинство дешевизны. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только сравнить штатъ реальной гимназіи съ штатомъ такого училища, которое было бы устроено по моей программѣ. Выписываю изъ штата реальныхъ гимназій тѣ статьи, которыя относятся собственно къ учителямъ.

1	Законоучителю полагается за	14	недѣльныхъ урокъ.	1,020	р. жал.
2	Учителямъ русскаго языка	»	»	1,860	» »
2	» математики.	»	»	2,040	» »
2	естественной исторіи . . .	»	»	2,100	» »
1	исторіи и географіи . . .	»	»	1,500	» »

2 нѣмецкаго языка . . . »	24	»	»	1,800	»	»
2 французскаго языка . . . »	22	»	»	4,650	»	»
1 чистописанія »	20	»	»	880	»	»

Итого за » 184 недѣльные урока и 12,850 р. жалованья всѣмъ учителямъ.

При назначеніи жалованья учителямъ уставъ держится слѣдующаго правила: когда учитель имѣеть 12 недѣльных уроковъ или менѣе, то ему полагается за каждый урокъ по 75 р. въ годъ. Если же учитель имѣеть больше 12 уроковъ, то за каждый урокъ сверхъ 12-ти, онъ получаетъ въ годъ по 60 р. Такъ напр. законоучитель за 12 уроковъ получаетъ $12 \times 75 = 900$ рублей, а за два урока, сверхъ 12-ти, $2 \times 60 = 120$ рублей. Всего 1,020 р. Прилагая тотъ же самый расчетъ къ моей программѣ, я получаю слѣдующіе результаты.

1 Законоучителю за	14 уроковъ.	1,020 р. жал.
2 Учителямъ русскаго языка	» 32 урока . .	2,280 » »
3 » математики »	42 » . . .	3,060 » »
1 Учителю физики »	14 уроковъ.	1,020 » »
1 » нѣмецкаго языка	» 15 » . . .	1,080 » »
1 » французскаго языка	» 15 » . . .	4,080 » »
1 » чистописанія »	6 »	300 р. ¹⁾ »

Итого за 138 уроковъ 9,840 р. жалованья всѣмъ учителямъ.

Вычитаю 9,840 изъ 12,850 р. и получаю 3,010 рублей экономіи. Эту экономію было бы полезно употребить слѣдующимъ образомъ:

На жалованье гимназическому врачу	1,200 рублей.
На учебную бібліотеку	810 »
На содержаніе токарной и столярной мастерской.	1,000 »

Итого . . . 3,010 рублей.

Врачъ получалъ бы тогда всего 1,500 рублей. Тогда можно было бы виѣнить ему въ обязанность, чтобы онъ присутствовалъ постоянно

¹⁾ Учителю чистописанія уставъ назначаетъ меньшее жалованье на томъ основаніи, что отъ него не требуется прохожденія университетскаго курса. Я, для равнаго счета, назначалъ ему по 50 р. за урокъ, немного больше чѣмъ назначаетъ ему уставъ.

при гимнастическихъ упражненіяхъ воспитанниковъ, чтобы онъ строго наблюдалъ за надлежащею вентиляціею классныхъ комнатъ и дортуаровъ, чтобы онъ изучалъ комплекцію и темпераментъ отдѣльныхъ воспитанниковъ, и чтобы, наконецъ, онъ представлялъ ежегодно медико-статистическіе отчеты по ввѣренному ему заведенію. Тогда врачъ дѣйствительно могъ бы сдѣлаться, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени, регуляторомъ внутренней жизни въ гимназіи. При этомъ само собою разумѣется, что онъ, подобно директору, инспектору и воспитателямъ, долженъ имѣть квартиру въ самомъ заведеніи, и что каждое опредѣленіе педагогическаго совѣта должно подписываться врачомъ, для того, чтобы получать законную силу.

Крайняя бѣдность гимназическихъ библіотекъ уже давно обращаетъ на себя вниманіе учебнаго начальства. Такъ называемыя фундаментальныя библіотеки, заключающія въ себѣ учебныя сочиненія, необходимыя для преподавателей, не отличаясь своимъ богатствомъ и удовлетворительностью своего состава, могутъ однако, до нѣкоторой степени, выполнять свое назначеніе. Что же касается до такъ называемыхъ ученическихъ библіотекъ, предназначенныхъ для чтенія воспитанникамъ, то онѣ при многихъ гимназіяхъ вовсе не существуютъ, а при другихъ *находятся*, по выраженію г. попечителя казанскаго округа, *только въ зачаткѣ*. Въ Казанскомъ округѣ имѣется 12 гимназій; изъ нихъ снабжены ученическими библіотеками только 7 гимназій; но читатель никакъ не долженъ думать, что эти счастливыя 7 гимназій дѣйствительно могутъ предложить своимъ воспитанникамъ богатый запасъ разнообразнаго чтенія. Самая богатая изъ этихъ счастливыхъ семи гимназій, Екатеринбургская, имѣетъ въ своей ученической библіотекѣ 505 томовъ; самая же бѣдная, Пермская, имѣетъ въ своемъ распоряженіи 77 томовъ, такъ что вся библіотека можетъ, вѣроятно, уместиться на двухъ не очень большихъ полкахъ. Впрочемъ, легко можетъ быть, что Вятская библіотека еще бѣднѣе Пермской. Въ отчетѣ г. попечителя цифра вятскихъ книгъ не показана, но сдѣлано замѣчаніе, что «особенно нуждаются въ пополненіи полезными для чтенія учениковъ книгами библіотеки Вятская и Пермская». — Показана же цифра книгъ въ пяти библіотекахъ, и изъ этихъ пяти показаній мы получаемъ средній выводъ: 394. Сама по себѣ эта цифра не очень печальна; ученику некогда прочитать въ семь лѣтъ 394 тома; онъ читаетъ въ свободныя минуты, а свободныхъ минутъ у него очень много, потому что

большая часть того времени, которое не проводится въ классѣ и не употребляется на ученіе уроковъ, должна быть посвящена гимнастическимъ упражненіямъ и различнымъ играмъ, требующимъ физическаго движенія. Въ первые два или даже три года ученику вовсе не слѣдовало бы читать; если же мы распредѣлимъ чтеніе 394 томовъ на послѣдніе четыре года, то на годъ придется по 98 1/2 томовъ, а на мѣсяць слишкомъ по 8 томовъ; то есть ученику придется прочитывать по одному тому въ три съ половиною дня. Стало быть, если бы книги ученическихъ библиотекъ были удовлетворительны по своему содержанію, то ученикамъ не пришлось бы терпѣть умственнаго голода. Но удовлетворительны ли онѣ на самомъ дѣлѣ? Г. попечитель Казанскаго округа не сообщаетъ намъ никакихъ подробностей о составѣ ученическихъ библиотекъ, но мы имѣемъ основаніе думать, что онѣ очень плохи въ качественномъ отношеніи; на эту мысль наводитъ меня слѣдующее замѣчаніе въ отчетѣ г. попечителя. «Между тѣмъ, имѣя огромное значеніе въ отношеніи развитія умственнаго и знаній учащихся, ученическія библиотеки не имѣютъ никакихъ постоянныхъ средствъ, которыя могли бы служить гарантіей ихъ улучшенія, такъ какъ частная благотворительность весьма ненадежный источникъ и не вездѣ, кромѣ того, она проявляется съ одинаковою щедростью. Поэтому, совершенно необходимо, въ видѣ постоянного улучшенія и пополненія ученическихъ библиотекъ, назначить опредѣленную сумму на ихъ содержаніе, хотя бы напр. въ количествѣ 100 руб. въ гимназіяхъ и треть или четверть этой суммы въ уѣздныхъ училищахъ». Мы видимъ, такимъ образомъ, что объ улучшеніи и пополненіи ученическихъ библиотекъ заботилась до сихъ поръ исключительно частная благотворительность. Но, такъ какъ наша частная благотворительность обращалась до сихъ поръ преимущественно на монастыри и на остроги, и проявлялась обыкновенно въ раздаваніи полшекъ на церковной паперти, или въ отдѣленіи арестантовъ черствыми калачами, то надо полагать, что на украшеніе ученическихъ библиотекъ эта благотворительность устремлялась только тогда, когда благотворителю доставалось по наслѣдству отъ какого нибудь стараго дядюшки или дѣдушки нѣсколько десятковъ античныхъ книгъ, совершенно негодныхъ для личнаго употребленія. Что прикажете дѣлать съ такою коллекціею? Толкучаго рынка въ провинціи не имѣется; на оклейку комнатъ подѣ

обои эти книги не годятся, если онѣ переизданы; чердаки и кладовыя и безъ того биткомъ набиты всякою рухлядью; очевидно остается только навалить эти книги на телегу и отправить ихъ въ мѣстный храмъ наукъ, чтобы получить, такимъ образомъ, за весьма дешевую дѣну, репутацію благотворителя и губернскаго Мецената.—Вотъ прекрасно! возражаетъ читатель. Развѣ допустить гимназическое начальство, чтобы ученическая библиотека сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ всякаго старого хлама?—Читатель мой, отвѣчу я, хламъ—выраженіе условное и эластическое. Если въ числѣ старыхъ книгъ, ненужныхъ для самаго благотворителя, окажутся «La Pucelle» Вольтера, «Les bijoux indiscrets» Дидро, «Декамеронъ» Боккаччо, «Justine» маркиза де-Садъ, и разныя другія, столь же веселенькія произведенія, то легко можетъ случиться, что гимназическое начальство съ негодованіемъ отрѣзжитъ имъ доступъ въ ученическую библиотеку, въ которой подобныя пранести дѣйствительно неумѣстны. Но представьте себѣ, что благотворитель присылаетъ въ гимназію сочиненія Сумарокова, Тредьяковскаго, Хераскова, Аблесимова, Кострова, Поповскаго, Озерова, Мерзлякова. Спрашивается: хламъ ли это или не хламъ? Вы скажете, быть можетъ, что это хламъ, и я съ вами не стану спорить, но гимназическое начальство не будетъ имѣть ни малѣйшаго основанія на то, чтобы исключать подобныя книги изъ ученической библиотеки. Все это — орлы россійскаго Парнаса, и гимназическое начальство не имѣетъ никакого права отгонять россійское юношество отъ живительныхъ струй нашей отечественной Гипокрены. Начальство навѣрное поставитъ полученныя книги въ шкафъ, отиѣтитъ у себя въ катологѣ, что ученическая библиотека обогатилась такимъ-то количествомъ томовъ, и воздастъ приличную благодарность усердному жертвователю. Но, такъ какъ можно поручиться головою, что ни одинъ гимназистъ не прочтаетъ, во всѣ семь лѣтъ своего пребыванія въ гимназій, ни одного тома Сумарокова или Хераскова, то очевидно, изъ средней цѣфы 394 приходится вычестъ всю массу тѣхъ книгъ, которыя, по своей занимательности и поучительности, равняются произведеньямъ этихъ двухъ великихъ представителей русской поэзіи. Легко можетъ быть, что послѣ этого вычитанія, мы, вмѣсто 394 томовъ, получимъ чистый нуль. Очень правдоподобно, что въ ученическихъ библиотекахъ мы не найдемъ ни одного порядочнаго кругосвѣтнаго путешествія, ни одной дѣльной исторической книги, и ни одного произведенія Тур-

генева, Гончарова, Достоевскаго, Писемскаго, Толстаго, Помяловскаго, Островскаго и другихъ новѣйшихъ писателей, безъ которыхъ невозможно даже составить себѣ ясное понятіе о современномъ положеніи русскаго языка. Г. Попечитель Казанскаго округа желаетъ, какъ мы видѣли выше, чтобы ежегодно отпускалось на комплектованіе ученической библіотеки по 100 рублей. Скромность этого желанія доказываетъ ясно, что ученическія библіотеки не избалованы въ прошедшемъ, и что, даже въ ближайшемъ будущемъ, мудро предсказывать имъ роскошное и блистательное развитіе. Положеніе фундаментальныхъ библіотекъ въ настоящее время гораздо болѣе утѣшительно. Между тѣмъ, какъ для ученическихъ библіотекъ годовой бюджетъ въ 100 рублей составляетъ еще отдаленную цѣль смѣлыхъ желаній, фундаментальныя библіотеки Казанскаго округа израсходовали на выписку книгъ въ 1863 году, среднимъ числомъ по 259 рублей. Больше всѣхъ истратила 2-я Казанская гимназія, именно 381 р., а меньше всѣхъ Нижегородскій институтъ, именно 145 р. Какъ видите, даже этотъ minimum почти въ полтора раза больше той суммы, которую г. попечитель проситъ для комплектованія ученическихъ библіотекъ.—Если мы представимъ себѣ учебное заведеніе, устроенное по моей программѣ, то въ этомъ заведеніи отношенія между фундаментальною библіотекою и ученическою будутъ установлены совсѣмъ не такъ, какъ они сложились въ теперешнихъ гимназіяхъ.

Съ одной стороны, фундаментальная библіотека будетъ почти совершенно поглощена ученическою. Съ другой стороны, ученическая библіотека будетъ состояться изъ такихъ книгъ, которыя интересны и поучительны не только для учениковъ, но и вообще для всѣхъ людей, способныхъ читать и понимать литературныя произведенія и популярно-научныя книги. Въ чисто-ученыхъ сочиненіяхъ преподаватели моего воображаемаго заведенія будутъ нуждаться очень мало. Трое изъ нихъ преподаютъ математику, двое—русскій языкъ, двое новые языки, и одинъ — физику. Собственно говоря, только одинъ преподаватель физики будетъ постоянно нуждаться въ новыхъ, строго и рационально-ученыхъ сочиненіяхъ по своему предмету. Математики могутъ быть превосходными преподавателями, вовсе не заботясь о тѣхъ мелкихъ математическихъ мемуарахъ, которые представляются каждый годъ трудолюбивыми учеными въ различныхъ европейскихъ академіи. Можно сказать навѣрное, что время великихъ от-

крытій и радикальныхъ переворотовъ окончательно миновалось для математики, что теперешнее положеніе этой науки въ существенныхъ чертахъ своихъ останется непоколебимо-твердымъ на вѣчныя времена, что желкіе мемуары современныхъ геометровъ не разрушаютъ въ этой наукѣ ничего стараго, и не построятъ въ ней почти ничего новаго, и что, вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ добросовѣстный учитель математики ни въ какомъ случаѣ не рискуетъ оказаться отсталымъ по предмету своей специальности. Со стороны гимназическихъ математиковъ было бы даже гораздо благоразумнѣе, если бы они заботились о расширеніи своего общаго образованія, вмѣсто того, чтобы ловить на лету и изучать отъ доски до доски незначительные математическіе мемуары. А для общаго образованія имъ будетъ всего удобнѣе обращаться къ ученической библіотекѣ, которая должна быть направлена именно къ этой послѣдней цѣли. Преподавателямъ русскаго языка необходимо слѣдить за современнымъ развитіемъ русскои литературы, но въ этомъ отношеніи ученическая библіотека должна удовлетворять всѣмъ ихъ требованіямъ, потому что эта библіотека непременно должна выписывать лучшіе литературные журналы, и пріобрѣтать себѣ всѣ замѣчательныя произведенія современной словесности. Кромѣ того, преподавателямъ русскаго языка придется изрѣдка выписывать книги по исторіи литературы, въ родѣ «Историческихъ очерковъ» г. Буслаева, или «Памятниковъ» г. Костомарова, или «Обзора славянскихъ литературъ» гг. Славовича и Пыпина; но такія книги выходятъ вообще такъ рѣдко, что врядъ ли придется, на этотъ предметъ, тратить изъ года въ годъ больше десяти или пятнадцати рублей. Для нѣнца и француза даже и того не придется истратить, потому что гимназистамъ нужно знаніе языка, а не литературъ. И такъ фундаментальная библіотека будетъ состоять почти исключительно изъ сочиненій по физикѣ, и еще изъ лучшихъ произведеній по педагогической части. За развитіемъ педагогики, какъ науки и какъ искусства, за всѣми усовершенствованіями въ методахъ преподаванія все гимназическое начальство и весь педагогическій совѣтъ должны слѣдить пристально и неутомимо. Гимназіи должны выписывать непременно всѣ лучшіе педагогическіе журналы и трактаты, какъ русскіе, такъ и заграничные; недостатка въ денежныхъ средствахъ оказаться не можетъ; напротивъ того, должна даже оказаться значительная экономія. Уставъ опредѣляетъ для реальныхъ гимназій на учебныя пособия

800 рублей. На эти деньги по уставу должны содержаться и ремонтироваться: 1) фундаментальная библиотека. 2) ученическая библиотека. 3) физический кабинет. 4) зоологическая, ботаническая и минералогическая коллекции. 5) химическая лаборатория. 6) географические карты, глобусы, чертежи, рисунки и модели для рисования. 7) музыкальные ноты. — По моей программѣ, всё эти статьи расхода уничтожаются, кромѣ *первой* и *третьей*. То есть, на эти 800 рублей придется ремонтировать только фундаментальную библиотеку и физический кабинет. Ученическая библиотека будетъ имѣть, какъ мы видѣли выше, свой особенный годовой бюджетъ въ 810 рублей, составленный изъ жалованья упраздненныхъ преподавателей; а всё остальные предметы, коллекции, лаборатория, рисунки, модели, ноты, окажутся просто ненужными по основнымъ условіямъ программы. Ясно, стало быть, что можно будетъ выписывать множество педагогическихъ сочиненій, и обставить физический кабинетъ самымъ блестящимъ образомъ.

XI.

Такъ какъ малолѣтнимъ ребятамъ первыхъ трехъ классовъ гораздо полезнѣе въ свободное время бѣгать, играть и воститься, чѣмъ сидѣть смиренно и читать правоучительныя исторіи, то ученическая библиотека должна быть составлена вовсе не изъ дѣтскихъ, а изъ общезанимательныхъ и общедоступныхъ книгъ. Специально-дѣтская литература всегда и вездѣ составляетъ и будетъ составлять одну изъ самыхъ жалкихъ, самыхъ ложныхъ и самыхъ ненужныхъ отраслей общей литературы. Развитие дѣтской литературы и запросъ на дѣтскія книги, несомнѣнно существующій во всѣхъ современныхъ обществахъ, объясняются просто и легко разными уродливыми особенностями, укоренившимися, во первыхъ, въ господствующихъ системахъ первоначальнаго воспитанія, и, во вторыхъ, въ нашихъ собственныхъ нравственныхъ привычкахъ. Не умѣя развивать правильнымъ образомъ физическія силы ребенка, совершенно забывая о томъ, что ребенокъ, для укрѣпленія своего организма, долженъ дѣлать какъ можно больше движенія, мы, съ первыхъ лѣтъ жизни, прививаемъ ребенку наклонность къ старческой усидчивости, и ра-

дуюсь, глядя на нашего питомца, который не шумитъ, не кричитъ, не топчетъ ногами по комнатѣ, а сидитъ себѣ за какими-нибудь благонаправленнымъ занятіемъ, въ родѣ разсматриванія картинокъ, или рисованія разныхъ каракулекъ. У такого ребенка, приученнаго уже къ сидячей жизни, и взирающаго на бѣганіе и прыганіе, какъ на занятія бессмысленныя и вовсе не комфортабельныя, у такого ребенка, говорю я, очень нетрудно развить неестественную и преждевременную охоту къ чтенію. Неестественность и преждевременность этой охоты обнаружится для насъ совершенно очевидно, какъ только мы серьезно зададимъ себѣ вопросъ о томъ, что такое чтеніе, или, по-вѣрной мѣрѣ, чѣмъ оно, по настоящему, должно быть для человѣка?—Чтеніе есть тотъ актъ, посредствомъ котораго отдѣльная личность, чувствуя свое бессіе передъ осаждающими ее вопросами, обращается къ коллективному уму человѣчества, къ лучшимъ представителямъ этого ума, чтобы отъ нихъ добыть себѣ отвѣтъ на эти вопросы, неразрѣшимые для индивидуальныхъ силъ.—Только такое чтеніе имѣетъ смыслъ и приносить пользу, какъ самому читателю, такъ и обществу, пожинающему рано или поздно плоды этого разумнаго и цѣлесообразнаго чтенія. Но развѣ семи-восьми-десяти и даже двѣнадцатилѣтніе пузыри могутъ читать такимъ образомъ? Развѣ ихъ осаждаютъ какіе-нибудь вопросы? Развѣ они ищутъ какихъ-нибудь отвѣтовъ? Развѣ имъ есть какое-нибудь дѣло до коллективнаго ума человѣчества?—Они съ великою радостью промѣняютъ весь этотъ коллективный умъ со всѣми его отвѣтами на арабскія сказки Шехеразады. Они читаютъ просто для того, чтобы убить время, читаютъ для того же самаго, для чего предаются чтенію всѣ любители романовъ Поль-де-Кока и обомъ Дюма, *rège et fils*. Это чтеніе безобразно и безнравственно, какъ гнусный продуктъ позорной праздности. И это убиваніе времени вдвойнѣ безобразно и безнравственно, когда дѣйствующими лицами являются дѣти. Если взрослый болванъ читаетъ для процесса чтенія, то на него уже можно махнуть рукой. Кто сдѣлался совершеннолѣтнимъ человѣкомъ, не выучившись цѣнить время, тотъ можетъ уже заниматься чѣмъ ему угодно, потому что, во всякомъ случаѣ, не займется ничѣмъ путнымъ. Ребенокъ, напротивъ того, только-что втягивается въ искусство убивать время, и поэтому, безцѣльное чтеніе,—эта профанція и протиституція мысли, — имѣетъ еще для него развращающее значеніе, котораго оно уже больше не можетъ имѣть для окончательного-раз-

вращеннаго и кретинизированнаго взрослога. Поэтому, я огоршу читателя тѣмъ неожиданнымъ для него заключеніемъ, что такъ называемыя хорошія дѣтскія книги гораздо безправственнѣе и, по своему вліянію на общество, гораздо вреднѣе самыхъ грязныхъ и пустыхъ романовъ французской фабрикаціи. Читатель закричитъ конечно, что это вопіющій парадоксъ, но я попрошу его взглянуть въ тотъ общезвѣстный и очевидный фактъ, что мы вообще относимся чрезвычайно легкомысленно къ чтенію, и, вслѣдствіе этого, также и къ литературѣ, и къ наукѣ, и ко всему, что можетъ расширить кругъ нашихъ идей и возвысить насъ надъ грязнымъ уровнемъ нашихъ узкихъ, мелкихъ, конѣчныхъ и ложно-понимаемыхъ интересовъ. Пусть читатель взглянется въ этотъ фактъ, и пусть онъ подумаетъ, не находится ли этотъ фактъ въ тѣсной причинной связи съ тѣмъ другимъ, столь же общезвѣстнымъ и очевиднымъ фактомъ, что мы начинаемъ читать слишкомъ рано, и что, вслѣдствіе нашей крайней молодости и умственной незрѣлости, мы поневолѣ приучаемся видѣть забаву въ томъ процессѣ, который, по настоящему, долженъ быть серьезною и глубокообдуманною бесѣдою человѣка съ человѣчествомъ.

Другая причина существованія дѣтскихъ книгъ заключается въ полнѣйшей дрянности тѣхъ взрослыхъ людей, среди которыхъ дѣтямъ приходится расти и развиваться. Эта дрянность имѣетъ свою положительную и свою отрицательную сторону, то есть, распространенію дѣтскихъ книгъ содѣйствуютъ, во первыхъ, нѣкоторыя дурныя качества взрослыхъ, и во вторыхъ, отсутствіе у тѣхъ же взрослыхъ нѣкоторыхъ хорошихъ качествъ.—Защитники специально-дѣтской литературы, прежде всего, приведутъ въ ея пользу то разсужденіе, что тринадцати или четырнадцати лѣтъ субъекты дѣйствительно нуждаются въ чтеніи, и что, между тѣмъ, имъ невозможно давать тѣ книги, которыя читаются взрослыми. Обѣ части этого разсужденія довольно вѣрны: дѣйствительно, у тринадцатилѣтнихъ дѣтей уже начинаетъ пробуждаться серьезная любовнательность, требующая себѣ удовлетворенія; и дѣйствительно, дрянныя книги, читаемыя взрослыми, могутъ разстроить здоровье молодыхъ людей, приближающихся къ критическому возрасту половой зрѣлости. Но развѣ же это хорошо и нормально, что взрослые читаютъ съ наслажденіемъ пакостныя книги? Развѣ же эти пакостныя книги полезны и необходимы для самихъ взрослыхъ? Развѣ было бы возможно такое на-

вращеніе общественнаго вкуса въ такомъ обществѣ, въ которомъ не было бы мѣста для праздности, для умственной пустоты, для тунеядства и для разнообразнѣйшихъ проявленій экономической эксплуатаціи?—Здоровое общество всегда порождаетъ здоровую литературу, а здоровая литература одинаково полезна для всѣхъ грамотныхъ людей, безъ различія пола, возраста и состоянія. Необходимость отдѣльной дѣтской литературы указываетъ прямо на существованіе общественныхъ болѣзней, съ которыми мы свыклись, и которыя мы стараемся удержать и сохранить, какъ величайшую драгоценность, и какъ источникъ любимѣйшихъ нашихъ наслажденій. Эта милая способность любить и дѣлать болѣзнь случается въ исторіи у очень многихъ народовъ: такимъ образомъ римляне любили гладиаторскія игры, испанцы—инквизицію, французы—централизацію, англичане свою *happy constitution*, южные плантаторы—невольничество. Такъ точно и мы любимъ дѣтскую литературу, которая позволяетъ намъ, взрослымъ, оставаться пустоголовыми селадонами, и относиться къ чтенію съ точки зрѣнія пріятныхъ возбуждательныхъ спецій.—Другой аргументъ въ пользу дѣтской литературы, и даже въ пользу книгъ, написанныхъ для шести и восьмилѣтнихъ ребятъ, состоитъ въ томъ, что надо приучать дѣтей къ чтенію и вообще къ умственнымъ занятіямъ съ самаго ранняго возраста, потому что впоследствии эти привычки приобрѣтаются съ большимъ трудомъ; если оставлять ребенка безъ книгъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ пробудится любознательность, разсуждаютъ многіе родители и педагоги, то легко можетъ случиться, что эта желанная любознательность не пробудится въ немъ никогда; именно книги-то и содѣйствуютъ пробужденію его любознательности. Факты, на которыхъ построено это разсужденіе, подмѣчены совершенно вѣрно. Дѣйствительно можетъ случиться, что ребенокъ до четырнадцати лѣтъ будетъ играть въ бабки и въ лошадки, а послѣ четырнадцати лѣтъ, взявъ нѣсколько уроковъ у танцмейстера, начнетъ блистать, сначала на дѣтскихъ вечерахъ, потомъ на настоящихъ балахъ. Любознательность дѣйствительно не обнаружится ни въ эпоху бабокъ и лошадокъ, ни въ періодъ балныхъ похожденій. Но такая атрофія любознательности возможна только тогда, когда всѣ взрослые люди, окружающіе ребенка, не имѣютъ въ головѣ ни одной дѣльной мысли, неспособны ни на одно глубокое чувство, и не поставили себѣ въ жизни никакой серьезной цѣли. Если отецъ ребенка обратилъ всѣ

свои способности на псовую охоту, дядя—на азартную игру, старший брат—на преслѣдованіе хорошенькихъ горничныхъ, мамаша—на куафюры и бурнусы, сестра на усовершенствованіе цвѣта своего лица, то, разумѣется, и пробуждающаяся любознательность ребенка будетъ также тратиться вся безъ остатка на усвоеніе элементарныхъ свѣдѣній по тѣмъ предметамъ, которыми интересуются эти ближайшіе родственники. Вотъ тутъ-то и выдвигается дѣтская литература, какъ противодѣйствіе той умственной пустотѣ и деморализации, которая постигла бы ребенка, если бы онъ съ малыхъ лѣтъ почерпалъ всѣ свои мысли и чувства исключительно изъ своихъ всѣдневныхъ сношеній съ взрослыми родственниками. Это противодѣйствіе въ настоящее время полезно и даже необходимо, именно такъ, какъ полезенъ и необходимъ ядъ ртутиальнаго лекарства, истребляющій ядъ сиолитической болѣзни. Искусственность того книжнаго міра, въ который мы вводимъ ребенка, во всякомъ случаѣ есть зло; но пустота дѣйствительной жизни оказывается еще худшимъ зломъ, объ устраненіи котораго мы и можемъ только помечтать. Изъ двухъ золъ мы выбираемъ меньшее, и, по нашему обыкновенію, довольствуемся жалкими палліативами въ такомъ дѣлѣ, гдѣ требуются радикальные перевороты. Мы пичкаемъ дѣтей добродѣтельными книжками, и успокоиваемся на той надеждѣ, что эти книжки замѣнятъ имъ благотворное вліяніе честной трудовой жизни, въ которую мы не умѣемъ или не желаемъ вводить ихъ съ ранней молодости. И такъ, дѣтская литература есть жалкая, ложная и совершенно искусственная отрасль общей литературы. Въ ученическихъ библіотекахъ дѣтскія книги совершенно неумѣстны. Ученическая библіотека должна открываться для учениковъ только тогда, когда они уже будутъ въ состояніи понимать и читать съ удовольствіемъ книги, написанныя для взрослыхъ, разумѣется, не для такихъ взрослыхъ, которые ищутъ въ книгѣ скромныхъ описаній. Какія же книги должны входить въ составъ ученической библіотеки? Произведенія лучшихъ беллетристовъ и критиковъ, русскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ, описанія замѣчательныхъ путешествій, историческія сочиненія и популярныя книги по всѣмъ отраслямъ естествознанія. Если тратить каждый годъ сполна всѣ 810 рублей, назначенныя на комплектованіе библіотеки, то, разумѣется, въ короткое время, эта библіотека будетъ заключать около пяти тысячъ томовъ. Такія библіотеки будутъ конечно очень полезны воспитанникамъ во время ихъ пребыванія въ гимназія, но онѣ могутъ при-

нести имъ еще гораздо больше пользы послѣ ихъ выхода изъ заведенія. Если гимназистъ мало читаетъ, или даже совсѣмъ ничего не читаетъ, это еще не очень большая бѣда; его время впереди; передъ нимъ лежитъ еще университетъ, который можетъ разбудить и направить къ полезному труду его дремающія умственные силы; но, когда молодой человѣкъ уже кончилъ курсъ своего ученія, и когда обстоятельства забросили его въ сонное царство провинціальной благодатной жизни, тогда хорошая библіотека можетъ рѣшить для него навсегда гамлетовскій вопросъ: «быть или не быть», то есть, думать или пить запоемъ, учиться или благодушествовать за профессоромъ и за стуколкой. Каждый годъ, сотни неглупыхъ и небезчестныхъ молодыхъ людей, понавши въ кружокъ мелкаго провинціального чиновничества или мѣстной землевладѣльческой аристократіи, глупѣютъ и развращаются именно потому, что нѣтъ ни человѣка, съ которымъ можно было бы отвести душу, ни книги, которая освѣжила бы въ памяти идеи, чувства и порывы свѣтлой и чистой студентческой юности. Поэтому, было бы необходимо, чтобы каждая гимназія предоставляла своимъ воспитанникамъ право пользоваться ученическими библіотеками до конца жизни. На это мнѣ возразятъ, разумѣется, что это право, въ большей части случаевъ, оказалось бы ни на что ненужнымъ, потому что воспитанникъ Костромской гимназіи можетъ попасть куда-нибудь въ Могилевъ, а могилевскій въ Саратовъ, и такъ далѣе. Какъ же онъ изъ Могилева будетъ пользоваться костромскою, или изъ Саратова могилевскою библіотекою? Очень просто, отвѣчу я. Для этого надо только, чтобы между всѣми ученическими библіотеками существовали отношенія взаимности. То есть, выходя изъ гимназіи, ученикъ вмѣстѣ съ аттестатомъ, получаетъ билетъ, который даетъ ему право пользоваться бесплатно всѣми ученическими библіотеками на всемъ пространствѣ російской имперіи. Могилевскій гимназистъ будетъ читать книги въ Саратовской библіотекѣ, саратовскій — гдѣ нибудь въ Вологодской, вологодскій — опять въ Могилевской, и такъ далѣе. При этомъ кругомъ обмѣнѣ услугъ окажется, что всѣ гимназіи даютъ чужимъ воспитанникамъ столько, сколько ихъ воспитанники получаютъ отъ чужихъ гимназій. Общество, при такомъ порядкѣ вещей, останется въ чистыхъ барышахъ, потому что многіе изъ мелкихъ чиновниковъ, прикащиковъ, конторщиковъ и т. д., окончившихъ курсъ въ гимна-

зияхъ, будутъ читать хорошія книги, вмѣсто того, чтобы пьянствовать, играть въ карты и безобразничать.

Въ настоящее время, мѣста преподавателей въ гимназіяхъ отдаленныхъ губерній внушаютъ очень естественный ужасъ тѣмъ молодымъ людямъ, которымъ они предлагаются. Завѣдешь туда въ эту глушь, думаешь молодые кандидаты, мохомъ обростешь, отупѣешь, отстанешь отъ научныхъ занятій, бросишь чтеніе, оскотинишься, пить начнешь... Нѣтъ ужъ лучше жить въ Петербургѣ или въ университетскомъ городѣ гдѣ нибудь на чердакѣ, пребываясь изо дня въ день грошовыми уроками, переводами или даже частною перепискою. Вслѣдствіе такихъ разсужденій молодыхъ кандидатовъ, многія провинціальныя гимназіи, подобно ирландскихъ ландлордовъ, жестоко страдаютъ абсептеизмомъ. Мѣста учителей остаются незанятыми въ продолженіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ, такъ что многія поколѣнія учениковъ проходятъ черезъ гимназію, не получая даже смутныхъ понятій о нѣкоторыхъ предметахъ, которые, однако продолжаютъ красоваться въ программѣ и на росписаніи еженедѣльныхъ уроковъ. Десятки лѣтъ! восклицаетъ читатель. Быть не можетъ! А? Быть не можетъ? Такъ вотъ же вамъ выписка изъ «журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія». — «Бывали случаи, что учительскія мѣста въ гимназіяхъ оставались незамѣщенными цѣлыя годы и даже десятки лѣтъ: такъ напр., въ Астраханской гимназіи математика, русскій языкъ, исторія и географія не преподавались по пяти лѣтъ, по невозможности приискать учителей; нѣмецкій языкъ по той же причинѣ не преподавался 27 лѣтъ, французскій 17 лѣтъ, и латинскій 13 лѣтъ. Въ Архангельской гимназіи географія не преподавалась 8 лѣтъ, французскій языкъ 15 лѣтъ, и англійскій 11 лѣтъ. и т. д.» (1864. Декабрь. По поводу новаго устава гимназій и прогимназій. Стр. 91). «Отчетъ по управленію Казанскимъ учебнымъ округомъ за 1863 годъ» показываетъ намъ, что такіе случаи не только *бывали*, но и *бываютъ* до настоящей минуты. Во всѣхъ 12 гимназіяхъ Казанскаго округа существуютъ незанятые вакансии; всѣхъ учительскихъ ваканцій имѣлось въ 1863 году 28, такъ что на каждую гимназію приходится по 2 $\frac{1}{2}$ вакантныхъ мѣста; въ Сибирской гимназіи, напримѣръ, не замѣщены четыре кафедръ, по русской словесности, по математикѣ, по естественной исторіи и по французскому языку; а въ пензенской—пять кафедръ: законовѣдѣніе, русская словесность, математика, французскій и нѣ-

моций. Есть основаніе думать, что удовлетворительное положеніе ученическихъ библиотекъ, которыя, конечно, не будутъ составлять запретнаго плода для преподавателей, въ значительной степени ослабило бы бѣдствія этого учительскаго абсентеизма. Какая ибудь Вятка, Пермь или Уфа потеряютъ для молодаго кандидата половину своего устрашающаго и отталкивающаго вида, когда онъ узнаетъ, что въ каждомъ изъ этихъ ужасныхъ городовъ есть порядочная библиотека, которая непременно каждый годъ выписываетъ по нѣскольку литературныхъ журналовъ и по двѣ или по три сотни томовъ новѣйшихъ сочиненій по самымъ интереснымъ отраслямъ человѣческаго знанія. Тогда не будетъ уже для молодаго человѣка опасности заглухнуть и поглупѣть, и не будетъ, слѣдовательно, необходимости отказываться отъ учительскаго мѣста по чувству нравственнаго самосохраненія.

XII.

Въ началѣ X-ой главы я назначилъ, изъ ежегодной экономія, по 1000 рублей въ годъ, на содержаніе при гимназій столлярной и токарной мастерской. Я полагаю, что каждому человѣку, на какой бы ступени общественной лѣстницы онъ ни находился, необходимо во многихъ отношеніяхъ знать, по крайней мѣрѣ одно ручное ремесло. Слѣдующія слова Руссо, которыя я беру изъ III-ей книги *Эмиля*, останутся на вѣчныя времена великою истиною:

«Помните, говорить онъ, что я требую отъ васъ не таланта; мнѣ нужно ремесло, настоящее ремесло, искусство чисто механическое, въ которомъ руки работаютъ больше головы, и которое не ведетъ къ богатству, но при которомъ можно безъ него обойтись. Я видѣлъ, что въ семействахъ, вовсе не подвергавшихся опасности остаться безъ хлѣба, отцы, для предотвращенія всякихъ случайностей, давали своимъ дѣтямъ, кромѣ общаго образованія, такия свѣдѣнія, посредствомъ которыхъ можно было бы зарабатывать себѣ пропитаніе. Эти предусмотрительные отцы думаютъ сдѣлать много, и не дѣлаютъ ничего, потому что тѣ средства, которыми они рассчитываютъ обезпечить своихъ дѣтей, зависятъ отъ того самаго богатства, выше котораго они стараются ихъ поставить. Обладатель всѣхъ этихъ прекрасныхъ талантовъ, попавши въ такую об-

становиу, которая не благопріятствуетъ ихъ проявленію, погибаетъ отъ бѣдности такъ точно, какъ будто бы у него не было ни одного таланта. Когда дѣло идетъ о происахъ и объ интригахъ, тогда можно пожалуй направить ихъ на то, чтобы удержать за собою богатство, вмѣсто того, чтобы при ихъ содѣйствіи, выбиваться потомъ изъ бѣдности къ прежнему благосостоянію. Если вы занимаетесь искусствами, которыхъ успѣхъ зависитъ отъ репутаціи художника, если вы приобрѣтаете себѣ способность исправлять такія должности, которыя получаютъ только по протекціи,—то къ чему послужить вамъ все это, когда, получивши справедливое отвращеніе къ свѣтскому обществу, вы съ презрѣніемъ будете смотрѣть на тѣ средства, безъ которыхъ невозможно добиться успѣха?—Вы изучили политику и интересы государей: это очень хорошо; но что вы будете дѣлать съ этими знаніями, если вы не умѣете отыскать дорогу къ министрамъ; къ придворнымъ женщинамъ, къ начальникамъ департаментовъ, если вы не обладаете тайною нравиться имъ, если всѣ не найдутъ въ васъ тѣхъ качествъ, которыя для нихъ годятся?—Вы—архитекторъ или живописецъ: согласенъ; но надо доставить вашему таланту извѣстность. Развѣ вы думаете, что ваша работа, ни съ того ни съ сего, попадетъ тотчасъ на публичную выставку? О итъ! дѣло идетъ совсѣмъ не такъ. Надо числиться въ академіи, надо даже пользоваться тамъ протекцію, чтобы добыть себѣ въ какомъ нибудь уголкѣ теплое мѣстечко. Отложите въ сторону линейку и кисть. Наймите извозчика и отправляйтесь стучаться то въ ту, то въ другую дверь: знаменитость приобрѣтается именно этимъ послѣднимъ средствомъ. Но вы должны знать, что у всѣхъ этихъ могущественныхъ дверей есть швейцары или превратники, которые понимаютъ только минину, и которыхъ уши находятся въ рукахъ. Хотите вы давать уроки по тѣмъ предметамъ, которые вы изучили, хотите сдѣлаться учителемъ географіи, или математики, или языковъ, или музыки, или рисованія? Даже и для этого надо найти себѣ учениковъ, то есть, прежде всего надо завербовать хвалителей. Знайте впередъ, что главное дѣло заключается не въ искусствѣ, а въ шарлатанствѣ, и что вы всегда будете считаться невѣждою, если будете знать только вашу специальность.—Посмотрите же, какъ всѣ эти блестящія подспорья непрочны, и какъ много вспомогательныхъ средствъ необходимо для того, чтобы извлекать изъ нихъ пользу. И вромѣ того, что съ

вамъ сдѣлается въ этомъ позорномъ униженіи? Бѣдствія опешляютъ васъ, ничему васъ не научая; сдѣлавшись, болѣе чѣмъ когда либо, игрушкою общественнаго мнѣнія, какимъ же образомъ поднимаетесь вы выше тѣхъ предрасудковъ, которые будутъ располагать самовластно вашею участіемъ? Какимъ образомъ станете вы презирать нищоту и пороки, въ которыхъ вы нуждаетесь, какъ въ источникъ пропитанія? Прежде вы зависѣли только отъ богатства, а теперь вы зависите отъ богатыхъ; вы только ухудшили ваше рабство, и обременили его вашею бѣдностью; вы теперь бѣдны и при этомъ все-таки не свободны: это самое скверное изъ всѣхъ возможныхъ человѣческихъ положеній. Но если, въ случаѣ нужды, вы обращаетесь, для добыванія насущнаго хлѣба, не къ тѣмъ возвышеннымъ знаніямъ, которыя питаютъ душу, не заботясь о тѣлѣ, а къ вашимъ собственнымъ рукамъ и къ тому, что вы умѣете ими дѣлать, тогда всѣ затрудненія исчезаютъ, всѣ происки становятся бесполезными; средство всегда готово въ ту минуту, когда надо имъ пользоваться; честность и нравственная самостоятельность перестаютъ быть помѣхами въ жизни: вамъ нѣтъ болѣе надобности подличать и лгать передъ вельможами, извиваться и ползать передъ мошенниками, угождать всѣмъ и каждому, занимать деньги или воровать, что почти равносильно, когда у васъ нѣтъ ничего за душою: мнѣніе другихъ людей до васъ не касается; никому вы не обязаны кланяться; вамъ не зачѣмъ льстить дураку, задобривать швейцара, подкупать и превозносить похвалами продажную женщину. Пускай мошенники заправляютъ крупными дѣлами, вамъ до этого нѣтъ дѣла; это не помѣшаетъ вамъ, въ вашей скромной жизни, быть честнымъ человѣкомъ и имѣть кусокъ хлѣба. Вы входите въ первую понавшуюся лавку того ремесла, которому вы учились. Хозяинъ, мнѣ нужна работа. Товарищъ, садитесь, работайте. Прежде, чѣмъ наступитъ часъ обѣда, вы заработаете вашу обѣду. Если вы трудолюбивы и умѣренны, то не пройдетъ недѣли, какъ вы уже обезпечите вашимъ трудомъ ваше существованіе на слѣдующую недѣлю; и въ теченіе всего этого времени вы будете оставаться свободнымъ, здоровымъ, правдивымъ, трудолюбивымъ и честнымъ человѣкомъ. Жить такимъ образомъ не значитъ терять время попустому».

Немножко велерѣчиво, немножко восторженно, немножко чертуръ пропитано мелодраматическимъ презрѣніемъ къ богатству, и

столь же мелодраматическою вѣжностью къ отвлеченной верги, которую такъ любилъ въслѣдствіи покойникъ Робеспьерръ, но въ сущности, въ основной идеѣ, совершенно вѣрно. Нравственная самостоятельность дѣйствительно невозможна, когда человѣкъ прикрѣпленъ наглухо къ известной профессіи, и когда ему некуда отступить назадъ, въ случаѣ какихъ нибудь несправедливыхъ преслѣдованій или неисполнимыхъ требованій со стороны тѣхъ лицъ или общественныхъ кружковъ, отъ которыхъ онъ зависитъ въ условіяхъ своего существованія. Всякій умственный трудъ можетъ поставить человѣка въ такое положеніе, въ которомъ ему приходится выбирать одно изъ двухъ: или ренегатство, или *chomage*, то есть, вынужденное прекращеніе работы, и, слѣдовательно, непріятный маневръ: *зубы на полку*. Такъ какъ на свѣтѣ мало такихъ героевъ, которые, изъ любви къ своимъ убѣжденіямъ, готовы смотрѣть въ глаза голодной смерти и такъ какъ возможность отступить назадъ къ безопасному ручному ремеслу не существуетъ почти ни для кого, то, разумѣется, ренегаты растутъ какъ грибы по всѣмъ отраслямъ умственной дѣятельности. Такая перспектива способна запугать самыхъ храбрыхъ и расположить къ уступчивости самыхъ упорныхъ. Но такая перспектива была бы очевидно невозможна, если бы каждый членъ образованнаго сословія выносилъ изъ школы, вмѣстѣ съ умственнымъ развитіемъ и съ научными свѣдѣніями, основательное и совершенно практическое знаніе какого нибудь ручнаго ремесла.

Ручное ремесло необходимо, кромѣ того, по своему важному и несомнѣнному вліянію на общій складъ умственнаго развитія. Источникъ всего нашего богатства, основаніе всей нашей цивилизаціи и настоящій двигатель всемірной исторіи заключается конечно въ физическомъ трудѣ человѣка, въ прямомъ и непосредственномъ дѣйствіи человѣка на природу. Кто смотритъ на физическій трудъ издали и со стороны, кто не имѣетъ никакого понятія о томъ, что значить собственноручно побѣждать сопротивленіе неодушевленной матеріи, тотъ, по всей вѣроятности, останется навсегда, въ отношеніи къ самымъ важнымъ вопросамъ общественной жизни, поверхностнымъ теоретикомъ и неслучайнымъ, хотя и заносчивымъ, регламентаторомъ. Бюрократы приобрѣли себѣ, съ этой стороны, всемірную и весьма печальную знаменитость, а въ сущности, что такое бюрократъ? Бюрократъ есть именно человѣкъ, смотрящій на

физическій трудъ издали и со стороны, и наваливающій часто, по своему, очень естественному незнанію, на чужія плечи такія тяжести, которыя превышаютъ размѣры человѣческихъ силъ. Поэтому, вѣрнѣйшее средство положить конецъ дальнѣйшему размноженію бюрократовъ, которыхъ неудовлетворительность чувствуютъ въ настоящее время всѣ европейскія правительства, заключается въ томъ, чтобы сдѣлать физическій трудъ необходимою составною частью общественнаго воспитанія. — Въ настоящее время, вся историческая будущность западной Европы зависитъ отъ того, какимъ образомъ разрѣшится рабочій вопросъ, то есть, какимъ образомъ упрочится и обезпечится матеріальное существованіе рабочихъ населеній. Разрѣшимъ ли самъ по себѣ этотъ вопросъ или нѣтъ, объ этомъ можно высказывать разнородныя или даже противоположныя мнѣнія; но врядъ ли возможно малѣйшее сомнѣніе на счетъ того пункта, что, если этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ самъ по себѣ, то онъ разрѣшится не какими нибудь посторонними благодѣтелями и покровителями, а только самими работниками, когда къ ихъ рабочей силѣ, практической смѣтливости и трудолюбію присоединится ясное пониманіе междучеловѣческихъ отношеній и умѣнье возвышаться отъ единичныхъ наблюденій до общихъ выводовъ и широкихъ умозаключеній. Поэтому, одна изъ важнѣйшихъ задачъ настоящаго времени состоитъ въ томъ, чтобы совмѣстить въ однѣхъ и тѣхъ же личностяхъ научное развитіе и физическій трудъ, между которыми лежала до сихъ поръ широкая и непроходимая бездна. Только такіе люди, которые умѣютъ въ одно и то же время работать и мыслить, окажутся способными разрѣшить вопросъ о разумной организаціи труда, вопросъ, котораго названіе показываетъ ясно, что тутъ необходимо совокупное дѣйствіе мысли и рабочей силы. Благодаря младенческому состоянію нашей промышленности, рабочій вопросъ находится у насъ въ зародышѣ, и вѣроятно долго еще не приметъ въ русской жизни тѣхъ колоссальныхъ и грозныхъ размѣровъ, которые характеризуютъ его въ западной Европѣ; но съ нашей стороны было бы очень неосновательно думать, что эта чаша пройдетъ мимо насъ, и что наша общественная жизнь, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, ниогда не наткнется на эту мудреную задачу. Поэтому, глядя на нашихъ западныхъ сосѣдей, и вдумываясь въ ихъ поучительныя ошибки и страданія, мы должны заранѣе припасать тѣ матеріалы,

которые требуются для удовлетворительного разрешения этого неизбежного и неотвратимого вопроса. Къ числу этихъ матеріаловъ должно отнести организацию прочной нравственной и умственной связи между лабораторією ученаго спеціалиста и мастерскою простаго ремесленника. Сближеніе образованнаго общества съ чернымъ народомъ, то сближеніе, о которомъ такъ уморительно и безтолково разсуждали наши умолявшіе *почтенники*, конечно необходимо, но только оно должно состоять не въ тупомъ уваженіи къ народной мудрости, которую совершенно справедливо осмѣиваетъ и отвергаетъ положительная наука, а въ разумной, полной, искренней и дѣятельной реабилитаціи физическаго труда, которому всѣ мы, на словахъ, свидѣтельствуемъ наше низжайшее почтеніе, и отъ котораго, однако, на дѣлѣ, всѣ мы тщательно отстраняемся сами, и отстраняемъ нашихъ возлюбленныхъ дѣтей. Если только физическій трудъ будетъ, наравнѣ съ научными занятіями, вѣнчанъ въ обязанность воспитанникамъ всѣхъ учебныхъ заведеній, то можно будетъ ручаться за то, что изъ этихъ заведеній будутъ выходить такіе люди, которые легко и свободно будутъ сближаться съ простымъ народомъ, и на которыхъ народъ не будетъ смотрѣть, какъ на чужихъ людей, неспособныхъ сознательно сочувствовать его интересамъ. Простой народъ всегда и вездѣ дѣлитъ все человечество на такихъ людей, которые работаютъ сами, и на такихъ, за которыхъ работаютъ другіе; первыхъ онъ считаетъ своими, а вторыхъ чужими. Кто упускаетъ изъ виду эту простую истину, тому нечего и мечтать о сближеніи съ народомъ. Ничто, кромя физическаго труда, не ведетъ къ искреннему сближенію.

XIII.

Вводя физическій трудъ въ учебное заведеніе, надо, разумеется, постоянно имѣть въ виду требованія гигиены. Поэтому, очевидно, въ учебномъ заведеніи совершенно неумѣстны такія ремесла, которыя вредятъ здоровью работника, или такія, которыми надо заниматься сидя. Неудобными оказываются также тѣ работы, при которыхъ необходимо имѣть дѣло съ огнемъ или съ химическими кислотами. Ни булочниковъ, ни красильщиковъ, ни ткачей, ни кузнецовъ, ни слесарей, ни портныхъ, ни сапожниковъ, нельзя форми-

ровать въ учебныхъ заведеніяхъ. Я совершенно соглашаюсь съ Руссо, выбравшимъ для своего Эмиля столярное ремесло; дѣйствительно трудно найти другую отрасль физическаго труда, которая соединяла бы въ себѣ такъ много удобствъ и преимуществъ, какъ съ гигиенической, такъ и съ педагогической точки зрѣнія. Столяръ работаетъ большею частью стоя, и дѣлаетъ руками смѣлыя и разнообразныя движенія, которыя могутъ служить превосходнымъ дополненіемъ гимнастики.

Столяръ имѣетъ дѣло съ такимъ чистымъ матеріаломъ, который не даетъ отъ себя ни тяжелаго запаха, ни пыли, вредной для дыхательныхъ органовъ. Наконецъ, столяръ, менѣе всякаго другаго ремесленника, рискуетъ одурѣть и сдѣлаться автоматомъ. Столяру приходится постоянно размѣрять и соображать, упражнять вѣрность глаза и вѣрность руки, дѣйствовать циркулемъ и наугольникомъ, словомъ, приглядывать къ практическому дѣлу истины элементарной геометріи. Принимая въ расчетъ всѣ эти обстоятельства, я полагаю, что воспитанникамъ каждаго учебнаго заведенія было бы очень полезно, во всѣхъ отношеніяхъ, заниматься ежедневно, въ продолженіи трехъ или четырехъ часовъ, столярнымъ и токарнымъ ремесломъ. Мнѣ кажется, что назначенная мною сумма 1,000 рублей совершенно покрывала бы всѣ издержки, необходимыя для содержанія мастерской, покрывала бы ихъ даже въ первые два или три года, когда неопытные работники портили бы матеріалъ и инструменты въ самомъ значительномъ количествѣ. Возьмемъ самыя невыгодныя условія: положимъ, что въ зданіи гимназій нѣтъ мѣста для устройства мастерской, которая, конечно, требуетъ довольно просторнаго помещенія. Тогда надо будетъ нанять возлѣ гимназій особенную квартиру; положимъ на наемъ квартиры 500 рублей; за эту цѣну можно нанять комнатъ пять или шесть даже въ Петербургѣ, а въ губернскомъ городѣ можно будетъ нанять цѣлый большой домъ. На жалованье того столяра, который будетъ управлять работами гимназистовъ, положимъ 300 рублей. На порчу матеріала остается 200 рублей. Неужели гимназисты испортятъ дерева больше чѣмъ на 200 рублей? и неужели мастерская въ первый годъ не сработаетъ ни одной такой доски, ни одного такого простаго ящика, которые могли бы пойти въ продажу? Правда, что обученіе тѣхъ мальчиковъ, которые отдаются на выучку къ хозяевамъ, продолжается очень долго, гада по четыре и больше, но вѣдь это происходитъ не отъ того,

что ремесло действительно трудно и головоломно, а отъ того, что первые годы ученія тратятся мальчишкомъ обыкновенно на исполненіе разныхъ мелкихъ комиссій, которыя даютъ ему хозяинъ и подмастерья, и которыя, развивая быстроту его ногъ, въ то же время нисколько не знакомятъ его съ техническими тайнами мастерской. Такъ какъ воспитанники гимназій ни одного дня не будутъ состоять на посылкахъ, то, по всей вѣроятности, усвоеніе мастерства пойдетъ у нихъ несравненно скорѣе, такъ что на третій или на четвертый годъ своего существованія, мастерская будетъ содержаться своими собственными средствами, и управлять работами будетъ не наемный столяръ, а ремесленный комитетъ, составленный изъ опытныхъ и свѣдущихъ гимназистовъ старшихъ классовъ.—Въ гимназіяхъ, возражаетъ нѣтъ читатель, учатся преимущественно приходящіе ученики, а время столярныхъ занятій будетъ назначено, по всей вѣроятности, послѣ обѣда, потому что утромъ происходитъ классное ученіе; стало быть, ученикамъ придется ходить въ гимназію по два раза въ день. Это неудобно. Особенно неудобнаго тутъ нѣтъ ничего, отвѣчу я. Послѣ обѣденные классы бывали во многихъ провинціальныхъ гимназіяхъ. Пройти лишній разъ по улицѣ не велика бѣда для здоровыхъ ребятъ. А для тѣхъ, которые живутъ отъ гимназій слишкомъ далеко, можно устроить завтракъ и обѣдъ въ гимназіи, за особенную плату. Ученики, ночующіе дома, но пользующіеся завтракомъ и обѣдомъ въ стѣнахъ заведенія, существуютъ въ настоящее время, и называются *полупансионерами*. О нихъ упоминается и въ новомъ уставѣ, въ § 83. — Въ гимназіи, возражаетъ далѣе читатель, бываетъ иногда до 300 учениковъ, иногда даже того больше. Если вы всю эту ватагу поведете въ мастерскую, и отдадите подъ руководство одному мастеру, то вѣдь это выйдетъ столпотвореніе вавилонское. Что жъ онъ одинъ съ ними сдѣлаетъ? Тутъ нужно, по меньшей мѣрѣ, человекъ тридцать учителей. — И прекрасно! отвѣчу я. Если нужно тридцать учителей, то ихъ и будетъ тридцать. А понадобится шестьдесятъ, и шестьдесятъ найдемъ. Устроить это очень не трудно. Никто вамъ не говоритъ, что съ перваго же дня послѣ открытія мастерской, надо сразу напустить туда цѣлый легионъ учениковъ, неимѣющихъ понятія о столярномъ ремеслѣ. Это было бы вѣрнѣйшее средство сразу испортить все дѣло такъ, что потомъ трудно было бы и поправить. Сначала надо выбрать изъ всей гимназій человекъ десять, и потомъ ждать, куда эти десять не вы-

учатся на столько, чтобы быть помощниками мастера при управленіи работами. Когда эти десять будутъ готовы, тогда можно каждому изъ нихъ поручить по три ученика. Такимъ образомъ, въ мастерской окажется уже сорокъ работниковъ. Черезъ нѣсколько времени, къ этимъ сорока можно будетъ присоединить еще сорокъ, потомъ къ этимъ восьмидесяти еще восемьдесятъ, и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока вся гимназія не акклиматизируется въ мастерской. Сколько времени потребуется на акклиматизацію, этого я, разумѣется, не знаю. Это видно будетъ изъ опыта, и я могу только замѣтить, что въ этомъ дѣлѣ слѣдуетъ тщательно избѣгать излишней торопливости, которая можетъ все перепутать, и даже дискредитировать въ глазахъ общества основную идею. Само собою разумѣется, что первые десять учениковъ должны быть выбраны изъ четырехъ младшихъ классовъ для того, чтобы они успѣли выучиться сами и учить другихъ до выхода своего изъ гимназіи. Понятно также, что эти десять должны быть взяты въ мастерскую не насильно, а по собственной охотѣ, и что ихъ слѣдуетъ выбрать изъ лучшихъ учениковъ, для того, чтобы право работать въ мастерской считалось въ обществѣ воспитанниковъ за особенную честь. Всѣ эти предосторожности необходимы только въ самомъ началѣ дѣла, для того, чтобы у воспитанниковъ не возникало предубѣжденія противъ физическаго труда, какъ противъ излишняго бремени, наложеннаго на нихъ по прихоти начальства. Когда же занятія въ мастерской обратятся въ общую привычку, тогда, конечно, всякое различіе между лучшими и худшими учениками должно будетъ совершенно сгладиться. Легко можетъ быть, и даже правдоподобно, что многіе молодые люди, очень мало расположенные къ научнымъ занятіямъ, окажутся превосходными ремесленниками и найдутъ себѣ свое настоящее мѣсто за токарнымъ станкомъ или заверстакомъ столяра. А какимъ образомъ будетъ устроена промышленная часть мастерской? Кто будетъ принимать заказы, продавать готовые издѣлія, и производить закупку матеріала? Высшій контроль по всемъ этимъ дѣламъ долженъ конечно принадлежать директору гимназіи, вмѣстѣ съ инспекторомъ и педагогическимъ совѣтомъ. Контроль этотъ долженъ однако имѣть чисто-охранительное значеніе; онъ долженъ только заботиться о томъ, чтобы не было самовольной и недобросовѣстной растраты суммъ. Что же касается до чисто промышленныхъ подробностей дѣла, то онѣ должны находиться сначала въ рукахъ нанятаго столяра, а потомъ, когда этотъ столяръ ока-

жестякими ящиками, въ рукахъ старшихъ и благонадежныхъ воспитанниковъ, достаточно ознакомившихся со всѣмъ механизмомъ этого дѣла. Выручаемыя деньги должны употребляться; прежде всего, на содержаніе мастерской, которая, въ послѣдствіи, по всей вѣроятности, будетъ поддерживать себя своими собственными средствами. Что же касается до чистыхъ барышей, то, разумѣется, они должны дѣлиться между работниками, но общему соглашенію, въ которое начальство совѣтъ не должно вмѣшиваться. — Многие изъ моихъ читателей давно уже начали улыбаться саркастическою улыбкою, и теперь, конечно, дойдя до того мѣста, гдѣ гимназисты превращаются въ промышленниковъ и дѣлятъ между собою барыши, эти насмѣшливые читатели помираютъ со смѣху, и называютъ меня наивнѣйшимъ строителемъ воздушныхъ замковъ. На эти насмѣшки и на этотъ самодовольный хохотъ я не буду отвѣчать рѣшительно ни слова. Я знаю очень хорошо, что очень многіе солидные люди видятъ воздушныя замки и нелѣпыя утопіи въ каждой идее, не вопіишь согласной съ общимъ строемъ ихъ закоренѣлыхъ привычекъ и нестремимыхъ предрасудковъ. Я знаю также, что этихъ почтенныхъ людей не проймешь логическими доказательствами, и что отъ нихъ не дождешься обстоятельныхъ возраженій. Совѣтую этимъ почтеннымъ людямъ углубиться въ благоговѣйное чтеніе «Московскихъ Вѣдомостей», а я пойду дальше, не обращая вниманія на ихъ остроумныя насмѣшки и восклицанія.

XIV.

Реформа гимназій, произведенная по вышеуказанному плану, естественнымъ образомъ влечетъ за собою столь же радикальную реформу университетовъ. Въ настоящее время нѣкоторые факультеты университетовъ замѣтно пустуютъ, а нѣкоторые другіе наполняются студентами вслѣдствіе чистаго недоразумѣнія, то есть, благодаря тому очень печальному обстоятельству, что большинство молодыхъ людей поступаетъ въ университетъ, не зная ни своихъ собственныхъ наклонностей, способностей и умственныхъ потребностей, ни общаго значенія тѣхъ наукъ, за изученіе которыхъ они принимаются. Къ пустующимъ факультетамъ относятся историко-филологическій и факультетъ восточныхъ языковъ. Около 1856 года, по историко-филологическому факультету, въ петербургскомъ университетѣ,

кончили курсъ одинъ студентъ. Это фактъ вполне достоверный; онъ извѣстенъ всѣмъ студентамъ того времени, и я до сихъ поръ запомнилъ даже фамилию того молодаго человѣка, который, въ продолженіе цѣлаго года, составлялъ свою особую весъ четвертый курсъ историко-филологическаго факультета. Что этотъ единственный студентъ кончилъ курсъ *первымъ* кандидатомъ, въ этомъ не читателямъ, вѣроятно, не усомнятся. На факультетѣ восточныхъ языковъ, если не ошибаюсь, число профессоровъ превышаетъ число студентовъ, не смотря на то, что этотъ факультетъ существуетъ только при двухъ университетахъ, и что, слѣдовательно, въ нихъ должны стекаться со всей Россіи всѣ молодые люди, желающіе обогатить свой умъ и развить свое эстетическое чувство изученіемъ арабской, турецкой, татарской, калмыцкой и многихъ другихъ, столь же богатыхъ и просвѣтительныхъ литературъ. Умственное таготѣніе Россіи къ востоку съ одной стороны, и къ классической древности съ другой стороны, оказывается, очевидно, очень слабымъ, и я осмѣливаюсь думать, что оно съ каждымъ годомъ будетъ становиться все слабѣе и слабѣе, если только московскимъ публицистамъ не удастся придумать какой нибудь особенный снарядъ для искусственнаго оживленія этихъ угасающихъ симпатій. — Къ числу факультетовъ, наполняющихся по недоразумѣнію, относятся, безъ всякаго сомнѣнія, факультеты юридическій и камеральный. Оба эти факультета переполнены слушателями, и это обстоятельство указываетъ намъ особенно наглядно, до какой степени поверхностными и бессознательными остаются до настоящаго времени отношенія нашего общества къ наукѣ. Наука служитъ нашему обществу даже не дейною кормовою, а просто благообразною вывѣскою, за которою скрывается въ совершенной безопасности старое непочатое невѣжество. — Юридическій факультетъ готовитъ, или, по крайней мѣрѣ, старается готовить чиновниковъ; камеральный факультетъ старается избѣгнуть, и дѣйствительно избѣгаетъ съ полнымъ успѣхомъ, всякой научной специальности и дѣльности. Первый — однимъ своимъ названіемъ пробуждаетъ въ честолюбивыхъ родительскихъ душахъ обаятельныя грезы о блестящихъ бюрократическихъ карьерахъ; второй изображаетъ собою дилетантизмъ, возведенный въ систему. — Именно въ этихъ особенностяхъ обоихъ факультетовъ заключается вся ихъ притягательная сила. Тѣ люди, которые ко всякой наукѣ относятся такъ же отрицательно, какъ относились къ ней Фау-

совъ, — въ то же время чувствуютъ самую глубокую нѣжность къ всякимъ аттестатамъ и дипломамъ, и поэтому очень желаютъ слѣдить своихъ дѣтей такими документами, въ которыхъ было бы засвидѣтельствовано ихъ примѣрное прилежаніе. Какъ же это сдѣлать? Какъ приобрести благообразный документъ, не отдавая благовоспитанныхъ дѣтей на жертву скучнымъ и совершенно бесполезнымъ наукамъ? Благовоспитанное дитя должно непремѣнно сдѣлаться кандидатомъ университета, но оно ни подъ какимъ видомъ не должно вдаваться въ ученость. Оно рождено для того, чтобы блистать въ свѣтѣ, и купаться въ сливкахъ высшаго общества. Если оно намѣнить своему назначенію, если оно вадумаетъ погрузиться въ низкую пыль и запереться въ своемъ кабинетѣ, то его осмѣютъ его блестящіе сверстники, и тогда сердца его родителей будутъ непрестанно обливаться кровью. Какъ же устроить дѣло такъ, чтобы благовоспитанное дитя имѣло при себѣ кандидатскій дипломъ, и чтобы оно, въ то же время, не утратило охоты и способности блистать наравнѣ съ своими сверстниками?—Надо помѣстить благовоспитанное дитя на юридическій или камеральный факультетъ. Тамъ оно навѣрное ни къ какой наукѣ не пристрастится, и тамъ оно приобрететъ себѣ желанный дипломъ посредствомъ усерднаго зубрѣнія профессорскихъ записокъ во время приготовленія къ переходнымъ и къ выпускному экзаменамъ. Если благовоспитанное дитя не принадлежитъ къ разряду безнадежныхъ идиотовъ или самыхъ отчаянныхъ лѣнтяевъ, то, конечно, оно завоевываетъ себѣ кандидатскій дипломъ, и отправляется, куда слѣдуетъ, служить и блистать. Но тутъ возникаетъ вопросъ: зачѣмъ это дитя появлялось въ университетѣ? На этотъ вопросъ приходится отвѣчать, что дитя было жертвою смѣшнаго и печальнаго недоразумѣнія, вслѣдствіе котораго люди, глубоко презирающіе науку, съ наивною жадностью хватаются за ея внѣшніе знаки и атрибуты. Много лѣтъ тому назадъ, правительство, желая пріискотить нанихъ соотечественниковъ къ высшему образованію, предоставило по службѣ нѣкоторыя права и преимущества кандидатамъ и дѣйствительнымъ студентамъ университетовъ. Распоряженіе это, очевидно клонившееся въ тому, чтобы обогатить Россію развитыми и мыслящими людьми, послужило поводомъ къ громадному недоразумѣнію, которое не прекратилось до настоящей минуты. Наши университеты наполнились искателями правъ и преимуществъ, совершенно равнодушными къ знанію и способнымъ.

ни только сдавать экзамены; наши присутственные мѣста наполнились счастливыми обладателями дипломовъ, не усвоившими себѣ въ университетѣ ни практической опытности, ни теоретическаго развитія, ни даже твердыхъ нравственныхъ убѣжденій; а между тѣмъ наше общество, въ лицѣ самыхъ вліятельныхъ своихъ представителей, смотрѣло съ умиленіемъ на этихъ патентованныхъ недорослей, и ласкало себя тою увѣренностію, что, чѣмъ больше оно найдетъ такихъ кандидатовъ и дѣйствительныхъ студентовъ, тѣмъ сильнѣе и успѣшнѣе разовьется оно въ себѣ самое блестящее образованіе. Для огромнаго большинства нашихъ учащихся юношей, четырехлѣтнее пребываніе въ университетѣ превратилось въ обрядъ, который заканчивался полученіемъ диплома, и потомъ дѣйствовалъ на всю дальнѣйшую жизнь бывшаго студента именно только посредствомъ правъ и преимуществъ, связанныхъ съ дипломомъ, а никакъ не посредствомъ какихъ нибудь руководящихъ идей, воспринятыхъ въ университетѣ, и развивающихся въ житейской практикѣ. Такъ какъ вся сила образованія заключается, по мнѣнію нашего общества, въ дипломѣ, а не въ идеяхъ, и такъ какъ всѣ факультеты университета даютъ своимъ слушателямъ равносильные дипломы, то, разумѣется, наше общество, неспособное и не желающее обсуживать образовательное значеніе различныхъ наукъ, предпочитаетъ юридическій факультетъ, какъ преддверіе гражданской службы, и камеральный, какъ разсадникъ милыхъ свѣтскихъ юношей, не углубляющихся ни во что, но имѣющихъ легкое понятіе обо всемъ. Если бы сегодня были отменены права и преимущества, предоставленные кандидатамъ и дѣйствительнымъ студентамъ, то на завтрашній же день число слушателей во всѣхъ нашихъ университетахъ убавилось бы, по крайней мѣрѣ, на половину, и почти всѣ наши юристы и камералисты переселились бы изъ университетскихъ аудиторій въ различныя канцеляріи, или же преобразились бы въ кавалерійскихъ и пѣхотныхъ юнкеровъ. Факультеты юридическій и камеральный опустѣли бы почти совершенно, между тѣмъ, какъ на остальные факультеты отмененіе правъ и преимуществъ не произвело бы никакого замѣтнаго вліянія. Почему обнаружилось бы между факультетами такое рѣзкое различіе — понять не трудно. Кто хочетъ сдѣлаться учителемъ математики — тотъ *дѣйствительно* нуждается въ математическихъ знаніяхъ. Кто хочетъ сдѣлаться натуралистомъ тотъ *дѣйствительно* нуждается въ основательныхъ свѣдѣ-

нихъ по различнымъ отраслямъ естествознанія. Кто хочетъ сдѣлаться медикомъ — тому *дѣйствительно* необходимы профессорскія лекціи, анатомическій театръ и клиника. Для всѣхъ этихъ людей знанія составляютъ въ жизни рабочій инструментъ, и за этимъ рабочимъ инструментомъ они и отправляются въ университетъ. Въѣзвъ съ инструментомъ имъ даютъ въ университетѣ дипломъ; они берутъ и дипломъ, потому что, во первыхъ, нѣтъ причины не брать, а во вторыхъ, нѣтъ возможности отказаться, если бы даже и явилась подобная фантазія. Но если выдача дипломовъ прекратится, то притокъ людей, идущихъ въ университетъ за рабочимъ инструментомъ несколько не ослабѣетъ, именно потому, что эти люди добываютъ себѣ въ университетѣ не дипломъ, а рабочій инструментъ, который, очевидно, будетъ выдаваться имъ по прежнему. У юристовъ и камералистовъ, напротивъ того, вопросъ ставится совсѣмъ иначе. Кто хочетъ сдѣлаться чиновникомъ, тотъ *дѣйствительно* нуждается только въ знаніи русскаго языка, въ умѣнн обращаться за справками къ своду законовъ, и въ служебномъ навыкѣ. Русскій языкъ изучается въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, а практическое знакомство съ сводомъ законовъ и съ служебною процедурою приобрѣтается на самой службѣ, по французской пословицѣ *à force de forger on devient forgeron*. Въ университетѣ не имѣется такого рабочаго инструмента, который былъ бы приложимъ къ канцелярской служебной дѣятельности, и поэтому теперешніе юристы и камералисты, послѣ отиженія правъ и преимуществъ, сообразяютъ немедленно, что имъ гораздо выгоднѣе употребить на усвоеніе служебнаго навыка тѣ четыре года, которые, въ университетскихъ аудиторіяхъ, потрагивались бы на философію права и на поучительный анализъ различныхъ юридическихъ фнкцій, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ скромнымъ обязанностямъ столоначальника и его помощниковъ. — Думаете ли вы, читатель, что русская наука и русская жизнь потеряли бы что нибудь вслѣдствіе этого основательнаго размышленія нашихъ юристовъ и камералистовъ? Если вы это думаете, то вишь не мѣшало бы въ этомъ разувѣриться. Значительная убыль въ общемъ числѣ русскіихъ студентовъ и совершенное упраздненіе двухъ, самыхъ многочисленныхъ факультетовъ — разсѣяли бы только тотъ долговременный оптический обманъ, который до сихъ поръ скрываетъ отъ нашихъ добродушныхъ оптимистовъ нашу крайнюю умственную нищету. На самомъ же дѣлѣ не произошло бы ни малѣйшей перемѣны

къ худшему. Кто работаетъ, тотъ продолжалъ бы работать по прежнему, а кто джентльменствуетъ, тотъ по прежнему продолжалъ бы джентльменствовать, только безъ университетскаго диплома. Васъ, читатель мой, конечно сокрушаетъ то обстоятельство, что тогда значительно убавилось бы число чиновниковъ, получившихъ университетское образование. Это обстоятельство перестанетъ сокрушать васъ, какъ только вы убѣдитесь въ томъ, что вы до сихъ поръ любовались призраками и удовлетворялись нѣмыми, но пустыни звуками. Вы привыкли давать общее имя университетскаго образования семи совершенно различнымъ системамъ образованія, которыя никакъ не могутъ взаимно уравнивать друга. Одинъ студентъ занимается дифференціальнымъ исчисленіемъ и астрономіею, другой — зоологіею и ботаникою, третій хирургіею и терапіею, четвертый — славянскими древностями и трагедіями Софокла, пятый — калмыцкою грамматикою и стихотвореніями Гаюза или Фирдуси, шестой — Русскою Правдою и пандектами Юстиніана; седьмой хватаетъ всего по немного, то есть, слушаетъ однѣ лекціи съ юристами, другія съ натуралистами, третьи съ филологами. — Пока эти семь человѣкъ носятъ одинаковой формы сюртукъ съ свѣтлыми пуговицами и съ синимъ воротникомъ, до тѣхъ поръ вы всѣхъ ихъ называете студентами. Потомъ, когда они показываютъ вамъ большой пергаментный листъ съ большою печатью, вы всѣхъ ихъ называете кандидатами (впрочемъ, нѣтъ, одного изъ нихъ вы называете лекаремъ). Въ томъ и въ другомъ случаѣ, всѣ они въ вашихъ глазахъ совершенно равны между собою; одинаково-синіе воротники и одинаково-величественные дипломы сглаживаютъ между нами всякое различіе; оказывается такимъ образомъ, что калмыцкая грамматика и дифференціальное исчисленіе, пандекты Юстиніана и зоологія, *всєю номинатюску* и медицина въ вашихъ глазахъ совершенно уравниваются другъ друга. Не трудно понять однако, что образовательное вліяніе этихъ предметовъ вовсе не одинаково, — что мыслительныя способности семи разсматриваемыхъ субъектовъ развернутся далеко неравномерно, и что ихъ міросозерцанія окажутся совершенно не сходными. Если вы это понимаете, то потрудитесь объяснить мнѣ, которое изъ данныхъ семи образованій вы предпочитаете всѣмъ остальнымъ? Если же вы этого не понимаете, и если всѣ семь различныхъ образованій сливаются для васъ въ одну неопредѣленную массу, къ которой вы питаете безотчетную нѣжность, то позвольте мнѣ

объясните вамъ, что васъ презрѣваютъ просто непонятными для васъ слова «образование и университетъ,» и что, если бы при университетѣ былъ учрежденъ завтра какой нибудь восьмой факультетъ, напримеръ, геральдическій, — для изученія гербовъ, то вы и на этотъ восьмой факультетъ распространили бы вашу всеобъемлющую и расплывающуюся нѣжность. Когда вы вдумаетесь въ это обстоятельство, то вы, вѣроятно, согласитесь сами, что, при теоретическомъ обсужденіи серьезнаго дѣла, на вашу бессознательную нѣжность къ плѣнительнымъ словамъ не стоитъ обращать ни малѣйшаго вниманія. Если чиновники наши не будутъ знакомы съ пандектами Юстиніана и съ философіею права Гегеля, то они отъ этого нисколько не сдѣлаются хуже теперешняго. Общество же наше останется тогда въ чистомъ выигрышѣ, потому что оно яснѣе теперешняго будетъ понимать свои собственные отношенія къ наукѣ, и не будетъ называть наукою бесплодную и мертвую юридическую метафизику, которую завѣщали намъ римляне и средневѣковые схоластики вмѣстѣ со многими другими, столь же драгоценными сокровищами.

XV.

Чтобы опредѣлить тѣ основанія, на которыхъ должны быть перестроены за-ново наши университеты, надо, прежде всего, отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ: что такое общее образованіе, на что оно нужно, чѣмъ оно полезно, въ чемъ должно состоять его вліяніе на жизнь и дѣятельность образованнаго человѣка. Мнѣ кажется, что общее образованіе есть скрѣпленіе и осмысленіе той естественной связи, которая существуетъ между отдѣльною личностію и человѣчествомъ. Общее образованіе выводитъ васъ изъ тѣснаго круга вашихъ непосредственныхъ личныхъ интересовъ, разъясняетъ вамъ ваши отношенія къ окружающей природѣ, описываетъ вамъ то мѣсто, которое вы, какъ человѣкъ, занимаете въ ряду другихъ органическихъ существъ, — характеризуетъ вамъ потребности и стремленія того народа, среди котораго вы родились и опредѣляетъ вамъ значеніе и направленіе тѣхъ историческихъ силъ и культурныхъ элементовъ, которые накладываютъ свою печать на вашу жизнь, личность и дѣятельность. Давая вамъ возможность интересоваться тѣми вопросами науки и жизни, которые занимаютъ лучшихъ и умнѣйшихъ людей вашего времени, общее образованіе обогащаетъ ваше существованіе такими тревогами и наслажденіями, которыя со-

вершицею непонятны и недоступны вашимъ необразованнымъ современникамъ и соотечественникамъ. Польза общаго образования и его живительное вліяніе на отдѣльную личность заключаются не столько въ этихъ тревогахъ и наслажденіяхъ, въ которыхъ выражается способность понимать все, и сочувствовать всему, что въ данную минуту волнуетъ и радуетъ весь образованный міръ. Слѣдя съ напряженнымъ вниманіемъ за общими интересами современнаго человѣчества, подмѣчая и обсуживая каждую новую побѣду разума надъ инерціею природы и надъ рутинною тупыхъ и близорукихъ людей, стараясь, по мѣрѣ силъ, упрочить и расширить вліяніе этой побѣды въ вашемъ собственномъ кругу,—вы постоянно вносите въ вашу личную жизнь все величіе и всю чистоту тѣхъ непобѣдимыхъ и неистребимыхъ идей, за воплощеніе и осуществленіе которыхъ борются, страдаютъ и умираютъ лучшіе изъ вашихъ современниковъ. Привязывая такимъ образомъ, по выраженію Некрасова, вашу лодку къ кормѣ большаго корабля, вы навсегда застраховываете себя отъ нравственнаго измельченія и опошленія; умѣя понимать и любить все, что подвигаетъ впередъ дѣло человѣческаго благосостоянія и умственнаго совершенствованія, умѣя направлять свои мысли и симпатіи въ такія земли, гдѣ вы никогда не бывали, и даже въ такую даль будущаго, до которой вы не доживете,—вы развиваете въ себѣ способность смотрѣть со стороны, или, такъ сказать *à vol d'oiseau*, на тѣ мелкія препятствія, неудачи, утраты и непріятности, изъ которыхъ обыкновенно складывается наша всеневная жизнь, и которыя ежеминутно заставляютъ неразвитыхъ людей охать, плакать, рвать на себѣ волосы, и выражать разными другими, столь же плоско-манерами, крайнюю растрепанность своихъ чувствъ. Вы счастливы и спокойны въ то самое время, когда ваши знакомые считаютъ своимъ долгомъ сожалѣть о васъ, какъ о несчастнѣйшемъ страдальцѣ. Вы счастливы и спокойны, потому что видите, что *большой корабль* величественно и ровно подвигается впередъ, и что ваша маленькая лодка, привязанная къ нему крѣпкимъ канатомъ, легко и свободно слѣдуетъ за всѣми его движеніями. Чистая красота и постоянно возрастающее богатство вашего умственнаго міра съ избыткомъ вознаграждаетъ васъ за тѣ внѣшнія неудобства, которыя, на гиперболическомъ языкѣ вашихъ знакомыхъ, называются огорченіями, несчастіями и страданіями. Впрочемъ, наслаждаясь гармоніею вашего умственнаго міра, въ которомъ находятъ себѣ отцѣль всѣ великіе

интересы современной дѣйствительности, вы, вслѣдствіе этого, нисколько не теряете способности устроить основательно и благоразумно ваши собственные личныя или семейныя дѣла. Напротивъ того, умѣя смотрѣть á vol'd'oiseau на неизбѣжные житейскіе передрыга, вы, именно вслѣдствіе этого умѣнья, сохраняете полное хладнокровіе и совершенное присутствіе духа, которыя и помогаютъ вамъ выпутаться изъ этихъ передрыгъ быстро, дешево и успѣшно, между тѣмъ какъ другіе люди, называвшіе васъ мечтателями, и считавшіе самихъ себя за образцовыхъ практиковъ, въ такихъ же точно передрыгахъ унываютъ, теряются, запутываются и доводятъ себя, со всею своею практичностью, до безвыходнаго положенія. И такъ общее образованіе даетъ всей жизни человѣка извѣстный колоритъ, извѣстный смыслъ и извѣстное направленіе; оно проникаетъ собою весь складъ его ума и глубоко видоизмѣняетъ собою весь его характеръ и образъ мыслей. Общее и специальное образованіе взаимно дополняютъ другъ друга: специальное даетъ человѣку въ руки рабочей инструментъ, а общее образованіе заставляетъ человѣка пристроить свою рабочую силу такъ, чтобы она содѣйствовала общему движенію *большого корабля*. Чтобы удовлетворительнымъ образомъ исполнить свое назначеніе, общее образованіе очевидно должно снабдить человѣка такими знаніями, которыя позволяли бы ему понимать труды и тенденціи передовыхъ мыслителей и дѣятелей данной эпохи. Такъ какъ смыслъ этихъ трудовъ и тенденцій въ различныя историческія эпохи бываетъ различный, то не трудно понять, что и общее образованіе должно постоянно видоизмѣняться вмѣстѣ съ потребностями и обстоятельствами даннаго времени. Такъ, напримѣръ, въ XVI столѣтіи общее образованіе должно было заключаться преимущественно въ тщательномъ узученіи латинскаго и греческаго языковъ, потому что въ это время философія и поэзія языческой древности производили полный переворотъ въ идеяхъ и въ чувствахъ образованныхъ европейцевъ. Безъ древнихъ языковъ въ то время не было возможности привязать *лодку* отдельной личности къ *большому кораблю* мыслящаго человѣчества. Въ настоящее время вопросъ ставится иначе. Умственное движеніе нашей эпохи совершается, конечно, не въ области классической филологіи. Въ эту опустѣлую область стараются затянуть насильно наше юношество именно тѣ достойные публицисты, которые систематически поваращиваются спиною къ умственному движенію нашего времени. Всѣ великія откры-

тія, всё одушевленные споры и разсужденія нашего времени относятся или къ области естествознанія или къ различнымъ отдѣламъ создающейся соціальной науки. Поэтому, въ наше время, естествознание составляетъ настоящій центръ общаго образованія. Кто знаетъ естественныя науки, тотъ знаетъ все, что долженъ знать современно-образованный человѣкъ, тѣмъ болѣе, что естественныя науки даютъ человѣку то подготовленіе, при помощи котораго онъ, уже безъ руководителя, можетъ слѣдить, въ теченіе всей своей жизни, за развитіемъ и разработкою различныхъ соціальныхъ вопросовъ. Основаніе изученію природы было положено въ гимназіяхъ, посредствомъ тѣхъ усиленныхъ математическихъ занятій, которыя составляютъ существенный смыслъ этой программы. Университетъ, очевидно, долженъ строить дальше на томъ фундаментѣ, который заложенъ гимназію. Университетъ долженъ давать *высшее общее* образованіе, и поэтому раздѣленіе на факультеты совершенно бесполезно. Общее образованіе въ каждую данную эпоху, можетъ быть только *одно*; дробить его на части не слѣдуетъ и невозможно; а соединять въ одномъ заведеніи общее образованіе и нѣсколько специальныхъ значить сбивать съ толку такое общество, которое и безъ того не отличается своею толковостью. Уничтоженіе факультетовъ, конечно, кажется читателю чрезвычайно радикальною и даже дерзкою мыслью; но есть основаніе думать, что это уничтоженіе совершится естественнымъ образомъ. Факультеты историко-филологическій и восточный, по всей вѣроятности, скончаются естественною смертію, не дожидаясь даже отмѣненія правъ. Факультеты юридическій и камеральный опустѣютъ немедленно, какъ только дипломы потеряютъ свою магическую силу; даже гласное судоустройство не удержитъ студентовъ на этихъ факультетахъ, если только университетскій дипломъ не сдѣлается необходимымъ *формальнымъ* условіемъ для каждого практикующаго адвоката. Если можно будетъ заниматься адвокатурой безъ университетскаго диплома, то молодые люди, желающіе сдѣлаться адвокатами, будутъ поступать на нѣсколько времени въ ученики къ опытнымъ практикамъ, такъ точно, какъ это дѣлается въ Англіи. Такимъ образомъ, въ университетѣ останутся математики, натуралисты и медики. Каждый медицинскій факультетъ, какъ чисто-спеціальное училище, можетъ съ величайшимъ удобствомъ отдѣлиться отъ университета и превратиться въ медицинскую академію. Затѣмъ останутся только математики и натуралисты, то есть, два отдѣленія од-

ного филиале математическаго факультета. Такъ какъ преподаваніе математики въ гимназіяхъ по моему плану значительно усилено, то въ гимназіяхъ будутъ проходиться многія изъ тѣхъ частей чистой математики, которыя теперь читаются въ университетѣ. Аналитическую геометрію можно будетъ цѣликомъ перенести въ гимназію. Что касается до дифференціального и интегральнаго исчисленія, то его, разумѣется, надо будетъ оставить въ университетѣ, если оно окажется слишкомъ мудренымъ для шестнадцати и семнадцатилѣтнихъ гимназистовъ.— Два оставшіеся факультета, математическій и естественный, сольются въ одинъ факультетъ, пожертвовавши, при этомъ слявіи, тѣми отдѣльными науками, въ которыхъ, въ настоящее время, выражается ихъ специализмъ. Послѣ этого слявія, университетскій курсъ расположится по слѣдующему плану, вполне соответствующему тѣмъ требованіямъ, которымъ, въ настоящее время, должно удовлетворять общее образованіе.

I курсъ.

- 1) Дифференціальное и интегральное исчисленіе.
- 2) Теоретическая механика.
- 3) Астрономія.

II курсъ.

- 1) Высшая физика.
- 2) Неорганическая химія.
- 3) Органическая химія.

III курсъ.

- 1) Сравнительная анатомія растений и животныхъ.
- 2) Сравнительная физиологія растений и животныхъ.
- 3) Гигіена.

IV курсъ.

- 1) Геологія.
- 2) Географія.
- 3) Исторія.

XVI.

Въ предлагаемой программѣ я прошу читателя обратитъ вниманіе на два обстоятельства; во-первыхъ, на то, что науки расположены въ ней сообразно съ ихъ возрастающею сложностью, и во-вторыхъ,

что вниманіе студентовъ въ теченіе каждаго курса будетъ постоянно сосредоточиваться на очень незначительномъ количествѣ наукъ, которыя, вслѣдствіе этого, конечно будутъ изучаться основательнѣе, чѣмъ онѣ изучаются теперь, — затѣмъ я сдѣлаю еще нѣсколько частныхъ примѣчаній и поясненій къ этой программѣ. Высшею физикою я называю тѣ части этой науки, которыя не были пройдены въ гимназіи, или были пройдены слегка и поверхностно, по недостатку времени, или же вслѣдствіе того, что воспитанники не были еще знакомы съ нѣкоторыми частями высшей математики. Читатель, вѣроятно удивится тому, что въ моей программѣ совсѣмъ нѣтъ зоологій и ботаники. Я полагаю, что сравнительная анатомія и сравнительная физиологія совершенно достаточно ознакомляетъ студентовъ съ устройствомъ и съ отправлениями растительныхъ и животныхъ организмовъ, а также и съ главными видоизмѣненіями, которымъ подвергаются это устройство и эти отправления на различныхъ степеняхъ органической лѣстницы. При этомъ, разумѣется, студенты узнаютъ также основныя черты зоологической и ботанической классификаціи; что же касается до мелкихъ подробностей этой классификаціи, то, во-первыхъ, онѣ важны и интересны только для записныхъ натуралистовъ, а во-вторыхъ, изученіе теперешней классификаціи, по всей вѣроятности, окажется скоро напрасною тратою времени, потому что идеи Дарвина навѣрное произведутъ въ ней очень глубокія измѣненія. Основательное изученіе гигиены я считаю необходимымъ, во-первыхъ, для вседневной жизни, гдѣ польза этой науки не можетъ подлежать сомнѣнію, и во-вторыхъ, для яснаго пониманія многихъ социальныхъ вопросовъ, въ которыхъ гигиеническая точка зрѣнія съ каждымъ годомъ становится болѣе важною и неизбѣжною. Вопросы о школахъ, о тюрьмахъ, о фабрикахъ, о народномъ продовольствіи, о рабочей платѣ, о числѣ рабочихъ часовъ, о народныхъ увеселеніяхъ и предрасудкахъ только тогда выступаютъ передъ нашими глазами во всей громадности своего общественнаго значенія, когда мы умѣемъ всматриваться и вдумываться въ ихъ гигиеническую сторону. Исторія, по моему мнѣнію, должна преподаваться студентамъ, уже совершенно созрѣвшимъ въ умственномъ отношеніи, и основательно ознакомившимся съ общимъ строемъ физическихъ, химическихъ и физиологическихъ законовъ природы. Исторія чловѣчества должна преподаваться въ ближайшей и тѣснѣйшей связи съ геологіею, т. е., съ исторіею нашей планеты, и

съ географією, т. е., съ описаніемъ той цепи и тѣхъ разнообразныхъ вліяній, среди которыхъ развертывается физическая и умственная жизнь человѣческихъ обществъ. Цѣль преподаванія исторіи должна заключаться въ томъ, чтобы объяснить всю цѣль извѣстныхъ намъ событій и переворотовъ коренными свойствами человѣческаго организма, подвергающагося разнообразнымъ вліяніямъ окружающей природы. Вниманіе профессора должно сосредоточиваться преимущественно на преемственности различныхъ формъ народнаго труда, на колебаніяхъ народнаго богатства, и на филиаціи тѣхъ идей и учреждений, которыя накладывали на экономическій бытъ народа печать своего полезнаго или вреднаго вліянія. Не знаю, много-ли найдется профессоровъ, способныхъ читать исторію по такой непривычной программѣ, но знаю навѣрное, что молодые люди, прошедшіе черезъ ту строгую школу положительной науки, которой планъ представленъ въ этой статьѣ, — ни за что не станутъ слушать тѣхъ пріятныхъ разсказчиковъ, которые, получивши легкое литературное образованіе, по своему трогательному простодушію, считаютъ себя, въ настоящее время, замѣчательными профессорами исторіи.

Конечно, было бы желательно, чтобы то общее образованіе, котораго программу я здѣсь предлагаю, усвоивалось предварительно всѣми молодыми людьми, посвящающими себя той или другой спеціальной дѣятельности. Говоря другими словами, было бы желательно, чтобы молодые люди принимались за ученіе спеціальности не раньше, какъ послѣ выхода изъ университета, перестроеннаго на вышеизложенныхъ основаніяхъ. Но, разумѣется, желаніе это, въ полномъ своемъ объемѣ, такъ же неосуществимо, какъ другое еще болѣе смѣлое и завѣтное желаніе, чтобы общее образованіе, построенное на строго реальныхъ основахъ, сдѣлалось достояніемъ всей народной массы, безъ различія пола и состоянія. Многие молодые люди, имѣющіе возможность дотянуть до конца гимназическій курсъ, не имѣютъ возможности поступить въ университетъ, т. е., еще на четыре года отложить свое превращеніе въ экономическихъ производителей. Надо заботиться о насущномъ пропитаніи, надо поскорѣе приприняться за хлѣбное ремесло: та же самая причина, которая, въ бѣднѣйшихъ классахъ, отрываетъ шести-лѣтняго ребенка отъ азбуки, мѣшаетъ, въ среднемъ сословіи, пятнадцати-лѣтнимъ юношамъ изучать физіку или астрономію. Многимъ молодымъ лю-

дямъ придется, конечно, поступать въ спеціальныя училища или приниматься за практическую дѣятельность до окончанія полного университетскаго курса. Въ этихъ случаяхъ, которые, конечно, будутъ очень многочисленны, молодымъ людямъ надо будетъ оставаться въ обще-образовательныхъ училищахъ до тѣхъ поръ, пока они не усвоятъ себѣ всѣхъ знаній, находящихся въ связи съ ихъ спеціальностью. Рядъ примѣровъ тотчасъ пояснитъ вполне эту послѣднюю мысль. Представьте себѣ, что въ гимназiи учатся нѣсколько юношей, которымъ домашнiя обстоятельства не позволяютъ истратить одиннадцать лѣтъ (семь въ гимназiи и четыре въ университетѣ) на общее образованiе. Одинъ изъ этихъ юношей хочетъ сдѣлаться чиновникомъ, другой — армейскимъ офицеромъ, третiй — морякомъ, четвертый — машинистомъ, пятый — сахароваромъ, шестой — агрономомъ, седьмой — медикомъ, восьмой профессоромъ какой нибудь отрасли естествознанiя. Будущiй чиновникъ и будущiй офицеръ могутъ опредѣлиться на службу тотчасъ по выходѣ изъ гимназiи; они даже *должны* поступить такимъ образомъ, если имѣютъ въ виду исключительно экономiю времени. Во всемъ университетскомъ курсѣ они не найдутъ ни одного предмета, который бы имѣлъ прямое отношенiе къ ихъ будущимъ практическимъ занятiямъ. Собственно говоря, они могли бы даже безъ ущерба для своей практической дѣятельности, выдти изъ пятаго класса гимназiи, усвоивши себѣ, въ первыхъ пяти классахъ, основательное знанiе отечественнаго языка, и развивши свои умственныя способности математическими упражненiями на столько, что имъ уже не придется стать въ тупикъ надъ нехитрыми логическими соображенiями, которыхъ потребуетъ отъ нихъ ихъ будущая практическая дѣятельность. Напротивъ того, третiй гимназистъ, готовящiй себя въ моряки, поступитъ нерасчетливо, если сойдетъ съ обще-образовательной дороги тотчасъ послѣ окончанiя гимназическаго курса. Моряку понадобятся и астрономiя, и дифференциалы, и механика. Значитъ, ему слѣдуетъ прослушать первый курсъ университета, и потомъ свернуть въ сторону, въ спеціальное училище. Будущiй машинистъ долженъ поступить точно также. И также точно должны поступить будущiй архитекторъ, будущiй военный инженеръ, будущiй кораблестроитель. Но сахаровару слѣдуетъ идти дальше, прослушать полный курсъ химiи, и потомъ уже свернуть на спеціальную тропинку. Точно также слѣдуетъ поступить тому юношѣ, который хочетъ сдѣлаться гор-

нымъ инженеромъ, или литейщикомъ, или виногуромъ. Мѣдику и агроному слѣдуетъ прослушать еще и третій курсъ. Наконецъ, будущему профессору какой-бы то ни было науки необходимо пройти весь университетскій курсъ до конца, и уже потомъ, бросивъ такимъ образомъ общій взглядъ на все поле реального знанія, вполне сознательно отмежевать себѣ въ этомъ полѣ отдѣльный участокъ, никогда не упуская при этомъ совершенно изъ виду всѣхъ остальныхъ участковъ, на которыхъ трудятся другіе спеціалисты. Такимъ образомъ, вся совокупность общаго и спеціальнаго образованія представляется намъ въ видѣ большой дороги, отъ которой уходятъ, съ различныхъ пунктовъ въ разныя стороны, многія мелкія тропинки. Каждый юный путникъ идетъ сначала по большой дорогѣ, идетъ по ней до тѣхъ поръ, пока позволяютъ обстоятельства, потомъ проголодавшись, свертываетъ на одну изъ боковыхъ тропинокъ, которыя всѣ ведутъ къ какому нибудь хлѣбному ремеслу. Эта система свертковъ съ одной общей дороги имѣетъ два важныя преимущества сравнительно съ тою системою, при которой различныя спеціальныя образованія представляются въ видѣ многихъ самостоятельныхъ, параллельныхъ дорогъ, неимѣющихъ никакого правильнаго сообщенія съ главною, столбовою дорогою общаго образованія. Первое преимущество состоитъ въ томъ, что педагогическое дѣло страны не дробится на множество замкнутыхъ и независимыхъ другъ отъ друга операций. Между всѣми частями педагогическаго цѣлаго существуетъ живое сообщеніе и неизбежное взаимное вліяніе. Когда всѣ мелкіе спеціальныя каналы почерпаютъ все свое содержаніе изъ одного общаго большаго русла, и когда они такимъ образомъ получаютъ матеріалъ, испытавшій уже значительную переработку и окрѣпшій въ этой переработкѣ, тогда, конечно, всѣ они принуждены въ своей дальнѣйшей образовательной дѣятельности подчиняться тѣмъ руководящимъ идеямъ, которыя господствуютъ въ главномъ руслѣ. А такъ какъ въ главномъ руслѣ, по самому его устройству, будетъ господствовать чистѣйшій реализмъ, безъ всякой посторонней примѣси, то этотъ же самый безукоризненный реализмъ разольется также и по всѣмъ развѣтвленіямъ мелкихъ каналовъ. Второе важное преимущество моей системы состоитъ въ томъ, что она позволяетъ молодымъ людямъ выбирать себѣ спеціальность довольно поздно, по крайней мѣрѣ, гораздо позднѣе, чѣмъ того требуетъ отъ нихъ господствующая система. Это преимущество обуславливается, во-

первыхъ, строгимъ отдѣленіемъ общеобразовательныхъ наукъ отъ специальныхъ, и во вторыхъ, строго-дѣловымъ характеромъ того общаго образованія, которое я рекомендую. Курсъ специальныхъ училищъ долженъ ограничиваться чисто-прикладными науками, такъ чтобы молодому человѣку приходилось дѣлать рѣшительный шагъ, то есть, поступать въ специальное училище, именно въ ту минуту, когда онъ, по своимъ общимъ знаніямъ и по своему умственному развитію, способенъ прямо приниматься за изученіе избраннаго ремесла. Но, разумѣется, это откладываніе рѣшительнаго шага до послѣдней минуты можетъ производиться безъ вредной потери времени только при такомъ общемъ образованіи, которое знакомить юношу съ настоящими науками, необходимыми на всякомъ дѣловомъ поприщѣ, а не съ какими нибудь пріятными бездѣлушками, вродѣ рассказовъ о царѣ Горохѣ, поэмъ Гомера и Виргилія, и анекдотовъ о смышленности животныхъ. А почему именно молодымъ людямъ полезно дѣлать рѣшительный шагъ какъ можно позднѣе—это, я думаю, очень понятно. Чтобы человѣкъ былъ хорошимъ работникомъ, ему необходимо любить свое ремесло; а любимъ мы только то, что соотвѣтствуетъ нашимъ способностямъ и наклонностямъ; а способности и наклонности наши выясняются постепенно по мѣрѣ того, какъ растетъ и крѣпнетъ вся наша личность. Кто выбираетъ себѣ ремесло тогда, когда способности и наклонности его еще не обозначились, тотъ дѣйствуетъ на авось, и, слѣдовательно, рискуетъ ошибиться. Когда ошибка становится понятною самому субъекту, тогда начинается для него пора мучительнаго раздумья, сомнѣній и колебаній; потомъ, въ лучшемъ случаѣ, происходитъ торопливое перепрыгиваніе на какую нибудь другую специальность, которую, быть можетъ, придется перемѣнить на третью, а въ худшемъ случаѣ являются бесплодныя усилія помириться съ ненавистнымъ ремесломъ, сознаніе невозможности этого примиренія, и позорная рѣшимость тянуть ляжку кое какъ, и работать спустя рукава. Все это, какъ видите, очень убыточно, какъ для отдѣльной личности, такъ и для цѣлаго общества: тратится время, тратятся молодыя силы, и въ результатѣ получаются или плохіе работники или разочарованные тунеядцы, вродѣ Гамлета щигровскаго уѣзда. При позднемъ выборѣ специальности, шансы ошибиться въ значительной степени ослабѣваютъ, и, вслѣдствіе этого, всѣ неудобства, вытекающія изъ ошибки, должны сдѣлаться гораздо рѣже. Всѣмъ извѣстно, что, въ

былое время, у насъ готовили воиновъ, дипломатовъ, юристовъ, моряковъ, и такъ далѣе, чуть ли не съ восьмилѣтняго возраста; всѣмъ вѣдомо также, что теперь правительство старается противудѣйствовать этому преждевременному втискиванію человѣческой личности въ специальную форму; желательно было бы, чтобы въ этомъ послѣднемъ, противудѣйствующемъ направленіи, мы подвигались впередъ гораздо быстрѣе, и рѣшительнѣе.

XVII.

Къ чему вы написали всю эту статью? спрашиваетъ меня читатель. Неужели вы думаете, что вашу программу примутъ и осуществятъ? Нѣтъ читатель. Ни одной минуты не потратилъ я на такія несбыточные мечтанія. Мнѣ хотѣлось только представить ясно и осязательно до послѣдней степени тотъ воспитательный идеалъ, во имя котораго мы относимся отрицательно къ нашей педагогической дѣйствительности. Ясность и осязательность доведены, какъ видите, до такихъ размѣровъ, что статья украсилась выкладками, цифрами и таблицами. Если выкинуть изъ статьи объяснительныя разсужденія, и если разбить ее на параграфы, то изъ нея выйдетъ дѣловой проэктъ, совершенно исполнимый во всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ. Послѣ этого, я полагаю, нашимъ литературнымъ противникамъ трудно будетъ обвинять насъ въ томъ, что мы отрицаемъ для процесса отрицанія, и что мы не сумѣли бы ничего построить на томъ мѣстѣ, которое намъ удалось бы очистить отъ существующихъ зданій готической архитектуры. Эта статья, совершенно бесполезная въ практическомъ отношеніи, можетъ служить образчикомъ тѣхъ *положительныхъ* плановъ, которые имѣются у насъ въ запасѣ. Главныя достоинства изложеннаго мною воспитательнаго плана заключаются въ слѣдующихъ его чертахъ: 1) Гигіеническія правила соблюдены строжайшимъ образомъ. 2) Вниманіе учащихся сосредоточено на самомъ незначительномъ количествѣ предметовъ, имѣющихъ дѣйствительную образовательную силу. 3) Физическій трудъ введенъ въ составъ общаго образованія. 4) Общее образованіе поставлено въ

уровень съ умственнымъ движеніемъ нашего времени. 5) Между общимъ образованіемъ и специальностями проведена ясная пограничная черта. 6) Специальности подчинены господствующему направленію общаго образованія. Приглашаю нашихъ противниковъ доказать несостоятельность этихъ основныхъ идей.

Д. Шисаревъ.

ГОДЪ ЖИЗНИ.

ХІІІ.

Мы оставили нашего героя въ саду. Была чудная ночь. Покойно. Какъ не помечтать? Раскатовъ принялся мечтать, и задалъ вопросъ: какъ жить?

Вопросъ, вѣжется, самый обыкновенный, а между тѣмъ отвѣта на него не нашлось! Жизнь представлялась юношѣ какой-то степью раздольною, а гдѣ по ней прямая дорога? — Богъ знаетъ гдѣ! Раскатовъ перебралъ дѣтство: отецъ бьетъ за то, что мальчикъ рѣзвится и шалить, истуканомъ не сидитъ; мать, хоть любить, не бьетъ, да совѣтовъ не даетъ, потому что сама не живетъ. Вспомнилось ему и воспитаніе и ученіе его. — О, *quanta species, ceterum non habet!* хватилъ онъ изъ моралиста Федра и такую же мудрость хотѣлъ было зачерпнуть изъ Юлія Цезаря, но въ эту минуту пришло на память, неизвѣстно зачѣмъ, что Державинъ поэтъ великій, а Пушкинъ поэтъ народный. Сгоряча продекламировалъ юноша какой-то чудный вечеръ изъ *народнаго*, а все изъ того не вышло ничего! Вопросъ: какъ жить? не рѣшается никакъ. Судьба непонятаго толпой художника окончательно сбила его съ толку. Назадъ тому недѣлю онъ мѣтилъ хоть въ художники, а теперь, выслушавъ исповѣдь Иванини, и въ художники идти не хочетъ. Страшно взяло раздумье. Кто же живетъ? Кому хорошо? спрашиваетъ Раскатовъ тоскливо, и снова обращается къ звѣздамъ — но и звѣзды ничего не отвѣчаютъ!

— А между тѣмъ, чортъ возьми, становится холодно и хочется ѣсть. Раскатовъ бросилъ молчаливыя звѣзды и дѣйствительно побѣжалъ ѣсть.

— Кто тутъ? спросила его со сна Ненила.

— Я, я! Давай скорѣе ѣсть.

— Да какое, батюшка, ѣсть? Мы думали поздно — съѣли все.

— Вотъ новости, развѣ я обязанъ ложиться съ курами?

— Обязаны, молодой человѣкъ, ежели живете въ домѣ. Здѣсь не харчевня,—заговорила Волчиха.

Раскатовъ страшно былъ золъ на звѣзды; какъ же не разозлиться и на Волчиху.

— Помилуйте, Анисья Алексѣевна, развѣ мнѣ неѣвши лечь? Я за это деньги плачу.

— Такъ за деньги васъ и кормятъ во время, а ночью мы вставать не обязаны. Завтра позавтракаете, — а теперь, Ненила, ты бы гасила огонь?

Ненила погасила. Раскатовъ остался въ потьмахъ.

— Это свинство, наконецъ, не давать ѣсть! вскричалъ разсерженный юноша, и убѣжалъ въ трактиръ.

Утромъ Волчиха прислала Ненилу просить у постояльца денегъ. — «Не съ чѣмъ, говоритъ, на базаръ идти, въ домѣ гривенничекъ послѣдній.»

— Ну, завтра получите всѣ, и квартиру можете сдать. — Раскатовъ убѣжалъ на урокъ.

Пора намъ познакомить читателя съ уроками будущаго студента, тѣмъ больше, что это поба единственный источникъ его богатствъ.

Северюгинъ былъ купецъ старообрядецъ, торговалъ въ рыбномъ, ѣздилъ самъ на Уралъ и оттуда получалъ всѣ свѣдѣнія объ отечествѣ и его жизни.

— Вотъ, батюшка, край, такъ край! начнетъ онъ свое повѣствованіе любопытному Раскатову. У, какое богатство! Рыбищи этой видимо невидно, что твои поленницы дровъ. А икра-то икра, что въ ротъ, то спасибо! По рублику фунтикъ за нее лупятъ въ Москвѣ. Мы только, дурачье, здѣсь не знаемъ ей цѣны, ѣдимъ какъ горохъ.

Но это еще не главный предметъ разговора. Господь сподобилъ Северюгина разка два побывать на Иргизѣ, въ скитахъ,— вотъ о чемъ любилъ онъ рассказывать съ особеннымъ удовольствіемъ. Тутъ онъ, какъ человѣкъ крайне-религіозный, воодушевлялся весь.

— Ежели бы теперича не торговля, безпримѣнно ушелъ-бы въ скитъ. Особливо есть тамъ женская обитель Николю-дѣвичьяго, вотъ гдѣ житье! Приволье, раздолье, степь,—молись сколько душѣ угодно. А какой теперича покой, Боже мой! собакъ даже не держутъ, потому караулить нечего—все степь. Воры же тамъ все больше *лошадиты*; на святыню не посягаютъ, потому она святыня матушка, на нее не попуститъ Господь. А какъ теперича живутъ инокини въ этой святынѣ, охъ, мой Богъ! Какое служеніе, да пѣніе, да богатство у нихъ,—лѣпота благообразная вездѣ-съ. Да вотъ вамъ примѣръ-съ: иной становой получить съ обители таковой тысячу десять въ годъ—вотъ какъ-съ! заключаетъ свою похвалу Севрюгинъ.

— Да; это должно быть очень хорошая обитель, согласается Раскатовъ.

И за это согласіе пуще всего любилъ его Севрюгинъ.

У Севрюгина впрочемъ были другіе кое-какіе виды на Раскатова. Севрюгинъ не былъ такой дикій фанатикъ-старообрядецъ, который домъ, ворота и собакъ запираетъ на замокъ. Онъ, по его понятіямъ, жилъ даже открыто, справлялъ именины, пекъ праздничные пироги, и приглашалъ иногда Раскатова. А замѣтивъ въ немъ согласіе во всемъ, онъ былъ себѣ на умѣ, и даже вотъ что однажды высказалъ за обѣдомъ своей сестрѣ:

— Этотъ изъ нашихъ, сестра. Этотъ не зазнается много. А чуть этакъ тово, такъ можно его и шорникомъ Васильемъ усовѣститъ! Парень-то, онъ кажись, скромненькій? Вотъ поучу Дуняшку, да и бухъ за него! Аль, думаешь, не будетъ правой рукой? еще на Уралъ съѣздитъ со мной! Свой-отъ надежнѣе чѣмъ чужой.

— Оно конешно, братецъ, да нужно-ли ужъ Дуничку-то учить? Какая такая теперича наука—полневѣсты дѣвка, какъ есть?

— Этого ты не толкуй, — безъ науки онъ не возьметъ.

— О, что это вы, братецъ, съ капиталами не возьметъ, да ее краснорядецъ съ рукой оторветъ!

— Краснорядецъ твой мужикъ, а съ этимъ-то смотришь: наша Дунька ваша благородія станетъ...

— Ну ужь легко-ли! Не за хлѣбомъ будь сказано: вошь на припекѣ, а туда же величается своимъ *фицерствомъ*.

— Да ужь, что не толкуй—дѣвку надо учить. Вишь нынче ученье на всѣхъ напало.

Такъ и рѣшено было взять Раскатова — дѣвку учить. Раскатовъ ходилъ полгода, но ничего изъ этого не вышло.

— Шутъ его знаетъ, больно вишь парень-то безтолковъ. Теленовъ какой-то, сама посуди. Ну, какъ теперича полгода съ дѣвкой, а сдѣлать ничего не можетъ? Эхъ, на этотъ счетъ заноза я была въ старые годы!

— Гнушается вишь, знать, насъ?

— А коли гнушается, такъ вонъ его! Зачтожь онъ теперича съ насъ деньги беретъ? Севрюгинъ даже испугался такого вопроса.

— Да такъ, братецъ, и надо думать теперича, чтобы покончить эту науку совсѣмъ. Всѣ нашенскіе тоже говорятъ: какая такая эта наука: онъ молодой, она молодая, да еще глупая такая, — долго-ли до грѣха?

— А ну, коли такъ, шабашь! И науку по боку, завтра же все порѣшимъ. Дуракъ, коли такъ, учитель этотъ: въ ротъ тебѣ вляли — плюешь, ну, больше не станемъ потчивать — basta!

Такъ и порѣшили братъ съ сестрой, чтобъ завтра же науку по-боку.

XIV.

Раскатовъ весело перепрыгиваетъ съ камешка на камешекъ, перебираясь черезъ грязную площадь къ постояннымъ дворамъ. Домъ Севрюгина смотритъ на него также угрюмо, какъ его дикая краска; осенній дождь такъ и посыпаетъ своей благодатью; худенькія калоши чавкаютъ, полны воды; а онъ себѣ вспоминаетъ слово какого-то мудреца, который будто бы сказалъ: «все вздоръ, кромѣ соленого огурца».—Сегодня же попрошу у Севрюгина за мѣсяцъ впередъ, расплачусь съ проклятой Волчихой, и переѣду въ тотъ номеръ, который мнѣ показывали вчера въ трактирѣ. На дняхъ, говорятъ,

Михаилъ Михайловичъ получилъ награду, съ него приходится слупить уроковъ за сорокъ, а на такой радости можно и впередъ запустить лапу... Вздоръ, значить, все: заживемъ опять. Ванька пришлетъ книгъ, завалюсь читать и пошла опять писать! Главное въ жизни—трудъ, а это все дичь!

Съ такой мечтой онъ вошелъ въ прихожую Севрюгина и весело бросилъ колоши, которыя жевали и чавкали всю дорогу. Нарушилась строгая тишина вѣчно-спящаго въ пыли дома. Раскатовъ разшаркался въ зальцѣ передъ огромными черными иконами въ обладахъ, съ лампадой, ременными лестовками и ворохами толстыхъ писаній и житій. Изъ сосѣдней горенки робко выглянула застѣнчивая Душенька: — тятенька послалъ узнать: кто тамъ? Вѣчно бессмысленная улыбка пробѣжала по толстымъ лоснящимся щекамъ и сальнымъ губамъ дѣвушки, которыми она сейчасъ поминала родителей блинами. И Душенька тутъ же объявила учителю съ радости:

— А мы сегодня учиться не станемъ.

— Это почему?

— Тятенька что-то хотѣли вамъ поговорить.

— Очень радъ. А гдѣ же Василій Федотычъ, дома, или въ лавкѣ?

— Вотъ здѣсь-съ... — Душенька робко указала въ ту горенку, изъ которой выглядывала сама.

— Значить, можно войти?

— Не знаю-съ, еще робче отвѣтила дѣвушка и посѣменила на одномъ мѣстѣ.

— Входите, входите, ничего! ободрилъ сиповатый голосъ Василья Федотыча, и—Душенька метнулась въ сторону порастворить учителю дверь.

Севрюгинъ, со включенной головой и бородой, только что проснувшійся послѣ ранней обѣдни, принялся пыхтѣть, кряхтѣть и отхаркиваться, словомъ сильно прочищать трубу, чтобъ яснѣе поговорить. Раздвинувъ широко ротъ, онъ осѣнилъ его двуперстнымъ знаменіемъ. Воткнувъ жирные кулаки въ ляжки, опутанныя широчайшими плисовыми шароварами, въ красной рубахѣ съ засученными рукавами, онъ сидѣлъ на кожанномъ диванѣ, тупо глядя на вороха масляныхъ блиновъ. Передъ нимъ лежала толстѣйшая книга церковной печати, а на ней въ растяжку очки съ сальнымъ черезъ голову ремнемъ. Взгля-

нувъ на учителя, онъ еще гамкнулъ ртомъ и, повертѣвъ кулакомъ глаза, обратился съ рѣчью такой:

— А вотъ что, батюшка, я хотѣлъ вамъ доложить...

— Что?

— Да не бросить-ли намъ, милостивецъ, Дуньку-то учить? Она что-то больно ужъ тово...

— Какъ вамъ угодно.

— Да я и самъ не знаю теперича, какъ мнѣ угодно: — и учить, и не учить, это по моему выходитъ все единственно? Потому: ученье нашему брату все какъ-то неподходяще. Къ чему оно? вы сами посудите. Писаршей она за столъ не сядетъ; такъ-то что-нибудь намарать, поди, чай и теперь кружка два-три сможетъ поставить; за ученаго попадетъ или пѣтъ — это еще старуха надвое сказала? — Такъ зачѣмъ оно ей теперича пустое ученіе ваше? Судите?

— Сами смотрите! отвѣтилъ учитель съ досадой.

— Смотрю, батенька, въ оба смотрю, да ничего не вижу! Что будешь дѣлать съ этимъ самымъ?.. Теперича вонъ Филиппъ Карпычъ, важись, ужъ крѣпко училъ своихъ ословъ-сынковъ, да что изъ этого вышло? Послушалъ я это третьево дни, какъ большакъ-отъ при мнѣ черкнулъ отца дуракомъ. Ой-ой! думаю, вотъ-те и ученье свѣтъ, просвѣтили батюшку? А по нашему старому порядку, да какъ дѣвки-то примутся еще пушить отца съ матерью, такъ охъ!.. стыдно будетъ сѣдой головѣ. Проваль ихъ возьми и съ наукой, совсѣмъ! Будь лучше дурами онѣ во вѣки вѣковъ!

Грубая и законѣлая рѣчь старообрядца показала учителю такой пошлостью, что онъ не счелъ нужнымъ на нее отвѣчать.

— Ну-съ, прошу извинить на добромъ словѣ, а учить по моему, ей-богу, неслѣдываетъ, потому — раздумали. Да и кромѣ того, — какъ-бы вамъ тово... молвить не въ обиду: вы молодой человѣкъ, она тоже дѣвка на возрастѣ, какое ужъ ученье выходитъ, пустяки?

— За кого вы меня принимаете!

— Да такъ оно ужъ знаете, изъ пѣсни слова не выкинешь, говорятъ. Ходилъ вонъ тутъ чиновничекъ одинъ къ сосѣдкѣ Разкарякиной, и степеннинкѣй, важись, такой, съ сѣдой головой, а подъ конецъ-отъ, такъ ей дѣвцу просвѣтилъ, что

только ой-ой! Снехнули за него же поскорѣй.—Всяко, бабушка, бываетъ!

— Экое животное, куда вѣдь загибаетъ! подумаль Раскатовъ. Нѣтъ, братъ, дудки, за меня не спехнешь! — Значить, я напрасно приходилъ?

— На-што, напрасно? Вотъ поѣдимъ блиновъ, родительская пеня. Чайкомъ, пожалуй, побалуемъ маленько, а тамъ и посчитаемся съ вами вдосталь. Вы послѣ того, какъ я тово... деньги-то вамъ выдавалъ, сколько разъ были у насъ? Помните, чай?

— Въ журналъ записано.

— Дай что-ли книжку-то, розиня, догадайся! Сколько я въ прошлый разъ выдалъ за твои пустяки?

Дуня что-то отвѣтила, едва переведа духъ.

Оказалось, что учителю слѣдовало отдать еще за семь уроковъ. Севрюгинъ тотчасъ положилъ на счетахъ семь семигривенныхъ да семь пятаковъ и вышло у него вѣрпѣйшимъ образомъ рубль семьдесятъ пять.

— Такъ-съ, кажется? Посчитайте коли сами?

— За уроки такъ, но я тамъ приносилъ книгу.

— Какую еще книгу?.. спросилъ отрывисто Василий Федотычъ, всегда крайне недовольный начетами на него.

— Я вамъ казала тогда.

— А казала тогда, такъ и отдай теперь! Экая безтолочь дѣвка-то!

Дуня оторопѣла отъ крику и сунулась въ какой-то темный чуланчикъ—достать изъ приданого сундучка грамматику Востокова.

— Свиныя! подумаль учитель: вотъ теперь и придется отдавать за нее свои деньги.—Онъ сердито натянулъ перчатку.

— А ты, вотъ чѣмъ стоять-то тутъ сложа ручки, пошла бы самоваръ отъ узнала: что тамъ? Да учителя чайкомъ попой! Что палишь глаза по-пусту?

Душенька ушла. Раскатовъ простился.

А чтожъ тово?.. въ самъ-дѣль повремените, коль время годить. Вотъ блинковъ бы... Кромѣ шутокъ родительская сегодня, не шутя говорю!

— Нѣтъ, благодарю.

— Не хотите, какъ хотите, — неволить не можемъ. Такъ, отд. 1.

слышь, эй, Душа! кляни тамъ, чтобъ они ужъ ни того... самовару не надо. Или постой, я лучше самъ...

Себрягинъ выпроводилъ учителя до самой калитки и заботливо клянулъ въ подклять, чтобъ самоваръ «тушили тушилкой».

— Шипить, батюшка, шипить, отвѣтила изъ избы глухая мать Себрягина.

Купецъ хотѣлъ-было обругать глухую мать, хотъ «тетерью», но великодушно простилъ, и выместилъ тѣмъ только, что не далъ мымынькѣ чаю и самъ затушилъ тушилкой самоваръ.

— Этакое животное! думалъ Раскатовъ, перепрыгивая опять съ камешка на камешекъ. Отдувается, брюховица, сидя на своихъ мѣшкахъ! Ну, что бы поучить дѣвушку? — деньгищель прорва; единственная дочь; славная была-бы невѣста современемъ!.. Отдастъ же, дьяволъ, за такого Мордоплюева, какъ самъ... черти!

Раскатовъ плюнулъ въ самую глубокую грязь и туда же швырнулъ ни въ чемъ виноватую грамматику Востова. Лицо учителя выражало досаду, негодованіе, а еще пуще сожалѣніе о томъ, что лишился урока.

XV.

— Какой сердитый, матушка Анисья Алексѣевна, такъ теперича и плюнулъ мнѣ въ самый передъ. Свинья, говорить, ѣсть не даетъ! жаловалась Ненила барыня.

— Ты дура послѣ того, — сама бы плюнула на него.

— Охъ, какъ возможно, сударыня! прибѣтъ какъ есть, ну его къ Богу! Время же ночное: караулъ кричать — не услышатъ?

— А прибѣтъ, такъ въ полиціи насидится. Полиція научить, куда плевать въ благородномъ домѣ. Я маіорша; мужъ мой тридцать лѣтъ служилъ за это. Онъ, покойникъ, не позволить плевать на меня всякому. Что это за озорство? Не готовить воли такъ ничего въ обѣду, пусть деньги сперва отдастъ! и т. д.

Въ это время вошелъ Раскатовъ.

— А мы, батюшка, сейчасъ, говорили объ васъ. Это, моло-

дой человекъ, не годится такъ браниться по ночамъ: я не позволю вамъ. Чтожъ это такое: ночью придете и еще плюете? Лучше оставьте мой домъ.

Раскатовъ промолчалъ.

— Ты что же, Митроша, сказывалъ тамъ, о чемъ я тебѣ говорила?

— Сказывалъ, бабенка: ужъ двое придутъ: одинъ изъ нашего класса, другой изъ седьмого.

— Что-жъ они сегодня и перейдутъ сюда, или какъ?

— Какъ вотъ они... Митроша указалъ на Раскатова. А тѣ хоть сейчасъ перейдутъ, съ удовольствіемъ.

— Завтра, завтра! отвѣтилъ рѣзко Раскатовъ. Мнѣ самому все это надоѣло.

Анисья Алексѣевна вышла. Раскатову подали письмо. Зоростровъ писалъ:

«— Ну что, братъ, какъ идутъ дѣла? Набилъ, я думаю, карманъ порядкомъ? Такъ и представляю себѣ, какъ мой Сашка-поэтъ (чуть не Пушкинъ) летитъ на новые уроки по рубливу серебромъ? Севрюгина въ отставку, надоѣли четвертаки, теперь поучаемъ засѣдателей, предсѣдателей и т. д. А главное: весель, здоровъ, покоенъ — не такъ-ли? У меня, братъ, такъ не совсѣмъ покойно: отецъ перешелъ въ покойники. На дняхъ, вмѣсто письма съ деньгами, получилъ отъ тетки родительское благословеніе да и наставленіе — не забывать родительской и поминать родителей почаще. А какъ поминать почаще? — нынче дорого поминаются родители! Все это озадачило меня, да ничего — устоялъ. Посмотрѣлъ бы ты въ субботу, въ батуринскихъ баняхъ, какъ студентъ Зоростровъ качаетъ воду — предель. Какая силища развилась въ рукахъ — страсть! По рублику серебрецомъ лупить въ часъ, — и ничего, качается хорошо. Грязно только, да душно. А что подблываешь ты? Кстати, что твои художники? Изъ лирической безалаберщины въ прошломъ твоемъ письмѣ я не понялъ ничего. Скажи толковѣе: что значить выраженіе «простые люди»? — простоли дурачье, или просто бестіи? На дняхъ какой-то художникъ, въ простотѣ души, вытащилъ у меня платокъ изъ кармана, на Черномъ озерѣ. Этого я тотчасъ понялъ: *дѣйствительно* художникъ, потому что вытянулъ мастерски, — а твоихъ, братъ, не понимаю? Если они просто красятъ крыши, такъ за это

имъ спасибо и поклонъ. Значить, они полезные сыны отечества, хоть сколько нибудь заботятся объ нашей гнилой кровлѣ. А ежели они только снимаютъ портреты съ Сомова, Сомихи и Сомятъ да пишутъ пейзажи и ландшафты, такъ нѣтъ имъ за это ни поклона, ни спасибо. По моему, это бесполезные люди. Впрочемъ ты что то сильно заступаешься за нихъ, ужъ не художникъ-ли ты самъ, боже упаси?

— Собака! за что онъ облаялъ этихъ добрыхъ и милыхъ людей? — Раскатовъ оттолкнулъ недочитаннымъ письмо. Въ немъ кипѣла жолчь на себя, на жизнь и на все, а между тѣмъ въ головѣ не нашлось ни одной сильной мысли, чтобы опровергнуть эту суровую и жесткую прозу. Такъ и хотѣлось сказать: «а все-таки правда!» Въ изнеможеніи онъ оперся на столъ и продолжалъ читать?

— «А вотъ тебѣ и наши новости—радуйся и ликуй! Завтра идемъ въ университетъ, завтра первая лекція. Университетъ по самой вѣшности громада, и право заслуживаетъ того, чтобы, проходя мимо, снимать шапку передъ его столбами. Тебя только, другъ, нѣтъ: сейчасъ бы сказалъ, какого ордена эти столбы? О внутренности говорить нечего: въ іюлѣ еще обѣгаль всѣ аудиторіи и завоулки. Заглянулъ даже въ музей—охъ этотъ музей! Смотришь, кажется, маленькихъ колибри, а вышелъ — мысли орлы несутся надъ тобой въ облакахъ! И всюду, другъ, мысль. Самый воздухъ здѣсь кажется умнѣе, нежели жизнь тамъ, въ нашей гимназій! — А что-то скажутъ завтра? не спится, братъ! Идемъ... Лети и ты сюда!

— Да, я лечу! проговорилъ злобно Раскатовъ и зарыдалъ. — Слышитъ онъ, какъ кровь бьетъ у него въ виски; горитъ голова, чувствуетъ; что нездоровъ. Машинально дочиталъ онъ остальное:

— «Р. С. Новость, новость, самая животрепещущая: сейчасъ прибѣжалъ изъ аудиторіи — слушалъ профессора Зерцалова. Дѣльно, братъ, читаетъ и въ добавокъ краснорѣчивъ. Онъ началъ вступленіе въ исторію; кажется только шагъ, а сильно теребитъ. Ухъ, какъ теребитъ. Сюда, сюда скорѣй, работай, другъ, сильнѣй!—Посылаю тебѣ цѣлый тюкъ новыхъ книгъ. Читай, глотай хоть цѣлкомъ, пища здоровая. Жаль денегъ нѣтъ, а тамъ есть еще кое-что у Дубровина; боюсь все перехватить наши студентики. Впрочемъ понатужусь, вышлю

еще разъ безъ денегъ, а тамъ, извини, не могу—теперь нѣтъ у меня отца Прощай.

Раскатовъ приложилъ руку къ щекѣ — горить. Самъ точно изломанъ весь, разбитъ, — тоска, слабость, апатія. Черезъ силу сбродилъ онъ на почту—не открывается тюкъ; открылъ— не читается книга; разрѣзалъ — выпала на полъ изъ рукъ. Такъ и не поднялъ здоровую пищу!

— Въ головѣ что-то бродить, а что, чортъ знаетъ что. Не понимаю самъ! — Раскатовъ тоскливо погрузился въ думу, тяжелую, какъ сонъ.

Да, не легко намъ вступать въ суровую дѣйствительность, большею частью пошлую, грязную и увы! далеко не ту, которая грезилась намъ въ лѣта нашего очаровательнаго дѣтства! Самые сильные бойцы, идущіе смѣло на жизнь, в тѣ чувствуютъ себя неловко; пока не привыкнуть къ новому положенію и борьбѣ. Безсильны и ничтожны всѣ наши подго-товки воспитанія и образованія, когда она, грозная и неумолима, начинаетъ ломать человѣка, и, послѣ горькаго опыта, надсмѣявшись надъ его правилами и убѣжденіями, дѣлаетъ безсильнымъ и жалкимъ рабомъ обстоятельствъ. Счастливы тотъ пошлый, обыденный человѣкъ, который безъ сопротивленія мирится съ ней смолodu и скоро понимаетъ ея значеніе и глубокожизненный смыслъ. / Правда, что онъ пресмыкается въ грязи, пошло проводить день за днемъ, называя это жизнью, но онъ все-таки доволенъ и счастливъ по своему. Еще счастливѣе тотъ сильный борецъ, который смѣло идетъ впередъ, не отступая ни шагу, и въ минуту рѣшительной битвы воодушевляется тѣмъ, что самое паденіе его будетъ славно, потому что поддержитъ и воодушевитъ другихъ. Онъ душу свою полагаетъ за други, — онъ во истинну человѣкъ! Но глубоко несчастливы тѣ поэтическія натуры — мечтатели, поэты, ~~субсброды~~, которые никакъ не могутъ мириться съ дѣйствительностію и вѣчно заносятся куда-то, сами не зная куда. Они не живутъ здѣсь, по нашему, по земному — они витаютъ тамъ, гдѣ-то... и Богъ знаетъ гдѣ! Разочарованіе такихъ натуръ страшно! Они не умѣютъ бороться съ жизнью, они никогда не согнуты подъ бременемъ, они никогда не превратятся въ постепеннаго валеку. Зачуявъ бой съ дѣйствительностію, они идутъ прямо: на жизнь или смерть! Здѣсь

нѣтъ середины: здѣсь горячая натура человѣка сразу закаливается въ кремень и сталь, или прямо разшибается въ прахъ!

Таковъ былъ Раскатовъ. Тамъ, гдѣ обыкновенный человѣкъ нашель бы пищу, посмѣялся вдоволь надъ ухищреніями Волчихи, плюнулъ на скотину Севрюгина, потому что онъ заслуживаетъ того, и хладнокровно, безъ жолчи, постарался бы выпутаться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ: тамъ горячки Раскатовы или въ изнеможеніи падаютъ духомъ, или оскорбляются до слезъ, или возмущаются до яростной жолчи. Что бываетъ слѣдствіемъ всего этого? мы сейчасъ увидимъ.

— Когда-жъ обѣдать? спросилъ съ удивленіемъ Раскатовъ, заслышавъ вечерни.

— Когда отдадите деньги, тогда и обѣдать, отвѣтилъ невозмутимо Митроша.

— Скотина!

— Бабенька! что онъ ругается здѣсь скотиной?

— Митрофанъ, ступай сію минуту къ квартальному надзирателю, скажи:—что-жъ это такое!

— Ступайте хоть къ чорту, наконецъ! — Раскатовъ схватилъ фуражку и тотчасъ убѣжалъ въ трактиръ обѣдать.

Вчерашній и нынѣшній обѣдъ стояли ровно полтора рубля— въ карманѣ остался одинъ четвертакъ.

XVI.

Раскатовъ возвратился вечеромъ, сильно задавши ходу. Въ компаніи дѣйствительно сидѣлъ надзиратель. Раскатову стало совѣстно за себя, — онъ даже оробѣлъ.

— Вы будете господинъ такой-то? спросилъ весьма ласково блюститель порядка.

— Я буду господинъ такой-то. Что вамъ отъ меня нужно?

— Ихное высокородіе, госножа маіорша, не желаютъ васъ имѣть у себѣ въ домѣ.

— Почему?

— Потому, что вы изволите приходить поздно, въ петрезовомъ видѣ, и осмѣливаетесь плевать въ благородное лицо, — а это, молодой человѣкъ, по закону допустить нельзя.

— Мало-ли, что нельзя допускать по закону. По закону,

я думаю, тоже нельзя морить человѣка голодомъ, особенно, если берутъ съ него за хлѣбъ.

— Ну-съ; объ этомъ въ законѣ ничего не сказано — это частный случай. Да кромѣ того: вы изволили просить кушать ночью, а ночью, какъ вамъ извѣстно, никто не кушаетъ — ночью спать. А здѣсь случай общій: — здѣсь я, какъ блюститель порядка, долженъ васъ просить: квартиру освободить. (Квартальный всталъ и притворилъ дверь). — Расплатитесь и отвяжитесь, пожалуста, отъ этой дрянной бабы! Это, какъ видно, сквалыга, сутяга... И пошло увѣщаніе полицейское.

— Нѣтъ, извините, не отвяжусь, пока не получу денегъ.

— И прекрасно-съ! Такъ вы и представьте намъ въ полицію документикъ: почтовое объявленіе или просто объясненіе, что вы ждете полочки съ имѣніа и когда именно — тогда мы и обяжемъ госпожу маіоршу продержатъ васъ до срока, или дадимъ вамъ приличное помѣщеніе, отопленіе и освѣщеніе на казенной. Вотъ и только!

— Какое, чортъ, имѣніе — просто завтра получу за уроки.

— Здѣсь-съ, въ городѣ?

— Конечно не въ Америкѣ.

— Такъ помилуйте, молодой человекъ, стоитъ-ли изъ этого заводить дѣло? Вы не опытни; вы такъ сказать, не искушены еще жизнію: — вы не знаете, что такое полиція!

— И не желаю знать!

— А придется, если вы не освободите, извините. Ихное высокородіе не желаю больше съ вами ночевать, и я долженъ буду принять мѣры...

— А какіе, позвольте узнать?

— Выпроводитъ васъ съ солдатами.

— Такъ дайте мнѣ бумагу. Кто вамъ это предписаль?

— Бумагу достать недолго-съ, да къ чему это поведетъ?...

— Вонъ отсюда! Безъ бумаги я вамъ не повинуюсь!

— Хорошо-съ.

Квартальный самымъ хладнокровнѣйшимъ образомъ взялъ фуражку и вышелъ. А Раскатовъ, захлопнувъ дверь, въ изнеможеніи кинулся на кровать.

— Я вамъ говорила, ничего не сдѣлаете съ нимъ. Видите сами, батюшка, какой страшный буянъ. Могу-ли я послѣ того

силъ нѣтъ встать и уйдти. Такъ вотъ какъ начинаю я жить!— Раскатовъ чуть не заплакалъ съ досады и тоски.

— А вотъ и мы-съ! заговорилъ въ прихожей голось, отъ котораго Раскатовъ издрогнулъ.— Нутко, матушка-стригушка, дай вотъ сюда свѣчичку. Отопритесь-ко молодой человѣкъ.— А вы можете тамъ подождать—я позову, когда нужно.

Раскатовъ отперъ. Въ прихожей слышенъ топоть...

— Ну-те-ко, какъ васъ? Вотъ вамъ бумага-съ. Ее, кажется, вы отъ меня требовали?..—Квартальный развернулъ листъ и заговорилъ грубо, какъ человѣкъ облеченный во всеоружіе закона.—Теперь я вамъ покажу-съ, какъ гнать полицію. Теперь я самъ попрошу васъ—вонъ!

— Попросите, я пойду. Это дѣло другого рода.

— Не стойте. Вотъ вамъ предписаніе господина полицмейстера—читайте и ступайте...

— О, чортъ васъ возьми съ предписаніемъ! — Раскатовъ схватилъ фуражку.

— Э, нѣтъ, атанде, извините, погодите!—Надзиратель загородилъ рукой дорогу.

— Пустите наконецъ, я за деньгами иду!..

— Нѣтъ, погодите, мусье, я безъ денегъ не пуцу.—Эй!..

На этотъ вызовъ передъ Раскатовымъ явились четыре гренадера въ мѣдныхъ шлемахъ и—приступили.

— Чтожь вы хотите дѣлать со мной! вскричалъ блѣдный Раскатовъ.

— Ничего не будемъ дѣлать. Дайте только маленькую росписочку, такъ-съ самую маленькую, на лоскутѣ;—такой-то обязуется уплатить маіоршѣ такой-то, столько. Мы сейчасъ спросимъ сколько, а вы потрудитесь назначить срокъ.

— Да какой-же срокъ, когда я иду сейчасъ!

— И прекрасно! Благословляю васъ куда угодно. Только, извините; впередъ росписку напишите: формица требуетъ того.

— Извольте, извольте!—Раскатовъ, весь дрожалъ и ничего не понимая написалъ.

— Что за охота имѣть вамъ дѣло съ нами? Мы, видите, народъ какой!—отозвался надзиратель съ самохвальствомъ Ты, Костоломовъ, ихное благородіе проводи и двери тамъ имъ отвори, понимаешь?...

одна, вдова, остаться съ нимъ на ночь, посудите; да онъ Богъ знаетъ что надѣлаетъ со мной.

— Не безпокойтесь ничего, мы сейчасъ его скрутимъ...

— Да, да, идите, доложите господину полицмейстеру. Куда хочеть онъ его возьми, а я боюсь — зарѣжетъ, батюшка! — Волчиха даже заплакала.

— Ну, дудки, ничего. Мы скорѣе его дорѣжемъ.

— Христа-ради, батюшка, скорѣе. Да не дать-ли вамъ Митрошу? Онъ толковѣе расскажетъ начальству, вы, поди, забыли все?

— А это не мѣшаетъ. Вдвоемъ мы дознаемъ его сію минуту.

Такъ Митроша и отправился жаловаться на учителя, который его четыре мѣсяца даромъ училъ.

Скверно было Раскатову. Совѣстно за себя, потому что онъ когда-то былъ человѣкомъ смиреннымъ и такъ не буянилъ; совѣстно было за Волчиху, которая еще такъ недавно хвалила его взапуски за смиреніе; совѣстно было наконецъ передъ тѣми, кто узнаеть эту грязную исторію. А непременно узнаютъ: завтра же Ненила сообщитъ миленькой сосѣдкѣ, что Раскатова выпроводили отъ нихъ черезъ полицію. — «Тьфу! какъ это гадко! — Раскатовъ плюнулъ съ досады даже въ потолокъ. Идти просить извиненія у Волчихи? — это еще, кажется, гаже! Какое-то мальчишество, неустойка въ борьбѣ, и съ гѣмъ-же наконецъ? хоть бы съ равносильнымъ себѣ членомъ общества... Ни за что не пойду! Еще вздумаетъ мораль мнѣ читать, или нотацию запоеть дрянъ, пискуша, плакса! Пищи тамъ съ надзирателемъ, какъ хочешь! А изобью никакъ съ досады, хоть Ненилу!... Да за что же?—это ужъ, кажется, всего хуже! и Раскатовъ плюнулъ опять.

Внутри випитъ неистовая жолчь. Себя бы наконецъ избилъ — не достаеть только силъ! Страшная во всемъ истома, потягота, ознобъ, жаръ, а въ головѣ туманъ, боль, давить, туго, тяжело. Безъ сна какой-то бредъ и мысли живой нѣтъ. Бунтуютъ нервы, бьеть въ виски, дыханье трудно, коротко. Пощупалъ пульсъ.

— Да, болѣнъ я и тяжело. Знать, не по мнѣ эта борьба. Кругомъ все грязно, скверно, пошло и еще крайне-бѣдно! Такъ тебя и засасываетъ всего въ эту житейскую тину, а

— Это за чѣмъ?

— А чтобы собачки васъ не закусали. Видите, какая темная ночь? Я безнокоюсь объ васъ.

Раскатовъ ушолъ.

— А сердить, -братъ, да не силенъ, проворчалъ вслѣдъ ему надзиратель. Вы, архаровцы, домой! А вы матушка маіорша, дайте что нибудь глотку промочить—замаялся, валякая съ вашимъ ученымъ!

— Какъ отцу родному, я вамъ благодарна. Пожалуйте вотъ сюда въ мою келью позакусить. Не знаю чѣмъ благодарить? Возвратили вы мой вдовій покой и т. д.

XVII.

Михайло Михайловичъ Пѣшковъ былъ хорошъ собой. Даже супруга его Марья Николавна часто говорила при учителѣ: «ахъ, Миша-милаша, какой ты хорошій!» и при этомъ стискивала фарфоровые зубки. Жили они хорошо: Марья Николавна сидѣла въ гостиной и вязала кружочки для модной салфетки, а Михаилъ Михайловичъ сидѣлъ въ кабинетѣ и разсуждалъ съ учителемъ о пользѣ просвѣщенія. Говорили они тоже хорошо, потому что не хотѣли отдать дочь Соничку въ гимназію, а утверждали рѣшительно, что готовы себя пролать, лишь бы воспитать ее дома. И барствовали они также хорошо, потому что у Марьи Николавны были двѣ горничныя, которыя подавали носовые платки и тазики для полосканія рта, а у Михаила Михайлыча слуга Мишка, который чистилъ сапоги и закуривалъ трубки. Квартира у нихъ была большая; на улицѣ Большой; гостей всегда много, а угощенія еще больше нежели гостей.—«Нельзя же, душечъка, не подать закусочки», утверждала мило Марья Николавна и Михаилъ Михайловичъ, тутъ же соглашался, что чиновнику *comme il faut* въ самомъ дѣлѣ нельзя жить безъ сыру, селедки, сардинокъ, грибовъ и прочихъ пустяковъ, около чего такъ мило сходятся милые гости въ гостиной. А ужъ о мебели, вазахъ, зерналахъ, хрусталахъ и прочихъ пустякахъ и гово-

рить нечего,—все это было на широкую ногу — роскошно, модно, даже и по словамъ самого хозяина «чичайно—хорошо!» Одно только нехорошо, что Михаилъ Михайлычъ такъ свверно поступилъ съ учителемъ!

— Онъ теперь непремѣнно дома, значить сейчасъ же можно кончить эту поганую исторію! Эти, господа полицейскіе всѣ на одинъ покровъ, у нихъ, слышите, одно оправданіе — законъ. А что человѣка морять голодомъ — объ этомъ, видите, въ законѣ ничего не сказано?

— Я, ваше благородіе, заверну по пути въ закусочную, доложилъ Костоломовъ.

— Ступай хоть въ распивочную, для меня все равно?

— Потому не ѣвши теперича цѣлый день.

— Ёшь и пей за мое здоровье. На, вотъ тебѣ... и Раскатовъ отдалъ послѣдній четвертакъ.

Весело стало Раскатову, когда вмѣсто горы свалился у него съ плечъ Костоломовъ и почувалъ онъ полную свободу. Живо провѣталъ онъ Мѣщанскую, Дворянскую, Царскую и очутился на Большой. Видитъ теперь Раскатовъ, какъ свѣтло горятъ фонари, поставленные чинно полицмейстеромъ. Осенній дождь, зарядившій на цѣлую недѣлю, такъ и посыпаетъ его «божьей благодатью», калоши такъ и хлюпаютъ, точно плачутъ, а Раскатовъ-ничего, отхватываетъ молодцомъ.

— Еще впередъ дастъ, онъ парень славный. Особенно теперь—награда, на службу не ходитъ, веселое расположеніе духа имѣетъ,—дастъ, непремѣнно дастъ!—и Раскатовъ еще веселѣе взбѣжалъ на подъѣздъ.

Странное что-то творилось въ квартирѣ Михаила Михайловича: яркій свѣтъ брызжетъ сквозь плотныя ставни, а въ комнатахъ неслышно ни души.

— Точно гости, но что за гости, которые не смѣются и не кричатъ?.. Раскатовъ пригладилъ голову и прилично вошелъ изъ тьмы во свѣтъ.

— Это что такое? спросилъ онъ, страшно блѣднѣя и хватаясь за косякъ.

— Гробъ-съ, Михаилъ Михайлычъ лежитъ, объяснилъ Мишка съ обычно-глупой улыбкой.

— Ахъ, не могу васъ видѣть! взвизгнула безутѣшная

Марья Николаевна, а сама такъ и повисла на рукѣ Раскатова.—Вообразите, какой ударъ! Охъ, не могу вамъ выразить, что во мнѣ...—И вдова рѣшительно упала на грудь утѣшителя и выплакалась вся въ батистовый платокъ.

— Кто же деньги отдастъ? думалъ между тѣмъ безчувственный Раскатовъ, и въ тоже мгновение, какъ молніи, свергнули въ головѣ: квартальный, Волчиха, Митроша, Костоломовъ и еще какая-то чепуха.

— Охъ, что же я васъ мучаю наконецъ? Пойдемте хоть туда, въ спальню, къ Соничкѣ. — Клянусь вамъ всѣмъ священнымъ на землѣ—не постигаю, что со мной дѣлается.

— Дурь, дурь!.. чуть не отвѣтилъ Раскатовъ, — такъ досадно было ему въ эту минуту!

— Скажите, какъ это случилось?

— Охъ, не говорите, не могу—одно слово: умеръ Мишамлаша, оставилъ меня сиротой!.. И вдова закатилась опять рыдать.

— Какія же причины?—спросилъ учитель ученицу.

— Ахъ, не спрашивайте ее о такихъ причинахъ! Она ничего такого у насъ не понимаетъ—она невинна, какъ голубка! И маменька всплывнула еще разъ надъ головою дочки голубки.—Все предсѣдатель колпакъ, — онъ, онъ-съ уморилъ нашего попочку! Вообразите: Мишенькѣ слѣдовала награда, а онъ и отдалъ прямо въ руки ему самому!..

— Такъ что же-съ? спросилъ удивленный Раскатовъ, ничего не понимая наконецъ.

— Какъ «что же-съ», помилуйте! Мишенька взялъ, да и пропалъ на три дня. Вчера только утромъ отыскали и привезли безъ языка, изъ трактира Сеньки Огорошина. Я ужъ и прошеніе подала губернатору: — запечатать прошу трактиръ. Потому: чтожь это такое? — посудите: опанвать на смерть отца семейства! Вѣдь это ужасно? представьте себѣ. За это, по моему, въ уголовную нужно упрятать такого изверга. Вѣдь это не просто разбойникъ-съ, это отцеубійца наконецъ!—Согласитесь?

— Да что-жъ онъ знакомъ что-ли былъ съ Михайломъ Михайлычемъ?

— Ахъ-съ, помилуйте, что вы говорите! Развѣ вы не знали моего покойника? — онъ, вается, всегда держалъ себя

такъ благородно. Развѣ Мишель мой могъ быть знакомъ съ какииъ нибудь Сенькой трактирщикомъ? Что это вы, Александръ Васильичъ? По слабости, туда заѣхалъ, какъ человекъ! А они его прямо заманили, опоили и убили—вотъ и только-съ!

— Какъ же это прямо? подумалъ Раскатовъ, вовсе ничего не понимая.

— А все, конечно, тотъ волпакъ, предсѣдатель. Теперь того, какъ не его больше винить,—посудите: еще въ прошломъ году сама была у него, сама покорнѣйше просила: не давать Мишенькѣ награды по слабости.—А ежели, говорю, слѣдовать будутъ, ваше превосходительство, такъ отдавайте лучше мнѣ—я его законная жена. Жена, говорю, ваше пр-во, не можетъ быть врагомъ семейству, жена денегъ не пропѣетъ, жена всегда сдѣлаетъ изъ нихъ самое приличное употребленіе. Словомъ, какъ есть, представила ему въ резонъ все-съ! И ничего-съ, какъ къ стѣнѣ горохъ! Представилъ, дуракъ, опять къ награды и отдалъ ему самому. Теперь видите, что вышло изъ этого?

— А когда ты перестанешь молоть, пустая баба? Мнѣ вѣдь невогда, тамъ кварталный сидитъ... И отъ этой думы учителя передернуло.

— Что-жь это однако, я со всѣмъ васъ заговорила? И позабыла, что нибудь предложить.—Не хотите-ли покурить? Пожалуста извините и простите, ей богу вонъ изъ головы! Или то бишь, не тово... папирось вы не курите, такъ сигарочку возьмите, тамъ... къ покойнику сходите — въ кабинетъ на столѣ.

— Дѣло не въ этомъ, Марья Николаевна; я имѣю въ вамъ покорнѣйшую просьбу... Учитель всталъ и поклонился.

— Ахъ, не денегъ-ли? Боже мой!

— Именно, угадали. Вотъ какое обстоятельство...

Учитель только было подсѣлъ объяснить обстоятельство, какъ на Марью Николаевну въ это мгновеніе нашло опять вдохновеніе. Вдова толкнула трагически воздухъ, бросила недожуренную папироску и заговорила съ негодованіемъ:

— Помилосердуйте, Александръ Васильичъ, какія теперь деньги? Что это такое? У меня въ домѣ такая ужасная мипута—мужъ на столѣ, а вы съ вашими копѣечными расче-тами! Да развѣ мы не платили вамъ, въ свое время? Пощади-

те-же наконецъ убитую горемъ женщину!—(Марья Николаевна всплеснула даже руками). Будьте великодушны, хоть передъ гробомъ его. Видите, какъ я растерзана всѣмъ этимъ. Какіе теперь со мной счеты и расчеты. Вы просто напомнили мнѣ ужасное положеніе—охъ, ужасное, ужасное!..—Соничка, дай платокъ.

— Ну, успокойте ее Соничка, я лучше уйду.

Раскатовъ точно въ тутамъ вышелъ въ залъ — онъ просто весь изнемогалъ. Горитъ языкъ и голова, стучитъ въ виски, стѣснило грудь, дыханье жарко, дрожь и бредъ. А передъ нимъ лежитъ покойникъ съ открытымъ ртомъ и глазами, черный, страшный и безобразный. Горятъ передъ нимъ свѣтлыя свѣчи, точно на праздникъ большомъ, а тамъ въ переднемъ углу такъ скучно, сонно и монотонно, словно душу тянетъ изъ покойника, дьячекъ поминаетъ новопреставленнаго боярина Михаила. Тутъ пролетѣла мимо, раздушонная и въ глубокой трауръ погруженная, Анна Петровна. Она успѣла уже утѣшить хозяйку и очаровательно спрашиваетъ Раскатова: «а вы до сихъ поръ не въ университетѣ? Гдѣ-жъ благородное слово ваше?» Но Раскатовъ уже ничего не слышитъ! Зорко смотритъ онъ на покойника и точно хочетъ спросить: «что же деньги? когда? Тамъ вѣдь ждетъ надзиратель!» Но покойникъ ничего не отвѣчаетъ! Точно смѣется онъ надъ Раскатовымъ своими окоченѣлыми синими губами, точно наклоняется онъ надъ головой и шепчетъ въ самое ухо: «ну, я братъ хорошъ, а ты вѣрно лучше меня!» Горячо въ мозгу Раскатова, страшно ему отъ этого шопоту, даже слышно, какъ волосы поднимаются у него на той сторонѣ, откуда такъ холодно дышетъ мертвецъ! Охъ, какъ рванулся бы онъ отъ этого бреда-не бреду, а Богъ знаетъ чего?.. Но бѣдный Раскатовъ чувствуетъ, что онъ и не спитъ: вотъ покойникъ, гробъ, глухое чтеніе, зеркало завѣшенное простыней и Мишка безпечно спящій на ларѣ.—«Нѣтъ, это не сонъ», шепчетъ онъ въ испугѣ. А между тѣмъ нѣтъ силъ оторваться отъ полу и двинуться съ мѣста! Что это такое? думаетъ изнемогающій Раскатовъ, а подъ рукой пылаютъ щеки и сильно напрягаются виски! Раскатовъ собралъ послѣднія исчезающія силы и, шатаясь, вышелъ въ темныя сѣни. Тамъ мерещится ему тотъ же покойникъ и хочетъ обнять его.

Раскатовъ судорожно оттолкнулъ мертвеца и, дрожа всѣмъ тѣломъ, выбѣжалъ на крыльцо. Осенній холодный вѣтеръ и свѣтъ фонарей точно пробудилъ его къ какому-то сознанию. Онъ хотѣлъ было воротиться въ комнату—тамъ забылъ онъ валопи, фуражку и шинель. Но тотъ же мертвецъ стоитъ въ сѣняхъ и скалитъ надъ нимъ свои желтые зубы. Отвернулся въ сторону, а тамъ надзиратель зоветъ къ себѣ пальцемъ и тоже хохочетъ!.. Бѣдный Раскатовъ закрылъ глаза, чтобъ не видать ни того ни другого, а подъ нимъ точно изчезаетъ земля, будто онъ падаетъ въ бездну и они за нимъ...

— Спасите, спасите! крикнулъ безумный умоляющимъ голосомъ и побѣжалъ самъ не зная куда...

XVIII.

Утромъ, часу въ десятомъ, ѣхали полемъ два охотника какъ видно, очень довольные собой. Сейчасъ ихъ насмѣшили старшій слуга Архипъ, который гнался за зайцемъ на плохой кобыленѣ и не сдѣлалъ ничего! Неистово поролъ онъ свою Милку, зачѣмъ не догнала и торжественно назвалъ себя дуракомъ, зачѣмъ гнался сзади, а не заскакалъ сбоку или спереду. Вдали гудѣлъ рожокъ; мчались собаки, все ближе и ближе къ опушкѣ лѣса. Дорога пошла въ гору.

— Тамъ нечего дѣлать, рѣшилъ главный собачей Сомовъ.

— Да мнѣ не зайцы нужны, а тутъ есть гдѣ-то Вислый-камень—хорошій видъ на Волгу. Взгляну и назадъ. Послѣ Петербурга, Волга ваша мнѣ начинаетъ нравиться. Тамъ все какъ-то чинно, стройно, жестко, точно пахнетъ камнемъ или желѣзомъ. Такъ и видишь, какъ силится человѣкъ-художникъ заковать самую рѣку въ оковы. А здѣсь такъ вольно, широко—здѣсь жизнь сама и дышется свободно. Недаромъ русскій человѣкъ изстари любитъ свою широкую Волгу—вѣрно привольно ему здѣсь жилось?... Вотъ она, своенравная, какъ разметнулась своими желтыми песками—прелесть. А въ туманѣ она кажетъ еще необъятнѣе—не правда-ли?

— А вот посмотримъ, отвѣтилъ лѣниво Сомовъ, и началъ насвистывать какую-то польку.

Сосѣдъ замолчалъ.

Видъ съ горы былъ въ самомъ дѣлѣ недуренъ. Съ воды вставали осенніе туманы, далекая степь лежала въ голубоватой мглѣ. Тамъ гдѣ-то, точно въ необъятной дали, живое осеннее солнышко озолотило отаву и улыбнулось на ярко-зеленую озимь. Сверкаетъ, какъ зеркало, озеро. Тянутся черезъ поля безконечныя линіи межниковъ, а между ними, точно змѣйка, вьется и опутываетъ ихъ проселокъ. Всплыло изъ тумановъ село съ свсею бѣло-яркою церковью. Тутъ сизый лѣсъ виситъ надъ берегомъ, какъ угрюмая туча, тамъ горы, изрѣзанныя черными промойнами и покрытыя, какъ кружевомъ, орѣшникомъ и дубкомъ, смотрятся въ рѣку, какъ въ туслое стекло. Солице все сильнѣе и ярче. Туманы сквозятъ; далекая мгла все прозрачнѣе и свѣтлѣе; показываются наконецъ цѣлыя лѣса, села, поляны и далекія берега встаютъ ясно надъ рѣкой. Степь раздвинулась необъятно широко. А вотъ и надъ Волгой зарыбила пятнами серебряная струя—улыбнулась угрюмая рѣка.

— Да, недурно, отвѣтилъ знатокъ.

— Не помнишь, кто писалъ утро въ Саковскихъ горахъ?

— Чортъ ихъ знаетъ кто. Ихъ развелось, какъ собакъ.

— Ну такихъ, которые дѣйствительно пишутъ—немного: Айвазовскій, Лагорио и еще кто-то третій—забылъ.

— А изъ новыхъ?

— Изъ новыхъ я не знаю никого. Это темна вода во облацехъ, да, бажется, они такъ и останутся для насъ покрытыми мракомъ неизвѣстности.

— Это почему?

— Какъ «почему?» потому, другъ любезный, что теперь время не то: картины когда-то покупали намъ крестьяне, а теперь сами дворяне... Comprenez-vous?

Всадники еще покрасовались на вершинѣ. Лошади отъ нетерпѣнія начали топтать и фыркать.

— Это что такое? спросилъ Столицкій, указывая плетью въ кусты.

— Какъ видишь—человѣкъ.

— Зачѣмъ же онъ тутъ коротааетъ свой вѣкъ?

— Дешовка злодѣйка подкосила.

— Нѣтъ, это не пьяный, извини.

— Въ самомъ дѣлѣ что-то очень живо? Вонъ какъ пере-
дернуло! Экъ его... Бредъ, вѣрно, съ несчастнымъ?..

— А точно знакомая рожа, я гдѣ-то видалъ?—вспоминалъ
Столицкій. Эй! зачѣмъ такъ скоро упалъ? Обернись!

Послѣдовало длинное молчаніе.

— А что, полюбопытствовать—поднять?

— Э, вздоръ! стоитъ перчатку марать? Видишь, какъ весь
опачканъ въ грязи. Да и чортъ знаетъ, что съ нимъ—можетъ
быть тифъ? Ёдемъ?

— А надобно бы дать знать? Полѣсовщики тутъ. Нехо-
рошо, умереть!

— Чортъ ихъ найдетъ! завтракъ насъ ждетъ. Помни: въ
часъ къ баронессѣ.

— Дѣло.

Всадники спустились съ горы и поскакали въ галопъ. За-
ними погнались ихъ врѣпостныя—борзья.

— Господи Іисусе, никакъ человѣкъ? спросилъ старикъ,
опираясь на дубину.

— Ой, какой!.. отозвался другой и сталъ разсматривать
больного.

— Что онъ хмѣленъ, дядя Никита, аль такъ ломаетъ яго?

— А Богъ его знаетъ? Знать вишь не тово...

— Какъ же мы таперича яго?

— А вотъ постой пытатъ надо маленько...

Дядя Никита наклонился попытатъ, что за человѣкъ такой,
но въ это время больной такъ сильно рванулса и дико захо-
хоталъ, что Никита отскочилъ и молитву сотворилъ.

— Ой, какой чудной, заключилъ другой.

— Нейдетъ, нейдетъ, простоналъ больной и опять пова-
лился на траву.

— Явить, чай, надо, дядя, а?

— Нишени, и такъ пройдетъ ино. Постой, погоди.

Постояли еще, а толку нѣтъ. Большой хотъ замолчалъ, но
не встаетъ.

— Мотрай! Надоть бѣжать, акачурится еще?..

— А ну-те къ лѣшему! годи тебѣ бають,—пытатъ надо ма-
ленько... И Никита опять приступилъ къ больному:

— Что ты, родимикъ, а?

Отвѣта не было, — больной точно слушалъ.

— Не слышитъ вишь знать? — Эй вставай!

На этотъ зовъ больной такъ быстро перевернулся на спину, что чуть не перекусилъ коричневый языкъ.

— Ухъ, глазищи то какіе страшные, — убѣгу! кривнуль молодой.

— Дай я те подниму, ступай въ домушку, а?

Больной ничего не отвѣтилъ. Смотрить дико.

— Аль не въ моготу? Ну-ка, Матюшка, пособи...

Но только приподняли, какъ больной съ такой немовѣрной силой оттолкнулъ обоихъ, что Матюшка едва удержался, а старикъ опрокинулся черезъ пень.

— Эвая силища, Господи, страсть! Поди, паря, въ двоємъ съ нимъ ничего не подѣлаешь? — избыеть. Надоть, коли такъ явить, — пойдѣмъ.

Полѣсовщики пошли въ караулу и сѣли ковырнуть маленько вѣчный свой лапотъ. А тутъ какъ на бѣду пошелъ еще маленькій дождикъ: какъ пойдешь въ городъ? — замочить. И вопросъ: идти или не идти? такъ и не былъ бы рѣшонъ до яснаго дня!

— А что, дядя Никита, поди умереть?

— Вѣстимо, чай, умереть. — Дядя Никита важно продернулъ лычко.

Молчаніе, дождь журчить.

— Поди, караулить заставятъ?

— Знамо заставятъ, мы караульщики какъ есть. — Дядя Никита колонулъ лапотъ кочедыкомъ.

Опять молчаніе, опять дождь журчить.

— А что, чай, страшный будетъ, дядя Никита?

— Знамо страшный... Вонъ онъ и живой какой, а мертвотъ еще похуже будетъ.

— О, штобъ те лѣшій какой!... вскрикнуль Матюшка со страху и швырнулъ подъ лавку свою работу. — Пойдти, коли такъ до грѣха, засвѣтло явить.

Скоро Матюшка надѣлъ чапанишко и еще скорѣе поспѣшилъ изъ темнаго лѣсу.

— А не приведи Господи, коли этакой жидъ околѣеть! Поди

мерещиться станеть, къ окошку придеть? А что, какъ заставить караулить всю ночь?

И Матюшка еще скорѣ побѣжалъ объявлять.

XIX.

На полицейской водовозкѣ перевезли больного въ городскую больницу. Тамъ сняли съ него мокрое платье, умыли лицо и руки, надѣли полосатый халатъ, колпакъ и туфли. Смотритель выразился выразительно: «а чортъ его знаетъ кто онъ: благородный или неблагородный, послѣ перетащимъ»; а дежурный выразился утвердительно: «отнести его въ горячее отдѣленіе». На доскѣ надписали: «febris nervosa», а внизу помѣтили: «взять изъ лѣсу, неизвѣстно кто».

— О го-го! чудо, коли встанеть. Эхъ, какую богатую добыль себѣ горячку—прелесть! Что за страшная сила мускуловъ. Пульсъ?.. у! сто двадцать ватаеть!..

Главный докторъ, его превосходительство, пощупалъ пульсъ и полюбовался еще съ наслажденіемъ на больного. Дежурный не безъ удовольствія, смотря въ глаза главному, отвѣтилъ: «да-съ»!..

— Въ сорокъ пятюмъ былъ у меня такой субъектъ въ военномъ госпиталѣ,—на третью сутки отправился къ праотцамъ! Этотъ тоже едва-ли?.. Главное: смотрѣть хорошо. Вотъ гдѣ учиться молодымъ докторамъ. Смотрите: какая мимика, какія открытыя движенія души! Ухъ, славно работаетъ! А сила, смотрите, какой молодець! Бывали случаи, фельдшеровъ убивали сразу.

— Да-съ, геркулесь.

Докторъ еще постоялъ и посмотрѣлъ, какъ больной возился съ фельдшарами и сторожами.

— Это что-жъ такое: какъ «неизвѣстно кто»? Я не понимаю.

— Такъ ваше пр-во, полиція доставила изъ лѣсу.

— Такъ вы напрасно приняли. Чтожъ это такое будетъ: «умеръ въ больницѣ неизвѣстно кто»? Такъ донести управѣ нельзя, надо непременно какъ-нибудь разнюхать: кто онъ?...

— Я, ваше пр-ство, признаю этого. Въ прошломъ мѣсяцѣ

онъ вупался со мной: это, кажется, гимназистъ, наменьнѣль фельдшеръ.

— Не кажется, а прямо надо говорить: да, или нѣтъ?

— У того, ваше пр-ство, лицо было другое, свѣжее такое, а у этого вонъ какое...

— Дуракъ? такъ не болтай, если лицо не такое.—Ну, а вы все-таки пошлите въ гимназію: какой тамъ убѣжалъ въ лѣсъ гимназистъ?—отвѣтить что-нибудь. Пожалуйста въ завтраму кое-какія свѣдѣнія. Этотъ непочевъ, говорю напередъ...

Генераль ушолъ. А тутъ и пошла писать. Гимназія дала знать: что у нее гимназисты не пропадаютъ. Главный докторъ потребовалъ къ себѣ на квартиру фельдшера и распушилъ. А фельдшеръ стоялъ на своемъ, что это непремѣнно гимназистъ—онъ узналъ его по родимчику на лѣвомъ бедрѣ. Главный докторъ опять послалъ въ гимназію: чтобъ вытребовать наконецъ надзирателя или служителя, показать имъ сего неизвѣстнаго человѣка изъ лѣсу, и спросить рѣшительно: гимназистъ онъ или не гимназистъ? Надзиратель Пустомелинъ, осмотрѣвъ больного со всѣхъ сторонъ, объявилъ, что человѣкъ изъ лѣсу дѣйствительно похожъ на кончившаго курсъ гимназиста Раскатова, но положительно утверждать: *онъ* или *не онъ*—не можетъ: потому что тотъ ходилъ въ гимназію безъ бороды, а этотъ обросъ бородой, тотъ былъ, по уставу, съ волосами маленькими, а этотъ очутился съ большими, наконецъ у того и глаза были маленькіе, а у этого вонъ какія... —«Такъ что я рѣшительно теперь не знаю: можетъ быть *онъ*, а можетъ быть и *не онъ*. Лучше всего, говоритъ надзиратель, ступайте къ матери, она вѣрнѣе вамъ скажетъ, какого родила сына: съ родимчикомъ или безъ родимчика?» Такъ городская больница и рѣшилась просить полицмейстера сдѣлать распоряженія: отыскать и прислать въ больницу госпожу Раскатову, для очной ставки съ ея роднымъ сыномъ, или наконецъ дать знать, гдѣ этотъ сынъ въ настоящее время находится? Квартальный въ тоже время донесъ полицмейстеру: что Раскатовъ деньги заплатилъ, квартиру освободилъ, и его кредиторша, госпожа маюрша Волчиха, въ настоящую минуту совершенно удовлетворена. А госпожа маюрша Волчиха съ испугу подала тому же полицмейстеру объявленіе: что постоялецъ ея Александръ Васильевъ сынъ Раскатовъ, столькихъ лѣтъ отъ роду и пр.

трое сутокъ, какъ пропалъ изъ квартиры и гдѣ находится не извѣстно. А посему и просить, она, маіорша, назначить комиссію и описать находящееся у ней имущество постольца, а именно: ящикъ съ книгами и сапоги. Въ противномъ случаѣ онъ можетъ потребовать лишняго и т. д.

— Чтожъ вы доносите мнѣ наконецъ! кричитъ полицмейстеръ черезъ всю полицію на квартальнаго. Гдѣ же онъ теперь, этотъ Раскатовъ, котораго всѣ ищутъ? Давайте мнѣ его сюда!...

— Я, ваше вскородіе, господинъ полковникъ, сдать его, какъ арестанта, съ рукъ на руки Костоломову...

— Идите и ведите его сію минуту. Иначе я васъ, сейчасъ, подъ судъ упеку.

Квартальный сдѣлалъ налѣво кругомъ и тутъ же, въ пожарной, напустился на Костоломова:

— Куда ты, ваналя, его дѣвалъ? Подавай сію минуту: полицмейстеръ съ меня требуетъ!

— Я ваше благородіе, нивуда его не дѣвалъ. Я просто теперича ему сказалъ: «пойду закусить». А какъ теперича сказалъ, такъ больше его и не видалъ.

— Какъ закусить?... Тебѣ даютъ арестанта вести, а ты— закусить?... Постой, вотъ уже тебя закусютъ скрозь строй!... Куда ты его дѣвалъ, говори?

— Я, ваше благородіе, его въ переулочкѣ потерялъ: потому онъ отъ меня бѣжалъ, а я его не поймалъ, оченно ужъ темно было. Самъ господинъ полковникъ, не велѣли освѣщать этотъ переулокъ, потому тамъ столбовъ нѣтъ, фонаря не на что поставить.

— Молчи, ваналя! тебя за это взбучитъ полицмейстеръ. Вѣдь чортъ его знаетъ, можетъ статься онъ зарѣзалъ кого. Меня-то ты не рѣжь, разбойникъ!...

— Не погубите меня, ваше благородіе.—Костоломовъ повалился въ ноги. И т. д.

Словомъ, всѣ пороли такую же горячку, какъ Раскатовъ.

XX.

Раскатова уложили, привязали и усмирили. Поетъ онъ, хочеть и плачетъ. Въ теплой комнатѣ, бредъ еще безобраз-

нѣе и сильнѣе. Дня черезъ три пришолъ опять главный докторъ и остановился передъ больнымъ.

— Я не стану ѣсть твоей кашицы, слышишь? Она пахнетъ жаренымъ сапогомъ! А какъ ты думаешь, скоро меня сдѣлаютъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, а?...спросилъ вдругъ больной.

— Я полагаю завтра тебя отправятъ *туда*... Понимаешь? Больной захохоталъ.

— А зачѣмъ она, господинъ квартальный, не кормитъ меня, бестія, а? Зачѣмъ?

— Не знаю.

И такъ далѣе, тоже самое каждый день.

Словомъ болѣзнь шла своимъ чередомъ. Съ первыхъ дней Раскатовъ дѣлался все сильнѣе и свирѣпѣе. Впечатлѣнія быстры и ясны: при появленіи всякаго новаго лица больной жалѣлъ, смѣялся, плакалъ и жаловался, что она, бестія, не кормитъ его. Сердитаго фельдшера, Зубатина, онъ ругнулъ отцеубійцей, а другаго смирнаго, Гедеонова, который ходилъ съ нимъ купаться, назвалъ Машенькой милашенькой, и тутъ же заворотилъ милашкѣ такое крупное словцо, что фельдшеръ ушолъ въ другое отдѣленіе и больше ужъ не показывался. То вскочить и сильно ругается съ квартальнымъ, то служить обѣдню, то пьетъ въ модномъ магазинѣ, то учить Соничку, то жалуется губернатору, что *она* его уморила съ голоду, и онъ умеръ, какъ видите, совсѣмъ!

— Чортъ возьми, однако сколько силъ! оралъ главный докторъ. Вотъ у кого учитесь, господа, умирать! Вотъ этикихъ побольше къ намъ въ больницу, такъ и вѣдомости объ умершихъ не надо. А чудо если встанетъ!

Къ девятому дню дѣйствительно ослабли силы, усилился жаръ; языкъ пересохъ, ноздри вздулись, дыханіе прерывисто, коротко, голосъ охрипъ, точно надламывается, кашель съ трескомъ.

— Ну что нашъ президентъ?

— Смирнѣе сталъ, ваше пр-ство.

— Пятна есть?—генералъ обратился къ фельдшеру.

— Какъ блохи, ваше пр-ство.

— Ну будутъ, будутъ!..

Генералъ зналъ медицину и любилъ всегда предсказывать

впередъ, что будетъ. Дежурные съ особеннымъ благоговѣнiемъ ловили каждое слово его, какъ слово пророка.

А къ Раскатову, вмѣсто пятенъ, появился на кровать какой-то сосѣдъ-двойникъ, и съ этой минуты больной пересталъ кричать на все отдѣленіе: лежалъ больше смиренно и тихо бесѣдовалъ съ пріятелемъ:

— Вы, конечно знаете, Анисима Алексѣича Волчиху, вотъ бестія-то, батюшка, настоящій Плюшкинъ подлецъ. Вообразите: совсѣмъ уморила меня съ голоду, да! такъ я и умеръ! Да кварталный, слава богу, попался добрый на встрѣчу. «Эй, куда говорить гробъ везете—стойте! Я надзиратель—посмотрю».—Посмотрѣлъ, а я живъ; такъ и велѣлъ меня выпустить изъ полиціи.

— А! бесѣда началась? Ну, завтра кончить.

Дѣйствительно, Раскатовъ на другой день кончилъ все — пересталъ жаловаться и даже шептать. Голова опрокинулась назадъ, черный запекшійся ротъ открылся, руки вытянулись и легли на мягкое мѣсто живота.

— Ну, этаго нечего смотрѣть, закройте! — Генералъ на этотъ разъ даже не остановился и не полюбовался.

Пришла послѣдняя ночь.

— А правду сказалъ генералъ, этотъ вѣрно тово... Спать, не спать? чортъ его знаетъ что?

— Смотри—«спить», чтобъ не ооченѣлъ!.. Опять зареветь, его пр-ство, сважетъ «не досмотрѣлъ»!

— А, ну его къ!... Не сидѣть цѣлую ночь надъ ними!

Фельдшеръ махнулъ рукой и ушелъ спать. На Раскатова нашолъ тоже глубокой сонъ.

— Спать? Ну пріятнаго сна! Тамъ Горемыкинъ сколько ихъ у тебя, въ часовнѣ?

— Съ этимъ девять будетъ, ваше пр-ство! отвѣтилъ басисто, счетчикъ мертвецовъ.

— Проклятая осень, какъ мухи!... А по городу навъ?

— У меня теперь, слава богу, ваше пр-ство, работы много... отозвался дежурный съ пріятной улыбкой.

— Именно, слава... Кто что не говори, а намъ докторамъ, тогда и жить, какъ другіе мрутъ. Распорядитесь скорѣе вынести, а теперь пока закрыть. Экое безобразіе!..

Раскатова закрыли, онъ спалъ цѣлые сутки и наконецъ от-

крылъ глаза. Не могъ онъ только шевельнуться—точно спеленанъ и весь изломанъ.

— А-а! смотреть! вскричалъ генераль съ величайшимъ удивленіемъ.

— На разсвѣтъ открылъ глаза, ваше пр-ство, доложилъ бдительный фельдшеръ.

— И чтожъ, глухъ какъ тетерька?

— Ничего не слышитъ ваше пр-ство!

— Ну, молодецъ, чортъ возьми!... произнесъ съ самодовольствомъ главный докторъ. Не радуйтесь однако, замѣтилъ онъ дежурному: это еще не все.—Крови не показывалось нигдѣ?...

— Не показывалось, ваше пр-ство! доложилъ фельдшеръ благоговѣя передъ знаніемъ главнаго врача.

— Или сухотка вишки или чахотка легкихъ! (не утеришь опять предсказалъ генераль).—И тогда, братъ, прощай! Генераль забывшись даже поклонился Раскатову, отправляя его на тотъ свѣтъ.

Однако, не смотря на всѣ предсказанія генерала, больной, дня черезъ три, видимо сталъ поправляться.

— Ну, этимъ можете теперь заняться—оживеть! командовалъ генераль дежурному. Это чортъ знаетъ что такое—железо-человѣкъ.—Кто ты!

Раскатовъ отрицательно потрясъ головой.

— Ну-во, Горемыкинъ, на ухо, допроси.

Счетчикъ повоинниковъ такъ допросилъ, что съ сосѣднихъ кроватей приподнялись больные.

Раскатовъ слабо объяснилъ: кто онъ? А веселый генераль при этомъ захохоталъ.

— А возни сколько-было! Вотъ и самъ разсказалъ. Родимчикъ, значить, угадалъ? А гдѣ жъ родимчикъ?

— Я, ваше пр-ство, перевелъ его туда, потому больной прозвалъ его Машенькой-милашенькой и такъ началъ выражаться неприлично, что мнѣ даже стало совѣстно.

— Дѣло сдѣлали. Значить онъ теперь ужъ не родимчикъ, а Машенька-милашенька?..

— Вѣрно такъ, ваше пр-ство.

Еще черезъ недѣлю, Раскатовъ сидѣлъ уже на кровати.

— Ахъ ты, родимый, какъ мнѣ жалко-то тебя, собируался

Парамонъ вужнецъ, сидя у постели больного. Поѣсть не хочешь ли, соколикъ? Я вѣдь принесъ...

— Омъ, дядя глухъ, отвѣтилъ сосѣдъ, за Раскатова.

— Какъ же теперича связать-то ему, поди, услышать тѣ собаки-то?...—Парамонъ разинулъ ротъ и сунулъ въ него кулакомъ, показывая пантомимой, какъ обѣдаютъ здоровые люди. А въ заключеніе объяснилъ пантомиму тѣмъ, что высунулъ изъ-за пазухи пирогъ съ горохомъ.

— Дай-во сюда, дядя, я съѣмъ: онъ еще не умѣеть, вскричалъ сосѣдъ солдатъ, который въ самомъ дѣлѣ давно уже оправился и чувствовалъ въ себѣ силу справиться и съ горохомъ, и съ пирогомъ.

— А на, коли такъ, служивый, въ самъ-дѣлѣ не домой тащить.

И Парамонъ хитро сунулъ служивому подъ одѣяло пирогъ, величиной въ чемоданъ.

— А мамынька-то твоя опять не годится, дружокъ, шибко цѣть. Зачѣмъ ты ей платье то отдашь, а? бесѣдуетъ утѣшитель Парамонъ. Въ чемъ будешь зимушку-то ходить, а?..

А глухой Раскатовъ опять молчить.

— Ну, прости, коли такъ; еще приду. Выздоровливай скорѣй.

Раскатовъ врѣпко пожалъ руку вужнеца.

— Молочка не принести-ли, а? Лысена-то отелилась. Знаешь, поди, Лысену-то?...

— Ну-ну-ну! въ шею тебя съ Лысеной отсюда!.. забасилъ Горемыкинъ. Чортъ его знаетъ, откуда подкрался человекъ сзади.

— Дя-ча въ шею, кормилецъ, я и такъ уйду.

— Сказано вамъ, чертямъ, ничего не носить сюда! Сейчасъ вотъ стащу къ генералу.

— Ну, Господь съ тобой, не серчай, уйду-ужь... И Парамонъ въ самомъ дѣлѣ ушолъ.

Посѣтили Раскатова Алексисъ и Митроина. Послѣдній даже принесъ просвиричку отъ бабенки, вынутую будто бы за здоровье Раскатова, и тутъ же распространился о томъ: какъ ихъ напугали—сказали, что Раскатовъ умеръ.

И имъ Раскатовъ пожалъ руки, точно въ самомъ дѣлѣ побесѣдовали богъ знаетъ о чемъ. Одно только нехорошо: рѣ-

нительно не помнил больной: кто такой этот Алексисъ. Точно погасло въ немъ все прошлое, послѣ горячки. Какъ новорожденный, Раскатовъ снова привыкалъ къ словамъ и звукамъ—приходилось на память учить иное забытое разговорное слово, а ужъ о впечатлѣніяхъ и говорить нечего, точно изъ-за океана приплывали они въ слабую голову, чуть-чуть только намекая, что это было свое, прожитое, да и то смутно и бессознательно, точно какое-то ключье, или намекъ...

XXI.

— Да, дѣйствительно сѣченъ! заключилъ полицмейстеръ, освидѣтельствовавъ сосѣда, котораго наканунѣ положили возлѣ Раскатова.—Смотрите, господа, какъ должно: это дѣло можетъ разыграться сильно, потому онъ иностранный поданный.

Члены слѣдственной комисіи осмотрѣли, какъ должно, освидѣтельствовали, что нужно, велѣли даже Горемыкину одѣла спустить пониже, и одинъ сказалъ въ заключеніе:

— Тутъ и смотрѣть нечего. Славно росписалъ кто-то, вотъ что называется по нашему «руку приложилъ».

— Какъ же прикажете? спросилъ квартальный съ портфелью, и весь изогнулся въ вопросительный знакъ.

Дрожь пробѣжала по Раскатову—квартальнаго онъ тотчасъ узналъ. Вспомнилось все прошлое.

— Такъ и пишите, и донесите прямо: по освидѣтствованіи слѣдственной комисіи, состоящей изъ членовъ такихъ-то и прочая, оказалось—двѣ точки.—Ну, а тамъ ниже напишите яснѣе. Наполеонъ Эстюржонъ, иностранецъ такой-то, былъ высѣченъ числа такого-то, но къмъ, не извѣстно! Понимаете? Ибо (полицмейстеръ понизилъ голосъ) помѣщикъ Сомовъ, у котораго сей находится при обученіи дѣтей, отозвался: что его самого, числа сего, не было дома. Вотъ и только.

Квартальный тутъ же усѣлся писать, а Раскатовъ отвернулся, чтобъ квартальнаго не видать.

Опять у Раскатова синѣютъ ногти, холодѣютъ руки и пробѣгаетъ дрожь, а иностранецъ Наполеонъ Эстюржонъ такъ и

стоять въ горячей головѣ. — «Кто этотъ Наполеонъ Эстюржонъ?» думаетъ больной напрягаясь, а память такъ и скользитъ, не дается Наполеонъ, котораго Раскатовъ такъ хорошо зналъ. Отвернется, чтобъ не видать мучительнаго образа, а сзади раздаются визгливые «вантр-бле!», больной безпрестанно вскакиваетъ, неистово сжимаетъ зубы и кулаки, глаза злобно горять... На Раскатова нападаетъ паническій страхъ, его колотитъ лихорадка.

— Нельзя, нельзя, выписаться, это вздоръ! утверждаетъ сердито главный докторъ. Тебѣ надо вылежаться, укрѣпиться. Терпи еще три дня.

И бѣдный Раскатовъ опять ложится—укрѣпиться. А неистовыя ругательства такъ и раздаются по всему отдѣленію. Дрожь пробѣгаетъ внутри, когда Раскатовъ вспомнить, что этотъ человекъ сѣченъ, а около него нѣтъ никого, кому бы высказалъ онъ свою жалобу и скорбь. Закроетъ глаза, чтобы не видать мученій сосѣда, а передъ закрытыми такъ и мечутся злобно горящіе глаза француза. Отвернется къ стѣнѣ, но и сонъ на него не находитъ. Крикъ, крикъ, одинъ только визгливый крикъ и слышится ему цѣлые сутки!

— Это еще что за новость? спросилъ громко генераль, смотря на мужика, который остановился въ дверяхъ.

— Да вотъ просить, ваше пр-во, *апирацію* ему сдѣлать, мнѣ не довѣряетъ, отозвался подшучивая дежурный.

— Ну-ко, ну-ко, что за апирація? Иди сюда ближе, кажи.

— Посѣкъ маленько, вапа благородія! отвѣтилъ мужикъ въ страхъ, подставляя горсть, куда лила кровь изъ другой руки. Отрубленный палецъ висѣлъ на кожѣ.

— Оно и видно, что маленько посѣкъ. Эхъ, ты опирація! И генераль сразу оторвалъ отрубленный палецъ.

— Охъ! тяжело и глухо крикнулъ больной.

— Иди, примочи, Гедеоновъ. Дайте ему тамъ на дорогу вакой-нибудь дряни залечить. Сюда не надо водить!..

И дѣйствительно *сюда* не надо было водить, потому что съ слабымъ Раскатовымъ, при видѣ крови, едва не сдѣлался обморокъ, такъ и захолонуло сердце. Опять лихорадка и дрожь.

— Что намъ съ этимъ дѣлать? спросилъ генераль, осматривая неистово бьющагося француза.

— Не знаю, ваше пр-во. Служителей всѣхъ измучить. Вонъ тотъ былъ буянъ, а этотъ еще хуже.

Генераль посмотрѣлъ самодовольно на Раскатова, а Раскатовъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на доску, гдѣ до сихъ поръ еще красовалось: «взять изъ лѣсу, неизвѣстно кто».

— Ну, потерпите, можетъ быть не долго! утѣшилъ генераль дежурнаго, и вышелъ.

Предсказаніе сбылось: французъ въ самомъ дѣлѣ мучился недолго — скончался въ ту же ночь. Тѣло оставили въ постелѣ до утра, въ ожиданіи еще какой-то новой комисіи. На Раскатова напалъ ужась.

Полночь. Онъ бродитъ по корридолу и заглядываетъ на лѣстницу: нельзя-ли изъ больницы бѣжать? Нѣтъ, нельзя: слышно, какъ бесѣдуютъ подъ лѣстницей швейцаръ съ Горемыкинымъ. А басъ Горемыкина еще глуше отдается снизу, точно изъ могилы. Кругомъ мертвая тишина, пустота, мракъ. Тамъ гдѣ-то, точно на томъ свѣтѣ, чуть брежетъ ночивъ, повѣшенный въ безконечной черной безднѣ корридора, вѣрно для освѣщенія. Въ головѣ путаница отъ бессонницы; бѣгутъ какія-то мрачныя мысли; давить тяжелый вопросъ: кто и за что высѣвъ покойнива? Нависаетъ на сердцѣ что-то злобное, свѣрное; ноетъ въ пустой груди; передъ глазами мечутся тысячи нелѣпныхъ представленій, а тоска-то, тоска! Господи боже мой, когда же этому всему конецъ?—Завтра же отсюда вонъ! рѣшалъ Раскатовъ и подошелъ къ окну. Воетъ вѣтеръ въ трубу; дождь барабанить въ желѣзную крышу и жалобно спускается по жолобу, а на улицѣ такая мертвая тишина и пустота — страсть! Перешолъ къ часамъ, почиталъ стукотню маятника—ударило два.—«У, какъ еще долго до разсвѣту! Хоть бы свѣчу попросить, здѣсь умрешь отъ страху?..» Но и свѣчу попросить нельзя: наванунѣ еще прочиталъ Раскатовъ всѣ строгія правила, крупно напечатанныя въ щегольской рамкѣ. А тоска, тяжелая тоска, еще пуще налегаетъ на сердце. Не лучше-ли тамъ? думаетъ больной и опять бредетъ въ отдѣленіе. Но и тамъ не лучше: окна закрыты сторами, потолокъ виситъ точно черная туча, тутъ стонъ, тамъ бредъ. Длинные ряды кроватей, а на нихъ темныя вучи—точно могилы. — «А рядомъ лежитъ покойникъ!» мелькнуло въ головѣ Раскатова и вдругъ представился ему

знакомый гробъ Михайла Михайлыча. Онъ съ закрытыми глазами, крѣпко завернулся въ одѣяло, а сверху точно кто щупаетъ его ледянными руками, такъ что волосы поднимаются на головѣ. Въ ужасѣ вскочилъ больной и бѣжалъ опять въ корридоръ. Тамъ, слава Богу, начинались уже признави дня. Вдали окно, точно развѣшенная бѣлая простыня; въ сосѣдяхъ гдѣ-то запѣлъ горластый пѣтухъ; черезъ улицу скрипнула калитка, а у другаго сосѣда разинулись ворота, заверещалъ, и заскрипѣлъ вдоль улицы ранній обозъ. Востокъ началъ сильно бѣлѣть.

— Вонъ, вонъ отсюда сегодня же: тутъ со страху умрешь! шепталъ Раскатовъ, разсматривая бѣлый утренній паръ.

— Эй, ты, зачѣмъ рано выпозъ, ступай въ свое мѣсто, ругаютъ за васъ!.. крикнулъ Горемыкинъ и Раскатовъ, вздрогнувъ отъ крику, ушелъ въ свое мѣсто.

Запыхала мокрая швабра по корридору, заходили сторожа взадъ и впередъ; заглянулъ дежурный фельдшеръ—всѣ-ли на своихъ мѣстахъ? Побѣлѣли занавѣски въ окнахъ. Всталъ больничный день.

Много опять набралось новаго народу въ отдѣленіе, гдѣ лежалъ Раскатовъ. Опять что-то толкуетъ и шепчетъ полицмейстеръ, опять незнакомыя лица заглядываютъ куда-то и свидѣтельствуютъ: больно или небольно сѣченъ покойникъ? Ненавистный квартальный сидитъ передъ ними за столомъ и что-то бойко пишеть на листѣ. Пополнялось все это сторожами и фельдшерами.

— «Взять его!» раздалось строгое приказаніе полицейское и покойника, вмѣстѣ съ кроватью, понесли на плечахъ, какъ гробъ. Сцена эта измучила Раскатова въ концѣ.

— И этотъ здѣсь? Здравствуйте. Ну, батенька, задали вы мнѣ задачу, поролъ я за васъ горячку.

Квартальный хотѣлъ было протянуть руку Раскатову и разсказать, какъ онъ поролъ горячку, но въ это время раздавалось изъ корридора грозное: «Эй, Лихошерстовъ!..» И Лихошерстовъ успѣлъ только наскоро засыпать песочкомъ изъ плевалницы актъ, и въ попыхахъ убѣжалъ къ полицмейстеру.

— Ахъ, и вы здѣсь, Александръ Васильичъ? рядочкомъ что-ли съ нашимъ-то лежали?

— Ты какъ попалъ сюда, Ваня! вскричалъ Раскатовъ, об-

радовавшись, какъ брату, доброму слугѣ своему, который ухаживалъ за нимъ въ домѣ Сомова.

— Да вотъ-съ, бѣлье принесъ Наполеону Иванычу, а они ужъ и умерли!..

Ваня опять улыбнулся Раскатову той простодушной улыбкой, какою онъ всегда улыбался, когда тотъ спрашивалъ: «а что, тебя никакъ опять поколотили?»—«Да-съ, поколотили», отвѣтитъ онъ бывало беззаботно, и улыбнется, какъ теперь. Тутъ только Раскатовъ припомнилъ ясно, что это тотъ самый Наполеонъ Иванычъ, который поступилъ къ Сомову учителемъ вмѣсто него и котораго такъ расхваливала за вѣжливость и деликатность Анна Петровна. Разъ даже онъ видалъ его съ Анной Петровной въ публичномъ саду.

— Отчего онъ умеръ? спросилъ Раскатовъ сердито.

— А Богъ ихъ знаетъ отчего съ. И не болѣли, кажишь, ничего-съ, а умерли нечаянно. Прощайте.

— Именно нечаянно! Недѣлю лежитъ человѣкъ, не хотѣтъ о здоровьи провѣдать. Бѣлье прислали послѣ смерти. Эхъ, вы! вскричалъ Раскатовъ злобно, и тутъ же обратился къ главному доктору съ требованьемъ выпустить его изъ больницы.

— Сказано нельзя! чтожъ это такое наконецъ? вскричалъ генералъ сердито.

— Ну, какъ угодно, генералъ, а я больше здѣсь не останусь.

— Выписать его сію минуту! Чортъ съ вами, наконецъ, умирайте на улицѣ, когда не хотите здѣсь... Генералъ разсердился, закашлялъ и не договорилъ. Попробуйте у меня придти во второй разъ, я прямо не велю васъ принимать!

— И не попробую! отхватилъ Раскатовъ рѣшительно. Въ эту минуту онъ чувствовалъ какую-то неимоверную силу бороться и съ квартальными, и съ осенью, и съ докторами, и съ Сомовымъ самимъ.

— Ну, выписать, выписать!

XXII.

Такъ и выписали Раскатова изъ больницы. Послѣ болѣзни

онъ сталъ точно новый человѣкъ, меньше въ немъ теперь поэтическаго бреда, и больше упругой твердости бороться съ тѣмъ угодно. Но это еще далеко не тотъ желѣзный человѣкъ, котораго можно ставить прямо лицомъ къ лицу передъ суровой судьбой. Даже та неимовѣрная сила, которую онъ чувствовалъ при объясненіи съ генераломъ, была не сила и крѣпость духа, а просто болѣзненное раздраженіе противу гадости людской и противъ больницы. А съ этимъ, какъ извѣстно, далеко не уйдешь. Въ наше жесткое время нужно чтонибудь по-крѣпче. Въ Раскатовѣ же пока все только болѣло, ныло, можило. Дежурный далъ строгое наставленіе не студиться, генералъ впередъ предсказалъ что «отъ простуды умрешь», а Раскатову пришлось отправиться въ октябрѣ, въ холодный дождь, безъ шинели и калошъ, чуть не на босую ногу. Хорошо еще, что фельдшеръ Машенька далъ ему какое-то старое пальтишко прикрыть зябкое тѣло, а то при больномъ не оказалось даже фуражки. Теперь только онъ вспомнилъ, что она, кажется, осталась въ домѣ Пѣшкова, или тамъ гдѣ-то—словомъ неизвѣстно гдѣ! Но это все бы ничего, еслибъ сквозь это все не задавался вопросъ: куда идти? Просить бестію Волчиху скалиться надъ нимъ—скверно! А идти прямо къ дядѣ Егору на постоялый и проситься Христа-ради въ избу къ извощикамъ—еще сквернѣе! Въ той свѣтелеѣ, гдѣ онъ жилъ съ матерью лѣтомъ, теперь ужь жить нельзя, тамъ печи нѣтъ! Куда жь наконецъ идти.

— Ну, отецъ, задали вы намъ страху. Чтожь это такое: убѣжать и ни слова не сказать. Я теперича женщина благородная, какъ же меня ставить въ это положение:—изъ дому вдругъ пропалъ человѣкъ! Посудите? Да мы съ Митрофаномъ не знали, что и подумать про васъ: и молебны тутъ служили, и въ ворожеѣ ходили, нѣтъ ни слуху, ни духу, какъ въ воду канулъ человѣкъ!

— И лучше какъ бы канулъ! отвѣтилъ съ досадою Раскатовъ, которому теперь же надоѣло отвратительное пищаніе Волчихи.

— Именно лучше, молодой человѣкъ! Кто теперича въ Бога не вѣруетъ, тому, конечно лучше топиться или давиться. Я объ этомъ плавать не стану, да меня-то зачѣмъ вы беспокоите? Я дама благородная, а маменька ваша мѣщанка, больше

ничего; а она осмѣлилась тутъ безъ васъ ко мнѣ приходить, да дерзости говорить.

— Да чѣмъ же я тутъ причиной?

— Какъ чѣмъ, когда она отъ васъ же приходила, платье какое-то тутъ просила, да грубостей мнѣ наговорила.

— Ну, выгнали бы вонъ!

— Нѣтъ, молодой человѣкъ, я не умѣю гонять родную мать; гоняйте вы! И прошу васъ не говорить эдакихъ словъ при моемъ Митрофанѣ, онъ у меня не такъ воспитанъ.

— Вижу-съ. Я думалъ, что вы, называя себя благородной женщиной, хоть скольконибудь пощадите меня, особенно послѣ такой тяжкой болѣзни!—выговорилъ Раскатовъ горько, чуть не рыдая.

— Ну, нѣтъ ужъ извините, сами себя щадите, какъ вамъ угодно. А я больше щадить васъ не намѣрена, потому — вы опять убѣдите, или дерзостей мнѣ съ маменькой наговорите, а я слушать ихъ не могу, потому сама маюрша и мужъ мой служилъ тридцать лѣтъ. Вотъ вашъ сундучокъ. Изъ него маменька выбрала все, извольте его взять и больше меня не беспокоить. Видите вотъ онъ пустой, не скажите на пась...

— Вижу! отвѣтилъ Раскатовъ и отчаянно махнулъ рукой.

Въ самомъ дѣлѣ послѣднее его новенькое платье и крѣпкіе сапоги взяла и пропила Шумиха-мать.

Въ фельдшерскомъ пальто и въ старой гимназической фуражкѣ Митрофана отправился Раскатовъ тутъ же къ Марьѣ Николаевнѣ Пѣшковой. Это была его послѣдняя надежда.

— Ахъ, какой вы страшный! вскричала трагически вдова.

— Болѣнь былъ, Марья Николаевна, едва выговорилъ Раскатовъ отъ усталости.

— Да хоть бы велѣли доложить тамъ о себѣ, а то, ей-богу, такъ напугали, что я вся дрожу. Высокій, чорный, блѣдный, входитъ вдругъ!..

— Минки не было, Марья Николаевна, съ горькой усмѣшкой отвѣтилъ Раскатовъ. Извините, что беспокою — нужда...

— Ахъ, боже мой, предчувствую—за деньгами опять!—И глаза вдовы совершенно закатились подъ лобъ.

— Да, Марья Николаевна, хоть немного, Христа-ради прошу.

— Христа-ради не просите, ни копѣйки за душой. Покой-

никъ поставилъ насъ въ такое положеніе, что я и выразить вамъ не могу! — И вдова преграціозно обмакнула сахарный сударикъ въ чашку шоколаду. — Ахъ, что же это я невѣжа не спрону; не хотите ли вы?

— Не понравилса еше, нельзя.

Молчаніе.

— Но какъ мнѣ совѣстно передъ вами, если бы вы знали, Право, смотрѣть на васъ не могу. А впрочемъ думайте мой шоколадъ, онъ невреденъ вамъ — я сама налью.

Раскатовъ съ досады ничего не отвѣтилъ.

— Продать вотъ хотѣла эти бездѣлки, ну, жалко! (запѣла вдова меланхолически). Вы сами умный человекъ, Александръ Васильичъ — посудите? Привычка!.. вѣдь всякая вещь напоминаетъ мнѣ его... Это трюмо подарилъ онъ, какъ произвели его въ коллежскіе ассесоры, это — послѣ родовъ... Конечно оно бездѣлица, но все знаете семейное — завѣтное, такъ связать! — И вдова граціозно прослезилась.

— Вотъ фуфлыга-то, подумалъ Раскатовъ. Трюмо рублей четыреста она называетъ бездѣлицей! — Да нельзя ли Марья Николаевна хоть сколько нибудь?..

— Ахъ, Александръ Васильичъ, я васъ не постигаю наконецъ! Неужели же я притворяюсь передъ вами? Что жъ это такое! Соничва, душа моя, да побожись хоть ты!

— Вѣрю, отвѣтилъ отчаянно учитель.

Настало длинное и неприятное молчаніе.

— Я хоть бы занялъ наконецъ. Скажите когда?..

— Ахъ, Александръ Васильичъ, какой вы странный дѣлаете вопросъ: когда? Да Богъ знаетъ когда, можетъ быть никогда! Какіе у меня теперь деньги, помилосердуйте! Генералъ привезъ надняхъ пять сотъ — ну долги по лавкамъ послѣ покойника, сама тоже задолжала. А тутъ: похороны, отецъ протоіерей, вѣдь онъ даромъ насъ хоронитъ ненамѣренъ — посудите? А тутъ было шесть священниковъ, — ну, лошади, квартира, наемная прислуга!.. Какъ вы это все не сообразите?

— Еще и лошади, скотина! заключилъ Раскатовъ, стиснувъ зубы и едва нашель дверь. Хорошо, что еще Мишка вытаскилъ изъ-подъ лѣстницы шинель и калошу одну; другая съ сумрачкой такъ и не нашлась!

— Что жъ дѣлать теперь? спросилъ Раскатовъ, стоя твердо

на томъ крыльцѣ, съ котораго когда-то... пошелъ въ боль-
ницу.

И пошелъ онъ, какъ машина, по другому берегу Волги. А кругомъ все грязно, скверно, темно; мокрый снѣгъ лепится въ уши, въ глаза; старая каленга постарому чинится, а сапогъ попережнему хлопаетъ и плачетъ. Безцѣльно остановилъ- ся Раскатовъ надъ Волгой, будто желая спросить: что ска- жетъ она? А вдали надъ рѣкой одинъ сѣрый туманъ, туманъ и туманъ безъ конца! Словомъ все — и калоши, и снѣгъ, и туманъ, говорилъ одно: «стужай дождь!» — Но гдѣ же домъ?..

XXIII.

Раскатовъ зашелъ посоветоваться къ надзирателю гимназіи, который былъ моложе и свѣжѣ другихъ, а на видъ казался симпатичнѣе и внимательнѣе всѣхъ. Бѣднаго и ничтожнаго гимназиста Раскатова онъ всегда принималъ ласково и даже угощалъ папироской, особенно если тотъ приходилъ поздра- вить его съ праздникомъ, или приносилъ въ подарокъ портре- ты Дюма и Мольера своей собственной работы. А въ послед- нее время сошелся онъ съ нимъ такъ коротко, что Раскатовъ, изъ благодарности за ласку и папироску, переписывалъ ему цѣлыя поэмы и снялъ даже по секрету профиль съ губерна- торской дочки, за которой ухаживалъ надзиратель — конечно тоже по секрету.

Но безъ описанія молодаго и свѣжаго педагога, читателю и въ голову не придетъ, какой совѣтъ дать Раскатову этотъ новый наставникъ и другъ.

Францъ Францычъ Биттель былъ отъявленный франтъ, от- чаянный мотъ и нахальный молодецъ жить. Получая рублей двѣсти-триста, онъ, чортъ его знаетъ какъ, ухитрялся прожи- вать по крайней мѣрѣ тысячи двѣ или три! Платье отъ Са- ра, бѣлье со всемірной выставки, сапоги изъ Парижа, а шля- па, какой-то панамской соломы — прямо изъ Америки. Два года гналъ его съ квартиры отъ себя отецъ и отступился наконецъ! Диваны, розетки, цвѣты, статуэтки, канарейки, этажерки, роскошные переплеты, изящный Шекспиръ — сло-

вомъ, жизнь *comme il faut*. Въ квартирѣ Франца Францыча были даже такіе предметы, которыми онъ никогда не пользовался. Напримѣръ: виджалъ египетскаго Али-паши — безъ клинка; винтовка, отнятая будто-бы у Шамиля — безъ курка. А ужъ о томъ, что было на столахъ и рѣчи заводить нечего — просто махни рукой! И вросечные наполеончики, и хрустальные фазончики, и японскія вазы, и китайскій фарфоръ и проч. Все это, по словамъ Франца Францыча, прислалъ ему братъ путешественникъ, который давно уже шатается по востоку, и въ Египтѣ изучаетъ какой-то обелискъ.

— Ахъ, топ шерг, а я васъ собираюсь цскать наконецъ!

— Извините, болѣнь былъ.

— Э, дичь, въ наши лѣта, «болѣнь». Волочилися и влюбились, вѣрно?

— Безъ шутокъ прихворнулъ.

— Дичь, дичь, я вамъ говорю. Въ обществѣ надо развлекаться: ну, вартами забавляться, влюбляться наконецъ или такъ бывать, а горе дома забывать. Иначе чтожь это такое? — сухотка, чахотка, гиппохондрія, сидишь какой нибудь, вотъ и только!

— Чтожь дѣлать, такъ судьба.

При словѣ судьба Францъ Францычъ разразился хохотомъ.

— Дичь, дичь, дичь, топ шерг! Какая, чортъ, судьба? По моему, судьба-видѣйка, случай-гусь, — поймалъ и одципалъ обоихъ сразу. Вотъ и только!

— Какъ ихъ поймдешь! отозвался Раскатовъ горьво.

— Поймать какъ? да вотъ такъ, какъ я вчера. Видите? — Францъ Францычъ слегка щелкнулъ застежкой, и бумажникъ открылся самъ — такъ туго набитъ онъ былъ депозитвами. Надзиратель началъ считать.

— Не умѣю! отвѣтилъ Раскатовъ сквозь слезы. Его размучивалъ видъ денегъ.

— Ну, сядемъ по маленькой — живо научу?

— Денегъ нѣтъ.

— А безъ денегъ здѣсь не выучишься ничему. Это наука такая. Францъ Францычъ заворотилъ обшлагъ, чистенько перевернулъ направо и лѣво, и въ заключеніе, трахнулъ колодой картъ.

Раскатовъ, какъ другу, хотѣлъ было высказать обстоятель-

ства: отчего у него денегъ нѣтъ, по Францъ Францичъ перебилъ его на первомъ словѣ и пустился доказывать свое:

— Дичь, отецъ родной, дичь! На вой вамъ чортъ деньги — вы прожить ихъ не умѣете.

— Крайность! молилъ Раскатовъ.

— Дичь, дичь, я вамъ говорю. Какая тутъ крайность! Кутнули неосторожно—вотъ и крайность вся. Мы сами, батенька, живали и въ этихъ крайностяхъ тоже бывали. Охъ, бывали, отецъ родной! Бывало въ такую передрагу попадешь, на силу самъ уйдешь! А ваши крайности что!... и т. д.

— Ахъ, ты, фуфлыга, фуфлыга, а еще «суб-инспекторъ!» И Раскатовъ не дослушавъ, ушолъ.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, отвѣтилъ Раскатовъ сердито.

— Что, али не узнали?

— Узналъ.

— Такъ куда же вы спѣшите.

— Некогда! — Раскатовъ отвернулся.

— Да гдѣ вы нынче живете?

— Да нигдѣ!

— Нѣтъ, кромѣ шутокъ?

— Кромѣ шутокъ — нигдѣ. Сейчасъ изъ больницы, квартиры ищу.

— А! ну, я добѣгу съ вами до перекресточка: тамъ у меня славная квартира на примѣтъ — понравится.

— Этъ, присталь, чортъ бы тебя дралъ! думалъ Раскатовъ сердито.

— А давно мы съ вами не видались. Помните, какой веселый вечерокъ провели у Сомова?

— Да! отвѣтилъ Раскатовъ рѣзно и досадно.

А Калмычокъ все бѣжитъ за нимъ и такой же ласковый и привѣтливый.

Странное существо былъ Калмычокъ. Кто его родилъ, крестилъ и вывезъ изъ Башкирии — неизвѣстно ни ему, никому. Съ незапамятныхъ временъ онъ очутился въ городѣ и какъ съ молоду получилъ отъ кого-то кличку «Калмычокъ», такъ и до сихъ поръ извѣстенъ всѣмъ подъ этимъ именемъ. По ремеслу онъ былъ цырюльникъ, но никто почти не зналъ, и какъ будто и не хотѣлъ знать, что у него есть имя, отчество и фамилія.

Даже на вывѣскѣ, которая давно не подновлялась, слиняло имя, Михайло Наумовъ, и осталось только два слова «зубы, отворяють» да бѣлая банка съ черными пятнами. Такія личности у насъ обыкновенно называются темными, но въ жизни Калмычка, мнѣ кажется, не было ни одного темнаго пятнышка. Это былъ добрѣйшій и благороднѣйшій старикъ, который безкорыстно служилъ каждому, какъ рабъ, и привязывался ко всѣмъ какъ собачонка. Кромѣ своей цирюльни, онъ любилъ еще скрипку, зналъ отчасти музыку и являлся всюду: поиграть въ танцъ-классъ, настроить фортепiano, поддержать аккомпаниментъ въ оркестрѣ — не получая конечно за это ничего, кромѣ спасибо, или рюмки водки. Это былъ артистъ по призванію и игралъ соп амого, или, какъ говорятъ у насъ, изъ любви къ искусству. Игра его впрочемъ была плоха; брилъ онъ еще плоше, нежели игралъ, а жилъ еще плоше, нежели брилъ. Въ оправданіе своей безалаберной артистической жизни, онъ приводилъ оттуда-то добытый имъ текстъ: «яко благъ, яко магъ, яко нѣтъ ничего.» И этотъ голый текстъ на немъ оправдывался вполне. Бывали конечно въ жизни его и приливы и отливы; или какъ говорится у насъ: счастье и несчастье съ человѣкомъ; но это для Калмычка ровно ничего не значило! Въ счастіи его были счастливы только подмастерья и ученики; для цирюльни обыкновенно писалась новая вывѣска, гдѣ самымъ крутымъ фонтаномъ выпускали изъ дѣвицы кровь, а для самого хозяина не измѣнялось ровно ничего. По прежнему онъ игралъ на скрипкѣ, по прежнему напѣвывалъ свою любимую пѣсенку, какъ дѣвушки хоромы играли и часто парней дѣловали. Все та же вспоминалась ему при этомъ молодость; слабились бѣлые зубы и перекашивались узкіе глаза, полные похотливости и сладострастія. «Пожалуйте, пожалуйста, вотъ онъ васъ побрѣетъ, а и пѣсенку съиграю!» говорилъ онъ одно и тоже, лѣтъ сорокъ посѣтителямъ, и этимъ же встрѣтилъ въ первый разъ гимназиста Раснатова, пришедшаго вовсе не бриться. Въ несчастіи его были несчастливы тоже только подмастерья и ученики: подмастерья уходили отъ бездѣлья, ученики убѣгали съ голоду, вывѣска линяла вмѣстѣ съ дѣвицей и именемъ хозяина, а для самого хозяина неизмѣнялось опять ровно ничего!—Словно въ счастіи поетъ онъ также безопасно и беззаботно: «А пѣту дѣла никому, что нѣту

курочки въ дому!» и почитателямъ отвѣчаетъ той же улыбкой и тѣмъ же текстомъ: «яко бубень, яко грекъ, яко прожовавшись!»

Такова была вообще жизнь Калмычя-цырюльнива. Съ Раскатовымъ онъ столкнулся въ домѣ Сомова, куда его часто таскали настроить фортепьяно, или поиграть для дѣтей въ танцъ-классѣ, ничего конечно не платя и обходясь съ нимъ крайне неделикатно и невѣжливо. Анна Петровна была величайшая мастерица одной фразой умасливать этого человѣка и для своей благодѣтельница-барыни, Калмычовъ готовъ былъ дѣлать все. Раскатовъ, оскорбленный такимъ наглымъ обращеніемъ съ человѣкомъ, приглубилъ Калмычка къ себѣ, заманивалъ его часто въ свою комнату пожуричь, и дѣйствительно разъ, бывши въ хорошемъ расположеніи духа, наговорилъ такого веселара вдору, что старикъ теперь еще вспоминаетъ тотъ теплый, радушный и веселый вечерокъ.

Но теперь Раскатовъ и самъ не знаетъ куда ему дѣваться съ своимъ горемъ, а тутъ еще является на помощь такая убогая и придавленная личность. Понятно, что онъ Калмычя отъ себя оттолкнулъ. Что кромѣ скорби, скуки и тягости могъ дать ему Колимчокъ-гуляка?

— Куда же?.. вы пришли — вотъ квартира..

— Да чортъ-ли тамъ дѣлать:— у меня денегъ нѣтъ! вскричалъ разсерженный Раскатовъ.

— Да на что же деньги, отецъ? спросилъ съ изумленіемъ Калмычокъ, перекосивъ глаза.

Раскатовъ, видя что съ такимъ господиномъ, который не знаетъ на что деньги, переменить нечего — отвернулся и пошелъ.

— Этакій вы гордый, ей-богу. Да позвольте хоть на пару словъ, — вѣдь нужно!..

— Что вамъ нужно! вскричалъ Раскатовъ нетерпѣливо.

— Да вы тогда говорили, что не найду-ли я уроковъ. Насполь, батенька!..

— Будто?

— Ей-богу насполь-съ: еще два, отецъ, да какихъ!.. отличнѣйшіе будутъ, — только не сердитесь пожалуйста.

Раскатовъ стоялъ какъ ячольникъ передъ добрымъ старикомъ. Ему крайне было досадно за себя.

— Ну, обвините меня!

— О, пустяки! Вотъ мимо пройдемъ, во мнѣй зайдёмъ — по-толкуемъ...

— Куда зайдти? Квартиру надоискать.

— Все, все, тамъ найдемъ: и квартиру, и деньги. Вы знаете Калмычка? Оказано — сдѣлано. Чего тутъ еще толковать — идемы!

Зашли.

У Калмычка былъ приливъ. Онъ тотчасъ послалъ за водкой, колбасой и обратился въ Раскатову:

— Послушайте, вы пришли домой, а человекъ вы большой, распорядитесь чего закусить, — вотъ вамъ новары: (Онъ указалъ на себя).

— Я ничего не хочу! отвѣтилъ Раскатовъ и въ изнеможеньи винулся на диванъ. — Его сломила усталость, подоженіе и тяжелая дума о томъ, что будетъ дальше.

— Ну, это дудня «не хочу». Знаю я это «не хочу» — Я въ третью часть году просишь торчать чуть воть Амилку своего — не съѣшь! Поди-ко, Ванька, бѣги на рынокъ: — оилейнику, оилейнику канальскаго, самаго мявельяго тащи. Мы ему бифштексъ закатимъ. Да живо, — слышь, — одна нога здѣсь, а другая тамъ!

— Не хлопчите, я сейчасъ уйду.

— Да куда же, родной?

— Доморать вамъ: квартиру искать.

— Ахъ ты Господи! Да вотъ вамъ квартира, отецъ! (Онъ отворилъ дверь въ пустую соседнюю комнату). Мѣсяць васъ ждала: садитесь, ложитесь, живите, и платите сколько вамъ угодно!

— Въ самомъ дѣлѣ отдается?

— Да отдана для васъ за сколько угодно, только пожадуй-ста живите!

Раскатовъ посмотрѣлъ комнату и пожалъ руку старикку. Калмычовъ бросился его цѣловать.

— А вы вотъ что, багильна, понабнате-ко воть перо, а я бтнну бумагу и продвину вамъ адресы. Одинъ урокъ у стараго барина, предпочтенная личность, благороднѣйшій человекъ. Онъ, сказывалъ, батюшку вашего знавалъ, и съ удо-вольствіемъ дастъ вамъ какое угодно деньги за урокъ: — внучку

ему поучить. А другой у Матвеевой. Она правда шибанца, ну, да вѣдь я думаю винъ все равно, лишь-бы платили хорошо. А чтобы рука ходѣе ходила, такъ выпить надо съ холоду — съ васъ починъ?.. Вотъ, извольте приступить.

Калмычокъ налилъ двѣ рюмки.

— Эхъ, канальство закутить-то нечѣмъ? Да впрочемъ стойте, вспомнилъ... Я гвоздички хвачу головку, а ванъ — вотъ икорки кусочекъ нашелся...

Раскотовъ выпилъ.

— Да, да-съ! началъ опять ховянкъ: помню я тотъ вечерокъ, какъ у Сомова, вы рассказывали — животикъ и надрывалъ; потѣшили, отецъ.

— Весело, когда веселье человекъ, заключилъ Раскотовъ грустно.

— А вы что-то не совѣсть?.. Но неправилсъ вѣрно, родной?

— Не то, что не поправился, а перележалъ. Больница скука, читать хотѣлось, а читать было нечего.

— У васъ еще нечего, такіе страшные вороха книгъ!

— Да книги-то въ закладѣ. И Раскотовъ тутъ же рассказывалъ, какъ онѣ задолжалъ Волчихъ за квартиру.

— А сколько?

— Рублей шесть съ чѣмъ-то.

— Только! Ну стойте объ этомъ свучать. Эй, Петрушка! Вошелъ подмастерье.

— Ну-во вотъ эту по боку, понимаешь? — Ховянкъ указывалъ на шинель.

Петрушка вѣрно хорошо понималъ, что значитъ «по боку», отвѣтилъ глухо: «слушаю»; снялъ шинель, и минуты черезъ десять принесъ отъ сосѣда лавочника десять цѣлковыхъ.

— Вотъ-съ. — Калмычекъ положилъ передъ Раскотовымъ деньги.

— Это чтожъ такое? спросилъ тотъ въ недоумѣніи.

— Деньги, выкупить книги, чтобы не было вамъ скучно!

— Нѣтъ, я не возьму, мнѣ совѣстно...

— Э, совѣстно!.. берите, — отдадите когданибудь. Я бѣдный человекъ, вы знаете, — я въ васъ увѣренъ. — А ты, Петрушка, завтра сходишь и принесешь, что тамъ мнѣ нужно. Такъ что-ли, родной?

— Не знаю какъ, отвѣтилъ Раскотовъ, тронутый до слезъ.

— А вотъ вамъ и бѣшкетекъ. У васъ вѣдь живо.

Никогда паръ свѣзлаго мяса не производилъ на Раскатова такого анестетическаго раздраженія, какъ теперь. Калмычовъ пожелалъ гостю добраго аппетита, вынулъ за здоровье больного и закурилъ колбасой. Черезъ часъ онъ разгулялся.

— Одна только у меня просьба, отецъ! Объявите мнѣ Христа ради такъ, какъ у Сомова. Помните, въ послѣдній разъ.

— Не помню. Я безъ нотъ тогда игралъ, отъ себя, какетса!

— Ну, опять отъ себя безъ нотъ, хоть что-нибудь въ родѣ того, Христа ради!

Раскатовъ въ эту минуту былъ въ такомъ состоянн, что ему самому хотѣлось выплакать передъ вѣмъ-нибудь свое безотрадное положеніе. Онъ взялъ скрипку и съигралъ.

— Эхъ, унеси ты мое горе! крикнулъ въ иступленн Калмычовъ, вырвалъ скрипку и хватилъ ее объ полъ. Инструментъ разлетѣлся въ дребезги.

— Что вы? спросилъ Раскатовъ въ испугѣ.

— А то, что она дура! не умѣла заплакать того, о чемъ плакали вы. Мешка-калмынъ человекъ простой, онъ все въ здѣсь чужой, его только мольбу выслушать вставляютъ, а онъ музыку понимаетъ. Охъ, понимаетъ! Знаете, если-бы въ эту минуту слышалъ васъ Паганини, что онъ сказалъ бы объ вашей музыкѣ?

— Ничего, я думаю, отвѣтилъ Раскатовъ въ недоумѣнн.

— Ни!.. не говорите этого. Вотъ передъ вами—а!—Калмычовъ упалъ наколѣнн.

— Что вы, что вы?—Раскатовъ бросился поднимать старика.

— А то что вы вонстину музыкантъ! Вы думаете мнѣ не жалко моей старухи?—Тридцать лѣтъ свивалась со мной! Мнѣ жалко ее! (Калмычовъ зарыдалъ надъ скрипкой). А разбить все-таки было нужно: потому, проклятая, не выговаривала того, о чемъ вы плакали такъ горьво. У! какъ алчно накидѣло у васъ на сердце!—Калмычовъ всталъ во весь ростъ.—Отецъ! велите, что хотите—все сдѣлаю для васъ!

— Успокойтесь, мнѣ ничего не нужно.

— Нѣтъ! не успокоюсь до тѣхъ поръ, пока не успокою васъ! Вотъ вамъ квартира, столъ, прислуга— все берите даромъ, только оставайтесь у меня жить...

— Помилуйте, зачѣмъ же я буду даромъдомъ? возразилъ Раскатовъ обиженно.

— Да! я простой цирюльникъ, а вы вѣдь баринъ.. Ну, мы съумѣемъ это сдѣлать, ох! съумѣемъ уладить. Слушайте: завтра вы получите два урока, будете платить мнѣ что ни-будь за квартиру и хлѣбъ, и вотъ вамъ комната. Сказалъ вамъ Калмычовъ: найдеть квартиру — ну и нащолъ; сказалъ онъ вамъ: будутъ уроки — ну и будутъ! Щабашъ, значить и толковать нечего. Вы у меня ночуйте, а завтра Петръ принесетъ вещи. Такъ-ли?

— Тамъ, отвѣтилъ Раскатовъ, самъ не зная, какъ онъ будетъ жить, съ пьянымъ Калмычкомъ.

— Ура! принулъ тотъ на весь домъ.

XXIV.

Нѣтъ, дальше оставаться тамъ не могу! жаловался Раскатовъ черезъ вѣдѣлю Лаврентью Иванычу Иванова. Теперь онъ еще вапалъ съ именинъ, такъ дѣлается часто сумасшедшей. Вообразите: въ полночь вдругъ вскочить, плачетъ, будить меня и умоляетъ: сыграй ему на скрипкѣ, а и сврыни-то въ домѣ нѣтъ.

— Такъ, такъ, я его знаю, не первый годъ. Эй, Мишель!..

— Летимъ, дѣдушка, летимъ!

На-те вотъ на извозчика... Дети къ Калмычку, новыми тамъ: Оливки, вѣща, книги и постель. Да слышишь, онъ пьянъ, нарѣчься станеть — не дастъ, такъ ты будочника возьми и обработай тамъ, какъ слѣдуетъ. А ты, братъ, ошнокъ, не ходи: прильотъ, собака. Это дивій звѣрь стеновой, я давно его знаю. Трезвый онъ, молодецъ, пьяный чортъ.

— Да куда сюда? Помилуйте, мнѣ совѣстиво васъ беспокоить....

— Ну, тамъ завтра посовѣстимся за обѣдомъ, а теперь ступай-ко, братъ Миша, сворѣй.

Такъ и ступилъ Раскатовъ на новоселье у крестнаго отца.

Черезъ часъ возвратился Мишель босъ и опривнелъ въстъ, что книги калмыкъ отдалъ, а постелю не отдаетъ. Пускай

говорить сюда спать идетъ!»! Даже будочника чуть не верубилъ топоромъ.— Три года, говоритъ, онъ у меня стоялъ и за три года задолжалъ. Пусть сперва деньги отдастъ, а тамъ я по-стелю, а т. д.

— Ну чортъ съ нимъ, проснется самъ придетъ и постель принесетъ. Спи, другъ, пока на диванѣ?.. предложили мягко крестный отецъ.

А голыя Венеры да Вирсави тать и подмазываютъ слабыя нервы, особенно на диванѣ. Наступили опять свѣтлые, зимние дни. На крышахъ, улицахъ и мостяхъ серебряные ковры, такъ бы я написалъ со всего этого картину, — только алмазный блескъ слишкомъ рѣжетъ больные глаза. А въ большой залѣ такъ свѣтло, тепло, покойно, безмятежно; работаютъ усердно и хорошо. Придешь со свѣжаго воздуха, а тебя такъ и мазаетъ нодь носомъ красками, точно все говоритъ кругомъ: «садись, ниши, и ты!» — Усердно прочиталъ Раскатовъ все, что прислалъ Зоростровъ, но прочиталъ это въ двѣ недели, дальше чтожь? Уроки занимають три-четыре часа послѣ обѣда, а утромъ что дѣлать? — Раскатовъ подумалъ и засѣлъ работою.

— Ну! и этотъ мазать... взвричалъ вкрестный отецъ. — Эй, художники, нечего вамъ будеть ѣсть!

— Ну, блины будемъ ѣсть, по субботамъ, съостриѣ Мишель.

— Меня что-ли поминать? спросилъ старикъ серьезно.

— Какъ будто кромѣ дѣдушки и помануть некого? Вонъ какъ скоро убрался Михаилъ Михайлычъ Пѣшвовъ. — И Мишель тут же рассказалъ исторію, какъ передъ смертію они утили съ Пѣшвовымъ въ трактирѣ.

Раскатовъ злобно выслушалъ рассказъ.

— А хорошо, если бы ты, сынокъ, бросилъ! зашючилъ вкрестный о новомъ талантѣ.

— Какъ бросить? спросилъ уничтоженный Раскатовъ, воображая, что онъ пишетъ недурно.

— Обыкновенно какъ: вотъ какъ... Старикъ подошелъ и ногтемъ поправилъ абрисъ: Рисункъ былъ страшно невѣренъ.

Раскатовъ осердился, но принялся терпѣливо выправлять.

— Пряди, возди, другъ. Теперь ничего не сдѣлаешь, поздно!..

— Надобно что-нибудь дѣлать! отвѣтила юнона упрямно.

— Надобно дѣлать дѣло, а не пустяки. У тебя есть талантъ, но обработать его—много труда.

— Безъ труда, нѣтъ плода, отхватилъ Раскатовъ поучительно и добился таки того, что сталъ сносно выписывать женскія округлости. А смотря на такое усердіе, старикъ молча нахнулъ руной.

Уроки, чтеніе, живопись и веселая компанія поглотили у Раскатова все остальное время. Случать нелюда. Одно томительно—это безконечныя художническіе сумерки.

Жизнь художниковъ въ сумерки — особенная жизнь. Эти люди, просидѣвши день и просмотрѣвши всё глаза, въ сумерки любятъ отдохнуть и полежать въ потьмахъ. Цѣлый день молчаніе и въ сумерки не хочется разстаться съ нимъ— не говорится ничего. Только въ сѣняхъ да на дворѣ вѣчно возятся неумелыя ребята. Придетъ гость въ потьмахъ и уйдетъ въ потьмахъ; даже бесѣда съ нимъ такая же вялая и тяжелая, какъ сами художническіе сумерки:

— Здравствуйте, господа, гдѣ вы тутъ?

— Здѣсь, отвѣчаетъ голосъ изъ тьмы.

— Что, сумерничаете?

— Да, прилегли маленько.

Гость встаетъ.

— Садись, будешь гость.

Сѣлъ. Молчаніе.

— Ну что едемъ?..

— Тамъ.

Опять длинное молчаніе.

— Ну, прощайте?

— Прощай, коли не сидится.

И только въ концѣ развѣ объясняется, что товарищъ приходилъ попросить *сибирлету, туркисето, лаку, шардану*, или еще чего вродѣ того.

Раскатовъ уйдетъ гулявъ, бродить, бродить, а придетъ—таже тьма. Изрѣдка развѣ раздастся окликъ: «кто пришолъ»? —Я, отвѣтитъ Раскатовъ, и опять мертвое молчаніе кругомъ. Изъ тьмы слышится томительная сказка, —еще пустѣе и глу-

пше. Зажечь огонь, примется читать, а кругомъ мѣнаеть болтовня, нужно всё отвѣчать, и читать не даютъ!

— «Да что ты не пишешь, дьяволь? сердито спрашиваетъ его Зероостровъ. Два мѣсяца ни слуху, ни духу! Ну, гдѣ ты? что съ тобой? какъ въ воду канулъ человекъ? Ужь не сердитишься-ли ты за художниковъ?—ничего; зацѣпилъ маленько; экая важность! У нихъ призваніе быть сумасшедшими, а у меня призваніе ихъ ругать. Мы, другъ, всё живемъ призваніемъ. И у тебя призваніе—молчать. Но ради бога наконецъ отвлѣкись. Пишу это письмо на имя пріятеля твоего, Биттеля; думаю найдешь тебя въ рѣбѣ, а два передъ этимъ посланы были на имя Волчихи и отвѣта не получала. А за это время я пережилъ цѣлую бедную новизну. Дѣла поправилась: крошѣ бани, получила урокъ и переписываю ноты какой-то Татьянѣ Иеромонаховой; по гривенничку съ листа лунимъ и работы предвидится: не мало. Она, какъ бы тебѣ сказать, мечтаетъ описать всё колѣнки въ свѣтъ; — такъ и начинается ея альбомъ: «Ванька Таньку полюбилъ и погубилъ». Дальше все въ томъ же родѣ. А вотъ тебѣ и университетъ намъ умина: идемъ, братецъ, идемъ,—славно, бодро, весело идемъ! Профессоръ чудо! какъ онъ, другъ, раскрылъ намъ нашу удѣльную системушку: страсть, волосы поднимаются дыбомъ! Молодецъ Зерцаловъ, ничего не щадитъ! — Вставай, другъ! новый міръ — университетъ, новая жизнь и сила! Мы искали съ тобой въ гимназій, ни о чемъ не имѣли понятія. Помнишь, какъ говорилъ Кайдановъ: исторія среднихъ вѣновъ—это рѣка широкая, но рѣка мелкая, тинистая, болотистая и т. д. — удивительно, шельмовство, враскорѣчиво! А не забыть ли те 73-ю страничку, гдѣ возгорѣлась война, вспыхнула мятежь, запылала междоусобица, кто-то бросилъ искру раздора и все это разорвалось бунтомъ! — вотъ каковы огнемъ дышали! бывало вдохновенныя страницы! И за то какъ же мы освѣтились, не считывая послѣ этой глѣ Смарагова. Но здѣсь, братъ, далеко не то: и Смараговъ самъ предъ этимъ ничто! — Вставай!

— Гдѣ же прежнія письма, неужели и тамъ онъ только дразнить меня? подумалъ Раскатовъ.

— А прежнія письма вамъ забыли отдать, когда вы у насъ были, писнула Волчиха, и подала еще два письма.

Но и тамъ было то же: одна рѣзкая наибѣжная жадъ днѣю гимназической жизнию, одна грубая фуганъ всего юношескаго и завѣтнаго, одинъ отирый позоръ прошлаго и одно сильное воззваніе отъ всего этого — куда-то впередъ!.. Оба письма оканчивались тѣмъ же словомъ: вставай!

— Раскатовъ не шутя задумался надъ жизнью друга сильной и трудовой, и надъ жизнью своей — слабой и пустой.

Въ оправданіе себя онъ написалъ, что болѣвъ былъ горячкой. Не хотѣлось ему признаться прямо, что онъ еще до сихъ норъ мечтаетъ о поэзіи, живописи и музыкѣ. Самую горячую и слезную страницу написалъ онъ въ Ивану: онъ молилъ его пощадить въ немъ эти святые чувства во всему очаровательному и соприсносущному душѣ человѣка. Больной, онъ никакъ не могъ оторваться сразу, отъ этой старой мечты такъ беззаботно убаюкивающей слабаго человѣка. «Что такое опять? философствовать онъ въ письмѣ: — это разочарованіе, насмѣшка, отвращеніе отъ жизни. Что такое незнаніе? — это сама истинная жизнь человѣка съ ея очарованіемъ, надеждой и радужными мечтами о свѣтлой будущности. Опытъ, другъ, ведетъ насъ къ разочарованію, и страшно, страшно душѣ ищущей, напряженной и истомленной, ничего не найдти тамъ, гдѣ мы ждали найдти наше полное, благодатное счастье!.. Въ душѣ мягкой все это замѣняется новымъ терпѣніемъ, новой надеждой и новой мечтой: но что же будетъ съ тѣмъ, кто не въ силахъ снова надѣяться на что нибудь?.. Ужасно, другъ Иванъ, состояніе такого человѣка!..» и т. д. Слово это была послѣдняя лебединая пѣсь горячаго юности-мечтателя, гдѣ онъ выливался и высказался всенъ съ своею юностью, свѣжестью и ребячески поэтическимъ бредомъ. — Писалось это въ полночь, въ самую лихорадочную пору человѣка.

Но прочитавши строго и трезво утромъ, наотцадъ, Раскатовъ изорвалъ и не послалъ этого письма въ Ивану. Пронитовъ еще разъ другой письмо друга, слабые и раздраженные вервы Раскатова еще болѣе почували прикосновеніе чего-то жесткаго, холоднаго. И страшно зарыдалъ отрезвиженный юноша, проблиная свою прошлую жизнь.

Настали зимніе вечера. Здѣсь жила художникъ: начала выказываться еще юнѣ. Сперва они жеманились передъ Раскатовымъ, какъ передъ человѣкомъ новымъ, но скоро со-

ились на ты, познавательны на короткую ногу, развязали руки, ноги, языки, и пошла такая возня и прискъ, такая крѣпкая слеза и выраженіи, что Раскотову частѣ приходилось качать отъ удивленія. Нельзя сказать, чтобы они были слашомъ поэмы и грѣзы, нѣтъ! въ нихъ были даже вѣчатки чего-то живого, свѣжаго и молодого, но эти верна жизни были до такой степени подавлены ужасающимъ невѣжествомъ, что имъ никогда не суждено было вырѣчь изъ плодъ. Отъ того и жизнь въ нихъ проявлялась еще хуже, нежели простое проявленіе! Такъ, напримеръ, любили они музыку, у нихъ были фортепьяно, гитара и скрипка. Но что это за музыка? Мишель-бисъ оретъ подъ гитару «Гусаръ на саблю опираясь»; Мишка-бисъ басу подтягиваетъ ему возломъ; въ другомъ углу Алексисъ калриваетъ на фортепьяно «Козынька-козачокъ», а какой-нибудь Ванька-сверчокъ писчитъ за игрой фистулой. Подтянется и Раскотовъ тутъ и тамъ, но все ему не легко! Самъ Лаврентій Ивановичъ иногда выйдетъ подтянуть, и составится оглушительный хоръ съ ребятишками... На Раскотова нападаетъ скука и тоска отъ такого вою. Наконецъ и всё соскучатся — брѣсать! А вечера бесполезно прошло. — Другой вечеръ назначается для литературы. Мишель сидитъ и серьезно списываетъ, заманчивую для всѣхъ Мишелей барковщину; Алексисъ учитъ наизусть: «Скинъ мантилью ангелъ милый» и пр. Устали, примутся читать, пойдутъ восклицанія: «кавъ это хорошо», «вотъ чувствительное мѣсто», «страшно даже стацолится на второй страницѣ!» и прочее, а окажется, что читають Киевскую вѣдму, Проклятое мѣсто или Аскольдову могилу. Повѣсти Эмма и Лунатикъ считаются самыми образцовыми, а дальше Юрія Милославскаго и Рославлева никто ничего не читаетъ. — «Особенно есть тамъ глава, такъ она начинается: «Бабушка, а бабушка! что это никакъ свѣтъ на дворѣ? — чудо! что за глава», возгордаются Мишель, и оказывается просто, что русскіе жгутъ свою малушку Москву.

— «Наже, не доставайся никому!» кричитъ въ азартѣ патристъ Мишель и съ остервенѣніемъ разшибаетъ воздухъ кулакомъ. — Третій вечеръ назначается для танцевъ. Неудачаго Раскотова принимаютъ за свѣтлаго человѣка и какъ танцмейстера, украшиваютъ поучить ихъ танцовать. Отказываются → сердятся. И вотъ начинается! возня и топанье по

залѣ: вальсируютъ съ такимъ ослепеніемъ, что дѣтять съ предсталомъ Сократы и Венеры; отхватываютъ маурку такими прыжками, какъ будто ихъ всѣхъ приняло сверху до самой. Самъ Даврентій Ивановичъ наигрываетъ имъ въ ладоши кадансъ, а замученный учитель Раскатовъ только парѣдка скажетъ съвозъ сонъ: «шортъ знаетъ, что вы дѣлаете, господа! не такъ!» и тутъ же начнутся споры: кому за даму, а кому за кавалера — носсорятся и чуть не подерутся. Но несноснѣе всего были для Раскатова вечера, назначенные для легкой живописи и карриатурки. Легкая живопись художниковъ заключалась въ вѣчномъ набрасываніи амуровъ, барановъ, деревьевъ, цвѣтовъ и развѣ для разнообразія — амуровъ съ сердечками, барановъ съ овечками, деревьевъ съ плодами, цвѣтовъ съ огурцами. А карриатурки ихъ были еще цощнѣе. Набросаетъ Алексисъ Мишеля съ разинутымъ ртомъ и подставляя подъ носъ скажетъ: «а вотъ какъ ты поешь». Отхватаетъ Мишель Алексиса въ видѣ бульдога на цѣпи и, подставляя подъ носъ, тоже повснитъ: «а вотъ какъ ты лаешь». — А кругомъ все восхищается и амурами, и карриатурами.

— И это жизнь! думаетъ грустно Раскатовъ.

XXV.

Сумерки. Лунная ночь. Тамъ за окномъ серебромъ горятъ крыши, деревья, поля. На большихъ окнахъ мастерской муровъ раскинулъ свои брилліантовые цвѣты. Всѣ лежать. Старики Савельичъ солдатъ, мужъ просвири, давно заткнулъ свой безконечный расказъ про походы въ Парижъ, да про то, какъ легко говорить съ нѣмцами въ нѣмецкихъ земляхъ.

— А простѣюцій, братецъ ты мой, народъ, эти нѣмцы. Штанишекъ нѣтъ на inomъ, а коли пришолъ ты темерича къ нему на фатеру — тотчасъ учнетъ: «фаленцы-бирь», «кофей-трынкепу» не хочешь-ли, и все такое. И тамъ эта у нихъ простота: примѣрно, ты его не знаешь, и онъ тебя не знаетъ, а скажи: «Эй, брудеръ, гинни мнѣ, братъ, хейну — по ихному значить сѣнца, — я тебѣ самъ отгипну, какъ выдстъ начальство». Ну, сейчасъ, братецъ ты мой, и такнѣтъ

охапку. А уважи теперича ему стаканъ, или умѣй сказать напрямикъ—шнапсу—живо, собака, пойметъ: смотришь при-тащилъ картофельной!.. и т. д.

Раскатову стало скучно слушать походы Савельича въ Парижъ. Онъ взялъ скрипку и пустился надсаживать свою чувствительную душу. Лаврентій Иванычъ долго ходилъ по мастерской.

— Вотъ твое призваніе, сказалъ старикъ твердо и рѣшительно: смычкомъ ты сдѣлаешь больше, нежели кистью. Это музыка какъ есть.

— Тоже сказалъ и Калмыкъ!..—Раскатовъ не шутя задумался надъ своимъ новымъ призваніемъ, и опять заигралъ.

— Шабашъ, ребята! крикнулъ неистово Мишель, и только было Раскатовъ приготовился выказать старику свой талантъ, какъ Мишель предложилъ:

— Ну-во плясовую, ноги зудятъ! и тутъ же, на постели, принялся отхватывать въ присядку.

Бѣдный Раскатовъ какъ не былъ настроенъ или расстроенъ къ грустному, однако отхваталъ для компаніи присядку, Алексисъ подыгралъ на гитарѣ, Иванъ поддержалъ акомпаниментъ, ребята напрыгались до упаду, Мишель, какъ цыганъ, взвизгнулъ: жги-говори! и вышло изъ этого что-то артистически-художественное.

— Ай-ай, ребята, весело вы живете, заключилъ Лаврентій Иванычъ и самъ начинаетъ притопывать ногой.

Раскатовъ повѣсилъ скрипку и не шутя задумался надъ тѣмъ: что это за жизнь?

А жизнь художниковъ день ото дня выказывается все яснѣе и гаже. Цѣлый вечеръ переливаютъ изъ пустого въ порожнее, толкуютъ о томъ-о семъ. Предметы же выбираютъ не-премѣнно такіе, о которыхъ никто не имѣетъ понятія.

— Что такое, ребята, изящное? спрашиваетъ вдругъ Алексисъ.

— А вотъ что!.. вскочить Мишель и начнетъ пудрить папильотки Алексиса.

— Ну, разыгрался, дѣшій! отвѣтитъ тотъ: не знаетъ, скотъ, вотъ и начнетъ увертываться.

— А! постой! И поднимается щевотанье, возня и ругань.

— Изящное, ребята, то, что взято изъ общихъ формъ, вступится и пояснить самъ хозяинъ.

А Мишель подкрадывается сзади къ Алексису и чихаетъ ему въ ухо:

— Чухвысь!

— Брысь! отвѣтить тотъ, и съ испугу мазнетъ по носу краской.

Раздается неистовый хохоть.

— И это изящное?.. думаетъ Раскатовъ горько.

— А трудная теперича вещь эта перспектива; безъ науки ее никакъ не поймешь, . начинаетъ мастеръ Александръ Егоровъ.

— Вотъ вздоръ, наука, пустыя! Вонъ Рафаэль, шельма, какъ валялъ, чортъ его обдери, а небось наукамъ не учился.

— Охъ, ты Рафаэль суздальскій!

Утро. Зало точно бивуакъ. Все спитъ на полу, или на доскахъ, замалеванныхъ подъ картины. Все грязно, безобразно, оборвано, скомкано. Раскиданы въ безпорядкѣ носки, портянки, валенки; разметаны, какъ ландшафтъ, жилетишки, галстухи. Прочее платье, скомканое грудой, въ сору, пуху и табачной золѣ.

— Уррр-а! реветъ проспавшійся Мишель.

— Что ты зѣваешь, ребятъ перепугаешь. Высунется испуганный хозяинъ.

— Самъ испугался, дѣдушка: страшное что-то приснилось; не выдержалъ.

Все просыпается отъ реву; поднимается съ проклятиемъ или солдатскими шуточками. Умываются и облачаются въ золотыя ярмолки съ валенками и въ перидскіе халаты съ веревками и калошами на босую ногу. Накурено какъ въ казармѣ. Шуточки начинаются съ утра:

— Экой подлець, какъ нарѣзался, басить Мишель, разсматривая пьянаго кота. Котъ кувывается, мяучить и щурить масляные глаза. Все диво хохочетъ надъ потѣхой Мишеля и самъ Лаврентій Ивановичъ смотритъ съ отеческой улыбкой на забаву ребятъ. Улыбнется и Раскатовъ, смотря на пьянаго Ваську, но улыбнется такъ обидно и горько, какъ будто хочетъ сказать: «а можно бы и иначе пошутить.» Мишель точно угадаетъ его горькую улыбку и дѣйствительно

пошутить иначе надъ Шаркомъ. Онъ выкрасить свою шавку зеленой краской, и все опять фыркаетъ и хохочетъ цѣлую недѣлю, пока собаченка не оближетъ себя кругомъ.

Начинается завтракъ и споръ. Кто съѣстъ полсотни огурцовъ, или сотню каленыхъ яицъ? Мишель съѣдаетъ, гущей запиваетъ; Лаврентій Ивановичъ дивится, а прочее все хохочетъ, называя его «артистомъ изъ обжорнаго ряда». Алексисъ амурится съ кухаркой; Сашва — маленькій ей снѣгу за пазуху набиваетъ или холодной водой обливаетъ; а хозяинъ только спросить: «кто?» и залетаетъ опять веселымъ хохотомъ.

— А славно я надую эту животину, Севрюгина, хвалится впередъ Алексисъ, расписывая желтыми колерами на манеръ иконъ старинныхъ и дѣйствительно продаетъ Севрюгину за сто цѣлковыхъ, какъ старинную икону.

Поздравленіямъ нѣтъ конца; пьянство цѣлую недѣлю;

— Что жъ это такое? спрашиваетъ отчаянно Раскатовъ.

А вкругомъ идетъ пьянство до отливу — перепиваются даже маленькіе ребятишки. Во всѣхъ углахъ поютъ веселую борковщину.

Вонъ, вонъ отсюда! кричитъ Раскатовъ, и въ полночь убѣгаетъ вонъ.

XXVI.

Ночь. Площадъ. Постоялые дворы, глухіе, замкнутые, темные. Надъ однимъ, какъ фонарь, торчитъ свѣтелка, изъ нея чуть брежитъ слабый свѣтъ. Слышится тоскливая скрипка.

На площади стоитъ человѣкъ, раздулись широкія ноздри и точно собака, нюхаетъ онъ воздухъ, заслышавъ знакомые звуки.

— А должно быть тамъ... Но кто? чортъ знаетъ кто — у тѣхъ инструменты въ закладѣ... И человѣкъ кинулся черезъ площадъ, нырнулъ въ калитку съ цѣпью, и исчезъ въ темнотѣ постоялаго двора.

Раскатовъ только кончилъ письмо къ Ивану. Скрипка тоже жалуется на художниковъ. Вотъ что писалъ онъ наконецъ другу объ нихъ:

«Все что говорилъ ты о художникѣ на Черномъ озерѣ, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ я! Ты,

другъ, правъ, укоряя меня въ идеализмъ и сумасбродствѣ: но надо быть послѣдовательнымъ — не спѣшить, надо самому видѣть и судить. Теперь я все испыталъ, — я самъ бѣжалъ отъ моихъ художниковъ, и могу писать тебѣ не одну голую ругань, а факты, на которыхъ она основана. Ты спрашиваешь: кто они, дурачье или сумасшедшіе? Ни то, ни другое, другъ, — это просто полундіоты отъ растлѣнія и разврата. Сумасшедшій человѣкъ заслуживаетъ состраданія, какъ борець-жизни, дуракъ заслуживаетъ хоть сожалѣнія, какъ человѣкъ обиженный природой, а эти не заслуживаютъ ничего, кромѣ глубокаго презрѣнія, отвращенія и проклятій наконецъ. То, что зовется въ нихъ полною художественною жизнью — такая пустошь, пошлость и дичь, что у меня нѣтъ силъ высказать тебѣ все! То, что казалось въ нихъ дѣтскостію и наивно-стію — просто темное невѣжество, школьничество и неумѣнье мыслить и разсуждать. Они малодушны, трусливы, податливы на всякій вздоръ и обманъ, оттого и поступки ихъ похожи на самую незатѣйливую дѣтскую игру, гдѣ вмѣсто истинной веселости и рѣзвости, проглядываетъ одинъ грубый шарсъ, одна пошлая штука, одна дурковатая острота, словомъ то, что въ дѣтяхъ прелесть, въ нихъ — глупость и пустота. То что казалось въ нихъ простотой и добротой — это полное незначіе жизни и нехотѣнье дѣлать зло только изъ лѣни. Простота ихъ — въ безцеремонномъ обращеніи, грубомъ словѣ, вознѣ, толчкахъ, ругани и грязныхъ выраженіяхъ, а доброта еще въ худшихъ формахъ. За гривенникъ заставляютъ Кузьку-слѣпца свистать на карачкахъ соловьемъ; за обѣдъ или рюмку водки предлагаютъ сумасшедшему Торопову разсказать свои стихи, какъ мѣсяцъ свѣтитъ въ цѣлковый, и звѣзды блещутъ въ четвертакъ, а за кусокъ насущнаго хлѣба цѣлый день потѣшаютъ и дразнятъ Авдошку-дурака. Отвратительно, другъ, смотрѣть на такое искаженіе жизни! Конечно все это можно разнообразить и шуткой, и остротой; но что такое шутки и остроты моихъ друзей художниковъ? Жизнь ихъ — спячка, вѣчный столбьякъ, стоячее болото, отъ такой жизни и общества способность мышленія виснетъ, и воображеніе творить какіе-то дикіе образы и неестественныя формы! Вѣчно голія Венеры, вѣчно развратныя картины, вѣчно рисованіе женскаго тѣла съ натуры — все это соблазняетъ глазъ, распалаетъ во-

ображеніе, растлѣваетъ самое цѣломудріе и такъ рано раз-
вращаетъ самыхъ недоростковъ, что смотря на такое скот-
ство, мнѣ дѣлалось иной разъ отвратительно гадко. На во-
просъ: какъ жилъ я съ ними три мѣсяца? у меня нѣтъ силъ
отвѣчать, — достаточно сказать, что я бѣжалъ отъ нихъ въ
полночь и бѣжалъ къ дядѣ Егору, на постоянный! Ты знаешь,
что такое Егоръ, постоянный и свѣтелка? значить нечего пояс-
нять, что меня загнало туда прямо отчаяніе! Вотъ тебѣ моя
новая жизнь.

Р. S. Плутъ Егоръ ухаживаетъ за мной, какъ за своей Прысь-
кой, даже свѣтелку обилъ внутри рогожами, желѣзную печку
хочетъ ставить, — но все это не даромъ. Чуетъ мое сердце,
что дяденька хочетъ вывннуть какую-то штуку, или сочинить
пакость на мой счетъ. Женить, я думаю, скорѣе всего? Онъ
завидывалъ кое-что на эту тему и я согласился на словахъ.
Но не знаю, кто кого женить на дѣлѣ: онъ меня, или я его!»

— А! вонъ вы гдѣ, въ небесахъ? крикнулъ кто-то, отво-
ривъ дверь въ свѣтелку.

— Кто тутъ?

— Я, я, Калмычокъ!

— Входите, не студите!

— А я, батенька, передъ вами подлецомъ остался.—Кал-
мычокъ упалъ на колѣни.

— Это почему?

— А постельку-то, нешто забыли?

— Э, вздоръ! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Калмычокъ бросился обнимать Раскатова и чуть не пова-
лилъ его.

— Да полно вамъ воняться, садитесь. Какъ дѣла?

Калмычекъ только было сѣлъ, но опять вскочилъ:

— Отлично, отецъ! тутъ подъ вами сидитъ въ избѣ чловѣкъ
десять — вотъ народъ, геніи на повалъ! Не хотите-ли позна-
комлю? Сойдемъ?

— Въ какомъ же родѣ геніи?

— Да то же по части пиленія... Онъ указалъ на скрипку.

— Кой чортъ, зачѣмъ же они на постояломъ?..

— Эхъ, вы, отче разумниви, не раскусе-па! Я ихъ выпи-
салъ изъ Стерлитамаку: — это странствующіе, путешествую-
щіе, недугующіе.. На зиму привадили сюда, ферштеенъ-зи?.

Балотировка, знаете, будетъ, пляска у дворянъ, время веселое Тутъ-то нашему брату и подыгрывать, какъ они распляшутся. Цѣлковыхъ полтора ста на брата хватимъ!..

— Ужь будто полтора ста?

— Лопни глаза, полтора ста! Не хотите-ли авкомпаниманъ, прямо дадутъ?

— Врете, я думаю.

— Да разрази меня господь, дадутъ! Что мнѣ передъ вами врать, изъ какой корысти? — Калмычовъ перекошилъ даже глаза отъ увѣренія.

Раскатова передернуло отъ радости.

— А хорошо бы хватить полтора ста! Жаль, не знаю бальной...

— Э, батенька, бальная!.. Бальная — тьфу! вотъ что-сь. Наяривай какой-нибудь фолишончикъ и баста!

— А пойдѣмъ, сойдѣмъ, попробуемъ. За деньги я готовъ хоть дрова пилить, не только скрипку.

— Деньги будутъ, отецъ!

Сошли наконецъ.

Въ Маѣ, гдѣ лѣтомъ жили извоциви, теперь на время, помѣстились странствующіе артисты. Жили они какъ птицы небесныя, и больше пили, развалясь на полу около самовару. Шестеро себѣ ромъ подливаютъ, одинъ зудитъ передъ печкой и стряпаетъ яишенку съ ветчиной; а другой сидитъ на варточкахъ и разсуждаетъ фистулой: «хорошо бы съ перчикомъ.»

— Вотъ, господа, самъ Поганини, отрекомендовалъ Калмычекъ.

Артисты осмотрѣли Раскатова съ головы до ногъ. Одинъ, виолончель, руку пожалъ, другой на колѣни привсталъ. Это былъ хозяинъ контръ-басъ.

— А мы сейчасъ слушали васъ. Игра славная-сь.

У Раскатова уши покраснѣли. Онъ скромно поклонился.

— Раздайтесь, господа. — Контръ-басъ раздвинулъ кулаками господъ и притянулъ Раскатова за полу, на кошму.

Раскатовъ присѣлъ на корточки. Экзаменъ начался.

— Вы изъ какихъ, батюшка, оперный или бальный?

— Кабинетный больше, для себя.

— Вотъ, вотъ этакихъ-то намъ и надо! Рекомендуюсь:—

контръ-басъ;—я уважаю васъ собственно потому, что вы скромны. Вотъ вамъ рука и стаканъ—цѣлуйте меня!

Контръ-басъ такъ потянулъ на себя Раскатова, что тотъ вынужденъ былъ поцѣловать и принять стаканъ.

— Это самъ генераль-басъ, не знаю какъ для васъ, а для меня *profondo*. (Онъ указалъ въ стаканъ). Попробуйте, можетъ сладите?

Раскатовъ попробовалъ. Оказалось дѣйствительно *basso-profondo*—такъ и хватаетъ за горло.

— Чай, поди, ромъ-гольемъ? спросилъ съ улыбкою Калмычевъ, присаживаясь рядкомъ по-калмыцки. Не сладить, отецъ, такъ по-сосѣдству сунь-ко мнѣ.

Раскатовъ съ удовольствіемъ сунулъ по сосѣдству.

— А мы сегодня отдыхаемъ, не играемъ. Завтра начнемъ, въ нему вотъ утромъ на репетицію. Оно конечно можно бы и здѣсь, да тутъ за стѣной какая-то старая вѣдьма зѣваетъ. Вообразите: пѣть мѣшаетъ, не только играетъ!

— ▲, это моя мать.

— То есть, какъ же это: маменька—родная?

— Да, родная.

— Ахъ, ванальство! отчего-жъ вы прежде не сказали? За что-жъ мы ее обругали.

— Не знаю.

Артистъ замолчалъ.

— Вы однако не слушайте его — все вретъ, вмѣшался Калмычовъ.

— Миша, цыцъ!..

— Ну, чего его надуть, надо говорить прямо. Они вѣдь меня за вами послали. А репетицію отъ того не начинали, что скрипки выкупить нечѣмъ. Нѣтъ-ли у васъ?.. выручите.

— Извольте, Михаилъ Наумычъ — долгъ платежемъ красенъ. Я помню вашу шинель въ закладѣ. Сколько вамъ?

— Да двадцать пять, если можете дать, назначилъ контръ-басъ.

Раскатовъ далъ.

— Ура! кричалъ Калмычъ. Прочее все сгрудилось около Раскатова и заговорило. Онъ сталъ, какъ почтенный гость.

— Это душа-человѣкъ, лопни моя утробушка! увѣрялъ всѣхъ Калмычъ.

Тутъ же выкупили у хозяина инструменты и начали бакующую репетицію. Но въ половинѣ вечера такъ перепились, что Калмычка выпроводилъ хозяинъ въ шею, а Раскатовъ ушелъ ночевать къ Парамону кузнецу.

XXVII.

На третій день Рождества, дворянскій предводитель давалъ балъ. Наши артисты были приглашены играть. Раскатову дали вторую скрипку.

— А мнѣ, братъ, надо съ тобою покалякать? началъ дядя Егоръ, усаживаясь на постель, гдѣ лежалъ Раскатовъ передъ отправленьемъ на балъ.

— О чемъ?

— Да вотъ о чемъ: что ты связался съ этими шарамыжниками, — прохвосты-вѣдь они.

— А мнѣ какое дѣло, кто они.

— Какъ какое дѣло? Замараешься около нихъ. Вѣчно пьянство да буйство...

— Я не пьянствую — просто играю, чтобъ денегъ добыть.

— Да развѣ нѣтъ теперича чего инаго чѣмъ добыть деньги?..

— Мнѣ и это хорошо.

— Чего тутъ хорошаго: копѣйками собирать.

— И копѣйками возьмешь, коль рублями не даюгъ! отхватилъ Раскатавъ сердито.

— Отъ тебя, другъ, зависять рубли-то. Тысячи вонъ заразъ даюгъ, только бери!

— А кто ихъ даетъ?

— Кто даетъ? Добрые люди даюгъ. Только руку подставь.

— Ничего я не понимаю!

У Раскатова мелькнула мысль: ужъ не дядя-ли хочетъ раскошелиться для праздника? Но зная этого роднаго скота, онъ тотчасъ же увѣрилъ себя, что этого не можетъ быть.

— Хочешь получить сегодня тысячь пять?

— Отъ чего не хотѣтъ, давай! — Раскатовъ приподнялся и сѣлъ.

— Приходи уже вечеромъ ко мнѣ...

— Хорошо.

— Вѣрно, значитъ?

— Вѣрно.

— Прощай!

Егоръ важно ушелъ. А Раскатовъ долго лежалъ и думалъ: ну, кто-нибудь изъ насъ двухъ да сошелъ съ ума? Или мнѣ все это грезится въ домѣ умалишенныхъ, или дядя Егоръ спятилъ?..

Но дядя Егоръ не спятилъ. Въ сумерки онъ прислалъ за Раскатовымъ Прыську: просить — кушать чай.

— Кто у него?

— Да никого, отвѣтила съ улыбкой Прыска.

Раскатовъ зналъ эту бестію дѣвку, и потому тотчасъ смекнулъ, что тутъ что-нибудь недаромъ. Отправился.

Дядя Егоръ жилъ на другомъ концѣ двора, въ особомъ флигелѣ, окнами на улицу. У него было даже залцо, съ краснымъ ветлужскими стульями и огромная божница съ лестовками, камильницей и деревяннымъ голубкомъ, не было только толстыхъ житій, — потому что Егоръ не зналъ грамотъ.

Не безъ робости вступилъ Раскатовъ въ темныя сѣни — такъ ново было для него ласковое приглашеніе дяди. А переступилъ порогъ, онъ едва устоялъ: зло, досада и презрѣніе — все заговорило въ немъ заразъ.

На почетномъ мѣстѣ подъ божницей сидѣлъ Севрюгинъ съ дочью, которую Раскатовъ училъ и ничему не выучилъ. Отрезвленная и одѣтая по праздничному, Катерина Михайловна сидѣла возлѣ Севрюгина и плакала: точно она собиралась дочку выдать замужъ, а не сына женить. Мѣсто возлѣ Дунюшки было оставлено для жениха.

— Ну, здравствуй племянникъ, милости просимъ. Садись-ко вотъ сюда рядкомъ, да побесѣдуй съ ней ладкомъ. Ты эту дѣвицу знаешь?

— Знаю, отвѣтилъ Раскатовъ ошеломленный.

— А вы этого человѣка знаете?

— Такъ позвольте ему ужь тутъ къ вамъ присусѣдиться.

Раскатовъ смиренно далъ себя усадить.

— Вотъ, братъ, пять-то тысячъ, о которыхъ я те гово-

рилъ утрось. Видишь?.. пробормоталъ дядя на ухо, тыкая Раскатова въ бокъ.

— Нѣтъ, не вижу! отвѣтилъ Раскатовъ сердито и чуть было не далъ дяденькѣ плюху.

— Ну, вотъ, постой, глаза протремъ, увидишь.

Свять налилъ двѣ рюмки вина и поднесъ жениху и невѣстѣ.

Раскатовъ разбѣшенный выпилъ и выпросилъ еще стаканъ.

— А я, сосѣдшка, поспѣшилъ, взялъ да кольчиги купилъ, ухмылялся дурковато дядя Егоръ, и положилъ передъ женихомъ съ невѣстой обручальныя кольца. Изъяви-ро, батюшка, Василій Федотычъ, послать за попомъ? Такъ что-ли, матушка, Катерина Михайловна?

Но Раскатовъ дальше не выдержалъ, поблѣднѣлъ:

— Эй, Прыська, сюда! вскричалъ онъ неистово, весь дрожа. Это кольцо вотъ, дядя, тебѣ, а это ей. Женись сперва самъ и прикрой старый грѣхъ, старый ты дуракъ?

— Это дядю-то роднаго? Ахъ ты шельма! Да я те исковеркаю, цѣпная собака!. Ямщиковъ сюда, Прасковья!.. заоралъ дядя Егоръ.

— Ну, это не годится, свать! За что же теперича насъ-то съ Дунюшкой опозорить на этотъ счетъ? Тамъ вы какъ хотите грызитесь — родные. Вотъ и мать, она можетъ унять его, коли такъ. А мы лучше скоренько уйдемъ. За что же насъ шельмовать эдакимъ манеромъ?.. бормоталъ въ попыхахъ Севрюгинъ и тотчасъ ушелъ.

Дядя Егоръ бросился-было въ свѣтелу съ ямщиками, но тамъ жениха уже не было. Онъ наигрывалъ польку на балѣ предводителя.

— Что это, господа! ни на что не похоже, какъ скверно идетъ, говорилъ кавалеръ Касперо музыкантамъ.

— Да вотъ новичокъ, Владиміръ Николаичъ. Втора пришла сейчасъ. Руки съ морозу не разыгрались еще... Калмычокъ указалъ смычкомъ на втору.

— А! вы какъ сюда попали? Раскатовъ, кажется? я васъ у Сомова видалъ!

— Да, я тамъ жилъ.

— И кончили съ Мишей?

— Кончилъ.

— Чтожъ въ университетъ?

— Денегъ нѣтъ.

— Что же васъ загнало сюда?

— Нужда.

— А! — Ну, польку, польку господа! И кавалеръ Касперо ушелъ.

Но сколько Раскатовъ не отогрѣвалъ себѣ руки, сколько не смотрѣлъ въ ноты — игралъ отвратительно скверно!

— Что съ вами, батенька? спрашивалъ съ удивленіемъ Калмычокъ. «Да вы этакъ осрамите насъ!» говорилъ рѣшительно контръ-басъ. А кавалеръ Касперо предложилъ лучше Раскатову уйти, потому что онъ нездоровъ и портить весь оркестръ.

Такъ Раскатовъ и вышелъ на крыльцо предводительскаго дома, задавая опять давно извѣстный вопросъ: «куда идти?» Зналъ онъ теперь бѣдный, что дядя Егоръ переломаетъ ему бока.

— Куда же? повторилъ онъ съ отчаяніемъ, и пошелъ, самъ не зная куда.

Г. Метанинъ.

ВИПОВАТА—ЛИ ОПА?

ГЛАВА XXVIII.

ИЗЪ БАДЕНА ВЪ ЛЮЦЕРНЪ.

Въ половинѣ іюля наши путешественники со всѣмъ своимъ домашнимъ штатомъ поселились въ Люцернѣ, гдѣ мистеру Паллизеру уже нечего было опасаться соблазновъ нѣмецкихъ игорныхъ домовъ. Аліса Вавазоръ все еще была съ ними, изъ чего читатель догадается, что ссора ея съ мистеромъ Паллизеромъ не возымѣла никакихъ серьезныхъ послѣдствій? Словеснаго извиненія отъ мистера Паллизера она не дождалась, но изъ всего его обращенія она могла видѣть, что онъ сознается, что былъ неправъ и этого съ нея было довольно.

Прежде чѣмъ поселиться въ Люцернѣ, путешественники осмотрѣли водопады Рейна и побывали въ Цюрихѣ. Дорога къ великому прискорбію Алісы, вела ихъ черезъ Базель. Стоило ей, конечно, сказать только слово о томъ, что съ Базелемъ у нея связаны тягостныя воспоминанія — и мистеръ Паллизеръ отказался бы отъ принятаго имъ маршрута, но у нея не доставало духу сказать это. Она вообще очень неохотно говорила о себѣ и о своихъ дѣлахъ, даже съ своею кузиною; лэди Гленвора, конечно, знала всѣ подробности ея романа съ мистеромъ Греемъ и знала тоже кое-что изъ другаго ея романа съ Джоржемъ Вавазоромъ. Нечего и говорить, что лэди Гленвора, какъ и всѣ друзья Алісы, ненавидѣла Джоржа Вавазора и готова была принять Джона Грея съ распростертыми объятіями, лишь бы Аліса согласилась раскрыть ему свои объятія. Но Аліса была такъ несообщительна, когда

рѣчь заходила о ея дѣлахъ, что лэди Гленнора никакъ не могла добиться отъ нея толку.—Вы хлопчете по напрасну, отвѣчала ей Алиса. То что я сдѣлала, сдѣлано безвозвратно. Я знаю, что поступила дурно, очень дурно, но все же я убѣждена, что все случилось къ лучшему. Мнѣ, право, кажется, что я гораздо счастливѣе проживу свой вѣкъ одна, или, пожалуй, съ кузиною Кэтъ, чѣмъ замужемъ.

— Какой вы вздоръ говорите!

— Можетъ быть, и вздоръ, но отчего же не попробовать? Всѣ мы, Вавазоры, повидимому не годимся для супружеской жизни.

— Вамъ, какъ я вижу, просто хочется, чтобы ктонибудь съ ума сошелъ по васъ, проговорила лэди Гленнора.

Въ первый же вечеръ пребыванія нашихъ путешественниковъ въ Базелѣ, Алиса получила письмо отъ кузины Кэтъ, въ которомъ говорилось о Джоржѣ.—«Джоржъ потерпѣлъ поражение на выборахъ,—такъ начиналось письмо. Мы съ тетусшкой Гринау теперь въ Лондонѣ и только-что узнали объ этомъ. Я третій день здѣсь и уже два раза давала ему знать о своемъ приѣздѣ, но онъ не показываетъ глазъ. До меня съ каждымъ днемъ доходятъ новые слухи о его похожденияхъ и я начинаю серьезно опасаться за его будущность. Онъ, кажется, совсѣмъ оставилъ свое дѣло, такъ что ему рѣшительно жить нечѣмъ. Я бы охотно подѣлилась съ нимъ всѣмъ, что имѣю, мало того, я уступила бы ему всю свою часть доходовъ съ имѣнья, удержавъ лишь столько, сколько нужно, чтобы уплатить по частямъ его долгъ тебѣ. Но я не могу этого сдѣлать, пока мы съ нимъ официально въ ссорѣ. Я собственно за тѣмъ и приѣхала сюда, чтобы посоветываться съ адвокатомъ по поводу кое-какихъ мѣръ, принимаемыхъ имъ для уничтоженія дѣдушкина завѣщанія. Адвокатъ говоритъ, что все это пустяки и что стряпчій Джоржа и самъ серьезно не думаетъ оспаривать дѣйствительность завѣщанія, но все же я ничего не могу сдѣлать, пока эти недоразумѣнія не улажены. Милая Алиса! хотя ты и лишилась на время значительной части твоего капитала, все же я не могу не радоваться твоему избавленію отъ большаго несчастія, грозившаго тебѣ. Ты поймешь, какво мнѣ писать это, мнѣ, сдѣлавшей все, что было въ моей власти, чтобы свести тебя снова съ нимъ, и

возлагавшей на него такі лестныя надежды! Что касается твоихъ денегъ, то онѣ не пропадутъ. Будь увѣрена, что я не позволю разорить тебя на счетъ моихъ ошибокъ и увлеченій. Я надѣюсь, что ты простишь мнѣ зло, которое я тебѣ сдѣлала, и увѣрена, что ты пожалѣешь меня.

«Я пріѣхала сюда, чтобы повидаться съ адвокатомъ, но у меня кромѣ того была и другая цѣль. Тетушка Грипау закупаетъ себѣ приданое къ свадьбѣ. Капитанъ Бельфильдъ квартируетъ не подалеку отъ насъ и тоже обзаводится всѣмъ необходимымъ, или вѣрнѣе его обзаводятъ. Въ настоящую минуту я далеко не расположена къ веселости, но не могу не смѣяться про себя, слушая, какъ она обсуждаетъ состояніе его туалета и предлагаетъ различныя экономическія сдѣлки, которыя ему вѣрнѣе не по душѣ. До сихъ поръ она его держитъ въ ежовыхъ рукавицахъ и требуетъ у него отчета въ каждомъ потраченномъ шиллингѣ и въ каждомъ часѣ, проведенномъ за ея спиною.—Онъ, конечно, закусить удила, какъ мы только повѣнчаемся, сказала она мнѣ вчера, и мнѣ съ нимъ много предстоитъ возни, но чѣмъ строже я его поведу теперь, тѣмъ менѣе онъ будетъ бѣситься впоследствии. И хоть я знаю, что мнѣ придется задавать ему отъ времени до времени головоломки, но я убѣждена, что между нами никогда не дойдетъ до ссоры.—Я не сомнѣваюсь, что все это совершенно справедливо, но не съумашедшая ли она, что связывается съ такимъ человѣкомъ? Она говоритъ, что дѣлаетъ это отъ скуки. Я какъ то разъ собралась съ духомъ и сказала ей, что ужъ лучше бы она завела отъ скуки тигра въ клеткѣ. На это она ужасно разсердилась и отвѣчала мнѣ, что вотъ, я пробовала возиться съ тигромъ и испытала на себѣ его ногти; что она, съ своей стороны, предпочитаетъ жертвовать собою тамъ, гдѣ изъ этого можетъ выдти какойнибудь прокъ. Послѣ этого мнѣ ничего болѣе не оставалось возражать и съ тѣхъ поръ мы живемъ съ нею въ отличнѣйшемъ ладѣ. Они переговорили съ твоимъ отцомъ на счетъ вавазорскаго замка и наняли его на три года.

«Всего вѣроятнѣе, что я останусь съ ними до твоего возвращенія. Какъ я распоряджусь собою впоследствии, будетъ зависѣть отъ того, какъ твоя жизнь сложится.

«Я чувствую себя одинокимъ, безпріютнымъ существомъ я:

никогда не думала, что смерть моего дѣда такъ тяжело на мнѣ отзовется. Кромѣ тебя у меня нѣтъ ни души близкой въ цѣломъ свѣтѣ, а между тѣмъ, я не могу отвязаться отъ отравляющаго сознанія, что я годами хлопотала о томъ, чтобы погубить тебя и что ты должна смотрѣть на меня, какъ на злѣйшаго своего врага».

Пока Алиса читала это письмо, мистеръ Паллизеръ, который ей принесъ его, сидѣлъ противъ нея и весь ушелъ въ чтеніе газетъ, сообщавшихъ о результатѣ происходившихъ въ то время выборовъ.

Лэди Гленнора стояла возлѣ него и тоже пробѣгала полученные ею письма. — Софи пишетъ мнѣ, что ты выбранъ представителемъ Сильвербриджа, проговорила она наконецъ.

— Кто, я? Какъ же! выбранъ, отвѣчалъ мистеръ Паллизеръ съ легкимъ оттѣнкомъ презрѣнія въ голосѣ къ тому дерзкому, который отваживался бы оспаривать у него представительство его собственнаго родоваго мѣстечка. Мнѣ прискорбно слышать, миссъ Вавазоръ, что вашъ двоюродный братъ былъ менѣе счастливъ въ этомъ отношеніи.

— Да; и мнѣ тоже объ этомъ пишутъ, отвѣчала Алиса. Для него это большое несчастіе.

— Еще бы! Эти столичные выборы всегда стоятъ столько хлопотъ и столько денегъ, а между тѣмъ въ нихъ при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ нельзя полагаться на успѣхъ. Надо пройти сквозь эту процедуру три или четыре раза, чтобы имѣть право считать представительство за собою.

— Это третья попытка моего двоюроднаго брата, проговорила Алиса, а онъ небогатый человѣкъ.

— Ай, ай, ай,! отозвался мистеръ Паллизеръ, который съ своей стороны не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о подобныхъ невзгодахъ. Я всегда былъ того мнѣнія, что эти округа слѣдовало бы предоставить богатымъ негоціантамъ, которые имѣютъ средство видать деньги на эти вещи. А между тѣмъ тутъ-то и являются кандидатами люди съ ограниченными средствами. Еще одинъ изъ моихъ парламентскихъ союзниковъ потерпѣлъ пораженіе.

— Кто же этотъ несчастный? спросила лэди Гленнора.

— Мистеръ Батъ, опрометчиво отвѣчалъ мистеръ Паллизеръ.

— Мистеръ Батъ потерпѣлъ пораженіе! Какъ я рада! во-

свалинула лэда Гленкора. — Вѣдь и вы тоже рады, Алиса? Помните, тотъ рыжій исполинъ, что вѣчно гдѣ нибудь торчалъ въ Мэтчингѣ, лишился мѣста въ парламентъ! Теперь, полагаю, онъ уберется во свояси и будетъ гдѣ нибудь торчать въ Ланкашейрѣ.

Мистеръ Паллизеръ посоловѣлъ за аршиннымъ листомъ «Times». — Я не зналъ, проговорилъ онъ, что мой пріятель, мистеръ Батъ, и миссъ Вавазоръ такіе враги.

— Не думаю, чтобы они были врагами, возразила лэди Гленкора; но онъ изъ тѣхъ личностей, которыя каждому кажутся въ глаза и . . . и внушаютъ антипатію.

— Онъ дѣйствительно внушалъ мнѣ непреодолимую антипатію, отважно объявила Алиса. Быть можетъ онъ и очень хорошъ въ парламентѣ, но въ жизнь свою я не встрѣчала чловѣка, который умѣлъ бы быть такъ отвратителенъ въ обществѣ. Я не на шутку его ненавидила.

— Bravo, Алиса! проговорила лэди Гленкора.

— Надѣюсь, что онъ ничего такого не позволилъ себѣ въ Мэтчингѣ, что . . . что могло бы . . . заговорилъ мистеръ Паллизеръ тономъ извиненія.

— Что могло бы оскорбить меня? подхватила Алиса.

— Ничего ровно, мистеръ Паллизеръ. Но у него была пренепріятная манера напрашиваться на интимные разговоры.

— Къ тому же онъ такъ безобразенъ собой, добавила лэди Гленкора.

— И я была убѣждена, что онъ затѣиваетъ недоброе, продолжала Алиса.

— И потомъ, у него была привычка терѣться головою объ стѣну и оставлять пятна на обояхъ, добавила лэди Гленкора.

Мистеръ Паллизеръ, ошеломленный этимъ потокомъ словъ, принужденъ былъ замолчать и отказаться отъ защиты своего политическаго союзника.

На слѣдующій день маленькое общество отправилось въ Люцернъ и заняло чуть не цѣлую дюжину комнатъ въ большой гостинницѣ, стоящей на берегу озера. Тутъ къ нашимъ путешественникамъ явился посѣтитель, о которомъ будетъ рассказано въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XXIX.

Въ Люцернѣ.

Не особенно весело жилось мистеру Паллизеру въ Швейцаріи. Онъ не былъ большимъ поклонникомъ красотъ природы; передъ глазами у него была живописнѣйшая мѣстность въ цѣлой Европѣ, но мысли его постоянно уносились въ палату депутатовъ или въ то высоко-сановитое собраніе, которое называется кабинетомъ, и за дѣйствіями котораго онъ прилежно слѣдилъ по газетнымъ отчетамъ. Тутъ ему встрѣчались имена тѣхъ героевъ, къ которымъ судьба была милостивѣе чѣмъ къ нему и въ нихъ шевелилось невольное чувство зависти. Воображеніе рисовало ему высокія почести, которыя, по всѣмъ вѣроятіямъ, достались бы на его долю, если бы онъ остался въ Лондонѣ, и онъ съ отчаяньемъ повторялъ себѣ, что теперь всякая надежда на успѣхъ въ политической карьерѣ для него безвозвратно утрачена. Въ этомъ онъ былъ не совсѣмъ правъ. Ему всего было какихъ нибудь тридцать лѣтъ и если бы онъ въ своихъ собственныхъ дѣлахъ обладалъ такою же проникающею сужденія, какъ въ чужихъ, то понималъ бы, что кратковременное отсутствіе скорѣе возвыситъ, чѣмъ уронитъ его цѣну въ общественномъ мнѣніи. Но дурное настроеніе его духа не позволяло ему смотрѣть на свое положеніе съ настоящей точки зрѣнія. Что касается леди Гленкору, то она хоть и любила озера и горы, но любила ихъ по своему и всего болѣе была способна оцѣнить ихъ красоты среди веселой суматохи пикника, подъ хлопанье пробокъ шампанскаго. Вначалѣ она была въ восторгѣ отъ Швейцаріи и изъявляла желаніе взобраться на всѣ горы и осмотрѣть всѣ ущелья. Но восторгъ ея скоро прошелъ, и къ тому времени, когда они поселились въ Люцернѣ, она принялась утверждать, что не знаетъ ничего скучнѣе горъ и что озера ей положительно ненавистны.

Въ Люцернѣ они вели уединенную жизнь, такъ какъ мистеръ Паллизеръ не былъ падокъ на новыя знакомства; они даже не обѣдали за общимъ столомъ, хотя леди Гленкора и подговаривалась въ этому. Мистеръ Паллизеръ былъ противъ

этого, и лэди Гленнора, само собою разумѣется, должна была уступить.

Вдобавокъ между супругами то и дѣло происходили маленькія стычки, при которыхъ не слишкомъ-то было пріятно присутствовать третьему лицу. Они не бранились, но лэди Гленнора позволяла себѣ своевольныя выходки, къ которымъ ея мужъ относился неодобрительно; она продолжала ему на смѣхъ въ томъ же шутовскомъ тонѣ. Мистеръ Паллизеръ становился раздражительнымъ и начиналъ хмуриться на цѣлый свѣтъ. Вслѣдствіе всего этого нельзя сказать, чтобы Алиса особенно пріятно проводила первое время своего пребыванія въ Люцернѣ.

Но недѣли двѣ спустя, послѣ ихъ водворенія тамъ, случилось происшествіе, которое, по крайней мѣрѣ, внесло въ ихъ жизнь, нѣсколько разнообразія и придало ей болѣе интереса. Они завтракали, обыкновенно, въ девять часовъ, потому мистеръ Паллизеръ читалъ часовъ до трехъ, около этого времени онъ отправлялся гулять одинъ, а дамы ѣхали кататься въ своей каретѣ.

— Какъ я ненавижу эту карету, жаловалась лэди Гленнора, то-то бы я обрадовалась, если-бы она какъ нибудь разбилась въ дребезги! А то, право, здѣшніе жители вообразятъ, что мы въ ней вѣки вѣчные будемъ кататься. — Минутами впрочемъ, казалось, что лэди Гленнора собирается что-то важное сообщить Алисѣ, отъ чего разомъ бы измѣнился скучный и однообразный строй ихъ жизни. Но Алиса не попытывалась узнать эту тайну.

— Если у васъ есть что сказать мнѣ, то отъ чего же вы прямо не скажете? замѣтила она однажды.

— Да вы такая суровая, проговорила лэди Гленнора.

— Это я часто отъ васъ слышу, отвѣчала Алиса; комплиментъ незавидный. Но какая-бы я тамъ ни была, я не стану напрашиваться къ вамъ на довѣріе. — На это лэди Гленнора отвѣтила ей какою-то рѣзкою выходкою и разговоръ этотъ долгое время не возобновлялся.

Въ одно прекрасное утро мистеръ Паллизеръ, усадивъ дамъ въ карету, остановился у подъѣзда гостиницы, не зная идти-ли ему направо или налево? Тутъ къ нему подошелъ незнакомецъ, видимо англичанинъ и спросилъ, приподнимая

пляпу, не съ мистеромъ-ли Паллизеромъ онъ имѣеть честь говорить?

— Да, я мистеръ Паллизеръ, отвѣчалъ нашъ герой, съ самою безукоризненною вѣжливостію, тоже приподнимая шляпу и улыбаясь. Но, при всей его вѣжливости, въ его голосѣ и манерѣ было что-то такое, что отбило бы у всякаго другого охоту продолжать съ нимъ разговоръ.

— Имя мое Джонъ Грей, проговорилъ незнакомецъ.

При этихъ словахъ улыбка съ лица мистера Паллизера исчезла, видъ изысканной вѣжливости тоже пропалъ и онъ протянулъ незнакомцу свою руку. Того, что онъ зналъ о мистерѣ Грей, было достаточно, чтобы заставить его смотрѣть на него какъ на человѣка, съ которымъ ему, мистеру Паллизеру, можно познакомиться. Обмѣнявшись нѣсколькими словами, новыя знакомыя отправились гулять вмѣстѣ.

— Быть можетъ, вы не желаете встрѣчаться съ каретой? спросилъ мистеръ Паллизеръ. — Если такъ, то намъ всею лучше идти городомъ, по направленію къ рѣкѣ.

Такъ они и сдѣлали. И когда мистеръ Паллизеръ на обратномъ пути встрѣтился съ женою и Алисою, онъ уже былъ одинъ. За обѣдомъ онъ не сказалъ ни слова о случившемся. Остатокъ дня прошелъ своимъ обычнымъ порядкомъ, а мистеръ Паллизеръ все еще молчалъ. Наконецъ пришло время всему маленькому обществу разойтись по своимъ спальнямъ.

— Алиса! заговорила лэди Гленкора, когда онѣ очутились вдвоемъ въ коридорѣ, я насилу могла дождаться этого времени; равьше я не могла вамъ ничего сказать, потому что я надѣлала бы неловкостей, да и вы то-же. Пойдемте къ вамъ въ комнату.

— Какъ-бы вы думали, кто находится въ эту минуту здѣсь, въ Люцернѣ, въ этой самой гостинницѣ?

Алиса тотчасъ-же догадалась, кто это таковой. — Но у нея не достало духу произнести имя мистера Грея. — Кто-же это, Гленкора? спросила она совершенно спокойнымъ голосомъ.

— А кого бы всего болѣе вы были рады видѣть въ настоящую минуту? спросила Гленкора.

— Конечно, мою кузину Катъ, отвѣчала Алиса.

— Ну такъ это не ваша кузина Кэтъ. Впрочемъ я не вѣрю вамъ, а то я должна была бы считать васъ просто за съумасшедшую.

— Быть можетъ, я и съумасшедшая, проговорила Алиса.

— Съумасшедшая-то вы не съумасшедшая, а вотъ что вы не притворица, такъ за это я не поручусь. Особа, про которую я говорю, конечно, мужчина. Что-же вы и теперь не обнаружите никакихъ признаковъ волненія? Когда Плянтагенетъ разсказалъ мнѣ объ этомъ передъ обѣдомъ, я чуть не вспрыгнула до потолка. Онъ было порывался самъ извѣстить васъ объ этомъ за десертомъ. Только я пожалѣла васъ и недопустила до этого, а знай я, что вы такъ сповойно примете эту новость, я не подумала-бы ограждать васъ. Такъ какъ-бы вы думали, кто пріѣхалъ?

— Конечно, я знаю теперь, проговорила Алиса, очень ровнымъ голосомъ, что пріѣхалъ мистеръ Джонъ Грей.

— Да, мистеръ Джонъ Грей пріѣхалъ. Онъ въ настоящую минуту здѣсь, въ этомъ домѣ или, что еще вѣроятнѣе, гуляетъ по берегу озера и ждетъ, чтобы свѣча мелькнула въ окнѣ нашей спальни. Тутъ лэди Гленнора замолчала, выжидая, что скажетъ Алиса. Но Алиса не говорила ни слова... Ну, что вы притихли? продолжала лэди Гленнора, вставая съ своего мѣста.

— А что? спросила Алиса.

— Такъ вамъ нечего сказать? вамъ, стало быть, рѣшительно все равно, что онъ, что какой нибудь мистеръ Смитъ пріѣхалъ?

— Ну, нѣтъ, совсѣмъ не все равно, отвѣчала Алиса. Ужъ если вы непременно желаете знать, что такое для меня пріѣздъ мистера Грея, то я должна утѣшить васъ, что нынче, вѣроятно, во всю ночь не сомну глазъ. Но сказать мнѣ по этому поводу рѣшительно нечего.

— Дура я, что не дала мистеру Паллизеру объявить вамъ эту новость самымъ будничнымъ тономъ въ присутствіи слуги. Право дура!

— Вышло-бы тоже самое что теперь.

— Ну да, конечно, васъ ничѣмъ не проймешь. Я, право, не знаю, любили-ли вы хоть кого нибудь въ жизни, кромѣ вашей кузины Кэтъ? Въ тихомъ омутѣ, говорятъ, черти во-

дятся, но ваша душа таковой для меня омутъ, что я въ немъ ровно ничего не вижу. Теперь, я полагаю мнѣ можно уйти, такъ какъ вамъ мнѣ больше нечего сказать?

— Ну что-жъ бы вы хотѣли, чтобы я вамъ сказала? Конечно, я знаю зачѣмъ онъ пріѣхалъ. Онъ мнѣ заранѣе сказалъ, что отыщетъ меня.

— И вы намъ объ этомъ ни слова не сказали?

— Онъ могъ передумать или чтонибудь могло помѣшать ему. Я сказала ему, чтобы онъ не пріѣзжалъ. И было-бы гораздо лучше, если-бы онъ остался дома...

— Но почему-же лучше? скажите, почему?

— Потому что изъ его пріѣзда не выйдетъ ничего хорошаго.

— Не выйдетъ ничего хорошаго! а я такъ убѣждена въ противномъ. Слушайте, Алиса, если вы завтра не помиритесь съ нимъ, я подумаю, что у васъ не сердце, а камень. На вашемъ мѣстѣ, я бы давнымъ давно была въ его объятіяхъ. Теперь я уйду и оставлю васъ ворочаться съ боку на бокъ и мечтать о немъ.—Она вышла изъ комнаты, но черезъ минуту воротилась съ новымъ вопросомъ.

— Онъ, конечно, просилъ позволенія явиться къ вамъ; что вы ему велите сказать на это?

— Пускай его приходитъ, если захочетъ. Не думаете ли вы, въ самомъ дѣлѣ, что я поссорилась съ нимъ и откажусь принять его?

— И мы можемъ пригласить его отобѣдать съ нами?

— О, да! конечно.

— И пикникъ можно затѣять и другія разныя увеселенія? Нечего и говорить, что онъ будетъ принять у насъ на ногѣ короткаго знакомаго. Однако прощайте; хоть убейте, я васъ не понимаю.

На слѣдующее утро, за завтракомъ, мистеръ Паллизеръ рѣшился обратиться къ Алисѣ съ слѣдующею рѣчью: Гленкора вамъ; вѣжета, сказала, что мистеръ Грей здѣсь. Если не ошибаюсь, мистеръ Грей давнишній вашъ другъ?

Алиса отвѣчала, по возможности, спокойнымъ голосомъ, что мистеръ Грей дѣйствительно былъ и до сихъ поръ остал-

ся однимъ изъ лучшихъ ея друзей.—Я буду очень рада его видѣть, если вы ничего не имѣете противъ этого.

— Гленкора предполагаетъ пригласить его къ обѣду, отовзвался мистеръ Паллизеръ.—На этомъ и порѣшили.

Но мистеръ Грей не дождался обѣденнаго чага, чтобы повидаться съ Алисою. Въ тотъ же день, по утру, ей подали его визитную карточку. Леди Гленкора, какъ только прочитала его имя, обратилась въ бѣгство.

— Право, напрасно вы уходите, замѣтила Алиса.

— Право, не напрасно, возразила ея свѣтлость. Если вы не знаете, чего требуютъ приличія въ подобномъ случаѣ, то я знаю. И мистеръ Грей, войдя въ комнату, только и видѣлъ подолъ ея платья, мелькнувшій за порогомъ.

— Я сказалъ вамъ, что пріѣду, заговорилъ онъ съ своей обычной привѣтливой улыбкой. Я сказалъ вамъ, что послѣдую за вами, и вотъ, какъ видите, я сдержалъ слово.—Онъ взялъ ея руку и удержалъ въ своей. Она не знала, что отвѣчать, не знала, какъ высвободить свою руку.

— Я очень рада вамъ, какъ старому другу, заговорила она, но надѣюсь...

— Кончайте же—чего вы надѣетесь?

— Но надѣюсь, что ваше путешествіе имѣло, кромѣ желанія меня видѣть, иную лучшую цѣль.

— Нѣтъ, моя дорогая, никакой другой цѣли оно не имѣло. Я нарочно пріѣхалъ для того, чтобы видѣть васъ. И если бы мистеръ Паллизеръ увезъ васъ въ Азію или Африку, я и туда бы за вами послѣдовалъ. А знаете-ли почему?

— Нѣтъ, не совсѣмъ, отвѣчала она, не находя другого отвѣта.

— Потому что я люблю васъ. Вы видите, я приступаю къ дѣлу сразу, безъ обиняковъ. Я хочу, чтобы вы были моею женою, а постоянство въ этихъ дѣлахъ, говорятъ, надежнѣйшій способъ добиться того, чего желаемъ.

— Вамъ не слѣдовало бы этого желать, проговорила она въ полголоса.

— Почему бы мнѣ и не желать этого?

— Потому что я не могу быть вамъ хорошею женою.

— Въ этомъ отношеніи я лучшій судья, Алиса; ваше дѣло рѣшить, могу ли я быть вамъ хорошимъ мужемъ.

— Жениться на мнѣ послѣ всего, что случилось, значить опозорить васъ. Что скажутъ о васъ другіе мужчины?

— Другіе мужчины скажутъ, что разъ полюбивъ, я сумѣлъ остаться вѣренъ своей любви, худшаго имъ обо мнѣ нечего будетъ сказать. Да и какое мнѣ дѣло до того, что обо мнѣ скажутъ?

— Да мнѣ-то до этого есть дѣло, мистеръ Грей, и хотя бы вы и простили меня, я сама не могу себѣ простить. Послѣ всего, что я сдѣлала, я чувствую, что не имѣю права выходить за кого-бы то ни было замужъ.—Она проговорила эти слова какъ-то отрывисто, съ усиленіемъ и подъ конецъ залилась слезами.

Вскорѣ послѣ того она простилась съ нимъ, объявивъ на прощанье, что увидится съ нимъ за обѣдомъ и попросивъ его обращаться съ нею просто какъ съ другомъ... Не смотря на все что было, я надѣюсь, что мы навсегда останемся друзьями.

— И я того же надѣюсь, отвѣчалъ онъ.

За обѣдомъ маленькое общество было довольно весело и о любви не было болѣе сказано ни слова. Леди Гленнора болтала вздоръ, мистеръ Паллизеръ противорѣчилъ этому вздору, но все это дѣлалось очень мило и способствовало даже общему настроенію.

Безмолвнымъ соглашеніемъ рѣшено было — принимать впередъ мистера Грея на правахъ короткаго знакомаго, и леди Гленнора ухитрилась-таки шепнуть ему слова два наединѣ, при чемъ общалась усердно хлопотать въ его пользу.

ГЛАВА XXX.

Джоржъ Вавазоръ сходитъ со сцены.

Мы должны теперь на время возвратиться къ происшествіямъ, ознаменовавшимъ это лѣто въ Лондонѣ, и рассказать читателямъ новую стычку мистера Грея съ Джоржомъ Вавазоромъ, случившуюся не за долго до приѣзда перваго въ Люцернъ.

Читателю уже извѣстно, что Джоржъ провалился на выбо-

рахъ въ Чельсійскомъ округѣ. Изъ денегъ, полученныхъ имъ отъ Алисы, большая часть перешла въ руки мистера Скрѣби и у Джоржа осталось всего на всего 500 фунтовъ. Ненасытный мистеръ Скрѣби то и дѣло требовалъ новыхъ субсидій, увѣряя, что это необходимо для обезпеченія успѣха на выборахъ. Но Вавазоръ далъ себѣ слово не расходовать больше ни одного шиллинга. Я сдѣлалъ все, что вы желали, сказалъ онъ мистеру Скрѣби, и теперь не могу болѣе давать денегъ до окончанія выборовъ.—Мистеръ Скрѣби пожалъ плечами и сказалъ, что будетъ хлопотать изъ всѣхъ силъ, какъ умѣетъ. Но Джоржъ вскорѣ сталъ замѣчать, что онъ не только не хлопочетъ изъ всѣхъ силъ, но положительно махнулъ на его дѣло рукою. Мистеръ Скрѣби, видимо, считалъ его дѣло заранѣе проиграннымъ и день подачи голосовъ показалъ, что онъ былъ правъ. Отвергнутый кандидатъ, возвратился къ себѣ на квартиру и присѣлъ пораздумать о настоящемъ своемъ положеніи. Наслѣдство его было безвозвратно утрачено, честолюбіе обмануто; онъ успѣлъ оттолкнуть отъ себя лучшихъ своихъ друзей, даже безпредѣльную любовь сестры, онъ утратилъ ее по своей винѣ. Онъ ограбилъ дѣвушку, которую думалъ сдѣлать своею, и оскорбилъ ее такъ глубоко, что всякое чувство пріязни сдѣлалось между ними невозможно. Обо всемъ этомъ онъ передумалъ сидя, съ виду спобойный, въ своемъ креслѣ.

— Ха, ха! захохоталъ онъ вслухъ, вставая съ мѣста и прошелся по комнатѣ.

Вдругъ онъ остановился, засунулъ руки въ карманы и снова захохоталъ. Выраженіе его лица внезапно измѣнилось, въ глазахъ сверкнулъ зловѣщій огонь, шрамъ на лицѣ поблѣвелъ и онъ заскрежеталъ зубами.—Проклятіе его памяти! проговорилъ онъ вслухъ. Его наружное спокойствіе оставило его при мысли о старикѣ, который былъ ему помѣхою при жизни и разорилъ его умирая. Онъ направился къ этажеркѣ, стоявшей въ углу, и вынулъ оттуда револьверъ. Онъ тщательно осмотрѣлъ дуло и курокъ, чтобы удостовѣриться, все ли въ порядкѣ, и снова положилъ оружіе въ сторону.

— Что за пошлость всадить себѣ пулю въ лобъ, проговорилъ онъ про себя; ужъ если на то пойдетъ, такъ пускай мой револьверъ сослужитъ мнѣ прежде другую службу.—Онъ снова заперъ пистолетъ въ этажерку и принялся пробѣ-

гать какія-то печатныя объявленія, лежавшія у него на столѣ. То были объявленія отъ различныхъ обществъ паракходства, въ которыхъ говорилось, что такой-то паракходъ отходитъ тогда-то въ Нью-Йоркъ, а такой-то въ Новую-Зеландію и Австралію.— А что же, проговорилъ онъ про себя, штука была-бы недурная... обыкновенно, паракходы съ переселенцами идутъ ко дну и избавляютъ васъ отъ всякихъ дальнѣйшихъ хлопотъ о вашей особѣ.— За тѣмъ онъ одѣлся и отправился обѣдать въ свой клубъ. Въ столовой клуба въ нему то и дѣло подходили знакомые съ выраженіемъ соболѣзнованія и съ утѣшеніями. Ему говорили, что онъ долженъ радоваться, что избавился отъ такой обѣды, что счастливые его соперники тоже недолго продержатся въ парламентъ и что черезъ годъ или черезъ два снова будутъ общіе выборы. На всѣ эти утѣшенія онъ отвѣчалъ въ веселомъ тонѣ, такъ что друзья не могли надивиться, какимъ молодцомъ онъ несетъ свою неудачу. Пробывъ часовъ до одиннадцати въ курильной залѣ, онъ отправился домой. Возвратившись на свою квартиру, онъ принялся уничтожать всѣ свои бумаги. Сначала онъ перебиралъ ихъ и сжигалъ по одиночкѣ, но потомъ это надоѣло ему и онъ, не читая, собралъ ихъ въ кучу и бросилъ въ каминъ. За тѣмъ онъ отдѣлилъ то изъ своего платья, которое было лучше, и набилъ имъ два чемодана. Окончивъ всѣ эти приготовленія, онъ легъ въ постель.

На слѣдующее утро онъ всталъ рано и призвалъ къ себѣ свою хозяйку.

— Я уѣзжаю, объявилъ онъ ей, уѣзжаю сегодня же. Быть можетъ, я еще передумаю, но на всякій случай я заплачу вамъ теперь же все, что я вамъ долженъ по нынѣшній день и за недѣлю впередъ.— Хозяйка поглядѣла на него съ изумленіемъ, поклонилась и взяла деньги.

Оставшись одинъ, онъ закутался въ толстый плащъ, взялъ пистолетъ и, тщательно спрятавъ его въ карманъ, вышелъ на улицу. Направился онъ въ Соффолькъ-стритъ, къ дому мистера Джонса, драчливаго портнаго. Не знаю, помнитъ ли читатель, кто такой былъ мисгеръ Джонсъ, драчливый портной. Впрочемъ привести ему это на память не трудно. Въ домѣ мистера Джонса жилъ мистеръ Грей, когда пріѣзжалъ въ Лондонъ. А въ эту минуту онъ какъ разъ былъ въ Лондонѣ.

Вавазоръ позвонилъ и какъ только служанка отперла ему дверь, онъ поспѣшно скользнулъ мимо нея въ домъ, проговоришь: — мистеръ Грей дома, я иду къ нему.

Служанка спросила было, какъ о немъ доложить мистеру Грею, но Вавазоръ былъ, уже на половинѣ лѣстницы прежде, чѣмъ служанка успѣла догнать его: онъ вошелъ въ комнату мистера Грея и затворилъ за собою дверь.

Грей сидѣлъ у открытаго окна и читалъ. На столѣ передъ нимъ стояли разныя принадлежности завтрака, но онъ еще видимо за него не принимался. При видѣ Джоржа Вавазора, онъ быстро всталъ съ мѣста.

— Мистеръ Вавазоръ! проговорилъ онъ, я никакъ не ожидалъ снова увидѣть васъ у себя въ квартирѣ.

— Конечно, не ожидали, отвѣчалъ Вавазоръ, а между тѣмъ, какъ видите, я пришелъ.

— Могу я спросить: зачѣмъ? проговорилъ Грей.

— Я и безъ вашего спросу сказалъ-бы вамъ! Я пришелъ за тѣмъ, чтобы сказать вамъ въ лице то, что я, при случаѣ, говорю за вашу спиною — именно: что вы негодяй и мошенникъ! Я пришелъ наплевать вамъ въ рожу и заставить васъ съ собою драться. Посмотрю я, можно ли васъ пронять какимъ бы то ни было оскорбленіемъ. Мнѣ такъ сильно сдается, что нѣтъ.

— Что бы вы не говорили, мистеръ Вавазоръ, вамъ не удастся меня оскорбить. Все что вы можете сдѣлать, это только надоѣсть мнѣ.

— Да я и намѣреваюсь порядкомъ надоѣсть вамъ, прежде чѣмъ покончу съ вами. Отвѣчайте, будете вы со мною драться?

— Драться, съ вами? — Конечно, нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ вы трусь, какимъ я васъ и считалъ.

— Было бы съумасбродствомъ, съ моей стороны, стать на барьеръ съ вами.

— Слушайте, мистеръ Грей, вы ухитрились втерѣться въ дружбу къ моей кузинѣ, миссъ Вавазоръ, и взять съ нея слово, что она будетъ вашей женой. Но когда она раскусила васъ и поняла, что вы за подлое, скаредное, ничтожное созданіе, она взяла свое слово назадъ и велѣла вамъ оставить ее въ покоѣ.

— Вы здѣсь по ея порученію?

— Я здѣсь въ качествѣ ея представителя.

— Самозваннаго, если не ошибаюсь?

— Не совсѣмъ такъ, сэръ. Я въ настоящую минуту ея нарѣченный мужъ и предлагаю вамъ одно изъ двухъ: или вы дадите мнѣ письменное обѣщаніе, что никогда больше не будете искушать съ нею встрѣчи, или вы будете драться со мною.

— Я не сдѣлаю ни того, ни другого, вы сами это очень хорошо знаете.

— Такъ вы трусь!

— Быть можетъ, но отъ словъ вашихъ я не сдѣлаюсь трусомъ.

— Повторяю—вы трусь, лжець и мошенникъ. Я даль вамъ случай поступить, какъ слѣдуетъ джентельмену, вы сами этого не захотѣли. Такъ слушайте-же, я пришелъ сюда съ пистолетомъ и не выйду изъ этой комнаты, не разрядивъ его, если вы не примите моего вызова. Съ этимъ словомъ онъ вынулъ револьверъ изъ кармана.

— Другими словами, вы собираетесь убить меня? — Окно, возлѣ котораго онъ стоялъ, было на самомъ дальнемъ концѣ комнаты отъ камина и слѣдовательно отъ сонетки. Противникъ же его стоялъ такъ, что заградилъ ему доступъ къ двери. Грей былъ не трусь, но онъ зналъ, что съ пистолетомъ въ рукахъ обшанаго человѣка шутить не слѣдуетъ.

— Такъ это значить, что вы собираетесь убить меня? повторилъ онъ.

— Это значить, что выживой не выйдете изъ комнаты, если не дадите мнѣ слово драться со мною на дуэли. — Грей обратился къ коловольчику.—Если вы хоть шагъ сдѣлаете впередъ, я въ васъ выстрѣлю, проговорилъ Вавазоръ. Грей приостановился и поглядѣлъ ему прямо въ лице.—Да, да, выстрѣлю повторилъ Вавазоръ.

— Но это будетъ убійство, проговорилъ Грей.

— Страшными словами вамъ меня не запугать, отвѣчалъ Вавазоръ, ужъ этотъ періодъ для меня прошелъ. — Грей приостановился, но всего только на одно мгновенье, и направился къ сонеткѣ. Онъ рассчитывалъ, что Вавазоръ, можетъ быть, и не выстрѣлитъ въ него, но все же въ головѣ его мелькнуло сознаніе грозившей ему опасности. Какъ знать, быть можетъ,

и дѣйствительно для него настала роковая часъ и пришла пора кончить счеты съ жизнью? Вдругъ онъ услышалъ щелканье спускаемаго курка, что-то свистнуло въ воздухъ и онъ понялъ что пистолеть выстрѣлилъ. Но онъ успѣлъ уже схватить снурокъ советки и позвонить и лишь тутъ удостовѣрится, что пуля его не задѣла.

— Проклятіе! воскликнулъ Джоржъ. Въ волненіи минуты онъ и не сообразилъ, что дѣлхъ пять зарядовъ у него еще въ запасѣ и что одинъ промахъ еще ничего не значитъ, если только онъ хочетъ упорствовать въ своемъ намѣреніи.

— Проклятіе! воскликнулъ онъ и бросился вонъ изъ комнаты.

Грей удостовѣрившись, что врагъ его оставилъ комнату, обернулся, чтобы отыскать мѣсто, куда попала пуля. Вскорѣ въ ставнѣ окна онъ отыскалъ круглую дырочку и кончикомъ своего карандаша могъ прощупать кусокъ свинца, который чуть-чуть не раздробилъ его голову. Когда вышла служанка, онъ тотчасъ-же замѣтилъ по ея лицу, что она не подозрѣвала о случившемся.

— Что, спросилъ онъ, джентльмэнъ, который былъ здѣсь, вышелъ изъ дома?

Дѣвушка отвѣчала утвердительно.

— Не впускайте его, въ другой разъ, продолжалъ онъ.

Онъ, кажется, не въ своемъ умѣ. — За тѣмъ онъ послалъ за своимъ домохозяиномъ, мистеромъ Джонсомъ, и минутой спустя воинственный портной вошелъ въ комнату.

Между тѣмъ мистеръ Грей успѣлъ сообразить, что ему дѣлать. Ему не хотѣлось предать въ руки правосудія человѣка, приходившагося двоюроднымъ братомъ той самой женщинѣ, которую онъ еще не отчаявался сдѣлать своею женою. Къ тому-же, при судебныхъ допросахъ его отношенія къ семейству Вавазоръ сдѣлались бы гласными, а это его сильно пугало. Но, въ то же время, онъ понималъ, что дѣло нельзя оставить такъ. Человѣкъ, рѣшившійся на такого рода покушеніе, могъ и возобновить его, если попытку его оставить безнаказанною.

— Мистеръ Джонсъ, заговорилъ онъ, тотъ господинъ, котораго я намеренъ сбросить съ лѣстницы, опять былъ здѣсь.

— И что-же, сэръ, опять была потасовка?

— Нѣтъ! Но намъ надо принять мѣры, чтобы онъ больше не приходилъ сюда.

Джонсъ вызвался сейчасъ-же сходить для этого въ полицію, но мистеръ Грей отъ этого отказался и объявилъ, что самъ повидается съ еѣмъ нужно.

Въ одиннадцать часовъ онъ отправился въ Скотлендъ-ярдъ и переговорилъ съ однимъ лицомъ, имѣвшимъ великую власть надъ полисменами.

Онъ рассказалъ этому лицу всѣ обстоятельства дѣла, конечно, конфиденціально. Важное лицо посоветовало, равнымъ образомъ, конфиденціально, обратиться къ судѣ, а къ вечеру того-же дня переодѣтый полисменъ явился по конфиденціальному порученію на квартиру Вавазора въ Сесиль-стритъ. Но Вавазора тамъ уже не было. Квартирная хозяйка объявила, конечно, подъ секретомъ, загадочному посѣтителю, что жилецъ съѣхалъ отъ нея въ десять часовъ утра, забравъ съ собою кой-какую поклажу и, по всему судя, больше не воротится. И Джорждъ дѣйствительно больше не возвратился. Въ ту самую минуту, когда полисменъ наводилъ о немъ справки въ Сесиль-стритъ, онъ стоялъ на палубѣ американскаго парохода, готоваго выйти въ море. Въ скоромъ времени, конечно, стало извѣстно, что онъ отправился въ Америку, но дальнѣйшихъ мѣръ къ его арестованію не было принято. Мистеръ Грей рѣшительно объявилъ себя протівъ подобнаго рода мѣръ и дѣло, къ великому прискорбію тузовъ Скотлендъ-ярда, такъ и кануло въ воду.

Здѣсь мы должны проститься съ Джоржемъ Вавазоромъ; мы уже не встрѣтимся съ нимъ болѣе на страницахъ этого разсказа. Изчезновеніе его въ продолженіе девяти дней было предметомъ изумленія и толковъ въ цѣломъ городѣ. До Кэтъ эти слухи дошли не ранѣе, какъ передъ отъѣздомъ ея въ Морлендъ. Извѣстіе это принесъ ей капитанъ Бельфильдъ.

— Онъ всегда былъ какой-то таинственный, отозвалась мистрисъ Гринау, а я терпѣть не могу ни въ чемъ таинственности, и что до меня касается, то желала бы я, чтобы онъ болѣе не возвращался.

Быть можетъ, и Кэтъ желала того-же, но, по крайней мѣрѣ, на словахъ ничего не высказывала.

ГЛАВА XXXI,

Въ которой читатель узнаетъ известіе чрезвычайно важное для всѣхъ Паллизеровъ.

— Тамъ онъ покушался убить васъ!.. воскликнулъ мистеръ Паллизеръ, когда мистеръ Грей сообщилъ ему подробности его встрѣчи съ Джоржемъ. Его слѣдовало бы схватить... и... мистеръ Паллизеръ не рѣшался прямо сказать, что слѣдовало бы повѣсить человѣка, который приходился двоюроднымъ братомъ дѣвушкѣ, жившей теперь подъ его кровомъ.

— Нѣтъ ужъ пускай все остается такъ, какъ, теперь, замѣтилъ Грей.

— И вы говорите, что онъ вошелъ въ вашу комнату среди бѣлаго дня и выстрѣлилъ въ васъ изъ пистолета! и онъ сдѣлалъ это въ Лондонѣ, а тамъ, какъ ни въ чемъ не бывало, ушелъ, сѣлъ на корабль и былъ таковъ!

Мистеръ Паллизеръ сталъ размышлять, какія бы мѣры припятъ, чтобы сдѣлать жизнь болѣе безопасною въ столицѣ міра.

Жизнь нашихъ путешественниковъ въ Люцернѣ шла недѣли двѣ все тѣмъ-же ровнымъ порядкомъ. Мистеръ Грей не говорилъ Алисѣ прямо о любви и оставался съ нею на прежней дружественной ногѣ. Онъ разсказалъ ей, что двоюродный ея братъ оставилъ Англію и отправился въ Америку, откуда, по всѣмъ вѣроятіямъ, уже болѣе не воротится.

— Бѣдный Джоржъ! проговорила Алиса. Человѣкъ онъ, по истинѣ, достойный сожалѣнія.

— Это такъ, отвѣчалъ Грей.

Послѣ этого между ними о Джоржѣ не было болѣе и помину. Отъ лэди Гленкору Алиса узнала еще кой-какія подробности, но лэди Гленкора и сама хорошенько не знала, въ чемъ было дѣло.

— Онъ что-то такое накуралѣсиль, сказала она Алисѣ.

Впрочемъ вѣдь онъ то и дѣло куралѣсить. Если не ошибаюсь, онъ надѣлалъ мистеру Грею дерзостей. Совѣтую вамъ до поры до времени не спрашивать его ни о чемъ. Впоследствии, конечно, вы у него выпытаете что угодно.

На это Алиса отвѣчала своимъ обычнымъ отнѣживаніемъ, а лэди Гленкора, по обыкновенію, выбрала ее за это сумасшедшею.

Дни проходили въ Люцернѣ праздно и монотонно; наши путешественники почитывали— больше для виду, усердно занимались своею корреспонденціею, катались въ лодкѣ, устраивали кавалькады. Но послѣднія вскорѣ подверглись строжайшему запрещенію, объ обстоятельствахъ котораго я долженъ рассказать читателю.

Мистеръ Паллизеръ, разъ сказавъ самому себѣ, что вернется въ Лондонъ черезъ годъ, ни за что не хотѣлъ сократить срокъ своего пребыванія за-границею, но въ тайнѣ онъ вздыхалъ о Вестминстерѣ и каждое письмо, получаемое имъ изъ Англии, усиливало въ немъ чувство тоскливой зависти. Около этого-то времени онъ узналъ одно обстоятельство, которое разомъ перевернуло вверхъ дномъ всѣ его планы. Альпы вдругъ сдѣлались непроходимы, желѣзныя дороги опасны, о Борго-Фицъ-Джеральдѣ мистеръ Паллизеръ позабылъ и думать, онъ даже не въ состояніи былъ слѣдить за ошибками настоящаго канцлера вазначейства. Лэди Гленкора шепнула ему, что ей вѣжется.... навѣрное она не знаетъ, но похоже на то... и, залившись слезами, она опустила голову на грудь мужа, который сидѣлъ возлѣ нея на кровати.

Какъ помѣшанный, вышелъ онъ отъ нея и первымъ его движеніемъ было телеграфировать въ Лондонъ, чтобы выписать оттуда съ подложины врачейныхъ знаменитостей. Онъ направился къ озеру и минутъ съ десять ходилъ по берегу въ какомъ-то самозабвеніи. Ему уже казалось, что каждая рука его покоится на вудрявой головкѣ маленькаго Паллизера, изъ которыхъ одинъ будетъ владѣть наслѣдственнымъ Гадерумомъ, а другой ораторствовать въ парламентѣ. Все, что онъ въ тайнѣ имѣлъ противъ жены, было прощено и забыто. Борго-Фицъ-Джеральдъ сдѣлался мифомъ, мистрисъ Маршамъ никогда не подступится къ ней, а о мистерѣ Ботѣ

и говорить нечего. Дэнди и Кокетку онъ велитъ кормить золоченымъ овсомъ и велитъ устроить искусственную луну, которая-бы освѣщала развалины, когда только женѣ его заблагоразсудится. Только бы эти проклятыя люцернскія верховныя лошади не надѣлали бѣды. Онъ тотчасъ-же пошелъ въ конюшню и распорядился, чтобы лошадей этихъ куда нибудь припрятали, хоть на самый дальній конецъ кантона.

Потомъ онъ вспомнилъ, что обѣщался прислать Алису къ женѣ и возвратился домой. Алиса была въ столовой одна и дожидалась его и Гленкоры къ завтраку. Съ перваго-же взгляда на него Алиса поняла, что случилось что-то необычайное. Онъ смотрѣлъ совсѣмъ не тѣмъ человѣкомъ, во всѣхъ его движеніяхъ проглядывала какая-то небывалая живость.

— Алиса! проговорилъ онъ, не потрудитесь-ли вы сходить къ Гленкорѣ, она желаетъ что-то сказать вамъ. — До сихъ поръ онъ никогда не называлъ ее Алисою и едва это слово сорвалось у него съ языка, какъ онъ спохватился и покраснѣлъ.

— Надѣюсь, что она не больна? спросила Алиса.

— Нѣтъ, не больна, но мнѣ кажется, что ей лучше не торопиться вставать съ постели. Не давайте ей слишкомъ волноваться.

— Я иду къ ней, проговорила Алиса вставая.

— Очень, очень вамъ благодаренъ. Но, миссъ Вавазоръ...

— Вы сейчасъ назвали меня Алисою, мистеръ Паллизеръ, и я приняла это отъ васъ за большой комплиментъ.

Онъ снова покраснѣлъ. — Неужто я васъ такъ называлъ? что-жъ, если позволите, я и впередъ буду называть васъ по имени. Только, прошу васъ, будьте при ней какъ можно покойнѣе. Вѣдь ее, вы знаете, всякая малость волнуетъ. Конечно, если у нея явится какое нибудь желаніе, мы примемъ мѣры, чтобы исполнить его, но главное не давайте ей волноваться.

Когда Алиса вошла въ спальню, подруга ея въ утреннемъ капотѣ лежала на кушеткѣ, стоявшей возлѣ кровати.

— Ахъ Алиса, какъ я рада что вы пришли, прогово-

рила лэди Гленнора, мнѣ такъ хотѣлось услышать вашъ голосъ.

Алиса опустилась вондѣ нея на колѣни и спросила, не больна ли она.

— Такъ онъ вамъ ничего не сказалъ? Впрочемъ, что-же я спрашиваю, конечно, онъ ничего не могъ вамъ сказать. Но скажите, Алиса, не замѣтили вы въ немъ ничего необычайнаго. Какъ онъ смотрѣлъ?—Довольнымъ?

— Я, дѣйствительно, замѣтила въ немъ что-то странное и онъ, по видимому, былъ очень доволенъ. Но чтобы это такое могло быть? Онъ назвалъ меня Алисою и вообще какъ-то самъ на себя не былъ похожъ. Чтобы это такое могло быть?

— Ахъ, Алиса, неужели вы не догадываетесь?—тутъ Алиса догадалась и шепнула свое предположеніе лэди Гленкорѣ на ухо.

— Кажется, что да, отвѣчала лэди Гленнора. Только они, я знаю, уморятъ меня своимъ ухаживаніемъ. Если бы я могла работать какъ прачка, все обошлось бы какъ нельзя лучше.

— Какъ я счастлива, говорила она часа два спустя; не отпираюсь, я очень, очень счастлива. Мнѣ прежде казалось, что мнѣ суждено быть только источникомъ горя для всѣхъ близкихъ и я часто желала умереть. Теперь я этого больше не буду желать.

— Намъ, конечно, придется возвратиться домой? спросила Алиса.

— Онъ говоритъ что да, только, слушая его, можно подумать, что мнѣ отнюдь не слѣдуетъ дѣлать болѣе полуторы мили въ день. Когда я предложила подняться вверхъ по Рейну на пароходѣ, онъ чуть въ обморокъ не упалъ. Я спросила у него въ чемъ дѣло, но онъ только винулъ на меня убійственный взглядъ. Ужъ я вижу, что онъ намѣренъ изъ себя дурака дѣлать, и, что всего хуже, онъ и насъ всѣхъ поставитъ въ преглуное положеніе.

Опрометчивость лэди Гленноры доводила ея мужа до иступленія. Въ этотъ же самый день она предложила устроить пивнигъ и предложила не только въ присутствіи Алисы, но и мистера Грея! Мистеръ Паллизеръ конечно не могъ высказать при этомъ своего мнѣнія, но взглядъ его былъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

— Что съ тобою, Плантагенетъ? спросила его жена.

... — О ничего, ровно ничего, отвѣчалъ онъ.

— Такъ какъ же наша поѣздка въ часовню? спросила она.

То была часовня Телля и необходимо было отправиться къ ней на пароходѣ.

— Этой поѣздкѣ не бывать! прорычалъ онъ на нее.

— За что-же ты сердилась? проговорила она.

Онъ настаивалъ, чтобы она ѣла по шести и по семи разъ въ день, и постоянно твердилъ, что она ѣстъ за разъ слишкомъ много. Онъ слѣдилъ за нею такъ внимательно, какъ и мистеръ Ботъ и мистрисъ Маршамъ не слѣдили въ былыя времена. Она еще болѣе усложняла положеніе дѣлъ, предлагая безпрестанно такія вещи, на которыя она знала, что онъ не согласится. Но предлагала она ихъ съ тѣмъ, чтобы потѣшаться его испугомъ.

— По чести, Алиса, признавалась она своей кузинѣ, все это уморить меня. Онъ не позволяетъ мнѣ шагу сдѣлать изъ дому иначе какъ въ каретѣ и самъ не отстаеетъ отъ меня ни на шагъ.

— Это недолго будетъ продолжаться.

— Не знаю, какъ, по вашему, недолго. Ходить съ нимъ пѣшкомъ нѣтъ никакой возможности; онъ ползетъ какъ ракъ. И я по его милости совсѣмъ душой смотрю; я никакъ не ожидала, что онъ будетъ такой старой бабой.

— Небезпокойтесь, скоро онъ будетъ бабиться съ другимъ существомъ.

— Но какой-же ребенокъ вынесетъ такое обращеніе? Ужь если будетъ ребенокъ...

— По всѣмъ вѣроятіямъ, въ свое время будетъ, замѣтила Алиса.

— Полноте вздоръ говорить! но ужь если будетъ, говорю я, то я приберу бразды правленія къ своимъ рукамъ. Со мною онъ можетъ дѣлать что угодно, я съумѣю за себя постоять, но ни ему, ни кому либо другому я не дамъ мудрить надъ своимъ ребенкомъ. У меня въ этихъ дѣлахъ гораздо болѣе здраваго смысла, чѣмъ у него. Въ своемъ парламентѣ онъ можетъ быть и очень умный человекъ, но въ житейскихъ дѣлахъ онъ ровно ничего не смыслить.

На это Алиса собралась было отвѣтить весьма мудрою рѣчью, но лэди Гленнора разомъ заставила ее замолчать.

— Я увѣрена, что мистеръ Грей, въ подобныхъ обстоятельствахъ, не былъ бы такъ несносенъ.

Послѣ этого Алиса волею или неволею должна была прикусить язычекъ. Въ свое время пришелъ изъ Англiи отвѣтъ Герцога. «Любезный Плантагенеть, писалъ его свѣтлость, передай отъ меня привѣтствiе Гленкоръ. Если родится мальчикъ, то нечего и говорить, что я буду однимъ изъ восприемниковъ, другимъ, я надѣюсь, удостоятъ быть принцъ, который очень благоволитъ ко мнѣ. Мой бы совѣтъ тебѣ былъ возвратиться какъ можно скорѣе въ Англию. Твой любящiй дядя Омнiумъ.»

Какъ ни коротко было это письмо, оно, по всѣмъ вѣроятiямъ, было самое многорѣчивое изъ всѣхъ когда либо полученныхъ мистеромъ Паллизеромъ отъ его свѣтлости. Много было толковъ о томъ, какъ возвратиться.

— Есть о чемъ толковать! воскликнула лэди Гленкора, возьмемъ нарочный поѣздъ и отправимся прямо въ Лондонъ.

Мистеръ Паллизеръ бросилъ на нее взглядъ, полный отчаянной укоризны. Онъ постоянно бросалъ на нее теперь такiе взгляды.

— И зачѣмъ только я сказала ему про мое положенiе? жаловалась Гленкора Алисѣ. Самъ онъ догадался бы развѣ тогда, когда вся процедура была бы кончена.

Наконецъ мистеръ Паллизеръ рѣшился, посоветовавшись съ нѣсколькими докторами, ѣхать по желѣзной дорогѣ; но ѣхать спокойно, не торопясь, съ роздыхами. Первымъ мѣстомъ ихъ остановки былъ конечно Базель, оттуда они должны были ѣхать на Баденъ.

— Мнѣ особенно хочется побывать опять въ Баденѣ, говорила лэди Гленкора; быть можетъ, мнѣ удастся отыграть мой наполеонъ.

ГЛАВА XXXII.

повѣствующая о томъ, что случилось на кладбищѣ.

— Надѣюсь скоро увидѣть васъ въ Англiи, говорилъ ми-

стеръ Паллизеръ мистеру Грею, сообщивъ ему о своемъ неожиданно скоромъ отъѣздѣ.

— Я врядь ли возвращусь въ Англию до зимы, отвѣчалъ мистеръ Грей.

— И тогда вы, конечно, приѣдете къ намъ въ Мэтчингъ? Мы будемъ вамъ очень рады. Дайте слово, что побываете у насъ въ первыхъ числахъ декабря.

Джонъ Грей крѣпко полюбился мистеру Паллизеру, который при каждомъ случаѣ убѣждалъ его искать себѣ мѣста въ парламентѣ.

— Это вовсе не такъ трудно, какъ вы думаете, говорилъ онъ, посмотрите, какіе люди попадаютъ туда. Даже такой человѣкъ, какъ Вавазоръ добился представительства.

— Но оно обошлось ему очень дорого.

— Вы могли бы попытаться счастья въ какомъ нибудь скромномъ маленькомъ мѣстечкѣ.

— Скромныя, маленькія мѣстечки имѣютъ, обыкновенно, своихъ скромныхъ маленькихъ представителей, замѣтилъ Грей.

— Они любятъ перемѣну, и если вы не прочь бросить 1000 фунтовъ, то дѣло можно уладить. Я васъ научу, какъ за это взяться.

Но мистеръ Грей стоялъ на своемъ и не хотѣлъ разстаться съ своимъ настоящимъ образомъ жизни.

— И такъ цѣлью вашей жизни будутъ книги? спросилъ мистеръ Паллизеръ.

— Надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что онѣ будутъ моими товарищами, отвѣчалъ Грей. Я право не знаю, нужно ли избирать въ жизни цѣль, въ томъ смыслѣ, какъ вы говорите. Мнѣ вѣжетъ, что если человѣкъ такъ прожилъ свой вѣкъ, что упрекнуть себя ему не въ чемъ и смерть его не страшитъ, то онъ совершилъ въ жизни все что нужно.

— Безспорно, онъ не мало сдѣлалъ, отвѣчалъ мистеръ Паллизеръ, медленный умъ котораго былъ не способенъ отстаивать свое мнѣніе безъ предварительной подготовки. Но одной безупречной жизни еще мало. Какъ бы добродѣтельна ни была жизнь, но если она прошла безъ борьбы за счастье большинства, за лучшее будущее другихъ поколѣній, то такая жизнь не можетъ назваться дѣятельною жизнью. Недерротскій отшельникъ

размышлялъ объ этихъ предметахъ гораздо болѣе, чѣмъ восходящая звѣзда палаты депутатовъ, но міросозерцаніе послѣд-
няго было куда лучше.

Впрочемъ, не смотря на рѣшительный тонъ, въ которомъ говорилъ мистеръ Грей, онъ готовъ былъ почти сожалѣть въ душѣ, что не принялъ предложеніе своего друга. Какъ часто человѣкъ съ виду непреклонный, какъ сталь, въ душѣ бываетъ полонъ сомнѣній и колебаній!

Джонъ Грей чувствовалъ, что надо же ему добиться какого нибудь рѣшительнаго отвѣта отъ Алисы прежде, чѣмъ она оставитъ Люцернъ. Если она по прежнему будетъ упорствовать въ своемъ отказѣ, чувство собственнаго достоинства обязывало его оставить ее на время въ покоѣ и выжидать, что скажетъ будущее. Вечеромъ за день до ихъ отъѣзда, онъ спросилъ у нея, не пойдетъ-ли она съ нимъ прогуляться на слѣдующее утро. Алиса понимала какъ нельзя лучше, къ чему клонится этотъ вопросъ, но отвѣчала утвердительно. Всю ночь провела она, стараясь придти къ такому рѣшенію, котораго уже ничто не могло бы измѣнить. Но не легко даются подобныя рѣшенія, и Алиса провела половину ночи въ борьбѣ сама съ собою безъ малѣйшаго результата.

— Куда это вы собрались? спросила ее лэди Гленкора, къ которой она вошла вскорѣ послѣ завтрака въ шляпѣ.

— Я иду гулять съ мистеромъ Греемъ.

— Что-же это у васъ свиданіе назначено?

— Да, назначено. Онъ просилъ меня вчера пройтись съ нимъ.

— Такъ у васъ стало быть все уже рѣшено, а вы мнѣ ни слова не сказали!

— О томъ, что между нами давно рѣшено, я сто разъ вамъ говорила. Онъ просто просилъ меня вчера прогуляться съ нимъ нынче утромъ и мнѣ неловко было ему отказать.

— Да и съ какой стати было вамъ ему отказывать?

— Я и не говорю, что хотѣла отказать; но я терпѣть не могу сценъ и нахожу, что гораздо лучше было бы намъ разстаться безъ всякихъ объясненій.

— Вы просто съумашедшая, Алиса!

— Это я часто отъ васъ слышу.

— Дѣло ясное, что онъ скажетъ вамъ теперь то, зачѣмъ

ѣхалъ въ такую даль. Да и то сказать, давно пора! впрочемъ какъ онъ ни медленно дѣйствуетъ, вы и того медленнѣе. Если вы не помиритесь съ нимъ теперь, я просто буду думать, что вы злая. Я готова согласиться съ лэди Мидлотіанъ, что во всемъ этомъ ровно ничего не понимаю; я знаю, что вамъ хочется быть его женою, а ему быть вашимъ мужемъ; и всему помѣхой одно ваше упрямство. Если бы лэди Мидлотіанъ и всѣ мы гладили васъ по головкѣ и напѣвали вамъ, что вы отлично поступили, вы, на зло намъ, стали бы упрашивать его взять васъ.

И много подобныхъ рѣчей пришлось выслушать Алисъ, пока мистеръ Грей пришелъ за нею. Джонъ Грей явился съ такимъ спокойнымъ лицомъ, какъ будто ему не предстояло ничего, выходящаго изъ ряду его обычныхъ занятій.

— Такъ вотъ какъ, обратилась къ нему лэди Гленнора, вы отправляетесь съ Алисой на прощальную прогулку.

— Надо-же рано или поздно проститься, отвѣчалъ Грей.

Всѣ, кто бывалъ въ Люцернѣ, припомнятъ церковь, стоящую на небольшомъ возвышеніи на лѣво отъ большой гостиницы противъ озера. При церкви находится кладбище, обнесенное монастырскою оградю, въ отверстіи которой сквозятъ голубя воды озера, а за ними грозныя вершины Пилата. Это одна изъ живописнѣйшихъ точекъ въ этой красивой мѣстности. Сюда отправились Алиса и Грей и присѣли на одинъ изъ приступокъ ограды, выходящихъ на озеро.

— Когда-то мы опять увидимъ эти мѣста? проговорилъ Грей.

— По всѣмъ вѣроятіямъ, никогда, отвѣчала Алиса. А впрочемъ, какъ подумаю, что нѣтъ еще полныхъ двухъ лѣтъ, какъ я здѣсь была.

И она содрогнулась при этомъ воспоминаніи. Онъ далъ ей успокоиться и сидѣлъ нѣсколько времени молча, глядя на озеро.

— А между тѣмъ, проговорилъ онъ, какъ постоянное мѣстожителство, я предпочитаю Кэмбриджейръ.

— Это почему?

— Да отчасти потому, что все прекрасное доставляетъ намъ болѣе наслажденія, когда достается намъ не слишкомъ легко; отчасти-же потому, что поэтическая красота не дол-

жна составлять главное содержаніе нашей жизни. Ужь если она неизбежна, то пускай поскорѣе дѣлается обыкновеннымъ явленіемъ.

— А я такъ напротивъ, желала бы постоянно жить среди живописной мѣстности.

— И желали бы, конечно, вести романтическій образъ жизни? Но всѣ эти вещи теряютъ силу прелести, когда становятся обыденными.

— Что тамъ не говорите, а я хотѣла бы жить среди красивой мѣстности, повторила Алиса.

— А я такъ желаю чтобы вы пріѣхали и поселились среди самой прозаической мѣстности. Сказавъ это, онъ замолчалъ минуты на двѣ, не глядя на нее и продолжая разсматривать дальнія горы. Она знала, къ чему онъ ведетъ дѣло. Всю ночь размышляла она объ этой минутѣ; но теперь, когда рѣшительная минута настала, она не знала, какъ ей быть и что связать.

— Не думаю, продолжалъ онъ, чтобы это соображеніе остановило васъ, если бы вы вслѣдствіе другихъ соображеній согласны были сдѣлаться моею женою.

— О какомъ соображеніи вы говорите?

— О томъ, что Недеркотсъ не такъ красивъ, какъ Люцернъ.

— Это обстоятельство, конечно, не имѣетъ въ глазахъ моихъ никакого значенія, проговорила Алиса.

— А если такъ, то соглашайтесь же поселиться тамъ. Соглашайтесь быть моею женою и сдѣлать меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ среди всей этой прозаической обстановки! Согласитесь быть единственнымъ украшеніемъ моей жизни, моимъ сокровищемъ, моею радостью, моею опорой и совѣтницею.

— Вы не нуждаетесь въ совѣтникахъ; мистеръ Грей.

— Болѣе чѣмъ кто либо нуждаюсь, Алиса. Этотъ годъ былъ тяжелой годъ для насъ обоихъ. Забудемте его! Заживемте такъ, какъ будто его и не бывало. Ровно годъ тому назадъ вы были моею,—возвратимся снова въ этому прошлому.

— Это невозможно, мистеръ Грей.

— Но почему же невозможно?

— Потому что я не могу простить себѣ своего поступка, да и вы не должны бы были прощать его.

— А между тѣмъ, я прощаю отъ всего сердца. Никогда, ни на одну минуту не было во мнѣ чувства злобы противъ васъ. Я зналъ, что вы были ослѣплены и дѣйствовали подъ влияніемъ пустого честолюбія, но что лучшая сторона вашей природы возстанетъ противъ поступка, на который вы рѣшились, какъ скоро вы станете съ нимъ лицомъ къ лицу. Я никогда и не думалъ, что вы выйдете за вашего двоюроднаго брата. Ваше собственное сердце обманывало васъ и, разойдясь со мною, вы завѣрили себя, что послѣ этого вамъ можно махнуть на себя рукою. Вы видите, я говорю о вашей былой любви ко мнѣ со всею самоувѣренностью счастливаго любовника.

— О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! воскликнула она.

— Но буря проносится надъ деревомъ, не вырывая его съ корнемъ и не лишая его всей его красы. Алиса! быть можетъ, другимъ и трудно будетъ простить васъ; вы сами не легко помиритесь съ собою; но я—я зналъ васъ лучше чѣмъ кто либо другой и давнымъ давно все простилъ. Отдайтесь мнѣ снова, Алиса, и будьте моимъ утѣшеніемъ! Отдайтесь мнѣ, потому что вы не знаете, какъ вы необходимы мнѣ.

Она сидѣла неподвижно, глядѣла на озеро и ничего не отвѣчала!

— Неужели всѣ мои мольбы будутъ напрасны? продолжалъ онъ.

— Вы не знаете меня, продолжала она. Вы не знаете, что такое значить для женщины обѣщать себя одному мужчине, любя другого.

— Но вѣдь вы меня любили? О Алиса! эту-то вину я могу простить. Никогда, ни на одну минуту я не сомнѣвался, что вы, при всѣхъ вашихъ увлеченіяхъ, любите меня, меня одного. Такъ скажите мнѣ, милая, что я не ошибался—и все прошлое будетъ вазаться сномъ.

— Но сонъ этотъ мнѣ будетъ вѣчно сниться, замѣтила Алиса.

— Онъ не страшень будетъ для васъ, когда ваша голова будетъ покоиться на моей груди. Вы перестанете упрекать себя, когда будете знать, что сдѣлали меня счастливымъ.

— Я никогда не перестану упрекать себя. Есть вещи, которыхъ женщина никогда не можетъ, не должна забывать.

— Такъ неужели-же я долженъ нести наказаніе за вашу

вину? Такъ-то вы понимаете справедливость?—Онъ всталъ и стоя передъ нею продолжалъ. Алиса, если вы скажете, что не любите меня, я повѣрю вамъ и не стану вамъ больше докучать. Я знаю, что вы не солжете мнѣ. Но если вы любите меня, послѣ всего что было, я имѣю право требовать вашей руки, и я ее требую. Если вы любите меня, Алиса, вы не смѣете мнѣ отказать. Если-же вы это сдѣлаете, то не снять вамъ этого увора съ вашей совѣсти.

Алиса сидѣла молча, опустивъ глаза на могильныя плиты у ея ногъ. Конечно ей ничего больше не оставалось какъ уступить, но она походила на узника, который, получивъ вѣсть о прощениі, все же медлитъ переступить за порогъ своей темницы. Быть можетъ, также въ сердцѣ ея шевелился остатокъ того стараго непокорнаго чувства, которое всегда вызвала въ ней его спокойная сила. Она чувствовала, что должна уступить ему, что власть его надъ нею безпредѣльна, а между тѣмъ слово, котораго онъ ждалъ, не сходило у нея съ устъ. Тихо опустился онъ возлѣ нея и медленно обвилъ ее талію рукою; она было отшатнулась отъ него и сдѣлала движеніе рукою чтобы его оттолкнуть; но рука его, такъ же какъ и его рѣчи, полна была силы.

— Алиса! проговорилъ онъ, крѣпко прижимая ее къ себѣ, сраженіе кончилось и я его выигралъ.

— Вы всегда и во всемъ выигрываете, проговорила она шепотомъ, все еще уклоняясь отъ его объятій.

— Выигравъ васъ, я все выигралъ, и съ этими словами онъ наклонился къ ней и поцѣловалъ ее въ губы.

ГЛАВА XXXIII.

Rouge et Noir.

Алиса осталась на кладбищѣ и Грей возвратился въ гостиницу одинъ. Въ сѣняхъ ему встрѣтился мистеръ Паллизеръ,

распоряжавшійся упаковкою канихъ-то ящиковъ и воображавшій, что онъ дѣйствительно дѣло дѣлаетъ. Его дѣятельная природа не выносила праздности и такъ какъ онъ не могъ быть канцлеромъ казначейства, то онъ утѣшалъ себя тѣмъ, что смотрѣлъ, какъ увязываютъ ящички веревками.

— Здравствуйте, здравствуйте! проговорилъ онъ съ озабоченнымъ видомъ, даже не оборачиваясь къ своему пріятелю. — А я отправляюсь на станцію осмотрѣть вагоны, въ которыхъ мы завтра поѣдемъ. Не хотите ли ѣхать со мною?—Мистеръ Грей согласился.—А то знаете ли, продолжалъ мистеръ Паллизеръ, рессоры у этихъ вагоновъ бываютъ иногда очень тряски. — Затѣмъ мистеръ Грей рассказалъ ему въ немногихъ словахъ то, чѣмъ ознаменовалось для него это утро. Мистеръ Паллизеръ поздравилъ его отъ души и побѣждалъ навѣрхъ за тростью и перчатками. Тутъ-же онъ сообщилъ женѣ о случившемся.

— А я, признаться, ни какъ не ожидалъ, что Алиса наконецъ сдастся, сказалъ онъ въ заключеніе.

— Это потому, что ты ничего не смыслишь въ этихъ дѣлахъ, объявила лэди Гленкора.

Дорогою мистеръ Паллизеръ замѣтилъ своему спутнику, что благо все такъ хорошо устроилось, отъ чего-бы и ему не вернуться вмѣстѣ съ ними въ Англію, и мистеръ Грей воспользовался поданной ему мыслью.

— Что побѣдили таки васъ наконецъ!—Съ этими словами встрѣтила лэди Гленкора Алису, когда та возвратилась домой.

— Да побѣдили, если вамъ такъ угодно выразиться, отвѣчала Алиса.

— Не мнѣ такъ угодно выразиться, а вы такъ чувствуете, возразила лэди Гленкора. Или вы думаете,—я не знаю, что въ настоящую минуту вы воображаете себя несчастно и плѣнницей, взятой съ бою и въ торжествѣ уводимой побѣдителемъ. Бѣдненькая, я понимаю ваше положеніе и отъ души жалѣю васъ.

— Ну, да, я такъ и знала, что вы меня съ этимъ встрѣтите.

— А то какже мнѣ васъ встрѣтить, по вашему? Если бы я отъ радости прыгнула вамъ на шею и стала-бы говорить вамъ, что онъ прекраснѣйшій человекъ въ цѣломъ мірѣ,

вы бы сейчас сдѣлали длинное лицо и объявили-бы, что хотя, конечно, теперь дѣло уже рѣшено, но лучше если бы ничего этого не было. Развѣ я васъ не знаю.

— Нѣтъ, теперь я бы этого не сказала.

— Право, мнѣ сдается, что сказали бы. Ну, да какъ бы тамъ ни было, я отъ души поздравляю васъ. Теперь вы, по крайней мѣрѣ, въ его власти и я не думаю, чтобы даже вы могли попытаться назадъ.

— Нѣтъ, я уже больше не попячусь.

— Еще бы вы попятитесь! да я бы тогда вступила въ союзъ съ лэди Мидлотіанъ, чтобы засадить васъ въ сѣумашедшій домъ. Но, шутки въ сторону, если бы вы знали, какъ я рада! Все это время я страхъ какъ боялась, вѣдь вы такъ суровы и такъ горды. Да! многое вамъ придется заглядать передъ нимъ.

— Я чувствую, что весь свой вѣкъ должна буду стоять передъ нимъ въ одеждѣ кающейся.

— Ну, я думаю, ему пріятнѣе будетъ, если вы будете сидѣть на волѣняхъ, вѣдь инья, знаете ли, и въ этой позѣ каются. И какъ вы счастливы будете! Онъ никогда не будетъ объяснять вамъ пошлѣнъ на сахаръ, и мистера Бота въ Недервотсѣ не будетъ. А знаете ли что, Алиса, пріѣзжайте-ка вы въ Мэтчингъ въ августѣ или въ сентябрѣ и мы тамъ сыграемъ свадьбу, а то иначе мнѣ нельзя будетъ на ней присутствовать. И если на наше счастье, хоть нѣсколько выглянетъ солнце, мы устроимъ завтракъ въ развалинахъ.

На слѣдующее утро все маленькое общество отправилось вмѣстѣ въ первоклассномъ купонѣ желѣзной дороги. Мистеръ Паллизеръ, осторожно усаживая въ вагонъ свою жену, земли подъ ногами не слышалъ отъ счастья и гордости. Не менѣе его былъ счастливъ и мистеръ Грей, ведя подъ руку свою нарѣченную, хотя его радость была и сдержаннѣе. Люцернъ, вообще, принесъ счастье обоимъ джентльмэнамъ. Еще въ это самое утро, мистеръ Паллизеръ получилъ отъ герцога Сентъ-Бонгай конфиденціальное письмо, въ которомъ говорилось о несогласіяхъ между лордомъ Броккомъ и мистеромъ Файнспономъ по поводу какой-то мѣры, касавшейся французскихъ винъ, несогласіи, грозившемъ зайти очень далеко. Далѣе, въ письмѣ намекалось, что это снова отличный случай для мистера Паллизера, если бы онъ могъ только возвратиться до

зимы! — Немудрено, что мистеръ Паллизеръ, усаживаясь въ вагонъ, напротивъ жены, земли подъ ногами не слышалъ.

Въ Баденѣ наши путешественники остановились на нѣсколь-
во дней.

— У меня будетъ къ тебѣ большая просьба, сказала лэди Гленкора своему мужу, какъ скоро они остались одни въ своемъ номерѣ въ баденской гостинницѣ. Мистеръ Паллизеръ объявилъ, что готовъ исполнить всякую ея просьбу, если она только не будетъ во вредъ ея здоровью.

— Зачѣмъ я не коровница! воскликнула лэди Гленкора.

— Что-же дѣлать, милая, ты не родилась коровницей. Ты съ дѣтства не привыкла къ тому, что можетъ вынести коровница.

Но въ чемъ же заключалась ея просьба? Если бы она только пожелала брилліантовъ, онъ постарался бы достать ихъ, хотя бы то были серги самой великой герцогини. Если бы она захотѣла подобно Клеопатрѣ выпить растворенную жемчужину, онъ доставилъ бы ей и этотъ напитокъ, посоветовавшись предварительно съ медикомъ, не повредитъ ли онъ женщинѣ въ ея положеніи. Но каждый разъ какъ она обращалась къ нему съ какой нибудь просьбою, онъ боялся, что ей взбрела въ голову какая нибудь неосторожность. Ну, какъ ей, чего добраго, захотѣлось выпить стаканъ пива въ общественномъ саду?

И просьба лэди Гленкоры, точно, была въ этомъ родѣ.

— Не сводишь ли ты меня въ игорныя залы?

— Въ игорныя залы! повторилъ мистеръ Паллизеръ въ испугѣ.

— Да, плантагенетъ въ игорныя залы. Если бы ты въ тотъ разъ былъ со мною, я не надѣлала бы такихъ глупостей. Мнѣ хочется посмотрѣть это мѣсто. Тогда я такъ перепугалась, когда увидѣла, что мнѣ везетъ счастье въ игрѣ, что ничего не понимала.

Мистеръ Паллизеръ зналъ, что всѣ въ Баденѣ посѣщаютъ эти залы. Быть можетъ, въ немъ самомъ шевельнулось чувство любопытства. Ему случалось наблюдать министра въ тотъ моментъ, когда принять или отвергнуть предложенный имъ налогъ, но онъ никогда еще не видалъ, какъ бѣднякъ ставить на карту послѣдній свой наполеонъ и сгребаетъ со стола небольшую пригоршню золота. Къ тому-же ему сказали, что неболь-

шой моціонъ послѣ обѣда полезень его женѣ, а потому онъ согласился на второй вечеръ ихъ прїѣзда отправиться всѣмъ обществомъ въ Курзалъ.

— Быть можетъ, мнѣ удастся отыграть мой наполеонъ, сказала Гленкора Алисѣ.

— А мнѣ, быть можетъ, кое-кто простить мою тогдашнюю ошибку, убѣдившись собственнымъ опытомъ, что съ вами ладить нелегко, отвѣчала Алиса и взглянула на Паллизера.

— Она только шутить, проговорилъ мистеръ Паллизеръ, начиная беспокоиться за послѣдствія предпринимаемаго опыта.

— Это еще неизвѣстно, сказала лэди Гленкора.

Они отправились всѣ вмѣстѣ. Мистеръ Паллизеръ велъ подъ руку жену, мистеръ Грей шелъ съ Алисою. Сначала они обошли всѣ залы, шопотомъ обмѣниваясь между собою различными замѣчаніями о личностяхъ, бросавшихся имъ въ глаза и прислушиваясь къ тихимъ, однообразнымъ, отрывистымъ восклицаніямъ игроковъ. Но лэди Гленкора не довольствовалась этимъ бѣглымъ обзоромъ. Ей хотѣлось посмотрѣть, что дѣлаютъ всѣ эти мужчины и женщины, ей хотѣлось удостовѣриться, дѣйствительно-ли у крульеровъ рога на головѣ и въ самомъ ли дѣлѣ они демоны? Ее интересовали фізіономіи тѣхъ, которые выигрывали, и тѣхъ, которые проигрывали.

— Постоймъ здѣсь съ минуту, обратилась она въ мужу, останавливаясь на углу одного изъ столовъ, около котораго толпилось множество народа.

Мистеръ Поллизеръ посторонился, чтобы пропустить Алису впередъ, а самъ съ мистеромъ Греемъ сталъ позади. Съ мѣста, на которомъ стояла, Алиса можно было осмотрѣть всѣ лица, тѣснившіяся около стола. Взглядъ Алисы вскорѣ упалъ на лице молодаго человѣка, помѣщавшагося на противоположномъ концѣ. Сначала онъ сидѣлъ небрежно, облокотившись на столъ и надвинувъ шляпу на брови, такъ что она не могла хорошо рассмотреть его лице, но вскорѣ онъ поправилъ шляпу и взялъ нѣсколько золотыхъ монетъ, бывшихъ у него въ рукѣ, толкнулъ ихъ небрежнымъ движеніемъ въ одно изъ отдѣленій, намѣченныхъ на сукнѣ. Алиса не могла оторвать глазъ отъ этого лица. Глаза его были налиты кровью, волосы въ безпорядкѣ, а между тѣмъ въ этомъ лицѣ было какое-то непо-

нятное обаяніе, невольно располагавшее къ нему каждую женщину. Не устояла противъ этого обаянія и Алиса. Онъ выигралъ и Алиса могла видѣть, какъ онъ съ тою-же безпечною загребъ выигрышь, съ какой за минуту передъ тѣмъ оттолкнулъ отъ себя деньги. Выждавъ, пока эта игра кончилась и началась другая, онъ снова оттолкнулъ отъ себя свою маленькую пригоршню золота и по движенію его можно было видѣть, что онъ случаю предоставляетъ рѣшить, въ какое отдѣленіе попадутъ его деньги. Одна изъ золотыхъ монетъ отскочила въ сторону и крульеръ, поправляя ее, полувопросительно взглянулъ на игрока.

— Такъ, хорошо! отвѣчалъ голосъ по англійски. — При звукѣ этаго голоса лэди Гленкора вздрогнула и схватила Алису за руку. Мистеръ Паллизеръ объяснялъ въ эту минуту Грею подробности германскаго финансоваго управленія по отношенію къ игорнымъ домамъ, и не замѣтилъ ни восклицанія, ни движенія своей жены. Нужно ли говорить читателямъ, что игрокъ былъ никто иной какъ Борго-Фицъ-Джеральдъ!

Лэди Гленкора не вымолвила ни слова; она глядѣла передъ собою какимъ-то необычайно кроткимъ и въ тоже время внимательнымъ взглядомъ, а онъ между тѣмъ откинулъ назадъ свою шляпу и лицо его утратило свое прежнее безучастное выраженіе. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за ходомъ игры. Когда нѣсколько минутъ спустя, крульеръ назвалъ роковую карту, у него вырвалось восклицаніе, котораго лэди Гленкора не разобрала. Другой крульеръ положилъ рядомъ съ деньгами Борго нѣсколько свертковъ золота. Борго приостановился на минуту и хотѣлъ было загрести деньги къ себѣ, но вдругъ передумалъ и положилъ ихъ на прежнее мѣсто.

Алиса и Гленкора видѣли, что какой-то человѣкъ, стоявшій около него, сдѣлалъ движеніе, чтобы остановить его руку, но Борго сердито оттолкнулъ его отъ себя. Крульеръ, приостановившійся на минуту, началъ снова метать карты, и минуты черезъ двѣ судьба Борго была рѣшена. Безстрастная рука крульера загребла всѣ его деньги и свертки золота снова очутились на подносѣ, съ котораго были взяты. Борго окинулъ взглядомъ присутствующихъ и улыбнулся. Въ эту минуту всѣ глаза были устремлены на него. Онъ былъ изъ тѣхъ людей, которые гдѣ бы они ни были и что бы ни дѣлали, невольно при-

ковываютъ къ себѣ общее вниманіе. Онъ всталъ и, запустивъ руки въ карманы, посвистывая пошелъ прочь.

— Алиса, проговорила лэди Гленкора, вѣдь это Борго-Фицъ-Джеральдъ. Мистеръ Паллизеръ былъ въ эту минуту такъ занятъ объясненіемъ германскихъ финансовыхъ операцій, что ничего не замѣчалъ, что вокругъ его происходило.

— Алиса, продолжала лэди Гленкора, какъ бы намъ помочь ему? Это Борго.

— Неужели это и въ самомъ дѣлѣ онъ? спросила Алиса.

— Онъ, онъ, отвѣчала лэди Гленкора. Что мнѣ дѣлать, какъ предупредить бѣду. Посмотрите на него, Алиса! Если онъ наложитъ на себя руки, что тогда со мною станется?

— Скажите мистеру Паллизеру, шепнула Алиса.

Лэди Гленкора тотчасъ-же побѣжала къ своему мужу, отвела его въ сторону и торопливо, безсвязно рассказала ему, въ чемъ дѣло.

— Спаси его какъ нибудь, прошу тебя, спаси, не то я умру. Тебѣ нечего бояться.

— Я и не боюсь ничего, проговорилъ мистеръ Паллизеръ.

Лэди Гленкора схватила руку мужа и продолжала, лаская ее: ты такой добрый, не выпускай его изъ виду. Вонъ онъ уходитъ. Я пойду съ мистеромъ Греемъ. Я всегда буду тебѣ доброю женою; вотъ увидишь, что буду; только узнай, что ему нужно и ради меня помоги ему. Но не давай ему играть. Если-бы ты могъ какъ нибудь спровадить его домой въ Англию, и тамъ что нибудь для него сдѣлать! Вѣдь онъ имѣетъ право на твое участіе, Плантагенеть, не такъ-ли?

— Если только деньги могутъ что нибудь сдѣлать, онъ у него будутъ.

— Ну, спасибо тебѣ, милый! я никогда болѣе его не увижу. Но если бы ты могъ только спасти его. Ахъ! онъ уходитъ, ступай, ступай скорѣе за нимъ. Она толкнула его впередъ, а сама пошла подъ руку съ мистеромъ Греемъ, оглядываясь на мужа.

Борго вышелъ изъ курзала, и, миновавъ длинный рядъ строевнй, свернулъ съ большой дороги на тропинку, извивавшуюся между деревьями по направленію къ холмамъ. Мистеръ Паллизеръ не отставалъ отъ него; отойдя нѣсколько шаговъ въ сторону, Борго бросился подъ траву между деревьями.

ГЛАВА XXXIV.

СЧЕТЪ ВЪ ГОСТИНИЦѢ.

— Если не ошибаюсь, вы въ затруднительномъ положеніи, мистеръ Фицъ-Джеральдъ? сказалъ мистеръ Паллизерь, подходя къ Борго, лежавшему на землѣ. Вечеръ былъ темный и Борго, лежавшій ничкомъ, не сразу узналъ мистера Паллизера, голосъ втораго ему не былъ почти знакомъ.

— Кто это? спросилъ онъ, поспѣшно оборачиваясь.

— Быть можетъ, я не въ правѣ былъ идти за вами, сказалъ мистеръ Паллизерь, но мнѣ показалось, что вы попались въ непріятную исторію и что я могу помочь вамъ. Имя мое Паллизерь.

— Пантагенетъ Паллизерь! проговорилъ Борго, вскакивая на ноги и пристально взглядываясь въ лицо своего собесѣдника. Чортъ возьми! такъ это Пантагенетъ Паллизерь. Ну-съ, мистеръ Паллизерь, что вамъ отъ меня угодно?

— Мнѣ угодно быть вамъ полезнымъ, если это только въ моей власти. Я и жена моя видѣли, какъ вы за минуту передъ тѣмъ вышли изъ-за игорнаго стола.

— Такъ и она здѣсь?

— Да и она здѣсь. Мы на обратномъ пути въ Англію, но случай привелъ насъ въ игорную залу. Ей показалось, что вы въ затруднительномъ положеніи и что я могу быть вамъ полезенъ. Я готовъ, если вы только мнѣ позволите. — Мистеръ Паллизерь чувствовать, что онъ безъ большихъ усилій можетъ быть великодушенъ. Теперь ему нечего было болѣе опасаться.

— Такъ она здѣсь! продолжалъ Фицъ-Джеральдъ; и она видѣла, какъ я поставилъ на карту свое послѣднее достояніе? У меня было бы въ настоящую минуту 20 тысячъ франковъ, если-бы карты не измѣнили мнѣ.

— Карты никому не бываютъ вѣрны, мистеръ Фицъ-Джеральдъ.

— Да, никому, никому проговорилъ Борго. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, они всегда измѣняли. Впрочемъ мнѣ все и всё измѣняютъ.

— Если вы нуждаетесь въ 20 тысячахъ франковъ—на наши деньги это, если не ошибаюсь, составитъ 800 фунтовъ,—то я могу вамъ служить ими.

— Какъ-же, чорта съ два!

— Право могу. Такъ какъ я путешествую съ моимъ семействомъ,—мистеръ Паллизеръ, какъ видите, считалъ себя теперь въ большемъ правѣ говорить о своемъ семействѣ, чѣмъ недѣли три тому назадъ,—такъ какъ я путешествую съ моимъ семействомъ, то я принужденъ возить съ собою довольно крупную сумму денегъ и могу предложить вамъ безъ малѣйшаго затрудненія для себя.

Борго не могъ не раскохотаться. Мистеръ Паллизеръ, мужъ лэди Гленкору потомокъ и наслѣдникъ герцога Омнiума, случайно, видите-ли, имѣлъ при себѣ довольно крупную сумму денегъ. Какъ будто не достаточно было одного движенія его руки, въ какой угодно части свѣта, чтобы тотчасъ-же къ его услугамъ явились груды золота.

— Я нисколько не сомнѣвался, что у васъ всегда найдется при себѣ такая сумма, проговорилъ онъ. Но вопросъ въ томъ, какъ и когда я возвращу вамъ ее?

— Это я совершенно предоставляю на ваше усмотрѣнiе, протворилъ мистеръ Паллизеръ.

— Въ этихъ дѣлахъ у меня никогда никакого усмотрѣнiя не бываетъ, отвѣчалъ Борго. Какъ это-бишь звали тѣхъ женщинъ, которыя лили воду въ бездонную бочку? Вотъ и у моей бочки тоже дна нѣтъ.

— Вы говорите про дочерей Даная, подсказалъ мистеръ Паллизеръ.

— Не знаю тамъ чьи онѣ были дочери, но ужъ лучше бы вы имъ предложили займы по 800 фунтовъ каждой, чѣмъ мнѣ.

— Ихъ было слишкомъ много, подшутилъ мистеръ Паллизеръ, а вы одинъ и потому, какъ я уже свазалъ, мнѣ будетъ очень прiятно услужить вамъ.

Они въ эту минуту медленно поднимались въ гору и услышали позади себя шаги. Борго оглянулся.

— Видите ли этого человѣка, проговорилъ онъ, я не знаю его имени, но знаю, что его посылаютъ изъ гостинницы слѣдить за мною, чтобы я надъ собою чего не сдѣлалъ. Я тамъ

долженъ 600 или 700 франковъ и они хотятъ выгнать меня, а вещи мои задержать.

— Это было бы очень неприятно, замѣтилъ мистеръ Паллизеръ.

— Да, это было-бы очень неприятно. Но я не такой дуракъ, чтобъ имъ дался. Если они держатъ у себя мое тряпье, такъ пускай же держатъ и меня. Знаю чего они боятся. Они боятся, чтобы я не всадилъ себѣ пулю въ лобъ.

— Но я надѣюсь, что вы не думаете этого сдѣлать?

— Я вообще, мистеръ Паллизеръ, безъ крайней необходимости никогда и не объ чемъ не думаю.

Незнакомецъ въ эту минуту подошелъ въ нимъ такъ близко, что могъ почти слышать ихъ разговоръ. Борго замѣтилъ это и, направившись къ нему, на плохомъ французскомъ языкѣ велѣлъ оставить ихъ въ покоѣ.

— Развѣ вы не видите, что я съ пріятелемъ?

— А! съ пріятелемъ, проговорилъ незнакомецъ. А пріятель не можетъ дать денегъ?

— Можетъ-ли тамъ или нѣтъ, это до васъ не касается. Дѣлайте то, что вамъ велятъ и оставьте меня въ покоѣ.

Незнакомецъ удалился, но въ продолженіи остального разговора, мистеру Паллизеру казалось не разъ, что онъ не въ далекомъ разстояніи слышитъ его шаги.

— Такъ лэди Гленвора здѣсь? смѣло повторилъ Борго.

— Да, она здѣсь. Она-то и просила меня идти за вами, отвѣчалъ мистеръ Паллизеръ.

Затѣмъ оба они прошли нѣсколько шаговъ въ молчаніи. Ни одинъ изъ нихъ не зналъ, какъ продолжать разговоръ.

— А странно, чортъ возьми! проговорилъ наконецъ Борго, что именно насъ съ вами свела судьба здѣсь, въ Баденѣ. Странно не потому, что вы самый богатый человѣкъ въ цѣломъ Лондонѣ, а я самый бѣдный, но... было, вы знаете, много и другого, что дѣлаетъ это столкновеніе такимъ оригинальнымъ.

— Много было такого, что заставляетъ меня и мою жену отъ души желать быть вамъ полезными.

— Но подумали ли вы, мистеръ Паллизеръ, что именно это-то болѣе и дѣлаетъ васъ единственнымъ человѣкомъ въ мірѣ, отъ котораго я не могу принять помощи.

— Я знаю, мистеръ Фицъ-Джеральдъ, что вы были обмануты въ своихъ ожиданіяхъ.

— Обманутъ! да, чортъ возьми, былъ обманутъ! Видали ли вы когданибудь человѣка, надъ которымъ судьба такъ жестоко подшутила бы, какъ надо мною. Вѣдь я любилъ ее, мистеръ Паллизеръ. Какое любилъ! и теперь люблю. Здѣсь я не боюсь сознаться въ этомъ, даже вамъ. Я никогда болѣе не буду искать встрѣчи съ нею. Все между нами кончено. Безумецъ я былъ и въ этомъ, какъ во всемъ остальномъ. Но я дѣйствительно любилъ ее.

— Вѣрю вамъ, мистеръ Фицъ-Джеральдъ.

— Домогался я не однѣхъ ея денегъ. Но подумайте, мистеръ Паллизеръ, что были бы для меня эти деньги! Подумайте, какой я случай упустилъ; всѣ блага земныя были бы мои, а теперь я — ну что же теперь? Ея состоянія хватило бы даже для меня; и тогда, быть можетъ, изъ меня и вышелъ бы какойнибудь прокъ и не свитался бы я какимъ-то отверженцемъ, чуть не дрожа передъ этой свотиной, что слѣдитъ за нами.

— Что же дѣлать? замѣтилъ мистеръ Паллизеръ, не зная, что сказать. Суждено было иначе.

— Да, проклятіе! было суждено, чтобы я пропалъ. Но хотѣлъ бы я знать, кто это судилъ?

— Есть, вы знаете, старая пословица, проговорилъ мистеръ Паллизеръ, что исправиться никогда не поздно.

— Эта пословица вретъ! поздно исправляться, когда человѣку надѣта петля на шею.

— Быть можетъ, и тогда еще не поздно, если только въ человѣкѣ удѣлѣна еще способность къ добру. Впрочемъ я не желаю вамъ читать правоученій.

— Да оно, вы знаете, ни къ чему бы и не повело.

— Но я отъ души желаю вамъ быть полезень. Въ томъ, что вы говорите, есть доля правды. Судьба подшутила надъ вами злую шутку и я, быть можетъ, болѣе чѣмъ кто либо другой обязанъ помочь вамъ въ настоящей вашей нуждѣ.

— Но какъ могу я принять помощь отъ васъ, проговорилъ Борго, чуть не плача.

— Такъ вы ее примете отъ нея.

— Нѣтъ, это было бы хуже, во сто разъ хуже. Какъ я приму ея деньги, когда она сама не хотѣла мнѣ отдаться?

— Не вижу, почему бы вамъ не взять займы ея денегъ или пожалуй, если хотите, моихъ.

— Нѣтъ, нѣтъ я не хочу этого.

— Такъ что же вы намѣрены дѣлать?

— Что я намѣренъ дѣлать? Гмъ! въ этомъ-то и вопросъ, я и самъ не знаю, что я намѣренъ дѣлать. Ключъ отъ моей спальни у меня въ карманѣ и я, по всѣмъ вѣроятіямъ, лягу сегодня спать. О завтрашнемъ же днѣ не въ моихъ правилахъ думать.

— Позвольте ли вы мнѣ завтра побывать у васъ?

— Не вижу, чтобы изъ этого могла быть какаянибудь польза. Я встану завтра какъ можно позднѣе, чтобы меня чего добраго не выжили изъ моей комнаты. Я стараюсь за одно выжимать изъ нихъ какъ можно больше пользы для себя. Я, кажется, скажусь больнымъ и пролежу цѣлый день въ постели.

— Не возьмете ли вы у меня хоть нѣсколько наполеоновъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего я отъ васъ не возьму. Вы первый человѣкъ, у котораго я отказываюсь взять денегъ въ займы и мнѣ сдается, что вы послѣдній, рѣшающійся предлагать мнѣ ихъ.

— Не знаю, чѣмъ другимъ я могу быть вамъ полезенъ?

— Ничѣмъ вы не можете быть мнѣ полезны. Скажите вашей женѣ, что я прощаюсь съ нею, вотъ все, что вы можете для меня сдѣлать. Покойной вамъ ночи, мистеръ Паллизеръ, покойной ночи.

Мистеръ Паллизеръ, чувствуя, что все его краснорѣчіе истощилось, пожалъ ему руку и торопливыми шагами отпривился домой.

На слѣдующее утро онъ отправился въ отель, гдѣ жилъ Борго и повидался съ хозяиномъ его. Содержатель отеля оказался благоразумнымъ, добродушнымъ господиномъ, имѣвшимъ весьма впрочемъ понятное желаніе, чтобы живущіе у него уплачивали свои счета, но далеко не выказывавшій въ этомъ отношеніи той аячности, которою отличаются англійскіе содержатели отелей.

— Завтракалъ ли онъ? освѣдомился мистеръ Паллизеръ.

— Какже, завтракалъ! И хозяинъ гостинницы засмѣялся.

Онъ заказалъ себѣ котлеты и при этомъ объяснилъ очень подробно, какъ ихъ приготовить. Главнымъ образомъ, онъ настаивалъ, чтобы въ нихъ положили какъ можно больше казенскаго перцу. Потомъ онъ потребовалъ себѣ бутылку сотерна. Но хозяинъ гостинницы или главный келнеръ разсудилъ, что онъ можетъ обойтись бутылкою обыкновеннаго мѣстнаго вина.

Мистеръ Паллизеръ присѣлъ въ каморкѣ хозяина и велѣлъ подать себѣ его счеты.

— Полагаю, что ничего не будетъ неловкаго, если я уплачу по этому счету?

— Это какъ будетъ угодно вамъ, отвѣчалъ хозяинъ, въ глазахъ котораго сверкнуло удовольствіе.

Мистеръ Паллизеръ не зналъ, согласно ли будетъ съ законами того общества, къ которому онъ принадлежалъ, внести деньги по этому счету. Но тутъ ему вспомнилась его жена и, не долго думая, онъ заплатилъ.

— Кому прикажите отдать росписку въ полученіи? спросилъ хозяинъ.

— Да пока оставьте ее у себя, отвѣчалъ мистеръ Паллизеръ.

Того, что онъ сдѣлалъ, было недостаточно; онъ зналъ, что на этомъ не успокоится его жена. Но теперь представлялся вопросъ: какія дальнѣйшія мѣры принять для обезпеченія Борго? Подумавъ немного, онъ рѣшился открыть хозяину гостинницы часть настоящаго положенія дѣлъ и далъ ему почувствовать, что не прочь помогать мистеру Фицъ-Джеральду деньгами, если бы только эти деньги расходовались путнымъ образомъ.

— Да какъ вы его удержите, сэръ, отъ игорной залы, если у него хоть франкъ завелся въ карманѣ?

Рѣшено было наконецъ, что хозяинъ отеля объявить Борго, что онъ немедленной уплаты за счеты не требуетъ и что отель къ его услугамъ еще на три мѣсяца, считая отъ этого дня; денегъ ему въ руки положено было не давать, впрочемъ и это дѣло было представлено на усмотрѣніе хозяина.

— Когда я вернусь въ Англію, я увидаюсь съ его родными и переговорю съ ними, сказалъ мистеръ Паллизеръ. Затѣмъ онъ возвратился домой и сообщилъ обо всемъ, что сдѣ-

лаль, женѣ. Его распоряженія нѣсколько успокоили лэди Гленкору.

По приѣздѣ въ Англію мистеръ Паллизеръ повидался съ сэромъ Чарльзомъ Монкомъ и, рассыпаясь въ извиненіяхъ, рассказавъ ему, что сдѣлалъ.

— Напрасно, право напрасно, замѣтилъ раздраженный сэръ Чарльзъ. Денегъ мнѣ не жаль, а все же, я говорю, напрасно вы о немъ хлопотали.

Впрочемъ сумма, затраченная мистеромъ Паллизеромъ, была ему возвращена и рѣшено было, что Борго будетъ получать еженедѣльно сумму въ 15 фунтовъ черезъ одного члена посольства, съ тѣмъ чтобы онъ оставался въ одномъ небольшомъ германскомъ городѣ, въ которомъ небыло игорныхъ домовъ. Лэди Гленкора объявила себя довольною этимъ рѣшеніемъ. Но, что до меня касается, то я сильно сомнѣваюсь, чтобы Борго надолго удовольствовался указаннымъ ему образомъ жизни. Здѣсь мы должны проститься съ Борго Фицъ-Джеральдомъ.

ГЛАВА XXXV.

Путешественники возвращаются домой.

Мистеръ Паллизеръ не долго оставался въ Баденѣ послѣ встрѣчи своей съ Борго. Быть можетъ, просто страхъ заставилъ его торопиться своимъ отъѣздомъ. Что бы они стали дѣлать, если бы Борго узналъ о принятыхъ ими мѣрахъ и явился къ нему требовать объясненія? Итакъ, мистеръ Паллизеръ въ тотъ же день отправился въ Страсбургъ, къ великому удовольствію лэди Гленкору.

Дорогою мистеръ Паллизеръ убѣдился, что гораздо легче поддерживать разговоръ съ мистеромъ Греемъ, чѣмъ съ женою; вслѣдствіе чего дамы почти все время были предоставлены самимъ себѣ, а мужчины вели нескончаемый разговоръ о политикѣ. Мистеръ Паллизеръ, подобно лисицѣ, потерявшей хвостъ, изъ всѣхъ силъ хлопоталъ, чтобы и новый его пріятель уподобился ему въ этомъ отношеніи. Ему удалось по-

колебать мистера Грея въ его созерцательной философіи и мистеръ Грей удивилъ и обрадовалъ Алису двумя-тремя замѣчаніями, вырвавшимися у него во время прогулки съ нею по Лувру.

— Здѣсь нѣтъ настоящаго содержанія, сказалъ онъ, когда разговоръ коснулся французской политики.

— Это такъ, отвѣчала Алиса, не жаловавшая французскую манеру вести общественныя дѣла.

— Изъ всѣхъ образовъ правленія, мнѣ кажется, этотъ всего вѣрнѣе ведетъ къ гибели. Людямъ внушаютъ, что они достаточно выросли, чтобы говорить, но не доросли до права дѣйствовать. Это все равно, какъ если бы человѣку сказали, что онъ сидитъ на пороховомъ ящикѣ и запретили имѣть при себѣ огонь, и въ тоже время сунули ему въ карманъ зажигательныя спички. Я не вѣрю въ существованіе пороха и убѣжденъ, что огонь необходимъ, что чѣмъ больше его будетъ, тѣмъ лучше. Но ужь если бъ я не желалъ огня, то не допускалъ бы зажигательныхъ спичекъ.

— Какъ странно слушать тебя разговаривающимъ о политикѣ, смѣясь замѣтила Алиса.

Послѣ этого онъ замолчалъ, какъ будто стыдясь чего-то; но черезъ нѣсколько минутъ мужественно возвратился къ тому же разговору.

— Мистеръ Паллизеръ уговариваетъ меня вступить въ парламентъ, проговорилъ онъ. Алиса ничего не отвѣчала, но она чувствовала, какъ дрожали ея пальцы, лежавшіе на его рукѣ.

— Что сказала ты на это? спросила она.

— Что я скажу? Какое я право имѣю говорить что бы то ни было!

— Если ты не имѣешь, то кто же имѣетъ?

Онъ утверждаетъ, что теперь это требуетъ меньшихъ денегъ, чѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Я думаю, что средствъ моихъ хватитъ на это, а тамъ онъ мнѣ обѣщалъ свое содѣйствіе.

— Въ этомъ отношеніи у меня, конечно, не можетъ быть сомнѣнія.

— Въ этомъ отношеніи, конечно, нѣтъ. Но допустимъ, что все устроится такъ, какъ мы говоримъ. Жизнь въ Лондонѣ четыре или пять мѣсяцевъ въ году тоже не составитъ большихъ затрудненій. Но что скажешь ты о самомъ образѣ жизни?

Тутъ Алиса не могла далѣе молчать и дала полную волю своему чувству.

Онъ, само собою разумѣется, постарался охладить ея энтузіазмъ. Каждое выраженіе восторга встрѣчало въ немъ почти озлобленнаго противника. Но онъ былъ на столько честенъ, что не далъ поколебать себя въ своихъ новыхъ воззрѣніяхъ тѣмъ фактомъ, что Алиса раздѣляла ихъ. И Алиса возвратилась въ отечество съ отраднымъ сознаніемъ, что единственная черта, которая не нравилась ей въ его характерѣ, скоро изгладится.

Въ Лондонѣ же маленькое общество раздѣхалось; мистеръ Паллизеръ торопился отвести лэди Гленвору въ Мэтчингъ. На прощаніе рѣшено было, что въ сентябрѣ всѣ они снова встрѣтятся въ Мэтчингъ, куда мистеръ Паллизеръ пригласилъ и отца Алисы.

Алиса пожелала возвратиться въ улицу королевы Анны одна. Ей не хотѣлось выслушивать первыя поздравленія отца въ присутствіи мистера Грея. Но оказалось, что она могла бы дать спокойно проводить себя своему жениху. Отца ея не было дома. Она нашла у себя письмо, заставившее ее забыть на время и о Греѣ, и объ отцѣ. Письмо было изъ Чельтенгейма отъ лэди Маклеодъ, которая была очень больна и желала свидѣться съ племянницею передъ смертію. «Я получила твое письмо, писала добрая старушка, и теперь совершенно счастлива, только этого не доставало, чтобы помирить меня съ мыслию о смерти. Впрочемъ я никогда не теряла надежды, что моя дѣвочка въ концѣ концовъ будетъ счастлива. Позволишь ли она сказать мнѣ, что я ее прощаю?» Письмо заключалось просьбою, чтобы Алиса немедленно пріѣзжала въ Чельтенгеймъ.

Было и еще одно письмо—отъ Кэтъ, полное, конечно, поздравленій и содержавшее въ себѣ обѣщаніе пріѣхать на свадьбу, Впрочемъ въ томъ только случаѣ, писала Кэтъ, «если она не будетъ справляться въ домъ когонибудь изъ твоихъ знатныхъ родственниковъ. Тетушка Гринау выходитъ замужъ черезъ двѣ недѣли; смотри пріѣзжай непременно къ свадьбѣ. А то подумай, каково будетъ мое положеніе, если я останусь при этомъ одна одинешенька. Ради Бога пріѣзжай.»

Какъ ни мало оставалось Алисѣ времени до свадьбы, у нея

не хватало духу отказать ни лэди Маклеодъ, ни Кэтъ. Она рѣшилась пробить въ Лондонѣ только день и оттуда отправиться въ Чельтенгеймъ.

Нѣсколько времени спустя вернулся ее отецъ.

— Я никакъ не ожидалъ что ты именно нынче прїѣдешь, началъ онъ прямо съ извиненія; да и посуди, милая, почему мнѣ было знать? Алиса не сочла нужнымъ напомнить ему, что сама она назначила ему день и поѣздъ, съ которымъ прїѣдетъ.

— Ну да, что объ этомъ говорить, отвѣчала она, я воспользовалась этимъ часомъ, чтобы написать кой-какія письма. Бѣдная лэди Маклеодъ очень больна. Мнѣ надо ѣхать къ ней послѣ завтра.

— Ахъ, Боже мой! я тоже слышалъ, что она очень плоха. Ну да, уже годы ея такіе, ты сама знаешь. И такъ, Алиса, ты наконецъ-таки поладила съ мистеромъ Греемъ?

— Да, папа, если вы это называете поладить.

— Ну и слава Богу! все устроилось къ лучшему.

— Надѣюсь, что и онъ такъ думаетъ.

— Но что ты сама объ этомъ думаешь, милая?

— Я нисколько не сомнѣваюсь, папа, что для меня все устроилось къ лучшему.

— Конечно, конечно! человекъ онъ, я тебѣ скажу, Алиса, поистиннѣ рѣдкой.

— Онъ говорилъ тебѣ на счетъ денегъ?

— На счетъ какихъ денегъ?

— На счетъ тѣхъ денегъ, которыя были даны Джоржу.— Алиса, конечно, ничего объ этихъ деньгахъ не знала и отецъ долженъ былъ объяснить ей всѣ подробности сдѣлки.

— Надо ему возратить эти деньги, папа, проговорила она.

— Возратить? Теперь онъ самъ можетъ возратить ихъ себѣ.

— Не такой онъ человекъ, чтобы я позволилъ себѣ вмѣшиваться въ его дѣла. Если бы ты только знала, милая, что я выстрадалъ за это время!

Алиса смиренно выразила свое сожалѣніе; вслѣдъ за тѣмъ отецъ объявилъ ей, что и онъ ей простилъ.— Да благословить тебя Господь, дитя мое, и да пошлетъ тебѣ счастье

и.... и.... всякое благополучіе. Проговоривъ это, онъ отправился въ клубъ.

Путешествіе Алисы въ Чельтенгеймъ не ознаменовалось никакими приключеніями, и лэди Маклеодъ приняла ее съ распростертыми объятіями.

— Спасибо тебѣ, тысячу разъ спасибо тебѣ, Алиса.

— За что вы меня благодарите? отвѣчала Алиса, развѣ я не поѣхала бы за тысячу миль, чтобы увидѣться съ вами?— Лэди Маклеодъ съ большимъ участіемъ спрашивала ее о подробностяхъ приближающейся свадьбы.

— Теперь я могу сказать тебѣ, другъ мой, я знала, что это такъ будетъ. Онъ самъ сказалъ мнѣ по секрету, что ни за что не откажется отъ тебя.

— И надо ему отдать справедливость, тетушка, онъ былъ постояненъ.

— И ты, конечно, сумѣешь наградить его. Главное, Алиса, постарайся разузнать всѣ его вкусы. Боже мой! какъ я вспомню, какого труда это мнѣ стоило... ну, да я далеко не такъ умна была, какъ ты.

— А мнѣ такъ, подь часъ, кажется, что глупѣ меня никто не могъ быть.

— Тутъ не въ глупости дѣло, душа моя, а ужь если сказать тебѣ правду, въ своеволиі; ну, да все это прощено и забыто, не такъ-ли?

Алиса выслушивала маленькія нравоученія своей престарѣлой родственницы гораздо терпѣливѣе, чѣмъ въ былыя времена, такъ что лэди Маклеодъ наконецъ приободрилась и вытащила изъ подъ своей подушки письмо графини Мидлотіанъ, полученное ею дня два тому назадъ.

— Я не знала, показать ли тебѣ его, но когда меня не станетъ, она будетъ твоею единственною родственницею съ материнской стороны; а ты знаешь, Алиса, что женщина съ такимъ высокимъ общественнымъ положеніемъ.... Но тутъ Алиса перебила ее и попросила показать ей письмо.

«Любезнѣйшая лэди Маклеодъ!— писала графиня, мнѣ было очень прискорбно слышать, что вы такъ больны. Совѣтую вамъ придеръживаться говяжьяго бульона. Главнымъ образомъ обращайтесь вниманіе, чтобы въ немъ отнюдь не было жиру и чтобы онъ не слишкомъ былъ крѣпокъ. Если что можетъ воз-

становить ваши силы — такъ это такой бульонъ. Я бы сама къ вамъ прѣехала, но, зная вашу впечатлительность, боюсь, чтобы свиданіе со мною не слишкомъ взволновало васъ.

«Если вы увидите Алису Вавазоръ, по возвращеніи ея въ Англію, передайте ей мое искреннее поздравленіе и скажите, что я отъ души радуюсь настоящему исходу дѣла. Въ былое время, она встрѣтила мою попытку поправить бѣду съ пезаслуженною суровостью, но я охотно прощаю ей какъ эту суровость, такъ и прежній ея поступокъ въ отношеніи мистера Грея». — Алисъ начинали наконецъ надоѣдать амнистіи, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ. — «Надѣюсь, что мы встрѣтимся съ нею опять друзьями, продолжала лэди Мидлотіанъ; мнѣ очень пріятно было слышать, что она была очень хорошо принята у мистера Паллизера. Говорятъ, что мистеръ Паллизеръ и мистеръ Грей стали большими друзьями; и если это такъ, то Алиса должна гордиться сознаниемъ, что могла доставить своему будущему мужу такую высокую честь».

— Нисколько я не горжусь, и никакой я чести не доставляла мистеру Грею! воскликнула разсерженная Алиса.

— Что ты милая, честь это не малая.

— Мистеръ Паллизеръ столько же выигрываетъ черезъ это знакомство, какъ и мистеръ Грей, а можетъ быть и больше.

Бѣдная лэди Маклеодъ, въ своемъ настоящемъ печальномъ положеніи, не могла вступить съ нею въ споръ. Она только вздохнула и принялась водить своею морщинистою рукою взадъ и впередъ по одѣялу. Алиса дочитала письмо безъ дальнѣйшихъ примѣчаній.

— Я вѣрю, что намѣреніе у нея хорошее, проговорила она, окончивъ чтеніе.

— Безспорно что такъ, милая, отвѣчала лэди Маклеодъ. Ну и потомъ не забывай, что у тебя могутъ быть дѣти. Подумай, какое для нихъ будетъ счастье знаться съ семействомъ Мидлотіанъ, не лишай же ихъ тѣхъ преимуществъ, на которыя они имѣютъ право по самому своему происхожденію.

Алиса прогостила у тетки около недѣли, а отъ нея прямо отравились въ Уэстморлендъ.

ГЛАВА XXXVI.

СУДЬБА МИСТЕРА ЧИЗСАКЕРА.

Когда Алиса приѣхала въ Вавазорскій замокъ, она уже за-стала тамъ Чарли Ферстерсъ, приѣхавшую погостить туда, по-видимому, на неопредѣленный срокъ.

Въ первый же вечеръ своего приѣзда Алиса узнала отъ Кэтъ, что многое даетъ поводъ надѣяться, что владѣлецъ Ойли-мида попадетса таки на удочку. Чарли Ферстерсъ, правда, всегда стояла у него на очень низкомъ счету, какъ дѣвица бѣдная и весьма не знатнаго происхожденія. Правда и то, что Чарли была далеко не красавица и что Чизсакеръ, за послѣд-ніе десять лѣтъ, неизмѣнно встрѣчалъ ее каждое лѣто на пес-чаномъ побережьѣ Ярмута и каждую зиму на улицахъ Нор-вича.

Но дѣло взяла въ свои руки мистрисъ Гринау и Кэтти Ва-вазоръ высказала свое положительное мнѣніе, что тетушка по-ставитъ на своемъ.

— Да что она чарами что ли его обошла? спросила Алиса.

— Она просто напросто вскружила ему голову лестью. Она такую власть приобрѣла надъ нимъ, что опъ ни въ чемъ ей не можетъ отказа ть. Она то и дѣло шушукается съ нимъ и эти разговоры съ глазу на глазъ имѣютъ для него такую пре-лестъ, что онъ не въ силахъ отъ нихъ оторваться. Вотъ въ одинъ-то изъ этихъ разговоровъ онъ и очутился женихомъ, самъ того не зная какъ.

— Но бѣдная дѣвушка, вѣдь она будетъ несчастнѣйшимъ созданиемъ въ мірѣ, когда выйдетъ за него.

— Нисколько, она будетъ ему отличной женою. Онъ изъ тѣхъ людей, которые, на комъ они не женись, черезъ нѣ-сколько времени сведутъ на одно. Разъ въ мѣсяцъ онъ бу-детъ задавать на нее окрики и быть можетъ станетъ попре-кать ее, что онъ взялъ ее безъ приданаго, но отъ этого ея не убудетъ и Чарли сама за себя съумѣетъ постоять. Если она не принесетъ ему приданаго, то она съумѣетъ сберечь его деньги и черезъ нѣсколько лѣтъ они сживутся другъ съ другомъ, какъ нельзя лучше.

Мистеръ Чизаверъ и капитанъ Бельфильдъ жили въ мебелированныхъ комнатахъ въ Пенритѣ и пріѣзжали въ Вавазоръ черезъ день. Когда Алиса пріѣхала, до свадьбы оставалось всего только восемь дней. Приготовленія къ этому событію были въ полномъ разгарѣ.

— Свадьбу мы отпразднуемъ какъ можно тише, сказала ей тетка. Я обязана это сдѣлать изъ уваженія къ памяти моего усопшаго друга. Я знаю, что онъ взираетъ на меня съ высоты небесъ и одобряетъ все, что я дѣлаю. При жизни онъ какъ-то разъ сказалъ мнѣ, что не желаетъ, чтобы я послѣ него свѣковала вѣкъ одиноко.

Она повела Алису къ себѣ въ комнату и показала ей свое приданое, при чемъ дала ей кой-какіе совѣты, которые ей, какъ невѣстѣ, могли пригодиться.

— Представь себѣ, я заплатила за этотъ кусокъ всего по три шиллинга и по три пенса. А кружево настоящее, пощупай его. Въ магазинахъ ты его дешевле шести шиллинговъ не купишь. А вотъ посмотри на эти, они совсѣмъ новенькія, еще ни разу не были надеваны, они у меня остались отъ перваго моего приданого. Бережливость, милая, великое дѣло. Я ненавижу скаредность и никто не скажетъ про меня, чтобы я была скряга,—но бережливость великое дѣло. Вотъ и ты тоже, родня у тебя все народъ богатый и тебѣ надарятъ вучу вещей, которыя тебѣ не понадобятся. Отложи-коихъ въ сторону и побереги. Какъ знать, можетъ онѣ тебѣ и пригодятся?

На слѣдующій день пріѣхали оба джентльмена, и Алисѣ кинулось въ глаза, что миссъ Ферстерсъ почти не говоритъ съ мистеромъ Чизаверомъ. Чай пили на открытомъ воздухѣ, и когда мистеръ Чизаверъ подсѣлъ на концѣ скамейки, на которой сидѣла Чарли Ферстерсъ, то она тотчасъ же встала и ушла. Потомъ вовремя прогулки мистеръ Чизаверъ обратился къ ней съ какимъ-то невиннымъ замѣчаніемъ. — Не знаю, сэръ, сухо отвѣтила ему Чарли и отойдя отъ него, подхватила подъ руку Алису.

— Вы недавно вернулись изъ Швейцаріи, заговорила она, прелестная Швейцарія! какъ я вздыхаю о ней. Расскажите мнѣ что нибудь про Швейцарію.

Мистрисъ Гринау на этотъ разъ нѣжно льнула къ своему

будущему мужу, такъ что положеніе мистера Чизаскера, оставленнаго всѣми, было очень незавидное.

— Я кажется сюда больше не поѣду, сказалъ онъ Бельфильду, возвращаясь съ нимъ въ этотъ вечеръ въ Пенрить.

— Что вы, Чизаскеръ, воскликнулъ Бельфильдъ. Вы забыли, что въ пятницу мы обѣдаемъ въ полѣ. Сами же вы это за тѣяли.

— Ну, положимъ такъ, въ пятницу я поѣду, но уже больше туда ни ногой.

— Такъ неужели же вы на моей свадьбѣ не будете, дружнице?

— Что мнѣ дѣлать на вашей свадьбѣ? Вы обзаведетесь женою, ну и будетъ съ васъ. Правду сказать, съ тѣхъ поръ, какъ эта дѣвчонка пріѣхала изъ Лондона съ своимъ важничаньемъ (подъ именемъ дѣвчонки подразумѣвалась, конечно, ни въ чемъ невиноватая Алиса), Вавазорскаго замка узнать нельзя. Я человѣкъ простой и терпѣть не могу этихъ аристократовъ.

— Вы отлично сыграли комедію, душа моя, говорила въ этотъ вечеръ мистрисъ Гринау дѣвицѣ Ферстерсъ. Я, право, не ожидала отъ васъ такой ловкости.

— Ахъ, полноте, за что вы меня такъ хвалите? проговорила Чарли, враснѣя.

— И это, я вамъ скажу, единственный способъ уладить дѣло. Только бы намъ его къ рукамъ прибрать, а тамъ, вы увидите, онъ будетъ отличнѣйшимъ мужемъ.

— А мнѣ, такъ правдо, кажется, что я ему совсѣмъ не нравлюсь, прохныкала Чарли.

— И! что за вздоръ, почему знать молодой дѣвушкѣ, нравится ли она мужчинѣ или нѣтъ. Если онъ вамъ предложитъ руку и сердце, надѣюсь, что это будетъ вѣрнымъ признакомъ, что вы ему нравитесь; если же онъ этого не сдѣлаетъ, то и въ такомъ случаѣ большей бѣды не будетъ.

— Если онъ вообразить, что я изъ за его денегъ... начала было Чарли.

— Не говорите глупостей, Чарли! перебила ее мистрисъ Гринау, не бѣсите вы меня. Конечно, вы болѣе или менѣе имѣете въ виду его деньги. Ужъ не станете же вы меня увѣрять, что влюбилась бы въ него, если бы онъ, какъ Бель-

фильдъ, не имѣлъ ни кола, ни двора? Это я могу позволить себѣ такую роскошь, а вы нѣтъ; изъ этого, конечно, еще не слѣдуетъ, чтобы вы не должны были любить его. Конечно, вы его полюбите и я не сомнѣваюсь, что онъ найдетъ въ васъ добрую жену. А пока, милая, приуберитесь-ка хорошенько къ пятницѣ, я его уведу тотчасъ же послѣ обѣда гулять и когда я покончу съ нимъ, надо будетъ такъ устроить, чтобы вы тотчасъ подвернулись ему.

Маленькій пикникъ, о которомъ шла рѣчь, былъ выдумкою мистрисъ Гринау, которая всегда была рада устраивать всевозможныя увеселенія. Кромѣ капитана и мистера Чизсавера былъ приглашенъ приходскій священникъ, единственный гость, который случился подъ рукою. Весь пикникъ состоялъ престо въ томъ, что общество должно было со всевозможными неудобствами обѣдать на открытомъ воздухѣ, вмѣсто того чтобы спокойно отобѣдать дома. Но мистрисъ Гринау знала, что необычайность обстановки много придаетъ привлекательности Чарли. Человѣкъ, который бы не подумалъ предложить молодой дѣвушкѣ руку и сердце въ гостинной, непременно растаетъ передъ ней, если проведетъ съ нею вечеръ въ полѣ.

— Ты не повѣришь, милая, сказала она Кэтъ, какое вліяніе имѣетъ въ этихъ вещахъ необычайность обстановки.

Въ два часа оба джентльмена пріѣхали изъ Пенрита и стали помогать дамамъ въ приготовленіяхъ къ обѣду. Капитанъ и Чарли Ферстерсъ взяли было за скатерть.

— Пустите меня, проговорилъ Чизсаверъ, и взялъ скатерть изъ рукъ капитана.

— Вамъ и книги въ руки, отвѣчалъ капитанъ, сторонясь.

— Капитанъ Бельфильдъ накрылъ бы гораздо лучше, проговорила Чарли съ презрительнымъ движеніемъ головы. Онъ все равно, что женатый человѣкъ теперь, а женатые въ этихъ дѣлахъ гораздо ловчѣе.

Погода стояла хорошая и обѣдъ сошелъ съ рукъ какъ нельзя лучше. Мистеръ Чизсаверъ сидѣлъ по правую сторону мистрисъ Гринау, пасторъ по лѣвую, и съ капитаномъ Бельфильдомъ она не говорила почти ни слова. Съ мистеромъ Чизсаверомъ она была любезна какъ никогда, самыя лучезарныя ея улыбки были обращены къ нему, она льстила ему беско-

вѣстно, утверждала, что Ойлимидъ земной рай, что она никогда его не забудетъ.

— Увы! проговорила она, какъ вспомню я иногда.... ну да что объ этомъ говорить.

Настала минута, когда ему показалось, что онъ еще можетъ выиграть призъ и наклеить носъ капитану Бельфильду. Она тотчасъ-же подмѣтила это и добавила.—Я знаю, что все устроилось къ лучшему, а потому никогда не буду раскаяваться. Впрочемъ теперь и поздно было бы раскаяваться.

— Пока еще не поздно, замѣтилъ онъ жалобнымъ тономъ.

— Нѣтъ, поздно, для меня не существуетъ уже больше возврата. Къ тому же человѣкъ, занимающій, какъ вы, такое видное мѣсто въ герцогствѣ, долженъ непременно взять себѣ въ жены женщину гораздо моложе его.

Намекъ на видное положеніе въ графствѣ пріятно пощекоталъ самолюбіе Чизсавера. Вообще онъ чувствовалъ себя на верху блаженства и даже враждебное его чувство къ Алисъ изчезло. Въ этотъ день онъ былъ первымъ лицомъ и какъ за обѣдомъ, такъ и послѣ обѣда ему позволено было командовать надъ капитаномъ Бельфильдомъ.

— Чевнемтесь еще разъ шампанскимъ, другъ мой, преговорила мистрисъ Гринау, и мистеръ Чизсаверъ выпилъ новый стаканъ шампанскаго. Замѣтимъ мимоходомъ, что это былъ уже не второй и не третій стаканъ.

Послѣ обѣда все общество отправилось прогуляться и мистрисъ Гринау пошла съ мистеромъ Чизсаверомъ. Чарли Ферстеръ осталась дома и воспользовалась этимъ временемъ, чтобы привести въ порядокъ свой туалетъ.—Чуть ли она не скинула своего платья и не выгладила его сѣзнова.

-- Это мы съ вами въ послѣдній разъ такъ остаемся въ двоємъ, замѣтила вдовушка своему другу.

— О нѣтъ! отвѣчалъ мистеръ Чизсаверъ, надѣюсь, что не въ послѣдній.

— Въ среду я сдѣлаюсь мистрисъ Бельфильдъ, а до тѣхъ поръ вы поймете, что мнѣ еще о многомъ нужно предупредить. Но, мистеръ Чизсаверъ, надѣюсь, что мы и впослѣдствіи останемся друзьями.

Мистеръ Чизсаверъ отвѣчалъ, что съ своей стороны тоже на-

дѣтся и что Ойлимидь всегда будетъ къ услугамъ капитана и мистрисъ Бельфильдъ.

— Всѣ мы знаемъ ваше гостепріимство, отвѣчала она. Мнѣ и мужу моему, т. е. будущему, оно не со вчерашняго дня извѣстно. Онъ всегда говоритъ, что вы настоящій идеалъ англійскаго сельскаго джентльмена.

— Какой я джентльменъ? помилуйте, я просто Норфольскій фермеръ. Поговариваютъ, правда, чтобы избрать меня въ мировые судьи, да я этому особенной важности и не придаю.

— Для него было величайшимъ счастіемъ, что онъ съ вами познакомился, продолжала мистрисъ Гринау.

— Я дѣлалъ что могъ, вотъ и все,—что пользы и жить, мистрисъ Гринау, коли не дѣлать добро по мѣрѣ силъ и возможности? Бельфильдъ добрѣйшій малый, мы съ нимъ добивались одного и того-же; онъ былъ счастливѣе меня и я на него за это не въ претензіи.

— Это такъ благородно и великодушно съ вашей стороны, мистеръ Чизакеръ, что, право, счастіе, котораго вы добивались, не стоило вашихъ усилій.

— Объ этомъ мнѣ предоставьте судить, мистрисъ Гринау.

— Право, не стоило. Хозяйкою вашего дома, мистеръ Чизакеръ, не вдова бы должна быть.

— Тогда она и не была бы вдовою.

— Вамъ должно бы принадлежать дѣвственное сердце, и дѣвственное сердце будетъ вашимъ, если вы только захотите принять его.

— О чортъ возьми, какая скука!

— Если вы такъ принимаете мою заботливость о вашемъ счастьи, то я конечно замолчу. За минуту передъ тѣмъ вы были такъ любезны, что выразили желаніе видѣть меня и моего мужа подъ вашимъ гостепріимнымъ кровомъ, но послѣ всего, что произошло между нами, неужели вы думаете, что я могу быть гостьею въ вашемъ домѣ, если въ немъ не будетъ хозяйки?

— По чести, не понимаю, отчего бы вамъ и такъ не пріѣхать ко мнѣ.

— Нѣтъ, мистеръ Чизакеръ, это невозможно. Но вотъ другое дѣло; если бы вы были женаты...

— Вы вѣчно хлопчете женить меня, мистрисъ Гринау.

— Хлопочу, конечно. Это единственное условіе, при которомъ дальнѣйшая дружба между нами возможна. А мнѣ ни за что въ мірѣ не хотѣлось бы лишить моего мужа этой драгоценной дружбы, не говорю уже о себѣ самой.

— Но отчего вы сами не пошли за меня, мистрисъ Гринау?

— Если вы все еще не понимаете, то я вамъ больше объяснить не могу. Но если пламенная привязанность дѣвственнаго сердца...

— Помилуйте, мистрисъ Гринау, она мнѣ вчера цѣлый день не сказала ни слова.

— Не сказала вамъ ни слова?—и вы больше ничего не подмѣтили? Неужели вы такъ недалководны, что не можете понять, когда сердце дѣвушки надрывается подъ ея корсетомъ?—Этотъ почти неприличный намекъ возымѣлъ надлежащее дѣйствіе на чувствительную душу мистера Чизсавера.—Ну а сами вы, сказали ли вы ей вчера хоть слово? А если нѣтъ, то зачѣмъ же прежде говорили такъ много?

— Ахъ, мистрисъ Гринау, полноте.

— То-то полноте, мистрисъ Гринау!—Но пора намъ вернуться къ нимъ.

Все это время они сидѣли на скамейкѣхъ подъ заборомъ.

— Мы будемъ пить чай и Чарли принесетъ вамъ вашу трубку и грогъ,—хотите, мистеръ Чизсаверъ?

— Если она хочетъ, то конечно.

— А вотъ вы попросите ее, можетъ она и захочетъ. Только помните, мистеръ Чизсаверъ, что я не напутку говорила, что пора вамъ обзавестись хозяйкой. Подумайте только, какой вы будете старикъ, когда выростутъ ваши дѣти, если не женитесь вскорѣ.

Они возвратились на лужайку, гдѣ обѣдали, и нашли Чарли подъ деревьями.—Я сказала ему, что вы набьете ему трубку, шепнула ей мистрисъ Гринау.

— Ему, кажется, все равно кто не набьетъ ему трубку, отозвалась Чарли.

— Ну да все-таки попробуйте, сказала вдова:—а я пойду въ комнаты и распоряджусь тамъ на счетъ чая.

Мистеръ Чизсаверъ видѣлъ, что ему разставляютъ ловушку, но не зналъ, какъ избѣжать ее. Чарли, въ своемъ свѣжемъ

кисейномъ платьѣ казалась довольно смазливенькою, и онъ почувствовалъ, что не прочь бы поцѣловать ее. Чтожъ? вѣдь поцѣлуй не обязывалъ его жениться на ней. Шампанское, создавшее это желаніе, придавало ему и смѣлость его исполнить. Онъ оглянулся, не наблюдаетъ-ли кто за нимъ, а за тѣмъ поцѣловалъ Чарли Ферстерсъ.

— Ай! мистеръ Чизсакеръ, воскликнула Чарли. — Эй! мистеръ Чизсакеръ, слышалось смѣющееся эхо, и бѣдный Чизсакеръ, оглянувшись, увидѣлъ мистрисъ Гринау, которую предполагалъ дома, но которая по какимъ-то невѣдомымъ причинамъ очутилась недалеко отъ мѣста, избраннаго имъ для его любовныхъ провазъ.

— Мистеръ Чизсакеръ, проговорила Чарли, рыдая: — кто вамъ позволилъ это дѣлать, и еще на такомъ мѣстѣ, гдѣ всѣ могли васъ видѣть?

— Но вѣдь видѣла одна только мистрисъ Гринау, отозвался Чизсакеръ.

— Что она обо мнѣ подумаетъ?

— Господь съ вами, ничего не подумаетъ.

— Да я-то не могу объ этомъ не думать; я ума не приложу, что мнѣ теперь дѣлать. — И Чарли медленными шагами пошла прочь. Чизсакеръ съ минуту простоялъ въ раздумьи, идти ему за нею или нѣтъ? Онъ зналъ, что онъ крупная рыба, и что обѣ женщины изо всѣхъ силъ стараются подѣть его на удочку. А впрочемъ, разсудилъ онъ, бѣды большой не будетъ, если его и поддѣнутъ. Итакъ онъ всталъ и послѣдовалъ за нею. Не знаю, намѣренно ли она избрала маленькую тропинку, извивавшуюся между деревьями по направленію къ полуразвалившейся бесѣдкѣ; полагаю, что она была слишкомъ взволнована, чтобы знать, что дѣлаетъ. Ну да какъ бы то ни было, она избрала именно эту дорожку и вскорѣ мистеръ Чизсакеръ и она очутились въ бесѣдкѣ.

— Полно, Сэмъ, будетъ! ктонибудь того и гляди придетъ. Говорять же тебѣ будетъ! такъ говорила Чарли, запечатлѣвая на устахъ мистера Чизсакера послѣдній поцѣлуй. Но этотъ послѣдній поцѣлуй въ бесѣдкѣ совершенно оправдывался обстоятельствами: потому что миссъ Ферстерсъ была невѣстою мистера Чизсакера.

Слишкомъ долго было бы рассказывать здѣсь, какъ мистеръ

Чизаверъ старался увернуться и какъ мистрисъ Гринау принудила его остаться вѣрнымъ данному обѣщанію. Въ этотъ же вечеръ мистрисъ Гринау имѣла серьезный разговоръ съ любящей четой и назначила день свадьбы.

— Помилуйте, шопотомъ взмолился Чизаверъ:—хоть опомниться дайте. Но мистрисъ Гринау и знать ничего не хотѣла. Разъ взявшись за что нибудь, она не любила дѣлать наполовину. И я надѣюсь, что миссъ Ферстерсъ умѣла вполне оцѣнить ея благодѣяніе.

— Свадьба будетъ тотчасъ-же послѣ нашего возвращенія съ нашей маленькой свадебной поѣздки, объявила мистрисъ Гринау племянницѣ Кэтъ на слѣдующее утро. Я дамъ ей денегъ взаймы, чтобы она могла закупить себѣ все, что нужно. Онъ не улизнетъ, хотя бы мнѣ самой пришлось отправиться въ Норфолькъ и приволочь его за уши.

— И ей чего добраго, въ самомъ дѣлѣ, придется ѣхать въ Норфолькъ, замѣтила Кэтъ Алисѣ.

Оправдалось ли это предположеніе, мы не беремся рѣшить на страницахъ нашего разсказа. Если принять во вниманіе энергичность мистрисъ Гринау и ея готовность распинаться за друзей, то можно, кажется, съ положительною достовѣрностью сказать, что дѣло миссъ Ферстерсъ въ шляпѣ.

Собственная свадьба мистрисъ Гринау состоялась безъ дальнѣйшихъ приключеній, и въ тотъ же день Алиса и Кэтъ отправились въ Мэтчингское аббатство.

ГЛАВА XXXVII.

Алиса была бы не прочь отложить свою свадьбу еще на нѣсколько времени, но она чувствовала, что послѣ всей путаницы, которую она надѣлала своими прежними колебаніями, ей ничего болѣе не остается, какъ покориться желаніямъ другихъ. Она вполне отдалась въ распоряженіе лэди Гленкоры. Не одна поспѣшность ея свадьбы пугала ее; еще болѣе страшила ее пышность, съ которою церемонія должна была справляться. Къ свадьбѣ ожидали лэди Мидлотіанъ и марвизу

Ольдъ - Риви. Ожидали также обѣихъ дочерей лэди Мидлотианъ, лэди Джэнь и лэди Мери и единственную дочь маркызы, то же лэди Джэнь по имени. Кромѣ того, должны были пріѣхать изъ Лондона двѣ миссъ Гауардъ. Всѣ эти дѣвицы должны были явиться на церемонію, въ качествѣ подругъ невѣсты. Лэди Гленкора дала себѣ слово разрядить ихъ на славу. Каждой изъ нихъ она подарила по платью, а мистеръ Паллизеръ по брошкѣ и по браслету.

— Ты да Алиса—единственные люди, которыхъ я желаю баловать, сказала она мужу.

Въ отвѣтъ на это онъ предоставилъ ей полную свободу относительно расходовъ.

Когда Алиса и Кэтъ пріѣхали въ Мэтчингъ, ни одной изъ подругъ тамъ еще не было, и единственнымъ гостемъ былъ мистеръ Грей. Онъ вышелъ навстрѣчу пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ мистеромъ Паллизеромъ и его женою. Алиса миновала обоихъ и прямо бросилась въ объятія своего жениха.

— Какъ видно, я сама должна рекомендоваться вамъ, обратилась лэди Гленкора къ Кэтъ, и представить вамъ моего мужа. Я много слышала о васъ, и знаю, какая вы добрая и какая вы злая, добавила она шопотомъ.

Затѣмъ мистеръ Грей былъ представленъ Кэтъ.

— Слышали вы новость? спросила лэди Гленкора Алису, лишь только онѣ остались однѣ.

Но Алиса, конечно, ничего не слыхала.—Мистеръ Ботъ женится на мистрисъ Маршамъ. Пантагенетъ просто изъ себя выходитъ. Я никогда не видала его въ такомъ негодованіи. Вы знаете, какъ я долюбливаю ихъ обоихъ, и лучшаго наказанія я имъ не могла бы желать. Она ему въ матери годится, но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ они пара. Но что всего милѣе, это то, что онъ этою женидбою думаетъ снова снисвать себѣ расположеніе мистера Паллизера. Есть у меня еще другая новость, Алиса.

— Какая-же такая?

— Дѣло это еще невѣрное, и я право не знаю, хорошо ли дѣлаю, что говорю вамъ, но мистеръ Грей вамъ все равно расскажетъ. Если не ошибаюсь, мистеръ Паллизеръ будетъ черезъ

мѣсяць канцлеромъ казначейства, и если это состоится, онъ откажется отъ представительства Сильвербриджа.

— Но онъ останется въ парламентѣ, не такъ ли?

— О, да, въ парламентѣ-то онъ останется. Я не совсѣмъ ясно понимаю, какъ это устроится, но одинъ изъ сторонниковъ герцога, представитель какого-то графства, выходитъ изъ парламента и герцогъ хочетъ, чтобы Плантагенетъ занялъ его мѣсто.

— Но онъ будетъ въ кабинетѣ?

— О, да, конечно. Но какъ вы думаете, кто будетъ представителемъ Сильвербриджа?

— Не знаю, отвѣчала Алиса, но въ тайнѣ она догадывалась.

— Поймите, я говорю не на вѣрное,—по Паллизеръ рассказывалъ мнѣ, что говорилъ съ герцогомъ и указалъ ему на Джефри, но герцогъ объ этомъ и слышать не хотѣлъ, такъ какъ у Джефри нѣтъ состоянія, и сказалъ Плантагенету, чтобы онъ выставилъ вмѣсто себя въ представители Сильвербриджавого пибудь изъ своихъ друзей, который бы могъ стоять на своихъ ногахъ, и мнѣ кажется, замѣтите,—только кажется, что Плантагенетъ указалъ на одного мистера Грея.

— Гленкора!

— Если бы вы слышали, какъ они политизировали съ Плантагенетомъ. Я право начинаю думать, что мистеръ Грей еще хуже моего мужа. Какъ началъ онъ намедни говорить въ гостиной о пошлинахъ на сахаръ, я только подумала: ну пропала Алисина головушка!—Говоря это, лэди Гленкора знала, что лучшаго извѣстія не могла сообщить Алисѣ.

Мало по малу начали съѣзжаться гости. Вслѣдъ за дѣвицами Гоуардъ, веселыми, добродушными дѣвушками, оживившими домъ своимъ присутвіемъ, пріѣхала и грозная гостья, лэди Мидлотіанъ. Алиса волей или неволей должна была вынести объясненіе съ глазу на глазъ съ ея свѣтлостью. Лэди Мидлотіанъ объявила ей, что вполне одобряетъ настоящій ея образъ дѣйствія и прощаетъ ей строптивость, съ которую она отвѣчала на благонамѣренныя усилія ея свѣтлости обратить ее на путь истины. У Алисы языкъ чесался объявить старухѣ, что она не нуждается въ ея одобреніи; но она вспомнила, какъ много была виновата въ прошломъ, и порѣшила, что должна искупить

эту вину, терпѣливо снося несприятность настоящаго своего положенія.

— А теперь, милая, сказала лэди Мидлотіанъ въ заключеніе, поцѣлуйте меня и примите мои искреннія поздравленія. При этомъ она вынула изъ кармана небольшой ящичекъ и вручила его Алисѣ. Эти брилліанты, проговорила она, дарить вамъ маркиза, средства которой, какъ вамъ извѣстно, превосходятъ мои; гранаты же примите отъ меня.

Не знаю, что было хуже: объясненіе, поцѣлуй или подарокъ? Отъ послѣдняго Алиса охотно отказалась бы, если бы позволило приличіе. Но объ этомъ конечно и думать нельзя было.

За два дня до свадьбы пріѣхала маркиза съ своею дочерью. Эта лэди Джэнъ была гораздо величественнѣе другой лэди Джэнъ. У нея были очень длинныя бѣлокурые волосы и очень свѣтлыя голубые глаза, которые почти всегда оставались неподвижными. Говорила она очень мало и, какъ было извѣстно, была помолвлена за герцога Домфрисшейерскаго. Герцогъ былъ вдвое старѣе ея, но не имѣлъ дѣтей отъ первой своей жены, которую недавно схоронилъ. Маркиза во все время своего пребыванія ни слова не сказала Кэтъ и почти не говорила съ Алисою. Но какъ она, такъ и дочь ея были личности довольно безвредныя.

На слѣдующій день послѣ ихъ пріѣзда пришла телеграмма, вызывавшая мистера Паллизера въ Лондонъ. Онъ припелъ къ Алисѣ выразить свое сожалѣніе и обошелся съ нею при этомъ съ самою милою задушевностью.

— Я понимаю, что вамъ нельзя не ѣхать, отвѣчала она ему: — и знаю, что дѣло, по которому васъ вызываютъ, вамъ по душѣ.

— Это такъ, оно мнѣ по душѣ, но мнѣ несприятно, что я не могу присутствовать на вашей свадьбѣ. Прошу васъ извинить меня передъ вашимъ отцомъ. Впрочемъ я еще увижусь съ нимъ по возвращеніи. Вѣдь съ вами я тоже въ скоромъ времени увижусь.

— Какъ такъ?

— Грей долженъ быть въ Чильвердбриджѣ къ своему избранію. Но впрочемъ, что же я вамъ выдаю его тайны?

Потомъ онъ повелъ ее въ столовую и показалъ ей свой подарокъ—великолѣпный сервизъ изъ севрскаго фарфора.

— Я выбралъ это, потому что знаю, что Грей любитъ фарфоръ, сказалъ онъ ей.

— И я тоже люблю фарфоръ, отвѣчала она съ такнмъ яснымъ лицомъ, какаго онъ у нея еще никогда не видалъ.

Онъ пожелалъ ей счастья и поцѣловалъ ее.

Свадьба отпраздновалась со всевозможною пышностью въ великому ужасу Алисы и въ досадѣ мистера Вавазора, который прїѣхалъ вечеромъ наканунѣ церемоніи. Мистеръ Грей прошелъ черезъ всю эту процедуру съ величайшимъ спокойствіемъ, и лэди Гленнора увѣряла, что, глядя на него, можно подумать, что онъ привыкъ жениться, по крайней мѣрѣ, по разу въ годъ.

— Его ничто въ мірѣ не выведетъ изъ апатіи, а потому, милал, совѣтую вамъ и не пробовать его расшевелить, сказала она Алисѣ.

— Я это знаю, отвѣчала Алиса, а потому и пробовать никогда не буду.

Медовый мѣсяцъ Алиса и Грей провели въ Италіи. Они посѣтили Венецію, Флоренцію и Римъ. Алиса получала длинныя письма отъ лэди Гленкору, въ которыхъ рассказывалось обо всемъ что дѣлалось дома. Въ нихъ писалось о прїѣздѣ герцога въ Мэтчингъ и въ комичныхъ гертахъ изображались заботы герцога о будущемъ его наслѣдникѣ. — Если бы вы видѣли, съ какимъ лицомъ онъ подходитъ ко мнѣ и наклоняется надо мною, когда я лежу на диванѣ! онъ разсматриваетъ меня — точно женщина, удостоившаяся быть матерью его будущаго наслѣдника, должна быть какимъ-то чудомъ; онъ наводитъ на меня благоговѣйный ужасъ, когда рѣшается изрѣчь слово, другое, а и того пуще когда молчить.

Но декабрь и январь быстро проходили и приближалось время Греямъ возвратиться въ Англію. У мистера Грея были долгіе разговоры съ женою о предметѣ его настоящихъ честолюбивыхъ мечтаній, и онъ находилъ въ ней внимательную слушательницу. Разъ рѣшившись вступить на политическое поприще, онъ положилъ себѣ добросовѣстно исполнить задуманное дѣло. И весь ушелъ въ политику не менѣе самого мистера Паллизера; но онъ, по крайней мѣрѣ, не могъ пожаловаться на недостатокъ сочувствія въ женѣ въ его стремленіямъ.

Когда молодые возвратились въ Лондонъ, они узнали о разрѣшеніи отъ бремени лэди Гленкору; имъ сообщилъ объ этомъ

мистеръ Вавзоръ, удостоившій на этотъ разъ встрѣтить ихъ на станціи желѣзной дороги.

— У герцога родился сегодня утромъ наслѣдникъ, объявилъ онъ имъ, прежде чѣмъ отперли дверцы вагона. Можно было подумать, что не у мистера Паллизера съ лэди Гленкорой родился сынъ, а у самого герцога.

А теперь мы бросимъ взглядъ на маленькаго пурпуророднаго младенца и этимъ взглядомъ закончимъ нашъ рассказъ.

Дѣло было въ первыхъ числахъ апрѣля; мистеръ и мистрисъ Грей гостили въ Гадерумскомъ замкѣ. То былъ день выборовъ въ Сильвербриджъ, и мистеръ Грей отправился туда вмѣстѣ съ мистеромъ Паллизеромъ отрекомендовать себя своимъ избирателямъ подъ защитою вліятельнаго члена кабинета.

Лэди Гленкора и Алиса сидѣли наверху и ея пурпурородный младенецъ лежалъ на колѣняхъ Алисы.

— Какъ хорошо, что вся эта процедура у меня за спиною, сказала мать.

— Вы неблагодарнѣйшая изъ женщинъ.

— Ахъ, Алиса, если бы вы знали, что мнѣ пришлось вынести. Когда у васъ будетъ ребенокъ, онъ можетъ родиться, вѣмъ ему вздумается. Вы не будете проводить бессонныя ночи и думать о позорѣ, ожидающемъ васъ, если родится экземпляръ презрѣннаго, слабѣйшаго пола, на зло ожиданіямъ вашихъ повелителей. Вѣдь у меня ихъ было цѣлыхъ два. Оттого-то такъ и страшно было.

— Я убѣждена, что мистеръ Паллизеръ не сказалъ бы ни слова.

— Такъ, онъ ничего не сказалъ бы, да и герцогъ бы промолчалъ. Герцогъ просто въ ту же минуту уѣхалъ бы и не пустилъ меня къ себѣ на глаза, пока я не поправила бы свою провинность; а мистеръ Паллизеръ былъ бы кротокъ, какъ голубь, онъ былъ бы гораздо мягче, чѣмъ теперь; потому что мужчины рѣдко бываютъ мягки въ своемъ торжествѣ. Но я бы тѣмъ не менѣе знала, что оба они чувствуютъ и думаютъ.

— Ну, да теперь всѣ ваши заботы кончены.

— Да, мой славный мальчикъ, ты меня выручилъ!—и лэди Гленкора взяла ребенка изъ рукъ Алисы.—Съ тобою допущались всѣ мои заботы, такъ-то мое сокровище!

Вечеромъ того же дня мистеръ Паллизеръ и мистеръ Грей возвратились изъ Сильвербриджа.

— Могу ли я поздравить тебя членомъ парламента? съ этимъ вопросомъ встрѣтила Грея жена.

— Всѣ меня съ этимъ уже поздравляютъ, хотя въ сущности я могу себя считать дѣйствительно членомъ парламента только по принятіи присяги.

— Какъ я счастлива! ни одно званіе въ мірѣ не можетъ сравниться съ этимъ.

— Жаль, что ты не жена мистера Паллизера. Онъ сейчасъ говорилъ мнѣ точно тоже что и ты.

— О Джонъ! я такъ счастлива. Я не заслужила всего этого счастья. Надѣюсь.... Знаешь, меня порою смущаетъ мысль....

— Какая же мысль тебя смущаетъ, милая?

— Надѣюсь, что ты не въ угоду моимъ желаніямъ рѣшился на это?

— Я бы и не на то еще рѣшился, моя дорогая, чтобы видѣть тебя счастливою, отвѣчалъ онъ, обнимая и цѣлуя ее.

(Окончаніе).

СИЛА, СЛАБОСТЬ И НЕРАЗУМІЕ.

(ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ НА РОЖДЕСТВѢ).

«Разказы на Рождество» слышаны мною отъ разныхъ лицъ, и я постарался сохранить въ нихъ ту форму, въ которой передавали ихъ разсказчики. Послѣдніе были иногда люди простоватые, иногда жолчныя, иногда беззаботно веселые, но всѣ они десятки разъ заставляли меня своими повѣствованьями задумываться и наводили на размышленія. Я полагаю, что и каждый другой серьезный слушатель будетъ вызванъ ими на раздумье, что и въ его головѣ они возбуждаютъ вопросы, новыя взгляды и выводы, и эта надежда заставляетъ меня рѣшиться на напечатаніе этихъ немногословныхъ повѣстей.

Въ одномъ городѣ жила барыня, звали ее Татьяной Даниловой Слѣпневой. Городишко былъ бѣдный, маленькій, съ конца въ конецъ рукой подать, а барыня была богатая, важная. Веселыхъ, каменныхъ домовъ, что мечутся въ глаза своимъ просторомъ, большими окнами и яркими красками, встрѣчалось въ городишкѣ не много и то на одной главной Дворянской улицѣ, гдѣ по сторонамъ дорожки для пѣшеходовъ были выложены изъ кирпичей. Тянулись въ немъ безкончныя заборы, мѣстами коломъ подпертые, мѣстами совсѣмъ развалившіеся, и торчали между ними, согнувшись на бокъ, словно пришибенныя, сѣрыя, деревянныя лачуги, въ кото-

рыхъ и собакъ жить было бы не особеннымъ счастьемъ. Перебивались въ этихъ лачугахъ со дня на день, едва сводя концы съ концами, жалкіе, безграмотные мѣщане и обтерханные, изморившіеся чиновники, высматривавшіе, не идетъ ли кто изъ мѣщанъ по дѣлу въ присутственное мѣсто, не песеть ли имъ завалившагося рубля ребятишкамъ на малочишко. Только этими рублями они и жили... Изрѣдка наѣзжали въ городъ помѣщики изъ ближнихъ деревень съ тяжбыми дѣлами, и только какъ они понаѣдутъ, тогда въ городѣ и праздникъ: и у мѣщанъ работа, и у чиновниковъ прибыль и — что грѣха таить — въ кабакѣ больше восушекъ выходить. Въ другіе же дни съ утра до вечера бывало типина стоитъ въ городѣ, не випить въ немъ бойкая жизнь съ своими ловкими плутнями, трудовымъ шумомъ и большими ожиданіями, не спуютъ люди съ веселыми лицами и зоркими глазами, въ надеждѣ что нибудь продать или купить и зашибить крупную прибыль; всѣ, точно мухи въ осеннее время, когда ца нихъ холодомъ пахнетъ, едва ползаютъ и, глядя на ихъ вялую поступь, кажется, видишь, какъ не трудъ долготѣй, не страсти кипучія, а одна нужда-горе налегла на ихъ плечи тяжелою ношею, спутала ихъ ноги и руки сильныя и такъ ихъ умаяла, что хоть въ могилу лечь, такъ и то было-бы для нихъ благомъ. Вечеръ настанетъ, еще тише сдѣлается на улицахъ, не гремятъ колеса, не ѣдутъ знакомые другъ къ другу о дѣлахъ общихъ потолковать, посудить о томъ, что на свѣтѣ дѣлается, и рѣшить: такъ-ли оно дѣлается? не нужно ли какихъ перемѣнъ?... Ничего этого нѣтъ въ городѣ; радъ каждый, что въ небѣ стемнѣло, что уснуть можно и хоть нѣсколько часовъ не видать лохмотьевъ и заплатить своей бѣдности. Беззвучно идетъ ночь, только иногда гдѣ нибудь собака завоетъ съ голода, а, можетъ быть, и передъ покойникомъ, — кто ее знаетъ. А кругомъ города тянутся поля кочковатыя, бесплодныя, мѣняясь съ тонкими болотами, въ сторонѣ лѣсъ неприглядный виднѣется съ кривыми березами, съ приземистыми елками и чернѣется избитая дорога. Немного считалось счастливыхъ людей въ городѣ, которымъ удалось прокатиться по ней до другихъ большихъ городовъ, посмотреть на другую жизнь; иные и представить-то себѣ не могли, что такіе же точно люди, какъ и они сами, умѣли устроить

для себя другую жизнь... Говорится, что на безлюдьи и Тома дворянинъ, — такимъ-то дворяниномъ была и барыня. И въ церкви она милостыню нищимъ подаетъ, и духовенство въ праздникъ молебенъ отслужить пригласить, и чиновникамъ какую нибудь бумагу настрочить прикажетъ, и когда кто нибудь захвораетъ, да лекаря не можетъ позвать, то и идетъ къ барыни: у нея тамъ лекарства разныя, нальетъ она чего-то пять, шесть капель въ пузырекъ съ водою, — ну бѣдному человѣку и полегчаетъ. Вотъ за нее весь городъ и молится, въ церкви ей первое мѣсто, послѣ обѣдни ей первой несетъ священникъ просфору; ѣдетъ она по улицѣ—сей всѣ въ поясъ кланяются; даже мимо ея окошекъ идутъ, такъ шапки снимаютъ. Ей и хорошо, и весело и, кажется, калачомъ бы ее не выманить въ богатый и большой городъ изъ этого бѣднаго городишка, на который свѣжему человѣку со стороны смотреть было бы тошно, потому что хоть чужое горе и не свое, а все таки какой ни на есть человѣкъ счастливый, но если онъ ничего вокругъ себя не видитъ кромѣ горя да горя, такъ и у него сердце сожмется и, кажется, бѣжалъ-бы онъ безъ оглядки, долго бѣжалъ бы, только бы встрѣтить веселое лице и услышать звонкій смѣхъ беззаботнаго счастья. Ну, а барыня привыкла, присмотрѣлась къ этому городишку, полюбила его, не скучала. И то сказать: скучать-то ей было не когда. Такимъ, какъ она, добродѣтельнымъ людямъ и то скуку разгоняетъ и великую радость приноситъ, что они благодѣтельствовать могутъ, а у нея кромѣ того и своихъ заботъ было много. Мѣщане и чиновники отъ бездѣлья пропадали, а барыни своихъ двухъ рукъ иногда на дѣло не доставало. Въ праздникъ утромъ спѣшить она обѣдъ заказать, чтобы принять старшихъ изъ чиновниковъ да угостить кого либо изъ монашествующихъ лицъ, странниковъ или юродивыхъ, потомъ къ обѣднѣ ѣдетъ, почетомъ пользуется, тамъ обѣдомъ распоряжается, гостей разсаживаетъ, вечеромъ въ карты поиграетъ, рассказовъ о святой землѣ и разныхъ обителяхъ послушаетъ, а сама уже думаетъ, что завтра надо начать ягоды чистить, варенье варить, капусту рубить или огурцы солить. Подойдетъ поздняя осень, — барыня съ прикащикомъ изъ деревни возится, провѣряетъ его, оброки считаетъ. Около Рождества смотреть, хороши ли въ деревнѣ холсты выткали бабы, много

ли къ полотенцамъ кружевъ деревенскихъ паптели, жирныхъ ли гусей накололи. Сама все смотритъ, все провѣряетъ, въ головѣ же вертятся мысли о томъ, что бы такое сдѣлать съ дряннымъ мужиченкой Ѳомкой, за которымъ каждый годъ недоимки? Пишетъ она письмо къ одному изъ старшихъ чиновниковъ, зоветъ его на совѣтъ.

— Такъ и такъ, объясняетъ ему, житья мнѣ нѣтъ отъ этого дряннаго мужиченки Ѳомки, въ гробъ онъ меня сведетъ, каналья!

— Ну, стоитъ ли, матушка, вамъ изъ за него себя убивать? утѣшаетъ ее чиновникъ. — Вотъ рекрутчина будетъ, такъ мы ему лобъ забрѣмъ, чтобы и онъ, и другіе знали, каково свою барыню, мать родную, не слушать.

— А я вамъ гусей отобрала, молвить барыня. — Хорошіе нынче гуси.

— Много вамъ обязанъ, благодѣтельница наша, цалуетъ ручку у барыни чиновникъ. — Хотѣла жена васъ еще одной просьбицей утруждать, да у меня и языкъ не поворачивается, такъ много вы насъ одождаете.

— Говорите, что такое?

— Право, совѣстно мнѣ...

— Ну, вотъ еще! Могу—сдѣлаю, не могу—такъ на нѣтъ и суда нѣтъ.

— Такъ-то оно такъ, только пусть ужъ лучше жена сама скажетъ.

— Экой не сговорчивый!

— Ей Богу, совѣстно!

— Что это вы первый день, что-ли, меня знаете? Дура я развѣ, что не понимаю, каково моимъ ближнимъ-то жить, или я пересмѣшница какая, что надъ чужой нуждой насмѣюсь?

— Да будь я звѣрь безчувственный, такъ и то не подумалъ бы этого, матушка, дѣла ваши святые вида.

— Такъ и говорите!

— Охъ, ужъ куда не шло! Бѣльице, вотъ видите ли, у ребятшекъ обносилось, тряпье тряпьемъ стало, узлами связывается, а достатки наши...

— Э, перебиваетъ барыня, холста вѣрно надо? Такъ бы и сказали! Вотъ я завтра разберусь, такъ съ Петрушкой пришло къ вамъ.

Глядишь, на другой день Петрушка врхтитъ, еле тащится съ холстами къ чиновнику. Впрочемъ, и годы-то Петрушки были не малые, за седьмой десятокъ перевалило. Вообще не любила барыня молодыхъ вертопраховъ. Всѣ ея слуги, и Анютка — ключница, и Глашка — кухарка, и Оля — горничная и Матюшва — кучеръ больше пятидесяти лѣтъ на свѣтѣ прожили. Да и не только что въ прислугѣ, а и въ знакомыхъ не любила барыня этой глупой молодежи, потому что ужъ какой не родись человекъ хорошій, а въ молодые годы все-таки у него вѣтеръ въ головѣ ходить. «Всѣ они богоотступники!» говорила барыня про молодыхъ и бывало такъ и возрадуется, если надъ ними какое нибудь несчастье стрясется. «Это, говорить, испытанье, это ихъ гордыню сломить, пусть горе узнаютъ, тогда и на путь истинный возвратятся! И не пустая это злоба была, не дьявольское напущеніе, вотъ какъ у иного молокососа на старыхъ злоба бываетъ, а горькое чувство, вупленное долгими годами и тяжелымъ опытомъ.

Были у барыни два сына. Еще они едва говорить умѣли, когда она стала о нихъ неусыпно заботиться, чтобы ихъ въ казенное училище пристроить. Ѣздила она и въ Москву, и въ Петербургъ по этому дѣлу, хоть и горько было материнскому сердцу дѣтей однихъ на чужія руки оставлять; только одно ее и утѣшало, что это для нихъ же въ пользу. «Не приходится мнѣ капиталъ на ихъ ученье тратить, думала она. Что имъ за радость будетъ, если учеными голяками выростутъ? Потомъ, пожалуй, и службы не найдутъ, а тутъ будетъ имъ и мѣсто готовое, и девыги на черный день останутся.» Отдала она ихъ — когда одному пошелъ девятый, а другому десятый годъ — въ ученье, далеко отдала, за тысячу верстъ отдала. «Вѣруйте въ Бога, сказала она имъ на прощаньи, уважайте старшихъ, учитесь хорошо и будете счастливы.» Дѣти уѣхали, стали учиться, барыня стала по прежнему ховяйничать, имѣнье устраивать, больныхъ лечить, въ церковь ходить. Бывало кладетъ земной поклонъ и думаетъ: «Это за дѣтей!» Привезутъ ей изъ деревни холстовъ: — «Это дѣтямъ!» говорить она отбирая въ кладовую лучшіе куски. Начнетъ тяжбу съ сосѣдомъ, выиграетъ прибавку къ своей землѣ, — пишеть дѣтямъ: «Вы у меня богатые будете, я вамъ еще землицы приобрѣла.» Материнское то сердце заботливо, вездѣ его любовь скажется, только дѣ-

ти-то ее плохо чувствуютъ. Что хлопотъ было у барыни, когда подошло время ея сыновьямъ въ офицеры выходить! И комнаты она для нихъ приготовляетъ, и дѣвушекъ заставляетъ бѣлье шить, и ночью вскакиваетъ въ окно поглядѣть, какъ услышитъ, что мимо дома бубенцы прозвенять... Пріѣхали сыновья. Старшій — коренастый такой, приземистый, съ суровыми бровями, изъ подлбья смотреть, неразговорчивый. Меньшой — худенькій, на боль въ спинѣ жалуется, а ничего, веселый. Мать ихъ целуетъ, не наглядится на нихъ, вареньями угощаетъ, но видитъ, что ибѣть въ дѣтяхъ особенной ласки и точно они въ чужой домъ пріѣхали, дичатся, а все таки по материнской добротѣ своей думаетъ: «Это они съ дороги устали!» Время въ разговорахъ скоро летитъ, съ десяти часовъ, когда они пріѣхали, просидѣла семья до двухъ ночи. Сыновья спать пошли, а барынѣ не до сна. Стала она обѣдъ къ слѣдующему дню заказывать, отбирать лучшую птицу къ жаркому, хлопочетъ, бѣгаетъ, а тутъ и заря стала заниматься... Пошла барыня сыновей будить, чтобы къ обѣднѣ ѣхать.

— Я усталъ, промолвилъ старшій сынъ, мнѣ отдохнуть хочется.

— Послѣ отдохнешь, отвѣтила мать, а теперь долгъ христіанскій исполнить надо.

— Да что-же это за молитва будетъ, если я буду стоять и думать, какъ бы уйдти поскорѣе?

— Ну, ужъ ты мнѣ этихъ рѣчей не говори, это тебя демонъ смущаетъ.

— Какой демонъ! просто здравый разумокъ говоритъ.

— Вотъ онъ-то и есть демонъ... Да я и толковать объ этихъ вещахъ съ тобой не стану, молодъ ты для этаго, а со-старисься, такъ и самъ поймешь то, что я теперь понимаю. Поѣдемъ!

Поѣхали. Послѣ обѣдни на дому молебень отслужили, повзвала барыня всѣхъ знакомыхъ чиновниковъ къ обѣду, духовенство, случились тутъ двѣ странницы и одинъ юродивый. Всѣмъ-то барыня на радости хочетъ своихъ сыновей показать, похвастать ими... Старшій сынъ молчитъ, хмурится, если же и скажетъ какое слово, такъ точно ножомъ по тарелкѣ проведетъ. Услыхалъ онъ, что о нуждахъ чиновниковъ жалѣть стали, и говорить:

— Ну, такъ не служили-бы, если жалованье мало; развѣ ихъ держутъ?

— А чѣмъ же жить-то тогда они будутъ? спросили его.

— Пусть дѣло какоенибудь дѣлаютъ.

— Какое-же?

— Мало-ли дѣлъ? Пусть сапоги точають, платье шьютъ, дѣтей учать, торговлей занимаются или частныхъ мѣстъ ищутъ.

— Да развѣ они чемунибудь обучались? Кто имъ частное мѣсто дастъ?

— Ну, а не обучались, частныхъ мѣстъ достать не могутъ, такъ пусть и не жалуются. У мужика еще меньше достатки, а онъ еще и оброки господамъ платитъ.

— Такъ онъ мужикъ.

— Э, всѣ мужики, кто себя въ дворяне произвести не можетъ.

— Полно ты мужика-то жалѣть, обидѣлась мать на неразумныя рѣчи.— Молодъ ты, не видалъ еще мужика, а былъ бы умнѣе и посмотрѣлъ бы на него, такъ и не то бы запѣлъ. Пьяница мужикъ!

— Что-жъ мужику и дѣлать въ свободное время, какъ не пить? Мы грамотные, газеты и книжки читаемъ, у насъ есть чѣмъ заняться и объ чемъ поговорить. А объ чемъ онъ говорить станетъ? О своемъ житьѣ-бытьѣ? Такъ онъ не дуракъ, изъ этаго пользы никакой не видитъ, горе-же и безъ разговоровъ объ немъ надоѣло. Нашъ братъ насидится за писаньемъ бумагъ, такъ и цоплясть радъ, а трезвому мужику плясать не подь силу, онъ за плугомъ довольно по полю находится. Вотъ вы бы придумали, что ему дѣлать во время отдыха?

— Такъ по твоему онъ и хорошо дѣлаеть, что пьетъ?

— Не хорошо, а все тави другого выхода нѣтъ. Да что вы мужика за пьянство ругаете? Прочли бы, сколько дорогихъ винъ въ городахъ выходитъ, тогда бы и увидали, что не онъ одинъ пьетъ. Пьютъ и тѣ, кому нужды въ питьѣ нѣтъ.

— Не приходится мнѣ читать эти глупости и ты-то глупо дѣлалъ, что книгъ зачитался. Умъ за разумъ у тебя отъ нихъ зашелъ!

Сѣли обѣдать. Меньшой сынъ сталъ подшучивать за обѣдомъ надъ странницами, виномъ ихъ подчуетъ, заставляеть про Іерусалимъ разсказывать, да, смѣясь, говорить, что онѣ все это врутъ. Откушали супъ, на грѣхъ юродивый по своей глуп-

пости и плюнулъ на тарелку, обтеръ ее салфеткой и хотѣлъ говядины взять.

— Свинья! крикнулъ старшій сынъ.—Убирайся изъ за стола!

— Что ты это, Вася? сказала мать.—Онъ божій человѣкъ; не стыдно ли притѣснять слабыхъ.

— Онъ свинья, а не божій человѣкъ. Я ѣсть теперь не могу. Почему я знаю, что онъ не плевалъ и на эту тарелку, что мнѣ подана? сказалъ суровый сынъ и вышелъ изъ-за стола.

— Вѣрно ѣсть не очень хочется, всплыла барыня, такъ и дуришь!

Гости исполошились было, юродивый началъ хныкать, хотѣлъ уйти изъ комнаты, но барыня сказала ему:

— Сиди, Митя!

— Что-жь онъ лаетъ? Онъ Митю прибьетъ?

— Не прибьетъ!

— Ой-ли? Мать за Митю заступится? А? А онъ и мать прибьетъ?

— Ну, это посмотримъ еще, нахмурилась барыня. Кольнуло ее въ самое сердце простое слово неразумнаго человѣка.

Прошелъ обѣдъ. Начали гости разговаривать между собою, другіе за карты сѣли, третьи меньшого сына про столицу спрашивать начали, да все какъ-то не клеилось, каждому будто что-то мѣшало. Мѣшало то, что главнаго гостя въ комнатѣ не было. Вотъ такъ-то иногда можетъ человѣкъ помѣшать людямъ даже и тѣмъ, что его нѣтъ между ними! Кончился день; никого онъ не веселилъ, только одинъ меньшой сынъ и смѣялся, точно онъ и не замѣтилъ, что такое случилось. Хорошо жить на свѣтѣ такимъ веселымъ людямъ и смотрѣть на нихъ отрадно... На другое утро пришелъ меньшой сынъ къ матери, сталъ чай пить. Видитъ мать, что ему какъ-то неловко и не смѣется онъ, какъ смѣялся все время съ самаго приѣзда.

— Гдѣ Василій? спросила она.

— Онъ вещи собираетъ.

— Какія вещи?

— Свои. Ѣхать въ полкъ хочетъ.

— Что онъ съ ума сошелъ? Кто ему позволить?

— Вы его не знаете! промолвилъ меньшой сынъ, боязливо озираясь, будто боясь, что братъ услышитъ его слова.

— Вотъ мило! Своего-то сына не знаю! Да кто-же его на

свѣтъ родиль, чье молоко онъ сосаль? И ты-то глупишь тоже. Пустыя рѣчи говорить научился!

Прошло минутъ десять. Вошелъ сынъ Василій, совсѣмъ готовый къ отъѣзду.

— Прощайте, матушка, промолвилъ онъ ровнымъ и покойнымъ голосомъ, какъ будто онъ гулять на пять минутъ шелъ.

— Куда ты?

— Въ полкъ.

— Глупости, оставайся! Что ты меня срамить на весь городъ вздумалъ? Третьяго дня пріѣхалъ, а сегодня уѣзжаешь. Что посторонніе-то скажутъ?

— Довольно минуточку съ людьми побыть, чтобы узнать, можно ли съ ними вѣкъ прожить.

— Ну, такъ что же?

— Ну, я и узналъ, что я съ вами не могу жить, а ссориться и съ чужими не хочу, съ матерью же и еще того меньше.

— Да развѣ смѣетъ сынъ съ матерью ссориться? Въ умѣ ли ты? Ты вѣрно въ дорогѣ горячку схватилъ? Я тебя полечу.

— Что намъ изъ пустого въ порожнее переливать! Я ѣду, вотъ и все. Вы для меня своей жизни не перемѣните, а я для васъ своей не перемѣню.

— Ужь я думаю, что не подѣ лѣта мнѣ перемѣнять жизнь. Я къ ней въ пятьдесятъ-то лѣтъ привыкла, а ты въ двадцать два года не очень привыкъ и могъ бы перемѣниться.

— Такъ-то оно такъ, но если вы перемѣните свою жизнь, то помучаетесь съ новой лѣтъ двадцать, а если я вздумаю перемѣнить свою, такъ; пожалуй, и пятьдесятъ придется мучаться. Значитъ мнѣ меньше выгодъ въ перемѣнѣ, чѣмъ вамъ.

— Да какъ ты смѣешь разсуждать? Оставайся, я тебѣ приказываю, вотъ и весь сказъ!

— Вы сами не знаете, что говорите. Я не за позволеніемъ сюда пришелъ. Позволеніе я только у своего разсудка прошу. Я просто хотѣлъ сказать, что я ѣду, проститься хотѣлъ.

— Нечего и прощаться, потому что ты не поѣдешь. Ступай, раздѣнься и приходи чай пить. Только время у меня отнялъ своею дурью, вонъ и самоваръ заглохъ.

Сынъ покойно пожалъ плечами и вышелъ своей ровной и твердой поступью изъ комнаты. Черезъ четверть часа къ дому подѣхалъ ямщикъ. Барыня подошла къ окну, глядитъ:

сынъ уложилъ чемоданъ въ телѣгу, поправилъ и приловчилъ подушку для сидѣнья, сѣлъ и попробовалъ, плотно-ли фуражка надѣта, ямщикъ подобралъ возжи, тряхнулъ головой и свистнулъ....

— Стой! не своимъ голосомъ крикнула барыня, такъ что окна задрожали, и въ то-же время, какъ застучали лошадиныя подковы и телѣжныя колеса, въ комнатѣ раздался тяжелый звукъ отъ упавшаго человѣческаго тѣла. Меньшой сынъ обернулся, глядитъ: его мать лежитъ на полу... Говорятъ, что Татьяна Даниловна никогда до этого дня не падала въ обморокъ...

— Ты только одинъ у меня ненаглядный остался, говорила барыня меньшому сыну, когда ее привели въ чувство.— Вотъ ты такой веселый, а въ томъ словно дьяволъ поселился, наложилъ на него печать свою страшную. Смотрѣла я на него: онъ мое сердце разрывалъ на двое, а у самого ни одна жилка не дрогнула! И отчего это у одной матери дѣти разные вышли? Объ обоихъ я поровну заботилась, за обоихъ поровну молилась?

— Эхъ, промолвилъ меньшой сынъ, не тужите объ немъ! Его и въ корпусѣ волчонкомъ звали. Ни друзей, ни пріятелей у него не было; сидѣлъ онъ съ своими книгами да къ одному господину въ гости ходилъ. Тотъ только всѣмъ и твердилъ: а не кланяйтесь никому—люди равны; не нужно другихъ тяготить собою, и не нужно чтобы насъ другіе тяготили.»

— Проклятыя книги и всѣ эти вольнодумцы. Да будетъ надъ ними мое проклятіе! говорила барыня.— Губятъ они міръ и доведутъ до того, что людямъ жить нельзя будетъ, что братъ на брата возстанетъ и сынъ на отца... Тебѣ-то, Ваня, я думаю, тяжело такого брата имѣть!

— Что мнѣ онъ! Онъ меня не любилъ никогда, вѣчно ругалъ, что я веселъ, что у меня на душѣ свѣтло. «Ты, говорить, смѣешься тамъ, гдѣ плакать нужно. Это не смѣшно, что люди заблуждаются и гадости дѣлаютъ, это должно здоровье наше губить, жизнь нашу, отравлять...» А какая мнѣ прибыль изъ-за другихъ себя убивать?

— О себѣ-то убивался бы онъ, а ужъ другихъ-то оставилъ бы въ покоѣ. Заблуждаются! Понимаетъ онъ, молодосось, что такое заблужденіе значить!

Зажилъ меньшой сынъ съ своею матерью; понялъ онъ, какъ

хорошо дѣтямъ подѣ крыломъ матери въ родномъ гнѣздѣ жить. Бывало спитъ до одиннадцати часовъ, всѣ въ домѣ на цыпочкахъ ходятъ. Въ одиннадцать часовъ придетъ Петрушка будить барина, а тотъ лежитъ и не спитъ, смотритъ, какъ божій день свѣтитъ въ его горенку, по полу лучами играетъ, его какъ ребенка грѣетъ. Нѣжить баринъ свое молодое тѣло, лежатъ разбросавшись на постели, подложивъ руки подѣ курчавую голову, раскрывъ алія губы; простыни въ ноги сбиты.

— Что, Петрушка, есть у насъ въ деревнѣ хорошія бабенки? спрашиваетъ онъ, не поднимая головы.

— Какъ не быть, батюшка Иванъ Петровичъ! этаго добра вездѣ много.

— И бѣлыя, грудистыя такія есть?

— Есть, батюшка, и такія. Всякія есть.

— Вотъ тамъ бы пожить!

— Къ кофейю васъ, баринъ, ждутъ.

— Эхъ, не кофей мнѣ теперь нужень! говоритъ баринъ. — Ну, а впрочемъ, если зовутъ, такъ и кофейю выпьемъ. Натяни на меня поски.

Натягиваетъ Петрушка посочки на бѣлыя, молодыя, барскія ножки.

— Дай другую рубашку, приказываетъ баринъ, снимая ночную сорочку. Петрушка держитъ передъ нимъ рубашку. — Видишь, грудь какая бѣлая? любитъ своею бѣлою грудью молодой баринъ. — Вотъ къ ней бы прижать красную дѣвицу.

— Охъ, вы, шутникъ, ей богу! говоритъ Петрушка, надѣвая на барина сорочку, и сидитъ застегнуть ему пуговки старыми и неловкими руками.

— Убирайся къ чорту, свинья! Ничего не умѣешь ты сдѣлать! Руку ущипнулъ своими ногтями, сердится баринъ. — Видишь, руки-то у тебя точно желѣзныя!

— Съ работы, батюшка, съ работы.

— Ну, рассказывай сказки! Давай мыться!

Плещется, моется, весь полъ улетѣть водою, только подтирай послѣ него, и весело ему освѣжить ключевою водою свое горячее лицо. Натяпетъ на него Петрушка сапоги, панталоны и остальную одежду; поругаетъ онъ неумѣлаго олуха Петрушку, потѣшитъ себя и пойдетъ кофейю пить. Мать не парадуется, слыша его молодой голосъ и смѣхъ звонкій. Кажется,

птица въ весеннее время и та не бываетъ такъ весела, какъ весель молодой баринъ Иванъ Петровичъ. Только иногда доставалось ему отъ матери, что онъ страннищъ дразнить и въ церковь рѣдко ходитъ. И то не сильно журила его за это мать, зная, что у него спинныя кости болятъ и отъ долгаго стоянiя точно кто плечи давить и давить. Болѣзнь такая есть, съ чего она начинается, не знаю... Только и этаго счастья было ему мало, поѣхалъ онъ деревню осмотрѣть. Живетъ тамъ недѣлю, двѣ. Барыня спрашиваетъ у приващика, что ея сынъ дѣлаетъ.

— Да что, матушка-барыня, сказать-то боюсь.

— Говори, что такое? Захворалъ онъ, что-ли?

— Нѣтъ-съ, слава Богу, здоровы...

— Такъ что-же?

— Мужики очень ропщутъ...

— Съ чего имъ роптать, взбѣсились они?

— Бамамъ, говорятъ, проходу нѣтъ.

— О, дуракъ! разсердилась барыня.—Я думала, и Богъ знаетъ что такое! Извѣстно молодой человѣкъ, кровь не уходилась.

— Между тѣмъ задумалась она. Видитъ, что и въ самомъ дѣлѣ сына женить надо. Выписала его изъ деревни, потолковала съ нимъ и отправила его въ полкъ.

— Тамъ городъ большой, сказала она ему, можетъ быть ты и судьбу свою найдешь.

Поѣхалъ сынъ. Годъ прошелъ — сынъ денегъ просить. Послала мать денегъ. Другой годъ прошелъ — сынъ опять денегъ просить. Опять мать послала. На третiй просить сынъ двѣ тысячи и пишетъ, что его въ тюрьму могутъ посадить и изъ службы выгнать, если ему не пришлютъ денегъ. Послала мать денегъ и пожурила его не на шутку. Вдругъ получаетъ письмо, что сынъ женится на бѣдной дѣвушкѣ, изъ института она вышла, поетъ хорошо и собой красива. «За тебя съ приданымъ дѣвушку отдадутъ, написала мать сыну, а не только что такая голь пойдетъ. Любовь — глупости, вы не любовью, а деньгами жить будете. Что тебѣ въ ея пѣсняхъ и въ красотѣ? Красотой не торговать, а пѣснями хлѣба не добудешь. Я не желаю этаго бравы.» Ну а сынъ, не дождавшись этого письма, и женился. Горько по-

разило мать это извѣстіе. Перестала она сыну писать. «Онъ меня, старуху, не послушался, такъ и я могу его молодого не слушать, когда онъ меня о чемъ нибудь просить станетъ,» говорила она. Слышала она, что онъ бьется съ женою въ нуждѣ, что у нихъ сынишка родился, и все-таки не написала имъ ни одного слова. «Пусть узнаютъ горе, говорила она, а потомъ и счастье слаще будетъ. Погибнуть имъ я не дамъ. Они думаютъ, мнѣ легко было сберечь капиталъ?» Случись же такое несчастіе, что сынъ въ это время умеръ. Мать и не думала, что она переживетъ это горе, такъ ей было тяжело, такъ горячо она сына родного любила. Чужіе люди, глядя на ея горе, плакали. Пожертвовала она денегъ на поминавеніе его души въ монастырь и выписала невѣстку съ внукомъ. Приѣхала невѣстка, барыня такъ и ахнула.

— Да неужели ему пять лѣтъ? всплеснула она руками, глядя на ребенка.—У насъ двухгодовые больше. Впрочемъ, чему и удивляться: у васъ у самихъ въ чемъ душа держится!

Въ самомъ дѣлѣ невѣстка была маленькая, слабая, каждая жилка у ней видна, точно она изъ сахара сдѣлана.

— Я бы васъ и не выписала, сказала барыня.—Мнѣ внукъ былъ нуженъ, я его при себѣ воспитать хочу, онъ мой наслѣдникъ; да только мнѣ не хотѣлось мать съ сыномъ разлучить.

Невѣстка заплакала.

— Что вы, ребенокъ что-ли, что плачете? Это дѣтямъ позволительно. Ну, поди сюда, поздоровайся со мною, сказала барыня, глядя на внука и съ сожалѣньемъ качая головой. Сердце у ней сжималось отъ его тщедушности.

— Онъ боится чужихъ людей, промолвила невѣстка.

— Пусть боится чужихъ, усмѣхнулась барыня, а я-то ему не чужая. Иди сюда!

Ребенокъ не шелъ.

— Видно въ дядю волченкомъ родился, разсердилась барыня.—Ну, да мы тебя исправимъ.

Невѣсткѣ отвели одну комнату, внуку другую. Пришло время завтрака. Татьяна Даниловна сѣла, указала на мѣсто невѣсткѣ. Та хотѣла подвинуть стулъ для своего сына, но барыня не позволила ей сдѣлать это.

— Погодите, сказала она.—Вы избаловали мальчика, а мнѣ

приходится исправлять. Начали ѣсть. Ребенокъ сталъ просить кушать. Мать хотѣла дать ему ѣды, но барыня остановила ее.

— Подойди ко мнѣ, такъ я дамъ, сказала она.

Ребенокъ не подошелъ и сталъ плавать.

— Я не могу ѣсть! воскликнула въ волненъи невѣстка.

— Глупости! Ыньте. Я не такихъ капризныхъ выучивала. Или вы хотите на свою шею негодяя вырастить? Гдѣ у васъ любовь-то материнская? Молоды вы, какъ я на васъ погляжу, вамъ бы въ куклы играть, а не замужъ выходить, не дѣтей воспитывать. Погубить родное дѣтище хотите баловствомъ. Стыдитесь!

Кончился завтракъ. Убрали кушанье. Прошло съ часъ времени. Ребенокъ запросилъ кушать. Барыня показала ему ѣду.

— Подойди ко мнѣ, такъ я тебѣ дамъ кушать.

Ребенокъ тихо, попутивъ голову, подошелъ.

— Вотъ тебѣ кусочекъ булочки.

Ребенокъ съѣлъ и попросилъ еще.

— Поцѣлуй меня, я тебѣ дамъ булочки съ говядиной.

Ребенокъ поцѣловалъ барыню.

— Вотъ видите, и сталъ умѣе, сказала барыня. — Дитя не игрушка, о немъ заботиться надо, его воспитать надо. Отъ нашихъ заботъ о немъ зависигъ вся его жизнь. Это каждая мать должна помнить.

Такъ пошли дни за днями. Барыня по хозяйству хлопочетъ, невѣстка вышиваетъ рукавички и воротнички себѣ, внукъ играетъ въ своей комнатѣ и сказки старой няньки слушаетъ, такъ какъ барыня не велѣла певѣсткѣ съ сыномъ сидѣть, чтобы онъ не баловался. «Мальчику не подѣ материнской юбкой сидѣть,» говорила она. Находится барыня по дому, нахлопочется, устанетъ и придетъ заглянуть, что невѣстка дѣлаетъ, а та либо пригорюнившись въ окно на пустую улицу смотреть, либо воротнички кисейные вышиваетъ, либо плачетъ надъ портретомъ покойнаго мужа. Точно сдѣлалось барынь смотрѣть на эту слезливую праздность.

— Неужели вы и съ мужемъ-то такую жизнь вели? спрашиваетъ она. — Да какъ вы ему не надоѣли? Видно вы его своимъ бездѣльемъ и въ гробъ свели. Ну, чего вы смотрите по цѣлымъ часамъ на пустую улицу? Дѣло-то развѣ въ это время само сдѣлается? Вы взгляните на меня: я всегда въ

работѣ, все въ моихъ рукахъ кипить. А на что ваши воротнички годятся? Для чего вы рядитесь въ нихъ будете? Или ужь не жениха-ли вы высматриваете? Такъ въ такомъ случаѣ и плакать надъ портретомъ мужа нечего и въ моемъ домѣ жить стыдно, если ужь мой сынъ вамъ постылымъ сдѣлался.

— Что-же мнѣ дѣлать?

— Какъ что? Мало развѣ дѣла? Развѣ вы не видите, что я убиваюсь, вожусь и съ прикащикомъ, и съ прислугой, и по хозяйству, и съ больными?

— Если хотите, я буду вамъ помогать.

— Если хотите! Да вы и безъ моего хотѣнья должны бы знать, что я не кухарка ваша, что я не обязана для васъ биться. Это здравый смыслъ говорить. Стыдитесь! Дѣтей назвали, а не понимаете жизни. Чему вы сына-то учить будете? Эхъ, Ольга Васильевна, не стала бы я вамъ этого и говорить, если бы мы не родныя были. Вѣдь жаль мнѣ, что чужіе люди будутъ васъ осуждать. Вотъ, скажутъ, молодая и здоровая женщина заставляетъ за себя старуху бѣгать и заботиться, да еще даромъ.

Слабая невѣстка расплачется и, чѣмъ бы бросить свою лѣнь, она только охаетъ и думаетъ: «хоть бы съ сыномъ раздѣлить горе!» А какое горе? Вѣдь живетъ же барыня безъ горя, не напускаетъ на себя слабости и малодушія? Придетъ ночь, невѣстка на цыпочкахъ въ бѣлой юбкѣ и бѣлой кофтѣ проберется къ своему сыну, сядетъ близъ него и тихо плачетъ, цалуя его и обливая горючими слезами. Ребенокъ робко откроетъ глаза и задрожитъ, потомъ натянетъ на себя одѣяльце и лежитъ, не шевелясь, пока не уйдетъ мать. На другой день невѣстка попробуетъ помочь свекрови въ ея хлопотахъ, да неумѣлая она такая; начнетъ счетъ писать — разобрать нельзя, начнетъ холсты разсматривать — дыры проглядитъ и въ счетѣ аршинъ спутается, большихъ лечить станеть — еще того хуже выйдетъ.

Разъ пришла къ Татьянѣ Даниловнѣ баба за лекарствомъ. Руку она зашибла, думала, что пройдетъ, работать стала, потому что не приходится же въ самомъ дѣлѣ какойнибудь бабѣ съ рукой нянчиться, а рука какъ на грѣхъ начала пухнуть. Баба постылымъ масломъ ее потерла — рука все больше пухнетъ; попробовала баба къ ней тертой моркови приложить —

еще хуже, глядеть—рана сдѣлалась. Пришлось идти къ барынь-благодѣтельницамъ.

— Посмотрите, что у нея тамъ, сказала барыня невѣсткѣ, когда пришла больная.

Невѣстка вышла изъ бабѣ въ переднюю.

— Что у тебя?

— Рука, матушка, рука.

— Что-же съ ней такое случилось?

— Охъ, ужъ и не знаю, кормилица. Зашибла.

— Покажи.

Извѣстно, баба глупая, безчувственная, размотала она грязныя тряпицы и показываетъ руку: словно это и не ея рука, а такъ какое нибудь полѣно.

— Вонъ смотри. Ишь какъ ее разнесло!

— Господи! воскликнула Ольга Васильевна, взглянувъ на руку, и залилась слезами, закрывъ лицо рукою.

Баба поглядѣла, поглядѣла и на нее, и на свою руку, и спросила, вздыхая.

— Что дѣлать-то съ ней велишь?

— Ахъ, несчастная, несчастная!... Я смотрѣть не могу...

— Ничаво, значить пройдетъ? спросила баба, поглядывая на руку.

— Не знаю... Нѣтъ... Но я не могу, никакъ не могу...

— Охъ, ужъ ты полюби. Работа стоитъ, вишь время-то какое...

— Ну, что у нея? спросила барыня, возвращаясь въ переднюю.

— Ужасно, ужасно! я видѣть этого не могу. У нея рана.

— Ну, такъ что-же, что рана? Обмыли вы ее?

— Нѣтъ.

— Такъ что же вы тутъ стояли съ нею полчаса? Э, да вы, кажется, расплакались? замѣтила барыня, взглянувъ на лицо невѣстки.—О чемъ это?

— Да это просто ужасно... Страдалица!..

— Страдалица! усмѣхнулась барыня.—Легче ей, что ли, стало отъ вашихъ причитаній? Уйдите ужъ лучше въ комнату, а то смотрѣть на васъ тошно. Тутъ помощь нужна, а вы хнычете. Вы не ее жалѣете, а просто брезгаете бѣднымъ человѣкомъ, своей блажи потакаете. Подите! — Покажи руку,

обратилась барыня къ бабѣ и начала обмывать рану; баба только вздыхала, поглядывая на руку.

Перевязала барыня руку.

— Ну, ступай теперь. Перемѣняй примочку, а какъ вся выйдетъ, приходи опять.

— Теперь полегчаетъ?

— Разумѣется, полегчаетъ. Ты тамъ разной дрянью ее пачкала, оттого и распухла.

— То-то. Спасибо. А то вонъ молодуха-то твоя говорить, что не полегчаетъ.

— Много она смыслить полоумная, размѣялась барыня.

— Ишь ты! Я и думаю: счего ей не полегчать? А вонъ она говорить: не полегчаетъ,—разсуждала баба, качая головой и выходя отъ барыни.

Другой разъ стала невѣстка лекарства отпускать — банки перепутала.

— Что это вы, ужъ лучше бы не брались за дѣло. Шили бы свои воротнички. Вы отравите людей-то. Вотъ то-то и есть, что Богу вы худо молитесь, такъ и объ людяхъ не думаете. Вамъ ничего отравить ближняго.

— Я, ей Богу, не хотѣла дурного сдѣлать, заплакала Ольга Васильевна.

— Не хотѣли, а сдѣлали. Это одно и то-же. А все, оттого что вы себя только любите, а объ людяхъ не научились заботиться. Вамъ жизнь ближняго ничего не значить. А еще рюмите цѣлыми днями, точно и Богъ-вѣсть какое нѣжное сердце имѣете.

Видитъ сама невѣстка, что она такая неумѣлая, незаботливая.

— Простите, говорить, меня,—я такая глупая, слабая...

— Что прощенье? Изъ него не шубу шить. Этакъ вы убьете человѣка, да прощенья попросите и подумаете, что вы правы? А вы дѣла добрыя дѣлайте! Съ меня примѣръ берите. Я всю жизнь работаю, я васъ кормлю, внука держу. Ваши родители небось не взяли васъ.

— Они бѣдны...

— Бѣдны! Что вы нищаетесь! Развѣ можетъ здоровый человѣкъ быть бѣднымъ? Чай руки-то у него есть? Каждый на хлѣбъ достанетъ. Лѣндивые — вотъ отчего и бѣдные! Этакъ

всякому бы нужно было имѣнье имѣть, наслѣдство получить, чтобы съ голода не умереть. Тогда всѣ бы господами были, а кто-же работать-то сталь-бы тогда? Ну, вы мнѣ скажите, Ольга Васильевна, кто-бы тогда работалъ?

Послушаетъ невѣстка умныхъ рѣчей и опять ночью плачетъ надъ сыномъ, убивается, что у нея силы нѣтъ, что она слабая, что сильный не понимаетъ слабого, а сынъ опять тихо проснется и натянетъ на себя одѣяльце... Шли годы. Росъ мальчикъ. Странный, чудной онъ былъ такой. Мать любитъ, ласкаетъ ее безъ бабки, а при бабкѣ не подойдетъ къ ней. Скажутъ ему: погуляй въ саду,—онъ погуляетъ. Не бѣжитъ на траву, а по дорожкамъ гуляетъ. Увидитъ цвѣтокъ,—понюхаетъ, а не сорветъ цвѣтка. Запоетъ птица,—онъ остановится и съ мѣста не сойдетъ, пока птица не перестанетъ пѣть. Ползетъ по дорожкѣ букашка—онъ ее обойдетъ, раздавить боится. По часамъ сидитъ онъ въ темномъ саду надъ прудомъ, глядитъ, какъ ива купаешь вѣтви въ водѣ, какъ дрожать ея листья отъ вѣтра, какъ изъ пруда какія нибудь букашки выскакиваютъ на поверхность воды. Придетъ мать его въ комнату вести, а онъ говоритъ ей таинственнымъ шопотомъ:

— Тише, тише, тише! махаетъ онъ едва замѣтно руками.

— Что такое? спрашиваетъ мать.

— Вонъ онѣ разговариваютъ!

— Кто онѣ?

— Ивы.

— Полно, дружокъ, скажетъ мать, ива не умѣетъ говорить.

Говорить только тотъ, кто думать умѣетъ.

— И она думаетъ.

— Нѣтъ.

— Кто тебѣ сказалъ?

— Я сама это знаю.

— Ха, ха, ха, смѣется онъ глупымъ смѣхомъ.—Ничего ты не знаешь. Ива живая, ива воду любитъ, на ивѣ листья растутъ, а ты говоришь, что она не думаетъ!

— Это не она сама по себѣ, это ей Богъ велѣлъ тутъ расти, затрудняется мать объяснить глупому сыну его заблужденіе.

— И людямъ Богъ велѣлъ на землѣ жить, а люди говорятъ, задумчиво говоритъ сынъ, качая головой.—Ничего ты не знаешь!

Начали его учить; дьяконъ ходитъ къ нему. Учится онъ, уроки знаетъ отъ доски до доски: спросятъ его: что ты учишь сегодня?—онъ начнетъ говорить урокъ сначала.

— Да ты скажи, объ чемъ это ты учишь? спросятъ его.

— Не знаю, отвѣчаетъ онъ.

— Да ты же сейчасъ отвѣчалъ урокъ?

— Отвѣчалъ.

— Ну, объ чемъ-же ты говорилъ?

— Объ урокѣ.

Такъ бывало и махнуть рукою. Упрямство это должно быть было. Вотъ теперь и память у него была странная: прочтуть ему длинную предлинную исторію—онъ ее всю расскажетъ, ничего не забудетъ, а велать имя какое нибудь коротенькое запомнить—не запомнить. Много ему наказаній за это упрямство доставалось. Совсѣмъ онъ глупый былъ и на человѣка непохожъ; худой, блѣдный, высокій, съ длинными волосами, съ темными большими глазами, только и свѣтятся бывало они, когда кто нибудь его матери обидное слово скажетъ. Смолчить онъ, а какъ мать останется съ нимъ одна, онъ и подойдетъ къ ней.

— Ты не плачь, мама, говоритъ онъ.—Ко мнѣ ночью приходитъ богиня, бѣлая вся, бѣлая съ темными волосами. Она цалуетъ меня и говоритъ мнѣ: «не плачь и матери своей скажи, чтобы она не плакала. Я за вами смотрю, я за всѣми людьми смотрю!» говоритъ онъ это, и глаза блестятъ, какъ огонь блестятъ, точно онъ умный, точно онъ сильный.

— Это не богиня, рыдаетъ мать, а я прихожу къ тебѣ.

— Неправда, неправда! крикнетъ онъ, сверкая глазами.—Зачѣмъ ты ей не вѣришь? Она мнѣ сама говорила. Слышишь—сама, сама говорила!

Мать еще больше расплачется и уже не идетъ къ нему въ слѣдующую ночь, а онъ проснется по утру хмурымъ, еще больше противъ прежняго слабымъ и блѣднымъ и упрекаетъ мать за то, что она разсердила его богиню. Матери станетъ его жалко и придетъ она къ нему снова ночью. Повеселѣетъ ребенокъ, и силъ у него прибавится, и уроки ему легче учить. Такъ-то росъ онъ до одиннадцати лѣтъ, высокій вытянулся, а разума не прибавилось. Часто не спала его мать ночей, мучаясь думою, что выйдетъ изъ ея неразумнаго сына. А иногда

материнское сердце и обманывает ее: «Да какой-же, онъ неразумный? Развѣ онъ дѣлаетъ вредъ комунибудь другому или себѣ? Онъ вонъ и комара жалѣетъ убить, когда тотъ надъ нимъ въ лѣтнюю пору носится. Развѣ онъ не такъ-же, какъ другіе, пѣетъ, ѣстъ, играетъ и учится? Развѣ не больше въ немъ, чѣмъ въ другихъ горячей любви? Слабъ онъ тѣломъ, отецъ по своей болѣзни падучею его наградила; но развѣ не могучій духъ свѣтится въ его глазахъ, когда онъ чутко замѣчаетъ, какъ обижаютъ его мать? И ты сама, умная, иногда не замѣтила бы обиды, если бы не увидала, что у сына искрятся и блестятъ гнѣвомъ черныя очи...» И обманетъ мать свое сердце и называетъ она сына своего умнымъ, а онъ говоритъ:

— Я не умный, умные злые; я глупый, глупый, слышишь ты, мама: я глупый!

И опять мать заплачетъ и снова ей станетъ тяжело... Пришло время отдать его въ ученье. Отвезли его въ большой городъ близости отъ маленькаго городишка. Спрашивали его что онъ знаетъ изъ разныхъ наукъ, — отвѣтилъ. И молитвы отвѣтилъ, и священную исторію рассказалъ, и задачи разные рѣшилъ, и написалъ не хуже другихъ.

— О, это прилежный ребенокъ! говорили учителя.

Приняли его. Сначала надъ нимъ смѣялись бойкіе мальчуганы, досталось на его долю и побоевъ не мало, но онъ ни словомъ не выдалъ, что ему больно, только еще блѣднѣе сдѣлался. Учителя его любили за прилежанье и жалѣли, видя его неразуміе. Онъ сидѣлъ цѣлыми днями за книгами и, кажется, не жилъ, ожидая только одного: великихъ праздниковъ, когда настанетъ время отъѣзда домой. Каждый праздникъ мать замѣчала, что сынъ сколько не учится, а умнѣй не становится. Почти не слышно было его рѣчей при бабулѣ, онъ въ это время все книги читалъ; безъ бабушки же у ногъ матери садеть и сказки ей рассказываетъ про далекіе края, либо говорить, какъ тамъ люди живутъ.

— Я поѣду и открою островъ, говоритъ онъ, и привезу тебя туда. Мы будемъ тамъ жить, хорошо жить. Тамъ высокія, высокія деревья растутъ съ золотыми плодами, вьютъ на нихъ себѣ гнѣзда пестрыя птицы съ яркими перьями и качаются на вѣтвяхъ обезьяны, няньча своихъ дѣтей, перебра-

сывая орѣхи. Ярко тамъ небо и еще ярче море, сладко оно шумить и холодны его волны. Далеко, далеко идутъ корабли съ людьми, и люди не будутъ знать, что на этомъ островѣ хорошо жить намъ съ тобою на волѣ.

— Другъ мой, полно мечтать! Это ты только воображаешь, этого не можетъ быть, говорить мать.

— Не можетъ быть? Почему не можетъ быть?

— Такъ, возражаетъ мать, не зная, какъ объяснить сыну правду.—Ты не найдешь такого острова, до него и доѣхать трудно, и жить вдвоемъ намъ нельзя, мы съ голоду умремъ.

— Ха, ха, ха, звонкимъ и глупымъ смѣхомъ смѣется сынъ.— А ты и забыла про плоды-то на деревьяхъ, ихъ тамъ много, много.

— Нѣтъ, Паня, все-таки это невозможно.

— А что же возможно?

— То вотъ, что ты выйдешь изъ гимназіи, поступишь въ университетъ, гдѣ много студентовъ, выучишься всѣмъ наукамъ и поступишь на службу.

— Не хочу, не хочу! кричитъ сынъ, топая ногой.— Меня ругать будутъ на службѣ, не хочу, тебѣ жить будетъ нечѣмъ, ты у бабки опять жить будешь.

— Зачѣмъ у нея? Я съ тобой жить буду.

— Неправда, неправда! Мы съ голоду умремъ, какъ ты съ напою умирала съ голоду!

— Ты будешь богатый, тебѣ бабка отдастъ имѣнье.

— Не хочу, не хочу! Я хочу, чтобы бабка одна умерла, съ имѣніемъ умерла, чтобы никто никогда не жилъ у нея, не ходилъ къ ней, не писалъ къ ней, какъ ко мнѣ въ гимназію не ходилъ бы никто, чтобы она одна была, какъ я одинъ въ гимназію.

— Ты не одинъ тамъ.

— Одинъ, одинъ, я одинъ!

— Тамъ и другія дѣти...

— Другія и есть другія, а я одинъ! Ты меня дразнишь? Пусть и бабка будетъ одна, пусть къ ней ходятъ чиновники, больные, прихвощики, а она пусть все таки будетъ одна. Понимаешь ты, пусть она будетъ одна! Что-же ты не понимаешь! почти плача, воскликнулъ онъ.

— Другъ мой, я этого не могу понять.

— Охъ ты Господи! зачѣмъ же ты такая глухая! Пойми ты меня: я говорю, пусть къ ней всѣ ходятъ, весь міръ ходитъ, и пусть она будетъ все-таки одна! Ну, поняла-ли ты меня?

— Поняла, поняла, Паня! успокоиваетъ его мать, зная, что за приливомъ слишкомъ сильнаго волненія иногда у него слѣдовалъ припадокъ падучей болѣзни. Глухой сынъ хлопаетъ въ ладоши и доволенъ понятливостью матери.

Не легко было матери слушать такія рѣчи отъ любимаго сына, а все-таки ей хотѣлось видѣть его каждый праздникъ и какъ не тяжка была ей жизнь въ домѣ свекрови, однако жила она, зная, что только въ этомъ домѣ можетъ она увидать сына, пробыть съ нимъ нѣсколько дней въ году. Не меньше Ольги Васильевны измучилась и Татьяна Даниловна, стараясь наставить на путь истинный внука. И лаской, и строгостью, всѣмъ пробовала она его образумить, слѣдила за каждымъ его шагомъ, стыдила при чужихъ людяхъ, но въ немъ даже стыда-то не было. Начнетъ она его стыдить, а онъ стоитъ блѣдный, опустивъ и склонивъ на бокъ курчавую голову и засунувъ подъ жилетъ руку. Даже не покраснѣетъ онъ и, когда кончитъ свои умныя рѣчи бабка, тихо выйдетъ изъ комнаты въ садъ, слушаетъ, какъ птицы поютъ, любитъся, какъ около сада рѣчка катитъ свои свѣтлыя волны, или станетъ купаться, ловко проносясь по водѣ, точно его и не стыдили, точно въ комнатѣ говорили про кого-то другого. Часто думала его мать, слушая выговоры свекрови: «Нѣтъ, не стану я больше здѣсь жить, переѣду въ тотъ городъ, гдѣ сынъ учится, буду работать, буду его брать къ себѣ, не позволю свекрови увозить его въ этотъ домъ. Можетъ быть, онъ у меня и поумнѣетъ. Ему ласка нужна.» И сладка была ей эта дума, а черезъ минуту она разсуждала: «Вотъ и я не умнѣ своего сына, и я такая же глухая! Развѣ я могу наработать настолько, чтобы платить за него въ гимназію? Развѣ я могу не умереть съ голоду, если стану жить трудомъ? И чему меня учили, что я знаю, кто развилъ мои силы? Нѣтъ у меня силъ! Чѣмъ глупѣ мечты моего сына о жизни на пустомъ островѣ моихъ глупыхъ надеждъ?» Она хваталась за голову, проваливала свое воспитаніе, свои природныя силы, дворянское званье, мѣшавшее идти въ горничныя, и въ одинъ изъ такихъ дней рѣшила: А»

если я стану собой торговать?» и съ этою мыслью подошла къ зеркалу, но съ ужасомъ отскочила отъ него въ ту-же минуту: ея лице было сухо и желто, щеки ввалились, лобъ былъ покрытъ морщинистой кожей, вѣки у глазъ красны, волосы рѣдки... Она опустила руки и поникла головою, даже слезъ не нашлось у нея въ эту минуту... Потекла жизнь опять по прежнему, никто не зналъ и не думалъ о томъ, что за мысли огонькомъ вспыхнули и какъ онѣ потухли въ ея головѣ. Такъ-то иногда человѣкъ перестрадаетъ въ душѣ за минуту то, чего не перестрадалъ онъ въ годы, а люди, видѣвшіе его передъ этой минутой и увидавшіе послѣ, даже и не подумаютъ, что передъ ними стоитъ новый, другой человѣкъ, что за минуту у него были и надежды и возможность мечтать, планы разные строить, а теперь не оставалось ничего, кромѣ никому ненужной жизни да такого безысходнаго горя, что и до могилы не изжить его... Время шло своимъ чередомъ. Попробовала барыня испытать послѣднее средство образумить неразумнаго внука. Рѣшилась она не баловать его и не потакать его настойчивости.

— Покуда ты будешь дурить и привидываться дуракомъ, я не возьму тебя домой, сказала она ему, отпуская его осенью въ гимназію. — Такъ на свѣтѣ жить, какъ ты живешь, не приходится. Пора и за умъ взяться.

Уѣхалъ внукъ. Дорогой цѣной покупалъ онъ свое прилежаніе. Что иной ребенокъ въ десять минутъ выучить, то Паня едва въ часъ запомнить и то если уши руками заткнуть и глазъ отъ книги не отрываетъ, иначе каждая драка ребятишекъ въ комнатѣ, каждый крикъ на улицѣ уносятъ за собою его мысли глупыя. Послѣ остратки стало ему еще труднѣе учиться. Съ самаго пріѣзда въ гимназію началъ онъ задумываться о томъ, что его могутъ не взять домой на Рождество, и, чѣмъ бы ума набраться, сдѣлаться на людей похожимъ, сталъ онъ тосковать прежде времени. Сядетъ Паня урокъ учить, а самъ горюетъ, мысли далеко вихремъ несутся, черныя картины рисуютъ передъ нимъ,—наука-то въ голову и не идетъ. Глядишь,—учитель придетъ, спроситъ Паню урокъ,—Паня не знаетъ ни слова, ничего не приготовилъ: учитель его бранитъ, попрекаетъ, что онъ и можетъ учиться, да не учится. Пришло время отпусковъ, барыня запросъ сдѣлала, поумнѣлъ

ди ея впускъ. Пишутъ ей, что не поумнѣлъ онъ и къ тому-же еще лѣниться началъ. Велѣла она его оставить на праздники въ гимназіи. Когда ему сказали объ этомъ, такъ онъ словно листъ подь осеннимъ вѣтромъ задрожалъ, такъ что не думали, что онъ и на ногахъ устоитъ. Развѣхались дѣти по домамъ, опустѣли швольныя большія комнаты. Тихо въ нихъ какъ въ могилѣ сдѣлалось, только солдатъ-дядька гдѣ нибудь всхрапываетъ, сидя на окнѣ въ корридорѣ, только водобачалка постукиваетъ, накачивая воду, да большіе стѣнные часы маятникомъ ровно выбиваютъ тикъ-такъ и кажется неразумному Панѣ, что они выговариваютъ: Праздникъ близко! Праздникъ близко! Настанетъ вечеръ, на дворѣ вьюга шумитъ, въ трубахъ вѣтеръ воетъ, тьма на всемъ лежитъ страшная и точно въ подземельѣ горитъ въ длинномъ корридорѣ одной починикъ. Въ спальнѣ холодно, кровати пусты, неслышно веселыхъ дѣтскихъ голосовъ. Пришелъ канунъ Рождества. Засновали по улицамъ пѣшеходы, заскрипѣли по снѣгу сани и возы тяжелые. Люди провизію покупаютъ, мужикъ ѣлки продаетъ, кругомъ собираются толпы оборванныхъ ребятишекъ и жадно они глазбуютъ на елки, постукивая леденбующими ножонками, глядятъ, какъ господскіе слуги цокупаютъ эти елки и тащатъ на плечахъ въ каменные дома на потѣху богатымъ, счастливымъ дѣтямъ. Одинъ мальчуганъ нашелъ вѣтку еловую, такъ и той обрадовался, домой побѣжалъ съ нею въ прискочку... Начало темнѣть, смотритъ неразумный Паня на улицу, точно къ мѣсту приросъ, тяжело ему, тошно, невольныя слезы, что жемчугъ съ оборванной нитки, катятся, падаютъ одна за другою, — и вдругъ на другой сторонѣ улицы въ бѣдномъ почернѣвшемъ и согнувшимся на бокъ домикѣ мѣдника за свѣтился, промелькнулъ по комнатѣ огонекъ, за нимъ другою, третій и загорѣлась десятками огней рождественская елка, забѣгали, засновали вокругъ нея грязныя дѣти мѣдника и, кажется, черезъ улицу слышно было, какъ они радостно хлопаютъ въ ладоши, глядя на золоченые орѣхи, да на затѣдливыхъ пряничныхъ лошадокъ и пѣтушковъ... Въ швольномъ корридорѣ раздался глухой, косяной стукъ... Вскочилъ дремавшій сторожъ, глядитъ: на полу лежитъ безъ дыханья неразумный Паня и каплетъ изъ подь его рассыпавшихся водось алая кровь. Сбѣжалась прислуга, директоръ пришелъ,

который только-что хотѣлъ позвать Паню къ себѣ на елку, подняли бѣднаго, понесли въ лазаретъ. Чего чего не дѣлали съ нимъ, чтобы привести его въ чувство. Только къ вечеру другого дня очнулся онъ и сталъ бредить: горячка у него сдѣлалась. Дали знать бабу и матери. Приѣхала мать, (она было пѣшкомъ уйдти хотѣла къ нему), не узнаетъ ее сынъ, бредить. Дни и ночи она надъ нимъ сидѣла, все вѣтъ ему облегченья. Прошла почти недѣля. Новый годъ наступаетъ. Вотъ наканунѣ новаго года сидитъ надъ нимъ мать, прислушивается къ его дыханью и видитъ, что онъ открылъ глаза и ясны они какъ божій день.

— Легче-ли тебѣ, Паня? спрашиваетъ она.

— Легко! говоритъ онъ, глядя на нее блестящими глазами. Богиня опять приходила ко мнѣ... Давно она не приходила!..

Мать заплакала.

— Не плачь! слышишь, богиня опять приходила ко мнѣ. «Не плачь, сказала она, я съ тобою! И матери скажи, чтобы она не плакала: я съ тобою! Я прокляла твою бабу, она одна будетъ,—я ее прокляла. Я тебѣ приготовила елку и матери твоей приготовила елку, — а ее я прокляла. Слышишь-ли ты? крикнулъ онъ могучимъ и яснымъ голосомъ, вскакивая съ кровати, и, вытянувшись во весь ростъ, протянулъ руки, сверкая глазами: Я ее прокляла, и будетъ она проклята!...»

Мать подбѣжала къ нему и, какъ малаго ребенка, взяла его за руки и уложила въ постель.

— Успокойся, Паня! говорила она. Успокойся! спи голубчикъ мой, дитя мое, тебѣ легче будетъ, ненаглядный мой, милый! Спи, твоя мама съ тобою, не отойдетъ она отъ тебя...

А Паня и точно уснулъ, тихо уснулъ, на вѣкъ уснулъ! И когда пробился въ окно утренній бѣловатый свѣтъ, то лице Пани было такое прекрасное, спокойное, улыбающееся, чистое, точно и для него насталъ новый годъ съ новою жизнью. Не вѣрила мать, что этотъ красавецъ съ густыми кудрями уже не человѣкъ, не ея сынъ, а мертвое тѣло, кусокъ земли... Богато хоронила его барыня, много пѣвчихъ, монаховъ и священниковъ пригласила она на отпѣванье. Раздала денегъ на поминованіе его души, памятникъ мраморный поставила надъ его могилой, лампаду неугасимую затеплила, а мать купила вѣ-

нокъ, пзъ цвѣтовъ и положила на краю сыновней могилы; не было у нея денегъ для другаго украшенія этой могилы...

— Что же вы здѣсь, что ли, остаться хотите? спросила барыня, когда прошелъ двадцатый день.—Пора и домой ѣхать.

— Да я и собираюсь ѣхать, отвѣтила невѣстка, мнѣ мои родители вчера на дорогу прислали, я попутчиковъ жду.

— И со мной можете доѣхать, въ тарантасѣ на двоихъ мѣста хватить.

— Намъ не по пути. Я въ Москву ѣду, къ своимъ, отвѣтила невѣстка.

— Вотъ глупости! Имъ и самимъ плохо жить. Что вамъ нужно-то терпѣть? Можете жить со мною.

— Мнѣ не хочется стѣснять васъ...

— Что за стѣсненце!

— Нѣтъ, вамъ спокойнѣе быть одной.

— Ну, вотъ еще выдумали, обнимъ мѣсто будетъ! сказала барыня; она привыкла къ невѣсткѣ, хоть та и была слабая и неумѣлая.

— Нѣтъ я уже рѣшилась. Вы привыкли жить однѣ, вамъ надо жить однѣмъ.

— Ну, какъ хотите, была бы честь предложена! Проживу и одна, молвила барыня и странное дѣло!-ей какъ-то неприятно было выговорить это слово: проживу и одна. Всю дорогу думала она: «да развѣ я одна живу? Вонъ у меня и Глашка живетъ, и Матюшка живетъ, и Оля, да мало ли кто у меня живетъ, такъ что-же это я говорю, что я одна живу»?.. И все таки ей казалось, что она одна живетъ, даже сердилась она на себя, точно пророчество неразумнаго внука совершилось надъ нею и помutilo ея умъ сильный.

Пошли дни за днями. Барыня принялась по прежнему хозяйничать, по прежнему холсты считать, оброки собирать, больныхъ лечить, молебны служить, почетомъ пользоваться, и говорили про нее во всемъ городишкѣ: добродѣтельная, счастливая женщина! Только послѣ смерти внука старая барыня не любила оставаться безъ людей и хоть странницу кавую нибудь, а ужъ позоветъ къ себѣ ночевать и толкуетъ съ тою до тѣхъ поръ, пока у самой глаза не отяжелѣютъ, пока сонъ не склонить, а чуть проснется и будить гостью, чтобы слышать человѣческій голосъ, чтобы чувствовать, что около нея есть люди...

— Тяжело жить одной, говорила она иногда.

— Э, матушка, отвѣчали ей, да когда-же это вы однѣ-то остаетесь? всегда у васъ кто нибудь есть, домъ, вашъ чаша полная, находятъ въ немъ пріютъ и званый и незваный? Когда же вы однѣ-то остаетесь?

— А все-же... вздумаетъ возразить барыня и, махнувъ рукою, умолкнетъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ: когда-же она одна остается?...

А. Михайловъ.

МУЗА.

Не съ гордой пѣснью вдохновенья
Являлась, Муза, ты ко мнѣ!..
Не слышалъ я благословенья
Отъ ней униженной землѣ...

Вся рѣчь полна была печали,
Заботь о предстоящемъ днѣ.
И только жалобы однѣ
Ея въ ушахъ моихъ звучали.

Когда же мыслью вдохновенной
Вдругъ озарялся грустный взоръ,
И радость жизни отдаленной,
И воли радостный просторъ

Тогда читалъ я въ этомъ взорѣ.
Но пѣснь ея еще сильнѣй
Потомъ звучала о позорѣ
Безмолвно-страждущихъ людей!

Я превосходно понималъ
Нѣмой языкъ ея печали;
И тѣже скорби накопили
Въ душѣ озлобленной моей:

Она и я—однихъ встрѣчали
Безмолвно-страждущихъ людей.

И. Тургеневскій.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

О КАПИТАЛѢ.

(по поводу милля).

Капиталь — неоплаченный трудъ.
Всѣ экономисты.

I.

Намъ извѣстно, что экономическіе вопросы очень мало занимаютъ нашу публику. Намъ извѣстно также, что экономисты давно обижаются равнодушіемъ общества къ ихъ наукѣ, а книгопродавцы постоянно жалуются на дурной сбытъ сочиненій о политической экономіи. Все это намъ извѣстно и крайне прискорбно.

Недавно появилось переводное сочиненіе англійскаго экономиста Джона Стюарта Милля — и насъ сильно уже тревожитъ опасеніе, что своенравная публика не обратитъ на него вниманія и не станетъ покупать его, даже не потому что дорого, а просто — не мило. Это опасеніе такъ сильно беспокоитъ насъ, что, при всемъ отвращеніи къ пристрастной похвалѣ, мы готовы рекомендовать Милля, какъ знаменитаго экономиста, который вполне удовлетворяетъ современному запросу на либеральный обскурантизмъ. Мы готовы, впрочемъ, хвалить Милля не только потому, что желаемъ успѣха изданію его сочиненія въ русскомъ переводѣ, но и потому, что придаемъ вообще большое значеніе политической экономіи, какъ теоріи лихоимства. Надо знать, что многіе замѣчательные писатели жестоко издѣваются надъ этой теоріей и, къ сожалѣнію, весьма логично доказываютъ, что ее вовсе не слѣдуетъ распространять въ

обществѣ на томъ основаніи, будто она возбуждаетъ взаимную ненависть гражданъ и развращаетъ общественные нравы. Даже между экономистами встрѣчаются такіе смѣльчаки, которые увѣряютъ, что политическая экономія вовсе не наука, а зловѣщая теорія рабства, нищеты и смерти. Такъ утверждаетъ, между прочимъ, извѣстный американскій экономистъ Кери. Другой экономистъ, нѣмецкій профессоръ Рошеръ, ярый послѣдователь Мальтуса, пришелъ къ тому грустному убѣжденію, что «политическая экономія нуждается въ самоотрицаніи, чтобы добраться до истины».... Какъ бы то ни было, но «всякая наука должна быть полезна», говорятъ умные люди, и потому экономисты, вѣроятно, не считая себя глупцами, стараются увѣрить всѣхъ и каждого, что ихъ наука полезна, если не для цѣлаго общества, то, по крайней мѣрѣ, для торгашей, ростовщиковъ, спекуляторовъ, биржевыхъ игроковъ или, по словамъ Милля, для практическихъ людей вообще. При такомъ значеніи политической экономіи, разумѣется, намъ неприлично унизать ее, а тѣмъ болѣе доказывать ея бесполезность. Притомъ эта злосчастная наука такъ уже осмѣяна и такъ низко упала въ общемъ мнѣніи, что намъ нѣтъ теперь ни малѣйшаго расчета глумиться надъ ней. Скажемъ болѣе: намъ такъ больно видѣть ея жалкое паденіе, что мы рѣшаемся даже поднять и оправдать ее въ глазахъ людей разсудительныхъ.

Наша безпримѣрная рѣшимость защищать падшую политическую экономію, безъ сомнѣнія, вызоветъ ропотъ со стороны многочисленныхъ и сильныхъ ея враговъ. Не взирая на это, мы смѣло рѣшаемся, однако, на защиту такой науки, которая намъ кажется совсѣмъ не такъ бесполезной и негодной, какъ доказываютъ многіе почтенные публицисты, по страстной любви къ общему благу. Эти бойцы за правду, конечно, увлекаются, забывая мудрую поговорку — *съ волками жить — по волчьи выть*. Если политическая экономія дѣйствительно проповѣдуетъ лихоимство, разжигаетъ страсть корыстолюбія и воспѣваетъ тунеядство, то все-таки она не такъ преступна, какъ полагаютъ. Корыстолюбіе, тунеядство и всѣ преступленія лихоимства безспорно достойны презрѣнія и позора. Но, спрашивается, — развѣ политическая экономія сама выдумала эти пагубные пороки? Разумѣется, нѣтъ; она только описала ихъ, обратила въ систему и возвела въ теорію ту старую практику, которой неуклонно слѣдуютъ всѣ дѣловые, но бездѣльные люди. Если прямая, настоящая цѣль науки состоитъ въ томъ, чтобы согласить разумъ съ опытомъ или, какъ говорится, теорію съ практикой, то нельзя не сознаться, что политическая экономія достигла этой цѣли,

къ неописанной радости лихоимцевъ. Теперь они могутъ, безъ зазрѣнія совѣсти, заниматься своимъ ремесломъ, потому что экономисты признали его безупречнымъ, а законы противъ лихвы объявили посягательствомъ на собственность. Если полезнымъ чело-вѣкомъ называется тотъ, кто приноситъ пользу ближнему, то каждый экономистъ можетъ считать себя благодѣтельнымъ гражданиномъ, потому что оказываетъ услугу цѣлому классу ростовщиковъ, успокоеніемъ ихъ совѣсти.

Политическая экономія — теорія лихоимства; другого опредѣленія нѣтъ и быть не можетъ. Сами экономисты, постоянно дова-зывали это, со временъ Адама Смита, въ тысячахъ сочиненій, одно другого скучнѣе и нелѣпнѣе. И вотъ, за это опредѣленіе, за это неутомимое стараніе найти настоящей смыслъ политической экономіи, многіе нападали на экономистовъ, унижали и отрицали ихъ ученіе! Разбирая безпристрастно всѣ сужденія противъ политической экономіи, мы признаемся, однако, что не видимъ особенной пользы въ отрицаніи этой теоріи. Не смотря даже на авторитетъ знаменитаго Рощера, котораго не желаетъ болѣе переводить на нашъ языкъ г. И. Бабстъ, мы должны замѣтить, что отрицаніе политической экономіи не совсѣмъ удобно и можетъ привести къ печальнымъ послѣдствіямъ. Мы остаемся, конечно, при томъ неизмѣнномъ убѣжденіи, что лихоимство, возведенное въ теорію и оправданное экономистами, не сдѣлается добродѣтелью и не перестанетъ быть безнравственнымъ. Но, при всемъ томъ, нельзя еще выводить заключенія о необходимости уничтожать политическую экономію: нелѣпость ея вовсе не требуетъ отрицанія. Напротивъ того: пусть эта наука развивается, процвѣтаетъ и услаждаетъ тѣхъ несчастныхъ, которые неизлечимо больны страстью къ лихоимству: пусть они изучаютъ ее, для самооправданія и заглушенія той совѣсти, которая ихъ грызетъ и мучитъ. Зачѣмъ лишать этихъ стра-далцевъ таковой успокоительной науки, въ которой доказывается, что «лихва есть награда за воздержаніе!» Нѣтъ, ученіе экономи-стовъ истинно-добрая вѣсть для міра лихоимцевъ. Внимайте ей, всѣ лихоимствующие, и она успокоитъ васъ!

И такъ, отрицать политическую экономію не годится, потому что въ ней могутъ найти утѣшеніе скорбящіе барышники, которые сомнѣваются еще въ законности лихвы или кражи. Но этого великодушнаго предлога для поддержки ученія экономистовъ, конечно недостаточно, и строгій читатель въ правѣ потребовать отъ насъ другихъ, болѣе убѣдительныхъ доказательствъ въ пользу политической экономіи. Предупреждая подобное требованіе, мы слѣ-

шимъ выставить на видъ прочія неудобства отрицанія этого ученія. Предположимъ, что оно уничтожено и всѣ сочиненія экономистовъ сожжены; откуда, спрашивается, станутъ потомъ почерпать свѣжіе матеріалы, для экономической критики тѣ великіе мыслители, ученые и публицисты, которые нуждаются въ разборѣ политико-экономическихъ книгъ, для развитія своего таланта? Гдѣ найдутъ они такой предметъ, который давалъ бы столько пищи для юмора, ироніи и сарказма, сколько даетъ теперь политическая экономія? Какъ много пострадаетъ просвѣщенный, читающій міръ отъ потери такой науки, которая можетъ вызвать на остроумный смѣхъ, горькую, но отрезвляющую правду и поучительную критику сотни мыслящихъ людей! Мы жалуемся постоянно на отсутствіе или крайній недостатокъ умныхъ и увлекательныхъ писателей; мы желаемъ отъ души имѣть побольше критиковъ, юмористовъ, и вотъ находятся люди, которые стараются извести политическую экономію и закрыть этотъ неисчерпаемый родникъ для критики и юмора! Съ чѣмъ это сообразно!

Ученіе экономистовъ надо поддержать и сохранить во всей его нелѣпости, какъ предметъ развлеченія отъ скуки; въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Пусть мизантропы отрицаютъ его, а намъ все-таки полезно читать сочиненія о политической экономіи тѣмъ болѣе, что въ нихъ-то мы и можемъ только изучить софистику и ложь, на которую такъ падаютъ современный человѣкъ съ либеральнымъ направлениемъ. Отрицаніе теоріи лихоимства, какую проповѣдуютъ громче всѣхъ англійскіе экономисты, не только невыгодно, но даже опасно. Подумайте еще разъ о томъ, къ чему приведетъ это несвоевременное отрицаніе.— Лишь только на европейскихъ биржахъ разнесется слухъ, что политическая экономія отрицается и уничтожается во имя нравственности, то всѣ публичные фонды, всѣ акціи и облигаціи непременно понизятся въ цѣнѣ, по крайней мѣрѣ, на 5%, и лихоимцы перестанутъ играть на повышение ихъ курса.— Вотъ неотразимое и самое убѣдительное доказательство того, какъ опасно отрицать ученіе о лихоимствѣ!

Какъ орденъ іезуитовъ поддерживаетъ изуверство и лицемеріе невѣждъ и развратниковъ, такъ и шеола экономистовъ, учениковъ Мальтуса, защищаетъ экономическую неправду и всѣ преступленія лихоимства, въ интересахъ денежной аристократіи. Цѣль іезуитовъ — обратить государственную власть въ инквизицію и предоставить изуверамъ полное право пытать и казнить еретиковъ за вольнодумство. Цѣль экономистовъ англійской шеолы — упрочить власть торгашей, ростовщиковъ, спекуляторовъ и обратить госу-

дарство въ лавку, въ которой бы засѣдали одни барышники, съ правомъ обирать, судить и наказывать рабочихъ. Какъ для іезуитовъ, такъ и для экономистовъ—*цѣль оправдываетъ всѣ средства*. Іезуиты лгутъ и лицемерятъ во имя католической религіи, а экономисты во имя капитала, который сталъ для нихъ просто божествомъ. Капиталь — вѣра, и надежда экономистовъ; они служатъ, поклоняются ему, какъ фетиши идолу, и вся ихъ политическая экономія — славословіе капиталу и гимнъ лихоимству.

Безъ лихвы нельзя угодить капиталу, проповѣдуютъ экономисты и потому обращаютъ лихоимство въ идеаль богатства и непрѣмѣнный законъ экономической жизни.

Но будемъ, прежде всего, послѣдовательны и не станемъ укорять экономистовъ за то, что они рѣшились согласить наши слова съ поступками. Чтò слово, то и дѣло, какова теорія, такова и практика; разлада между ними быть не должно. Отрицая лихоимство на словахъ, слѣдуетъ отрицать его и на дѣлѣ; или допуская лихоимство въ практикѣ, приходится принять его и въ теоріи: того требуетъ логика самой жизни. Въ современномъ обществѣ такъ сильна и заразительна привычка лихоимства, такъ глубоко въѣлася она въ наши обычаи и нравы, что, при всемъ инстинктивномъ презрѣніи къ этому пороку, мы невольно подчиняемся ему и какъ будто сознательно не желаемъ выводить его. Это постыдное противорѣчіе нашей натуры, эта ненавистная борьба совѣсти съ волей не могутъ, однако, долго продолжаться; рано или поздно является неизбежная необходимость выйдти изъ этого ненормальнаго состоянія и, такъ или иначе, примирить чувство съ разсудкомъ. Отдадимъ же справедливость экономистамъ, которые, раньше всѣхъ психологовъ, замѣтили необходимость этого примиренія и постыгнувшись облекъ въ теорію практическое лихоимство. Гордиться такимъ подвигомъ экономисты, разумѣется, не смѣютъ, хотя и знаютъ, что мало найдется людей, которые убѣдились бы на опытѣ, что жить безъ труда и на чужой счетъ невыгоднѣе, чѣмъ работать. Не смѣютъ они гордиться, во первыхъ потому, что совѣсть нельзя заглушить никакими житейскими или учеными софизмами, и если она осуждаетъ лихоимство — значитъ оно позорно и безчестно; не смѣютъ они гордиться, во вторыхъ, потому что лихва — экономическая ложь, и если политическая экономія ее оправдываетъ,—значитъ эта пресловутая наука занимается изученіемъ лавочныхъ расчетовъ, а не законовъ экономической жизни общества. Основной законъ этой жизни—уравненіе расхода съ приходомъ, то есть *отрицаніе чистаго дохода*. Объ этомъ мы уже говорили во второй

статьѣ — «Экономическія иллюзіи» (Руск. Сл. № 5), и потому считаемъ лишнимъ повторять наше доказательство, что *трудъ* — единственный источникъ богатства, а *капиталъ* — непродизводительнъ и долженъ только погашаться.

II.

Недавно одинъ забавный фельетонистъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» былъ очень изумленъ нашей «неожиданной и сильной атакой» на Дж. Ст. Милля. «Какъ ни привыкли мы къ потокамъ брани, говоритъ онъ, на этотъ разъ признаемся—мы были повергнуты въ изумленіе потому, что предметомъ брани былъ такой писатель, какъ Милль, такое сочиненіе, какъ его «Основанія политической экономіи». «Для критики, сколько нибудь разумной и безпристрастной, безусловное, яростное осужденіе Милля *было бы невозможно*».

На сколько, привыкъ «къ потокамъ брани» фельетонистъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» — мы не знаемъ; это его дѣло. Что же касается насъ, то мы привыкли только называть вещи, понятія и поступки ихъ настоящими именами. Поэтому если фельетонистъ, такъ забавно оправдывающій Милля, станетъ еще говорить намъ пошлости, то мы не назовемъ его тогда «забавнымъ», а приберемъ другое, вполне соответствующее ему названіе. *A bon entendeur—demi-mot!*

Наша первая статья о Миллѣ была только выставкой его капитальныхъ нелѣпостей, вызывающихъ не на серьезную критику, а на свистъ. Вотъ чѣмъ объясняется наше «яростное» осужденіе Милля, какъ отъявленнаго софиста, который, въ угоду англійскимъ торгашамъ и живодерамъ, проповѣдуетъ, что рабочіе осуждены на нищету и голодную смерть... потому что имъ позволяется вступать въ бракъ! Какъ назвать такого писателя, который рѣшается объяснять причину бѣдности въ богатой Англии «невоздержаніемъ рабочихъ отъ брака!» Какими потоками, не говорю брани, а просто грязи слѣдуетъ затопить экземпляры сочиненія, въ которомъ напечатаны, напримѣръ, слѣдующія строки:

«Никогда и нигдѣ въ цѣломъ мірѣ не было столько, какъ теперь въ Англии, разсужденій о положеніи работниковъ, сожалѣній о ихъ бѣдствіяхъ, выходокъ противъ людей, кажущихся равнодушными, и разныхъ проэктовъ улучшеній. Но разсуждающіе какъ будто согласились между собою не думать совершенно о принципѣ, опре-

дѣлящемъ рабочую плату, или мимоходомъ отдѣлываться отъ него какою нибудь фразою въ родѣ выраженія: «безжалостный мальтусіанизмъ»; какъ будто бы не въ тысячу разъ безжалостнѣе говорить людямъ, что они могутъ рождать безчисленное множество существъ, *навѣрное обреченныхъ нищетѣ и почти неизбѣжно обреченныхъ пороку*. (Стр. 406. Т. I).

Такъ разсуждать, какъ Милль, способны только антропофаги, если они еще существуютъ гдѣ нибудь на свѣтѣ, да послѣдователи Мальтуса. Люди, способные и желающіе работать, люди рабочіе *навѣрное* обрекаются нищетѣ и пороку, потому что родятся во множествѣ! Какая омерзительная нелѣпость! Нѣтъ, нѣтъ, — писатель съ такимъ извращеннымъ умомъ и низкимъ чувствомъ не можетъ искать правду, а только отрицать ее. Вотъ почему разумная и добросовѣстная критика должна непременно осудить Милля и осудить безпощадно, безусловно.

На удивленіе слѣпыхъ поклонниковъ Милля, сбитыхъ съ толку его софистикой, мы докажемъ, что этотъ прославленный экономистъ не имѣетъ даже понятія о значеніи науки и сочиненіе его о политической экономіи ничто иное, какъ сводъ торговыхъ преступленій, уставъ лихоимства и credo барышниковъ.

Начнемъ нашъ разборъ сочиненія Милля съ того, что покажемъ, какъ мало онъ придаетъ значенія экономической наукѣ и какъ обдуманно старается исказить ея настоящій смыслъ.

Каждому мало-мальски образованному человѣку стало уже извѣстно, что экономическіе вопросы играютъ главную и незамѣнимую роль въ народной жизни. Отъ разрѣшенія этихъ вопросовъ зависятъ не только общее и частное благосостояніе, но и весь смыслъ нашихъ соціальныхъ отношеній, весь складъ общественныхъ понятій и учреждений. Въ этомъ начинаютъ убѣждаться теперь и близорукіе политики, и классически-отупѣвшіе юристы, и даже юродствующіе метафизики и философы, въ родѣ гг. Косицы и Антоновича, погруженныхъ въ идиотическое міросозерцаніе.

Къ стыду экономистовъ, если они способны еще стыдиться, одинъ Милль не сознаетъ всей важности экономическихъ вопросовъ. Этотъ неподражаемый мыслитель говорить: «Едва ли найдется такой практическій вопросъ, хотя самый близкій къ характеру чисто экономического вопроса, который *могъ бы быть рѣшаемъ по однимъ экономическимъ принципамъ; такое рѣшеніе допускаютъ развѣ только вещи неважныя (!)*. Адамъ Смитъ никогда не забывалъ *этой истины (!)*; излагая примѣненія политической экономіи, онъ постоянно опирался и на другихъ соображеніяхъ, кромѣ тѣхъ, какія

даются одною политическою экономіей; и эти соображенія часто бываютъ важнѣе экономическихъ». (Предисловіе).

Разсуждай такъ политикъ-мономанъ или другой неисправимый ретроградъ, это было бы еще извинительно. Но Милль считаетъ себя экономистомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣетъ притязаніе на званіе современнаго публициста,—вотъ что странно и ни съ чѣмъ не сообразно! И онъ опирается еще на авторитетъ Адама Смита, на писателя прошлаго вѣка, когда экономическіе вопросы не обращали на себя должнаго вниманія и когда, по словамъ самого же Милля, «политическая экономія была въ младенчествѣ»!

Впрочемъ Милль такъ непослѣдователенъ вообще и такъ мало уважаетъ логику, что готовъ противорѣчить себѣ при каждомъ удобномъ случаѣ. Если онъ высказываетъ, напримѣръ, мнѣніе, что экономическія соображенія очень рѣдко представляютъ какую либо важность, то это нисколько не мѣшаетъ ему утверждать потомъ, что «предметъ изслѣдованій политической экономіи былъ необходимо во всѣ вѣка однимъ изъ главныхъ практическихъ интересовъ человѣчества, иногда чрезмѣрно заслонявшимъ собою всѣ другіе интересы» (Т. I, стр. 5).

Какъ объяснить такое противорѣчіе сужденій? Неужели Милль впадаетъ въ него неумышленно и по крайнему тупоумію? Нѣтъ, Миллю, какъ опытному софисту, хорошо знакома тактика противорѣчій и онъ прибѣгаетъ къ ней, сообразно съ обстоятельствами, для достиженія задуманныхъ цѣлей и оправданія предвзятыхъ мыслей. Такъ, напримѣръ, желая ввести въ политическую экономію *практической* методъ Адама Смита, онъ ссылается на этотъ авторитетъ и доказываетъ, что экономическіе вопросы требуютъ самыхъ разнообразныхъ практическихъ соображеній и не могутъ рѣшаться съ одной экономической точки зрѣнія. Затѣмъ Миллю хочется возвысить значеніе политической экономіи, и онъ доказываетъ уже, что экономическіе вопросы сами по себѣ всегда были практичны и заслоняли собою другіе интересные вопросы.—Такимъ образомъ подтасовываетъ Милль всѣ свои противорѣчія и притомъ такъ искусно ведетъ свою шулерскую игру софизмами, что недалководный читатель легко сбивается съ толку и простодушно удивляется «спокойствію, глубокомыслію и логичности автора сочиненія: «Основанія политической экономіи». Какъ нетрудно, въ самомъ дѣлѣ, угодить простакамъ, которые дальше своего носа ничего не видятъ, и какъ ловко можно заставить ихъ признать ложь за правду! Честь и хвала Миллю, счастливому мистификатору!—«Какъ ни много у него ошибокъ (т. е. софизмовъ), говоритъ переводчикъ, но все-таки несрав-

ненно меньше, чѣмъ у всякаго другого экономиста. Мы пропускаемъ множество ошибокъ безъ замѣтокъ, чтобы не слишкомъ утомлять читателя; а если бы не боялись этого, то *должны были бы* дѣлать такихъ поправокъ на текстъ Милля въ десять разъ больше, чѣмъ дѣлаемъ».

«На безрыбьи и какъ рыба, на безлюдьи и Фома дворянинъ». При отсутствіи умныхъ, логичныхъ экономистовъ, и Милль слыветъ великимъ писателемъ, несравненнымъ логикомъ. Пусть будетъ такъ. Но если поправлять ошибки такого «глубокаго мыслителя», то слѣдуетъ уже поправлять ихъ безъ боязни утомить читателя, чтобы не ввести его въ заблужденіе, не дать запутаться въ сѣтяхъ экономическихъ противорѣчій и не позволить попасть въ сѣти софиста.

По нашему убѣжденію, у Милля несравнено менѣ логики, чѣмъ у любого экономиста, хотя бы напр. у г. Ивана Горлова. Этотъ наивный рутинеръ, по крайней мѣрѣ, не либеральничаетъ, не щеголяетъ лицемѣрными сужденіями о достоинствахъ коммунизма и социализма, и безхитростно развиваетъ теорію Мальтуса о неизбежномъ рабствѣ и насильственной смерти рабочаго класса. Эта теорія составляетъ сущность всей политической экономіи, ея *caput et fundamentum*, ея начало и конецъ. Почему и зачѣмъ станетъ экономистъ либеральничать и болтать о прогрессѣ, когда самъ исповѣдуетъ вѣру Мальтуса въ непреложный законъ смерти рабочаго населенія отъ нищеты и голода?! Почему и зачѣмъ станетъ онъ рассуждать противно своему убѣжденію и правиламъ логики? Одно изъ двухъ: такой либеральный экономистъ, какъ Милль,—писатель безъ убѣжденія и здраваго смысла или софистъ и лицемѣръ, который сознательно проповѣдуетъ либеральную ложь, потому что понимаетъ, какъ она обаятельно дѣйствуетъ на толпу пошляковъ и глупцовъ?

Мы уже замѣтили, что Милль не придаетъ большаго значенія тѣмъ практическимъ вопросамъ, которые рѣшаются съ одной экономической точки зрѣнія. По его словамъ, «политическая экономія въ практическихъ своихъ примѣненіяхъ неразрывно переплетается съ разными другими отраслями общественной науки.» (?) О какой «общественной наукѣ» говоритъ Милль и существуетъ ли такая наука—мы не знаемъ, и врядъ ли знаетъ ктонибудь. Но Миллю должно быть извѣстно, что каждая наука или отрасль науки требуетъ опредѣленнаго, рациональнаго *метода* для своихъ изслѣдованій. Мало того: наука немыслима безъ точнаго опредѣленія своего предмета, и безъ строгаго разграниченія поля своихъ изыска-

ній; другими словами — нѣтъ науки безъ предмета, безъ границъ, безъ метода. Только при этихъ непремѣнныхъ условіяхъ и возможно существованіе и развитіе всякой отвлеченной или опытной науки.

Мильт не знаетъ или не хочетъ вовсе знать этихъ основныхъ понятій, извѣстныхъ каждому школьнику. Этотъ философъ разсуждаетъ о наукѣ, какъ деревенскій знахарь о медицинѣ. Вотъ почему онъ постоянно толкуетъ «о, практикѣ, о практическихъ примѣненіяхъ, о практическомъ методѣ,» не замѣчая того, что слова—«практика и практическій» — означаютъ у него—плутовство и плутовской. Вотъ почему политическая экономія, какъ отрасль науки, по его увѣренію *переплетается* съ другими знаніями въ какихъ-то «практическихъ» случаяхъ. Вотъ почему, для оправданія практики практическихъ людей, онъ изобрѣтаетъ какой-то «практическій методъ» и старается нискатъ расположеніе извѣстной публики тѣмъ, что сочиняетъ «книгу практическую». Все это въ высшей степени странно, хотя, можетъ быть, и практично.

1) Каждая наука должна изучать свой предметъ въ опредѣленныхъ границахъ, не касаясь чуждой ей области изслѣдованія. Мильт не признаетъ этого научнаго условія *sine quâ non*, и произвольно оплетаетъ свою политическую экономію разными негодными и неумѣстными разсужденіями о собственности и рабствѣ, о коммунизмѣ и социализмѣ, о пагубной страсти рабочихъ къ брачной жизни и о похвальной привычкѣ торгашей заниматься лихоимствомъ... Стоитъ только взглянуть на оглавленіе двухъ томовъ сочиненія Милля «о политической экономіи,» чтобы убѣдиться въ томъ, какъ мало смысла и логической послѣдовательности представляетъ самое раздѣленіе на книги, главы и параграфы, и какъ много вошло въ его сочиненіе постороннихъ предметовъ, не имѣющихъ даже ничего общаго съ экономическими вопросами. Какой страшный, одурающій хаосъ понятій дѣлается въ головѣ читателя, который принимается за чтеніе такого сочиненія, гдѣ все *переплетается*, искажается, и составляетъ жалкую смѣсь разнородныхъ составовъ, какую-то вторичную миштуру!

2) Каждая наука должна имѣть опредѣленный, рациональный методъ, какъ логическое средство для изслѣдованія и доказательства истины. Наука не можетъ ограничиться однимъ описаніемъ существующихъ фактовъ; она сравниваетъ ихъ между собой, изучаетъ ихъ взаимныя отношенія и открываетъ постоянные законы, которые ими управляютъ. Для достиженія этой цѣли, наука употребляетъ то логическое средство, которое называется *методомъ*. По свойству наукъ, методы бываютъ только трехъ родовъ: математическій, ин-

дуктивный и естествоиспытательный. Здѣсь неумѣстно объяснять значеніе этихъ методовъ, которыми съ блистательнымъ успѣхомъ пользуются математики, физики, химики и натуралисты. Мы намѣрены только замѣтить, что экономисты, въ томъ числѣ и Милль, не хотятъ понять, что ихъ вздорная «Политическая экономія» — вовсе не наука, а сборникъ неосмысленныхъ фактовъ и переченъ экономическихъ нелѣпостей и злоупотребленій, существующихъ на практикѣ. Экономисты никогда не имѣли понятія о научномъ методѣ и потому неудивительно, что, занимаясь описаніемъ отживающей экономической рутины, сочиняли чепуху и безпрестанно выдавали въ противорѣчіе и бессмыслицу. — «Всякая мысль о методѣ отброшена въ политической экономіи, восклицаетъ экономистъ России, а между тѣмъ безъ метода нѣтъ науки.»

Впрочемъ, говоря по правдѣ, экономисты вовсе не заботились о томъ, чтобы обратить политическую экономію на путь научной истины: они постоянно занимались тѣмъ, что выдумывали самыя нелѣпыя теоріи, съ цѣлью поддержать въ обществѣ ту экономическую неправду, которая для приличія, называется «торговой и промышленной практикой.» И вотъ, желая оправдать эту лицемерную практику, Милль придумалъ «практическій методъ!» какъ средство одурачить читателя и отвлечь его вниманіе отъ существенныхъ вопросовъ общественной экономіи. «Практическій» методъ! Ни одинъ отпѣтый экономистъ, даже въ родѣ гг. В. Безобразова или Шляя, не рѣшится на подобную выдумку, на такое непозволительное сочетаніе слова «методъ» съ прилагательнымъ «практическій». Ces mots hurlent de se trouver ensemble, какъ говорятъ французы. Методъ такъ же нельзя назвать «практическимъ», какъ и слову «наука» нельзя придать названій — биржевая, шулерская, воровская и т. п. Такія непотребныя прилагательныя только оскверняютъ науку, какъ понятіе, которое выражаетъ собой разумное и полезное знаніе неизмѣнныхъ законовъ природы.

3) Каждая опытная наука должна изучать извѣстный, дѣйствительный предметъ. Изъ всѣхъ наукъ, одиѣ только математическія могутъ начинаться съ опредѣленія своихъ терминовъ, которые составляютъ синтетически, а priori, и потому не допускаютъ ложныхъ выводовъ и противорѣчій. Что же касается наукъ *опытныхъ*, то ни одна изъ нихъ не можетъ пользоваться методомъ математики и не должна искать опредѣленій своихъ терминовъ, чтобы не обратиться въ галиматью. Ученые механики, физики, зоологи и всѣ натуралисты очень хорошо знаютъ это и потому не стараются опредѣлять, что такое, напр. — сила, жизнь, и другія неопредѣленныя

слова, которыя имъ приходится употреблять, какъ въ разговорѣ, такъ и въ сочиненіяхъ. Эти ученые знаютъ что всѣ ихъ термины составляются аналитически, а *posteriori*, и никогда не могутъ быть точны, потому что анализъ раскрываетъ не всѣ свойства и признаки предметовъ и новыя наблюденія постоянно расширяють или суживають наши понятія и представленія. Что такое, напримѣръ, металлъ? Ни одинъ химикъ не даетъ вамъ точнаго опредѣленія этого слова, потому что химическій анализъ не раскрылъ еще всѣхъ свойствъ металловъ и не раскроетъ ихъ никогда. Спросимъ теперь механика: что такое сила? На этотъ вопросъ механикъ отвѣтитъ: «я изучаю законы силъ, а до опредѣленія слова «сила» мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

Не такъ разсуждаютъ глубокомысленные юристы, политики, эстетяны, экономисты и всевозможные абсолютисты, которые пытаются опредѣлять, что такое — право, искусство, богатство, капиталъ... Глядя на нихъ, невольно спросишь за какое преступленіе осудили они самихъ себя на такое ужасное самоистязаніе? Какой незримый палачъ казнить человѣка тѣмъ, что обращаетъ его въ политика, юриста или заставляетъ сочинять разныя «Основанія политической экономіи»? Этотъ палачъ — та безжалостная, неумолимая логика, которая обрекаетъ на безвыходное противорѣчіе и безсмысліе каждаго писателя, впадающаго въ абсолютизмъ понятій. Ужь сколько разъ твердили экономистамъ, что нельзя писать противно логикѣ, нельзя выдумывать никакихъ опредѣленій «богатства, капитала, ренты, процента» и т. п. терминовъ. Нѣтъ, неимется экономистамъ, и они упорно продолжаютъ сочинять свои теоріи, какъ будто повлялись изчерпать всѣ нелѣпости и, въ концѣ концовъ, дойдти до идиотизма или одурачить своихъ читателей. Кажется, они достигли той и другой цѣли.

Милль говоритъ: «Предметъ политической экономіи — богатство. Экономисты поставляютъ цѣлью своей науки (!) изслѣдованія о сущности (!) богатства, законахъ его производства и распредѣленія». О глубина абсолютизма и нелѣпости! И пусть бы Милль сравилъ одного себя такимъ опредѣленіемъ цѣли политической экономіи! Нѣтъ, онъ смѣло увѣряетъ, что экономисты вообще стремятся изслѣдовать «сущность богатства»! Если это правда, то нѣтъ ничего удивительнаго, что экономисты обратили свою метафизику въ предметъ насмѣшки. Что сказалъ бы геометръ, если бы его стали увѣрять, будто геометрія изслѣдуетъ «сущность пространства»? Онъ засмѣялся бы въ глаза и отвѣтилъ, что геометрія вовсе не мета-

физика и, хотя сущность пространства ей неизвѣстна, все-таки она можетъ измѣрять его въ футахъ, саженьяхъ или верстахъ. Что такое «сущность времени»? На этотъ вопросъ астрономъ тоже отвѣтитъ смѣхомъ и докажетъ, что цѣль науки вовсе не изслѣдованіе абсолютныхъ понятій, а полезное знаніе. Въ чемъ заключается сущность времени — астрономія не знаетъ и не хочетъ знать; она достигаетъ своей цѣли тѣмъ, что можетъ опредѣлять время не бессмысленными словами, а минутами, часами, годами. Какая сущность силы? Механика не рѣшаетъ такой задачи, а только изучаетъ дѣйствіе силъ и полезное ихъ приложеніе. Такимъ образомъ всѣ точныя науки, одна за другой, отказались на всегда отъ метафизическихъ бредней и, не изучая никакой «сущности», спаслись отъ негоднаго абсолютизма. Кто не скажетъ, что въ сущности онѣ только выиграли этимъ отрицаніемъ метафизики и обезпечили свой успѣхъ и дальнѣйшее развитіе? — Не то сталося съ политической экономіей, которую вздумали «развивать» лже-экономисты на основаніи абсолютныхъ, неопредѣлимыхъ понятій. Съ той самой несчастной поры, когда эти мнимо-ученые стали толковать вкривь и вкось «о богатствѣ и его сущности», политическая экономія обратилась въ жалкую систему противорѣчій и произвела тотъ хаосъ экономическихъ софизмовъ, въ которомъ вращаются теперь всѣ школы современныхъ экономистовъ. Еще въ 1827 году, самъ Мальтусъ, этотъ alter ego политической экономіи, съ отчаяніемъ восклицалъ: «Послѣ тридцатилѣтнихъ изслѣдованій, экономисты не могутъ опредѣлить, что такое *богатство!* Но если сами ученые не въ состояніи сговориться между собою и впадаютъ въ противорѣчіе, то и выводы ихъ нельзя конечно назвать научными».

Слово «богатство» опредѣлить *невозможно*. Такъ рѣшилъ Мальтусъ, а за нимъ и другіе экономисты, которые стыдились заниматься бесплодной метафизикой. — «Что такое богатство?» спрашиваетъ американскій экономистъ Кери и самъ отвѣчаетъ: «Политическая экономія не можетъ разрѣшить этого вопроса; напрасно вопрошающій сталь бы рыться въ экономическихъ книгахъ, съ цѣлью узнать, что разумѣютъ ученые подъ этимъ словомъ. Не смотря на всѣ изслѣдованія экономистовъ, каждому приходится постоянно задавать имъ одинъ и тотъ же вопросъ: что такое богатство? (Principles of Social Science, v. I., p. 29—31).

Другой экономистъ, итальянецъ Біанкини замѣчаетъ, что слово «богатство», какъ и прочія условныя понятія, не можетъ имѣть абсолютнаго значенія, которое ищетъ политическая экономія. «Каждый думаетъ о богатствѣ по своему, сообразно своимъ жела-

ніямъ, интересамъ и цѣлямъ. Мало того: понятіе о богатствѣ такъ условно и такъ часто мѣняется, что придавать ему научное значеніе даже нелѣпо. Одно уже противорѣчіе опредѣленій, придуманныхъ экономистами, какъ нельзя болѣе доказываетъ ту истину, что богатство не должно быть цѣлью изученія и основаніемъ политической экономіи. Дѣйствительно: если экономисты не могутъ опредѣлить — что такое богатство; если всякое опредѣленіе его а priori невозможно, то спрашивается — какъ вообразить себѣ, что богатство, это не опредѣлимое слово, которое не имѣетъ точнаго смысла, можетъ быть принято за основаніе науки?!» (Bianchini. La science du bien-être social, 1857, p. et suis.)

Вотъ что говорятъ экономисты, когда не презираютъ логику и не вдаются въ метафизику. Глубокомысленный Милль, сочинившій «систему логики» рассуждаетъ иначе: по его словамъ, политическая экономія изучаетъ «сущность богатства»! По истинѣ великій мыслитель, только никакъ уже не девятнадцатаго, а девятаго вѣка. Послушаемъ, однако, что говоритъ нашъ метафизикъ о богатствѣ и какъ онъ опредѣляетъ этотъ «основной принципъ», эту «цѣль политической экономіи»,

«Что такое богатство — объ этомъ каждый имѣетъ понятіе достаточно правильное для обыкновенной рѣчи» (стр. 5)

«Въ обыкновенной рѣчи, богатство всегда оцѣняется на деньги. Всѣ доходы и расходы, барыши и убытки, всѣ пережѣны въ богатствѣ человѣка считаются за полученіе или утрату извѣстнаго количества денегъ» (стр. 7).

«Теперь нельзя, кажется, смотрѣть серьезно на такую вздорную несообразность, какъ ученіе о томъ, что деньги и богатство — синонимы» (стр. 7).

«Удовлетворяя надобности, важной для государства и частныхъ лицъ, деньги *справедливо* считаются богатствомъ» (стр. 11).

«Богатство имѣетъ *одинъ* смыслъ, примѣняясь къ имуществу отдѣльнаго человѣка, *другой* смыслъ, примѣняясь къ имуществу націи или человѣческаго рода.—Приведемъ въ примѣръ долговую запись въ 1,000 фунтовъ, данныхъ подъ залогъ помѣстья. Эта запись составляетъ богатство для человѣка, которому она даетъ проценты и который можетъ иногда продать ее за полную сумму долга. Но она не богатство для націи, и если бы она уничтожилась, то страна не стала бы отъ этого ни богаче, ни бѣднѣе. Кредиторъ потерялъ бы 1,000 фунтовъ, а владѣлецъ помѣстья выигралъ бы ихъ» (стр. 12).

Изъ этихъ разсужденій Милля слѣдуетъ: 1) деньги *справедливо*

считаются богатствомъ; 2) называть деньги богатствомъ—нелѣпо и ни съ чѣмъ несообразно; 3) богатство—двусмысленность, и 4) если люди станутъ обкрадывать другъ друга, то страна ничего не потеряетъ и не разорится. Мало того: «бережливость обогащаетъ общество, а расточительность приводитъ его къ бѣдности»; поэтому, увѣряетъ Милль, если бережливые станутъ обкрадывать расточительныхъ, то общество разбогатѣетъ. Нашъ экономистъ говоритъ: «Вѣроятно не бесполезно будетъ обратить вниманіе на разныя обстоятельства, уменьшающія убытокъ, наносимый общественному богатству расточительностью частныхъ людей. Одно изъ этихъ обстоятельствъ то, что мотъ въ сущности не успѣваетъ потреблять все, что расточаетъ. Его обычная безпечность въ расходахъ бываетъ причиною, что его обманываютъ и обкрадываютъ со всѣхъ сторонъ; а изъ этихъ воровъ многіе имѣютъ экономныя привычки. Большія суммы постоянно накаплиются повѣренными, управителями и даже домашними служителями богатыхъ расточительныхъ людей. Кромѣ того эти люди дороже бережливыхъ платятъ за всѣ свои покупки; отъ этого и происходитъ расположеніе къ нимъ купцовъ. Такимъ образомъ, богатые моты въ дѣйствительности потребляютъ гораздо меньше, чѣмъ расходуютъ, и значительная часть ихъ состоянія переходитъ къ другимъ, которые, можетъ быть, сэберегутъ часть перешедшаго къ нимъ» (стр. 96).

Такъ разсуждаетъ мыслитель, который, говорятъ, «пишетъ только во имя истины»! Если цѣль можетъ оправдывать всѣ средства, а цѣль политической экономіи—богатство, то не мудрено, что Миллю приходится такъ благосклонно отзываться о бережливыхъ ворахъ, которые «уменьшаютъ убытокъ, наносимый обществу расточительностью». *Воруй да берегай краденное*—такова нравственность политической экономіи. Разсуждая о пользѣ, какую приносятъ обществу жадные и скупые вору, Милль видимо старается, вмѣстѣ съ тѣмъ, оправдать и расточительныхъ богачей на томъ основаніи, что они не могутъ пожирать всего своего богатства и по частямъ передаютъ его въ руки экономныхъ мошенниковъ.—Вотъ до какихъ практическихъ выводовъ доходитъ глубокомысленный экономистъ, созерцающій богатство съ метафизической точки зрѣнія.

Но чтò же такое богатство, по опредѣленію Милля?

«Можно сказать, что богатство составляютъ всѣ полезныя или пріятныя вещи, *имѣющія мѣговую цѣнность*; другими словами, всѣ полезныя или пріятныя вещи, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть въ какомъ угодно количествѣ получены безъ труда или пожертвованія. *Единственное* (?) возраженіе противъ этого опредѣленія,

кажется, то, что оно не заключаетъ въ себѣ опредѣленнаго отвѣта на вопросъ, о которомъ *очень много* спорили: слѣдуетъ ли считать богатствомъ такъ называемые не вещественные предметы? Надобно ли, напримѣръ, называть богатствомъ ремесленную ловкость работника и вообще всѣ природныя и приобрѣтенныя силы ума и тѣла? Но этотъ вопросъ не очень важный» (стр. 15).

И такъ, при всемъ своемъ абсолютизмѣ, Милль принужденъ сознаться, что его опредѣленіе понятія о богатствѣ допускаетъ возраженіе. Но Милль умышленно скрываетъ правду, когда говоритъ, что противъ его опредѣленія найдется только одно, неважное возраженіе. Стоитъ заглянуть въ нѣсколько экономическихъ сочиненій, чтобы убѣдиться, какъ много разнообразныхъ толковъ, сужденій и основательныхъ опроверженій вызывало всегда то опредѣленіе богатства, какое присвоилъ Милль для своей политической экономіи. Если бы у насъ была охота заняться подробнымъ разборомъ метафизическаго спора между экономистами «о сущности богатства, о богатствѣ вещественномъ и не вещественномъ, частномъ и общественномъ, природномъ или искусственнымъ, положительномъ и отрицательномъ, цѣннымъ и безцѣннымъ, полезномъ и мѣновомъ», — короче, если бы намъ вздумалось выставить на видъ то пошлое словопреніе, какимъ занимаются экономисты, со времени Адама Смита, то читатель уныло покачалъ бы головою и назвалъ бы политическую экономію наукой нелѣпости безконечной.

Такова, въ самомъ дѣлѣ, эта пресловутая наука, безъ опредѣленнаго предмета и разумной цѣли, безъ положительнаго метода и полезнаго примѣненія, безъ смысла и развитія. Все въ ней ложно и подложно, отъ начала и до конца. Кто знаетъ экономистовъ и разгадалъ ихъ ученіе, того не обманетъ ихъ софистика, не удивитъ ихъ спѣсивое невѣжество и не возмутитъ ихъ лицемеріе. Кто даже понимаетъ только Милля, тотъ понимаетъ экономистовъ, тотъ уже на пути спасенія отъ экономической лжи.

III.

Политическая экономія не наука, а Милль не писатель, понимающій значеніе экономической науки. Пусть это знаютъ наивные почитатели «великаго мыслителя», который, въ половинѣ XIX столѣтія, подражаетъ схоластикамъ среднихъ вѣковъ и впадаетъ въ метафизическій абсолютизмъ.

Политическая экономія — теорія лихоимства, а Милль экономистъ, сознающій нелѣпность этой теоріи и самъ сочиняющій руководство для лихоимцевъ подъ названіемъ: «Основанія политической экономіи». Пусть это знаютъ близорукіе читатели «знаменитаго сочиненія», въ которомъ говорится, что трудъ — единственный источникъ богатства и, послѣ этого, доказывается, что лихоимство необходимо для развитія труда и богатства.

Въ книгѣ I, глава I, Милль говоритъ: «Производство имѣетъ два элемента: трудъ и пригодные для него предметы, даваемые природою» (стр. 33). «Трудъ нуженъ не только для пользованія землей, но почти въ такой же мѣрѣ и для приготовленія ея въ пользованіе» (стр. 277).

Изъ этихъ словъ каждый видитъ, что Милль признаетъ трудъ единственнымъ двигателемъ производства, потому что сама природа даетъ только матеріалъ, требующій обработки. Въ подтвержденіе этого вывода, самъ Милль замѣчаетъ, что произведеніе труда «до такой степени различно отъ вещества, доставляемаго природою, что въ обычной рѣчи природа считается только поставщицей матеріала для труда» (стр. 34).

Но Милль не останавливается на такомъ принципѣ, который подрываетъ экономическую ругину и доказываетъ несостоятельность политической экономіи. Вотъ почему, упоминая о значеніи труда какъ будто для приличія, нашъ экономистъ поспѣшно обращается къ своей любимой мысли о «капиталѣ» и, на стр. 68, начинаетъ уже разсуждать совсѣмъ въ другомъ тонѣ:

«Кромѣ двухъ первоначальныхъ и необходимыхъ элементовъ производства, есть еще *третій* элементъ, безъ котораго невозможны никакіе производительные процессы, кромѣ грубыхъ и скудныхъ начатковъ первобытной промышленности».

Читатель догадывается, конечно, что рѣчь идетъ о капиталѣ и удивляется, почему Милль обманулъ его, сказавши сначала, что производство имѣетъ только *два* элемента. Чему тутъ, впрочемъ удивляться? Если экономистъ сказалъ правду разъ, то онъ считаетъ себя вправѣ солгать въ другой и третій разъ. Правдой вѣкъ не проживешь и правдой всѣмъ не угодишь. Дѣло въ томъ, что, по мнѣнію Милля, трудиться безъ капитала нельзя: только одни варвары могутъ обходиться безъ помощи капиталистовъ. Прогрессъ чело-вѣчества начинается съ того дня, когда чело-вѣкъ, получилъ барышъ, какъ награду за воздержаніе отъ труда, и сталъ потомъ заниматься лихоимствомъ.

Милль продолжаетъ: «Сверхъ труда, сверхъ матеріаловъ и силъ,

доставляемыхъ природою для производства, нуженъ предварительно накопленный (кѣмъ?) запасъ продуктовъ прежняго труда. Этотъ накопленный запасъ называется *капиталомъ*. Ясное пониманіе роли капитала въ производствѣ чрезвычайно важно (еще бы!), потому что очень многія изъ ошибочныхъ мнѣній, портящихъ *нашу науку*(!!!), возникаютъ отъ сбивчивости понятія объ участіи капитала въ производствѣ» (стр. 68 — 9).

И такъ Милль опредѣляетъ слово «капиталь», вносить это опредѣленіе въ *свою* науку и заботится о томъ, чтобы никто не имѣлъ о капиталѣ ошибочныхъ и сбивчивыхъ мнѣній, будто бы портящихъ экономическую науку. Эта самонадѣянность экономиста и его притязаніе поучать другихъ вызываютъ насъ на слѣдующія замѣчанія:

1) Капиталь, какъ и всѣ прочіе термины политической экономіи, не можетъ имѣть абсолютнаго опредѣленія, и потому не долженъ вноситься въ экономическую науку, для избѣжанія софизмовъ и противорѣчій;

2) Слово «капиталь» имѣетъ въ разговорной рѣчи нѣсколько условныхъ значеній, которыя непонятны сами по себѣ, а только по отношенію къ интересамъ частныхъ лицъ, и

3) Экономическая наука не входитъ въ частные расчеты и договоры, не занимается описаніемъ домашняго хозяйства и промышленной рутины. Эта наука изучаетъ одни общіе законы обмена и распредѣленія произведеній труда; поэтому все, что экономисты говорятъ намъ «о капиталѣ и прибыли съ капитала», относится къ частной, а не къ общественной экономіи.

Капиталь—понятіе аналитическое; его нельзя *опредѣлять* уже и на томъ основаніи, что оно всегда условно и не допускаетъ постоянного, неизмѣннаго значенія. Всякое опредѣленіе капитала, какъ научнаго термина,—безмысленная выдумка экономистовъ, впадающихъ въ абсолютизмъ метафизики. Мало того: всѣ опредѣленія капитала, придуманныя экономистами, были такъ нелѣпы, что постоянно вовлекали ихъ въ противорѣчіе и междуособный, ожесточенный споръ, во имя какихъ-то «основныхъ принциповъ» политической экономіи. Пусть бы эти абсолютисты разъ навсегда затвердили, какъ попугаи, одно какое нибудь опредѣленіе и сочиняли дружно одинъ и тотъ же вздоръ. Нѣтъ, каждый изъ нихъ желаетъ опредѣлять слова по-своему и старается, изъ самолюбія, перешеголять другихъ своей нелѣпостью. Послѣ этого вовсе неудивительно, что политическая экономія обратилась въ метафизическую галиматью.

«Политическая экономія, искренно говоритъ Росси, усвоила много такихъ словъ разговорной рѣчи, смыслъ и значеніе которыхъ подлежатъ еще спору. Говоря иначе, наука не установилась окончательно даже въ основныхъ своихъ принципахъ. — Экономисты, наблюдая явленія обыденной жизни, нашли въ обыкновенномъ, разговорномъ языкѣ готовый лекарь экономическихъ терминовъ: Этотъ лексиконъ они приняли и стали хлопотать единственно о томъ, чтобы исправить его съ научной строгостью. Тутъ-то и оказалась вся трудность задачи.—Въ разговорномъ языкѣ встрѣчаются слова: цѣнность, капиталъ, доходъ; и вотъ эти выраженія переходятъ въ науку, безъ точнаго смысла и опредѣленнаго значенія, со всѣми недостатками разговорной рѣчи. Разумѣется, эти недостатки не порождаютъ въ житейскомъ быту почти никакихъ затрудненій, потому что въ каждомъ частномъ случаѣ всякій умѣетъ понятно выражать свою мысль. Но въ наукѣ дѣло другое: тамъ малѣйшая неточность выраженій производитъ путаницу сужденій и сильно мѣшаетъ научному ихъ развитію.

«Приведемъ въ примѣръ слово—*капиталъ*. Всѣмъ извѣстно, что это слово имѣетъ множество значеній въ обыкновенной рѣчи. Одинъ вамъ говоритъ: машины и фабричныя постройки составляютъ мой *капиталъ*. Другой скажетъ, что его *капиталъ* лежитъ у нотариуса. Третій, указывая на какого нибудь богача, замѣтитъ, что земли у него хотя и мало, за то много *капитала*. Для нотариуса, *капиталъ* означаетъ одно, а проценты другое. Часто говорятъ, наконецъ, что такая-то госпожа владѣетъ огромнымъ *капиталомъ* въ брильянтахъ».

Обращаясь къ экономистамъ, Росси говоритъ: «видимыя явленія неволью поражаютъ насъ, ученыхъ, и окружающая среда давитъ и, безъ нашего вѣдома, измѣняетъ насъ. Отсюда грозитъ новая опасность для науки, и немудрено, что экономисты часто извращаютъ ее, желая сообразоваться съ принятыми обычаями» (Rossi. cours d'Econ. pol. 3-e lec).

На такую унижительную откровенность рѣшаются только французскіе экономисты, въ родѣ Росси, и то, вѣроятно, по трусости. Гордый и самонадѣянный сэръ Милль, конечно, не доведетъ себя до обиднаго сознанія, что онъ подчиняется рутинѣ или умышленно искажаетъ свою науку, желая согласить ее съ понятіями и обычаями англійской буржуазіи. Этотъ писатель такъ пошло самолюбивъ, что согласится скорѣе изолгаться, чѣмъ сказать или даже намекнуть читателю на то, какъ легко сбиться съ толку каждому

экономисту, который хочет оправдать рутину, а тѣмъ болѣе—возвести ее въ теорію.

«По мнѣнію людей, совершенно непривычныхъ къ размышленію о нашемъ предметѣ, строго замѣчаетъ Милль, капиталъ представляется понятіемъ совершенно равнозначительнымъ съ деньгами.—Деньги точно такъ же не капиталъ, какъ и не богатство. Сами по себѣ деньги не могутъ совершать ни малѣйшей части дѣйствій капитала, потому что не могутъ давать никакого содѣйствія производству. Чтобы содѣйствовать ему, деньги должны быть обмѣнены на другія вещи, и все, что можетъ обмѣняться на другія вещи, способно содѣйствовать производству точно въ такой же степени, какъ деньги» (стр. 70).

Такимъ образомъ Милль доказываетъ нелѣпность того мнѣнія, что деньги — капиталъ. Положимъ, читатель убѣждается въ томъ и отказывается отъ своего нелѣпаго мнѣнія. Что же дальше? Милль, недовольный этимъ оборотомъ дѣла, тотчасъ же старается разубѣдить читателя и доказать ему, что деньги все-таки капиталъ на томъ основаніи, что капиталисты имѣютъ деньги.

«Въ нынѣшнее время *нѣтъ обычая*, чтобы мануфактурность прямо запасала пищу и одежду для своихъ работниковъ. — Но за то у каждаго капиталиста есть *денги*, которыми онъ платитъ работникамъ, то есть даетъ имъ возможность снабжать себя пищею и одеждою (немного же даетъ!). Кромѣ того, капиталистъ имѣетъ въ своихъ кладовыхъ изготовленные товары, продажей которыхъ также выручаетъ *денги* на выдачу платы работникамъ и пр.» (стр. 70).

Нѣтъ обычая обходиться безъ денегъ; не хотятъ капиталисты отказаться отъ этого нелѣпаго обычая — и Милль преклоняется передъ рутиной, и деньги становятся въ глазахъ его такимъ же капиталомъ, какимъ кажется онъ для профановъ.

Съ непритворнымъ чувствомъ отвращенія разбираю я нелѣпныя разсужденія Милля о капиталѣ. Но пусть читатель слѣдитъ внимательно за этимъ разборомъ и убѣдится въ софистикѣ и противорѣчійхъ великаго экономиста.

Что такое капиталъ, по опредѣленію Милля?

- 1) Накопленный запасъ продуктовъ труда (стр. 69).
- 2) Капиталъ не деньги, а всѣ тѣ вещи, которыя назначены для снабженія производительнаго труда различными предварительными условіями. (стр. 70).
- 3) Капиталъ—всѣ деньги, которыя капиталистъ отдаетъ рабочимъ, въ видѣ задѣльной платы, на пищу и одежду. Капиталъ — всѣ

деньги, которыя капиталистъ выручаетъ за товары или расходуетъ на пополненіе запаса матеріаловъ, на поправку строеній и машинъ и на приобрѣтеніе новыхъ (стр. 71).

4) Различіе между капиталомъ и не капиталомъ состоитъ не въ характерѣ имущества (т. е. уже не въ деньгахъ или вещахъ), а *въ намъреніи* (!!) капиталиста, въ его рѣшеніи употреблять это имущество на ту или другую цѣль; и всякое имущество, хотя бы само по себѣ и было совершенно непригодно къ употребленію работниковъ (?), составляетъ капиталъ, когда опредѣляется на производство (стр. 72).

5) Всѣ продукты (а деньги?), назначенные на производство, составляютъ капиталъ.—Но эта теорема подлежитъ *нѣкоторымъ ограниченіямъ* (вотъ какъ!) и объясненіямъ.—Извѣстное имущество можетъ искать (?) производительнаго употребленія и не находить его, сообразно съ желаніемъ владѣльца (да будетъ воля его!); въ такомъ случаѣ эта сумма (?) все-таки капиталъ, но капиталъ безъ употребленія. Другой примѣръ.... Третій случай и т. д. (стр. 72—3).

«Рискуя наскучить читателю, говоритъ Милль, я долженъ прибавить еще нѣсколько разъясненій, чтобы сильнѣе и точнѣе (слѣдуетъ сказать—подложнѣе и глушѣе) выставить понятіе капитала.—Посмотримъ, можетъ ли считаться капиталомъ собственность людей, которые живутъ *процентами* съ своего имущества, не занимаясь лично производствомъ, и если можетъ, то въ какихъ случаяхъ. Въ разговорномъ языкѣ эта собственность называется капиталомъ, и по отношенію къ дѣламъ частныхъ лицъ такое названіе справедливо.—Но имущество, служащее капиталомъ для частнаго лица, иногда бываетъ капиталомъ для націи, а иногда и не бываетъ, смотря потому, расточается или не расточается къмъ нибудь имущество владѣльца (стр. 78). Такимъ образомъ, вопросъ о капиталѣ Милль сводитъ на вопросъ о расточительности или благоразуміи тѣхъ, которые берутъ въ займы у капиталистовъ. Хороша теорія экономиста! И какъ много въ ней научнаго смысла!

«Предположимъ, напримѣръ, говоритъ Милль, что А. — капиталистъ далъ въ займы В.—фермеру или фабриканту десять тысячъ, которыя онъ употребляетъ съ *выгодю* на свои промышленныя дѣла. Этотъ капиталъ принадлежитъ А., и В. беретъ на себя заботу употребить его въ дѣло и получаетъ въ вознагражденіе разницу между своей прибылью и процентами, которые онъ платитъ капиталисту А. Это самый простой случай (когда барышники дѣлать добычу и оба заслуживаютъ названіе капиталистовъ).

«Но предположимъ, что С.—землевладѣлецъ, берущій деньги въ

займы, человѣкъ расточительный и обременяетъ свою землю долгомъ не для увеличенія своего состоянія, а для растраты его расходами на экипажи и пиры. Въ годъ или два эти деньги будутъ промотаны безъ всякой выручки (а это главное для Милля!). Кредиторъ—А. сохранилъ свое богатство: у него закладная, вѣрность на землю, которую онъ можетъ продать. С. сталъ бѣднѣе прежняго на всю сумму долга; богаче прежняго не сталъ никто. Могутъ сказать, что разбогатѣли люди, которые воспользовались промотанными деньгами. Правда, если С. проигралъ эти деньги, или онъ были у него раскрадены прислугой, то богатство перешло только изъ рукъ въ руки, а не разрушилось, и люди, которые приобрѣли его (т. е. мошенники и воры) могутъ употребить его производительнымъ образомъ (опять объ экономномъ воровствѣ!). Но если С. получалъ за свои деньги настоящую цѣнность ихъ въ видѣ продовольствія или предметовъ роскоши, то эти предметы перестали существовать и, въ замѣнъ ихъ, не произведено ничего.—Такимъ образомъ, общество имѣетъ убытокъ на всю сумму непродуцительной растраты С.»

Тутъ Милль говоритъ такой уморительный вздоръ, что для приличія, его слѣдуетъ остановить. Какъ! общество ничего не теряетъ, если человѣкъ обокрадутъ или обыграютъ мошенники съ экономными привычками; но если этому человѣку вздумается расходовать деньги въ свое удовольствіе, то общество потеритъ убытокъ! Есть ли въ этомъ разсужденіи хоть тѣнь здраваго смысла? Согласимся, что тунеядецъ бесполезный, даже вредный человѣкъ. Но чѣмъ же лучше его бережливый воръ? За что Милль потакаетъ ему? Какая отъ него польза?

Нашъ воровлюбивый экономистъ продолжаетъ: «Для А., кредитора расточительнаго землевладѣльца С., общественный убытокъ нечувствителенъ, потому что его доходъ обезпеченъ залогомъ. И такъ для А., долгъ, лежащій на помѣстьи С., дѣйствительно составляетъ капиталъ. Но составляетъ ли онъ капиталъ для общества? Нѣтъ. А. имѣлъ капиталъ, который исчезъ для общества, потому что промотанъ и уничтоженъ расточительностью С.» (стр. 79 — 80).

«Избавь меня отъ лукаваго!» — скажетъ иной добродушный читатель, которому посоветуетъ кто нибудь изъ либераловъ прочесть сочиненіе Милля о политической экономіи. Но такой боязливо-уклончивый отвѣтъ будетъ, впрочемъ, неоснователенъ, потому что лукавство Милля вовсе неопасно. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, опасаться софиста, который противорѣчитъ себѣ едва ли не на каж-

дой страницѣ и разсуждаетъ такъ наивно, что становится даже стыдно читать его?! Припомнимъ все, что наговорилъ Милль о капиталѣ, и мы горько улыбнемся и пожалѣемъ этого «глубокомысленнаго» экономиста, который не способенъ логически связать своихъ мыслей и постоянно сбивается съ толку. Вотъ онъ начинаетъ разсуждать о капиталѣ и замѣчаетъ тономъ учителя, что профаны не понимаютъ настоящаго значенія этого слова. Читатель смиренно преклоняетъ голову и слушаетъ, что скажетъ ему учитель. — Капиталь не деньги; деньги — капиталъ; не въ деньгахъ или вещахъ смыслъ капитала, а въ намѣреніи капиталиста распорядиться такъ или иначе; если капиталистъ не желаетъ заняться какимъ нибудь дѣломъ, то его имущество все-таки слѣдуетъ называть капиталомъ, хотя, собственно говоря, капиталомъ надо считать только имущество, обращенное на производство. Такъ разсуждаетъ Милль, впадая въ безвыходное противорѣчіе и бессмыслицу. Рискуя, наконецъ, опротивѣть читателю, экономистъ совершенно уклоняется отъ прямого объясненія— что такое капиталъ— и начинаетъ нести такую галиматью отъ которой дѣлается тошно. Кому охота слушать болтуна, который пускается доказывать, что два барышника, лихоимствуя сообща, обогащаютъ націю, а мошенники, которые обкрадываютъ празднаго мота, не приносятъ обществу никакого вреда! Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ глупо.

Обратимъ, однако, вниманіе на послѣдній выводъ Милля, гдѣ доказывается, что общество терпитъ убытокъ на всю ту сумму, которую растрчиваетъ мотъ по своей прихоти. Дѣло въ томъ, что капиталистъ А. ссудилъ землевладѣльца С., подъ залогъ его имѣнья. Должникъ прокутилъ занятія деньги и уничтожилъ, такимъ образомъ, капиталъ, который могъ пойти на производство. (Замѣтите, что въ этомъ случаѣ Милль называетъ капиталомъ — деньги!). Далѣе экономистъ разсуждаетъ: «потеря не падаетъ на владѣльца уничтоженнаго капитала, потому что человѣкъ, уничтожившій его капиталъ, обязался вознаградить его. Но потеря этого человѣка (т. е. расточительнаго должника) составляетъ только небольшую часть потери, которой подверглось черезъ него общество, потому что на потребленіе собственника шли одни проценты, а самый капиталъ долженъ былъ употребиться на нескончаемое содержаніе извѣстнаго числа работниковъ; этого средства къ жизни они теперь лишены безвозвратно» (стр. 81).

Какое, подумаешь, состраданіе къ участи бѣдныхъ рабочихъ! И какъ это гуманное чувство сродно такому отъявленному врагу ра-

бочаго класса, какъ Милль! Но дѣло не въ чувствѣ его, а въ разсужденіи, которое подложно отъ перваго до послѣдняго слова.

Дѣйствительно: когда Милль увѣряетъ теперь, что общество несетъ потерю отъ мотовства частнаго лица, то онъ противорѣчитъ самому себѣ и отрицаетъ прежнія свои доказательства. Такъ, напр. на стр. 12, Милль говоритъ, что богатство частнаго человѣка не составляетъ еще богатства общественнаго, и приводитъ въ примѣръ долговую записъ, которую можно всегда уничтожить безъ ущерба обществу. Для націи долговая записъ не богатство; она даетъ кредитору только право на часть имущества его должника. Если эта записъ уничтожится, то кредиторъ потеряетъ, а должникъ выиграетъ и, въ общемъ итогѣ, не будетъ ни потери, ни прибыли для общественнаго богатства.... На стр. 80—81 Милль приводитъ другой примѣръ, въ такомъ же родѣ, и утверждаетъ совершенно иное. Здѣсь капиталистъ А. даетъ въ займы земледѣльцу С. известную сумму и беретъ съ него долговую записку, которая, по словамъ Милля, не должна входить въ счетъ общественнаго богатства. Что же оказывается? Должникъ С. разоряется, а его кредиторъ не теряетъ ничего, потому что обезпечилъ себя залогами должника. Разорившійся С., по увѣренію Милля, причиняетъ убытокъ общественному богатству. Вотъ тутъ и обнаруживается противорѣчіе экономиста. Въ самомъ дѣлѣ: если не долговая записъ капиталиста А., а заложенное имущество должника С. составляетъ часть національнаго богатства, то общество не должно потерять ничего, вслѣдствіе разоренія С., потому что его имѣніе перейдетъ въ руки кредитора. Говоря словами самого Милля, «должникъ теряетъ, а кредиторъ его приобретаетъ заложенное имѣніе, а страна не станетъ ни богаче, ни бѣднѣе». Почему смѣна владѣльца имѣнія нанесетъ убытокъ обществу?

На этотъ послѣдній вопросъ Милль отвѣчаетъ, что смѣна владѣльца заложеннаго имѣнія убыточна для общественнаго богатства потому, что разорившійся землевладѣлецъ бесполезно уничтожилъ занятый имъ капиталъ и, такимъ образомъ, вмѣсто двухъ капиталовъ (имущественнаго и денежнаго) въ обществѣ уцѣлѣлъ только одинъ, въ видѣ имѣнія должника. Совершенно справедливо. Но зачѣмъ же Милль увѣрялъ насъ раньше, что богатство отдѣльнаго человѣка не составляетъ богатства націи? Зачѣмъ онъ доказывалъ, что уничтоженіе долговой записи не сдѣлаетъ убыли въ общественномъ богатствѣ? Развѣ долговая записъ дается даромъ или кредиторъ беретъ въ залогъ чужое имущество, не давая ничего? Развѣ

можно доказывать, что уничтоженіе частныхъ долговыхъ обязательствъ не нарушитъ общественнаго баланса? Не явная ли это ложь?

Милль утверждаетъ, что должникъ, расточающій занятый капиталъ, вредитъ не кредитору, который обезпеченъ залогомъ и процентами, а работникамъ, потому что лишаетъ ихъ средства къ работѣ уничтоженіемъ капитала. Такое разсужденіе доказываетъ только, что Милль смотритъ на рабочихъ, какъ на прислугу капиталистовъ, которые кормятъ ихъ будто по своей доброй волѣ.

Пора бы, кажется, публицисту XIX вѣка перестать смотрѣть на отношенія рабочаго къ капиталисту съ точки зрѣнія рабовладѣльца. Того требуетъ уже общественное приличіе, одинаково обязательное какъ для умнаго, такъ и для глупаго.

«Что же такое, наконецъ, капиталъ, о которомъ такъ много говорилъ почтенный Милль?» спрашиваетъ любопытный читатель, въ надеждѣ получить прямой, недвусмысленный отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Капиталъ—магическое, но загадочное слово для Милля и вообще всѣхъ экономистовъ. Какъ они ни пытались опредѣлить его и возвести въ научный терминъ—все было напрасно. Перечитайте сколько угодно экономическихъ сочиненій, гдѣ непремѣнно говорится о капиталѣ, и кромѣ противорѣчій, пустой и скучной болтовни—нѣтъ ничего путнаго. Экономисты какъ будто нарочно стараются сочинять одуряющій вздоръ, подъ названіемъ «политической экономіи»; чтобы возбудить отвращеніе къ изученію экономическихъ вопросовъ. Какъ иначе объяснить причину той невыразимой скуки, какую испытываетъ каждый читатель, взявшій въ руки сочиненіе даже извѣстнаго экономиста, напр. Милля? Кромѣ однихъ романовъ, публика охотно читаетъ книги историческія, рассказы и ученые изслѣдованія путешественниковъ; она знакомится съ открытіями физико-математическихъ наукъ, слѣдитъ за изобрѣтеніями технологіи, старается усвоить здравыя понятія о природѣ и человѣкѣ, по сочиненіямъ натуралистовъ, и даже не пренебрегаетъ философскими разсужденіями какого нибудь Куно-Фишера или другого нѣмецкаго метафизика. Одна только политическая экономія остается до сихъ поръ какою-то чуждою, непризнанною отраслью человѣческаго знанія! Отчего это происходитъ? Неужто только оттого что экономисты не умѣютъ увлекать читателей краснорѣчіемъ и наводятъ на нихъ одну лишь скуку своимъ резонерствомъ? Нѣтъ, экономисты не только неспособны занимать и увлекать читающую публику, но даже логически разсуждать и что нибудь доказывать. Я говорю это совершенно безпристрастно, потому что самъ не принадлежу къ партіи экономистовъ. И чѣмъ я виноватъ, если эти

мнимо-ученные разсуждаютъ такъ глубокомысленно, что ихъ не понимаетъ публика, которой все-таки нельзя отказать въ здравомъ смыслѣ!

Долго размышляли экономисты о цѣли политической экономіи и о сущности богатства и додумались до того, что сами не сознають теперь ни цѣли, ни предмета своей науки. Мечтали они изслѣдовать сущность капитала и опредѣлить его настоящее значеніе, и всѣ мечты ихъ разсѣялись при взглядѣ на буржуазную рутину, которая опредѣляетъ по своему практическую роль капитала, какъ давящаго насоса промышленности и торговли. Зачѣмъ же экономисты такъ хлопотали о какомъ-то научномъ объясненіи капитала, когда практика капиталистовъ давала имъ готовое опредѣленіе? Зачѣмъ было не принять его сразу? Неужто они не довѣряютъ мудрости лихоимцевъ, которые такъ глубоко понимаютъ сущность капитала во всѣхъ его формахъ и оборотахъ?

О нѣтъ!—Экономисты всегда менѣе полагались на свою ученость, чѣмъ на практическій умъ торгашей и спекуляторовъ. Они желали только облечь промышленную рутину въ приличную форму умозрительной теоріи и потому придумали метафизическія объясненія богатства и капитала. Отбросьте эти пошлыя объясненія, сорвите негодную драпировку, за которой экономисты скрываютъ безобразіе лихоимствующаго капитала—и передъ вами раскрывается ложь политической экономіи, этой теоріи торговыхъ и меркантильных преступленій.

Разбирая сочиненіе Милля, я буду послѣдовательно разоблачать ту злостную софистику, которая лежитъ въ основаніи политической экономіи. Милль, какъ одинъ изъ главныхъ представителей школы экономистовъ, даетъ въ своемъ сочиненіи обильный матеріалъ для критики современнаго экономическаго ученія. Вотъ почему, говоря о политической экономіи, я стану постоянно ссылаться на авторитетъ этого писателя, признаннаго за самаго глубокомысленнаго экономиста и любимца буржуазіи. По всей вѣроятности, разборъ экономическихъ нелѣпостей и софизмовъ Милля потребуетъ нѣсколько статей: матеріаловъ для критики такъ много, что его нельзя разобрать скоро. Пока еще успѣлъ я доказать только несостоятельность политической экономіи, какъ науки, и при этомъ объяснилъ, почему ея опредѣленія понятій о богатствѣ и капиталѣ не могутъ имѣть научнаго смысла. Теперь, въ заключеніе этой статьи, мнѣ слѣдуетъ разрѣшить вопросъ о значеніи капитала и сказать читателю, на какомъ основаніи экономическая наука не должна ваниматься изслѣдованіемъ этого вопроса.

Капиталь, какъ уже доказано,—понятіе условное, неопредѣленное, которое постоянно измѣняется, сообразно интересамъ, расчетамъ и сдѣлкамъ частныхъ лицъ. Вотъ почему разговорный языкъ даетъ этому понятію столько различныхъ значеній, что экономисты до сихъ поръ не знаютъ, какое изъ нихъ выбрать для построения своей теоріи. Эти близорукіе наблюдатели промышленной рутини не могутъ еще сообразить, что въ общественной экономіи происходитъ только обмѣнъ произведеній труда, и потому о капиталѣ не можетъ быть и рѣчи. Въ частномъ хозяйствѣ всякая вещь и всякій товаръ обращается въ капиталъ или, на оборотъ, всякій капиталъ становится вещью и товаромъ, смотря потому—покупаются или продаются произведенія труда и съ какою цѣлью производится мѣна. Для овцевода, на примѣръ, шерсть—товаръ. Когда суконный фабрикантъ купитъ этотъ товаръ, для выдѣлки изъ него сукна, тогда шерсть обращается сперва въ капиталъ, какъ матеріалъ для производства, а потомъ опять въ товаръ, какъ вещь для продажи. Что же касается овцевода, то деньги, которыя онъ выручилъ отъ продажи шерсти, какъ товара, дѣлаются для него капиталомъ, то есть средствомъ купить какія нибудь вещи и товары. Если овцеводъ купитъ сукна, то этотъ товаръ превратится въ глазахъ суконщика въ капиталъ, который снова пойдетъ на покупку вещей и товаровъ. Въ этомъ непрерывномъ превращеніи капитала въ товаръ и товара въ капиталъ заключается весь смыслъ торговли, какъ обмѣна произведеній труда. Горнозаводчикъ, на примѣръ, продаетъ желѣзо механику, какъ матеріалъ для выдѣлки машинъ. Въ свою очередь, механикъ сбываетъ свои машины горнозаводчику, какъ орудія для обработки желѣза. Такимъ образомъ, одна и таже вещь—желѣзо—переходитъ изъ рукъ въ руки въ новыхъ формахъ, подъ разными названіями и обращается то въ капиталъ, то въ товаръ. Другими словами, въ торговлѣ капиталы мѣняются на капиталы, товары на товары или вообще произведенія одного труда на произведенія другого. Отсюда ясно видно, что слову «капиталь» вовсе не слѣдуетъ придавать того постоянного и опредѣленнаго значенія, какое желаютъ придумать для него экономисты. Для нихъ «капиталь» имѣетъ такъ много смысла, что разсуждая о его призрачныхъ свойствахъ, они теряютъ самосознаніе, начинаютъ завираться и бредить. Нѣтъ ничего удивительнаго, что впадая въ такое безсознательное состояніе, экономисты болтаютъ, между прочимъ, «о производительности капитала», и эту выдумку своего разстроеннаго воображенія считаютъ научной истиной. Хотя и Милль бредитъ всякій вздоръ о капиталѣ, но все-таки сознается, что такая истина—нелѣпая выдум-

ка. «Мы (экономисты), говоритъ онъ, часто говоримъ о «производительныхъ силахъ капитала»; это выраженіе неправильно. Производительныя силы только трудъ и природа» (стр. 83).

Напрасно, однако. ссылаюсь я на Милля для подтвержденія своихъ словъ. Этотъ экономистъ не можетъ сказать почти ни одной фразы безъ противорѣчія. Зачѣмъ вздумалось ему назвать природу производительной силой за одно съ трудомъ? Не самъ ли онъ доказывалъ, что природа не работаетъ, не производитъ, а только составляетъ матеріалъ для труда! (стр. 34). Не самъ ли онъ говорилъ, что силы природы производятъ при томъ условіи, когда человѣкъ управляетъ и пользуется ими для своихъ цѣлей! (стр. 35 и слѣд.).

Соображая теперь все, что было сказано о капиталѣ, читатель безъ сомнѣнія убѣдился въ слѣдующемъ: 1) въ общественной экономіи слово «капиталъ» вовсе не имѣетъ того значенія, какое придаютъ ему экономисты вообще и Милль въ частности; 2) капиталъ нельзя считать производительной силой; 3) политическая экономія считаетъ капиталъ элементомъ производства на томъ основаніи, что желаетъ оправдать тунеядство и лихоимство, и 4) теорія капитала, какую сочинили экономисты, во имя промышленной рутинны, доказываетъ только то, что *трудъ не оплачивается, а капиталъ лихоимствуетъ*.

Этотъ послѣдній выводъ требуетъ безспорныхъ доказательствъ. Я представлю ихъ въ слѣдующей статьѣ «о капиталѣ».

И. Соколовъ.

БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Исторія крестьянской войны по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ В. Циммермана. Переводъ подъ редакціей В. Зайцева. Изданіе редакціи журнала «Русское Слово». Выпускъ 1. Спб. 1865.—
Д. Л. Мотлей. Исторія Нидерландской революціи и основанія республики Соединенныхъ провинцій. Томъ I. Спб. Изданіе книжнаго магазина Яковлева. 1865.—Введеніе въ исторію девятнадцатаго вѣка Г. Гервинуса. Переведено подъ редакціей М. Антоновича. Изданіе Бакста. Спб. 1864.—Исторія XIX вѣка отъ времени вѣнскаго конгресса Г. Гервинуса. Переведено подъ редакціей М. Антоновича. Изданіе Бакста. Томы 1, 2 и 3. Спб. 1862—64.—
Вліяніе развитія точныхъ наукъ на успѣхи военнаго дѣла и въ особенности артиллеріи. Лекціи, читанныя полковникомъ Лавровымъ для офицеровъ артиллеріи. Спб. 1865.—Путешествіе по степямъ и горамъ Сибири и сосѣднимъ землямъ средней Азіи. По сочиненіямъ Аткинсона, Миддендорфа, Раде, Маака и др. составлено А. Этцелемъ и Ванеромъ. Переводъ съ нѣмецкаго Деллиша. Съ 125 рисунками. Спб. Изданіе Вольфа. 1865.—Енисейскій округъ и его жизнь. Сочиненіе М. Ф. Кривошапкина. Изданіе Императорскаго Русскаго географическаго общества на иждивеніе В. А. Кокорева. Спб. 1865.

Въ «Русскомъ Словѣ» было уже нѣсколько разъ говорено объ «Исторіи XIX вѣка» Гервинуса, по мѣрѣ выхода выпусковъ этого сочиненія въ русскомъ переводѣ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду говорить о двухъ только-что вышедшихъ на русскомъ языкѣ исто-

¹⁾ А именно: въ 1863 году: № 1, «Библиографическій Листокъ» (безъ подписи); № 7, статья: «Исторія XIX вѣка» и т. д. г. Л. П—скаго; 1864: № 5: «Библиографическій Листокъ» за подписью Г. Б., и № 6, статья «Три народности» Н. В. Шелгунова.

рических сочиненияхъ, задача которыхъ — изобразить два великія народныя движенія XVI вѣка — крестьянскую войну и возстаніе Нидерландовъ, — я считаю вполне умѣстнымъ обратиться отъ нихъ къ послѣднимъ явленіямъ и результатамъ реформирующаго духа, дѣйствующаго непрерывно, со времени этихъ движеній. Эти послѣднія явленія и результаты взялся изложить Гервинусъ въ своемъ еще неоконченномъ сочиненіи.

Всѣ три историческія сочиненія, о которыхъ я намѣренъ говорить, принадлежать той историографіи, которая въ глазахъ нѣкоторыхъ потеряла всякое значеніе со времени совершенно новыхъ началъ, внесенныхъ въ науку исторіи Бѣклемъ. Я уже имѣлъ случай замѣтить, что, по моему мнѣнію, отрицать въ виду Беклевскаго метода значеніе всѣхъ другихъ историковъ, не принадлежащихъ къ его школѣ, — значитъ впадать въ крайность. Я сказалъ и повторяю теперь, что на ряду съ наукой исторіи, въ томъ видѣ, какъ ее создалъ Бѣкль, всегда останется другая историографія, значеніе и цѣли которой прекрасно опредѣлены еще Плутархомъ слѣдующимъ образомъ: «Для меня, говоритъ онъ, исторія есть какъ бы зеркало, на которое я гляжу, чтобы стараться, по мѣрѣ возможности, жить по примѣру великихъ людей и усвоивать себѣ ихъ добродѣтели. Занимаясь составленіемъ этихъ біографій, я самъ учусь, собирая въ душѣ воспоминанія о самыхъ добродѣтельныхъ и знаменитыхъ людяхъ; и когда общество, среди котораго я принужденъ жить, заражаетъ меня какимъ нибудь стремленіемъ порочнымъ, развратнымъ, недостойнымъ честнаго человѣка, мнѣ стоитъ лишь обратиться къ этимъ великимъ образцамъ мудрости и добродѣтели, чтобы отогнать прочь это стремленіе и успокоить мои мысли».

И такъ справедливы эти слова великаго историка древности, что впечатлѣніе, которое сочиненіе его производило на него самого, чувствовалось всегда всѣми великими людьми, почитавшими его, — отъ древнихъ завоевателей и полководцевъ до французскихъ революціонеровъ прошлаго вѣка. Да и кто будетъ отрицать силу и значеніе такой историографіи, когда отрицать это — значитъ отрицать вліяніе на людей геройскихъ примѣровъ и вдохновляющихъ идеаловъ, значитъ отрицать въ людяхъ способность увлекаться высокими образцами и возвышенными идеями, — т. е. давать противъ себя побѣдоносное оружіе тѣмъ, которые, извращая и позоря ученіе утилитаристовъ, не признаютъ ни одного поступка, ни одной мысли, не-

основанныхъ на расчетѣ барыней и процентовъ. Но факты не даютъ мѣста такому отрицанію. Кто не знаетъ, какое значеніе и вліаніе имѣли на народъ, не говоря уже ни о чемъ другомъ, всевозможные Мартирологи церкви? Кто не знаетъ, на какіе удивительные подвиги увлекали цѣлыя массы біографіи мучениковъ и отшельниковъ, поломниковъ и аскетовъ? Зная это, можно ли думать, что тѣ же средства не увлекутъ людей на болѣе современные и практическіе подвиги?

Правда, такая исторіографія необходимо обусловливаетъ то, что на каждомъ произведеніи ея отражается слишкомъ рѣзко личность автора. Только умный и добродѣтельный человѣкъ можетъ возбудить симпатію къ высокому и честному; глупецъ и развратникъ будутъ стараться представить въ заманчивомъ свѣтѣ противоположныя качества. Если Тацитъ возбуждаетъ удивленіе къ Тразеѣ, то Патеркулъ старается вызвать восторгъ къ Тиберію; если, читая Шлоссера, мы увлекаемся идеаломъ честности, за то, читая Маколея, мы видимъ попытку заинтересовать насъ въ пользу сословнаго своекорыстія и дипломатической ловкости. Но, къ счастью, эти старанія и поштыи всегда безуспѣшны. Только честная и истинная идея можетъ увлекать и восхищать; низкія же или ложныя — никогда: честные люди всегда разгадаютъ ихъ и встрѣтятъ презрѣніемъ, а глупцы и бездѣльники, къ которымъ онѣ обращаются, не нуждаются въ нравственныхъ стимулахъ къ подлостямъ.

Такое нравственное значеніе имѣетъ, по моему мнѣнію, «Исторія Крестьянской Войны» Циммермана, по мимо того научнаго значенія, которое она приобрѣла, знакомя читателя съ событіемъ, составляющимъ предметъ ея. Впрочемъ о достоинствахъ этого сочиненія я не буду распространяться, такъ какъ это изданіе нашей редакціи и такъ какъ, слѣдовательно, изъ этого уже и безъ того ясно, что мы находимъ его достойнымъ вниманія.

Въ этомъ же значеніи нельзя отказать и книгѣ Мотлея «Исторія Нидерландской революціи», хотя нельзя не сказать, что симпатіи автора не всегда обращены въ должную сторону. Онъ совершенно правъ, сочувствуя дѣлу національной независимости и религіозной свободы, отстаиваемыхъ противъ самаго невыносимаго свѣтскаго и духовнаго ига, который когда либо тяготѣлъ на народѣ; въ этомъ отношеніи всякій согласится съ нимъ, кромѣ какихъ нибудь отупѣвшихъ изуверовъ которые встрѣчаются и въ XIX вѣкѣ,

чтобы отставать принципы, осужденные еще въ XVI. Впрочемъ и эти люди, обыкновенно, не рѣшаются возставать противъ самого принципа; тактика ихъ состоитъ только въ томъ, чтобы разными хитросплетеніями запутать дѣло, затемнить его, возбудить въ обществѣ враждебныя этому дѣлу инстинкты и, главное, не дать замѣтить, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о торжествѣ или униженіи того самаго принципа, передъ которымъ благоговѣютъ они, когда встрѣчаютъ его гдѣ нибудь въ древней Греціи или Италіи. Но сообразительности у Мотлея хватаетъ только на это. Взглядъ же его на лица и событія, происходившія въ томъ лагерьѣ, которому онъ симпатизируетъ, отличается крайней близорукостью; онъ не способенъ разглядѣть волковъ подъ овечьей шкурой и не способенъ поэтому понять, какіе интересы привели ихъ въ лагерь праваго дѣла. Этого конечно за глава достаточно, чтобы истинный смыслъ и всемірно-историческое значеніе описываемаго имъ событія остались ему совершенно недоступными и неизвѣстными. Къ сочиненіямъ Мотлея и Циммермана я буду принужденъ скорѣе вернуться, а теперь скажу нѣсколько словъ объ историческомъ трудѣ Гервинуса.

Этотъ историкъ въ своемъ сочиненіи задалъ себѣ совсѣмъ иного рода задачу, чѣмъ два первые. Въмѣсто того, чтобы излагать просто событія, не скрывая своихъ симпатій и антипатій къ идеямъ, выраженнымъ въ нихъ, Гервинусъ намѣревается открывать и показывать читателю разные «законы», будто бы управляющіе судьбами міра. Понятно каждому, кто читалъ Бёкля, что такая претензія не можетъ быть выполнена иначе, какъ при помощи того метода, который ввелъ въ науку исторіи этотъ реформаторъ ея. Если какая нибудь часть прежней историографіи потерпѣла рѣшительное пораженіе отъ Бёкля, то именно подобныя претензіи. Послѣ Бёкля уже сдѣлалось несомнѣннымъ, что внѣ его метода исторія можетъ быть только рассказомъ о лицахъ и событіяхъ, что, по моему мнѣнію, повторяю, — не лишено значенія. Но всякая философія исторіи, неоснованная на естественно-историческихъ данныхъ, рассматривающая человѣка не въ связи съ природою, рассуждающая и выводящая свои «законы» на основаніи внѣшнихъ проявленій его дѣйствій, безъ знанія ихъ причинъ и окружающихъ условій — всякая такая философія исторіи есть просто галиматья, неизбѣжно приводящая несчастнаго, взявшагося разсуждать такимъ образомъ, къ Сциллѣ и Харибдѣ, представляемыми для него двумя лишенными смысла

теоріями провиденціализма и фатализма, равно ничѣмъ не доказываемыми и ничего не доказывающими. Эти двѣ теоріи ведутъ между собою съ незапамятныхъ временъ ожесточенную войну, которая никогда бы не кончилась, потому что обѣ представляютъ обширный просторъ болтовнѣ, такъ какъ опираются не на факты, а на фразы, если бы не пришелъ Бёкль и не объявилъ всего этого спора препирательствомъ двухъ умалишенныхъ. По одному изъ этихъ воззрѣній, все, что совершалось въ мірѣ, начиная съ его сотворенія, совершалось на благо и на пользу людямъ. Это воззрѣніе соотвѣтствуетъ аналогичному съ нимъ воззрѣнію, господствовавшему нѣкогда въ естественныхъ наукахъ и предполагавшему для всякаго, самого малѣйшаго событія, какъ напр. для того, чтобы создать новый видъ въ животномъ царствѣ, видъ какихъ нибудь паразитовъ, обитающихъ въ тѣлѣ извѣстнаго вида инфузорій—непосредственное вмѣшательство Deus ex machina. На это въ свое время возражали, что такое воззрѣніе не возвышаетъ, а унижаетъ роль провидѣнія, и, указывая на многія несовершенства, встрѣчающіяся въ природѣ на каждомъ шагу, спрашивали, почему же допущены онѣ? Но провиденціалисты продолжали стоять на своемъ, пока открытіе положительныхъ фактовъ, объяснившихъ многое, что было прежде непонятно и потому давало просторъ ихъ ерундѣ, не заставило ихъ замолчать. Тоже точно происходило и въ области исторической науки: провиденціалисты видѣли тоже въ исторіи человѣчества, что собрать ихъ—въ явленіяхъ природы, и изощрялись только въ придумываніи разныхъ благодѣтельныхъ послѣдствій для событій, казавшихся имъ слишкомъ мрачными. Имъ дѣлали совершенно тѣ же возраженія, указывая на факты событій вредныхъ, гибельныхъ, ужасныхъ, а они напрягали всѣ свои умственные способности, чтобы подыскать для такихъ фактовъ послѣдствія, могущія оправдать ихъ. Выходило наконецъ такъ, что все идетъ въ исторіи къ лучшему, всему слѣдуетъ радоваться и отъ всякаго зла, какъ бы оно не было повидимому ужасно, слѣдуетъ ожидать добра. Какой нибудь честолюбецъ перерѣзалъ полмилліона людей, ограбилъ, сжегъ, опустошилъ и обратилъ въ пустыню цѣлую страну—ничего, за то изъ этого черезъ 300 лѣтъ въ какомъ нибудь римскомъ правѣ развилось истинное понятіе о какомъ нибудь вопросѣ публичнаго права. Впродолженіе тысячелѣтій существовало рабство: людей мучили, продавали, бросали на съѣденіе звѣрямъ и рыбамъ, обращали въ эвнуховъ—ничего, прекрасно, это было благо.—Какъ

благо? — Да, благо, отвѣчаетъ невозмутимый историкъ: рабство есть плодъ перваго гуманнаго начала, внесеннаго въ войну, а слѣдовательно и въ международныя отношенія, и когда война прекратится совершенно, то всѣ почувствуютъ, — какимъ благодѣяніемъ было рабство. — Такая невообразимая нелѣпость говорилаcя людьми, считавшимися умными, учеными и даже крайне либеральными, напр. Лораномъ. Причиной такой странности, т. е., что подобныя мнѣнія не мѣшали пользоваться хорошей репутаціей, было то, что въ области философіи и исторіи, помимо этихъ мнѣній, оставалась еще другая, болѣе произвольная теорія. Первая, несмотря на свои нелѣпости, имѣла въ себѣ однако одинъ истинный принципъ, составлявшій ея привлекательность и силу въ виду противоположнаго взгляда. — Это былъ принципъ прогресса, который все-таки истиненъ, какъ ни нелѣпо объясняли его провиденціалисты, и знаніе котораго такъ сильно поддерживаетъ и укрѣпляетъ людей въ житейской борьбѣ. Этотъ великій принципъ отвергался фаталистами, которые, какъ напр. Вико, полагали, что человѣчеству суждено постоянно достигать извѣстной степени развитія и затѣмъ опять отходить назадъ, вѣчно вращаясь въ этомъ заколдованномъ кругѣ, въ этомъ *cercele vicieux*. Выдумавъ такое колдоватное движеніе, его назвали «историческимъ закономъ» и вѣрили какъ во что-то непреложное и необходимое. Впрочемъ и для этой нелѣпости не было недостатка въ защитникахъ и проповѣдникахъ геніальныхъ и славныхъ, въ числѣ которыхъ можно назвать самого Аристотеля и многихъ знаменитыхъ итальянцевъ среднихъ вѣковъ, не исключая и самого Макиавелли. Мнѣніе это, хотя менѣе справедливо, чѣмъ первое, потому что отрицало прогрессъ, имѣло однако на своей сторонѣ больше разсудка и не допускало такихъ бессмысленныхъ и произвольныхъ толкованій, какъ первое. Оно вытекало вcетави изъ живыхъ фактовъ, изъ наблюденія надъ дѣйствительностію, а не изъ софистическихъ мудрствованій. Происхожденіе его объясняется преобладаніемъ въ древности и въ средніе вѣка политическаго принципа въ жизни обществъ. Прогрессъ общества, его нравственное и матеріальное развитіе тѣсно связывалось съ развитіемъ и существованіемъ государства. Съ паденіемъ государства, касалось, погибали всѣ пріобрѣтенія общества, и новое государство, занявшее его мѣсто, должно было начинать свое развитіе съизнова; общество, составлявшее его, было не только не прѣжнее, но даже не наслѣдникъ его, а прихо-

дле не съ тѣмъ и должно было все само пріобрѣтать вновь. Такия представленія возникли отъ печальной дѣйствительности. Во время постоянныхъ завоеваній, общества падали, исчезали и смѣнялись вѣстѣ съ государствами именно такимъ образомъ. Такъ было въ древности, такъ было и въ средніе вѣка. Итальянцы, которые первые начали работать мыслию послѣ временъ варварства, долго ухищрялись придумать такое государство, которое избѣжало бы общей судьбы—неизбѣжнаго паденія со всѣмъ достоинствомъ, выработаннымъ его обществомъ. Такъ какъ только въ такомъ вѣчномъ государствѣ могъ осуществиться вѣчный прогрессъ, то понятно, что вся мудрость сводилась въ концѣ концовъ къ тому, чтобы устроить государство такъ, чтобы ему и конца не было. Отсюда такое непопулярное богатство итальянской политической литературы, которая, преслѣдуя эту цѣль, доходила до того, что поучала министровъ и политиковъ манерамъ, разговорамъ, искусству вести придворныя интриги и т. д. Потомъ, убѣдясь въ невозможности создать такое государство, она пришла къ фатализму и посадила человечество, какъ бѣлку на колесо.

Итакъ, стало быть, кромѣ того что фатализмъ отрицалъ прогрессъ, онъ въ исторіи оказался въ новѣйшее время несостоятеленъ еще потому, что, вопреки духу этого времени, придавалъ слишкомъ большое значеніе политическому принципу. Вотъ почему такіе софисты, какъ Лоранъ, могли похвалиться симпатіями общества и размырывать роль истинныхъ знатоковъ историко-философской мудрости, пока не явился Бѣкля и не погналъ и тѣхъ, и другихъ вонъ.

Гервинусъ же еще до Бѣкля (что конечно извиняетъ его) возымѣлъ претензію открыть людямъ истинный свѣтъ, примиривъ оба направленія, господствовавшія въ томъ хаосѣ белиберды, который они называли философіей исторіи. Повидимому, при такой разницѣ въ этихъ воззрѣніяхъ, замыселъ этотъ былъ совершенно невыполнимъ, стоялъ внѣ силъ человѣческихъ; но дѣло въ томъ, что въ области фантазіи можно дѣлать—что угодно, даже совмѣщать несовмѣстимое и мирить противоположное,—ничто этому не противится.

Гервинусъ самъ говоритъ, что издалъ свое «Введеніе къ Исторіи XIX вѣка» отдѣльно въ 1852 г., по просьбѣ своихъ друзей, которые воображали, что эта книжечка «можетъ послужить къ возстановленію пошатнушагося довѣрія людей къ нашему будущему, мо-

жесть поднять упавшую вѣру въ настоящее, приготовить убѣжище надеждамъ тѣхъ, которые претерпѣли крушеніе въ послѣдніе годы». Вотъ онъ и послушался этихъ друзей и издалъ свою книжечку.

Однако друзья просто, должно быть, хотѣли подсмѣяться надъ нимъ, въ чемъ и достигли полнаго успѣха, потому что онъ не только издалъ «Введеніе» въ надеждѣ, что оно «возстановитъ, подниметъ и приготовитъ убѣжище», но и заявилъ еще объ этихъ притязаніяхъ.

Что же за мысль этой книжечки, которая должна возстановлять и поднимать вѣру и надежды, упавшія послѣ 1848—52 годовъ? И кто этотъ писатель, воображающій себя способнымъ производить эти чудеса!

Мысль книжечки, какъ я уже сказалъ, помирить двѣ спорящія толпы историко-философовъ.

Примирить ихъ Гервинусъ думаетъ посредствомъ такого рода маневра: онъ допускаетъ, что, будучи разсматриваема въ цѣломъ, исторія представляетъ несомнѣнный прогрессъ. «Созерцаемая въ цѣломъ, говоритъ онъ, въ обширномъ теченіи вѣковъ, она снова въ томъ же приливѣ и отливѣ представляетъ постоянное стремленіе по одному опредѣленному направленію, совершенно несомнѣнный прогрессъ господствующей идеи.» Но если взять отдѣльный, хотя значительный, періодъ времени, то «она представляетъ картину постоянныхъ колебаній между противоположными вліяніями—колебаній, которыя противодействуютъ всякому перевѣсу одной какой либо идеи, одного какого нибудь руководящаго начала или силы.» (Стр. 8).

Я не буду задавать вопроса, какое кому утѣшеніе и убѣжище нашель Гервинусъ въ этой идеѣ. Понятіе о *sercle vicieux*, теорія фатализма, вѣчныхъ стремленій и паденій, усилій и неуспѣховъ, ничего утѣшительнаго конечно не представляетъ до того, что мученія Сизифа вошли въ пословицу и занимали одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ греческомъ аду. Что же касается до неутѣшительности идеи прогресса «въ цѣлой исторіи, въ обширномъ теченіи вѣковъ», то я не буду доказывать этого, такъ какъ это уже сдѣлалъ Н. В. Шелгуновъ въ статьѣ своей о Гервинусѣ. Я только попрошу читателя внимательнѣе перечитать приведенныя слова, въ которыхъ вся глубина Гервинусовской мудрости,—и затѣмъ спрошу его, можно ли повѣрять, что это можетъ быть напечатано въ книгѣ, имѣющей такия храбрыя претензіи и считаемой дѣльною и серьезною. Я знаю,

что меня заподозрять въ извращеніи словъ Гервинуса, какъ уже было съ Макколеемъ; но прошу не осуждать меня, не справившись съ книгой. Тамъ все это напечатано и еще развито на стр. 9. Но вѣдь какъ-же это? Вѣдь здѣсь рѣшительно всякое слово первой фразы противорѣчитъ всякому слову второй; вѣдь здѣсь не болѣе, не менѣе, какъ утверждается, что можно далеко уйти, если будешь переминаться съ ноги на ногу! Не можетъ этого быть! Разберемъ внимательнѣе. Въ первой фразѣ утверждается: 1) что исторія идетъ по опредѣленному направленію; 2) что бываютъ господствующія идеи; 3) что существуетъ несомнѣнный прогрессъ. Во второй же фразѣ также утверждается: 1) что исторія не идетъ ни по какому направленію по неизмѣннѣму руководящаго начала или силы; 2) что никогда никакая идея не бываетъ господствующей; 3) что все кончается качаніемъ изъ стороны въ сторону. Но скажутъ: вы забываете, что въ первой фразѣ стоятъ слова: «въ томъ же примѣнѣ и тѣмъ»; — слѣдовательно Гервинусъ не допускаетъ и въ цѣломъ исторіи вѣчнаго прогресса, но и тамъ предполагаетъ такія же шатація. Конечно, такъ надо думать, отвѣчу я, хотя въ такомъ случаѣ и то слабое утѣшеніе, которое представлялось прогрессомъ въ цѣломъ исторіи, исчезаетъ; но дѣло въ томъ, что, жертвуя этимъ утѣшеніемъ, вы все-таки не достигаете цѣли — защитить Гервинуса отъ обвиненія въ страшной, вопиющей къ небесамъ нечестности и въ поправаніи простого человѣческаго, даже животнаго смысла. Примѣръ, и при томъ самой простой, всего лучше покажетъ всю прелесть философствованія такого рода: представьте себѣ человѣка, увѣряющаго, что если стать посрединѣ комнаты и переминаться съ ноги на ногу, то можно уйти въ одинъ уголъ и потомъ перейти въ противоположный, и такъ далѣе. Да вѣдь это не только человѣкъ, а даже всякая курица расхохочется въ глаза такой нечестности. Между тѣмъ Гервинусъ говоритъ тоже самое, только у него фокусъ показываетъ не тѣло, а идея, и дѣйствіе происходитъ не въ пространствѣ, а во времени. Что-же касается до смысла этого переступанія, то объ немъ, послѣ сказаннаго, больше распространяться нечего, тѣмъ болѣе что объ этомъ было говорено во всѣхъ остальныхъ трехъ статьяхъ нашего журнала, на которыя я указалъ въ началѣ.

Фатализмъ Гервинуса объясняется какъ нельзя лучше всѣми его прочими воззрѣніями. Гервинусъ, какъ извѣстно, платоническій обо-

жатель Пруссіи, повлонникъ отвергнутый и несчастный, потому что, кромѣ пламенной любви къ Пруссіи, сердце его вмѣщаетъ еще столь же несчастную страсть къ конституціи. Словомъ, это одинъ изъ тѣхъ жалкихъ нѣмецкихъ рыцарей Тоггенбурговъ, которые несутся всю жизнь съ своей мечтою объ единеніи Германіи посредствомъ Пруссіи, которая взаимъ того должна согласиться на конституцію и перенести свой воинственный азартъ туда, все прямо на Востокъ что Гервинусы называютъ, цивилизующей миссіей Пруссіи. Эти рыцари Тоггенбургъ потерпѣли жестокий афронтъ въ 48 году, когда всѣ усилія ихъ облагодѣтельствовать и возвеличить, хотя бы противъ его воли, прусское правительство, оказались тщетны и навлекли на нихъ только позоръ и насмѣшки. Въ Германіи порядочные люди, хотя враждебные нынѣшней государственной системѣ ея, смотрятъ однако съ справедливымъ презрѣніемъ на непризнанныхъ обожателей Пруссіи; и если выйдеть въ русскомъ переводѣ 2 томъ «Зоологическихъ Очерковъ» Фогта, читатели прочтутъ тамъ уморительное описаніе либеральныхъ усилій Гервинуса и его единомышленниковъ.

Эта нѣжность къ прусской конституціи обнаруживается въ сочиненіи Гервинуса на каждомъ шагу весьма комично. Онъ будируетъ прусскихъ государственныхъ людей, порицая ихъ не за то, что они были мелки и деспотичны, а за то, что ихъ мелочность и своевоіе всегда мѣшали имъ занять то высокое положеніе, которое Тоггенбургъ рѣшился навязать имъ во что-бы то ни стало. Онъ сердится на нихъ, какъ нѣжная мать на единственнаго сына, котораго ей очень хочется увидѣть современемъ какимъ нибудь Ньютономъ или Александромъ Македонскимъ, но который, къ сожалѣнію, оказывается рѣшительно неспособнымъ совладать съ четырьмя правилами арифметики и стремится единственно къ тому, чтобы сдѣлаться уланскимъ юнкеромъ. Таковъ политическій и историческій кругозоръ Гервинуса, и этотъ-то человекъ съ такимъ узко-бюрократическимъ міросозерцаніемъ пытается честолюбивые замыслы возстановлять вѣру въ будущее, поднимать упавшія надежды и готовить убѣжища огорченными! Онъ, игравшій въ событіяхъ 48 года роль гороховаго шута, посмѣшище и отверженецъ обѣихъ крайнихъ партій, рѣшавшихъ вопросъ, онъ хочетъ потомъ разыгрывать роль утѣшителя! Радикалы боролись за торжество новыхъ принциповъ и паи со славой; консерваторы отстаивали старые порядки и отпраздновали побѣду; это была борьба торжественная и величественная, борь-

ба боговъ съ великанами, гдѣ рѣшалась участь важнѣйшихъ интересовъ человѣчества. Среди этой борьбы люди, подобные Гервинусу, которые ни рыба, ни мясо, которые ничего не понимали, отъ однихъ отстали, къ другимъ не пристали, думали, что рѣчь идетъ о тѣхъ ничтожныхъ побрянушкахъ, которыя для нихъ—все; они развлекали зрителей этой величественной драмы своими комическими выходками, какъ шуты и фальстафы въ драмахъ Шекспира. И вслѣдъ за тѣмъ они имѣютъ наивность являться съ своими утѣшеніями, эти куклы!—Друзья, восклицаютъ они, обращаясь къ побѣжденнымъ народамъ Европы, не унывайте! Исторія представляетъ картину постоянныхъ колебаній; ничто долго торжествовать не можетъ—таковъ историческій законъ. Поэтому, вѣрьте, государственные люди Пруссіи еще одумаются, согласятся помѣняться конституціей на Германію и предпринять «цивилизующую миссію на Востокъ». Вѣрьте, что настанетъ время, когда самъ Гервинусъ будетъ конституціоннымъ министромъ германскаго короля! А въ ожиданіи этого читайте «Исторію XIX вѣка» и истинно-прусскія сочиненія Гнейста и Зибеля!—Я увѣренъ, что съ мнѣніемъ моимъ о Гервинусѣ не согласится многіе даже изъ числа тѣхъ, которые не имѣютъ ничего общаго съ принципами этого писателя. Такъ напр. хотя всегдашнее правило прежняго «Современника» было: не сотвори себѣ кумира, но г. Антоновичъ воспользовался первыми именами, къ которымъ прежній «Современникъ» имѣлъ причины относиться снисходительно, чтобы понадѣлать изъ нихъ себѣ божковъ. Къ числу такихъ божковъ отнесенъ и Гервинусъ, редактированный г. Антоновичемъ *). Въ указанныхъ мною статьяхъ нашего журнала объ этомъ сочиненіи были выставлены всѣ недостатки его, о которыхъ я говорилъ здѣсь. Г. Антоновичъ приписалъ одну изъ этихъ статей мнѣ, должно быть ту, которая неподписана, и дважды обвинялъ меня на основаніи ея, что въ исторіи я *вижу только войны*. Не стоитъ говорить, что неподписанная статья принадлежитъ вовсе не мнѣ, уже потому не стоитъ, что въ ней ни о какихъ войнахъ ни слова не

*) И прешлохо редактированный, потому что напр. принца Евгенія (Eugen) переводчикъ принялъ за какого-то господина Эжана; страссольдо за строф-оольдо (нѣмецкое) очень похоже на f, а двойное еще болѣе); кромѣ того и замѣтилъ герцоговъ *Эниена* (Ангенъ) и *Дураса*, что даже неприлично, и графа *Бругеса*, наоминнающаго «мо-десъ етъ робесъ», на вывѣскахъ модныхъ магазинновъ.

говорится, а дается просто самый краткий отчет о содержаніи сочиненія Гервинуса и о его историческихъ воззрѣніяхъ. Что же касается до манеры г. Антоновича приписывать статьи безъ подписи кому угодно, смотря по надобности, то эта манера у него не новость, и она вообще достойна вниманія только для оцѣнки его полемическихъ приемовъ. Но намѣревалась говорить о содержаніи трехъ историческихъ сочиненій, лежащихъ передо мной, и о смыслѣ періода, начало и конецъ котораго онѣ разсматриваютъ, я очень радъ остановиться на фразѣ г. Антоновича.

Видѣть весь смыслъ исторіи въ однихъ войнахъ! Кто не знаетъ и не повторялъ этого банальнаго упрека? Кто не знаетъ, что самое обидное возраженіе, дѣлаемое историкамъ и критикамъ историческихъ сочиненій, состоитъ въ этой сакраментальной фразѣ: *видѣть въ исторіи одни войны?* Я думаю, въ новыхъ прописяхъ, по которымъ нынѣшніа дѣти учатся каллиграфіи, и тамъ блистаетъ эта фраза: *не должно видѣть въ исторіи одни войны.* Теперь та же фраза употребляется г. Антоновичемъ противъ меня за мою, никогда не существовавшую, статью о Гервинусѣ. Фраза эта повторена имъ уже дважды, и очевидно онъ уже считаетъ ее однимъ изъ своихъ трофеевъ и будетъ повторять до пресыщенія. Но такъ какъ повторять ее было бы уже неловко послѣ того, какъ я здѣсь заявляю, что никогда и нигдѣ до сихъ поръ не говорилъ о Гервинусѣ, то я, не желая лишать г. Антоновича такого трофея, намѣренъ дать ему возможность носить свою драгоценность, свой клейнодъ уже безъ всякаго опасенія, что его снимутъ съ него, какъ вещь ему непринадлежащую. Отъ такого обскуранта, какъ я, который защищаетъ тѣлесныя наказанія (какъ тоже *quantum satis* повторяетъ г. Антоновичъ) и рабство негровъ, конечно можно ожидать, что онъ не постыдится *видѣть весь смыслъ исторіи въ войнахъ.* Но принося г. Антоновичу такую великодушную жертву, я все-таки, по своейственной людямъ трусости, намѣренъ принять мѣры, чтобы въ глазахъ людей благомыслящихъ извинить до нѣкоторой степени свой обскурантизмъ, и съ этою цѣлью спѣшу заблаговременно прикрыться авторитетомъ. Но какой же авторитетъ могу я выставить за себя въ такомъ дѣлѣ? Какогонибудь отпѣтаго историка, давно уже погребеннаго подъ тяжестью упрека въ томъ, что онъ видитъ въ исторіи только войны? Какогонибудь Касторскаго или Смарагдова? Нѣтъ;

по счастью я имѣю возможность сослаться, къ изумленію г. Антоновича, на того же прославленнаго имъ Гервинуса.

Изложивъ свои «историческіе законы», этотъ историкъ говоритъ слѣдующее: «Въ отдаленнѣйшія времена, какъ описываетъ ихъ Гомеръ, когда еще народонаселеніе было не велико, когда образованіе и богатство, *право ношенія и пользованія оружіемъ* было правомъ немногихъ, въ Греціи господствовали цари-патріархи, *единственные владѣтели колесницъ, вожди войска, жрецы и судьи*. Когда съ теченіемъ времени число образованныхъ, богатыхъ и способныхъ носить оружіе возрасло, *и конница сдѣлалась рѣшительницею перестъ на войнѣ*, тогда господство въ государствахъ приобрѣли всадники, аристократія, а царская власть была или ограничена, какъ въ Спартѣ, или совсѣмъ уничтожена, какъ во всѣхъ другихъ частяхъ Греціи. Когда затѣмъ, при возрастающемъ благосостояніи средняго класса, аристократія начала впадать въ эгоизмъ и своекорыстіе, *когда тѣхота съ успѣхомъ военнаго искусства приобрѣла большое значеніе и въ морскихъ войнахъ стала необходима* служба низшихъ классовъ народа, тогда аристократическую форму правленія смѣнила демократическое, народное господство; или же, такъ какъ государства дѣлались все сильнѣе и обширнѣе, образъ управленія *и способъ веденія войны все сложнѣе и искусственнѣе*—стали возникать смѣшанныя формы государственнаго устройства, въ которыхъ дворянство, среднее сословіе и нисшее являются одно возлѣ другого, каждое съ опредѣленными правами».

«Точно такому же ходу слѣдовало развитіе европейскихъ государствъ въ новое время, только при болѣе значительныхъ пропорціяхъ массъ, пространства и времени. Вначалѣ, при первомъ распространеніи и утвержденіи въ Европѣ германскихъ народовъ, здѣсь, какъ и въ Греціи, правили цари-патріархи, *предводители на войнѣ* и судьи. Въ языческую эпоху ихъ преимущество, какъ и у грековъ, основывалось на ихъ происхожденіи отъ боговъ. Но и въ христіанскую эпоху нѣмецкіе князья (общіе всѣмъ германскимъ племенамъ), носившіе названіе великихъ, также представляютъ собою періодъ, когда преимущество образованія и власти еще сосредоточивались въ рукахъ отдѣльныхъ, выше всѣхъ другихъ поставленныхъ личностей. Съ тѣхъ же поръ, какъ образованіе стало болѣе распространяться, когда частныя владѣнія увеличились, и лошади (вотъ неожиданный переходъ!) получили большое значеніе въ военномъ искусствѣ, и

здѣсь, какъ въ древности, рыцарство и ленное дворянство достигли всеобщаго господства, а королевская власть была ограничена, но не уничтожена, — за немногими исключениями, — потому что обширность новыхъ государствъ дѣлала для нихъ монархію необходимою точкою сосредоточенія и потому что повѣтствованія Вѣтхаго завѣта и преданія Римской имперіи освящали и охраняли царское достоинство. А потомъ, когда значеніе движимой собственности стало приобрѣтать силу, когда города начали обогащаться путемъ торговли и промышленности, *когда швейцарская пѣхота стала приобрѣтать перевѣсъ въ битвахъ*, тогда, начиная съ XV столѣтія, господство феодальнаго дворянства стало колебаться; тогда возгорѣлась огромная и донынѣ еще неокончившаяся борьба, въ которой средній классъ стремился захватить въ свои руки и образованіе, и собственность, и вліяніе, а низшій классъ въ этомъ стремленіи слѣдуетъ непосредственно за нимъ. Тамъ, гдѣ эта борьба уже окончилась, рѣдко видимъ чисто демократическій государственный порядокъ, который такъ свойственъ былъ городскимъ общинамъ древности; напротивъ того, по причинѣ большей обширности новыхъ государствъ, чаще встрѣчаемъ смѣшанныя государственный формы, какъ ихъ назвалъ уже Аристотель. (стр. 9—11).

Что вы думаете объ этомъ пассажѣ, г. Антоновичъ? Не кажется ли вамъ, что Гервинусъ не только видитъ весь смыслъ исторіи въ войнахъ, но даже выражаетъ это съ рѣзкостью и опредѣленностью, доходящими почти до сатирическаго преувеличенія? Напр. внезапный переходъ отъ образованія, распредѣленія богатствъ и другихъ соціальныхъ вопросовъ къ *лошадямъ* можетъ быть названъ единственнымъ въ своемъ родѣ, и я не помню ни одного историка, который выражался бы такъ опредѣленно. Читая этотъ пассажъ въ первый разъ, всякій читатель, дойдя до лошадей, поражается изумленіемъ и протираетъ глаза, несмотря на то, что общій смыслъ всего предыдущаго уже могъ навести его на мысль, что лошади, волю и другія животныя, употреблявшіяся въ войскѣ въ сраженіяхъ и переходахъ, будутъ играть у Гервинуса не послѣднюю роль.

Убийственная опредѣленность въ выраженіяхъ, не оставляющая мѣста никакому перетолкованію смысла этой тирады, для меня драгоцѣнна. Никто не можетъ сказать, кто прочтетъ эти страницы, что Гервинусъ свободенъ отъ банальнаго упрека, дѣлаемаго г. Антоновичемъ мнѣ. Или быть можетъ, онъ скажетъ, что распредѣленіе

богатства и власти, образованія и вліанія между классами общества, что борьба между монархіей, аристократіей и демократіей, между королями, дворянствомъ, городами и народомъ, что все это не имѣетъ въ исторіи большого значенія, такъ что историкъ, объясняющій эти явленія переворотами въ способахъ веденія войны—значеніемъ лошадей и колесницъ, конницы и пѣхоты, что такой историкъ стоитъ внѣ упрека въ томъ, что видитъ смыслъ исторіи въ однѣхъ войнахъ?

Такимъ образомъ, если бы даже я придавалъ войнамъ такое же значеніе въ исторіи, какъ Гервинусъ, если бы даже, подобно ему, смотрѣлъ на нее съ лошадиной точки зрѣнія, то и тогда г. Антоновичъ могъ бы добраться до меня и поразить меня своимъ убійственнымъ упрекомъ не иначе, какъ перешагнувъ черезъ трупъ своего Гервинуса. Однако я далекъ отъ того, чтобы имѣть что-нибудь общее съ Гервинусомъ въ этомъ вопросѣ, кромѣ того, что, подобно ему, не боюсь упрека въ томъ, что въ исторіи вижу однѣ войны. Что сила играетъ въ исторіи главную роль, это видно изъ самого бѣглаго взгляда хотя бы напр. на періодъ, обнимаемый тремя сочиненіями, о которыхъ я говорю. Сила эта конечно выражается также и въ войнахъ и завоеваніяхъ, хотя я не думаю, подобно Гервинусу, что она выражается только въ нихъ и что все остальное сводится къ этимъ выраженіямъ матеріальной силы. Болѣе промчательные историки показали намъ въ исторіи могущество и значеніе не одной только силы оружія, но и нравственныхъ силъ, силы истины, справедливыхъ началъ, науки, образованности и гуманности. Но нѣкоторые изъ нихъ, впадая въ крайность, рѣшились унижать и совершенно даже отрицать значеніе матеріальной силы, забывая, что нравственныя начала становятся силою только тогда, когда пріобрѣтаютъ помощь физической силы, и что сила ихъ только въ томъ, что они имѣютъ свойство рано или поздно заставлять матеріальную силу служить себѣ. Въ этомъ свойствѣ и есть вѣрный залогъ ихъ торжества; безъ него пришлось бы отчаяться въ человечествѣ, потому что вѣковой опытъ показываетъ, что безъ помощи матеріальной силы нравственныя начала не могутъ восторжествовать. Истинѣ мало быть истинной, чтобы восторжествовать; ей еще кромѣ того нужно распространиться, то есть, пріобрѣсти такое число адептовъ, которое перевѣсило бы число противниковъ, обезпечило бы ей перевѣсъ матеріальныхъ силъ и доставило бы ей побѣду.

путемъ физической борьбы, которой не можетъ миновать ни одна истина, какъ бы нравственна она ни была.

Одна древняя арабская легенда рассказываетъ слѣдующее о пророкѣ Ибрагимѣ. Ибрагимъ родился въ царствованіе Нумровда, который первый изъ смертныхъ возложилъ себѣ вѣнецъ на голову и наваялся властелиномъ людей. Узнавъ отъ предсказателей, что вскорѣ родится ребенокъ, который современемъ сокрушитъ его власть, Нумровдъ велѣлъ истреблять всѣхъ дѣтей мужескаго пола. Поэтому мать должна была родить Ибрагима въ подземельи, гдѣ онъ и провелъ свое дѣтство.

Однажды, когда мать пришла къ нему провѣдать его, онъ спросилъ ее:

— Кто мой господинъ?

— Я, отвѣчала мать.

— А твой кто господинъ?

— Твой отецъ.

— А отца кто господинъ?

— Нумровдъ.

— А Нумровда кто господинъ?

— Тс... сказала мать. Что это ты какое неподобное спрашиваешь?

Послѣ того Ибрагимъ пошелъ къ отцу и спросилъ его: — Отецъ, кто мой господинъ?

— Твоя мать, отвѣчалъ Тарекъ.

— А ея господинъ кто? приставалъ неугомонный мальчикъ.

— Я, отвѣчалъ отецъ.

— А твой кто господинъ?

— Нумровдъ.

— А Нумровда кто господинъ?

— Молчи, закричалъ отецъ, и далъ ему пощечину.

Такимъ образомъ еще при первомъ человѣкѣ задавались подобные вопросы, и въ отвѣтъ встрѣчали или трусливыя увертки, или столь же трусливое насміе. А между тѣмъ въ этихъ вопросахъ жила безсмертная, вѣчная истина, постоянно заглушаемая, но никогда непобѣждаемая. Легенда говоритъ, что Ибрагимъ родился за двѣ съ чѣмъ-то тысячи лѣтъ до эгиры, а отъ эгиры до реформации прошло еще 900 лѣтъ. Слѣдовательно, три тысячи лѣтъ отцы зажимали рты дѣтямъ и принуждали ихъ таить истину, просившуюся

выйти на свѣтъ. Историки, противуполагающіе истину силѣ, какъ несовѣстную съ нею, обыкновенно стараются выпутаться изъ затрудненія передъ этимъ фактомъ, говоря, что не было все-таки такой эпохи, когда истина не дѣлала бы успѣховъ, не дѣлала бы шага впередъ къ своей побѣдѣ. Такое высокомѣрное отношеніе къ матеріальной силѣ есть конечно ошибка, столь крупная, что никакія натяжки не могутъ помочь историкамъ доказать, что достаточно дѣлу быть правымъ, чтобы торжествовать. Возьмемъ только новыя государства, не говоря уже о древней эпохѣ. Всѣ эти государства основаны завоеваніемъ. Слѣдовательно, грубая, матеріальная сила лежитъ въ самомъ основаніи ихъ. Если такъ, то развѣ маловажно значеніе этого факта въ исторіи? Развѣ можетъ историкъ пренебрегать значеніемъ въ ней физической силы? Развѣ это завоеваніе и всѣ вытекавшія изъ него послѣдующія войны, международныя и междоусобныя борьбы племенъ, походы вождей, бунты покоренныхъ, возстанія угнетенныхъ—развѣ все это не составляетъ дѣйствительно сущности исторіи обществъ, созданныхъ завоеваніемъ? И чѣмъ въ виду всего этого была сила нравственныхъ началъ? Какое сравнительно значеніе имѣла она въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ? Почти никакого. Всѣ эти «естественныя права» человѣка, свобода религіозная, политическая, экономическая, и право на нихъ, о чемъ мы разсуждаемъ теперь, какъ о предметахъ конкретныхъ, ясно сознаваемыхъ, все это въ то время не имѣло ровно никакого значенія, не существовало нигдѣ, въ умахъ также мало, какъ въ фактахъ, въ сознаніи также мало, какъ и на дѣлѣ. Однако изъ этого не слѣдуетъ, чтобы тогда не было истины или чтобы истина была въ то время другая. Кто говоритъ о большей или меньшей степени, о разныхъ видахъ и подраздѣленіяхъ истины и свободы—тотъ, значить, не понимаетъ ни истины, ни свободы. Истина одна, какъ въ устахъ Ибрагима, такъ и въ устахъ Прудона,—и про нее, какъ и про свободу, можно сказать: нѣтъ истины, кромѣ истины. Но пока матеріальная сила не за нее, она все равно что не существуетъ; она не имѣетъ значенія.

Историки говорятъ намъ о большей или меньшей свободѣ, о свободѣ напр. конституціонной, религіозной, національной и т. д. Весьма странно, что и г. Антоновичъ повторяетъ эти жалкіе соеизмы, которыми морочатъ насъ рутинныя исторіи. Въ статьѣ своей о Гервинусѣ (Современникъ, июнь 1864) онъ приводитъ слова Гервинуса, въ которыхъ

тогда выдвигает свой исторический законъ постоянныхъ колебаній, и, найдя его вполне вѣрнымъ съ политической или государственной точки зрѣнія, прибавляетъ: «Но оно не полно, если его рассматривать съ общей (?) точки зрѣнія; въ немъ указано только расширение (и суженіе, слѣдовало бы прибавить; но г. Антоновичъ почему-то останавливается только на *діастоль*) объема свободы, а упущено изъ виду увеличеніе (и уменьшеніе, не забывайте этого) ея *содержанія*. Какъ въ государствѣ, рассматриваемомъ отдѣльно, такъ и въ общей совокупности государствъ, свобода не только распространяется все на большіе круги, но увеличивается и сама по себѣ, улучшается по своимъ качествамъ, т. е. прогрессъ состоитъ не въ томъ только, что свобода достается большому количеству людей, но еще и въ томъ, что сама свобода становится лучше». (стр. 179). Вотъ печальный соизмъ, который пора бы, кажется, бросить. Что это за худшая и лучшая, большая и меньшая свобода? Что это за дѣленіе свободы по *объему* и *содержанію*? Что такое лучшая и худшая свобода? Что это значитъ? Чѣмъ одна свобода можетъ быть лучше другой? Тутъ возможенъ одинъ отвѣтъ: тѣмъ, что она полнѣе. Но развѣ можетъ существовать неполная, ограниченная свобода? Развѣ это не самый жалкій соизмъ, хотя онъ и повторяется каждый день на каждой страницѣ нашихъ газетъ и книгъ? Развѣ можетъ существовать темный свѣтъ, жаркій морозъ, холодный жаръ? Развѣ не смѣшно, что мы позволяемъ говорить намъ объ ограниченной свободѣ, точно старуха, успокоивающія свою совѣсть постнымъ сахаромъ? Кажется, пора говорить такъ, чтобы можно было понимать самого себя и научиться хоть настолько уважать и себя, и другихъ, чтобы не реверить явныхъ бессмыслицъ, гдѣ сказуемое не согласуется съ подлежащимъ, опредѣленіе уничтожаетъ опредѣляемое. Между свободой и рабствомъ нѣтъ ни средины, ни компромиссовъ.

Когда въ XVI вѣкѣ истина распространилась въ большихъ массахъ и началось движеніе въ пользу свободы, продолжающееся доселѣ, когда за истину, столько вѣковъ угнетенную и невручанную, встали могучія матеріальныя силы, тогда въ первый и до недавняго времени въ послѣдній разъ возникло истинное понятіе о свободѣ. Оно возникло и выразилось во всѣхъ разнообразныхъ общественныхъ явленіяхъ, сопровождавшихъ церковную реформу. Движеніе, обнаружившееся въ первой половинѣ

XVI вѣка, было непохоже на слѣдовавшія за нимъ, потому что свобода, провозглашенная имъ, была истинная, полная и цѣльная. До сихъ поръ говорятъ о свободѣ личной и сословной, коллективной, государственной, какъ будто можетъ быть свобода какая нибудь другая, кромѣ личной, какъ будто сущность свободы не состоитъ именно въ томъ, чтобы быть личной. Удивительно, какъ могъ имѣть успѣхъ этотъ сифоантскій вымыселъ, будто общество можетъ считаться свободнымъ, когда каждое отдѣльное лицо несвободно. А что вымыселъ этотъ имѣетъ успѣхъ, это доказываютъ домыслъ раздающіеся возгласы во славу англійской конституціи. Между тѣмъ первое условіе личной свободы — это его матеріальное обезпеченіе, это такое экономическое положеніе, гдѣ онъ не былъ бы рабомъ голода, нужды и труда, гдѣ голодъ не заставлялъ бы его изъ-за куска хлѣба отрекаться отъ своей воли, гдѣ нужда не гнала бы его, вопреки его желанію, на такое дѣло, противъ котораго возмущается его совѣсть, гдѣ чрезмѣрный трудъ не убивалъ бы въ немъ человѣческаго достоинства и не заставлялъ бы забывать другіе человѣческіе интересы, кромѣ своего насыщенія. Безъ этой свободы нѣтъ никакой, потому что, что сдѣлаетъ съ свободой совѣсти—голодный? На что политическія права—вѣчному труженнику, не знающему отдыха? Какое дѣло рабу до независимости его отечества? Развѣ у этихъ несчастныхъ могутъ быть мнѣнія, нуждающіяся въ терпимости, интересы, требующіе огражденія, отечество, сознаваемое и любимое? Ихъ мнѣніе—голодъ, ихъ интересъ—насытиться, ихъ отечество—тотъ уголь, гдѣ они работаютъ. Слѣдовательно, не говорите имъ о свободѣ, правахъ, пока не поставите ихъ въ возможность пользоваться ими. Иначе это будетъ насмѣшкой.

Еще очевиднѣе необходимость для свободы каждаго отдѣльнаго лица—неприкосновенность національной независимости. Безъ нея немислима никакая свобода, потому что зависимость одной націи отъ другой уже сама собою предполагаетъ раздѣленіе людей на двѣ партіи, покоренныхъ и побѣдителей, и слѣдовательно—лишеніе первыхъ всякой свободы. Они не имѣютъ ни гражданскихъ и политическихъ правъ, ни свободы мнѣній; а если бы даже пользовались экономической свободой, то только по милости побѣдителей, которые всегда могутъ отнять у каждаго все и сдѣлать его нищимъ. Итакъ только національная независимость, свобода мнѣній, совѣсти, гражданская и политическая свобода и свобода экономическая—только совокупное

пользованіе всёміъ этимъ дѣлаетъ свободными какъ общество, такъ и каждаго изъ членовъ его. Эту свободу нельзя ни дробить, ни дѣлать на элементы ея: какъ скоро она неполна, ее вовсе нѣтъ, а вмѣсто нея есть рабство и неволя. Безсмысленны поэтому всё толки о томъ, что лучше: политическая или экономическая свобода?

Вотъ это-то вѣрное пониманіе свободы и выразилось въ движеніи германскаго народа 1525 года, открывшее собою рядъ реформаторскихъ движеній новаго времени. Этимъ пониманіемъ сущности свободы движеніе это рѣзко отличается отъ всёхъ позднѣйшихъ до послѣднихъ лѣтъ. Пониманіе это, правда, не выражалось тогда такъ ясно, какъ можетъ быть выражено въ наше время, когда, руководствуясь опытомъ и примѣромъ прежнихъ временъ, народы могутъ составить себѣ вполне опредѣленное, теоретическое понятіе объ условіяхъ своего благосостоянія. Въ то время оно было скорѣе инстинктивно, но впрочемъ также ясно и полно, какъ теперь. Этимъ дѣвственнымъ умомъ вещь представлялась—какъ она есть на самомъ дѣлѣ, какъ она необходимо должна быть, не затемненная никакими розсказнями софистовъ. Поэтому вожди этого религіознаго движенія, несмотря на обратное отношеніе по времени, кажутся болѣе близкими къ современной эпохѣ, чѣмъ люди позднѣйшихъ движеній. Поэтому также въ идеалахъ и стремленіяхъ ихъ мы находимъ совмѣстнымъ все, что потомъ составляло отличительную черту каждаго послѣдующаго переворота. По тщательномъ изученіи характера Крестьянской войны, Циммерманъ говоритъ слѣдующее: «Движеніе это было остроумно названо пророческой увертюрой новой исторіи». Это дѣйствительно громкая увертюра спектакля, разыгрывающагося на почвѣ новаго времени и нелишеннаго трагизма. Въ движеніи 1525 г. заключаются всё явленія позднѣйшихъ социальныхъ движеній въ Европѣ. Всё перевороты, измѣнившіе Европу въ теченіе слѣдующихъ вѣковъ, а равно и тѣ, которые готовятъ въ наши дни преобразованіе общества, имѣютъ свои первообразы въ движеніи 1525 г. какъ относительно идей, такъ и относительно дѣятелей. Третье справедливо называетъ личность Томаса Мюнцера зеркаломъ, въ которомъ пророчески отразились всё явленія послѣдующихъ временъ. Онъ справедливо указываетъ, что изъ массы идей, наполнявшихъ духъ Мюнцера и осмѣянныхъ его современниками, каждая нашла себѣ впоследствии представителя, выработавшаго ее и заслужившаго этимъ славу и удивленіе. Весь ходъ идей слѣдующихъ вѣковъ и новѣйшаго времени, насколько

онъ заключаетъ въ себѣ политическихъ и религіозныхъ обновляющихъ элементовъ, выраженъ въ Мюнцерѣ, намеками или совершенно ясно.» (XI—XII). Это убѣжденіе, вынесенное Цицерманомъ и Трейче изъ продолжительнаго изученія разсматриваемыхъ событій, такъ логично, до того соответствуетъ всему, что мы знаемъ о сущности свободы и о мѣстѣ, занимаемомъ въ исторіи Крестьянской войною, что оно не только не можетъ никого удивить, но что если что нибудь можетъ показаться страннымъ, такъ это то, что это вѣрное пониманіе свободы могло такъ надолго умереть, хотя стремленіе къ ней не умерло. Читатель можетъ остановиться съ недоумѣніемъ не передъ истиной, такъ великолѣпно и внезапно раскрывшейся въ этомъ событіи, а передъ быстрымъ и глубокимъ искаженіемъ ея въ послѣдующихъ переворотахъ. Чтобы понять это, надо опять вспомнить о значеніи матеріальной силы въ исторіи.

Самое сложное иго тяготѣло надъ обществомъ XVI вѣка. Громадная сѣть, сплетенная изъ всевозможныхъ путей, сдерживала истину и не позволяла ей освѣтить міръ. Габсбурги угнетали независимость націй, католическая церковь—свободу совѣсти и ума, феодализмъ—экономическую свободу. Но сознаніе лучшаго, независимаго состоянія существовало всегда, несмотря на явное и полное господство противоположныхъ началъ. О безсмертномъ существованіи его свидѣтельствовали всѣ эти непрерывныя, но минутныя и разрозненныя вспышки, всѣ эти никогда неумолкавшіе, но всегда частныя и единичныя протесты противъ господства лжи, неравенства и рабства. Но эти первые протестанты никогда не могли побѣдить и доставить истинѣ торжество, потому что были малочисленны, и физическая сила была поэтому не на ихъ сторонѣ. Это были или отдѣльныя лица, одаренныя необыкновенной силой ума, но не находившія себѣ опоры въ силѣ массъ, потому что массы не знали ихъ; и они погибали, осужденные властью и обществомъ во имя началъ неправды, почитавшихся истинами; или то были цѣлыя небольшія общества, предводимыя и просвѣщенныя высшими умами, какъ альбигойцы, уиклефиты, лоларды, гусситы; но пока отдѣльныя личности, поднимавшія эти протесты, не имѣли возможности дѣйствовать нравственно на большія массы, пока они принуждены были ограничивать свое вліяніе небольшою областью, въ предѣлахъ, возможныхъ для личной дѣятельности частнаго человѣка, пока истина, возвѣ-

щаемая ими, не могла распространяться дальше круга ихъ слушателей или согражданъ, до тѣхъ поръ неправда, располагавшая всѣми матеріальными силами, существовавшими въ обществѣ, всегда торжествовала надъ истиною. Чтобы истина могла побѣдить, ей нужно было приобрести помощь матеріальной силы, а для этого нужно было получить средства выйти изъ узкихъ предѣловъ секты или племени, сдѣлаться извѣстной массамъ и обезпечить себѣ ихъ содѣйствіе. Такое средство дало ей изобрѣтеніе книгопечатанія и увлеченіе высшихъ классовъ общества возродившейся наукой классической древности.

Изученіе мертвыхъ языковъ и древнихъ писателей привело къ реформациі сначала только въ сферѣ людей богатыхъ, ученыхъ и образованныхъ, въ глазахъ которыхъ знакомство съ оригиналомъ св. Писанія и философіей древнихъ уронило значеніе папства. Но изъ этихъ ученыхъ не всѣ были робкими и холодными скептиками, какъ Эразмъ, желавшими сберечь явившуюся имъ истину только для себя и не чувствовавшими потребности провести ее дальше. Нашлись и такіе люди, какъ Гуттенъ, которымъ этотъ разладъ между истинной, сдѣлавшейся извѣстною имъ, и господствующей ложью, показался нестерпимъ. Они не захотѣли оказывать притворнаго уваженія тому, что въ душѣ уже презирали, и новое открытіе быстро разнесло по свѣту ихъ насмѣшки надъ вѣковыми авторитетами. Не желая держать добытое знаніе въ тайнѣ, они хотѣли познакомить съ нимъ людей непосвященныхъ въ науку, и народъ, въ первый разъ узнавъ то, во что вѣрили слѣпо и безсознательно, изумился открывшейся передъ нимъ разницѣ между содержаніемъ и формами вѣрованія. Притомъ, не желая молчать, ученые люди должны были по необходимости искать опоры въ массахъ и стараться получить ихъ сочувствіе, въ предстоявшей имъ борьбѣ съ авторитетомъ. Поэтому истину распространяли въ народѣ не только такіе люди, какъ Гуттенъ, любившіе народъ, но и такіе, какъ Лютеръ, презиравшіе его. А чтобы имѣть понятіе, какъ содѣйствовало этому распространенію книгопечатаніе, надо читать исторію крестьянской войны, во время которой народъ читалъ и слушалъ гораздо болѣе, чѣмъ двѣсти лѣтъ спустя и чѣмъ, можетъ быть, даже теперь.

Вслѣдствіе этихъ причинъ въ первой половинѣ XVI столѣтія восплѣдовало разомъ возстаніе противъ всѣхъ родовъ угнетенія. Ра-

вомъ поднялись всѣ угнетенные, кто бы ни были ихъ угнетатели, и всѣ двинулись завоевывать себѣ ту свободу, которой имъ не доставало. Возставшіе дѣйствовали при этомъ хотя одновременно, но далеко недружно, несогласно. Часто даже интересы ихъ взаимно противорѣчили другъ другу, и цѣли были несовмѣстны. Поэтому, съ одной стороны, движеніе это представляетъ такое разнообразіе, вмѣщаетъ въ себѣ первообразы всѣхъ послѣдующихъ, самыхъ противурѣчивыхъ другъ другу переворотовъ, а съ другой стороны по той же причинѣ оно не могло имѣть успѣха, такъ какъ, хотя двигавшіяся силы были громадны, но дѣйствовали не по одному направленію и уничтожали другъ друга. Если мы взглянемъ на движеніе это съ точки зрѣнія Лютера, мы увидимъ въ немъ лишь стремленіе къ одной только религіозной свободѣ, и все остальное будетъ назаться намъ излишнимъ, несвоевременнымъ, нелѣпымъ и даже вреднымъ и пагубнымъ. Съ точки зрѣнія рыцаря Франца мы, напротивъ, будемъ видѣть въ немъ только политическое движеніе для достиженія практической, дворянской свободы, подавленной развитіемъ королевскаго авторитета. Перенесясь потомъ на точку зрѣнія Ульриха Опальнаго и виртембергскихъ патріотовъ, все движеніе будетъ сосредоточиваться для насъ только въ интересахъ національной независимости. Наконецъ, обративъ исключительное вниманіе на цѣли чисто демократическихъ элементовъ возстанія, мы не увидимъ ничего, кромѣ борьбы противъ феодальныхъ правъ землевладѣльцевъ, борьбы, довольно мелкой по цѣлямъ, клонившейся не рѣдко лишь къ компромиссамъ, взаимнымъ уступкамъ, направленной большею частью не противъ принципа, а противъ наиболѣе тягостныхъ фактовъ, не противъ основъ крѣпостного права, а противъ нѣкоторыхъ особенно тяжелыхъ явленій его. Значительное большинство современниковъ видѣло всегда какую нибудь одну изъ этихъ сторонъ, а о прочихъ знать не хотѣло или относилось къ нимъ враждебно. Иногда правда необходимость заставляла всѣ эти противоположные лагеря соединяться, если врагъ былъ одинъ и тотъ же у нихъ; но отъ такого насильственнаго союза было далеко до симпатій и общности цѣлей и интересовъ. Такъ герцогъ Виртембергскій могъ подавать руку демократическимъ радикаламъ, но только въ виду общаго врага, и ни онъ, ни они не забывали, какъ жестоко дѣйствовалъ онъ противъ

нихъ, когда былъ могуществененъ, и какъ рѣшительно боролись они тогда противъ его деспотизма.

Но уже и тогда были люди, стоявшіе выше всѣхъ этихъ мелкихъ интересовъ партій, обнимавшіе взоромъ весь театръ этого движенія и стремившіеся къ болѣе высокимъ цѣлямъ. Поэтому чтобы теперь судить о значеніи тогдашняго движенія, надо стать на точку зрѣнія этихъ людей. Въ нихъ движеніе, сопровождавшее реформецію, получаетъ особенный характеръ. Они не искали выгодъ для какой нибудь партіи, не защищали интересовъ какихъ нибудь лицъ, не добивались привилегій или уступокъ въ пользу какаго нибудь сословія. Они не были сторонниками ни политической свободы дворянства, ни національной независимости Виртемберга, ни свободы мнѣній ученыхъ, ни уступокъ землевладѣльцевъ въ пользу крестьянъ. Они хотѣли рѣшительнаго и кореннаго преобразованія общества, преобразованія, которое разомъ доставило бы націю всѣ необходимыя условія благосостоянія. Они желали всего этого пламеннѣе, чѣмъ односторонніе и близорукіе защитники всѣхъ этихъ частныхъ интересовъ. Ихъ называли и называютъ утопистами, мечтателями, фанатиками. Они были фанатики — это правда; но цѣли и желанія ихъ были практичныѣ цѣлей и желаній людей, болѣе умѣренныхъ и почитаемыхъ поэтому болѣе благоразумными. Дѣло въ томъ, что каждый изъ этихъ благоразумныхъ людей, преслѣдуя только то, что нравилось или было выгодно ему самому, его партіи или сословію, никакъ не могъ достигнуть этой скромной цѣли, потому что всѣ эти умники мѣшали другъ другу, враждовали другъ съ другомъ, а главное, не знали, что желанія ихъ совершенно неосуществимы. Изъ всѣхъ нихъ практичны были только нѣсколько своекорыстныхъ людей, которые помышляли только о личныхъ цѣляхъ. Герцогъ Виртембергскій былъ практиченъ, когда пользовался благородными энтузіастами, увлеченными идеей національной независимости и ненавистью къ Австріи, чтобы возвратитъ себѣ свои владѣнія. Докторъ Мартинъ Лютеръ и подобные ему богословы были практичны, когда проповѣдывали свободу совѣсти, чтобы сдѣлаться протестантскими папами, и отнимали у Рима нѣсколько областей, чтобы водворитъ въ нихъ свой авторитетъ. Но тѣ честные бѣдняки, на которыхъ они опирались, были тѣмъ непрактичныѣ, чѣмъ уступчивѣе. Какой нибудь честный про-

повѣдннѣ, видѣвшій во всемъ движеніи только одну цѣль — свободу совѣсти, и помогавшій сооружать протестантское папство Лютеру, рискуя всякій день попасть на костеръ, былъ конечно непрактиченъ, потому что Лютеръ хотя и восторжествовалъ, но свободы совѣсти не оказалось никакой, и бѣдняку пришлось бы плохо, если бы онъ вздумалъ понимать какой нибудь текстъ неогласно съ толкованіемъ протестантскаго папы.

Практическими и въ то же время честными людьми были только именно тѣ, которыхъ называютъ мечтателями. Они одни знали истину вполне, хотѣли коренного преобразованія общества, перестройки его на совершенно новыхъ началахъ. Если цѣль эта была фактически не достижима, потому что у нихъ было слишкомъ мало силы въ распоряженіи, зато логически это единственно разумная и осуществимая цѣль, потому что безумно, нелѣпо и фантастично думать осуществить свободу въ обществѣ, основанномъ на рабствѣ.

Этотъ хаосъ противоположныхъ стремленій, сталкивавшихся интересовъ, враждебныхъ цѣлей объясняютъ, почему движеніе это было подавлено. Оно не могло удался, потому что вооружало противъ себя всѣ силы общества и само разъединяло свои силы. Такимъ образомъ его поражение и поражение въ немъ истинныхъ началъ объясняется очень просто—слабостью его матеріальныхъ силъ въ сравненіи съ силами противниковъ. Участъ этой борьбы рѣшилась не по какимъ нибудь нравственнымъ, абстрактнымъ законамъ, а потому же, почему въ сраженіи войско стройное и многочисленное одерживаетъ побѣду надъ меньшими, да вдобавокъ еще раздѣленными силами непріятеля. Гервинусъ сказалъ бы, что старый порядокъ побѣдилъ, потому что «въ исторіи видимъ постоянныя колебанія» и «никакая идея не можетъ сдѣлаться господствующей»; но я полагаю, что все это вздоръ, что поражение Мюнцера при Франкенгаузенѣ не было предопредѣлено никакими историческими законами, а просто было рѣшено превосходствомъ силъ противниковъ.

Но это движеніе было только первой попыткой истины свергнуть господствующую неправду. Люди этого движенія погибли, но идеи ихъ не умерли, и они завѣщали ихъ грядущимъ поколѣніямъ, которые трудились надъ тѣмъ, чтобы доставить имъ побѣду. Если бы судьбами человѣчества управляли только нравственные законы, то нѣтъ сомнѣнія, что первой слѣдующей попыткой было бы достиже-

ніе свободы экономической, без которой невозможна никакая человеческая независимость. Такъ должно бы было случиться въ силу логическихъ данныхъ, но случилось совершенно противное. Слѣдующее возстаніе произошло въ Нидерландахъ и было направлено къ завоеванію національной независимости и религіозной свободы. Ни того, ни другого нидерландское возстаніе не произвело. Какъ націи, нидерландцамъ пришлось раздѣлить грустную судьбу остальныхъ европейскихъ народовъ, и потомкамъ современниковъ Вильгельма Оранскаго пришлось снова отстаивать въ Брюсселѣ свою національную независимость, черезъ два съ половиною вѣка послѣ первой борьбы за нее. Что касается до религіозной свободы нидерландцевъ, то чуть не на другой день послѣ признанія національной независимости, на тѣхъ самыхъ площадяхъ, гдѣ католики жгли прежде кальвинистовъ, воздвиглись эшафоты для армянъ. Отчего же первое движеніе, слѣдовавшее за реформаціей, выбрало изъ всѣхъ ея цѣлей самую неосуществимую, самую отдаленную? Опять по историческому закону? Нѣтъ; потому—что эти цѣли, какъ ни противны онѣ были духу истинной свободы, какъ ни мало обѣщали онѣ счастья народу, были однако по душѣ и въ интересахъ тѣхъ, которые одни могли пайти матеріальную силу, необходимую для борьбы съ испанскимъ правительствомъ. Национальная независимость и свобода религій были нужны аристократіи и городамъ, тогда какъ въ экономической свободѣ могли нуждаться только низшіе классы народа. Аристократы желали своей странѣ независимости, потому что могли въ небольшомъ государствѣ играть гораздо болѣе важную роль, чѣмъ въ громадной имперіи Филиппа II, гдѣ всѣ преимущества доставались испанцамъ; нѣкоторые изъ нихъ питали кромѣ того замыслы и надежды сдѣлаться совершенно независимыми владѣтелями, предпочитая быть первыми въ деревнѣ, чѣмъ вторыми въ Римѣ. Это всегдашнее желаніе всякой аристократіи, которая поэтому всегда рада содѣйствовать патріотическимъ предпріятіямъ, если онѣ идутъ не въ ущербъ ея вліянію и карману. А что расчетъ аристократіи былъ вѣренъ, это доказываютъ блестящіе результаты ея усилій для нѣкоторыхъ членовъ ея, какъ напр. для дома Оранскаго. Что касается до денежной аристократіи городовъ, то на этотъ разъ интересы ея были также вполне за отдѣленіе отъ Испаніи, правительство которой своими неслѣпостями подорвало ея торговлю, уничтожило промыш-

шленность и довело до того, что, даже по отдѣленіи, она уже не могла возвратитъ себѣ первенство въ торговомъ мірѣ, потерянное по милости Испаніи и перехваченное англичанами. Поэтому аристократія и купцы не могли не желать національной независимости; чтобы пріобрѣсти ее, имъ, помимо другихъ средствъ, нужно было имѣть за себя массу народонаселенія, которая, на ихъ счастье, была доведена до возмущенія противъ Испаніи религиозными гоненіями. Вслѣдствіе этого знать и купцы не задумались явиться защитниками религиозной свободы, которую впрочемъ лучшей (т. е. самый полный и вѣрный) представитель ихъ, Вильгельмъ Оранскій, цѣнилъ также мало, какъ Георихъ IV и всѣ другіе политики, пользующіеся вѣрованіями народа для своихъ цѣлей! Онъ доказалъ это тѣмъ, что всю жизнь былъ покорнымъ сыномъ католической церкви и почувствовалъ религиозныя сомнѣнія какъ разъ въ то самое время, когда ему сдѣлалось выгодно отстать отъ своего прежняго послушанія. Но и тутъ сомнѣнія эти долго боролись въ немъ съ его прежними мнѣніями, и онъ, уже сомнѣваясь, продолжалъ казнить своихъ будущихъ единовѣрцевъ, пока не рѣшился окончательно возстать противъ короля. вмѣстѣ съ колебаніями въ политическихъ намѣреніяхъ исчезло и колебаніе въ религиозныхъ воззрѣніяхъ, и сдѣлавшись мятежникомъ, Вильгельмъ тотчасъ сдѣлался кальвинистомъ.

Поставленные въ необходимость угодить народу въ религиозномъ отношеніи, нидерландскіе реформаторы, принцы и милліонеры, никогда не рѣшились бы угождать ему въ другихъ его желаніяхъ и нуждахъ. Всякій разъ какъ въ теченіе этого возстанія въ народѣ являлись демократическія тенденціи, его знатные освободители начинали весьма энергически подавлять ихъ, и Мотлей не разъ показываетъ намъ этихъ народныхъ героевъ, собственноручно рѣзущими на улицахъ чернь, потребовавшую чего нибудь больше національной независимости и религиозной свободы. Можно навѣрное сказать, что если бы, во время борьбы съ Испаніею въ Нидерландахъ, явилось что нибудь подобное крестьянской войнѣ, знатные и богатые революціонеры съумѣли бы помириться съ королемъ и загладить свое возстаніе примѣрной расправой съ демократами.

Такимъ образомъ совершенно понятно, почему о ближайшемъ и нужнѣйшемъ не было здѣсь и помину, а преслѣдовались цѣли отдаленнѣйшія, недостижимыя для массы, а достижимыя лишь для гор-

сти честолюбцевъ и дипломатовъ. Это совершенно понятно, если вспомнить, что эти цѣли были дороги людямъ, обладавшимъ матеріальными средствами, деньгами, людьми, оружіемъ, родственными связями съ иностранными государями, людямъ, имѣвшимъ возможность вербовать и нанимать войска, строить крѣпости, запасать оружіе, подкупать и содержать дипломатическихъ агентовъ и вдобавокъ пользоваться религіознымъ одушевленіемъ народа. Болѣе же полезныя и практическія цѣли не могли быть достигнуты и даже преслѣдуемы, потому что за нихъ были только бѣдныя, не имѣвшіе ни оружія, ни денегъ, ни военной опытности, ни знанія кабинетныхъ тайнъ, ни сочувствія иностранныхъ державъ, тогда какъ противъ нихъ были кромѣ всѣхъ силъ испанскаго правительства всѣ силы, низвергнувшія его. Такимъ образомъ не въ абстрактныхъ законахъ, измышленныхъ какимъ нибудь досужимъ историкомъ, должно искать объясненія той странности, что продолжать дѣло Мюнцлера досталось принцу Оранскому, а опять-таки въ распредѣленіи матеріальной силы между партіями.

Не буду останавливаться на слѣдующихъ движеніяхъ, въ Англіи въ 1640 и 1688 годахъ и въ Америкѣ въ 1776, потому что о нихъ пришлось бы сказать тоже самое. Всѣ онѣ имѣли цѣлью достиженіе свободы для немногихъ, слѣдовательно цѣли ложной и химерической. Цѣль эта нигдѣ не была достигнута, потому что въ Англіи мы видимъ черезъ сто лѣтъ послѣ «великой революціи» произволъ столь же сильный, какъ и при Стюартахъ, въ чемъ согласны всѣ историки, наиболѣе преданные англійскимъ политическимъ учрежденіямъ. Всѣ они единогласно представляютъ время царствованія Георга III и министра Питта, какъ эпоху полного торжества произвола. Черезъ нѣсколько лѣтъ мы видимъ опять Англію на военномъ положеніи, видимъ политическіе процессы, казни, преслѣдованія, и какъ до Питта, такъ и послѣ него, видимъ отміну и уничтоженіе всѣхъ гарантій и основаній политической свободы, всякій разъ какъ это нужно правительственнымъ классамъ. Тоже самое въ Америкѣ, гдѣ имѣлась въ виду національная независимость и гражданская свобода, и гдѣ чрезъ сто лѣтъ пришлось убѣдиться, что недостигнуто ни то, ни другое. Черезъ сто лѣтъ, проведенныхъ въ глухой борьбѣ, дѣло наконецъ выяснилось, — и Европа, воображавшая, что ей слѣдуетъ искать въ Америкѣ политическихъ идеаловъ, увидала, что эта

республика распалась на завоевателей и завоеванныхъ, на побѣдителей и побѣжденныхъ, на государство, стремящееся къ господству надъ другимъ, и на государство, насильно принуждаемое оставаться въ единствѣ съ первымъ, т. е. въ зависимости отъ него. При такихъ условіяхъ можетъ ли быть рѣчь о гражданской свободѣ? Пока Европа видѣла въ Америкѣ свободную федерацію государствъ, эта мысль могла являться. Но когда мы видимъ американское государство, поддерживающимъ свое единство оружіемъ, когда мы видимъ тамъ тоже, что въ Австріи—можно ли заблуждаться на счетъ его гражданской свободы, даже если бы мы не имѣли такихъ фактовъ, какъ Нью-Йорское возстаніе 13 іюля 1863 г., какъ послѣдніе политическіе процессы, какъ распорядительность разныхъ Ботлеровъ? Да и надо не понимать смысла всей новой исторіи, нужно не знать, что экономическое рабство дѣлаетъ невозможной свободу, чтобы искать идеаловъ въ Англии или Америкѣ, какъ дѣлаетъ Гервинусъ. Объ этомъ г. Антоповичъ изъясняется такъ: «Будучи безпристрастнымъ повѣствователемъ, Гервинусъ не безпристрастенъ въ своихъ теоретическихъ историко-философскихъ соображеніяхъ. Прежде всего онъ пристрастенъ къ английской конституціи, которая Шлоссера иногда доводила до злости ¹⁾, и одобряетъ ее безусловно; затѣмъ сѣверо-американскую конституцію считаетъ идеаломъ совершеннѣйшаго государственнаго устройства и не признаетъ въ ней недостатковъ». (Стр. 173) Эти «пристрастія» Гервинуса г. Антоповичъ объясняетъ его пристрастіемъ къ германской расѣ, создавшей английскую и сѣверо-американскую конституцію. Я же объясняю ихъ полнымъ непониманіемъ смысла духа новѣйшей исторіи, и причины социальныхъ несовершенствъ современной эпохи.

Если бы Гервинусъ понималъ все это, онъ не былъ бы пристрастенъ къ английскимъ и американскимъ учрежденіямъ. Онъ видѣлъ бы, что это такія же несбыточныя и химерическія попытки поправить дѣло, начавъ съ конца, какъ и нидерландское возстаніе; онъ видѣлъ бы, что онѣ не могли ни къ чему привести и не при-

¹⁾ Вотъ то-то и есть. Вотъ и говорите послѣ этого, что онъ „сдѣлалъ для части исторіи XIX вѣка то же, что сдѣлалъ Шлоссеръ для всей исторіи XVIII вѣка, и отнесся къ ней съ тѣми же требованіями, съ какими относился послѣдній къ изображаемымъ лицамъ и событіямъ“. И какъ это все клеветы вѣстѣ въ головѣ у людей?!

вели ни къ чему. Но онъ этого не видитъ, и потому ему не понять смысла позднѣйшей исторіи.

Слѣдующее затѣмъ движеніе была французская революція. Здѣсь мы видимъ нѣчто новое. Старый порядокъ утомленный, но непобѣжденный, измученный, но неубитый всѣми предшествовавшими движеніями, не выдерживаетъ этого новаго удара такъ побѣдоносно, какъ прежніе. Онъ долженъ согласиться на уступки. Онъ вынужденъ признать принципы, во имя которыхъ велась борьба съ нимъ. И онъ призналъ ихъ въ теоріи, но отъ этого было далеко еще до осуществленія ихъ. Принципы свободы и экономическаго равенства обошли весь міръ, выразившись въ измѣненіи законодательства, въ уничтоженіи легальнаго рабства, въ признаніи представительной системы и во многихъ другихъ важныхъ преобразованіяхъ въ теоретическихъ сферахъ. Было признано равенство всѣхъ передъ закономъ, было уничтожено крѣпостное право, была освящена закономъ свобода совѣсти, наконецъ въ войнахъ противъ Наполеона были признаны права націй на самостоятельность и права народа на участіе въ политикѣ. Если смотрѣть на теоретическую сторону дѣла, то переворотъ покажется громаднымъ. Онъ и дѣйствительно былъ громаденъ, потому что принципы не могутъ быть долго въ разладѣ съ дѣйствительностью, а принципы радикально измѣнились. Но пока переворотъ этотъ коснулся только теоріи, не перейдя въ жизнь. Экономическое неравенство и рабство, осужденныя въ теоріи, остались въ жизни. Вслѣдъ за торжествомъ истинныхъ началъ наступилъ періодъ самого тяжелаго ига, которое когда либо давило европейскія націи. Тогда народы, не мирящіеся, подобно юристамъ, историкамъ и другимъ буквоѣдамъ, съ уступками на словахъ, не довольствующіеся уступками въ теоріи, показали людямъ компромиссовъ, какъ далека еще истина отъ дѣйствительнаго торжества. Рядъ народныхъ движеній, начавшихся съ Испаніи за національную независимость, обошелъ черезъ Италію, Грецію, Бельгію, Францію, Ирландію, Венгрію, Германію, всю Европу, изболчивъ недалновидность или недобросовѣтность тѣхъ, которые хотѣли успокоиться на признаніи принциповъ. Всѣ эти движенія были также безуспѣшны, какъ и ихъ прежніе прототипы, потому что въ нихъ также искали частной, утопической, неосуществимой свободы. Такъ Испанія въ 1808, Германія въ 1813, Греція, Италія,

Бельгія, Ирландія, Венгрія и снова Италия въ 1859 искали національной независимости, и большею частью не получили ее, а если и получили, то не на радость, какъ Испанія, Греція, Бельгія и Италия. Это движеніе еще не кончилось, какъ началось другое, въ пользу гражданской конституціонной свободы. И оно имѣло свое время во всѣхъ почти народахъ Европы, въ Испаніи, Италиі, Франціи, Германіи, Англии—и вездѣ кончилось неудачно, потому что побѣда приносила также мало отрады, какъ и пораженіе; не прошло послѣ нея нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ новые факты уничтожали всякое очарованіе, заставляли однихъ отчаяваться въ своемъ дѣлѣ, другихъ—связнова приниматься за него, никогда никого не удовлетворяя, всегда причиняя въ концѣ разочарованіе. А старый порядокъ, міръ до-юнцеровскій, до-реформаціонный, отрекшійся отъ себя на бумагѣ, но удержавшійся на дѣлѣ, смѣлся надъ этими бесплодными попытками уничтожить его господство, выходилъ съ новыми силами изъ каждой борьбы, болѣе прежняго крѣпкій послѣ всякаго пораженія, вѣчно живой, неуязвимый!

Понятно, что такая продолжительная, тщетная борьба противъ стараго порядка, эти безпрестанныя пораженія, эти неизбежныя разочарованія послѣ побѣдъ должны были поселять въ людяхъ уныніе и безнадежность, отчаяніе и склонность къ фатализму. Страшенъ и безвыходенъ долженъ былъ казаться этотъ разладъ между принципами и жизнью, между теоріею и дѣйствительностью, между тѣмъ, что міръ признавалъ своими правилами и основаціями, и тѣмъ, что въ немъ господствовало и торжествовало. Въ первый разъ истина была признана всѣми, въ первый разъ провозглашалась она въ законодательствахъ и въ управленіи, а на дѣлѣ несправедливость рабство были распространены и непреодолимы, чѣмъ когда либо. Пока люди вѣрили въ истину непризнанную и преслѣдуемую, они могли ждать всего отъ ея торжества. Но видя ее провозглашенною и торжествующею, а жизнь черезъ это неизмѣнившеюся, они начинали естественно отчаяваться въ истинѣ и вѣрить въ фатализмъ.

Чтобы возстановить вѣру, поднять надежды, облегчить перенесеніе бѣдствій, историкъ, взявшійся за это дѣло, долженъ былъ показать причину такого разлада, такихъ неудачъ и разочарованій. Для этого ему слѣдовало понимать, къ чему стремится нынѣшнее время, въ чемъ состоитъ свобода, къ которой оно стремится, какія препятствія

встрѣтить это стремленіе и какія данныя имѣетъ оно на успѣхъ. Ему слѣдовало понять и объяснить другимъ, что если стремленіе это терпѣло столько разъ неудачи, то не потому, что было неосуществимо, а потому что шло по ложному пути, начинало съ конца, видѣло сущность въ послѣдствіяхъ. Понимая все это, онъ могъ бы указать на тѣ послѣднія явленія исторіи, которыя свидѣтельствуютъ, что наконецъ человѣчество ступило на истинный путь. Эти явленія, указывающія, что вопросъ объ экономическихъ условіяхъ свободы уже поднятъ, что понятно значеніе экономической свободы, а съ нимъ и сущность свободы вообще, эти явленія, говорю я, послужили бы историку драгоцѣнными фактами для того, чтобы возстановить вѣру въ будущее и поднять упавшія надежды. Но чтобы понять и оцѣнить все это, нужно быть чѣмъ нибудь побольше Гервинуса. Не прусскому либералу и конституціоналисту, не историку, изобрѣтателю законовъ постоянныхъ колебаній — оцѣнить смыслъ движенія, совершающагося послѣ французской революціи. Поэтому въ своей исторіи онъ не сказалъ ничего, ни утѣшительнаго, ни печальнаго. Его исторія — просто собраніе газетныхъ извѣстій за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, гдѣ весь интересъ сосредоточивается на томъ, что какой нибудь графъ фонъ-Бомбеллесъ имѣлъ продолжительную аудіенцію, а такая-то дама разрѣшилась отъ бремени. Я не скажу, какъ сказалъ о Маколеѣ, что исторія Гервинуса — книга недостойная чтенія или вредная. Напротивъ того: факты знать необходимо, а у Гервинуса фактическая сторона обработана порядочно. При томъ въ его мнѣніяхъ нѣтъ ничего такого невыносимаго и развращающаго, какъ въ подсепствѣ Маколея. Но забавенъ былъ бы тотъ, кто видѣлъ бы въ Гервинусѣ что нибудь больше компилятора газетныхъ извѣстій и придавалъ бы какое нибудь значеніе претензіямъ его «Введенія.»

Я не прочь подкрѣпить этотъ отзывъ словами самого г. Антоновича, который хвалитъ Гервинуса и даже сравниваетъ его съ Шлоссеромъ. Я приведу его слова, и пусть судитъ всякій, можно ли такъ хвалить, и не значить ли такая похвала тоже самое, что и мое осужденіе:

«Онъ (Гервинусъ), пишетъ г. Антоновичъ въ указанной статьѣ, говорятъ о себѣ въ предисловіи къ 1 тому, что если бы ему пришлось судить самыхъ близкихъ лицъ и родныхъ, участвовавшихъ въ

общественныхъ дѣйствіяхъ изображаемой имъ эпохи, то и для нихъ онъ былъ бы «неподкупнымъ судьей». И дѣйствительно! онъ безпристрастенъ до крайности, т. е. безпристрастіе его даже утвривано. Многія изъ изображаемыхъ имъ историческихъ личностей, какъ по всему замѣтно, просто возбуждаютъ въ немъ отвращеніе и презрѣніе, но онъ никогда вполне не выражаетъ этихъ своихъ чувствъ изъ опасенія показаться пристрастнымъ, и непремѣнно усмливается найти въ нихъ что нибудь хорошее и даже дѣлаетъ натяжки для этого, и если ужъ никакъ нельзя найти ничего хорошаго, то онъ смягчаетъ дурное; рассказывая какія нибудь ужъ очень неприличныя и ужасныя мерзости, онъ сопровождаетъ ихъ словами: такъ говорятъ, но трудно рѣшить, до какой степени все это вѣрно, и нѣтъ-ли тутъ преувеличеній. Иному близорукому читателю можетъ показаться даже противорѣчіемъ, когда Гервинусъ одну и ту же личность и бранить, и хвалить... Но тутъ нѣтъ противорѣчія, а только безпристрастіе.» (172 — 173).

Короче, Гервинусъ безпристрастенъ, какъ газетная телеграмма, въ немъ ровно столько же смысла, сколько въ ней.

На этомъ мы можемъ покончить съ Гервинусомъ, предоставляя г. Антоновичу опровергать высказанныя здѣсь мнѣнія и съ большимъ правомъ, чѣмъ прежде поражать меня своими неотразимыми упреками въ томъ, что я вижу смыслъ исторіи только въ войнахъ.

Г. Лавровъ читалъ артиллерійскимъ офицерамъ лекціи, которыя издастъ теперь особой брошюрой. Въ этихъ лекціяхъ онъ доказываетъ, во первыхъ, что науки, особенно точныя, всегда способствовали успѣхамъ въ военномъ дѣлѣ, а во вторыхъ, что военнымъ людямъ, и преимущественно артиллеристамъ, необходимо, для успѣшнаго выполненія своей службы, быть людьми учеными и образованными. Г. Лавровъ говоритъ (стр. 5), что «предоставляетъ

другимъ лицамъ нѣслѣдовать, насколько пѣхотный или кавалерійскій офицеръ имѣютъ право оставаться чуждыми научному развитію». Онъ же говоритъ собственно для артиллеристовъ. Не будучи артиллеристомъ, я не имѣю почти даже и права врываться съ своими замѣчаніями въ эту бесѣду en famille; поэтому я воздержусь отъ всякихъ замѣчаній касательно главной цѣли и мысли лекцій; но считаю себя дозволительнымъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по вопросамъ побочнымъ, не касающимся сущности бесѣды г. Лаврова съ артиллеристами.

Прежде всего я позволю себѣ выразить удивленіе, что г. Лавровъ *доказываетъ* еще необходимость образованія для гг. артиллерійскихъ штабъ—и оберъ-офицеровъ. Онъ говоритъ, что какаго бы рода обязанности не выпали на долю артиллерійскому офицеру,—обязанность ли «техника на пороховомъ заводѣ, въ арсеналѣ, на оружейномъ заводѣ, или ученаго, производящаго рядъ опытовъ химическихъ, металлургическихъ, механическихъ, баллистическихъ, или другого ученаго, проектирующаго новый снарядъ, новый прицѣлъ, новый лафетъ, новое орудіе, новую повозку, или чиновника, завѣдующаго администраціей, или наконецъ просто строевого офицера,—ему во всякомъ случаѣ необходимы наука и образованность. Противъ этого я конечно не буду спорить: всякому должно быть вполне ясно, что безъ науки и образованности ни повозки не выдумаешь, ни конюшни не построишь, ни порядки въ строю не соблюдеши. Однимъ словомъ, какъ говоритъ мѣтная, хотя и грубая поговорка: двумъ собакамъ корма не задашь. Но въ чемъ позволительно сомнѣваться, это—въ необходимости всѣхъ этихъ доказательствъ. Какъ будто офицеры наши не обладаютъ ученостью? Всѣ они, или почти всѣ, или за весьма малыми исключениями всѣ, умѣютъ читать и писать правильно (или почти правильно), знаютъ фортификацію, тактику и многія другія спеціальныя науки... Въ недостаткѣ образованности ихъ тоже, вѣроятно, никто не упрежнетъ: имъ не безъ извѣстна изысканная словесность, если не римская и не греческая, то національная. Многіе изъ нихъ знаютъ на память стихи Пушкина, Лермонтова; большинство читало «Амалатъ-Бека» и «Дворянское Гнѣздо», и если не всякій такъ знаетъ исторію крестовыхъ походовъ, какъ напр. профессоръ Стасюлевичъ,

то зато большинство имѣетъ весьма опредѣленное понятіе о походахъ Суворова.

Г. Лавровъ влагаетъ такое разсужденіе въ уста молодому артиллеристу: «я буду артиллеристомъ строевымъ, — достаточно ли мнѣ то общее образованіе, которое я вынесъ со школьной скамьи гимназій? Нужны ли мнѣ обширныя точныя знанія техника и теоретика по вспомогательнымъ знаніямъ, по математикѣ и механикѣ, по физикѣ и химіи? Или я могу стать въ нѣкоторое среднее положеніе между тѣмъ и другимъ, напримѣръ, могу дополнить мои знанія настолько, насколько ихъ дополняютъ мои товарищи, готовящіеся къ технической и теоретической дѣятельности до поступленія своего на дѣйствительную службу?» Я полагаю, что среднее положеніе, выдуманное молодымъ артиллеристомъ, самое лучшее; конечно познанія, вынесенныя изъ гимназій, не достаточны, еще много предстоитъ приобрѣсти новыхъ практическимъ путемъ. Но средство, предлагаемое имъ себѣ для этой цѣли, по моему мнѣнію, не практично. Пусть онъ сабдуетъ примѣру своихъ товарищей и узнаетъ все, что знаютъ они; но ему необходимо перенять именно всѣ тѣ науки, которыя они узнаютъ уже по поступленіи своемъ на дѣйствительную службу. Это все такъ; но дѣло въ томъ, что всѣ эти совѣты совершенно излишни, потому что все это и безъ того такъ дѣлается. Поэтому я не думаю, чтобы третья лекція г. Лаврова могла принести какуюнибудь пользу его слушателямъ. Мнѣ думается, что онъ съ большей пользой могъ бы употребить это время на преподаваніе всѣхъ своихъ совѣтовъ тѣмъ изъ числа военныхъ, которые еще нуждаются въ наукѣ и образованіи, каковы, напримѣръ, фельдфебели, ефрейторы, горнисты и др. А то иначе онъ и къ нимъ опоздаетъ съ совѣтами, такъ какъ многіе унтеръ-офицеры уже пишутъ премилые стихи, что доказываетъ распространеніе между ними, если не науки, то во всякомъ случаѣ образованности. Поэтому не бесполезно было бы ему уступить и артиллерійскихъ офицеровъ, какъ онъ уступилъ пѣхотныхъ, уланскихъ, гусарскихъ, казацкихъ и проч., и предложить свои совѣты въ томъ видѣ, какъ они есть, нисшимъ чинамъ.

Все сказанное можетъ относиться только къ послѣдней изъ трехъ лекцій г. Лаврова. Что касается до двухъ первыхъ, то я могу только безусловно одобрить ихъ. Изъ нихъ слушатели г. Лаврова узнали много любопытныхъ вещей, которыя увеличатъ объемъ и

содержаніе ихъ образованности. Такъ наприѣръ они узнаютъ, что «недавно умершій Пьеръ Жозефъ Прудонъ былъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ», хотя съ другой стороны — «одинъ изъ самыхъ парадоксальныхъ» современныхъ писателей; что онъ написалъ сочиненіе «Война и Миръ», «полное глубокихъ замѣтокъ», хотя въ то же время—«самыхъ странныхъ выходовъ»; что въ этомъ сочиненіи онъ «набросалъ какъ бы апофеозъ военнаго дѣла» и т. д. Все это будетъ столь же любопытно узнать и еврѣиторамъ, такъ что въ двухъ первыхъ лекціяхъ не придется измѣнять почти ни одного слова. Миѣ особенно понравилась вторая лекція, гдѣ историческимъ фактомъ, примѣромъ Монжа и Бертолаэ, доказана тѣсная связь науки съ военнымъ дѣломъ, полная солидарность ихъ интересовъ, неразрывность цѣлей ихъ, словомъ то, что впрочемъ и безъ того должно быть всѣмъ извѣстно, что наука всегда служитъ военному дѣлу, какъ военное дѣло наукѣ. Но недостаточно, чтобы такое убѣжденіе жило въ умахъ, лишь какъ вѣра, не подтвержденное фактами, не освѣщенное научными данными. Глубокая ученость и рѣдкая начитанность г. Лаврова дали ему возможность обратить вѣрованіе въ научно-доказанный фактъ. Съ своей стороны я могу только поздравить его съ такими результатами. Въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала мы поговоримъ о другомъ сочиненіи того же автора: «Исторія физико-математическихъ наукъ», первый выпускъ которой только что вышелъ.

Въ послѣдніе годы русское общество начинаетъ все больше и больше интересоваться Сибирью, что доказывается частымъ появленіемъ книгъ и статей, имѣющихъ спеціальною цѣлью ознакомить ее съ этимъ краемъ. Такъ и въ нынѣшнемъ году послѣ «Путешествія на Амуръ» г. Максимова вышли двѣ книги, заключающія въ себѣ описаніе Сибири. Первая изъ нихъ — переводная; это компиляція

извѣстнаго сочиненія путешественника Аткинсона. Компилация эта довольно интересно составлена, хотя впрочемъ книга не имѣетъ серьезнаго характера. Другое сочиненіе—оригинальное имѣетъ въ виду описаніе одного только Енисейскаго округа. Въ этомъ сочиненіи есть кое-что, на чемъ стоитъ остановиться. Авторъ его, какъ видно изъ его разсказа, долго жилъ въ описываемыхъ мѣстахъ, въ качествѣ врача, и потому могъ представить много любопытныхъ данныхъ. Жаль только, что книга его отличается ужъ слишкомъ рѣшительнымъ пренебреженіемъ во всякому плану и представляетъ просто сборникъ статей, ничѣмъ между собою несвязанныхъ. Я обращаю здѣсь вниманіе читателя на нѣкоторыя изъ нихъ. Енисейскій округъ—самая печальная область восточной Россіи. Къ нему принадлежитъ знаменитый въ исторіи человѣческихъ бѣдствій Туруханскій край,—это подобіе того отдѣленія Дантова Ада, гдѣ грѣшники носятся въ волнахъ, постоянно готовыхъ замерзнуть. Г. Кривошапкинъ характеризуетъ Енисейскій округъ слѣдующими словами: «Состояніе Енисейскаго округа представляетъ картину грустную: ремесла исчезли, промыслы ослабѣли, скотоводства и торговли скотомъ не стало, земледѣліе прекратилось, денегъ нѣтъ, а долговъ зато много, и вообще есть что-то похожее на кабалу» (I, 4). Слова эти кромѣ печальнаго современнаго положенія округа заставляютъ предполагать лучшее прошедшее. И дѣйствительно, нѣкогда «въ Енисейскѣ было складочное мѣсто всѣхъ нужныхъ товаровъ, звѣроловство около него было чрезвычайно развито... Купцы изъ Енисейска не только плавали вверхъ и внизъ по Енисею, но и по Ангарѣ въ Иркутскъ, переплывали Байкаль и входили въ Селенгу до Острѣлки... Изъ занимавшихся разнаго рода промыслами было въ Енисейскѣ: купцовъ 1425, цеховыхъ 294... Ремесла были развиты многостороннія... Напр. было 15 портныхъ, 11 сапожниковъ, 6 шапошниковъ, 2 серебряника, 16 плотниковъ... Кромѣ того было много кузнецовъ. Довольно сказать, что желѣзными издѣліями снабжался весь Иркутскій край; также возили его въ Томскъ, Кузнецкъ, Колывано-Воскресенскій заводъ и по линіи въ крѣпость Семипалатинскую» (I, 3). Такъ было 100 лѣтъ тому назадъ. Но еще въ 1820 г. въ одинъ Иркутскій край вывезено желѣза до 6000 пудъ, а въ 1833 всего вывезено желѣза до 30,000 пудъ. Теперь этого ничего нѣтъ: ни промышленности, ни торговли, ни богатства, ни ремеслъ. Съ пятидесятныхъ годовъ вывозъ желѣза вовсе прекра-

тисся. Ушли даже такі промыслы, какъ звѣроловство и рыболовство, причину чего объяснить трудно въ странѣ, населенной дикими племенами, ведущими жизнь охотничью. Но всего лучше характеризуетъ положеніе края то обстоятельство, что не разъ богатыми купцами составлялась и представлялась по начальству проектъ, предлагавшіе, не болѣе, не менѣе, какъ отдать имъ весь туруханскій край въ аренду на 25 лѣтъ! Чтобы могла у кого набудь родиться мысль предложить, послать двухъ съ половиною вѣковъ колонизаціи, взять на аренду цѣлую обширную страну — это такое неслыханное нигдѣ приключеніе, что объяснить его можетъ только совершенно исключительное положеніе этой страны. Положеніе въ самомъ дѣлѣ довольно оригинальное: «Туруханскій край по суровости климата и тундристому мѣстоположенію неспособенъ къ хлѣбопашеству и скотоводству. Поэтому весьма мало населенъ... (Народонаселеніе Туруханскаго края по 9 ревизіи состоитъ изъ 2,669 душъ, платящихъ подати и ясака). Чтобы поддержать его обитателей въ способахъ продовольствія, правительство давно уже учредило въ разныхъ мѣстахъ онаго хлѣбныя магазины и опредѣлило въ нихъ вахтеровъ, которые, отпуская жителямъ хлѣбъ, получаютъ за него уплату тогда уже, когда звѣринные ихъ промыслы доставятъ къ тому возможность. Но какъ одно ослабленіе хлѣбомъ далеко не удовлетворяетъ всѣхъ нуждъ туземцевъ, то они ищутъ пособія отъ приплывающихъ туда въ лѣтнее время енисейскихъ торговцевъ, становясь въ одно и то же время должниками и казнѣ, и частнымъ лицамъ. Поэтому заемное одолженіе, не говоря уже о частномъ, не уплачиваясь вполнѣ, возрастало болѣе и болѣе, особенно при неуспѣхѣ въ звѣроловствѣ, такъ что въ настоящее время недоимка эта, составляя значительную сумму, не представляетъ къ уплатѣ въ будущемъ никакой благонадежности. Она должна еще возвышаться ежегодно, потому что многіе изъ должниковъ находятся въ такой крайности, что не только не въ силахъ заплатить долговъ своихъ, но, удручаемые бѣдностью, должны еще увеличивать ихъ необходимымъ займомъ хлѣба для пропитанія семействъ. Къ тому же многіе изъ должниковъ не находятся уже въ живыхъ; имущества отъ нихъ никакого не осталось, а семейства не только платятъ долговъ не въ состояніи, но сами еще нуждаются въ благотворительности. Столь велика крайность въ настоящее время большей части жителей Туруханскаго края, такъ что, если бы даже сложили съ нихъ и всю недоимку, они все-таки не

могли бы безъ нестерпимаго пособія сами собою поддерживать бытъ свой». (I, 14 15).

Такимъ образомъ цѣлый обширный край долженъ существовать милостынею и оказывается исключительно предоставленнымъ на содержаніе правительства; но даже при доброй волѣ со стороны начальствующихъ лицъ, при такой отдаленности и обширности края, лишеннаго всякихъ собственныхъ средствъ, милостыня эта не можетъ ни удовлетворить всѣхъ нуждъ населенія, ни даже гарантировать его отъ ужасовъ голодной смерти, которая является какъ неотразимая неизбѣжность всякій разъ, какъ доставка хлѣба запаздаетъ или хлѣбъ будетъ доставленъ въ недостаточномъ количествѣ. Немудрено потому, что находимъ весь этотъ край «совершенно бесполезнымъ и служащимъ только къ обремененію.» Немудрено, что являлись проекты взять цѣлую область въ частную аренду. Конечно, со стороны странно слушать такіа разсужденія: мы слышимъ про цѣлую область съ городами, администраціею, народонаселеніемъ, платящимъ подати, про область, которую завоевывали, заселяли, гдѣ строили города, откуда пользовались продуктами, которую дѣлили на разные административные округа, куда посылали засѣдателей — и послѣ этого приходится слышать толки о томъ, «что она бесполезна, служить только къ обремененію», и потому предлагается взять ее на аренду, какъ поле или домъ! Но зная положеніе этой страны и ея народонаселенія, читая такое описаніе города Туруханска: «Весна въ немъ открывается не ранѣе конца мая, а съ іюня начинается пробиваться трава и распускается тальникъ. Лѣтомъ страшные жары не уничтожаютъ грязей, а только вся эта туцдра прѣетъ, и воздухъ наполняется вредными испареніями, развивающими цынгу. Въ іюлѣ термометръ то поднимается до $-4-30^{\circ}$, то выпадаетъ снѣгъ; грозы и дожди непрерывны. Днемъ миллионы мошекъ, а ночью камары не даютъ покоя. Въ жары пересыхаютъ притоки, окружающіе городъ, и за водою надобно ѣздить версты за четыре. Зимой, въ началѣ ноября, Туруханскъ покрытъ уже такими сугробами снѣга, что нельзя переходить изъ дома въ домъ иначе, какъ по вѣдамъ, да и между ними почти ежедневно разгребаютъ снѣгъ» ¹⁾ (I, 308),—

¹⁾ Интересно происхожденіе такого города. Въ 1609 г., когда казаки покоряли край, они основывали остроги, и между прочимъ имъ понадобилось основать Туруханскъ въ такой мѣстности, которая скрыла бы отъ непріятеля

слыша, далѣе, о страшныхъ опустошеніяхъ, произведенныхъ въ край разными повальными болѣзнями, гнилой горячкой и оспой, послѣ всего этого становится понятнымъ, что могла явиться мысль о переселеніи жителей изъ края и даже объ отдачѣ его на аренду.

Г. Кривошапкинъ объединіе и обезлюденіе этой страны приписываетъ золотопромышленности, развившейся тамъ съ сороковыхъ годовъ нашего вѣка. Открытіе въ странѣ золотыхъ приисковъ имѣло почти всегда гибельное вліяніе на ея процвѣтаніе, и въ Енисейскомъ округѣ не было никакой причины вліянію этому не дать себя почувствовать. Мѣсто не позволяетъ мнѣ здѣсь остановиться на разсказѣ г. Кривошапкина о самомъ жалкомъ положеніи рабочаго класса на золотыхъ приискахъ Енисейскаго округа. Замѣчу только, что работа отъ 5 часовъ утра до 8 вечера считается самой короткой и въ договорахъ о срокѣ работъ встрѣчаются оговорки такого рода: «если работы проданы долѣе, то рабочіе не должны быть въ претензіи»; или «что нѣтъ времени, въ которое рабочіе могли бы оторваться отъ работъ, не терпящихъ отлагательства» (I, 182). Замѣчу также, что наемъ рабочихъ производится совершенно также, какъ въ прежнія времена вербовка солдатъ, т. е. при помощи заманиванія на кутежъ, подчиванія дурманомъ и т. п.; что золотопромышленники ведутъ между собою торговлю рабочими, запродавшими имъ безвозвратно, какъ вполнѣ подчиненными; что все время путешествія рабочаго съ мѣста найма на приискъ не считается въ заработокъ; что одежда и пища на многихъ приискахъ не только покупаются рабочими на свой счетъ, но еще и продаются имъ исключительно хозяевами, которые являются такимъ образомъ монополистами и берутъ съ рабочаго за платье, обувь и пищу, сколько вздумается; что вмѣсто законнаго срока (10 сентября) хозяева принуждаютъ рабочихъ оставаться на приискахъ до декабря; что помѣщеніе рабочихъ, особенно больныхъ, таково, «что тѣснота, темнота и нечистота въ нихъ способствовали развитію болѣзней, особенно цынги, и между здоровыми»; и что наконецъ заболѣвающихъ хроническими болѣзнями, къ которымъ такъ располагаютъ и условія мѣстности, и условія работы, и условія содержанія,—болѣзнями, какъ цынга, ревматизмъ, водяная, завалы, катарры, чахотка и т. п.—разсчитываютъ съ означеніемъ въ разсчетныхъ листахъ: «разсчитанъ за болѣзною; остался долженъ

слабость ихъ силъ. Надобность эта давно прошла, когда въ 1672 г. острогъ переименовали въ городъ, который съ тѣхъ поръ здѣсь и процвѣтаетъ.

столько-то рублей; почему, по выздоровленіи долженъ быть высланъ на операціи будущаго года». (I, 191). Затѣмъ этихъ несчастныхъ высылають, и вотъ судьба ихъ, какою ее описываетъ мѣстный врачъ, хорошо знакомый съ ихъ положеніемъ: «Одинъ въ конвульсіяхъ умираетъ на дорогѣ, еще въ границахъ приисковъ, и предается землѣ съ вѣдома приисковой полиціи, жильцами сосѣднаго зимовья. Другого смерть застигаетъ гдѣ нибудь на зимовкѣ и, жарясь на печи, прерываетъ огнь своими оканьями, да глубокими вздохами тишину одинокой хижины. Третій проташится всю тайгу, умереть гдѣ нибудь близь дороги у разведеннаго огонька, разогрѣвая себя на сошкахъ въ котелочкѣ воду для питья, и составитъ предметъ судебно-врачебнаго осмотра для окружнаго врача. Четвертый дотаскивается до Енисейска и, не успѣвъ явиться ни въ полицію, ни на квартиру, засыпаетъ тихимъ и вѣчнымъ сномъ отъ чахотки гдѣ нибудь въ уютномъ уголку у забора, какъ случилось мнѣ видать. Пятый препровождается въ городскую больницу, и — горько смотрѣть — оборванный безъ преувеличенія до лоскутьевъ, замаранный грязью, пылью, даже до того, что нельзя узнать лица человѣческаго, особенно при потухшемъ, почти безжизненномъ взглядѣ, — и только бѣлки глазъ, поворачивающихся то одной, то другой стороною, обличаютъ въ немъ живого человѣка, тѣмъ болѣе, что другіе уже не говорятъ ни слова отъ муки и отчаянія, только поводятъ глазами, умоляя оставить ихъ въ покоѣ, и засыпаютъ черезъ часъ, два и три по прибытіи въ больницу». (I, 192).

Таково положеніе приискового рабочаго. Однако, сколько можно судить по собственнымъ словамъ г. Кривошапкина, золотопромышленность одна не вполне объясняетъ страшное положеніе края... Конечно край не можетъ процвѣтать, если народонаселеніе терпитъ такіа муки въ пользу нѣсколькихъ компаній, и потомъ пропиваетъ все, что успѣетъ сберечь отъ своихъ тяжелыхъ трудовъ. Но самыя мѣры, которыя г. Кривошапкинъ совѣтуетъ принять для выгодъ края и которыя онъ перечисляетъ на стр. 20—25, показываютъ, что дѣло не въ одной только золотопромышленности.

Приисковые рабочіе не единственные бѣдняки въ этой несчастной странѣ. Енисейскій округъ изобилуетъ острогами и каторжными, а Туруханскій край населенъ ссыльными туда скопцами. Г. Кривошапкинъ сообщаетъ о нихъ довольно интересныя свѣденія (см. главы XI и XIV), хотя личные взгляды и мнѣнія его бываютъ подѣ

часть весьма оригинальны. Такъ напр. онъ выражаетъ подозрѣніе, что сплоченную секту развили у насъ іезуиты! (I, 331). Вообще очень жаль, что отсутствіе всякой послѣдовательности и такіа странна предположенія лишаютъ книгу его той занимательности, которую она могла бы имѣть. А въ томъ видѣ, какъ она есть, она все-таки далеко не даетъ цѣльнаго и яснаго понятія объ описываемой имъ странѣ. Вторая часть ея посвящена исключительно описанію звѣриныхъ и рыбныхъ промысловъ въ Енисейскомъ округѣ, и потому имѣетъ уже чисто специальный интересъ. Тѣмъ не менѣе было бы важно имѣть хотя такіа описанія и другихъ областей Сибири и всей Россіи.

В. Вайцель.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Французская провинція и разговор мой съ другомъ Апри.—Чего желаетъ и чего не желаетъ французская буржуазія.—Наклонности ея къ соисканію чиновническихъ мѣстъ.—Вопросъ о децентрализациі внутренняго управленія, поднятый комитетомъ въ Нанси.—Словоизверженія парижскихъ публицистовъ по этому поводу.—Умственное и экономическое положеніе французской коммуны.—Ея пассивная дѣятельность и конзервативный характеръ.—Взаимное отношеніе трехъ общественныхъ элементовъ—правительства, личности и общины.—Желаніе Англїи возобновить союзъ съ Франціей.—Заговоръ Феніевъ въ Ирландїи.—Соглашеніе Австріи и Пруссїи по датскому вопросу.—Убійство г. Отто нѣмецкимъ буршемъ.—Министерство Белькреди въ Австріи.—Натянутое положеніе дѣлъ въ Вухарестѣ.

Пока политика бездѣйствуетъ, я посвящаю свое время изученію провинціи. Переѣзжая изъ одной въ другую, я, такъ сказать, ощущаю нравы и образъ мыслей французскаго народа, который такъ неудачно смѣшиваются съ населеніемъ Парижа. Вчера я былъ въ глубинѣ Франціи, въ маленькомъ городкѣ, недавно завоеванномъ компаніею желѣзныхъ дорогъ. Это—царство сплетень, мелькихъ

гадостей, разыгрывающихся изъ-за наслѣдствъ, или изъ-за денежных браковъ; это поле битвы католиковъ съ протестантами, мелкихъ лавочниковъ съ крупными капиталистами. Люди прозябаютъ тамъ въ бездѣйствіи и невѣжествѣ; цѣна жизненныхъ припасовъ еще не успѣла подняться до уровня Бордо и Тулузы, и, вслѣдствіе этого, тамъ вообще живется легко; климатъ пріятный и мягкій; температура успокоиваетъ человѣка такъ,—что всѣ страсти, кромѣ страсти къ наслѣдствамъ и къ тонкостямъ мѣщанскаго благопріятія, понемногу замираютъ въ обитателяхъ этой мѣстности. Съ однимъ изъ мѣстныхъ жителей мнѣ очень хотѣлось поговорить; нельзя сказать, чтобы этотъ человѣкъ былъ особенно смысленъ, но онъ слишкомъ честенъ, чтобы быть рѣшительнымъ реакціонеромъ и въ то же время достаточно ограниченъ, чтобы быть вполне отсталымъ. Впродолженіе 20 лѣтъ уже я знаю моего друга Апри за человѣка очень недалекаго, но мнѣнія его, несмотря на то, имѣютъ свою важность, потому что онъ думаетъ какъ думаютъ всѣ. Апри—лицо типическое; это типъ 4 или 5 милліоновъ французовъ, составляющихъ большую половину нашихъ избирателей. Я позволяю себѣ приводить его разсужденія не потому, что онѣ чѣмъ нибудь замѣчательны, а потому что онѣ имѣютъ значеніе большинства, того самого провинціального большинства, которое погрязло по уши въ своихъ копѣчныхъ интересахъ и тянетъ Францію на пол-вѣка назадъ. Апри—это фотографическая картинка, которую слѣдуетъ разсматривать посредствомъ стереоскопа. Надо вамъ сказать, что Апри соединяетъ въ себѣ два атрибута и двѣ общественныя должности: онъ въ одно и то же время мелочной лавочникъ и собственникъ. Аккуратность одной профессіи сливается съ рутинною другой, и изъ этого смѣшенія получается въ результатѣ самодовольнѣйшая пошлость. «Такъ ты говоришь, Апри, что дѣла идутъ плохо..... виновато-ли въ этомъ правительство?»—Нисколько; я помѣстилъ сбереженные деньги въ государственныя ренты,—я хочу сказать, что будь я недоволенъ правительствомъ, я бы не взялъ у него мексиканскихъ облигацій, которыя приносятъ мнѣ по 10%₀. Наше правительство старается всѣми силами доставлять работу ремесленникамъ; оно перестраиваетъ Парижъ и всѣ наши большіе города; деньги, истраченные такимъ образомъ, возвращаются къ нашему брату торговцу и находятъ себѣ дорогу въ наши кассы. И потомъ наши мнѣнія значительно поднялись въ цѣнѣ. Мою ферму лѣтъ 20 тому назадъ я бы съ удовольствіемъ продалъ тебѣ за 30,000 франковъ, а теперь я не уступлю ее и за 50,000. Значить—Франція довольна и лучшаго желать нечего. Пока импера-

торъ занимался нашимъ благосостояніемъ внутри государства, онъ въ то же время расширялъ предѣлы Франціи завоеваніемъ... Онъ разбилъ Австріяка, онъ съ триумфомъ пронесъ наши знамена по Китаю, Кокчихинѣ, Мексикѣ и по другимъ мѣстамъ. Не отъ вашего же брата, утопистовъ и социалистовъ, дожидаться намъ такой славы. Уже конечно не вы возстановили бы такимъ образомъ блескъ нашего оружія; что вы тамъ ни говорите, а въ умѣ у васъ все-таки сидятъ до сихъ поръ ваши фаланстеры и проэты всеобщаго мира. А намъ, французамъ, нуженъ блескъ, шумъ, движеніе, кадансъ польки или боевого марша. Кромѣ того намъ нужна желѣзная рука, которая бы сдерживала васъ со всѣми вашими фантазіями и утопіями; намъ нуженъ диктаторъ, который держалъ бы васъ въ ежовой рукавицѣ, васъ и всѣхъ фантазеровъ, желающихъ поступить подъ ваше начальство. Нужно было, однимъ словомъ, правительство *порядка*, правительство, которое дало бы намъ время заниматься нашими дѣлами, которое избавило бы насъ отъ ужасовъ 1848 года, того ужаснаго времени, когда былъ созданъ налогъ въ 45 сантимовъ.

— Если на вашу долю досталось именно то правительство, которое вамъ нужно, то почему же ты жалуешься? Почему ты сказалъ мнѣ, съ самого начала, что вотъ уже нѣсколько лѣтъ, дѣла совсѣмъ не идутъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже? Если тутъ не виновато правительство, кто же виноватъ?—Вы, что-ли?

— Мы? какимъ же образомъ мы-то будемъ виноваты? Развѣ, по твоему, мы работаемъ меньше прежняго? Или мы потеряли желаніе называть деньги? Да и какъ я тебѣ скажу, почему дѣла идутъ дурно? Я не такой экономистъ, какъ ты:—я просто лавочникъ-собственникъ, и потому скажу тебѣ, что это такъ, потому что это такъ, что тутъ замѣшались роковыя силы, надъ которыми смертные не имѣютъ никакой власти.

— Другіе однако сумѣли дать мнѣ болѣе обстоятельныя объясненія. Они думаютъ, что безъ увѣренности въ будущемъ невозможно благосостояніе торговли и промышленности; они думаютъ, что довѣренность, доведенная до высшей степени напряженія, теперь печальнымъ образомъ гаснетъ. Они видятъ повсемѣстный упадокъ. Они видятъ, что администрація, совавшая свои когти туда и сюда, принуждена теперь втянуть ихъ назадъ. Они видятъ, что имперія находится въ очень ненадежныхъ отношеніяхъ къ Пруссіи, Австріи, Италіи, къ Папѣ, къ Англіи, къ Соединеннымъ Штатамъ. Они видятъ, что во внѣшнихъ дѣлахъ вся политика направлена только къ тому, чтобы вытащить изъ игры свою ставку, и что внутри го-

сударства, она уже не можетъ управлять посредствомъ силы и въ то же время не можетъ рѣшиться управлять посредствомъ свободы, и что эта послѣдняя тактика невозможна даже въ томъ случаѣ, если бы администрація желала за нее взяться. Они видятъ, кроме того, что изъ года въ годъ, имперія тратитъ по три сотни милліоновъ сверхъ своихъ доходовъ.— Скажи по совѣсти, былъ ли бы ты спокоенъ насчетъ твоего собственнаго будущаго, если бы каждый годъ тебѣ приходилось занимать только по три тысячи франковъ?

— Любезный мой Жакъ, мы все это, точно, говоримъ другъ другу въ нашемъ кругу, но мы не любимъ, что бы такіе люди, какъ ты повторяли намъ эти вещи. И намъ не нравится, когда произносятся и въкоторыя слова, наиримѣръ, слово *банкротство*, которое мы принуждены были услышать изъ устъ г. Тьера.

— Кстати о банкротствѣ,—какъ ты полагаешь: кто станетъ выплачивать вамъ тѣ деньги, которыя вы давали взаимы правительству? Поступитъ ли будущее правительство по примѣру бѣдной республики 1848 года, платившей такъ усердно долги короля Луи-Филиппа?

— Я согласенъ, что это съ ея стороны было бы ужь очень любезно; но какъ-бы то ни было, надо же, чтобы кто нибудь намъ заплатилъ. Мы давали взаимы французскому правительству, и, кто приметъ его наслѣдство, на того упадутъ и его долги. Наконецъ если правительство мнѣ не заплатитъ своего долга, я тоже не буду платить моихъ долговъ, и другіе поступать точно также, и намъ придется сводить наши счета не совсѣмъ миролюбиво.

— Вотъ что называется быть другомъ Франція! Когда миролюбивые мѣщане держатъ такія рѣчи, тогда ужь нечего дивиться неурядицѣ, происходящей въ дѣловомъ мірѣ вслѣдствіе возрастающихъ затрудненій правительства.

— Ну да! Вотъ именно оттого что мы друзья мира во что, бы то ни стало, именно оттого-то мы и держимся за теперешній безпорядокъ, во избѣжаніе худшаго безпорядка. Мы боимся *генеральной ликвидаціи*, какъ выразился какой-то бунанъ; и если такое событіе неизбѣжно, то пусть оно произойдетъ какъ можно позднее, тогда когда насъ не будетъ на свѣтѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ революція была побѣждена въ іюнь 1848 года, прошло уже 18 лѣтъ; еще немножко—и окажется законная давность.

— Апри, ты меня пугаешь своими предсказаніями. Развѣ твой туго набитый кошелекъ также нуждается въ законной давности?

— Какая плоская шутка! Конечно я приобрѣлъ кое какія деньги, и на нихъ купилъ государственныя облигаціи; но что дала

мнѣ дороговизна продуктовъ, то она же и отнимаетъ у меня тысячью различныхъ способовъ. Съ тѣхъ поръ какъ открылась желѣзная дорога, которая отняла у меня часть земли, заплативши за нее отличныя деньги, съ тѣхъ поръ у меня гораздо больше денегъ; чѣмъ прежде, но въ сущности я нахожусь въ болѣе стѣсненномъ положеніи, чѣмъ когда либо,—потому-то я и дорожу такъ своими облигаціями. Я право думаю, что богатство такая же штука, какъ жизнь и здоровье: чѣмъ меньше у насъ этого добра, тѣмъ сильнѣе держимся мы за то, что имѣемъ; и чѣмъ дальше, тѣмъ больше приходится бояться печальныхъ случайностей. Въ 48 году намъ жужжали въ уши коммунисты, социалисты и дѣлежники, а теперь только и слышишь со всѣхъ сторонъ о прекращеніи работъ, о стачкахъ, о томъ, что надо платить по 6 фр. за 10 часовъ работы, вмѣсто того, чтобы платить по 5 фр. за 12 часовъ, потому что эти негодяи, работники, желаютъ присвоивать себѣ все большую и большую часть изъ барышей хозяевъ. И такъ какъ городскіе работники отхватываютъ себѣ все больше и больше, то и наши батраки и поденщики толпами бѣгутъ изъ нашихъ деревень въ города, куда ихъ привлекаетъ высокая задѣльная плата. Меня очень затрудняетъ уборка винограда. Такая же исторія была съ жнитвомъ и съ сѣновосомъ. Намъ былъ бы нуженъ хорошій законъ, который запретилъ бы нашимъ мужикамъ выселяться въ города или въ аргентинскія провинціи: вмѣсто этого ты мнѣ говоришь о рабочихъ ассоціаціяхъ для производства, для потребленія и для взаимнаго кредита, ты мнѣ расхваливаешь общество кредита работъ. Я ничего не понимаю и понимать не хочу во всѣхъ этихъ сахарныхъ теоріяхъ о примиреніи труда съ капиталомъ, о томъ, что большая часть общественныхъ услугъ будутъ имѣть свою дѣйствительную цѣнность, вслѣдствіе соединенія въ одномъ лицѣ заимодавца и заемщика, потребителя и продавца съѣстныхъ припасовъ. Я предчувствую, что вы сдѣлались опытниѣ со временемъ люксембургскихъ конференцій; но я вамъ не вѣрилъ тогда, не вѣрю теперь и крѣпко завязываю свой кошелекъ. Это нисколько не мѣшаетъ мнѣ давать деньги обществу евангелическихъ миссій, обществу релігіозныхъ трактатовъ, библейскому обществу, которое распространяетъ въ нашемъ народѣ святія книги; я также вношу свою лепту въ бюро благотворительности,—но больше этого я никогда не хотѣлъ дѣлать. Народъ подвигается со всѣхъ сторонъ подземными галлерями, наши позиціи подкопаны, насъ выгоняютъ отовсюду. Я не вижу, съ какой стати намъ, жѣиданамъ, помогать нашимъ противникамъ въ такомъ

дѣлѣ, которое дѣлается на пользу имъ и въ ущербъ намъ. Разумѣется, намъ за такое поведеніе не скажутъ *спасибо*; поэтому я, съ своей стороны, и желалъ бы, чтобы имперія приобрѣла себѣ законную давность. Мы слишкомъ усердно помогали ей въ 1851 году. Мы дѣлили съ нею ея ошибки, или, какъ говорятъ наши враги, ея преступленія, и такъ какъ совѣсть у насъ не совсѣмъ чиста, то мы и желали бы, чтобы все прошлое поросло травой. Мы не разстрѣливали, мы не изгоняли, мы не сажали въ тюрьму нашихъ враговъ, но мы поддерживали тѣхъ, кто ихъ разстрѣливалъ и изгонялъ,—это воспоминавіе насъ беспокоитъ. Поэтому намъ и хотѣлось бы, чтобы о прошломъ какъ можно меньше напоминали намъ. Впрочемъ не думай, чтобы мы были совершенно равнодушны къ нашей администраціи; чтобы исправлять ее, мы даемъ ей уроки, посылая ей оппозиціонныхъ депутатовъ, которые заставляютъ ее быть либеральнѣе и обращать больше вниманія на правосудіе и справедливость. Такимъ образомъ, мы устроимъ понемногу великій переходъ. Но, въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время наши префекты, супрефекты, наши полковники и сборщики податей вели себя черезчуръ безцеремонно. Знаешь ли ты, какимъ манеромъ, двѣ недѣли тому назадъ, Бертаррешъ, нашъ сборщикъ податей, ликвидировалъ свои счета? — Онъ долженъ былъ уступить мѣсто О'Кену, нашему бывшему депутату, которому правительство дало эту выгодную должность въ награду за то, что онъ сражался съ г. Тьеромъ и защищалъ шагъ за шагомъ каждую статью бюджета. Дали знать о будущемъ приѣздѣ двухъ ревизоровъ, которые должны были провѣрить счета Бертарреша и выдать ему квитанцію. Мой герой былъ въ своей виллѣ. Наканунѣ назначенной ревизіи онъ приѣзжаетъ въ городъ и, послѣ ухода чиновниковъ, запирается съ своимъ секретаремъ въ казначействѣ. Проработавши вмѣстѣ часа 3—4, они съ яснымъ взоромъ и съ улыбкою на устахъ отправляются въ гости къ г. префекту. Компанія занималась пріятными разговорами, какъ вдругъ разносится слухъ: «Казначейство горитъ!»—Дѣйствительно пламя выходитъ изъ оконъ казначейскаго кабинета. Тотчасъ принимаютъ всевозможныя мѣры, но все напрасно: всѣ важныя бумаги, перенесенныя г. сборщикомъ податей въ кабинетъ, превратились уже въ кучу пепла. На другой день утромъ, г. сборщикъ показываетъ ревизорамъ обуглившіяся доски, законченныя бревна и груды почернѣвшей бумаги, похожей на помпейскій папирусъ; съ сокрушеннымъ видомъ онъ восклицаетъ: «какое ужасное несчастіе!» Ревизоры покачиваютъ головами, свидѣтельствуютъ, что несчастіе дѣйствительно непоправимо, раскланиваются съ г. Бертаррешемъ, и

уходять. Событіе это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что въ предыдущемъ своемъ посѣщеніи и ревизоры сочли своею обязанностию сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу крупныхъ ошибокъ, и что, вслѣдствіе этихъ замѣчаній, четыре чиновника получили отставку. Теперь г. О'Кенъ заказалъ себѣ совершенно новую мебель. Г. Бертаррешъ окончательно удалился въ свою виллу, а двое сыновей его завѣдуютъ банками въ По и Байонѣ. Мы всѣ очень много смѣялись надъ этимъ случаемъ, но мы будемъ подавать голосъ за кандидата оппозиціи, кто бы онъ ни былъ. Ты ужь очень долго даешь мнѣ говорить, не перебивая меня. Какъ же ты думаешь о нашей мѣщанской и провинціальной политикѣ?

— Я думаю, что ты рассуждаешь, какъ буржуа, недурно и съ своей точки зрѣнія совершенно правъ; ты говорилъ о роковыхъ силахъ, надъ которыми смертные не имѣютъ никакой власти. Я думаю, что буржуазія не имѣетъ болѣе власти надъ событиями. Подъ старость портится зрѣніе, и люди становятся близорукими или дальнорукими. Вы потеряли способность видѣть нормально на нормальномъ разстояніи. Вы состарились и ослѣпли: вотъ вамъ мое единственное предсказаніе насчетъ вашей жизни и вашей политической мудрости.

Какъ велика разумность нашихъ провинціаловъ? Способны-ли французы, живущіе за предѣлами Сенскаго департамента, управлять самостоятельно своими мѣстными дѣлами? Насколько государство должно выпустить изъ своихъ рукъ тѣ права, которыя оно, справедливо или нѣтъ, присвоило себѣ надъ общинами, кантонами, округами и департаментами?—Таковъ тотъ важный вопросъ, который подъ именемъ *децентрализаціи* обсуживается въ настоящее время во всѣхъ нашихъ журналахъ. Этотъ вопросъ былъ поднятъ очень умными людьми, живущими въ Нанси, которые сами подали приимѣръ децентрализаціи, образовавши въ своемъ городѣ маленькій центръ идей. Собравшись въ кружокъ, они издали, подъ именемъ *Vaŕia* и *Francs pŕos*, два тома, которые были замѣчены публикою и пришлись ей по вкусу. Пользуясь теперешними политическими ваканціями, они призываютъ вниманіе общества на свой планъ для перестройки Франціи по новому образцу. Всѣмъ извѣстно, что политическая и административная организація Франціи, какъ она

вышла изъ рукъ перваго Наполеона и какъ она находится теперь въ рукахъ Луи Бонапарта, есть совершеннѣйшій типъ государственной централизаціи. Гражданское управленіе есть болѣе или менѣе замаскированная копія старой военной системы, великую формулу которой составляетъ пассивное повиновеніе. По правительственной теоріи, (значительно ослабленной послѣдними муниципальными выборами), плательщикъ податей обязанъ слѣпо повиноваться полевому сторожу, полевой сторожъ повинуется меру, меръ—су-префекту, супрефектъ—префекту, префектъ—министру внутреннихъ дѣлъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ—совѣту. Императоръ передаетъ свою безотвѣтственность министру, который передаетъ ее префекту, а префектъ передаетъ ее су-префекту, который передаетъ ее меру, а этотъ передаетъ ее полевому сторожу, который въ свою очередь передаетъ ее плательщику податей. Эта правительственная теорія была внушена Франціи одной изъ самыхъ католическихъ земель въ мірѣ, доктриною тридентскаго собора о единствѣ церкви и непогрѣшимости папы. Папа сообщаетъ свой авторитетъ архіепископу, архіепископъ сообщаетъ его епископу, епископъ—прелату, который имѣетъ силу вязать и разрѣшать совѣсть, спасать и губить грѣшника. Что касается до вѣрующаго, то онъ не имѣетъ никакого права представлять возраженія своему священнику, или своему епископу, или кому бы то ни было изъ своихъ духовныхъ начальниковъ. Такъ точно и въ администраціи. Если плательщикъ податей считаетъ себя обиженнымъ кѣмъ нибудь или чѣмъ нибудь, если, напримѣръ, онъ хочетъ жаловаться на превышеніе власти со стороны полевого сторожа, то онъ долженъ вручить свою жалобу самому обвиняемому сторожу, который передаетъ ее меру, а меръ передаетъ ее су-префекту, а су-префектъ префекту, а префектъ—министру, министръ передаетъ ее главѣ государства. Вслѣдствіе этой жалобы, глава государства сдѣлаетъ запросъ министру, а министръ—префекту, и такъ идетъ до полевого сторожа, которому нетрудно будетъ доказать, что недовольный плательщикъ податей—идіотъ или буянъ.

Разумѣется, практика далеко не такъ строга, какъ теорія, вся мелочь дѣлъ не будетъ доходить до государя; конечно мелкія дѣла остаются въ рукахъ у мелкихъ чиновниковъ, а крупныя дѣла доходятъ только до крупныхъ чиновниковъ. Но тѣмъ не менѣе вѣрно то, что всякая посредствующая инстанція отправляетъ свою власть только по порученію сверху. Не менѣе вѣрно и то, что изъ-за самыхъ простыхъ вещей поднимаются безконечныя затрудненія, для разрѣшенія которыхъ надо совѣтоваться съ Парижемъ и обращаться

къ парижскимъ властямъ. Если вы хотите завести бутылочную фабрику, вы должны писать просьбы безъ конца, маневрировать, интриговать у мера и у его подчиненныхъ, у префекта и его подчиненныхъ, должны дѣлать марши и контръ-марши, должны тратить и время и деньги. Чтобы имѣть позволеніе держать лодку на томъ пруду, который прилегаетъ къ вашему дугу, вы должны добыть себѣ штукъ 40 документовъ, подписанныхъ и скрѣпленныхъ высшими властями, потомъ предварительно войти въ сношенія съ департаментами мостовъ и дорогъ, государственныхъ имуществъ, внутренней торговли, рѣчного рыболовства, мануфактурной промышленности и т. д.; словомъ, если вы человѣкъ разсудительный и построите вашу лодку безъ спросу, то подвергаетесь за это, со стороны правительства, судебному преслѣдованію, которое окончится взысканіемъ штрафа въ 15 или 20 фр., что будетъ стоить вамъ гораздо дешевле, чѣмъ испросить позволеніе черезъ двадцать разныхъ инстанцій. Вся эта организація, тяжелая, неуклюжая, неповоротливая, надутая и преданная бумагомарательству, можетъ при случаѣ дать вамъ почувствовать всю свою придиричность и всю свою раззорительность. Количество тѣхъ отраслей промышленности, которыя она погубила, незначительно въ сравненіи съ тѣми, которымъ она помѣшала родиться.

Прибавьте къ этому, что французскіе чиновники составляютъ ясно-обозначенную касту, у которой есть свои преданія, легенды, симпатіи и антипатіи, свой корпоративный духъ и свое тайноефранкъ-масонство. Это такая же каста, какъ католическое духовенство. Выше всѣхъ остальныхъ смертныхъ ставятъ ихъ то обстоятельство, что они ѣдятъ хлѣбъ правительства и тратятъ деньги плательщиковъ податей. Они опутали гражданина сѣтью предписаній, декретовъ, приказовъ, правилъ и исключеній, и такъ какъ гражданинъ не можетъ провигнуть смыслъ этой тарабарщины, такъ какъ онъ блуждаетъ ощупью въ этомъ безвыходномъ лабиринтѣ, то они думаютъ совершенно искренно, что, по своимъ умственнымъ способностямъ, они стоятъ несравненно выше тѣхъ тупыхъ созданій, которыя не постигаютъ различія между формами: «*Для господина префекта*» и «*черезъ господина префекта*». Они совершенно чистосердечно считаютъ высокодаровитымъ того человѣка, который управляется безъ труда съ многосложными подробностями различныхъ патентовъ, съ законодательствомъ соляныхъ дѣлъ, съ очищеніемъ законныхъ залоговъ, и со всѣми тонкостями штемпеля и регистратуры.

Само собою разумѣется, что подобное самодовольство прикрываетъ собою соразмѣрную долю глупости. Существовала поговорка:

«глушь, какъ пѣхотный капитанъ»; теперь чувствуется необходимость въ параллель къ ней сложить новую поговорку: «глушь, какъ начальникъ отдѣленія!»—Иначе и быть не могло въ тѣхъ должностяхъ, въ которыхъ опасно имѣть ясно очерченную индивидуальность,—въ которыхъ неудобно имѣть личные взгляды и стремленія,—въ которыхъ высшіе чины даются по милостивому расположенію старшихъ, за гибкость характера, за низкопоклонство, за правильность привычекъ, и за выслугу лѣтъ. Французская раса бюрократовъ вошла въ поговорку своею лимфатичностью; она обыкновенно тяжела и толста, пузата, рыхла и подвержена облысенію; мясо ея жирно и пухло, а ея мозгъ еще того мягче. Если вѣрить *Кладерадачу*, тѣ же симптомы замѣчаются въ томъ населеніи чиновниковъ, которыми кишитъ Пруссія, и которымъ присвоено родовое названіе *государственныхъ геморроидаріевъ*. Ихъ нетрудно узнать на улицѣ по ихъ почти жреческой осанкѣ. Любители превосходно умѣютъ различать по вкусу мясо лугового или горнаго барана; нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшее развитіе фizioноміки дастъ любителямъ этой науки возможность различать съ перваго взгляда щеки директора отъ щекъ вице-директора, и носъ таможеннаго досмотрщика отъ носа канцелярскаго служителя.

Эти соображенія имѣютъ свою важность въ такой странѣ, гдѣ раса чиновниковъ размножается со дня на день, между тѣмъ какъ общая цифра народонаселенія остается почти неподвижною, и число рожденій едва возрастаетъ. Еще одно или два поколѣнія такой системы, и уровень умственныхъ и нравственныхъ силъ понизится во Франціи чувствительнымъ образомъ,—и эта нація, облагодѣтельствованная природою, потеряетъ самыя драгоцѣнныя изъ своихъ качествъ—мужество, живость, веселость въ опасности, въ страданіи и въ бѣдности, силу и терпѣніе, логическую прямоту, ясный здравый смыслъ, соединенный съ нѣкоторымъ букетомъ великодушія,—и превратится въ толпу старыхъ буржуа, низкихъ и закоснѣлыхъ, безтольковыхъ и достойныхъ презрѣнія. У насъ цѣлая армія чиновниковъ; ихъ считаютъ сотнями тысячъ, эту ватагу служителей, стремящихся только къ тому, чтобы служить и потомъ за негодностію выходить въ отставку. Эта ватага свирѣпствуетъ съ одинаковымъ усердіемъ подъ начальствомъ генерала Кавеньяка—во имя республики, подъ начальствомъ императора Бонапарта—во имя имперіи, подъ господствомъ Луи-Филиппа—во имя конституціонной монархіи, подъ господствомъ Людовика XVIII или графа Шамбора—во имя реставраціи.

Съ этою толпою бумагомарателей, пишущихъ разныя нелѣпости

можно сопоставить только легионъ магазинныхъ прикащиковъ, которые, больше чѣмъ когда либо, расплодился въ Парижѣ или въ большихъ городахъ. Большіе балбесы, ростомъ въ 5 фут. 6 дюймовъ, мѣряютъ аршиномъ ленточки, торгуютъ модными матеріями и дамскимъ бѣльемъ, и рѣшаютъ въ высшей инстанціи вопросы о томъ: хорошо ли сидитъ корсетъ на барынь и кринолинъ на барышнѣ. Всѣхъ этихъ людей слѣдовало бы отослать въ армию производителей, чтобы возратить слабому полу такія занятія, которыя принадлежатъ ему по всѣмъ правамъ. Если уже требуется непременно канцелярская процедура, то почему же тѣ тысячи мужчинъ, на которыхъ возложена обязанность возиться съ бумагами, не могутъ передать эти обязанности своимъ дочерямъ, сестрамъ, съ тѣмъ чтобы посвятить свои силы разведенію капусты или производству бумажныхъ тканей? Мнѣ кажется, что большинство французскихъ чиновниковъ, по меньшей мѣрѣ, бесполезно, и что тѣ, которые будутъ признаны необходимыми, могутъ, по большей части, набираться изъ женщинъ.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что разжирѣвшая французская буржуазія составила себѣ идеаль изъ чиновничества. Быть самому чиновникомъ, переваривать государственный кормъ въ зеленомъ кожаномъ креслѣ, набитомъ волосомъ, дремать послѣ тридцати-лѣтней службы въ комфортабельной и безмятежной отставкѣ, упрочить такую же благорастворенную жизнь за своими дѣтьми и внуками—такова мечта нѣсколькихъ милліоновъ французовъ. Какое множество матерей видятъ во снѣ своего сына, украшеннаго военнымъ киверомъ, или пальмами ученаго вѣдомства, вышитыми на воротникѣ мундира, или судейскою шапочкою, обложенною золотымъ галуномъ, или красными выпушками главнаго инспектора перваго класса въ императорскомъ корпусѣ мостовъ и дорогъ. Буржуазія старается превратиться въ мандаринское сословіе. Укрѣпившись, въ прекрасные дни своей юности торговлею и промышленностью, она сдѣлалась капиталистомъ. Она рассчитывала основать себѣ невыблемое господство посредствомъ учрежденія государственныхъ долговъ и посредствомъ неистощимой силы пятипроцентныхъ бумагъ она сдѣлалась кредиторомъ націи, а потомъ, посредствомъ парламентаризма, начала сама управлять дѣлами своего должника, для того, чтобы обезпечить за собою правильную уплату процентовъ. Буржуазія получила почти все то, о чемъ она мечтала; она господствовала полновластно съ 1830 до 1848 года; съ 1789 года до нынѣшняго дня ея вліяніе рѣшительно преобладало; въ административномъ, въ политическомъ и въ социальномъ отношеніи она даро-

вала себѣ почти всѣ гарантіи, какія она считала для себя удобными. И вдругъ ея гарантіи расплываются; она думала, что строитъ свое зданіе на непоколебимой скалѣ, а теперь она замѣчаетъ, что эта скала ничто иное, какъ мерзлая земля, которая оттаиваетъ подъ лучами солнца. Какъ обладательница рентъ, буржуазія идетъ къ раззоренію, потому что деньги дешевѣютъ съ возрастающею быстротою, а предметы, необходимые для жизни, становятся дороже. Вслѣдствіе этого она съ удвоенною страстью кидается въ чиновничество, изъ котораго надѣется устроить въ свою пользу мандаринское сословіе. Я ошибаюсь. Въ Китаѣ, мандарины всѣхъ степеней назначаются на свои мѣста послѣ долгихъ и серьезныхъ экзаменовъ, которымъ подвергаются почти всѣ дѣти, безъ различія происхождения; во Франціи, напротивъ, буржуазія приняла свои мѣры, назначивъ для среднихъ учебныхъ заведеній такую высокую плату, которая дѣлаетъ ихъ недоступными для дѣтей простого народа. Она почти упрочила за собою монополию чиновничества. Сдѣлавши его доступнымъ только для бакалавровъ словесныхъ наукъ, и устроивши такъ, что бакалавреатъ стоитъ среднимъ числомъ отъ 8 до 10,000 фр., буржуазія исключила сонскателей. Ожесточенное сопротивленіе, которое встрѣчаетъ себѣ прозекъ о первоначальномъ обученіи, даровомъ и обязательномъ, т. е. всеобщемъ — выходитъ изъ того же мутнаго источника. Буржуазія сильно подрыта новымъ теченіемъ; ей не хочется исчезнуть въ его волнахъ; она съ особенною бдительностью хранитъ свою цитадель, свой укрѣпленный лагерь, свое возлюбленное чиновничество. При всей своей громадности, Парижъ не въ силахъ поглотить армію чиновниковъ, тѣснящихся въ его стѣнахъ. Въ провинціи эти представители пользуются преобладающимъ вліяніемъ.

По послѣдней переписи, изъ 37,000 французскихъ общинъ, три четверти, т. е. 28,000, заключаютъ въ себѣ менѣе 1,000 жит., а изъ этихъ 28,000 болѣе половины заключаютъ въ себѣ менѣе 500 душъ. Статистика не говоритъ намъ, какое число меровъ не умѣетъ читать и писать. Во многихъ мѣстахъ школьный учитель исправляетъ должность секретаря меріи. Въ отношеніи къ такимъ отстающимъ общинамъ правительственное вліяніе можетъ быть только орудіемъ болѣе высокой цивилизаціи и обнаруживать дѣйствіе необходимое и законное. Тѣмъ не менѣе вѣрно то, что община находится во Франціи въ такомъ положеніи, которое должно служить позоромъ для цивилизованной націи. Множество общинъ слишкомъ слабо населены, чтобы имѣть какое нибудь серьезное значеніе. Множество земель, занимаемыхъ народомъ, который четыре мѣсяца въ

роду питается одной зеленью, лежатъ въ дикомъ и невоздѣланномъ состояніи. Безграмотность составляетъ общее правило въ крестьянскомъ населеніи, а грамотность—исключеніе. Спрашивается, какиимъ чудомъ такія общины могутъ дѣйствовать самостоятельно?

Поэтому никто не найдетъ удивительнымъ, что общины съ такимъ слабымъ устройствомъ окончательно подпали подъ власть административнаго вліянія съ одной стороны, а съ другой—подъ случайное вліяніе одного или двухъ крупныхъ землевладѣльцевъ, живущихъ въ округѣ. Невѣжественные, бѣдные, плохо одѣтые, обремененные долгами, крестьяне смотрятъ съ боязливымъ благоговѣніемъ на всякую гражданскую власть, за которой слѣдуетъ цѣлый сонмъ жандармовъ, солдатъ, всякаго рода сборщиковъ податей, таможенныхъ чиновниковъ, воспитателей, профессоровъ, надсмотрщиковъ, полицейскихъ, инженеровъ и тюремщиковъ, — да и по понятно. Вліяніе богатаго землевладѣльца надъ бѣднымъ фермеромъ, надъ несчастнымъ арендаторомъ является далеко немаловажнымъ: по своей прихоти землевладѣлецъ можетъ согнать его съ земли, которая составляетъ для него предметъ обожанія, съ той земли, гдѣ онъ, какъ растеніе, пустилъ корни; онъ можетъ сдѣлать его бродягой и нищимъ, разсѣять въ разныя стороны его семейство, заставить его отправить на заработки своихъ дочерей а изъ сыновей сдѣлать поденщиковъ или чернорабочихъ.

Вотъ въ чемъ, по нашему мнѣнію, заключается сущность этого спорнаго вопроса, который уже впродолженіи цѣлаго мѣсяца даетъ пищу журнальнымъ толкамъ и порождаетъ цѣлый рядъ брошюръ. Скудость большей части общинъ производитъ ихъ бѣдность, которая, въ свою очередь, дѣлаетъ ихъ слабыми, а по случаю этой слабости ихъ эксплуатируютъ и даже не хотятъ признать за ними никакихъ правъ. Такова основная аксіома политики и той экономіи, которую намъ преподавали важнѣйшіе авторитеты этой науки.... Правда, нравственное чувство протестуетъ и возмущается, правда, мы видимъ изъ исторіи, что справедливость постоянно боролась съ неправдою, правда и то, что для свободы открываются пути, благодаря усиліямъ и самопожертвованію незначительной горсти людей, которые, сосредоточивая свои силы въ возвышенномъ порывѣ, направляютъ, подобно Арнольду Винкельриду, всѣ копыя враговъ въ свою грудь, правда наконецъ и то, что число людей, идущихъ по пути свободы, возрастаетъ изъ года въ годъ, но тѣмъ не менѣе остается непреложною истиною, что, если вы хотите говорить о своихъ правахъ, вамъ не бесполезно имѣть при себѣ кромѣ діалектики чтонибудь болѣе существенное... Прошло уже болѣе тысячи лѣтъ съ тѣхъ

поръ, какъ невинные агнцы протестуютъ противъ волковъ и мясниковъ, протестуютъ жалобнымъ блѣянiемъ, кроткими и покорными криками, болѣзненною кровью, текущею по ихъ бѣлой шерсти, а человѣкъ все еще не чувствуетъ себя растроганнымъ, и волкъ тоже остается суровымъ.

Когда комунибудь выпадаетъ на долю чрезмѣрное и незаслуженное влiяние, было бы противно логикѣ, если бы онъ не началъ злоупотреблять имъ. Три великiя власти, передъ которыми общины, особенно сельскiя, являются такими слабыми, пользуются безъ стыда и милосердiя благоприятнымъ стеченiемъ обстоятельствъ.

Поэтому община была и вѣроятно еще долго будетъ главнымъ орудiемъ реакцiонной силы Францiи. Кто подтвердилъ переворотъ 2 декабря? Все это сдѣлали сельскiе избиратели, ребята грубые, тупоумные и запуганные. Кто сказалъ да той конституцiи, которую уничтожилъ новый диктаторъ? Сельскiя общины. Кто, во время путешествiя президента, отвѣчалъ на сигналъ подчиненныхъ г-на Карлье криками: да здравствуетъ Наполеонъ I? Сельскiя общины. Во время выборовъ въ депутаты законодательнаго корпуса, чьи голоса выбирали, съ подавляющимъ единодушiемъ, депутатовъ, назначенныхъ префектомъ и объявленныхъ имъ императорскими кандидатами?— Все тѣ же сельскiя общины. А что старѣеть съ каждымъ днемъ, что колеблется въ самыхъ своихъ основанiяхъ съ тѣхъ поръ, какъ сельскiе избиратели стали подражать избирателямъ большихъ городовъ, съ тѣхъ поръ, какъ императорскiй кандидатъ навѣрное забаллотировывался, съ тѣхъ поръ, какъ на муниципальных выборахъ подаются голоса въ пользу людей неблагонамѣренныхъ? — Старѣеть и колеблется имперiя!

Мы приводимъ только для памяти тѣ запугиванiя и безстыдныя уловки, которыя, во имя правительства, позволяли себѣ гг. префекты, су-префекты и меры, чтобы принудить своихъ крестьянъ вотировать въ пользу бонапартистскихъ кандидатовъ. Правительство овладѣло кофейнями, трактирами и мелкими кабаками, чтобы, держать въ рукахъ трактирщиковъ, имѣть также въ своей власти и посѣтителей ихъ заведенiй. Въ дни выборовъ тамъ дѣлались попойки на счетъ и въ честь императорскаго кандидата — и горе тому путешественнику или избирателю, который выказалъ бы какое нибудь оппозицiонное стремленiе. Было множество случаевъ, когда полевые сторожа приносили *хорошiй билетъ* съ строжайшимъ приказанiемъ избирателю положить его въ урну; а чтобы еще лучше услѣдить за исполненiемъ своихъ повелѣнiй, гг. меры заставляли вотировать у себя, и предварительно смотрѣли билеты, напеча-

танные на бумагѣ извѣстнаго цвѣта. Къ непокорнымъ избирателямъ являлись полицейскіе, облеченные всѣми атрибутами власти; среди толпы, сбѣгавшейся для выборовъ, жандармы схватывали и сажали въ тюрьму честныхъ и зажиточныхъ гражданъ, принадлежавшихъ къ оппозиціи; черезъ пять или шесть дней спустя, ихъ выпускали и просили у нихъ извиненія за ошибку. Какъ вамъ нравится напр. хоть слѣдующее: знаменитый г. Плассіаръ, меръ Куланжа—общины въ 2,000 душъ, приказалъ употреблять строгость «противъ птичныхъ дворовъ, какъ противъ враговъ правительства». Этотъ Плассіаръ сталъ типомъ идеальнаго мера г. Бароша и живо напоминаетъ собой множество миниатюрныхъ деспотовъ, къ которымъ можно отнести напр. Ла-Рошельскаго мера, запрещавшаго своимъ подвластнымъ ѣсть грибы, или Валенкурскаго мера, который пожелалъ изгнать танцы изъ своей общины: *можно производить музыку, объявлять онъ, но отнюдь не танцовать.*

Но если-бъ мы стали рассказывать о вмѣшательствахъ прелатовъ въ область политики, въ общественныя и семейныя отношенія, если-бъ мы захотѣли описать тѣ безчисленныя злоупотребленія, которыя ежедневно дѣлались служителями церквей, то для этого потребовались бы цѣлыя томы.

Что же касается плутней богатыхъ заводчиковъ и землевладѣльцевъ, эксплуатирующихъ свое муниципальное званіе, чтобы продать подороже свои имѣнія, или чтобы добиться отъ казны проведенія дорогъ, нужныхъ единственно только для нихъ и т. д. и т. д., или эксплуатирующихъ собственное богатство и бѣдность своихъ сосѣдей, чтобы удовлетворить своимъ прихотямъ или своему муниципальному положенію—обо всемъ этомъ мы не въ состояніи высказать ничего такого, чего наши читатели не могли бы сами отгадать.

Итакъ вотъ наше убѣжденіе по этому поводу: общину эксплуатируетъ всякій, потому что она слишкомъ слаба, что она не въ силахъ защищаться противъ кого бы то ни было. Несправедливость получила силу закона, законъ подтвердилъ этотъ порядокъ вещей на неопредѣленное будущее, потому что онъ провозгласилъ не-полнонравность общины и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Законъ, правда, смотритъ на общину и на собраніе ея представителей какъ на нравственную личность, но объявляетъ ее неполноправною личностью; онъ признаетъ за нею и право собственности, но считаетъ ее неспособною управлять ею, — въ силу чего община и находится подъ опекою семейнаго совѣта, который состоитъ изъ префекта и центрального правительства, засѣдающаго въ Парижѣ.

Изъ этого вытекаетъ слѣдующее: если нужно поправить дорогу въ Маспакской или Лагорской общинѣ, въ самой отдаленной части Пиренеевъ, надо спросить позволенія у г. префекта, который съестся объ этомъ съ Парижемъ; если представится необходимость поновить завалившуюся стѣну, чтобы защитить кладбище отъ вторженія свиней, — и на это надо будетъ просить разрѣшенія г. префекта, который, быть можетъ, и съ этимъ отнесется въ Парижъ, за 500 миль разстоянія.

Нелѣпость такого устройства бьетъ въ глаза. Впрочемъ понятно и то, что во многихъ случаяхъ не рѣшаются довѣрить рѣшеніе важныхъ вопросовъ муниципальнымъ должностнымъ лицамъ, тушумѣйшимъ изъ смертныхъ. Оставляя въ сторонѣ это возраженіе, мы спросимъ только, можетъ ли оно относиться къ городамъ въ 10 и 100 тысячъ жителей, къ городамъ, какъ Парижъ, Лионъ, Бордо, которые составляютъ центры цивилизаціи и населены толпами людей, которые, умѣя превосходно управлять своимъ личнымъ состояніемъ, могли бы сообща управлять и общественнымъ? Не смѣшно ли утверждать, что Парижъ неполноправенъ передъ закономъ, и что его огромное состояніе необходимо поручить расточительному Гаусманну?

Мы конечно не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые ставятъ политическое право въ зависимость отъ богатства и говорятъ: «Ты избиратель, потому что у тебя 20 экю, а ты въ избиратели не годишься, — у тебѣ всего на всего 3». Но, становясь на точку зрѣнія противниковъ и тѣхъ преній, которыя велись 20 лѣтъ назадъ, при покойномъ Луи-Филиппѣ, я не вижу, что можно возразить тѣмъ, которые желаютъ, чтобы каждому городу, имѣющему бюджетъ свыше 100,000 фр. и считающему въ числѣ своихъ представителей дюжину бакалавровъ, словесниковъ, кончившихъ курсъ законниковъ и всякихъ ученыхъ, было дано право управлять своими собственными дѣлами и быть избавленнымъ, не говорю отъ надзора, но отъ опеки г. префекта.

Что это значитъ, спрашиваютъ сторонники освобожденія общинъ, что это значитъ, что, не говоря уже о другихъ странахъ, общины свободны или почти свободны въ Бельгій, Швейцаріи, Португаліи, гдѣ имъ отъ этого очень хорошо живется, тогда какъ во Франціи законъ объявляетъ ихъ слишкомъ глупыми, чтобы вручить имъ управленіе ихъ собственностью? Неужели же французы глупѣе своихъ сосѣдей?

Такииъ образомъ противники освобожденія принуждены сознаться, что, хотя всѣ общины Франціи и объявлены неполноправными,

между ними все-таки есть множество таких, которыя обладаютъ всѣми качествами, необходимыми для самостоятельной жизни.

«Община, говорятъ, можетъ быть освобождена только въ ущербъ государству. Община — это своего рода миниатюрное государство, имѣющее, приблизительно, ту же цѣль и тѣ же обязанности. Община должна заниматься образованіемъ дѣтей, уличною полиціею, общественною безопасностью, освѣщеніемъ, жизненными припасами, общественною благотворительностью; словомъ всѣмъ, что относится къ бюджету. Если бы ослабить узы подчиненія, которыя такъ тѣсно связываютъ общины съ государствомъ, то образовалось бы множество мелкихъ государствъ въ государствѣ. Франція раздробилась и распалась бы на 36,000 княжествъ, болѣе странныхъ и несравненно болѣе многочисленныхъ, чѣмъ германскія княжества. Съ своимъ населеніемъ въ 1,800,000 жителей, самая большая община, парижская, была бы ровно въ 36,000 разъ значительнѣе многочисленныхъ общинъ въ 50 жителей. При такомъ раздробленіи было бы, наконецъ невозможно сохранить единство, слѣдовательно и величіе Франціи. Страна была бы неспособна противиться иностранному вторженію. Жители Нормандіи, Гасконьи, Латарингін, Прованса, Эльзаса потянули бы къ себѣ, и идея единства и національности была бы ослаблена развитіемъ мѣстной жизни. Если явится необходимость пожертвовать общинами ради государства—мы не задумаемся ни на минуту. Потому что, говорятъ они, идея государства тождественна съ идеею централизаціи, съ идеею прогресса и цивилизаціи. Что стало бы, безъ централизаціи съ нашими желѣзными дорогами, съ нашими телеграфами, съ почтами и обученіемъ? Въ сравненіи съ государствомъ, община имѣетъ только частные интересы. Благо относится къ общему порядку, зло — къ порядку частному. По нашему должно существовать только одно государство, и, въ строго смыслѣ,—только одна община.»

— Этотъ идеаль государства, отвѣчаютъ сторонники освобожденія общинъ, похожъ на пчелиный улей, съ центральною ячейкой, гдѣ матка несетъ яйца, и съ сотнями совершенно похожихъ ячеекъ, куда пчелы-работницы складываютъ свой воскъ и медъ. Таковъ же, впрочемъ и идеаль Мазаса, ужаснаго Мазаса съ его пятью галлерейми и десятичнымъ рядомъ тюремъ. Лишенное разнообразія, единство превращается въ однообразіе,—лишенное свободы, оно становится стѣсненіемъ. Грубымъ и тупымъ умамъ было всегда доступно одно только повтореніе тѣхъ же формъ, одно рабское подражаніе какому нибудь образцу; но природа любитъ разнообразіе видовъ. 36 или 38 тысячъ общинъ не могутъ имѣть одинаковую ор-

ганизацію, потому что однѣ расположены въ долинахъ, другія въ гористыхъ мѣстностяхъ, однѣ окружены лѣсами, другія лежатъ въ болотахъ, а третьи въ пескахъ, потому что онѣ раскинуты на сѣверѣ и на югѣ, вдоль морей и рѣкъ. Национальность—это фактъ историческій и нравственный, но никакъ не географическій; она выражаетъ идею общую вѣмъ жителямъ страны; но провинціи, департаменты, области и общины имѣютъ цѣлью осуществленіе частныхъ и второстепенныхъ идей, которыя пробиваются въ сознаниі одного и того же народа.

Чтобы быть совершеннымъ, т. е. истиннымъ, всякій прогрессъ долженъ быть двоякій, — онъ долженъ совершаться за разъ въ обѣихъ крайностяхъ. Если-бъ дѣло шло иначе — такъ называемый прогрессъ былъ бы явленіемъ уродливымъ, и человечество можно было бы сравнить съ тѣмъ пьяницей, который, по словамъ Лютера, подвигался впередъ, падая попеременно то направо, то налево. Всякій прогрессъ въ единствѣ долженъ сопровождаться равносильнымъ прогрессомъ въ разнообразіи, всякій прогрессъ коллективной централизаціи долженъ уравниваться весьма точно прогрессомъ свободы личной. Именно благодаря своему единству, своей излишней политической централизаціи, Франція такъ живо чувствуетъ потребность административной децентрализаціи. А Германия, Швейцарія и Соединенные Штаты чувствуютъ, наоборотъ, потребность тѣснѣе связать федеральныя узы и сблизить то, что слишкомъ разъединено, именно благодаря своимъ драгоценнымъ мѣстнымъ правамъ. Стремленіе къ тому, чего не имѣешь, весьма понятно; но основательно ли желать того, что уже есть?

Стало быть, если законъ признаетъ общину личностью, которая можетъ владѣть собственностью, то пусть же онъ признаетъ и то, что всякая личность стремится къ свободѣ, пусть признаетъ, что личность сильна только разумомъ, и что разумъ проявляется въ свободѣ. Одарена ли община, или скорѣе та группа людей, которой дали это названіе, достаточнымъ количествомъ разума? Ну, такъ пусть же ей дадутъ, по крайней мѣрѣ, столько свободы, сколько она имѣетъ разума. Община, говоря политическимъ языкомъ, есть личность; такъ и обращайтесь же съ нею какъ съ личностью. Чтобы община не оставалась вѣчно малолѣтнею, надо, чтобы государство дало ей возможность пробовать и развивать свои силы въ управленіи дѣлами и чтобы его перестали сравнивать съ недобросовѣстнымъ опекуномъ, который систематически отупляетъ своего питомца, съ цѣлью сохранить подольше въ своихъ рукахъ его имѣніе.

Конечно, будетъ трудно разграничить на практикѣ дѣла, принадлежащія государству, отъ дѣлъ, которыя должна рѣшать сама община. Но эта причина все же недостаточна, чтобы оправдать государство, которое овладѣваетъ всѣмъ и не оставляетъ ничего на долю общины. Было бы даже полезно устроить между государствомъ и общиною *подвижную плотину*, потому что, по нашему мнѣнію, отношенія между первымъ и второю не могутъ и не должны оставаться неизмѣнно одинаковыми. Жизнь есть непрерывная цѣпь превращеній, говоритъ наука. Будучи прогрессивными, государство, община и личность должны будутъ постоянно увеличиваться, а ихъ взаимныя отношенія расширяться; по мѣрѣ увеличенія ихъ независимости будетъ возрастать и ихъ солидарность. Разсматривая низшій организмъ, напр. организмъ моллюска, вы видите передъ собою слизистую, густую массу; въ этой массѣ трудно отличить нервную систему отъ хрящей или отъ всякой другой системы. Вырвите у этого животнаго kloкъ его тѣла—оно снова восполнитъ его безъ большихъ трудовъ; ни одинъ изъ его органовъ не необходимъ ему, потому что жизнь его недѣлительна; поэтому ничто не важно и все похоже между собою. Въ высшихъ организмахъ мы видимъ совсѣмъ другое: тамъ все несходно, но все тѣсно соединено, всѣ системы до крайности разнообразны, но служатъ одна для другой необходимымъ дополненіемъ. Мы принуждены сознаться, что три области: государство, община и личность еще путаются между собою, а изъ этого слѣдуетъ заключить, что мы находимся на низкой ступени общественнаго развитія, что мы еще не вышли изъ зародышнаго состоянія общества, и что мы до сихъ поръ погружены въ цивилизованное варварство.

Въ принципѣ всякій согласенъ, что государство должно быть свободно въ своей сферѣ, община въ своей, а личность въ своей. Затрудненіе заключается въ разграниченіи ихъ взаимныхъ правъ и свободы каждаго. Дѣло практики—разрѣшить это затрудненіе, которое вовсе не такъ велико, какъ оно кажется на первый взглядъ.

Въ случаяхъ дѣйствительно сомнительныхъ было бы совершенно безразлично, кто изъ двухъ—государство или община—прилагали бы къ дѣлу власть, принадлежащую имъ обоимъ. Кромѣ того ничто не мѣшало бы, если бы государство возложило на общину, или община на государство ту часть права, которая подверглась бы спору. Все, что мы высказали, можетъ прилагаться къ различнымъ частностямъ.

Точно также было бы нетрудно согласиться, еслибъ дѣло шло объ одной и той же обязанности, объ одной и той же службѣ,

хоть бы напиримърь о проведеніи дорогъ. Мы видимъ это и теперь на путяхъ сообщенія: необходимы для нихъ повинности и управление распредѣлены между государствомъ, которому принадлежать національныя дороги, — департаментами, которые имѣютъ дѣло съ дорогами, проходящими въ департаментахъ, и общинами, которыя завѣдуютъ проселочными дорогами.

Слѣдовательно пора было бы приняться за множество реформъ, которыми правительство мажетъ насъ по губамъ болѣе десяти лѣтъ. Прежде всего надо было бы уничтожить административно-спорные дѣла, которыя придуманы для того, чтобы отжилить у гражданскихъ судовъ, по видимому мало подвластныхъ правительству, множество юридическихъ случаевъ, присвоиваемыхъ администрацію. Если одинъ изъ подвластныхъ жалуется на рѣшеніе г. префекта, то г. префектъ, засѣдающій въ совѣтѣ префектуры, беретъ на себя трудъ порѣшить, что г. префектъ дѣйствовалъ превосходно. Не мѣшаетъ замѣтить мимоходомъ, что законъ запрещаетъ преслѣдовать чиновника, и что это преслѣдованіе возможно только съ разрѣшенія государственнаго совѣта. Далѣе, г. префектъ могъ бы быть отрѣшенъ отъ многихъ должностей, которыя, безъ сомнѣнія, сильно тяготятъ его своею отвѣтственностью. Его можно было бы уволить отъ обязанности представлять или назначать всѣхъ меровъ въ департаментѣ, назначать, смѣнять и отставлять безъ всякаго контроля наставниковъ, вычеркивать или приписывать по своему благоусмотрѣнію новыя статьи къ бюджету общинъ. Ему не пришлось бы больше быть экономнымъ, разумнымъ, осмотрительнымъ, изворотливымъ и прогрессивнымъ за всякій муниципальный совѣтъ. Ему пришлось бы не раздавать, по своей личной фантазій, милости правительства. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ и не унижался бы до уличнаго нищаго, выпрашивающаго свои субсидіи у мелкихъ лавочниковъ, трактирщиковъ и площадныхъ торговцевъ. Измѣните все это, и французская провинція приметъ совсѣмъ другой видъ.

Ни государство, ни личность не будутъ въ состояніи осуществить прогресса, къ которому они стремятся, если община, ихъ посредствующій членъ, не произведетъ въ себѣ тѣхъ реформъ, на которыя она имѣетъ право. Для рациональнаго преобразования администраціи и для болѣе совершенной свободы личности необходимо освобожденіе общинъ.

Послѣднее предложеніе совершенно неоспоримо касательно личности. Что касается государства, будетъ не лишнимъ замѣтить, что всякій организмъ силенъ и живучъ только въ сродной ему средѣ. Государство, какъ собирательный организмъ и представи-

тель интересовъ, общихъ 40.000,000 французовъ, окажется, конечно, очень неуклюжимъ и неловкимъ, когда ему придется управлять, на разстояніи 400 километровъ, мелкими мѣстными дѣлами 400 личностей. Въ подобномъ случаѣ государство было бы похоже на машину въ 1000 лошадиныхъ силъ, которую заставили бы вдѣлывать нитки въ иголки, вмѣсто того, чтобы ковать и обращать въ пластинки куски желѣза. Въ такомъ механизмѣ сила 500 лошадей была бы потрачена на то, чтобы сдерживать, посредствомъ различныхъ колесъ и зацѣповъ, силу 500 другихъ лошадей и не давать имъ растереть въ порошокъ иголки и перервать нитки. Итакъ, по нашему мнѣнію, государство свободно и полновластно въ области общихъ интересовъ, гдѣ оно будетъ даже еще свободнѣе, когда сложитъ съ себя управленіе второстепенными интересами. Точно также въ области общинныхъ интересовъ, община должна быть свободна и полновластна, только съ условіемъ не браться ни за какое дѣло, которое было бы выше или ниже ея. Усвоивъ эту систему, правительство, которое хочетъ быть сильнымъ, должно исполнить одно необходимое условіе: децентрализовать все, что вовсе его не касается, или касается только весьма второстепеннымъ образомъ, чтобы быть въ состояніи тѣмъ лучше централизовать все, принадлежащее къ его области.

Правда, что при такомъ пониманіи, слово *сильное правительство* теряетъ смыслъ, который привыкли придавать имъ наши ультрацентрализаторы. На ихъ глаза правительство Наполеона I есть правительство всесильное и всемогущее, такое правительство, которое тремя декретами оповѣщало походъ въ Россію, повелѣвало министру внутреннихъ дѣлъ укоротить юбки танцовщицъ и предписывало попечителю университета, г. де-Фонтанъ, развивать поэтическій гевій Франціи. А между тѣмъ это сильно-организованное правительство чуть не рассыпалось отъ одного щелчка заговора Мелле. Правительства этого разбора, очень сильныя снаружи, бываютъ всегда очень слабы внутри; въ нихъ всегда есть скрытый клапанъ, до котораго стоитъ только дотронуться, чтобы выпустить пары,—крошечная пружинка, которую стоитъ прижать, чтобы разстроить всю машину, обращающуюся вслѣдъ затѣмъ въ тяжелый, безжизненный остовъ, въ бесполезный хламъ. Древній міръ изощрялся на измышленіи подобныхъ правительствъ. Римской имперіей правилъ не кесарь, а перстень съ кесарской печатью. Стоило только евнуху поднять его, когда онъ былъ случайно оброненъ владыкою, стоило наложницѣ украсть его у соннаго кесаря, чтобы основать новую династію и измѣнить ходъ событій. Не то мы называемъ сильнымъ правительствомъ.

Сильное правительство, какъ его понимаютъ въ наше время, нуждается въ сильномъ народѣ. Сильная, здоровая голова нуждается въ крѣпкихъ мускулахъ, а для крѣпкихъ мускуловъ необходимы полные, хорошо обращенные, кровяные шарики съ правильнымъ нитаніемъ. Вотъ посему община и не можетъ быть больше вещью г. префекта.

А такъ какъ французскія общины слишкомъ слабы, чтобы добиваться справедливости, то пусть онѣ составляютъ ассоціаціи и требуютъ уваженія къ своему праву.

Любо-дорого смотрѣть сколько тратится теперь во Франціи чернилъ и плохихъ аргументовъ по поводу этого основного вопроса общиннаго устройства. Принятая формула была, быть можетъ, неудачна и причинила множество недоразумѣній. Было бы лучше говорить объ *освобожденіи общинъ*, а не о *децентрализациі*, потому что послѣднее слово слишкомъ эластично и подъ нимъ понимали не только административную, но и политическую децентрализацию. А политическое единство—это одинъ изъ первыхъ догматовъ большей части французовъ. Поэтому, когда нансінскій комитетъ обнаружилъ свою брошюру, надѣлавшую столько шума, напало множество людей, которые усмотрѣли въ ней замаскированный федерализмъ и намѣреніе разорвать единство французской ассоціаціи. Органы правительства и правительственные демократы тотчасъ же съ яростью накинулись на манифестъ; гг. Гранье де-Кассаньякъ, Поленъ Лимэйравъ, Бонифасъ и Гран-Гильо встрѣтились съ «*Siècle*», представителемъ буржуазіи, съ «*Opinion Nationale*», адвокатомъ меньшей бонапартистской вѣтви и Сень-Симонійскаго деизма, съ «*Avenir National*», двуличнымъ журналомъ, республиканскимъ и либеральнымъ, рационалистскимъ и религіознымъ, съ *Луарскимъ маякомъ* органомъ радикаловъ. На сторонѣ нансінскаго манифеста стоялъ не менѣ странный союзъ: «*Journal des Débats*», «*la Presse*» органы жирондинизма, «*le Temps*» и «*Courrier de Dimanche*», сильно подозреваемые въ орлеанизмъ, и большинство католическихъ и легитимистскихъ изданій.

Рѣдко видали во Франціи такое смѣшеніе партій, что, между прочимъ, свидѣтельствуешь о крайнемъ волненіи умовъ и о крайней затруднительности положенія. Смятеніе зародилось давно; оно зародилось съ тѣхъ поръ, когда враги имперіи приняли имперію, чтобы составить противъ нее оппозицію; съ тѣхъ поръ, какъ они заставили своихъ депутатовъ присягать императору, чтобы имѣть возможность говорить ему всякія неприятности.

Вмѣсто того, чтобы разрѣшить вопросъ путемъ серьезнаго и

глубокаго изученія необходимыхъ реформъ, сочли болѣе удобнымъ пустить въ ходъ личности и взводить другъ на друга гнусныя обвиненія: сторонники диктатуры и вообще люди съ мелкимъ самолюбіемъ и тупымъ взглядомъ на вещи — вся эта журнальная тля, пачкающая своимъ прикосновеніемъ все чистое и свѣжее, пустилась раскапывать жизнь и частныя поступки своихъ оппонентовъ, не касаясь ихъ мнѣній. Другіе бросились въ парадоксы и начали утверждать, что децентрализація есть принципъ анти-революціонный, противный идеямъ 1789 года и конвента. Тогда ихъ противники взяли на себя трудъ доказать имъ, что Мирабо, Дантонъ, Сень-Жюсть, Робеспьеръ говорили такимъ языкомъ, какимъ, теперь, не заговорили бы и самые убѣжденные децентрализаторы—имъ приводили въ примѣръ Б. Констанна, Карреля, Токвиля, ссылались на конституцію 1791 и 1793 года, имъ ясно доказали, что республика совершенно освободила общины, которая снова поработила Наполеонъ I, и опять—таки Наполеонъ I. Послѣ всѣхъ этихъ доводовъ сторонники диктатуры все-таки остались непреклонны и прибѣгли къ слѣдующему аргументу:

«Децентрализація не можетъ намъ нравиться, потому что то, что нравится нашимъ врагамъ, должно намъ не нравиться. Да въ дѣлавахъ децентрализація была доктриною анархиста Прудона!»

Стоило только сформулировать это чудное умозаключеніе и споръ принимаетъ такой оборотъ: вы за децентрализацію?—Такъ вы союзникъ Шамбора, сообщникъ Прудона, клеветъ Фаллу? Легитимисты желаютъ децентрализаціи, чтобы упрочить вліяніе правительства на простыхъ жителей общинъ; той же самой децентрализаціи желаютъ орлеанисты, чтобы упрочить преобладаніе фабриканта надъ несчастными рабочими; Прудонъ же стремился къ децентрализаціи изъ ненависти къ обществу,—стало быть вы принадлежите къ тройному анти-соціальному, анти-общественному, анти-революціонному заговору!

Чтобы быть правымъ, стоило бы только раздѣлять мнѣніе правительства и не соглашаться съ гг. Монталамберомъ и Фаллу. Этотъ критерій истины былъ бы, говоря по правдѣ, слишкомъ простъ и удобенъ. Очень непріятно раздѣлять мнѣніе этихъ двухъ господъ въ чемъ бы то ни было—съ этимъ я вполне соглашусь; но пусть эти господа совершаютъ новые подвиги лицемѣрія — мнѣ дѣло только до одной справедливости, я ищу только одной логики.

Въ концѣ концовъ этотъ споръ не дѣлаетъ чести Франціи. Казалось бы, что этотъ вопросъ не нуждается въ долгихъ преніяхъ;

а тѣмъ мѣшѣ можно было ожидать, чтобы въ этомъ смѣрѣ обнаружилась такая бѣдность и трусость французскаго ума, нѣкогда самого богатаго и смѣлаго въ обсужденіи политическихъ вопросовъ.

Такимъ образомъ *правительство, личность гражданина и община* находятся во Франціи въ постоянномъ противорѣчій и дѣйствуютъ врозь, уничтожая другъ друга. Въ результатъ выходитъ то, что ни одна мало-мальски дѣльная реформа не удается правительству и не поддерживается обществомъ. Пассивное состояніе народа, будто бы измученнаго революціями, прямо вытекаетъ изъ этой бесплодной борьбы социальныхъ элементовъ. Къ тому же накипѣвшая ненависть партій, поглощающихъ лучшія умственные силы Франціи, нейтрализуетъ общественное мнѣніе, перевидывая гири съ одной чашки вѣсовъ на другую. Вліяніе одного политическаго вождя ежеминутно переходитъ въ руки другого, и правительству остается полный просторъ для осуществленія его личныхъ цѣлей.

Чтобы понять это явленіе во всей его уродливости, стоитъ только присмотрѣться къ этому несчастному фокуснику, который называется французской журналистикой. Въ ней нѣтъ болѣе ни идей, ни убѣжденій, ни принциповъ, ни замѣчательныхъ дѣятелей; она измелъчала до отвращенія къ самой себѣ, она сдѣлалась продажной, какъ публичная развратница, она не пренебрегаетъ ни клеветой, ни доносами и даже перестала стыдиться тѣхъ великихъ традицій, которыя создали въ исторіи французскаго развитія столько славныхъ дѣятелей и превосходныхъ идей. Въ ней все плоско, какъ образъ мыслей парижскаго буржуа, и все продажно, какъ чувство наемнаго сыщика. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что послѣ 2-го декабря ссылка и эмиграція лучшихъ дѣятелей французской литературы должна была ослабить умственную работу Франціи, а послѣдующая реакція въ воспитаніи, въ наукѣ и въ обществѣ окончательно убила ея совѣсть и способности. Кто хочетъ убѣдиться въ этомъ, пусть раскроетъ любой журналъ даже временъ Луи-Филиппа и сравнитъ его съ такимъ же журналомъ 1865 года, и онъ почувствуетъ огромную разницу между этими двумя эпохами. Оппозиція въ законодательномъ корпусѣ давно уже указываетъ на этотъ фактъ и требуетъ отмены нѣкоторыхъ стѣснительныхъ декретовъ относительно прессы. Эти декреты сыпались дождемъ въ послѣдніе десять лѣтъ противъ журналистики, и произволъ администраціи дошелъ наконецъ до того, что журналисты охотно подчинились бы предварительной ценсурѣ, какъ она была въ эпоху реставраціи, чѣмъ той мнимой свободѣ, которая была изобрѣтена

гг. Руланомъ и Пелисье. Собственно говоря, эта свобода существовала только на бумагѣ, а дѣйствительныхъ гарантій у нея никакихъ не было. Никто изъ писателей и редакторовъ не зналъ на вѣрное, за что его книга или изданіе подвергнется не нынче, такъ завтра предупреденію министра или полицейскому аресту; никто не могъ предвидѣть, какое мнѣніе или даже отдѣльная фраза оскорбятъ дѣвственное цѣломудріе г. Гаусманна или г. Руэ. А между тѣмъ эта фраза дѣлалась поводомъ къ процессу или запрещенію изданія. Издатель разорялся, сотрудники его органа оставались безъ дѣла, и цѣлыя семейства такимъ образомъ доводились до крайней нищеты. Вслѣдствіе всего этого умственная оригинальность одной изъ передовыхъ націй какъ бы замерла, а съ другой стороны книжныя лавки наводнились такими безобразными произведеніями, какихъ не видѣли и не читали даже современники реставраціи. Этотъ упадокъ умственныхъ силъ прежде всего отразился на общественномъ мнѣніи, которое никогда не отличалось особенною провицательностію въ управленіи странюю, а теперь и подавно. Его занимають сплетни дня, биржевые скандалы, бѣнныя скачки, шутовскіе спектакли театровъ и площадей, и ничто серьезное не обращаетъ на себя его вниманія.

Англія оказывала французскому правительству самую любезную предупредительность во время морскихъ праздниковъ въ Шербургѣ и Портсмутѣ. Чтобы отпраздновать день св. Наполеона, британскій флотъ съ величайшею пышностію отправился въ Шербургъ и Брестъ, эти два военные порты, которые долженствовали изображать собою постоянную угрозу, висящую надъ головою Англіи. Сопровождаемый англійскою эскадрою, императорскій флотъ отдалъ визитъ, и отправился на островъ Уайтъ и въ Портсмутъ, гдѣ гордые британцы сдѣлали ему самый неслыханный приемъ. Весь блескъ и вся пышность официальнаго гостепріимства, весь комфортъ, вся лесть и интимность частнаго—все это было расточено французскимъ офицерамъ. Тутъ были артиллерійскіе залпы, которые могли бы разбудить Нельсона и Корнваллеса, были тутъ обѣды, балы, танцы, нескончаемые визиты, гулянья и торжественная му-

зыка. Большая часть французов не помнили себя. Каждый из них становился для этих суровых англо-саксов предметом самой деликатной предупредительности; эти чисто-выбритые джентельмены ловили всякій их жестъ, всякое слово, точно будто они превратились въ Жени Линдъ. Стыдливыя англичанки не уступали въ любезности своимъ супругамъ и братьямъ; онѣ цѣлыми тысячами облеклись въ трехцвѣтныя одежды: платья, кушаки, зонтики, ботинки, шарфы—все это пестрѣло краснымъ, бѣлымъ и голубымъ. Кто бы ни высадили на берегъ—старый ли служака морякъ или молодой матросъ французскаго флота—его тотчасъ окружалъ цѣлый рой бѣлокурыхъ *миссъ* и ему оставалось только выбирать изъ ихъ рядовъ своихъ *идовъ* и переводчиковъ. *Strange! Strange!* воскликнулъ бы Шекспиръ.

Зачѣмъ обѣ *черныя эскадры* такъ братски привѣтствовали другъ друга? Зачѣмъ эти страшныя боевыя машины, въ 1000 и 1200 лошадиныхъ силъ каждая, выставляли на показъ свою быстроту, ловкость и изощрялись въ сложныхъ маневрахъ съ претензіями на грацію? Зачѣмъ эти мрачныя суда, имѣющія своимъ назначеніемъ разрушать, давить, топить и жечь, извергали изъ своихъ нѣдръ страшныя артиллерійскіе залпы, которые своимъ ревомъ изображали поклоны, привѣтствія, раскаты гомерическаго смѣха, отъ котораго дрожали стекла и болѣли уши?

Это, говорятъ, дѣлалось для того, чтобы отпраздновать юбилей мира между Франціею и Англіею. 50 лѣтъ назадъ обѣ страны отказались отъ этой, можно сказать, вѣчной войны, которая нѣкогда обливала кровью ихъ лѣтописи. Положимъ, что годовщина подала поводъ къ празднеству, но развѣ одной годовщины хватило бы на то, чтобы довести методичныхъ англичанъ до опьянѣнія?

Конечно англичане упиваются безразлично и портеромъ, и идеею, которая можетъ принести имъ выгоду, энтузіазмъ ихъ не походитъ на энтузіазмъ всѣхъ другихъ народовъ: онъ лишенъ увлеченія, онъ заказной. Можно подумать, что эти странные люди способны, по своему желанію, излить въ свой мозгъ пзвѣстное количество нервной жидкости, которую они берегутъ про запасъ, до перваго случая, когда съ пользою можно употребить ее въ дѣло. Приходитъ наконецъ удобный случай—какой, это все равно,—будь то Лаблашъ или выставка 51 года, Гарибальди, Луи Бонапартъ или Кошутъ, пріѣздъ принцессы Александры или французскаго флота,—и вотъ эти методическіе и сдержанные люди, отвертывающіе въ извѣстный часъ краны своего энтузіазма, приходятъ въ восторгъ

какъ разъ во время, и, при помощи магнетизма толпы, экзальтируются почти до иступленія.

Все это такъ, но мы опять-таки спрашиваемъ: что же заставляло трепетать въ одно время и нѣжную грудь англичанокъ, облеченныхъ въ трехцвѣтныя платья, и жорла этихъ морскихъ чудовищъ, обложенныхъ желѣзомъ на 6 вершковъ, черныхъ какъ ночь, и болѣе ужасныхъ, чѣмъ туча урагана, изъ которыхъ змѣится молнія и раздаются глухіе раскаты грома?

Дѣло шло о возобновеніи англо-французскаго союза.

Англо-французскій союзъ обошелся міру цѣною крымской кампаніи. Неизвѣстно, много ли пользы принесла эта кампанія Англій, но несомнѣнно то, что она была спасеніемъ для императора Луи-Бонапарта, который, безъ ея помощи, никогда не могъ бы прочно утвердиться не только въ Европѣ, но даже въ своей имперіи. До этого союза принцъ Луи-Бонапартъ былъ не болѣе, какъ «рагвечи», котораго даже въ безчисленномъ потомствѣ 36 германскихъ династій никто не хотѣлъ признать императоромъ Франціи. Но послѣ того, какъ тысячи и тысячи англійскихъ и французскихъ солдатъ были погребены въ траншеяхъ Севастополя, онъ сталъ также высоко, быть можетъ еще выше, чѣмъ сама Вандомская колонна.

Усѣвшись прочно на своемъ тронѣ и забравши въ руки судьбы Европы, императоръ сталъ дѣйствовать по своему. Онъ затѣялъ итальянскую кампанію противъ воли Англій, онъ задѣлъ заживо самолюбіе обоихъ стариковъ — лорда Пальмерстона и лорда Росселя, которые съ этой минуты дали себѣ слово во всемъ противорѣчить и мѣшать императорской политикѣ, — и стоитъ только припомнить исторію послѣднихъ лѣтъ, чтобы убѣдиться, что дѣйствія ихъ увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ. У имперіи висѣла на ногѣ тяжелая гиря — злопамятство Англій; это, правда, стѣсняло до нѣкоторой степени ея движенія, но не задерживало ея шаговъ. Приходится даже спрашивать, не послужила ли эта глухая вражда спасеніемъ для имперіи, которой она помѣшала броситься въ рискованныя предпріятія, къ чему представлялся случай два раза на материкѣ и разъ противъ Соединенныхъ Штатовъ.

Если разрывъ англо-французскаго союза принесъ имперіи больше пользы, чѣмъ вреда, то для Англій было совсѣмъ наоборотъ. Съ тѣхъ поръ, какъ императоръ Бонапартъ подалъ руку своей великобританской союзницѣ, Викторіи, Сень-Джемскій кабинетъ оказался, по многимъ причинамъ, лишеннымъ возможности снова завязать прежнія

сношенія съ своими прежними союзниками европейскаго материка. Отъ этого произошло гибельное для Великобританіи отчужденіе; оказалось, что, съ одиѣми только своими силами, она въ военномъ отношеніи гораздо слабѣе, чѣмъ можно было думать. Ея европейская армія оказалась ничтожною; флотъ, которымъ она могла располагать, оказался немного многочисленнѣе французскаго и гораздо слабѣе того, которымъ располагають и могутъ располагать Соединенные Штаты въ данную минуту. Все это было настоящимъ открытіемъ. Пруссія стала предаваться жестокому удовольствію осматривать Англію униженіями въ датскомъ дѣлѣ; и въ настоящую минуту Англія, быть можетъ, превратилась бы въ посмѣшище всѣхъ нашихъ политиковъ, еслибъ всѣмъ и каждому не было извѣстно, что все-таки она богата и сильна для защиты, хотя и слаба для наступательныхъ дѣйствій.

Понятно поэтому, что Англія старается выйти изъ своего удивительнаго положенія. Въ свое время правительство Луи-Бонапарта ухаживало за нею ради заключенія союза, теперь въ свою очередь она ухаживаетъ за нимъ изъ-за его возобновленія.

Но противъ кого же направляется этотъ союзъ? Слова Альфонса Карра:—«Дружба двухъ дамъ есть всегда заговоръ противъ третьей», оправдываются самымъ блистательнымъ образомъ, когда дѣло идетъ о высокихъ и знаменитыхъ царицахъ дипломатіи, о великихъ державахъ. Противъ кого же Англія хочетъ составить союзъ съ Франціею? Противъ кого же обратятся теперь эти громоносныя чудовища, которыя сооружались прежде для враждебныхъ столкновеній съ своими шербургскими, брестскими и тулонскими братьями, съ которыми они теперь обмѣниваются самыми лестными залпами, самыми ласковыми выстрѣлами?

«Противъ насъ!» не преминули отвѣтить Пруссаки. «Союзъ трехъ сѣверныхъ державъ, союзъ тайный, полный соперничества и недоумовокъ, но все-таки необходимый и въ высшей степени дѣйствительный союзъ, который является угрозою противъ Франціи,—вотъ что составляетъ слабость и униженіе Англіи. Англо-французскій союзъ заключается снова именно для того, чтобы уничтожить положеніе дѣлъ, грозящее такимъ неминуемыми опасностями. Соединенная эскадра угрожаетъ именно прусскому флоту.»

Это, конечно, весьма возможно и мы ни въ какомъ случаѣ не желали бы противорѣчить прусскимъ политикамъ. Вообще союзъ между двумя кабинетами очень опасная вещь какъ для тѣхъ, кто его заключаетъ, такъ и для тѣхъ, противъ кого его заключаютъ,

и даже для тѣхъ, противъ кого его не заключаютъ. Поэтому возможно и то, что англо-французскій союзъ, когда онъ будетъ заключенъ (потому что пока дѣло остается еще при желаніи, не забудьте этого), обратится противъ Германіи—чему нѣкоторыя статьи, часто появляющіяся въ Times, придаютъ извѣстную долю вѣроятія.

Но мы обратимся не къ Times, чтобы отгадать сокровенную мысль Англіи, — мы станемъ искать ее въ Punch, а Punch очень ясно говоритъ всѣмъ, кто понимаетъ значеніе его каррикатуры, что Англія ужасно обижена гренадерами Дуннеля, канонерами Миссунда и главнымъ адмираломъ прусскаго флота—но что она ихъ ни мало не боится. Все безпокойство ея направлено совсѣмъ въ другую сторону, по ту сторону атлантическаго океана. Ее гораздо больше унижаетъ, ей гораздо больше угрожаетъ возрастающее могущество Соединенныхъ Штатовъ, чѣмъ могущество Пруссіи. Англія есть, можетъ и хочетъ быть только морскою державою. Какъ бы Франція ни выбивалась изъ силъ, ея флотъ всегда будетъ стоять на второмъ планѣ, послѣ англійскаго, а по мнѣнію самыхъ компетентныхъ моряковъ, оба флота, только соединившись между собою, могли бы выступить противъ морскихъ военныхъ силъ Соединенныхъ Штатовъ.

И надо сказать правду, американскіе журналы не ошиблись, когда, при первыхъ заявленіяхъ обѣихъ союзныхъ эскадръ, они воскликнули: «Это противъ насъ!» Но затѣмъ они оставили этотъ вопросъ въ сторонѣ; они слишкомъ заняты своими собственными дѣлами и всѣми затрудненіями, возникающими по поводу возобновленія ихъ Союза. Но чѣмъ же Соединенные Штаты прогнѣвали Англію? Въ одно прекрасное утро вдругъ приносятъ Джону Росселю депешу за черной печатью, изъ которой *маленькій* министръ узнаетъ, что въ Ирландіи составилъ національный заговоръ противъ англійскаго господства, и что главный центръ этого революціоннаго общества находится въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ то время, какъ корсарскіе корабли Англіи помогали плантаторамъ обирать купеческія суда Сѣверной Америки, янки, не желая остаться въ долгу у Англіи, дали пріютъ и помогли развитію заговора феніевъ. Они допустили утвердиться правильно-организованному обществу и готовы снабжать ихъ, деньгами, кораблями и волонтерами.

Въ виду этого угрожающаго событія, Англія пробѣгаетъ къ тѣмъ же жалкимъ мѣрамъ, которыя употреблялись ею при Георгѣ III. Она думаетъ не о примиреніи съ ирландскими патриотами, а о новыхъ угнетеніяхъ несчастной страны. Можетъ быть и даже вѣ-

роятно, что она задушитъ силою это новое возстаніе, но это еще не значить разрѣшить тотъ вопросъ, который уже нѣсколько вѣковъ лежитъ на ея совѣсти. Ирландія и Англія — два противоположные полюса, которыхъ сліяніе въ одну націю едва ли когда нибудь будетъ возможно. Антагонизмъ расъ и религій всегда былъ самымъ непримиримымъ антагонизмомъ между побѣдителемъ и побѣжденнымъ. Только самая дальновидная и гуманная политика успѣвала примирять эти крайности и уничтожать глубокую вражду между подобными столкновениями. Но что же дѣлала Англія въ отношеніи Ирландіи? Позаботилась ли она стать въ другія отношенія къ своей завоеванной добычѣ, въ какія обыкновенно становится угнетатель къ своему угнетенному? Та же самая варварская система колонизаціи, которая разорила Индію, была вполне приложена и къ Ирландіи; но тамъ по крайней мѣрѣ не было религіозной ненависти, возведенной въ систему, а здѣсь она господствовала въ полной силѣ. Протестантъ-англичанинъ считалъ не только дозволеннымъ, но и законнымъ правомъ стѣснять и обирать католика-ирландца. Кто не знаетъ тѣхъ ужасныхъ жестокостей, которыми сопровождалось каждое подавленіе хроническихъ, ирландскихъ возстаній? Конфискація имущества, ссылка побѣжденныхъ враговъ и продажа ихъ въ невольничество, насильственное обращеніе въ англиканское вѣроисповѣданіе, гуртовья убійства цѣлыхъ населеній и грабежи селъ и городовъ—все это слишкомъ хорошо извѣстно каждому, кто прочиталъ хоть нѣсколько страницъ изъ исторіи Ирландіи. При томъ землевладѣльческая и промышленная эксплуатація, опустошившая превосходную почву Ирландіи и парализовавшая всякое развитіе мануфактурной дѣятельности, обратила ея жителей въ толпу нищихъ, умирающихъ медленною голодною смертію. Но все это не только не ослабило національнаго чувства ирландца, но еще болѣе упрочило его и сдѣлало враждебнымъ Англіи. Феніи есть ничто иное, какъ старое, никогда неугасавшее стремленіе угнетенной страны свергнуть съ себя ненавистное иго. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ мы взглянемъ на это событіе съ фактической стороны и во всей его подробности, а теперь вернемся къ внутреннему положенію Англіи.

Устройство телеграфа между Европою и Америкою, послѣ столькихъ попытокъ и пожертвованій, по прежнему не удастся. Не успѣхъ новой попытки уже извѣстенъ всѣмъ. Но мужественные акціонеры, оказывая истинный подвигъ добродѣтели, не пали духомъ послѣ столькихъ неудачъ. Они дѣлаютъ новые вклады въ общественную кассу, заказываютъ снова канатъ въ нѣсколько тысячъ километровъ — и въ будущемъ году, съ мая мѣсяца, Great Eastern начнетъ снова пытаться счастье. Прошлаго 20 августа онъ вернулся въ Чирнессъ. Тысячи зрителей стеклись на пристань, чтобы поздравить его съ возвращеніемъ; его ожидалъ оркестръ музыки, который привѣтствовалъ его пѣсней: «Cheer, boys, cheer!» Дай Богъ удачи! скажемъ и мы ему.

Повидимому, Англія переживаетъ періодъ сильнаго нравственнаго нездоровья. Дѣтубійства и отравленія, были особенно чудовищны за послѣднее время; утверждаютъ также, что возрастаетъ число дѣвицъ высшаго аристократическаго круга, которыя убѣгаютъ съ своими лакеями или выходятъ замужъ за своихъ грумовъ. Постоянно опасаются холеры, а скотскій падежъ продолжаетъ свирѣпствовать. Въ іюлѣ и августѣ пало нѣсколько тысячъ быковъ и коровъ. Главная пища англійскаго простолюдина, говядина — сильно поднялась въ цѣнѣ. Много было толковъ о причинахъ этого бѣдствія: одни говорили, что онъ начался въ хлѣвахъ сельфильдскихъ боенъ, другіе утверждали, что его занесли стада изъ Голландіи и Россіи. Второе мнѣніе сдѣлалось настолько преобладающимъ, что ввело въ употребленіе слово *русская язва*, которое обозначаетъ теперь эту страшную болѣзнь. Извѣстно только то, что каждый день отъ береговъ Голландіи отчаливаютъ огромныя паровыя лодки, биткомъ набитыя всякимъ скотомъ, который тѣснится и на палубѣ, и въ трюмѣ, и отправляется на рынки Лондона. Эти несчастныя животныя, ошеломленныя качкою, страдающія отъ дурнаго обращенія, лишеныя воздуха, когда они внизу, замерзающія, когда стоятъ наверху, задыхаясь повсюду, переносятъ тысячу мученій до своего прибытія на англійскую бойню, которая является мѣстомъ избавленія для быковъ Поля Петтера и красивыхъ коровъ Куйна. Несчастныя жертвы, вѣроятно, заболѣваютъ тифомъ на транспортныхъ судахъ или въ хлѣвахъ, куда ихъ загоняютъ, пока еще мясникъ не успѣваетъ съ ними расправиться. Къ несчастью, ихъ мясо остается очень свѣжимъ на видъ и много такихъ кусковъ зараженной говядины попадаетъ въ руки бѣдняковъ помимо надзора полиціи. Требования народной гигиены или

желаніе сберечь скотоводамъ миллионъ денегъ побудять наконецъ принять санитарныя мѣры по поводу ввоза быковъ, точно также, какъ были приняты мѣры относительно кораблей съ эмигрантами.

По случаю этой болѣзни, Голландія, Бельгія, Франція запретили ввозъ скота изъ-за границы. Въ Англии общественное мнѣніе, во главѣ котораго сталъ Times, потребовало отъ правительства подобной же мѣры. Министерство совѣтывалось съ коронными юрисконсультами, которые объявили, что никакой законъ не уполномочиваетъ министерство принимать на этотъ счетъ полицейскія мѣры.

«Это педантизмъ законности!» воскликнулъ Times, узнавъ объ этомъ отвѣтѣ. Быть можетъ оно и такъ, но такой излишекъ добросовѣстности нравится намъ со стороны правительства.

Г. Бисмаркъ, продолжаетъ испытывать терпѣніе не только Пруссіи, но и Германіи. Пока происходило Зальцбургское свиданіе и пока онъ составлялъ протоколъ Гастейнской конвенціи, онъ успѣлъ кое о чемъ побесѣдовать съ г. Пфордтеномъ, первымъ министромъ Баваріи, самую умную голову германскаго союза послѣ г. Бейста. Государственный человѣкъ Пруссіи оказался расположеннымъ къ откровенности и изліяніямъ; ему захотѣлось прикинуться милымъ ребенкомъ передъ однимъ изъ своихъ соперниковъ по дипломатіи. Онъ началъ разговоръ съ того, что объявилъ, будто, по его убѣжденію, война между Пруссіею и Австріею не только не подлежитъ сомнѣнію, но должна разразиться въ скоромъ времени. Поэтому самыя существенныя интересы второстепенныхъ государствъ заставляютъ ихъ подумать теперь же о томъ, какую роль они будутъ играть впоследствии. Онъ прибавилъ, что, на его взглядъ, дѣло идетъ о дуэли между Пруссіею и Австріею, и что затронутые интересы не будутъ имѣть большой важности, если Германія согласится играть въ этой дуэли роль пассивной зрительницы. Рѣшиться на такую роль она можетъ безъ малѣйшихъ опасеній. Пруссія не думала никогда и не думаетъ теперь распространять свою политическую власть

далѣе линіи Мейна. Впрочемъ рѣшеніе не замедлится. Австрія не приготовлена, да и не располагаетъ средствами, необходимыми для приготовленій. Одного удара, одной большой битвы будетъ довольно, и Пруссія будетъ въ состояніи предписывать условія.

Тогда г. Пфортенъ рѣшился возразить, что далеко не вѣрно то, что всякій станетъ уважать, во всякомъ случаѣ, нейтралитетъ второстепенныхъ державъ, и что Пруссія, напримѣръ, можетъ не церемониться дать новое сраженіе на саксонской почвѣ. Г. Бисмаркъ немедленно отвѣчалъ, что войну можно рѣшить посредствомъ мѣстнаго удара, нанесеннаго изъ Силезіи, и что это возможно не только по его мнѣнію, но и по мнѣнію самыхъ компетентныхъ военныхъ авторитетовъ. Провозглашая свой вооруженный нейтралитетъ, второстепенныя державы располагали бы еще лишнимъ средствомъ, чтобы упрочить за собою болѣе выгодный раздѣлъ добычи. Баварія, въ особенности, должна принять въ соображеніе, что она естественная наслѣдница положенія Австріи въ южной Германіи.

Г. Пфортенъ объявилъ, что, въ настоящую минуту, онъ не въ состояніи отвѣчать отъ имени своего правительства на эти предложенія; г. Бисмаркъ возразилъ, что онъ весьма желаетъ узнать предварительно хотя бы личное мнѣніе баварскаго министра. Г. Пфортенъ отказался говорить даже и отъ своего имени и уѣхалъ изъ Зальцбурга съ обѣщаніемъ, что, когда г. Бисмаркъ проѣдетъ черезъ Мюнхенъ, отправляясь изъ Гастейна въ Баденъ, онъ не приишетъ сообщить ему рѣшенія своего правительства.

Г. Пфортенъ счелъ своимъ долгомъ сообщить своему собрату г. Бейсту о важныхъ дѣлахъ, которыя готовились. Съ смѣлостью и быстротою рѣшимости, которыя характеризуютъ Бейста, великій государственный человѣкъ, не колеблясь ни минуты, объявилъ Вѣнскому кабинету, что, въ случаѣ нападенія со стороны Пруссіи, онъ отдастъ въ распоряженіе Австріи свои саксонскіе полки. Въ то же время одинъ Лейпцигскій журналъ объявлялъ, что униженіе Пруссіи составляетъ настоятельную потребность и жизненную необходимость германской родины, что необходимо отнять у этой всепоглощающей державы Силезію и поставить ее снова въ тѣ границы, которыя она имѣла до Семилѣтней войны.

Надо припомнить, что, для поддержанія комедіи, газеты г. Бисмарка бѣсновались противъ Австріи, что пушки съ грохотомъ катились къ границамъ, и что во всѣ стороны разсылались военные ревизоры, подававшіе рапорты о вооруженіи Пруссіи. А пока общественное мнѣніе волновалось, пока душили другъ друга въ газе-

тахъ,—вдругъ появился текстъ конвенціи, заключенный 14 августа въ Гастейнѣ между австрійскими и прусскими уполномоченными и подтвержденный 20 августа въ Зальцбургѣ. Кто же попался впросакъ? Попались г. Шфордтенъ, г. Бейстъ, попались нѣмецкіе журналисты и отчасти попался вашъ парижскій корреспондентъ, который относился съ полу-недовѣріемъ къ воинственнымъ слухамъ минуты. Это еще лишняя мистификація, которую надо считать за г. Бисмаркомъ. Давно уже мы не видали первымъ министромъ такого забавнаго шутника.

Убѣдившись, что *condominium* неудобно и вредно какъ общими, такъ и ихъ личными интересамъ, ихъ величества, австрійское и прусское, на вышерѣченной конвенціи, подѣлили братски тѣ самыя герцогства, которыя, помнится, были объявлены нераздѣльными въ силу латинскихъ документовъ, относящихся къ 1092 году. «Нераздѣльны на вѣки!» — вотъ что кричали всѣ германскіе органы въ отвѣтъ этой злосчастной Даніи, которая наивно предлагала уступить Гольштинію, лишь бы за ней оставили Шлезвигъ. Поэтому Пруссія присвоиваетъ себѣ Шлезвигъ, а Австрія — Гольштинію, въ силу правъ, приобретенныхъ уступкою, которая вынуждена у побѣжденнаго короля.

Австрія дѣлаетъ хорошо, что хвастаетъ правами, которыя призналъ за нею Вѣнскій трактатъ. Иначе пришлось бы замѣтить ей, что Гольштинія не принадлежитъ ей даже по праву завоеванія. Дѣйствительно, при началѣ спора, она была занята безъ сопротивленія войсками германскаго союза, которыя дѣйствовали въ силу предписанія союза. Союзъ нѣсколько ограбилъ Данію, отнявъ у нее Гольштинію, теперь союзъ въ свою очередь ограбленъ. Оно и логично!

Что же касается Лауенбурга, тоже приобретеннаго Австріею и Пруссіею по Вѣнскому трактату, первая изъ этихъ державъ уступила его второй за 2,500,000 датскихъ рейхсталеровъ; изъ этой суммы на каждого жителя приходится круглымъ числомъ до 50 рейхсталеровъ, которые имѣютъ быть выплачены въ Берлинѣ звонкою прусскою манетою, черезъ четыре недѣли послѣ подтвержденія конвенціи; но товаръ долженъ быть выданъ немедленно.

Фактически прусское казначейство не выдастъ этой суммы, потому что конвенція освобождаетъ Лауенбургъ отъ военныхъ издержекъ, которыя цѣлкомъ падаютъ на Шлезвигъ и Гольштинію: они будутъ расплачиваться за троихъ. Пруссія бесплатно кладетъ Лауенбургъ въ карманъ, восполняя такимъ образомъ сравнительную

малочисленность населенія Шлезвига въ отношеніи къ Гольштиніи. Какъ видите, всё условія весьма справедливы.

Гольштинскій портъ Киль назначается для будущаго германскаго флота, а въ ожиданіи его рожденія, вся власть и полицейское управленіе будутъ находиться въ рукахъ доброй Пруссіи. Она же будетъ строить укрѣпленія у фридрихсфортскаго фарватера и будетъ устраивать на гольштинской сторонѣ бухты всякія морскія зданія, какія найдетъ удобнымъ. Въ ея распоряженіи будутъ находиться проливъ между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями, стратегическіе пути Гольштиніи, телеграфическія нити изъ Киля въ Рендсбургъ а этотъ послѣдній городъ имѣетъ сдѣлаться генеральною крѣпостью (sic), начальство надъ которою будетъ переходить поочередно отъ Австріи къ Пруссіи 1 іюля cadaго года.

Таковы официальные условія Гастейнскаго трактата. По словамъ Morning-Post существуютъ секретныя, дополнительныя статьи, по которымъ Австрія обязалась будто-бы продать Пруссіи Гольштинію, которую она удерживаетъ только на время. Въ замѣнъ этого Пруссія обѣщаетъ признать за Австріею и заставить сеймъ признать за нею Венеціанскую область, Венгрію, и другія виѣ-германскія владѣнія. Эти слова Morning Post'a были категорически опровергнуты въ Вѣнѣ и Берлинѣ, — и мы этому охотно вѣримъ. Секретныя статьи должны оставаться секретными. Впрочемъ то, что утверждаетъ органъ лорда Пальмерстона, можетъ быть подтверждено или опровергнуто только дальнѣйшимъ ходомъ событій.

Гастейнская конвенція останется, конечно, однимъ изъ самыхъ, любопытныхъ событій нашей эпохи. Начинали забывать эту дипломатію, которая становится выше всѣхъ правъ, всѣхъ обѣщаній, самой справедливости, и кто же могъ подозрѣвать, что Лауенбургцы могутъ быть оцѣнены поголовно въ 125 или 150 франковъ, — ровно вдвое противъ цѣны, которую платятъ за породистыхъ лошадей.

А между тѣмъ самое существованіе этого трактата доказываетъ, что въ исторіи есть нравственность, и что эта нравственность мститъ. Въ спорѣ съ маленькою Даніею Германія поступила возмутительно; сеймъ даже отказался выслушать датскаго посланнаго, — и вотъ теперь ее оскорбляютъ, мистифируютъ, осмѣиваютъ, даже распоряжаются ея собственностью — Гольштиніею и Лауенбургомъ, которыми торгуютъ, не удостоивъ ее даже увѣдомленіемъ. А потомъ пусть себѣ гольштинскіе штаты и представители Саксенъ-Веймара, Саксенъ-Кобургъ-Гота, и Саксенъ-Мейнинге-

на протестуютъ на сеймѣ противъ Гастейнской конвенціи и предлагаютъ подвергнуть вопросъ разсмотрѣнію третейскаго суда.

— Третейскій судъ! Того же самаго требовала и Данія, но на это ей отвѣчали, что она можетъ выбирать въ судьи кого ей угодно, лишь бы только ихъ рѣшенія были не дѣйствительны. Надо прибавить, что сеймѣ успѣшилъ отложить свои засѣданія на 6 недѣль, какъ только онъ узналъ о протестѣ и трактатѣ.

Оказывается, что Германія наказана тѣмъ же, чѣмъ согрѣшила, — она наказана обоими великими сообщниками. Очередь уже дошла до Австріи. Негодованіе противъ того, что называютъ предательствомъ, сильно въ Германіи, и, быть можетъ, всего сильнѣе въ Вѣнѣ. Всякій намѣревается оставить ее на произволь судьбы въ минуту несчастія.

Въ настоящую минуту Г. Бисмаркъ наслаждается полнымъ торжествомъ. Теперь, болѣе чѣмъ когда нибудь, онъ первый государственный человѣкъ въ Европѣ: онъ мистифируетъ, ведетъ войну, подписываетъ трактаты, унижаетъ Англію, принуждаетъ императора Бонапарта искать спасенія въ политикѣ воздержанія и взять девизомъ *inertia—sapientia*.

Прибавимъ, что объ его побѣды—душпельская и миссундская—раздѣлили прусскихъ либераловъ на двѣ партіи, а что Гастейнскій трактатъ повидимому долженъ уничтожить ихъ въ политическомъ отношеніи. Прогрессисты фіолетоваго цвѣта забыли, что ихъ оскорбляли и обманывали, забыли, что на дѣлѣ ихъ конституція оказалась изорванною,—они не помнятъ себя отъ радости по случаю завоеванія Шлезвига и Лауенбурга и блистательной перспективы—захватить Гольштинію и все остальное.

Пока, въ своемъ адресѣ, поданномъ сейму, гольштинскіе штаты протестовали противъ Гастейнскаго трактата, который отнималъ ихъ у законнаго владѣтеля, герцога Аугустенбургскаго, шлезвигцы тоже протестовали по своему, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ. Они цѣлою толпою отправились въ Копенгагенъ, гдѣ жители дали имъ обѣдъ, на которомъ присутствовало 4.000 человѣкъ. 50.000 человѣкъ принимали участіе въ Кламменбургскомъ праздникѣ. Было произнесено нѣсколько рѣчей, въ которыхъ ораторы увѣрили, что Шлезвигъ не всегда останется отдѣленнымъ отъ Даніи... Мы этого не знаемъ...

Убийство одного г. Отта, альзасскаго француза, начальника кухни принца Альфреда англійскаго—это случай, который начинает принимать размѣры международнаго событія. Онъ жилъ въ Боннѣ и возвращался домой съ нѣсколькими друзьями около 10 часовъ вечера, какъ вдругъ съ ними встрѣтились студенты самого аристократическаго круга, которые нашли запятнымъ поколотить это общество *филистимлянъ*. Оттъ и его товарищи напрасно старались пройти мимо, — ихъ поколотили самымъ *буришюзнымъ* образомъ. Осыпавъ ихъ палочными ударами, одинъ студентъ, одѣтый въ прусскій военный мундиръ, вынулъ саблю и нанесъ ею такой ударъ въ голову несчастнаго Отта, что тотъ упалъ. Нападавшая шайка разбѣжалась. Оттъ былъ перенесенъ въ больницу, гдѣ умеръ на другой же день. Жители Бонна, возмущенные такимъ дѣйствіемъ поступкомъ, сдѣлали ему великолѣпныя похороны. Убийцею обаялся студентъ-юристъ, который въ одно время учится и отслуживаетъ закономъ назначенный годъ въ гусарскомъ полку. Его имя графъ Эйленбургъ, онъ племянникъ прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ и сынъ президента Регенства. Мѣстный начальникъ даже не счелъ нужнымъ арестовать убійцу за его «выходку» и сдѣлать это только послѣ предписанія сверху. Молодой человѣкъ былъ подвергнутъ домашнему аресту, но будь на его мѣстѣ сынъ мѣщанина, ему не избѣжать бы самого строгаго заключенія. А въ конституціи, между прочимъ, говорится довольно ясно: всѣ пруссаки равны передъ закономъ; не существуетъ никакихъ привилегій, преимуществъ, чиновъ, сословій.

Англичане приняли къ сердцу это дѣло. Times рѣзко отозвался о дерзости прусскихъ патриціевъ, которые думаютъ, что жизнь повара ни во что не цѣнится передъ уголовнымъ закономъ. Лорду Непиру было поручено сдѣлать по этому поводу замѣчаніе прусскому правительству отъ имени Англии, г. Бенедетти получилъ соотвѣтствующее порученіе отъ Франціи. Въ Альзасѣ подписываютъ адреса, въ которыхъ взываютъ къ справедливости, и, что всего любопытнѣе, это то, что французскіе журналы получаютъ изъ Германіи множество писемъ, гдѣ ихъ просятъ не оставлять дѣло. Въ этихъ письмахъ жалуются, что въ Пруссіи безконтрольно господствуетъ самая невыносимая наглость въ полицейской расправѣ съ гражданами. Приводятъ въ примѣръ самые возмутительные факты, которые доказываютъ, что законъ не одинаковъ для военнаго и для мѣщанина. Въ Силезіи офицеры увлекаютъ молодую дѣвушку въ ловушку и замучиваютъ ее до смерти; они же въ Магдебургѣ

убиваютъ ховяина отеля и за все это раздѣляются короткимъ арестомъ. Вотъ на чемъ остановилось дѣло.

Съ самого возшествія министерства Белькреди, Австрія чувствуетъ все больше и больше, что февральскій статутъ, эта неудачная попытка монархическаго соединенія путемъ конституціонной свободы, существуетъ еще только на словахъ. Система личнаго соединенія торжествуетъ теперь надъ парламентаризмомъ. Намъ пишутъ, что вѣнскіе либералы уже считаютъ соединительную конституцію (воплощеніемъ которой являлось это двусмысленное существо, г. Шмерлингъ) мертворожденною покойницею; говорятъ, что они повторяютъ жалобу Іова: «Императоръ далъ намъ ее, императоръ же ее и отнимаетъ, да будетъ его императорская и королевская воля!»

Трансильванскій сеймъ получилъ приглашеніе высказать свое мнѣніе насчетъ соединенія Трансильваніи съ Венгріею. По февральскому статуту слѣдовало бы, чтобы рейхсратъ рѣшилъ этотъ вопросъ.

Намъ пріятно видѣть, что вѣнское правительство начинаетъ сознавать свое настоящее положеніе. Мы очень любимъ логику, какъ для себя, такъ и для другихъ.

Венеціанскій апелляціонный судъ утвердилъ приговоръ, направленный противъ двухъ дѣтей 9 и 12 лѣтъ, преступленіе которыхъ состоитъ въ томъ, что они хотѣли *порицать правительство*. Въ Падуѣ продолжаются процессы студентовъ, въ Удино не проходитъ дня безъ ареста за политическое „преступленіе“. Тенденціозные процессы изобилуютъ и ведутъ обыкновенно прямымъ путемъ въ carcere duro. О благополучная Австрія!

Мужественные Венеціанцы должны обладать неимовѣрнымъ патріотизмомъ, чтобы не потерять бодрость не говорю отъ австрійскихъ

насилій, а отъ того жалкаго духа, который, съ нѣкотораго времени, проносится надъ Италіей. Прусская военщина проникла въ пьемонтскую армію, а оттуда въ страну.

Къ числу подвиговъ солдатской необузданности относится одинъ фактъ, который сильно взволновалъ общественное мнѣніе и принялъ размѣры политическаго событія.

Виллата, полковникъ 1 линейнаго полка, разстрѣлялъ, послѣ дѣла при Аспромонте, въ которомъ онъ командовалъ въ качествѣ майора, восемь плѣнныхъ гарибальдійцевъ. Семь изъ нихъ принадлежали къ арміи и были казнены, какъ дезертиры, но восьмой былъ простой гражданинъ, волонтеръ, и смерть его была убійствомъ. Кромѣ того, этотъ Виллата виновенъ передъ этими несчастными въ личныхъ злодѣяніяхъ, достойныхъ Крокко и Чиприано-Гада; одинъ изъ несчастныхъ не умеръ подъ выстрѣлами, и потому Виллата покончилъ его на другой день.

Это дѣло произвело раздоръ въ журналистикѣ: офицеры-товарищи Виллаты, стали на его сторону, и одинъ генуэзскій журналистъ былъ раненъ. Редакторы *Diritto* и другихъ газетъ имѣли достаточно здраваго смысла и достоинства, чтобы отказаться отъ другихъ поединковъ.

Вмѣсто того, чтобы призвать г. Виллата къ военному суду, военный министръ, генераль Петитти принялъ его сторону, и, въ конфиденціальномъ циркулярѣ, который журналы поспѣшили обнародовать, приглашалъ армію отвѣчать на нападенія штатскихъ, какъ слѣдуетъ, т. е. пистолетными выстрѣлами.

Циркуляръ надѣлалъ скандала и взволновалъ умы. Черезъ нѣсколько дней на улицахъ Флоренціи народное сборище оскорбило и преслѣдовало трехъ офицеровъ, и чтобы избавить ихъ, пришлось прибѣгнуть къ вооруженному вмѣшательству. Всѣ эти факты доказываютъ, что между италіянскимъ и пиемонтскимъ элементами еще не стерлись старыя антипатіи, и чѣмъ болѣе суживается національная дѣятельность Италіи, тѣмъ сильнѣе начинаютъ проявляться эти антипатіи. Даже въ самомъ министерствѣ появляются раздоры, которые заставили г. Ланца подать въ отставку. Интересно, что Туринъ сдѣлался злѣйшимъ врагомъ пиемонтизма, именно съ тѣхъ поръ, какъ туринскіе граждане получили нѣсколько пуль отъ туринскихъ же офицеровъ. «Чего же ожидать дальше?» спрашиваютъ италіяны въ недоумѣніи.

Читатели быть может помнят странные слова г. Бисмарка, которыми онъ намекалъ на нѣкоторое сходство между эльбскими герцогствами и дунайскими княжествами, и на то, что Австрія можетъ вознаградить себя съ восточной стороны; они, быть можетъ, еще не забыли того, что вѣнскія газеты объявляли о смутахъ въ Бухарестѣ. Смуты дѣйствительно произошли 15 августа. Хотя нецвѣстно, чему вѣрить въ такой странѣ, гдѣ ложь и лицемеріе доведены до восточной утонченности, однако предполагаютъ, что князь Куза уѣхалъ на Эмскія воды, предварительно подготовивъ мятежь и условившись съ генераломъ Флореско о мѣрахъ къ его подавленію. Движеніе 15 августа было, говорятъ, не болѣе какъ предупреждающею контръ-революціею.

Вѣрно только то, что общее положеніе страны весьма плохо, и что всякая перемѣна возможна въ странѣ, въ которой одинаково свирѣпствуютъ и произволъ и анархія, и въ тоже время разыгрываются интриги различныхъ европейскихъ державъ, повторяющихся на маленькой Бухарестской сценѣ тѣ же роли, которыя нѣбогда разыгрывались на большой сценѣ Константинополя.

Послѣ г. Бисмарка, князь Куза одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ воспитанниковъ школы императора Наполеона, и ему совершенно по силамъ привести переворотъ къ желаемому результату. Князь уже давно ослабилъ всѣ партіи, призывая ихъ поочередно къ министерству, откуда онѣ почти тотчасъ же изгонялись. Прошлогодній переворотъ далъ ему возможность управлять одному, обходясь безъ помощи палаты.

Окруженный интригующею челядью, которая составляетъ и низвергаетъ министерства, князь создалъ множество чиновниковъ, въ надеждѣ сдѣлать себѣ изъ нихъ опору,—но къ несчастью оказалось, что имъ нечѣмъ платить. Это произвело глухое неудовольствіе и между самими чиновниками, и между тѣми, которые должны были платить значительныя подати для ихъ содержанія. Никогда налоги не были тяжелѣе и никогда казна не была бѣднѣе. Князю, истощившему до конца всѣ денежные средства, приходилось слышать въ самомъ законодательномъ корпусѣ, хотя и избранномъ имъ и его префектами, глухой ропотъ финансовой оппозиціи.

Старое боярское сословіе не можетъ простить ему мѣръ, принятыхъ въ пользу крестьянъ. Всякую либеральную попытку оно принимаетъ за личное оскорбленіе. Неразборчивое на средства, оно постоянно составляетъ заговоры, пуская въ ходъ всѣ тайны восточныхъ интригъ. Старые господа Ширбей, Бибеско, Стурдза раз-

грызаютъ роль претендентовъ, имѣютъ своихъ клеветовъ, окружены маленькимъ дворомъ и толпою всякихъ искателей. Они игнорируютъ Парижскій трактатъ и создаютъ каждый день новыя препятствія; они поддерживаютъ недовольство и волненія.

Крестьянство—эта неподвижная и невѣжественная масса, приученная къ рабству и недовѣрію цѣлымъ рядомъ вѣковъ, сомнительно относится къ реформамъ либеральнаго Кузы и, не видя дѣйствительнаго облегченія своихъ насущныхъ нуждъ, остается безучастнымъ зрителемъ всѣхъ переменъ. Эксплуатируемое лихоимцами и чиновниками, оно только одного и желаетъ—уменьшенія налоговъ, которыми его съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе обременяютъ. Рядомъ съ этими элементами прошедшаго стоитъ небольшая горсть гражданъ будущаго — партія молодежи. Ихъ часто встрѣчали въ Парижѣ: у нихъ много добрыхъ намѣреній, много страстныхъ порывовъ, но они портятъ дѣло излишнею поспѣшностью и недостигаютъ своей цѣли, потому что часто захватываютъ слишкомъ далеко. Нетерпѣливые и даже неосторожные, они не гнутся ни передъ какими опасностями и стараются ускорить развязку, что, конечно, можетъ только затянуть дѣло на неопредѣленное время. Увы! надо побывать въ карантинѣ, пройти черезъ школу тяжелыхъ опытовъ, надо самому пережить неудавшіяся надежды и видѣть собственными глазами ополѣвшихъ и занимающихъ выгодныя мѣста реформаторовъ, чтобы понять, до какой степени оправдывается, особенно въ политикѣ, печальная поговорка, изобрѣтенная мѣщанскою мудростью: лучшее есть врагъ хорошаго!

Еще до отъѣзда князя ожидали волненія. Генераль Флореско рѣшился воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы нанести сильный, хотя и не совсѣмъ вѣрный ударъ и запугать населеніе назидательнымъ примѣромъ. Все это произошло 15 августа. На базарѣ вспыхнуло возмущеніе. Было ли оно настоящее или искусственно, вызванное агентами правительства, этого не знаютъ навѣрное. Извѣстно только, что генераль выслалъ 10,000 войска—кавалеріи, пѣхоты и артиллеріи—противъ 400 безоружныхъ гражданъ, по большей части торговцевъ и носильщиковъ. Человѣкъ 100 было убито; раненыхъ оказалось больше, а арестованныхъ еще гороздо больше. Армія, расположенная въ лагеряхъ за стѣнами, вошла въ городъ при пушечной пальбѣ. Народъ почувствовалъ свою рану, и чѣмъ болѣе онъ страдаетъ отъ ея жгучей боли, тѣмъ болѣе силится оставаться апатичнымъ и нѣмымъ во избѣжа-

не вторичнаго удара. «Бухарестъ спокоенъ», возвѣщаютъ телеграммы. «Бухарестъ усмиренъ», говорятъ письма.

Императоръ Наполеонъ III поручилъ поздравить князя Кузу; онъ совѣтуетъ ему быть снисходительнымъ и умѣреннымъ послѣ побѣды.

Жакъ-Лефрель.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ

Разочарованія въ нашемъ прогрессѣ.—Образчики русской гуманности.—Какъ жители Архангельска удовлетворяютъ своимъ высшимъ потребностямъ.—Какъ совершается сліяніе сословіи въ одну русскую семью.—Консервативная сила провинціи.—Въ чемъ ея задерживающая сила?—На чемъ сосредоточиваются ея стремленія.

I.

Когда лѣтъ пять тому назадъ скептики подсмѣивались надъ напускнымъ жаромъ людей, изображающихъ нынче элементы благо-разумія, то этотъ почтенный элементъ называлъ скептиковъ мальчишками, отрицателями всего завѣтнаго, свистунами и т. д. Но прошло еще пять лѣтъ и теперь всякій можетъ убѣдиться своими глазами, что свистуны были правы.

Въ послѣдніе десять лѣтъ мы подняли всевозможные вопросы, переговаривали обо всемъ; въ періодъ страстности, каждый русскій, зарядившись общественными вопросами, носился съ ними точно начиненная бомба. А теперь тѣ же бомбы лежатъ тихохонько по своимъ угламъ и ждутъ, чтобы какая нибудь посторонняя сила сдвинула ихъ съ мѣста.

Какъ хорошо и съ какимъ жаромъ разсуждали мы, напримѣръ, объ образованіи и эмансипаціи русской женщины. Когда «Современникъ» возбудилъ этотъ вопросъ можно было подумать, что вся

Россія ^{то} упадетъ въ обморокъ: такое сдѣлалось у всѣхъ головокруженіе. И старыя, и молодыя всѣ заговорили о назначеніи и призваніи женщины, о долгѣ матери и жены. Казалось, что, по меньшей мѣрѣ, чрезъ годъ наши женщины превратятся въ тѣ идеалы гражданской доблести и семейныхъ добродѣтелей, о которыхъ тогда говорили. Но прошелъ не годъ, а пять лѣтъ, и мы спросимъ теперь: завелись ли у насъ школы для образованія женщинъ? Измѣнилось ли ея образованіе противъ прежняго? Даемъ ли мы женщинамъ лучшее домашнее воспитаніе? Обращаемся ли мы съ женами, какъ люди цивилизованные, какими себя считаемъ? Знаетъ ли наша женщина что нибудь больше того, что она знала прежде? Явилась ли у женщины самостоятельность въ образѣ мыслей и въ дѣйствіяхъ? Миѣ возражать, что у насъ завелось множество новыхъ женскихъ школъ, пансіоновъ, гимназій. Очень хорошо. Но докажите, что госпожа Труба, Щерба, Мейеръ, Эбергартъ, Нистремъ, Рехенбергъ, Фурманъ, Кнорре, Пробстъ, Пиллингъ, Мезе, Дюмушель и всѣ иностранныя и неиностранныя содержательницы русскихъ пансіоновъ воспитываютъ дѣвушекъ не такъ, какъ онѣ воспитывали ихъ прежде. Докажите, что изученіе условій свѣтскаго общежитія не составляетъ основной сущности воспитанія. Докажите, что всѣ такъ называемыя умственные предметы преподаются именно въ томъ видѣ, чтобы давались дѣвочкамъ правильныя понятія о жизни общественной, частной, семейной. Вы этого не докажете. Въ такомъ случаѣ скажите, что же вы сдѣлали и къ чему вы такъ горячились въ 1861 году, повторяя слова свистуновъ?

Какъ хорошо разсуждали мы объ образованіи вообще и о необходимости истиннаго просвѣщенія въ Россіи въ частности. Мы простирали свою заботливость рѣшительно на всѣхъ, и на мужиковъ, и на образованныхъ. Мы составляли общества, комитеты и даже компаніи на акціяхъ, для просвѣщенія образованныхъ и образованія необразованныхъ. И что же? Комитетъ грамотности и до сихъ поръ ищетъ и не можетъ найти способы, содѣйствующіе народному образованію; онъ проситъ объ указаніи ему способовъ первоначальнаго обученія въ школахъ и самъ еще учится тому, что ему нужно было знать въ первый день своего существованія. Комитетъ совершенно доволенъ тѣмъ, что онъ собирается, засѣдаетъ, пишетъ протоколы и печатаетъ свои «занятія». Но покажите хотя одну школу, учрежденную въ вашемъ городѣ комитетомъ грамотности; покажите хоть одного мужика, котораго комитетъ или его корреспонденты научили бы читать и писать? Общество распространенія полезныхъ книгъ напечатало 123,000 экземпляровъ полезныхъ, по его мнѣнію, чте-

ніа и продало только 24,000 экз. Отчего же 100,000 экз. лежать въ его складахъ и кладовыхъ, ожидая неявляющихся покупателей? Если бы эти книги были дѣйствительно полезны и нужны, неужели бы онѣ залежались въ кладовыхъ. Десять лѣтъ занимаясь образованіемъ народа, наши комитеты и общества говорунговъ не видятъ другого къ тому средства, кромѣ грамотности; они не ввели въ народную массу ни одной свѣтлой мысли, ни одного практическаго знанія, не изгнали изъ народа ни одного предразсудка; ихъ просвѣтительный кругозоръ не идетъ дальше буквара и печатанія книгъ, которыхъ никто не читаетъ. Между тѣмъ народъ и въ 1865 году имѣетъ такія же понятія о явленіяхъ природы, какія онѣ имѣлъ въ день основанія Руси; онѣ и теперь влоачиваетъ колъ и льетъ воду въ могилу самоубійцы. Къ чему послужили, господа просвѣтители, ваши буквары и ваши полезныя книги, кого и чему онѣ научили? Въмѣсто того, чтобы вашимъ корреспондентамъ писать статьи въ ваши «Заванія», лучше бы вы поручили имъ знакомить народъ устно съ явленіями природы. Въ десять лѣтъ можно научить многому. Теперь же въ десять лѣтъ вы не научили ничему, и приходится начать толковать объ этомъ дѣлѣ снова и снова принятыся за дѣло.

Какъ хорошо мы разговаривали объ образованіи вообще, и вотъ, когда правительство, издавъ новыя постановленія по этому предмету, предоставило обществу самому порѣшить нѣкоторыя частности, мы узнаемъ, что въ нашемъ знаменитомъ Нижнемъ Новгородѣ, которымъ такъ гордится каждый патриотъ московской школы, было назначено въ нынѣшнемъ году засѣданіе въ городской думѣ, чтобы порѣшить: какую гимназію учредить въ городѣ — реальную или классическую? И что же?.. только *пять* человѣкъ явилось для рѣшенія этого вопроса. Въ то же время «Московскія Вѣдомости», стояція во главѣ дѣлаго сонма темныхъ людей, доказываютъ, что для Сибири университетъ не нуженъ, потому что тамъ много бѣдныхъ людей, которымъ не на что ѣхать учиться въ Россію. Въ Херсонѣ, гдѣ восемь различныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, «возможность получать образованіе по прежнему остается достояніемъ однихъ лишь привилегированныхъ сословій; а масса женскаго населенія Херсона, за малыми исключеніями, лишена возможности посѣщать эти заведенія». Что же касается до общественной женской прогимназіи, то она не встрѣчаетъ сочувствія и поддержки въ херсонскомъ обществѣ и своимъ существованіемъ обязана «немногимъ истиннымъ друзьямъ просвѣщенія, посвятившимъ ей безвозмездной досугъ.» Если бы я былъ корреспондентомъ, я бы представилъ

факты того, какъ люди, занимающіе видное общественное положеніе, отзываются съ ироніей объ образованіи, объ общественныхъ бібліотекахъ и съ тщеславіемъ говорятъ о томъ, что они ничему не учились, однако слава Богу не примуть курицу за пѣтуха; я могъ бы представить факты и того, какъ охотно тратятъ люди, носящіе фраки, круглыя шляпы и лайковыя перчатки, десятки рублей на шумныя и пьяныя удовольствія и не дадутъ гривенника на общепользное дѣло. Но я думаю, что вы и безъ моихъ фактовъ имѣете передъ глазами десятки своихъ собственныхъ, подобнаго же рода. Вы знаете, кромѣ того, что у насъ безъ обѣдовъ, баловъ, спектаклей и концертовъ любителей невозможно достиженіе ни благотворительныхъ, ни ученыхъ цѣлей. Только сытный, вкусный и увеселительный обѣдъ умягчаетъ наши сердца и вдохновляетъ насъ гуманными и цивилизованными мыслями. И подобныя средства нужны не для представителей нашихъ городскихъ сословій, не отличающихся вообще свѣтлыми мыслями, а для представителей русскаго ума и русской учености, воспитывающихъ наши молодыя поколѣнія! Для сближенія членовъ казанскаго университета устроены въ послѣднее время ежемѣсячныя обѣды. Къ мысли объ обѣдахъ, принадлежащей одному изъ профессоровъ политической экономіи и статистики, казанскіе ученые относятся какъ къ какому нибудь гениальному изобрѣтенію или открытію, обладающему несомнѣнными спасительными свойствами, потому что только обѣды дали возможность спасти отъ распаденія казанское экономическое общество. «Чтобы какъ нибудь собрать членовъ, безъ которыхъ общество немислимо, и сблизить ихъ между собою, пишетъ корреспонд. «С.-Пб. Вѣд.», профессоръ Миншевичъ придумалъ для этого тоже обѣды, *придающіе совѣщаніямъ болѣе практическую и привлекательную форму* (ну, еще бы!). Постѣ обѣда секретарь общества долженъ былъ сообщать собранію замѣчательныя книжныя новости, открытія и изобрѣтенія, достойныя вниманія, и потомъ излагать собранію въ краткихъ словахъ самыя интересныя предметы по текущимъ дѣламъ.» Такъ какъ эти обѣды удались,—хотя и странно было предполагать, чтобы у насъ не удался какой нибудь обѣдъ, то, продолжаетъ корреспондентъ, «надобно полагать, что и университетскіе обѣды повлекутъ за собою сближеніе членовъ, т. е. достигнутъ желаемой цѣли.» Слѣдовательно обѣды оказали три раза необыкновенную услугу русскому просвѣщенію въ одной Казани: въ первый разъ при учрежденіи экономическаго общества, — петербургское вольное экономическое общество только пило чай и сближалось достаточно этимъ деше-

вымъ средствомъ,—второй разъ, при его распаденіи; а теперь въ 1865 году объѣды должны сблизить членовъ университета. Такимъ образомъ, въ десять лѣтъ странствованія по пути отечественнаго просвѣщенія, толковъ и споровъ, мы пришли къ тому, что даже нашихъ передовиковъ не вытщишь изъ берлогъ и не вложишь въ нихъ желанія къ обмѣну мыслей безъ увеселительныхъ объѣдовъ. Правы ли были свистуны, когда они подсмѣивались надъ явившейся въ насъ внезапной любовью къ просвѣщенію и надъ нашими просвѣтительными стремленіями? И мы же еще огорчаемся невѣжествомъ народа и хотимъ просвѣщать младшую братію!

Какъ хорошо мы говорили о гуманности, о кроткомъ обращеніи съ животными; въ Одессѣ составилось даже цѣлое общество для кроткаго обращенія съ коровами, собаками и свиньями. А между тѣмъ «Подольской губерніи, въ г. Гайсинѣ, найденъ лежавшимъ въ яру неизвѣстный больной человекъ, лѣтъ 50-ти, который черезъ нѣсколько часовъ умеръ. Полицейскимъ дознаніемъ обнаружено, что *умершій, накануне смерти, просилъ городскаго голову о принятіи его въ больницу.*» Ну чтобы устроить сначала общество для кроткаго обращенія съ людьми и уваженія человѣческаго достоинства! Не было бы тогда и такихъ фактовъ: «въ селѣ К... живутъ нѣсколько владѣльцевъ; самый богатый и вліятельный изъ нихъ занимаетъ въ сельской церкви должность ктитора. Жертвуя ежегодно на церковь что-то такое, онъ считаетъ себя полнымъ ея хозяиномъ. Пріѣзжаетъ разъ въ церковь сосѣдній кузнецъ и послѣ объѣда подходитъ приложиться къ мѣстной иконѣ. Едва успѣлъ онъ исполнить свое желаніе, какъ подлетаетъ къ нему взбѣшенный ктитора и дѣлаетъ ему выговоръ: «ты, братецъ, долженъ знать, что *у меня* никто не смѣетъ прикладываться къ кресту или къ иконѣ прежде меня! Въ другой разъ я не велю пускать тебя въ *свою* церковь!» Чѣмъ Одессѣ заниматься учрежденіемъ общества кроткаго обращенія съ животными и общества любителей изящныхъ искусствъ (есть и такое), лучше бы заняться укрощеніемъ такихъ господъ, какъ этотъ ктитора или тѣхъ черноземныхъ натуръ, которыя до сихъ поръ тѣшатся кулачными боями. Въ городѣ Погарѣ, черниговской губерніи, такіе бои процвѣтаютъ до сихъ поръ. И если бы въ этихъ бояхъ принимала живое участіе меньшая братія, а то напротивъ—купцы. Въ 1859 г., послѣ одного пьянаго объѣда, купцы затѣяли или по мѣстному *затерли* такіе блистательныя кулачки, какихъ еще не видавали мѣстные жители. Къ сожалѣнію побоище пришлось прекратить ранѣе, потому что одного мѣщанина убили на повалъ. Понятно, что кулачные бои запретили. Но развѣ рус-

скій человѣкъ можетъ быть безъ *идрава*? И вотъ погоры въ нынѣшнемъ году принялись снова за кулачки и, чтобы скрыться отъ глазъ полиціи, придумали весьма остроумно драться за городомъ. Послѣ этихъ фактовъ, имѣющихъ вовсе не единичное значеніе и опредѣляющихъ уровень нашихъ нравовъ и степень нашего гуманнаго развитія, о такихъ мелочахъ, какъ дуэли изъ худо понимаемаго чувства достоинства, при которыхъ противники, принимая неустрашимый видъ, стрѣляютъ величественно и гордо или въ воздухъ или совершенно равнодушно всаживаютъ пули другъ въ друга, и говорить не стоитъ. Но пусть бы наши дуэлисты, вспомнили отвѣтъ одного американца, котораго какой-то господинъ вызвалъ разъ на дуэль. Американецъ сказалъ ему вотъ что: «милостивый государь, выберите дерево одной толщины со мной и стрѣляйте въ него. Если вы попадете, то я дуракъ; если же не попадете—то вы дуракъ.» Какъ за то, послѣ приведенныхъ выше фактовъ русской гуманности, пріятно узнать, что Архангельскъ, покончивъ всѣ свои дѣла по общественному благоустройству и благополучію своихъ жителей и водворивъ у себя вездѣ довольство и счастье, занимается усердно собственнымъ гуманизированіемъ, потому что всѣ другія болѣе существенныя дѣла онъ уже передѣлалъ. Гуманизированіе архангельскихъ жителей производится посредствомъ музыки. И хотя бы этимъ дѣломъ занимались въ Архангельскѣ только нѣмцы, которыхъ отечество, какъ извѣстно въ Германіи, но нѣтъ, корреспондентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» говоритъ, что въ Архангельскѣ есть музыкальный кружокъ, «состоящій изъ молодыхъ чиновниковъ-любителей, большею частью людей бѣдныхъ, тружениковъ, которые, заботясь о средствахъ къ существованію, вмѣстѣ съ тѣмъ такъ увлекаются искусствомъ, что нѣкоторые изъ нихъ посвящаютъ ему даже часы своего ночнаго отдыха. Просиживая цѣлыя дни, согнувшись надъ бумагами, они разучиваютъ свои пьесы ночью въ то время, когда люди обезпеченные и притомъ нетревожимые никакими высшими потребностями, такъ безмятежно спятъ!...» Какую усадительную картину должны изображать архангельскіе труженики-чиновники, пиликающіе по ночамъ на скрипкахъ или свистящіе на флейтахъ, и какъ это должно быть пріятно сосѣдямъ, желающимъ ночью спать. Но съ другой стороны, что за изверги люди обезпеченные, которые вмѣсто того, чтобы играть по ночамъ на скрипкахъ и контръбасахъ, безмятежно спятъ! Но беретъ меня еще и экономическое раздумье. Если труженики такъ бѣдны, что для нихъ главный вопросъ заключается въ средствахъ для существованія, то зачѣмъ это они по ночамъ играютъ на скрипкахъ,

вмѣсто того, чтобы заниматься чѣмъ нибудь существенно полезнымъ? Если же они по ночамъ занимаются эстетическими наслажденіями, то не слѣдуетъ ли заключить, что они не совсѣмъ такіе бѣдняки и труженики, какими изображаетъ ихъ авторъ архангельской идилліи. Но какъ опять нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ достовѣрности словъ автора, то не нужно ли допустить, что труженики дѣйствительно бѣдны? и если они дѣйствительно бѣдны, то отчего же они не занимаются дѣломъ — или они люди неспособные, или въ Архангельскѣ, послѣ насажденія въ немъ общаго благополучія, ничего не остается дѣлать? Однимъ словомъ, неисходный лабиринтъ вопросовъ и противорѣчій, потому что автору корреспонденціи захотѣлось увѣрить всю Россію, что въ Архангельскѣ растутъ померанцовыя рощи и поютъ соловьи; а тамошніе жители, отличаясь добродѣтелями, какихъ нѣтъ ни въ одномъ концѣ Россіи, дошли до той тонны ощущеній, что не пьютъ и не ѣдятъ, но подобно розамъ услаждаются звуками пѣсенъ соловья. Хорошо еще, что для поддержанія репутаціи Архангельска нашлась въ немъ кучка обезпеченныхъ людей, *нетревожимыхъ никакими высшими потребностями* и занимающихся по ночамъ прозаическимъ хралѣніемъ. Корреспондентъ, какъ видно, хотѣлъ уколоть этихъ обезпеченныхъ людей; а между тѣмъ разобидѣлъ своихъ тощихъ музыкантовъ. Неужели вы думаете, что играть по ночамъ на скрипкѣ или на дудѣ, значить имѣть высшія потребности и удовлетворять имъ? Архангельскъ, слава Богу, мы знаемъ; мы знаемъ, гдѣ онъ лежитъ, что тамъ растетъ, какъ богаты тамошніе люди, даже чѣмъ они занимаются и что они дѣлаютъ. Вѣдь не публицисты и общественные дѣятели Франціи, Англіи и Америки обитаютъ въ Архангельскѣ, а такіе же русскіе люди, какъ и вездѣ у насъ. Кого же вы хотите уколоть недостаткомъ высшихъ потребностей и кому вы хотите ихъ приписать? Въ то время, какъ Архангельская губернія, питающаяся треской и сельдями, не умѣетъ ихъ ни ловить, ни готовить, такъ что необходимо выписывать особыхъ учителей изъ Норвегіи, — вы отыскали въ Архангельскѣ десять голодныхъ чиновниковъ, играющихъ по ночамъ на скрипкахъ и увѣряете, что ихъ тревожатъ высшія потребности, которымъ они удовлетворяютъ своимъ пиликаньемъ. Богъ съ вами, г. корреспондентъ, что это вы говорите! Миѣ кажется, вы не могли представить болѣе крупнаго факта негуманности и равнодушія людей къ положенію себѣ подобныхъ. Такимъ образомъ прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ наше общество заговорило о высшихъ стремленіяхъ и о гуманности; а мы до сихъ поръ даже еще

и не уяснили себѣ, что значить гуманность, — и тупое равнодушіе къ положенію ближняго, и пиликанье на скрипкѣ, когда у сосѣда отъ голоду подведены животы, называемъ удовлетвореніемъ высшимъ потребностямъ. Васъ вѣрно возмутилъ фактъ негуманности гайсинскаго городского головы, отказавшаго въ помѣщеніи больному; но неужели вы думаете, что ваши музыканты, которыхъ вы описали такъ трогательно, поступаютъ лучше? Были ли правы тѣ, кого вы называли свистунами, когда они смѣялись надъ вашей гуманностью?

Какъ много и хорошо говорили мы о сліяніи сословіи и какъ умилительны были мечты о томъ счастіи, которое олицетворить собою Россія, когда всѣ мы, безъ различія происхожденія, званія и состоянія, сольемся въ одну общую русскую семью. Но и тутъ мы потерпѣли неудачу, какъ и во всѣхъ своихъ другихъ высшихъ матеріяхъ, о которыхъ такъ краснорѣчиво разсуждали. Было бы слишкомъ неосторожно предполагать, чтобы корреспонденты, говорящіе правду, подвергались повсюду такого рода опасностямъ, какія грозили бокамъ одного рыбинскаго корреспондента; но съ другой стороны, на основаніи положительныхъ и точно извѣстныхъ мнѣ фактовъ, могу увѣрить читателя, что литературное занятіе въ провинціи, какого бы рода оно ни было, становится мирнаго литературнаго труженика въ весьма трудное и опасное положеніе, въ родѣ того, какому подвергались корреспонденты американскихъ газетъ въ теперешнюю американскую войну. Поэтому нужно полагать, что большинство провинціальныхъ корреспондентовъ, по весьма понятному чувству самосохраненія, стараются отыскивать въ общественной жизни своихъ согражданъ только свѣтлыя стороны, какъ это сдѣлалъ архангельскій корреспондентъ, которому благодарные соотечественники приподнесли, конечно, розовый вѣнокъ. Если это вѣрно, то тѣмъ большую цѣну должны имѣть тѣ корреспонденціи, изъ которыхъ оказывается, что сліяніе сословіи идетъ у насъ вовсе не такъ успѣшно, какъ въ Архангельскѣ сліяніе музыкантовъ-любителей. Въ Вяткѣ, напримѣръ, «все общество какъ-то ползетъ въ рознь. Купечество почти не явшается съ чиновничествомъ; да и между собою не составляетъ тѣснаго кружка; чиновничество также разбилось на самыя разнохарактерныя группы, вертящаяся каждая около своего центра; словомъ, наше общество представляетъ собою нѣчто въ родѣ послѣдствій вавилонскаго столпотворенія, когда вдругъ всѣ работавшіе заговорили разными языками, не понимая другъ друга». «Въ Ярославлѣ два клуба: одинъ дворянскій, другой купеческій; между тѣмъ какъ общество слишкомъ невелико, чтобы наполнять оба клуба въ одно время. Но сословныя понятія

не допустили до сліянiя обоихъ клубовъ въ одинъ». Въ Камышинѣ для сліянiя сословія задумали устроить клубъ и, какъ говорить «Волга», не только допустили равноправность во всей ея цѣлости, но даже купеческому элементу дали перевѣсъ. Многіе чиновники этимъ очень обидѣлись и отказались отъ участiя въ собранiи. Однимъ словомъ, *слиянiе* идетъ у насъ также быстро, какъ и гуманизированье, и хотя наши провинціальныя корреспонденты изъ желанiя польстить самолюбію своихъ согражданъ, а можетъ быть и по чувству самосохраненiя, рисуютъ идиллическія картины общаго единодушiя; но если бы они захотѣли вникнуть въ вопросъ поближе, то увидѣли бы, что существуетъ только одинъ случай, когда на русское единодушiе можно положиться, какъ на каменную гору: при устройствѣ обѣдовъ, закусокъ, пооекъ, придающихъ собранiямъ, по мнѣнію казанцевъ, болѣе практическую форму. И отчего казанцамъ не придетъ мысль обобщить свое знаменитое изобрѣтенiе? Какъ бы подсмѣялись они тогда надъ жалкими свистунами, сомнѣвавшимися въ нашемъ единодушiи: вѣдь стоитъ только давать каждый мѣсяцъ обѣдъ, на которомъ бы застѣдала вся Россія, и тогда сліянiе совершится въ самой привлекательной формѣ. Можно бы для такихъ всероссійскихъ обѣдовъ избрать Куликово поле, а лучше барабинскую или какую нибудь другую степь, хоть бы, на примѣръ, на берегу Иргиза.

Съ неменьшимъ жаромъ и не менѣе краснорѣчиво разсуждали мы о городскомъ благоустройствѣ, о чистотѣ и освѣщенiи улицъ. Но не угодно ли вамъ взглянуть въ любую пекарню или въ мясную лавку любого русскаго уѣзднаго или губернскаго города. «Биржевыя Вѣдомости» указываютъ, какъ на фактъ выдающійся изъ ряда вонъ, на то, что въ тульскихъ пекарняхъ и черепенныхъ «полахъ, потолки, стѣны, полки, лавки, столы, посуда и вся утварь, въ которой приготавливаютъ намъ хлѣбъ нашъ насущный, находятся въ перяшествѣ и въ отвратительной нечистотѣ! Послѣ такой обстановки, что же самъ хозяинъ пекарни и черепенной? Что его взрослая прислуга?... Въ тѣсномъ грязномъ подвальномъ помѣщенiи пекаръ помѣщаетъ свою прислугу отъ 10 до 15 человѣкъ; прислуга эта спитъ въ повалку, въ собственной атмосферѣ, въ присутствiи безчисленнаго множества мелкихъ и крупныхъ насѣкомыхъ; и это въ хлѣбныхъ пекарняхъ!» Чему же тутъ удивляться, и какъ будто это въ одной Тулѣ? Попросите своихъ провинціальныхъ корреспондентовъ доставить вамъ свѣденiя, какъ въ нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ пекутся баранки, бублики, булки, хлѣбъ, пряники; какъ продается говядина, какой видъ имѣютъ мясныя лавки, и всѣ 5000 вашихъ

корреспондентовъ—предполагаю по одному въ каждомъ городѣ—сообщать вамъ, что вездѣ одинъ и тотъ же порядокъ и чистота; вездѣ прислуга спитъ въ повалку, не зная ни постелей, ни кроватей; вездѣ собственная атмосфера; вездѣ мелкія и крупныя наськомья. Чему же тутъ удивляться! Вотъ если бы *Тульскій Справочный Листокъ* нашелъ бы въ Тульѣ булочную безъ блохъ, клоповъ и таракановъ; если бы онъ указалъ намъ такого хозяина, рабочіе котораго имѣютъ кровати, употребляютъ простыни и наволочки и закрываются одѣялами, то объ этомъ стоило бы еще писать; да не только въ русскихъ, но и въ иностранныхъ газетахъ—пусть-ка нѣмцы и англичане учатся опрятности и цивилизованнымъ потребностямъ у насъ. А теперь поймали одного клопа, да и носятся съ нимъ по свѣту, точно и не богъ вѣсть какая рѣдкость. По слабости, свойственной образованнымъ людямъ, винить во всемъ всегда другихъ, мы съ омерзѣніемъ относимся къ неряшеству нашихъ торговцевъ, мясниковъ, булочниковъ и вообще простолюдиновъ. Но, образованный человекъ, будьте только справедливы и посмотрите, что дѣлается въ нашемъ собственномъ домѣ. Повсюдная грязь у насъ совсѣмъ не потому, чтобы она составляла необходимый элементъ въ жизни нашего простонародья, а потому что не можемъ жить безъ нея и мы, образованные люди. Посмотрите на нашъ сѣверовосточный край; посмотрите на чемъ тамъ люди сидятъ, спать, что они ѣдятъ. Подумаешь, что они заѣхали въ городъ на время и завтра поѣдутъ дальше. Ничего не бывало; люди живутъ десятки лѣтъ, не дѣлая никакихъ улучшеній, потому что имъ ничего и не нужно, потому что у нихъ нѣтъ никакихъ стремленій къ лучшей жизни. За что же упреки мужику, который во многихъ отношеніяхъ стоитъ далеко выше такъ называемыхъ образованныхъ! Мы гордимся тѣмъ, что нѣмецкое платье даетъ намъ право считать себя образованными, и полагаемъ, что достаточно носить пальто или вицмундиръ, чтобы взять на себя право руководить и учить тѣхъ, кто носитъ сермягу. А между тѣмъ жизнь этихъ сермягъ представляетъ такіе факты, какихъ нѣмецкіе сортуки представить не въ состояніи,—факты, которые могли бы дать самонадѣянному людямъ урокъ полезной скромности. О безобразномъ пьянствѣ народа прокричали теперь всѣмъ уши; но знаете ли, кто пьетъ больше всѣхъ и между кѣмъ больше всего смертныхъ случаевъ отъ пьянства? Между нами, людьми образованными. По праву своего пальто или вицмундира, мы вообразили себя руководителями сермяги въ вопросахъ общественной жизни; какъ факты мужицкой неразвитости мы представляемъ то, что они своимъ самосудомъ

поломають иногда виноватому ребра или побьютъ его безъ мѣры. Но развѣ наши юридическія понятія выше или безошибочнѣе? Мужикъ наказываетъ точно глупо, и иногда,—когда возбудится въ немъ сильно страсть, — съ звѣрской жестокостью; но судить онъ гораздо практичнѣе, здравѣ насъ, и понимаетъ лучше нашего свои интересы. Укажите, во многихъ ли городахъ новые судебныя уставы, земскія учрежденія, реформа гимназій, финансовыя операціи послѣдняго времени возбуждали размышленія и толки? Сказали два, три слова и тѣмъ кончилось дѣло; подумаешь, что эти преобразованія касаются американцевъ или англичанъ. Даже у иностранцевъ русскія преобразованія возбуждаютъ больше толковъ, чѣмъ у насъ. Вы не найдете теперь ни одной заграничной газеты, которая бы не имѣла корреспондента изъ Россіи. Мы же, образованные русскіе, по прежнему занимаемся только преферансомъ, сплетнями и пересудами и даже въ журналахъ и газетахъ не отстаемъ отъ этихъ милыхъ патріархальныхъ привычекъ... Въ нашемъ мужикѣ гораздо больше пониманья общественныхъ своихъ интересовъ и умѣнья съ ними обращаться. Мы еще новички въ томъ, въ чемъ мужики опытные люди. У мужика изстари міръ, котораго мы не знаемъ. Худо или хорошо рѣшаетъ онъ свои дѣла, но онъ рѣшаетъ ихъ міромъ, т. е. общимъ совѣщаніемъ на началахъ самоуправленія. У крестьянъ изстари общественныя должности замѣщаются по выбору; міромъ раскладываютъ они подати, повинности, недоимки; у нихъ мірской судъ и мірская расправа; у нихъ общественное управленіе, мірскіе банки, взаимное застрахованіе. Если крестьянское самоуправленіе дѣлаетъ мѣстами промахи и ошибки, то это не общее правило, а исключеніе, потому что еще никто, никогда не сомнѣвался въ здоровомъ разсудкѣ нашего мужика и въ его общественной совѣсти. Покажите, чтонибудь подобное у васъ. Вы укоряете мужика въ томъ, что его нужно водить на помочахъ и беретесь за должность няньки; но не они привыкли ходить на помочахъ, а вы. Вотъ почему, когда правительство дало вамъ начало земскаго самоуправленія; когда оно сказала вамъ—выбирайте сами, какія гимназіи вамъ нужны, вы стали въ тупикъ и, съ видомъ невиннаго младенца, сѣли въ свой уголь и устремили съ нѣжностью глаза на власть, упрасивая ее сдѣлать то, что слѣдуетъ дѣлать вамъ самимъ. Правы ли были свистуны, когда они смѣялись надъ вашимъ напускнымъ жаромъ и не вѣрили во внезапное наитіе на васъ разныхъ гуманныхъ чувствъ и гуманныхъ мыслей?

II.

Кто же это тѣ, къ кому скептики относились иронически и отчего свистуны оказались правы?

Общая восторженность и порывъ прогрессивности, проявлявшіеся у насъ въ довольно замѣтной степени съ 1856 по 1862 годъ, есть очень извѣстный психологическій фактъ, являвшійся у всѣхъ народовъ и во всѣ періоды ихъ исторической жизни. Если народъ, съ развитіемъ своихъ общественныхъ и экономическихъ потребностей и стремленій, перерастаетъ тѣ общественныя формы, въ которыхъ онъ живетъ, такъ что формы эти становятся неудовлетворительными, то стремленіе къ новымъ болѣе выгоднымъ условіямъ соціальной жизни проявляется психологическимъ фактомъ той общей восторженности, которая выводитъ людей изъ прежняго ихъ оцѣпенѣнія. Отъ какихъ бы причинъ ни являлась возможность проявленія этой восторженности—отъ внѣшнихъ или внутреннихъ, народныхъ—сущность явленія отъ того нисколько не измѣняется. Вся разница является только въ размѣрѣ восторженности и, слѣдовательно, въ размѣрѣ тѣхъ результатовъ, къ которымъ придетъ народъ. Но восторженность, являясь двигающей силой и элементомъ, утончающимъ и усиливающимъ прогрессивность стремленій, въ то же время не опредѣляетъ одна того уровня, на которомъ останутся новыя общественныя формы и на сколько найдутъ въ нихъ удовлетворенія экономическія и другія требованія страны. Этотъ уровень опредѣляется размѣромъ образованія и знанія образованныхъ и передовыхъ сословій и размѣромъ того удовлетворенія, которымъ могутъ ограничиться массы. Съ своей стороны восторженность, какъ ненормальное психологическое состояніе общества, вызванное особенными обстоятельствами, имѣетъ тоже свой конецъ, когда общество, истощивъ свой жаръ, останавливается на томъ среднемъ уровнѣ, которымъ опредѣляется его умственная зрѣлость.

Отличительная черта нашего историческаго движенія въ послѣдніе полтора вѣка состояла въ томъ, что между передовыми людьми, представлявшими лучшія стремленія общества, и самою массою этого общества былъ постоянный антагонизмъ. Съ одной стороны, восторженное и лихорадочное желаніе поставить свой идеалъ на мѣсто дѣйствительной жизни, опередить и время, и народъ, а съ другой стороны—пассивная и ничѣмъ невозбуждаемая стоячесть; съ одной стороны энергическая и не всегда послѣдовательная теорія, а съ другой окостенѣвшая въ своихъ рутинныхъ формахъ

практика. И этотъ убійственный разладъ ежеминутно нарушалъ то равновѣсіе историческихъ силъ, которое такъ необходимо для правильнаго развитія общественныхъ элементовъ. Когда Петръ задумалъ преобразованія въ Россіи, то онъ изображалъ сознательно мыслящій прогрессивный элементъ, котораго Россія въ то время не могла выставить ни въ другомъ сословіи, ни другимъ образомъ. Измѣненіе государственныхъ формъ, предпринятое Петромъ, было больше ничего, какъ разширеніе прежнихъ рамокъ, въ которыхъ народно-экономическая жизнь не могла развиваться, связанная слишкомъ тѣсными пеленками. Новыя политическія формы были введены не только въ политическую, но и въ общественную жизнь и давали новый просторъ всему нравственному, умственному и экономическому организму Россіи. Формы эти были выработаны не нашей внутренней жизнью, не русскимъ умомъ; а потому и нужно было, чтобы ихъ цивилизующее значеніе было понято тѣми, кому они должны были принести пользу. Инерція и рутина до-петровской Руси служила въ этомъ случаѣ консервативнымъ, ретрограднымъ и даже реакціоннымъ элементомъ, противодействовавшимъ всѣми своими силами новымъ началамъ. Побѣдить этотъ враждебный прогрессу элементъ могло только образованіе тѣхъ, въ лицѣ кого онъ проявлялся. Вотъ почему Петровская реформа принесла быстрые плоды только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ воля одного человѣка могла проявляться вполнѣ безпрепятственно, на примѣръ во внѣшней политикѣ или въ устройствѣ войска, и напротивъ, Петру не удалось увидѣть плодовъ своихъ преобразованій тамъ, гдѣ его реформы находились въ непосредственной связи съ самой русской жизнью и съ народными понятіями. Только поэтому ни новыя формы суда и управленія, ни новыя формы общежитія не могли войти при Петрѣ въ жизнь и оставались теоріей, которая могла осуществиться только при добровольномъ, сознательномъ желаніи всѣхъ принять ее руководящимъ началомъ. Слѣдовательно для того прогресса, о которомъ мечталъ Петръ, нужно было, чтобы привилегированныя или передовыя сословія Россіи проникнулись тѣми идеями и началами, которыя руководили Петромъ. Это проникновеніе совершалось до того медленно, что при Екатеринѣ II, когда передовые люди власти хотѣли примѣнить къ внутренней общественной жизни Россіи новыя начала, выработанныя Европой, встрѣтились подобныя же препятствія, какія помѣшали и петровскимъ реформамъ. Такимъ образомъ, опять минимумъ общества, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, проникнутыхъ гуманными стремленіями и желаніями, принимается за преобразованіе макси-

мума общества, заимствуя формы отъ запада, гдѣ онѣ были выработаны самой жизнью. И опять все остальное изображаетъ изъ себя пассивную, инертную массу, которую нужно будить и тащить силой впередъ и вверхъ. Наконецъ тоже самое явленіе повторяется еще разъ въ наше время. Конечно между Петровскимъ и нашимъ временемъ есть разница въ количественномъ размѣрѣ прогрессивнаго элемента; отъ этого и прогрессъ нашего времени можетъ совершаться быстрѣе. Но изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, чтобы сущность отношеній между прогрессивными элементами была другого рода. Какъ и тогда, такъ и теперь, нужно учить незнающихъ и просвѣщать непросвѣщенныхъ, чтобы возбудить въ нихъ энергію, потребность знанія и стремленіе къ прогрессу.

Такъ какъ прогрессивный элементъ послѣдняго времени изображали передовые правительственные люди и передовые литературные органы; такъ какъ ими возбуждались, разрабатывались и порѣшались всѣ вопросы, то по отношенію къ остальному населенію всѣ эти рѣшенія, во многихъ случаяхъ, имѣютъ чисто теоретическое значеніе. Вотъ почему Нижній Новгородъ и другіе города не проронили ни одного слова и не шевельнули ни одной частью своего мозга, когда имъ предложили рѣшить вопросъ о реальномъ и классическомъ образованіи, когда имъ дали судебные уставы и земскія учрежденія. Вотъ почему въ другихъ мѣстностяхъ судебные уставы возбудили стремленіе къ дѣтскимъ забавамъ, къ игрѣ въ адвокатуру, и вотъ почему, забравшись въ какое нибудь сѣверо-восточное захолустье, по вопросамъ, занимающимъ мѣстное общество, никакъ не угадаете: живеть ли оно въ 1600 или въ 1865 году. Полная инерція въ вопросахъ общественной жизни; мозгами людей шевелятъ только или мѣстныя сплетни или карты. Это провинція, это та сила, которая двигала всегда Русь назадъ и мѣшала всѣмъ русскимъ передовымъ умамъ и всѣмъ русскимъ передовымъ стремленіямъ. Провинція мѣшала Петру и его передовымъ людямъ; провинція мѣшала передовымъ стремленіямъ временъ Екатерины II; наконецъ провинція мѣшаетъ теперь. Въ главѣ провинціи и представителемъ ея является Москва, какъ Петербургъ, съ своей стороны, является представителемъ умственного и прогрессивнаго начала Россіи.

Прогрессивное значеніе Петербурга обусловливается исключительно его центральностью. Въ Петербургѣ сосредоточивается вся власть, всѣ распорядительные административные органы;—Петербургъ центръ науки и просвѣщенія; въ немъ всѣ ученія общества; въ немъ почти всѣ высшія заведенія; понятно, что и вся литературная дѣя-

тельность, наши ученые, мыслители, публицисты, литераторы должны были сосредоточиться въ немъ. Такимъ образомъ Петербургъ вышелъ центромъ, въ которомъ соединились всѣ лучшія умственныя силы Россіи. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ Петербургѣ жили исключительно одни умные люди, а въ другихъ мѣстахъ ихъ бы совсѣмъ не было; изъ этого слѣдуетъ только то, что въ Петербургѣ скопляется относительно большее число людей съ развитыми потребностями и развитыми способностями и, вслѣдствіе административной, ученой и всякой другой централизаціи, люди, скопляющіеся тамъ, даютъ своимъ способностямъ болѣе широкое мыслящее направленіе, чѣмъ люди мѣстностей, лишенныхъ всякой нравственной и умственной инициативы. Петербургъ высшая точка русскаго умственнаго горизонта, на которой люди, по условіямъ своего положенія, должны получать самый широкій кругозоръ, и вслѣдствіе своей специальности—думать, поучать, соображать—должны имѣть и способности, наиболѣе изощренныя въ этомъ направленіи. Со временъ Петра I и до сегодняшняго числа, Петербургъ оставался вѣренъ своей специальности: онъ постоянно думалъ, руководилъ, постоянно сохранялъ свой педагогическій и руководящій характеръ по отношенію ко всей остальной Россіи.

Люди, нечувствующие особенной пріязни къ Петербургу, относятся не совсѣмъ дружественно къ его самоувѣренности, къ его убѣжденію въ собственную непогрѣшимость и въ широкій размахъ его умственныхъ силъ. Все это конечно такъ, если взять средній уровень тѣхъ умственныхъ результатовъ, въ которыхъ приходится петербургскій русскій умъ. Но и въ этомъ среднемъ уровнѣ выдаются опять отдѣльныя высшія точки, и чтобы составить себѣ понятіе, до какой высоты можетъ подняться русскій умъ, т. е. чтобы опредѣлить его максимумъ, нужно брать въ соображеніе только эти высшія точки, служащія маяками, по направленію которыхъ двигается вся остальная русская умственная сила. Эти высшія точки являлись всегда только въ Петербургѣ, потому что только тамъ являлась возможность для ихъ дѣятельности. Слѣдовательно умственное первенство все-таки остается за Петербургомъ; онъ изображаетъ собой мыслящій передовой элементъ русской жизни, а провинція служила и служитъ ему только матеріаломъ, которымъ онъ пользовался при своихъ соображеніяхъ или который онъ перерабатывалъ, согласно усвоеннымъ имъ новымъ принципамъ.

Провинція изображаетъ собой активный элементъ. Но до сихъ поръ эта активность играла страдательную роль и, какъ я сказалъ выше, провинція являлась силой задерживающею и даже ретро-

градной. Провинціи только принадлежить блистательное будущее; но ея прошедшее, не было почетно. Что же такое провинція и отчего она играла такую печальную роль?

Провинція—это вся та унылая, бездорожная, лѣсная, болотная и степная площадь, на которой живетъ бѣдное, необразованное населеніе, съ его узкими понятіями, съ его низкимъ уровнемъ потребностей. Провинція — это вся та масса печальныхъ городовъ, похожихъ больше на бѣдныя деревни и села, которыя служатъ центрами мѣстной административной, умственной и экономической дѣятельности и которыя находятся къ своимъ округамъ въ такомъ же отношеніи, какъ Петербургъ ко всей Россіи. О провинціи, живущей въ деревняхъ, я говорить не стану, потому что не она изображала тотъ элементъ, который тащилъ кверху прогрессивный Петербургъ; не эта провинція ему и мѣшала. Ему мѣшала провинція образованная, та, которая считаетъ себя представительницей мѣстныхъ нуждъ и интересовъ; та, которая хочетъ руководить провинціей деревенской, та, которая служитъ исполнительнымъ органомъ Петербурга во всѣхъ его реформахъ и общественныхъ нововведеніяхъ, творить судъ и расправу, учить и просвѣщаетъ; однимъ словомъ дѣлаетъ всякое дѣло и изображаетъ собой активную силу. Эта провинція выписываетъ газеты и журналы, устраиваетъ общественныя библіотеки; она даетъ спектакли и концерты съ благотворительной цѣлью; она танцуетъ въ пользу бѣдныхъ; она даетъ обѣды для сближенія сословій и въ память Ломоносова; она учреждаетъ собранія и клубы, въ которыхъ чиновники никакъ не могутъ сойтись съ купечествомъ, а купцы съ чиновничествомъ; она сочиняетъ умиленные корреспонденціи о тонкости чувствъ мѣстныхъ обитателей и гуманной игрѣ на скрипкахъ въ ночную пору; она дерется на кулачкахъ и выходитъ на дуэль; она отличается необыкновенной чувствительностью къ пушкѣ и словамъ, не имѣющимъ никакого серьезнаго значенія, и въ то же время глотаетъ съ пріятной, подобострастной улыбкой крупныя пули, которыхъ не проглотитъ никогда ни одинъ человекъ, имѣющій хотя малѣйшее понятіе о чувствѣ достоинства; она молчитъ, когда къ ней пришлютъ судебныя уставы, потому что привыкла только повторять готовые мнѣнія; она устраняется отъ рѣшенія вопроса о реальномъ и классическомъ образованіи, потому что никто не объяснилъ ей, что это значить; она отличается необыкновенной заносчивостью и самонадѣянностью и шумнымъ патріотизмомъ; она необычайно высокаго мнѣнія о своихъ умственныхъ способностяхъ и о своемъ образованіи, но изъ благоразумной

осторожности скрываетъ свои таланты и любитъ больше сидѣть дома, пить, ѣсть и спать, показывая въ люди только по вечерамъ, чтобы поиграть въ карточку и выпить водочки. Эта провинція— удивительная смѣсь хорошихъ стремленій и благородныхъ побужденій со всякой умственной и сердечной мизерностью; тонкаго доброжелательства— съ тупымъ своекорыстіемъ; гуманнаго благодушія людей патріархальныхъ понятій— съ безсердечной, фразистой, деревенной формалистичкой либераловъ новаго поколѣнія; благодушнаго взяточничества и вообще сердечныхъ и честныхъ натуръ— съ гордымъ безкорыстіемъ сухихъ, безчестныхъ личностей, дѣлающихъ гадости на каждомъ шагѣ; красивыхъ фразъ о человѣческомъ достоинствѣ— съ самою податливою угодивостію; мужей— съ турецкими понятіями о супружествѣ и ревнивыхъ, какъ Отелло, и благодушныхъ мужей— съ тѣми же понятіями, но угнетающихъ мягко; женщинъ, заботящихся о репутаціи, но не имѣющихъ понятія о чести, и честныхъ, благородныхъ женщинъ съ хорошими стремленіями, но безъ всякихъ знаній и неспособныхъ ни къ какой активности. Между тѣмъ каждый отдѣльный элементъ этой удивительной смѣси могъ бы изображать изъ себя исключительно полезную силу, ту силу, характеръ активности которой соотвѣтствовалъ бы прогрессивнымъ идеямъ, созданнымъ Петербургомъ и долженствующимъ служить путеводною нитью провинціальнымъ дѣтелямъ. Тогда провинція дѣлала бы именно то, что ей нужно дѣлать, чтобы изъ пассивной силы, приводимой въ движеніе вѣшнимъ вліяніемъ, превратиться въ живую, активную силу. Но этому и теперь мѣшаетъ то, что мѣшало до сихъ поръ, и для устранения чего Петръ I завелъ академію, Шуваловъ учредилъ гимназію и университеты; въ нынѣшнемъ столѣтіи завелось такъ много разныхъ ученыхъ обществъ, учебныхъ заведеній; въ послѣднее время предприняли опять преобразование; о чемъ сѣтовали и сѣтуютъ наши газеты и журналы, заявляя свою боязнь о томъ, что у насъ нѣтъ людей для всѣхъ новыхъ дѣлъ, какія нужно передѣлать. Короче говоря, не достаетъ знаній, нѣтъ энергіи, нѣтъ стремленія къ прогрессивности; но за то преобладаетъ въ издѣльствѣ азіатская неподвижность мысли и умственная лѣнь.

Это обвиненіе конечно не относится поголовно ко всей Россіи, но за то едва ли есть мѣстность, которая могла бы быть исключеніемъ. Чтобы заключеніе это не могло показаться голословнымъ, я постараюсь представить нѣкоторыя статистическія данныя. Противъ цифръ спорить нельзя. Но прежде цифръ приведу слова Кольба. Онъ говоритъ, что у насъ въ высшемъ и среднемъ классахъ общества «пре-

обладаетъ болѣе внѣшнее, наружное образованіе, выражающееся въ обстановкѣ жизни и въ привычкахъ цивилизованныхъ народовъ. Уровень умственнаго развитія еще очень низокъ, а въ массѣ народа его вовсе нѣтъ. Въ нѣкоторыхъ классахъ какъ нельзя рѣзче выступаетъ контрастъ между европейской обстановкой жизни и азіатскими обычаями и понятіями». Правда, это говоритъ не Кольба, а его русскій переводчикъ; но чтобы не слишкомъ огорчить читателя, я даже и не привожу словъ Кольба и цитируемаго имъ Гакстаузена, хотя послѣдній извѣстенъ какъ поклонникъ Россіи. Эти господа, какъ и вообще всѣ писатели о Россіи нашего времени, говоря о русскомъ образованіи, подразумеваютъ тутъ не Петербургъ, какъ представителя нашихъ умственныхъ силъ, а исключительно провинцію, дающую своеобразный колоритъ всѣмъ русскимъ общественнымъ порядкамъ. Конечно, такъ называемое высшее образованіе, даваемое университетами, лицеями, академіями, не служитъ непременно доказательствомъ высшихъ понятій людей, окончившихъ въ нихъ курсъ. Но допуская даже, что люди этого образованія всѣ безъ исключенія обладаютъ самымъ правильнымъ взглядомъ на жизнь и отличаются всевозможными добродѣтелями, все-таки окажется, что и этихъ мудрыхъ и добродѣтельныхъ людей у насъ немного, да и не можетъ быть много. Свободный допускъ въ университетъ былъ замѣненъ въ 1849 году строго опредѣленнымъ числомъ слушателей. Для другихъ высшихъ заведеній были назначены тоже опредѣленные комплекты учениковъ. Такимъ образомъ, даже въ 1858 году, благопріятномъ для русскаго просвѣщенія, въ университетахъ находилось 5,286 ч. да въ высшихъ неспеціальныхъ заведеніяхъ 345 ч. всего 5,631 человекъ, и это на 445,000 дворянъ и чиновниковъ. Въ среднихъ, спеціальныхъ и военно-учебныхъ заведеніяхъ воспитывались въ то же время 50,000 человекъ. Эти цифры, разумѣется, не опредѣляютъ точно числа лицъ съ высшимъ образованіемъ между общественными провинціальными дѣятелями настоящаго времени и даютъ только понятіе о процентѣ приращенія лицъ высшаго образованія. Къ сожалѣнію, общихъ цифръ для всей Россіи, какія бы хотѣлось привести здѣсь, представить я не могу по недостатку матеріаловъ. Но чтобы дать читателю возможность ориентироваться въ этомъ вопросѣ хотя нѣсколько, я предложу ему нѣкоторыя числовыя данныя по Вологодской губерніи. Изъ общаго числа лицъ, составляющихъ городское общество, вліяющее на дѣла, образующее общественное мнѣніе, къ которому прислушиваются и которое уважаютъ мѣстныя власти, короче изъ того, что составляетъ образованную публику, читающую и вы-

писывающую книги и газеты, учреждающую школы и вообще изображающую собою провинціальное представительство, считается получившихъ образованіе въ университетахъ, академіяхъ, лицеехъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ:

Въ Вологдѣ	на 1871 дворянъ,	почет. граж. купц.	181	съ выс. обр.	или	7 ⁰ / ₁₀ .
— Грязовецъ	— 219	— — — —	4	— — — —	—	1,9 ⁰ / ₁₀ .
— Кадинковъ	— 165	— — — —	9	— — — —	—	5,4 ⁰ / ₁₀ .
— Тотмъ	— 193	— — — —	9	— — — —	—	4,6 ⁰ / ₁₀ .
— Никольскъ	— 166	— — — —	6	— — — —	—	3,6 ⁰ / ₁₀ .
— Устюгъ	— 429	— — — —	11	— — — —	—	2,5 ⁰ / ₁₀ .

Такимъ образомъ, на все число лицъ, изображающихъ собой провинціальное образованное общество, приходится въ Вологодской губерніи среднимъ числомъ 4⁰/₁₀ людей съ высшимъ образованіемъ. Но этотъ средній процентъ не даетъ еще вѣрнаго понятія о дѣйствительномъ отношеніи, потому что на одну Вологду приходится 7⁰/₁₀, въ то время какъ на Грязовецъ только 1,9⁰/₁₀, а на Великій Устюгъ—второй городъ послѣ Вологды—2,5⁰/₁₀. Не поэтому ли народъ сложилъ поговорку: «Устюгъ — Великій, да народъ въ немъ дикій»? Разумѣется, Вологодская губернія не можетъ служить мѣриломъ размѣра и качества образованія представителей другихъ губерній, но нельзя также сказать, чтобы цифра Вологодской губерніи не вела въ этомъ случаѣ ни къ чему. Извѣстно, что, развитію жизни и по образованію, стоятъ впереди другихъ провинцій Малороссія, западныя губернія, потомъ губернія великороссійскія; чѣмъ дальше отъ Москвы къ сѣверу, сѣверо-востоку и востоку, тѣмъ образованіе слабѣетъ, растворяясь постепенно въ самоѣдство, зырянство, Сибирь, а на востокъ въ уральское казачество и наконецъ въ киргизство. Происходитъ это во-первыхъ потому, что человѣку, если онъ не совершенно изолированъ отъ окружающей его среды, не возможно уберечься отъ ея вліянія; а во-вторыхъ, что отдаленныя, печальныя по природѣ и по жизни губерніи, не заключаютъ въ себѣ ничего привлекательнаго, чтобы молодежь высшаго образованія отправлялась въ нихъ служить или жить. Напротивъ, люди съ болѣе широкими стремленіями — т. е. дѣйствительными, а не либеральными говорунуи—направляются туда, гдѣ могутъ найти себѣ большес удовлетвореніе, т. е. въ Петербургъ; вотъ почему Петербургъ и богатъ по преимуществу лучшими людьми и лучшими свѣжими силами. Онъ оттягиваетъ лучшіе умственные соки провинціи, какъ оттягиваетъ отъ нея лучшія рабочія руки и вообще таланты и способности, для дѣятельности которыхъ провинція не доставляетъ достаточной пищи. Слѣдо-

вательно, чтобы получить истинное понятие об образовании провинцій, составляющих ядро Россіи, нужно увеличить вологодскій процентъ. Возьмемъ вдвое процентъ Вологды—кажется довольно—то и тогда мы получимъ только 14. Это значитъ, что если въ какомъ нибудь многолюдномъ городѣ находится 3000 человѣкъ, составляющихъ образованную его силу, то изъ нихъ людей высшаго образованія будетъ только 420, а 2580 человѣкъ будутъ уже люди иного умственного закала. Разумѣется, это не значитъ, чтобы въ нихъ не было здравомыслія или оказывался бы недостатокъ общественной совѣсти; но вѣдь также нельзя же сказать и того, чтобы недостатокъ высшаго образованія служилъ ручательствомъ отсутствія предразсудковъ и способности людей заниматься такими дѣлами, для которыхъ требуется общая подготовка и развитіе, котораго не можетъ дать ни уѣздное училище, ни гимназія, ни окружающая жизнь. Такимъ образомъ, если вопросы, порѣшаемые большинствомъ голосовъ, будутъ подвергнуты голосованію, то по теоріи вѣроятія слѣдуетъ предположить, что большинство будетъ не на сторонѣ меньшинства. Это значитъ, что 2,580 человѣкъ перекричатъ 420. Чтобы могло устроиться иначе и брало бы верхъ образованное меньшинство нужно, чтобы явилась обратная пропорція. Пока этого не случится, провинція можетъ сколько ей угодно сердиться на Петербургъ и обижаться его гордой заносчивостью; но умственный перевѣсъ будетъ все-таки на сторонѣ Петербурга, слѣдовательно на его же сторонѣ будетъ и сила.

III.

Русскій прогрессъ, какъ было уже сказано, пошелъ неровнымъ, лихорадочнымъ путемъ, путемъ болѣе или менѣе рѣзкихъ реформъ и преобразованій, дѣлавшихъ коренной переломъ во всей общественной русской жизни. Подобныя событія не могутъ не сопровождаться особенной напряженностью общественнаго духа, принимающей болѣе или менѣе страстный характеръ, и тѣми отгѣнками враждебности, которая неизбѣжна въ подобныхъ случаяхъ. Такъ было при Петрѣ, такъ было при Екатеринѣ II, такъ было и на нашей памяти. Поэтому понятно, что все то, что считаетъ себя свѣжимъ, полнымъ, молодымъ, относилось нѣсколько страстнымъ образомъ ко всему старому, отжившему, мѣшающему; а все старое еще накануне чувствовавшее себя крѣпкимъ и вдругъ потерявшимъ

свою силу, смотрѣло неприязненно на молодое, внезапно вытѣсшившее его изъ его твердой позиціи.

Но молодое было сильно требованіями новой жизни—и старое должно было ему уступать. Эта уступка однако не бывала никогда искренней и являлась только потому, что оказывалось невозможнымъ бороться съ новой силой. Пока сила прогрессивности поддерживается еще въ обществѣ восторженностью, являющеюся вслѣдствіе внезапности перехода, представители стараго ворчали только у себя въ углу; но какъ только подойдутъ случайно какія нибудь обстоятельства, которыми они могутъ воспользоваться, все старое поднимаетъ головы и провозглашаетъ пророческимъ голосомъ:— вотъ видите! развѣ мы вамъ не говорили, развѣ мы васъ не предупреждали?—И такъ бывало всегда. ●

Точно также бывало всегда, что молодое отличалось большой послѣдовательностью и хотѣло идти все впередъ и впередъ, стремясь къ осуществленію того идеала, въ который оно вѣровало, и желая водворить тѣ общественныя отношенія, которыя одно оно признавало истинно-справедливыми и способными обезпечить людское счастье.

Теперешняя задача литературы въ томъ, чтобы по возможности расширить сферу нашихъ знаній и нашего умственного горизонта; чтобы вмѣсто 14%, о которыхъ было говорено, явилось 50, 60, 70 или болѣе процентовъ широко-мыслящихъ и честно-чувствующихъ людей. Другая задача каждаго умнаго и честнаго литературнаго дѣятеля въ томъ, чтобы всѣми силами дѣйствовать противъ литераторовъ и литературныхъ органовъ, позорящихъ наше время и развращающихъ понятія людей, неокрѣвшихъ въ дѣлѣ мысли и небогатыхъ знаніями. Поговорю объ этой задачѣ подробнѣе.

Въ томъ, что считается у насъ образованнымъ обществомъ, есть три категоріи людей. Одни дѣйствительно передовые по своимъ понятіямъ, развитію, широтѣ взгляда и честности стремленій; другіе же составляютъ цивилизованную чернь, поддонки образованнаго общества. Между тѣми и другими, образуя какъ бы переходный слой, находится огромная масса людей, по преимуществу молодыхъ, чувствующихъ честно и желающихъ поступать хорошо, но которымъ обстоятельства не позволили получить того образованія и развитія, на которое они способны. Эта-та масса и составляетъ главнѣйшее провинціальную молодежь, т. е. современныхъ практическихъ дѣятелей, раскинутыхъ по всей Россіи, по всѣмъ ея уголкамъ и завоулкамъ. Значеніе этой молодежи понятно съ перваго взгляда. Она не только изображаетъ изъ себя теперешнюю актив-

ную силу и тотъ проводникъ, которымъ вводятъ въ общественное и народное сознание и привычки вновь выработанные передовыми людьми общественные принципы, но эта молодежь — тѣ будущіе отцы, которые должны создать свѣжее, новое поколѣніе и подготовить изъ нихъ будущіхъ общественныхъ дѣятелей. Я удивлю читателя, если скажу ему, что эта молодежь — наша настоящая и будущая надежда — отличается больше честными порывами и стремленіями, но относительно познаній и развитія составляетъ совсѣмъ отсталый полкъ темныхъ людей. Между тѣмъ это такъ и причина понятна. Молодежь, о которой я говорю, не видѣла ни столичныхъ городовъ, ни университетовъ; она не всегда кончала даже курсъ въ гимназій; если въ ней попадаютъ и университетскіе, то и объ ихъ познанияхъ и развитіи можно сказать почти тоже самое. Рядомъ съ этой молодежью стоитъ другая молодежь — провинціальная женщина. Это тоже громадная масса молодыхъ хорошихъ силъ и благородныхъ стремленій, но не владѣющая никакими знаніями и растрачивающая свои силы на пустое, потому что не знаетъ, какое дать имъ направленіе. Уровень познаній женской молодежи такъ низокъ, понятія ея такъ неразвиты, что скорѣе можно сказать, что нѣтъ такой вещи, которую бы они знали, чѣмъ есть такія вещи, которыхъ бы они не знали. Между тѣмъ, по своей впечатлительности, чуткости ко всему хорошему и по своему стремленію къ развитію, провинціальная женщина составляетъ чрезвычайно важное явленіе нашего времени. Она тотъ могущественный элементъ, помощію котораго только и можно создать въ будущемъ поколѣніе разумныхъ, развитыхъ людей. Но прежде чѣмъ создадутся развитыя дѣти, нужно, чтобы явились развитыя матери. Откуда же вьяться развитымъ матерямъ, когда ни домашнее, ни пансіонское воспитаніе, ни дальнѣйшія условія дѣвической жизни или замужества не даютъ женщинамъ никакихъ средствъ къ развитію? Одно средство, разумѣется, читать; но скажите — что читать? Я знаю, что вы перечислите цѣлый рядъ полезныхъ, по вашему мнѣнію, сочиненій, но вы забыли одно, что или этихъ книгъ въ провинціи нѣтъ и достать ихъ невозможно, или что провинціальная женщина читать ихъ не станетъ, потому что онѣ не касаются ея вопросовъ. Читать журналы? Ужь не статьи ли о земскихъ учрежденіяхъ, или политику, или рецензій книгъ? Есть и такія женщины, которыя, изъ стремленія къ просвѣщенію, читаютъ даже и эти вещи, но только не приобрѣтаютъ себѣ отъ этой умственной пищи ровно никакой пользы. Провинціальнымъ читательницамъ нужно совсѣмъ не то, потому что даже и провинціальная молодежь, о которой я говорю,

требуетъ еще подготовки для того, чтобы находить интересъ въ политикѣ. Провинціальной женщинѣ нужно самое популярное изложеніе знаній, наиболѣе для нея полезныхъ, наиболѣе ее развивающихъ; то же самое и для провинціальной молодежи. Авторъ романа «Что дѣлать?» понималъ наступленіе новаго періода въ литературѣ и новыхъ требованій общества, когда задумалъ популяризировать въ беллетристической формѣ научныя положенія соціальной экономіи. Конечно, чтобы писать въ популярной формѣ, нужно имѣть талантъ, а у насъ владѣютъ имъ немногіе; но я говорю не объ этомъ, а о томъ, что популяризація—единственное дѣло, которымъ съ наибольшей пользой можетъ заняться современная русская журналистика. Къ сожалѣнію, у насъ не понимаютъ этого даже такіе честные литературные органы, какъ «Книжный Вѣстникъ.» Они смѣшиваютъ журналистику съ ученой литературой и требуютъ отъ журналовъ самостоятельныхъ ученыхъ статей. Такія статьи намъ менѣе всего нужны, и въ этомъ можетъ убѣдиться всякій, кто захочетъ обратить вниманіе на то, что именно читаетъ провинція. Редакціи журналовъ, конечно, цѣнятъ статьи чисто ученаго содержанія и серьезнаго изложенія, потому что такія статьи придаютъ книжкамъ солидность и характеръ степенности и основательности. Но вѣдь эти статьи въ книжкѣ журнала то же, что закалъ въ худо испеченномъ хлѣбѣ; ими никто не питается, и разумѣется редакціи сдѣлали бы лучше всего, если бы они не загружали свои книжки такими учеными кирпичами.

Изъ того, что главной массѣ русскаго образованнаго населенія, т. е. всей той мужской и женской молодежи, которая изображаетъ теперь свѣжія силы, ищущія знанія, развитія и стремящіяся къ полезной дѣятельности, нужно постепенное, популярное чтеніе и знакомство съ современными положеніями общественной науки; изъ того, что пора буженія общества уже кончилась и наступила время не прорубки въ лѣсу визирной линіи, а расчистки прорубленнаго для того, чтобы изъ узкой тропинки, по которой шли десятки людей, сдѣлать широкую дорогу для сотенъ и тысячъ, слѣдуетъ то, что наша журналистика, если она хочетъ быть передовой, современной и дѣйствительно полезной въ настоящемъ и будущемъ, должна заниматься только уясненіемъ и разъясненіемъ обществу того, чего оно не знаетъ, что необходимо для его развитія и что можетъ создать въ возможно кратчайшее время наибольшую массу полезныхъ общественныхъ дѣятелей. Этотъ періодъ, можетъ быть, протянется лѣтъ десять. Задача популяризаціи разумѣется не такъ блистательна, какъ работа «піонеровъ цивилизаціи,» проводящихъ

визирную линію, но она также необходима и неизбѣжна и не менѣе плодотворна. Этого, къ сожалѣнію, у насъ не понимаютъ, и изъ всѣхъ журналовъ только одно «Русское Слово» стоитъ на этомъ вѣрномъ и вполнѣ современномъ пути. Конечно популярныя статьи не удовлетворяютъ тѣхъ, кто привыкъ къ серьезному чтенію и компактному изложенію. Но вѣдь популярныя статьи пишутся не для этихъ господъ, точно также, какъ онѣ не пишутся для тѣхъ, кто стоитъ въ передовомъ полку знанія и черпаетъ свои свѣденія не изъ журналовъ и не изъ источниковъ русской учености.

Но популярныя статьи нужны не только для провинціальной молодежи, онѣ нужны и для провинціальной образованной черни. Можно привести множество весьма любопытныхъ фактовъ замѣчательнаго невѣжества лицъ, занимающихъ значительныя общественныя должности. Нѣкоторые факты отличаются такою колоссальностью, что могутъ показаться остроумными выдумками провинціальныхъ насмѣшниковъ. Между тѣмъ тутъ нѣтъ ни выдумки, ни остроумія, а голая, не подрашенная истина, въ своей наивной провинціальной наготѣ. Напримѣръ, въ обществѣ заходитъ разговоръ объ историческихъ событіяхъ до-петровской Россіи, и кто-то, въ подтвержденіе какой-то мысли, указываетъ на 'Стеньку Разина. Кажется, имя извѣстное. Между тѣмъ одинъ изъ присутствующихъ спрашиваетъ, кто такой былъ Разинъ? И это спрашиваетъ человѣкъ, которому повѣряется судьба людей, человѣкъ воспитывавшійся въ специальномъ заведеніи, человѣкъ жившій въ Петербургѣ, гдѣ на каждомъ шагу книжныя лавки и бібліотеки для чтенія. Или, человѣкъ сообщаетъ въ обществѣ, въ видѣ свѣжей, политической новости, что *американцы* переносятъ свою столицу во *Флоренцію*; этотъ же господинъ въ 1865 году узналъ впервые о существованіи Гарибальди Невѣроятно, но истинно; не возможно ни въ одной христіанской, цивилизованной странѣ, но у насъ возможно! И это не только общественные дѣятели, но и горячіе крикуны, разсуждающіе объ образованіи Россіи, объ ея умственныхъ и экономическихъ нуждахъ, толкующіе о нравственности и играющіе въ своемъ обществѣ роль! Вы скажите, что такіе господа ничего не читали и писать для нихъ не зачѣмъ, потому что не учить же ихъ географіи, арифметикѣ и грамматикѣ въ журнальныхъ статьяхъ. Частью такъ, а частью и нѣтъ. Разумѣется, вы не научите ихъ читать, если они читать не умѣютъ; но вы можете будить ихъ; на долю журналистики выпала великая образовательная роль, и позоръ передовымъ литературнымъ дѣятелямъ нашего времени, если они не хотятъ понимать своей задачи и выполнять своего долга. Литература должна додѣлать то, чего

не кончила и не могла докончить школа. У насъ меньше, чѣмъ гдѣ нибудь, школа дѣлаетъ свое дѣло; безъ фактическихъ знаній, безъ общаго развитія, безъ твердыхъ нравственныхъ основъ вступаетъ человѣкъ изъ школы въ жизнь. Кто же долженъ довести до конца его образованіе? Вы скажете, жизнь. Но что такое жизнь? Жизнь, это—окружающіе люди съ ихъ понятіями, обычаями, установленіями, нравственнымъ міровозрѣніемъ. Школа, положимъ, не дала вамъ вполне выработанныхъ понятій, но она заложила въ васъ нѣкоторыя стремленія. Что же вамъ дѣлать съ этими стремленіями, если судьба бросаетъ васъ въ омутъ человѣческаго тупоумія? Такъ и погружаться въ тину на дно болота, что-ли? И погрузитесь, если не случится никого, кто бы протянулъ вамъ руку и вытащилъ бы васъ изъ тины. Много людей утонуло уже такимъ образомъ, потому что не нашлось благодѣтельныхъ прохожихъ, которые помогли бы имъ выкарабкаться. Но вѣдь намъ нужно не это, потому что иначе совсѣмъ не нужна и школа,—зачѣмъ учиться въ ней, чтобы потомъ идти назадъ и опускаться снова до того низкаго уровня, надъ которымъ усиливается поднять школа? Въ этомъ случаѣ не зачѣмъ тратить силъ и тѣмъ, кто учитъ, и тѣмъ, кто учится; пусть образовываетъ сама жизнь, т. е. человѣкъ растетъ какъ грибокъ, какъ воспитываютъ своихъ дѣтей готтентоты, алеуты, киргизы, башкиры, незнающіе никакихъ школъ и почерпающіе всю свою мудрость изъ устъ своихъ стариковъ. При такомъ порядкѣ дѣлъ, можно простоять милліонъ лѣтъ на одномъ мѣстѣ. Но если мы признаемъ необходимость школы, тѣмъ самымъ мы признаемъ необходимость и продолженія образованія, начатаго школой. Продолжателемъ этого образованія и является литература, соответствующая потребностямъ и нуждамъ того народа, который она воспитываетъ. Такъ какъ характеръ литературы опредѣляется, такимъ образомъ, умственнымъ горизонтомъ тѣхъ, нужды и потребности которыхъ создаютъ ее, то понятно, что этимъ самымъ опредѣляются и ея цѣли, направленіе, характеръ, форма. И такъ какъ цѣли, направленіе, характеръ познаній и развитія нашего общества находятся на весьма низкомъ уровнѣ, то понятно, что и литература должна нагнуться настолько, насколько это нужно, чтобы ее понимали и чтобы она приносила пользу, т. е. сдѣлаться популярной. Такимъ образомъ, какъ не подходитъ къ этому вопросу, выводъ всегда одинъ и тотъ же т. е. что для нашего общества нужны наставники и что только популяризаціей знаній они окажутъ ему дѣйствительную услугу. Самолюбивымъ господамъ такая роль не нравится; они хотятъ творить науку, пробивать пути и т. д. Изъ того, что вы станете популяризи-

ровать добытыя знанія другими, вовсе не слѣдуетъ, что горизонтъ вашихъ собственныхъ знаній и понятій долженъ понизиться. Фохтъ, Гексли, Ляйель писали популярныя вещи и отъ того не стали глупѣе. Чего же вы боитесь и какіе пути хотите пробовать? Умѣе европейскихъ ученыхъ и мыслителей вы ничего не придумаете: такъ о чемъ же вы хлопочите? Знаете ли вы, что даже наши литературные авторитеты проводили въ литературѣ мысли и возбуждали, вопросы, созданныя западомъ? Знаете ли вы, что вопросъ объ эстетическихъ отношеніяхъ искусства къ дѣйствительности былъ порѣшенъ нѣмецкими мыслителями еще въ прошедшемъ столѣтіи; еще въ прошедшемъ столѣтіи было сказано, что прекрасное есть жизнь: изъ-за чего же вы надрыгаетесь, оспаривая давно доказанную вещь и только напрасно посрамляетесь своимъ невѣжествомъ и выставляете на позоръ свое собственное тупоуміе?

Было время, когда мы съ гордостью говорили о честномъ направленіи русской литературы. Я не знаю, кому принадлежитъ честь этого изобрѣтенія; но знаю, что авторъ его или имѣлъ слишкомъ пылкое воображеніе, или же, вращаясь только въ кругу честныхъ литераторовъ, совсѣмъ не встрѣчался съ безчестными людьми и съ ихъ издѣліями. Во всякомъ случаѣ изобрѣтательность автора этого открытія не рекомендуетъ его знанія жизни и людей. Если свѣтъ не состоитъ исключительно изъ честныхъ людей, то отчего же въ литературу заберутся только одни честные? Если на свѣтѣ есть дураки и умные, то отчего же имъ не быть и между литераторами? Если на свѣтѣ живеть своекорыстіе, алчность къ деньгамъ, самоуниженіе и продажность, то отчего же и всѣмъ этимъ качествамъ не поселиться также между литераторами? Ангелы они или святые? Если бы господишь, умилившійся честностью русской литературы, задался подобными вопросами, то онъ увидѣлъ бы, что на десятки и сотни тупоумныхъ Тредьяковскихъ приходился всегда какойнибудь одинъ Новиковъ; что на десятки литераторовъ, продававшихся за деньги, являлся какойнибудь одинъ Бѣлинскій. Вѣдь только потому такіе люди, какъ Бѣлинскій, намъ и дороги, что они рѣдки, что приходится разрывать огромную кучу всякаго хлама, прежде чѣмъ найдешь въ ней настоящую жемчужину. И такъ было всегда въ нашей литературѣ: на одинъ, два честныхъ литературныхъ органа приходилось десять, двадцать тупоумій и часто денежныхъ спекуляцій, отравлявшихъ нравственный организмъ нашего общества. Эти тупоумныя изданія служили всегда мѣркой умственного и нравственного уровня нашего общества. Если на одно умное изданіе существуетъ десять тупыхъ; если на десять

умныхъ литераторовъ существуетъ сто, скрывающихъ свои имена и за деньги готовыхъ писать все и противъ всего, провозглашая въ 1862 году такія мысли и принципы, отъ которыхъ они потомъ отказываются въ 1863 году; если литературные поденщики этого рода пишутъ сегодня о почвѣ, а завтра приходятъ къ людямъ другого міровоззрѣнія и у нихъ просятъ денегъ и работы, то такую литературу и такихъ литераторовъ назвать честными нельзя, потому что честные люди имѣютъ свои твердыя убѣжденія, за которыя они стоятъ и, если нужно, умираютъ, но не сдаются и не торгуютъ собой. Но чтобы могла существовать такая литература и такіе литературные дѣятели, нужно, чтобы само общество заключало въ себѣ всѣ необходимыя для ихъ существованія элементы; нужно, чтобы само общество страдало худосочиемъ, и только тогда на его общественномъ организмѣ появятся злокачественныя, литературныя струпы и прыщи. Ни въ чемъ нравственное и умственное состояніе общества не выражается такъ хорошо, какъ въ литературѣ. Литература—дневное общество, въ который оно заноситъ все, что оно думаетъ и чувствуетъ въ данный моментъ. Чувствуетъ оно честно и думаетъ оно умно—будетъ умна и честна его литература; думаетъ оно глупо и безчестно—будетъ и литература его глупа и безчестна; случается съ обществомъ то и другое—и въ литературѣ рядомъ съ умнымъ и благороднымъ явится тупое и скверное. Но тупое и скверное не можетъ быть полезнымъ и выгоднымъ; болѣзнь не можетъ быть здоровой; значить—обществу нужно, чтобы ему было полезно и выгодно, чтобы оно было здорово. Больные люди лечатся, должны лечиться и больныя общества. Но какъ же лечиться?

И въ третій разъ мы приходимъ къ тому, къ чему мы приходили уже два раза, т. е. что обществу нужно давать знаніе, нужно наставлять и учить его, потому что какимъ бы именемъ вы ни назвали его болѣзнь—тупоуміемъ ли, невѣжествомъ, безчестностью, непониманіемъ ли своихъ выгодъ и своихъ пользъ—все это въ сущности тоже незнаніе, его синонимы. Значить—обществу нужно давать знаніе и устранять отъ него незнаніе. Но будетъ ли знаніемъ, если въ 1865 году вы станете увѣрять людей, что Бѣлинскій и Добролюбовъ говорили глупости и станете опровергать именно тѣ ихъ мысли, которыя считаются истинами во всемъ передовомъ мірѣ—въ Англии и во Франціи, въ Германіи и въ Америкѣ, и не признаются такими только въ Китаѣ и въ киргизскихъ степяхъ? Будетъ ли знаніемъ, если въ 1865 году вы будете опровергать то, что было доказано Лессингомъ еще сто лѣтъ тому на-

задь? Будеть ли знаніемъ и логивою, если въ своихъ честныхъ дѣятелей вы будете вкідать грязью и заниматься разными, какъ выражался Бѣлинскій, денонсіаціями или, какъ говорятъ нынче, инсуніаціями, потому что у васъ въ вашемъ умственномъ арсеналѣ нѣтъ оружія для борьбы съ логичными, послѣдовательными и знающими людьми? Будеть ли знаніемъ, когда взобравшись на ходули либерализма, вы станете съ жаромъ ратоборствовать съ Франціей за ея отсталость, отсутствіе въ ней чувства свободы, точно какойнибудь Прудонъ; нападете на Англію за ея промышленный пролетаріатъ, за тупоуміе и своекорыстіе ея лордовъ; обрушитесь на Германію за отсутствіе въ ней духа единства; возмутитесь жестокостью сѣверянъ за казнь сообщниковъ въ убійствѣ Линкольна, и въ то же время, по вопросамъ нашей русской повседневной и общественной жизни, высказываете мысли совершенно противоположныя тѣмъ, какія, двумя вершвами выше, высказывали по поводу западныхъ сосѣдей или, выдавая себя за учениковъ Бѣлинскаго и Добролюбова, оскверняете ихъ память этимъ самозванствомъ, потому что проповѣдуете мысли совершенно протівоположныя? Если все это незнаніе, то оно ненужно нашему обществу, потому что оно ведетъ его назадъ къ началу нынѣшняго столѣтія. Если все это незнаніе, то намъ ненужны тѣ литературные органы, въ которыхъ оно предлагается обществу. Вѣдь ни одинъ человѣкъ, претендующій на образованность, не станетъ читать теперь ни Полевова, ни Кувольнича, не станетъ поучаться «Библиотекой для чтенія» временъ Сенковскаго или «Сыномъ Отечества» временъ Масальскаго и Старчевскаго. За чѣмъ же тѣ же самые люди выписываютъ и читаютъ совершенно подобныя же изданія, съ такими же мыслями и взглядами, но на обложкѣ которыхъ отпечатанъ 1865 годъ? Я научу васъ, любители просвѣщенія, удовлетворять себя очень выгоднымъ образомъ: если у васъ есть «Библиотека для чтенія» Смирдина или «Отечественныя Записки» временъ Свиньина, поставьте на обложкѣ, хотя собственноручно, 1865 или, какой вамъ вздумается, годъ и повѣрьте, что подлога не будетъ, — двадцать лѣтъ тому назадъ Чичиковъ носилъ фракъ наваринскаго цвѣта съ искрой, теперь онъ носитъ фракъ черный, но это все тотъ же Чичиковъ, онъ не сталъ ни умнѣе, ни честнѣе и живетъ по прежнему одними надувательствами очаровывая Коробочекъ и Теньтетниковыхъ своими мягкими манерами. Не будьте Коробочками и Теньтетниковыми и учитесь судить людей не по ихъ недоточивымъ фразамъ, а по ихъ честной сущности. Но если васъ не удовлетворяетъ это общее указаніе, если вы захотите, чтобы вамъ перечислить тѣ журналы, газеты и впаги, бо-

торые читать можно съ пользой для ума и нравственности, то обратитесь къ «Книжному вѣстнику»; это изданіе честное и оно васъ не обманетъ.

Послѣднее замѣчаніе. Провинція стала теперь щеголять, наперервъ одна передъ другой, устройствомъ библиотекъ и читальней. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи, успѣли сдѣлать много, благодаря тому, что въ каждомъ городѣ найдется нѣсколько молодыхъ людей довольно энергическихъ, чтобы подбить общество на пожертвованіе денегъ или на устройство спектакля въ пользу библиотекъ, и довольно дѣятельныхъ, чтобы выписать книги и журналы изъ Петербурга и затѣмъ организовать порядокъ чтенія и пользованія книгами. Но и въ этомъ дѣлѣ, какъ во всемъ, мы отличаемся больше хорошими стремленіями, чѣмъ знаніями. Отъ этого наши уѣздныя и губернскія библиотеки напоминаютъ больше вавилонское столпотвореніе, чѣмъ источникъ свѣта знанія, который долженъ просвѣтить умы темныхъ людей. Если библиотеки устроиваются съ цѣлю просвѣщенія, а не помраченія, то зачѣмъ же они выписываютъ такіе книги, газеты и журналы, которые только развращаютъ мысль и сердце? Вѣдь вы не станете давать читать дѣтямъ Исландца, Фобласа и романы маркиза де-Фудраса? Вы не станете выдавать имъ за науку исторію Кайданова и разсужденія о политикѣ г. Старчевскаго? Зачѣмъ же то же начало вы не примѣняете при выписываніи журналовъ, газетъ и книгъ для вашихъ библиотекъ? У васъ есть десять газетъ — зачѣмъ? Или въ каждой вы думаете найти свою политическую науку, или хотите изучить разнообразіе русскихъ политическихъ воззрѣній? Да развѣ у насъ есть какія нибудь политическія воззрѣнія? Въ каждой газетѣ вы найдете тѣже извѣстія, какія найдете и въ другой. И ваше выписыванье десяти газетъ можно объяснить только тѣмъ, что вы желаете прочесть каждое извѣстіе десять разъ въ разныхъ мѣстахъ. У васъ есть всѣ толстые и тонкіе журналы — зачѣмъ? Или вы хотите перечитать всѣхъ Фобласовъ и Фудрасовъ, или васъ интересуетъ наблюденіе, насколько измѣняется фізіономія Чичикова, если онъ явится въ одно время во фракахъ разнаго цвѣта и фасона? Для неустановившихся людей чрезвычайно важенъ строгій выборъ книгъ и журналовъ. Здѣсь дѣло не въ томъ, чтобы изъ библиотекки сдѣлать мелочную лавку всякаго умственнаго товара, а чтобы она приносила пользу отечественному просвѣщенію; ну а какаѣя польза оттого, что, прочитавъ въ журналахъ противоположныхъ направленій, передовомъ и отсталомъ, два противоположныхъ мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ, неопытный читатель

опалѣваетъ и рѣшительно не знаетъ, какъ ему согласить эти противорѣчія? Такимъ образомъ, наши уѣздныя и губернскія библиотеки вмѣсто того, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ они должны быть, становятся учрежденіями для упражненія людей въ процессѣ чтенія и для произведенія въ провинціальныхъ головахъ еще большаго сумбура. Лучше прочесть на своемъ вѣку всего одну умную книжку и затѣмъ не читать ничего, если нѣтъ умныхъ книгъ, чѣмъ читать безразлично все, что нонадается подъ руку. Нечего и говорить, что людей съ опредѣленными мнѣніями и установившимися взглядами у насъ мало, что сумбурность знаній и стремленій составляетъ нашу характеристическую черту, но при всемъ томъ становишься въ тупикъ: какимъ это образомъ можно поучаться, напримѣръ, въ одно и то же время и «Русскимъ Вѣстникомъ»—и исторіей Бекля, выписывать и читать заурядъ «Эпоху»—и «Современникъ», восхищаться гг. Юркевичемъ и Краевскимъ—и антиподами ихъ Добролюбовымъ и авторомъ: «Что дѣлать?» Взвѣсивъ безпристрастнымъ окомъ на этотъ кагалъ, невольно думаешь, что Богъ привелъ жить не между людьми съ нормально-устроенными головами, а между какими-то омнибусами, въ которые можно пихать все, что угодно такимъ возницамъ, какъ гг. Катковъ и Краевскій.

И. Шелгуновъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ

П. А. ГАЙДЕБУРОВА

Въ С. Петербургѣ на Невск. просп., противъ Думы, № 36. Высылаетъ иногороднымъ всѣ русскія книги (кромя казенныхъ изданій) ПО ПЕТЕРБУРГСКИМЪ ЦѢНАМЪ, принимая пересылку НА СВОЙ СЧЕТЪ.

Поступили въ продажу:

ЧЕЛОВѢКЪ И ПРИРОДА на островахъ Великаго Океана, сочиненіе Гартвига. М. 1865. Ц. 3 р.

ДУША ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ В. Вундта. Переводъ Е. Кемница. Т. 1-й. Спб. 1865. Ц. 3 р. Съ подпиской на 2-й томъ 5 р.

ТРОПИЧЕСКІЙ МІРЪ въ очеркахъ животной и растительной жизни. Соч. Гартвига. Второе изданіе М. 1865. Ц. 2 р. 50 к.

ЖЕНЩИНА въ фізіологическомъ, паталогическомъ и нравственномъ отношеніяхъ. Соч. д-ра М. Герцгеи. М. 1865. Ц. 2 р.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕКЦІЯ Я. МОЛЕШОТТА. Читана въ Туринскомъ обществѣ ученыхъ и литературныхъ чтеній. Спб. 1865. Ц. 40 к.

ФАРМАКОЛОГІЯ ЗОБЕРНГЕЙНА, 3-е русское изданіе, значительно передѣланное и умноженное. Въ 2 частяхъ. Спб. 1865. Ц. 5 р.

ХОЛЕРА, клиническія лекціи проф. І. Дятля. Спб. 1865. Ц. 50 к.
ПОПУЛЯРНЫЙ КУРСЪ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ М. Мори. Съ двумя картами—вѣтровъ и морскихъ теченій. Спб. 1865. Ц. 80 к.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ ФИЗИКИ. А. ГАНО съ краткимъ обзоромъ метеорологическихъ явленій. В. 1-й. Спб. 1865. Ц. всему курсу (3 вып.) 3 р.

ВВЕДЕНІЕ КЪ ИЗУЧЕНІЮ ХИМІИ по системѣ Шарля Жерара.

Второе изданіе, исправленное, съ прибавленіями и біографіей автора. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ ВЪ ГЕРМАНИИ, по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ, д-ра В. Циммермана. В. 1-й. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

ИСТОРИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАГО РАЗВИТІЯ ЕВРОПЫ, Дж. Вилльма Дрэпера. Перев. подъ редакц. А. Н. Пыпина. Т. 1-й. вып. 1-й Спб. 1865. Ц. всему сочиненію (4 вып.) 4 р. До выхода всего сочиненія на пересылку прилагается 50 к.

ИСТОРИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ВОЙНЫ 1861—1865 г. Соч. Флетчера. Т. первый: первый годъ войны. Съ 10 планами. Спб. 1865. Ц. 2 р.

ИСТОРИЯ НИДЕРЛАНДСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ и основанія республики соединенныхъ провинцій. Д. Л. Мотлея. 2-я часть перваго тома. Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к. Того же Ч. 1-я. Ц. 1 р.

ЖЕНЩИНЫ-ПИСАТЕЛЬНИЦЫ XIX СТОЛѢТІЯ. К. Скальновскаго. Т. 1-й. Французскія писательницы. (Съ портретами). Спб. 1865. Ц. 1 р. 50 к.

О ВОСПИТАНІИ ЖЕНЩИНЫ согласно ея призванію. Рѣчь, читанная въ Берлигѣ Р. Вирховымъ Переводъ Н. Неклюдова. Спб. 1865. Ц. 20 к.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТЪ АНГЛИИ. Очерки земства, города и суда съ характеристикой соотвѣтствующихъ учреждений Франціи и современныхъ преобразованій въ Россіи. М. И. Заруднаго. Спб. 1865. Ц. 1 р. 25 к.

СПОРЫ БЕЗПОПОВЦЕВЪ преображенскаго владѣльца и покровской часовни о бракѣ. К. Надеждина. Спб. 1865. Ц. 60 к.

ОСНОВАНІЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ Г. Д. Маклеада Т. 1-й. Спб. 1865. Ц. за два тома 2 р. 50 к.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРІЯ МАКЛЕАДА, изслѣдованіе М. П. Весековскаго. Спб. 1865. Ц. 50 к.

ОСНОВАНІЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій въ общественной философіи. Дж. Ст. Милля. Т. 2-й. Спб. 1865. Ц. 2 р. 50 к. Того же Т. 1-й, 2 р. 50 к.

О РАЗВЕДЕНІИ, СОДЕРЖАНІИ И УПОТРЕБЛЕНІИ ДОМАШНИХЪ ЖИВОТНЫХЪ. В. Баумейстера. Перев. подъ ред. А. Бажанова. Спб. 1865. Ц. 3 р.

РУКОВОДСТВО КОММЕРЧЕСКИХЪ И ФИНАНСОВЫХЪ ВЫЧИСЛЕНІЙ, сост. П. Рейнбогъ, старшій преподаватель бухгалтеріи въ Петерб. Коммерческомъ училищѣ. Спб. 1865. Ц. 2 р. 50 к.

ОХОТНИЧІЙ КАЛЕНДАРЬ. Необходимая книжка для ружейныхъ

охотниковъ. Составилъ оренбургскій охотникъ А. Л. Спб. 1865. Ц. 50 к.

СВОДЪ СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ, высочайше утвержденныхъ. Полное изданіе въ трехъ частяхъ. М. 1865. Ц. 3 р.

ПѢСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, молодого опричника и удалого купца Калашникова. М. Лермонтова. Съ 12 рисунками и новымъ портретомъ Лермонтова. М. 1865. Ц. 50 к.

Романы Вальтеръ-Скотта въ новомъ переводѣ. І. Квентинъ Дорвардъ. М. 1865. Ц. 1 р.

ОТЕЧЕСТВОВѢДѢНІЕ. Россія, по разсказамъ путешественниковъ и ученыхъ изслѣдованіямъ. Сост. Д. Семеновъ. Т. 2-й. Южный край. Спб. 1865. Ц. 1 р. Того же Т. 1-й. Ц. 75 к.

ИЗБОРНИКЪ, заключающій въ себѣ народныя сказки, пѣсни, пословицы, басни и стихотворенія. Сост. В. Новаковский. Спб. 1865. Ц. 80 к.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ ПИСЬМУ И ЧТЕНІЮ составилъ І. Шерловскій. Второе изданіе, передѣланное и дополненное (съ картинками). Спб. 1865. Ц. 20 к.

ВСѢ РУССКІЯ КНИГИ (кромя казенныхъ изданій) высылаются магазиномъ П. А. Гайдебурова **НА СВОЙ СЧЕТЪ**.

Желающимъ приобрести брошюру П. Л. ЛАВРОВА: «Вліяніе развитія точныхъ наукъ на успѣхи военно дѣла и въ особенности артиллеріи,» отпечатанную въ весьма небольшомъ числѣ экземпляровъ, просятъ обращаться на квартиру автора:

Литейной части, по Фурштатской улицѣ, домъ Лаврова. Цѣна брошюры 50 коп.

Тамъ же принимается подписка на сочиненіе ТОГО ЖЕ АВТОРА: «Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ». Все сочиненіе предполагается въ 4-хъ выпускахъ. *Первый выпускъ* (древній міръ) выйдетъ въ скоромъ времени. *Подписная цѣна* выпуска 1 р. сер.— Желающіе могутъ получить половину перваго выпуска (Вступленіе. Греція; всего 210 стр.) *немедленно.*

Вышли изъ печати и поступили въ продажу у книгопродавца
издателя Вас. Егор. Генколя, въ С.-Петербургѣ у Пивческаго моста
домъ № 5 и 12, № 37. Слѣдующія сочиненія:

ПРОГРЕСЪ.

СОЧИНЕНІЕ ЭДМОНДА АБУ.

Переводъ съ французскаго. 2 тома. 584 стр. Ц. 1 р. 50 к. съ
пересылкою.

Содержаніе: Г-жѣ Жоржъ-Сандъ. — Великая задача. — Благо. —
Прогрессъ въ 19-мъ столѣтіи. — Трудъ. — Право. — Ассоціація. —
Непроизводительныя цѣнности. — Непроизводительныя силы обще-
ства. — Города и деревни. — Государство. — Собственность. — Бюд-
жетъ. — Прогрессъ въ искусствахъ, словесности и нравахъ. — Воспи-
таніе. — О наказаніяхъ. — Политика и война.

Сочиненіе это, затрагивающее самыя важныя вопросы, распродано
во Франціи втеченіе одного года въ огромномъ числѣ экземпля-
ровъ, вышло уже 3-мъ изданіемъ. Оно написано удобопонятно и
занимательно, и заслуживаетъ серьезное вниманіе всѣхъ мыслящихъ,
образованныхъ людей.

ПЕТЕРБУРГСКІЕ ТИПЫ.

ОЧЕРКИ ВСЕВ. КРЕСТОВСКАГО.

Спб. 1865 г. 196 стр. Ц. 50 к.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАРТОЧКИ

ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЖИЗНИ.

ОЧЕРКИ ВСЕВ. КРЕСТОВСКАГО.

Спб. 1865 г. 208 стр. Ц. 50 к.
